И. И. СМИРНОВ

ВОССТАНИЕ БОЛОТНИКОВА

1606 – 1607

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ

И. И. СМИРНОВ

ВОССТАНИЕ БОЛОТНИКОВА

1606 - 1607

1951

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ПРЕДИСЛОВИЕ

*

адача, которую я ставил перед собою, приступая к написанию этой книги, может быть определена следующим образом. Необходимо было собрать все, что сохранилось в источниках о восстании Болотникова, и на основе этого воссоздать картину восстания.

Сформулированная в такой общей форме задача исследования, однако, весьма слабо раскрывает специфику данной темы, состоящую в том, что количество источников о восстании Болотникова, дошедших до нас, относительно невелико — во-первых, и чрезвычайно сложно по своему составу — во-вторых.

Указанные черты темы обязывали к возможно полному учету источников и к максимальной интенсивности в их использовании. Таким образом, уже с самого начала было ясно, что в успехе или неудаче поставленной темы огромная роль должна была принадлежать технике исследования, иными словами: источниковедческой стороне проблемы. И действительно, ход работы над книгой показал, что проблема источника являлась первой, которую предстояло разрешить для любого вопроса или этапа в истории восстания.

Картина имела такой вид.

С одной стороны, источники развертывали перед вами многообразие свидетельств и версий, не только противоречивых, но и нередко взаимно исключающих друг друга. С другой стороны, по ряду кардинальнейших вопросов не было никакого материала.

К этому надо добавить, что предшествующая литература вопроса давала очень мало опорных точек, которые могли бы быть использованы для дальнейшего анализа. Достаточно сказать, что даже элементарная хронологическая сетка событий восстания

Библиотека "Руниверс"

оказалась весьма уязвимой для критики и потребовала ряда серьезных изменений и исправлений.

Давая общую характеристику источников по истории восстания Болотникова, следует указать, как на главную их особенность, — на их тенденциозность и недостоверность. Первая из указанных черт может быть названа принадлежностью по преимуществу тех источников, которые происходят из лагеря врагов восстания (хотя от тенденциозности далеко не свободны и другие источники). Что же касается недостоверности источников, то под этим углом зрения требовалось подвергнуть проверке прежде всего источники мемуарного характера, где основной вид известия, с которым приходится иметь дело исследователю, это *слух*, со всеми присущими ему чертами. (Но само собой разумеется, что и для источников документального характера критерий достоверности являлся обязательным и без критики показаний источников в этом плане было невозможно их использование.)

Здесь было бы неуместно перечислять всю совокупность употребленных в данной работе приемов и способов для проверки показаний источников. Однако следует подчеркнуть, что исходной предпосылкой для критики источников являлся общий взгляд на восстание Болотникова как на крестьянское восстание против феодального гнета. Именно определение общей природы восстания Болотникова и выяснение расстановки классовых сил в период восстания давали ключ к раскрытию тех мотивов и интересов, выражением которых и являлась тенденция, обнаруживаемая в свидетельствах источников о восстании и его деятелях. Необходимо также отметить и другое. Тенденция источников о восстании Болотникова сама являлась одним из важнейших источников для характеристики той стороны восстания, которая заключалась в идеологической борьбе в период восстания — борьбе, в которой обе стороны — и восставшие и правительство Василия Шуйского — участвовали со всей остротой и страстностью, присущей восстанию в целом.

Итак, источниковедческие моменты — одни из самых существенных в книге.

Не трудно убедиться в том, что на протяжении всего текста книги мне пришлось ставить и решать весьма большое количество вопросов источниковедческого порядка. Я не могу считать, что все предложенные мною решения в равной степени бесспорны. Однако я должен вместе с тем сказать, что я считал своей обязанностью исследователя отмечать меру и степень вероятности решения данного вопроса, как это обусловливалось состоянием и характером источников. Во всяком случае, моя ответственность как автора полностью распространяется и на область анализа источников и текстов.

Библиотека "Руниверс"

Я позволил себе начать характеристику книги с моментов источниковедческого порядка. Это объясняется тем, что первая из задач, которую я себе ставил, — воссоздание, возможно более полно, хода восстания Болотникова, — могла быть разрешена лишь на путях преодоления всех тех трудностей, которые вытекали из состояния источников.

Но при всей важности источниковедческих вопросов они, конечно, не более как предпосылка для решения вопросов собственно исторических. Воссоздание хода восстания не есть составление хроники восстания. За установлением хода и последовательности событий восстания должен был последовать анализ этих событий. И, конечно, именно здесь заключался принципиальный и логический центр исследования. При этом, как я уже сказал, взятый в общей форме вопрос о природе восстания Болотникова был достаточно ясен, и природа восстания Болотникова, как восстания крестьян против феодального гнета, была очевидна. Поэтому задача исследователя заключалась не столько в доказательстве того, что восстание Болотникова есть крестьянское восстание против феодального гнета, а прежде всего и главным образом в том, чтобы представить себе во всей конкретности, что̀ такое крестьянское восстание против феодального гнета: масштабы восстания, формы борьбы, программу, идеологию и т. д.

Но такая формулировка задач исследования не означала облегчения или упрощения этих задач. Напротив, она обязывала к максимально возможной полноте рассмотрения и анализа всех вопросов, характеризующих природу восстания. Очевидно также, что не менее пристальному вниманию подлежал и лагерь противников восстания, иными словами, весь круг вопросов, связанных с положением внутри господствующих классов, с деятельностью правительства Василия Шуйского и его политикой.

Не все вопросы истории восстания оказалось возможным осветить с достаточной степенью полноты. Наиболее богатый материал источники давали для характеристики масштабов восстания и форм и методов борьбы. Удалось более или менее полно определить территорию, охваченную восстанием, размеры и состав войска восставших, тактику, применявшуюся восставшими в борьбе с войсками Василия Шуйского, а также проследить весь ход этой борьбы начиная с июня 1606 г. и вплоть до падения Тулы в октябре 1607 г.

Гораздо сложнее обстояло дело с выяснением программы восстания. Здесь, однако, возможность сопоставления свидетельств русских и иностранных источников позволила определить если и не во всех деталях, то в общих и главных чертах социальную программу восстания, носящую ярко выраженный антикрепостнический характер. Решение вопроса о программе восстания было бы

Библиотека "Руниверс"

гораздо более убедительным, если бы можно было проследить, как эта программа осуществлялась практически в ходе самого восстания и на территориях, охваченных восстанием. Поэтому надлежало употребить все усилия для извлечения из источников тех сведений, которые бы позволили охарактеризовать именно эту сторону восстания. Надо сказать, что известные результаты розыски такого рода дали. Можно считать документально установленными такие акты восставших, как освобождение холопов и уничтожение документов, определявших их холопское состояние. Точно так же удалось составить себе некоторое представление о деревне района восстания — как деревне, свободной от помещиков и феодальных повинностей. Эти реальные факты позволили с гораздо большей степенью конкретности судить и о тех лозунгах, которые провозглашали в ходе восстания Болотникова его руководители.

Одним из центральных моментов истории восстания Болотникова являлся вопрос об идеологии восстания. Эта сторона истории восстания Болотникова неразрывно связана с проблемой «царистской» психологии у восставших крестьян, что находило свое выражение в лозунге «царя Димитрия», являвшемся одним из центральных лозунгов, под которыми проходило восстание. Естественно поэтому, что я обязан был уделить достаточно большое внимание рассмотрению вопроса об идеологических формах, в которых шла борьба. Не трудно видеть, что исходным положением при анализе идеологии восставших крестьян и холопов являлась сталинская формула о том, что восставшие крестьяне выступали против помещиков, но за «хорошего царя».

Последним — по счету, но не по важности — вопросом, подлежавшим исследованию, являлся вопрос о причинах поражения восстания. Этот вопрос, естественно, распадается на два: во-первых, его решение предполагало рассмотрение положения лагеря противников восстания и определение вместе с тем соотношения сил между восставшими и их антагонистами из лагеря господствующих классов. С другой стороны, вопрос о причинах поражения восстания — это вопрос о стихийном характере восстания, иными словами: вопрос об исторической обусловленности и ограниченности тех форм и методов борьбы, которые были присущи восставшим крестьянам и холопам. Очевидно, что при рассмотрении этого вопроса нельзя было не уделить особого внимания выяснению роли крепостнического государства как организации защиты интересов господствующих классов, как аппарата по удержанию в покорности угнетенных классов.

Таков, собственно говоря, круг вопросов, относящихся к истории самого восстания. Очевидно, однако, что восстание Болотникова могло быть изучено и понято лишь на фоне своей эпохи. Это

Библиотека "Руниверс"

определило необходимость изучения и характеристики исторических предпосылок восстания, равно как и рассмотрения предистории восстания, его предвестников.

Общие выводы предлагаемого исследования изложены в заключительной главе книги. Поэтому я не буду их повторять. Тем не менее я хотел бы здесь упомянуть о той моей оценке восстания Болотникова, где оно характеризуется как «наиболее крупная, как по масштабам, так и по значению, крестьянская война в России» (стр. 493).

Повторяя здесь эту оценку, я не имею в виду приводить какую-либо дополнительную аргументацию в защиту такой квалификации восстания Болотникова. Цель данного напоминания другая. Мне кажется, что интерес этой характеристики (если мне позволительно так сказать) в том, что она ставит вопрос о дальнейшем изучении проблемы крестьянских войн в России.

Как это ни странно, не только восстание Болотникова, но и более поздние крестьянские войны не были до сих пор подвергнуты монографическому исследованию. Сказанное относится не только к восстанию Разина, о котором, собственно говоря, мы не имеем вообще никаких исследований (если не считать почти столетней давности работ Костомарова и Попова), но и к Пугачевскому восстанию, история которого также не написана. Я должен поэтому заранее согласиться с тем, что не имею достаточно прочных и надежных данных для сравнительной характеристики восстания Болотникова и позднейших крестьянских восстаний. И моя формула основана лишь на самых общих представлениях о крестьянских войнах XVII—XVIII вв. Но именно работа над изучением восстания Болотникова особенно убеждает меня в том, насколько важно и своевременно создание всей истории крестьянских войн в России XVII—XVIII вв.

К советским историкам уже давно обращен призыв И. В. Сталина о том, что «историческая наука, если она хочет быть действительной наукой, не может больше сводить историю общественного развития к действиям королей и полководцев, к действиям «завоевателей» и «покорителей» государств, а должна, прежде всего, заняться историей производителей материальных благ, историей трудящихся масс, историей народов» [1].

Всем известны также слова И. В. Сталина: «Мы, большевики, всегда интересовались такими историческими личностями, как Болотников, Разин, Пугачев и др. Мы видели в выступлениях этих людей отражение стихийного возмущения угнетенных классов, стихийного восстания крестьянства против феодального гнета. Для

[1] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 116.

Библиотека "Руниверс"

нас всегда представляло интерес изучение истории первых попыток подобных восстаний крестьянства» [1].

Выступая как автор книги о восстании Болотникова и отдавая свое исследование на суд критики, я хотел бы закончить это предисловие выражением уверенности в том, что большая задача создания истории крупнейших крестьянских восстаний в России будет советскими историками успешно выполнена.

[1] *И. В. Сталин*, Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, М. 1938, стр. 8.

Библиотека "Руниверс"

ВВЕДЕНИЕ

Историография восстания Болотникова: Татищев, Щербатов, Карамзин, Соловьев, Костомаров, Ключевский, Платонов, Покровский, Рожков. Восстание Болотникова в советской историографии. Новые источники о восстании Болотникова.

*

Восстание Болотникова гораздо больше привлекало внимание современников[1], чем позднейших исследователей.

Обзор литературы о восстании Болотникова приходится начинать с установления факта отсутствия каких-либо специальных исследований, посвященных Болотникову. Лишь в общих работах о «Смуте» и «Смутном времени» можно найти разделы, относящиеся к восстанию Болотникова.

Первым историком восстания Болотникова является Татищев, который в своей «Истории царя Василия Шуйского» излагает и события, связанные с восстанием Болотникова[2].

---

[1] Из русских сочинений, современных восстанию Болотникова или близких к нему по времени написания, наиболее важны: «Новый Летописец», «Карамзинский (Столяров) Хронограф», «Иное Сказание», «Временник Ивана Тимофеева», а также Сказание о восстании Болотникова, найденное М. Н. Тихомировым (см. ниже, стр. 31—32).

Среди сочинений иностранцев — современников восстания Болотникова — особый интерес представляют «Записки» Исаака Массы, Конрада Буссова и Арсения Елассонского, а также дневники Вацлава Диаментовского и Станислава Немоевского.

[2] «История царя Василия Шуйского» Татищева сохранилась среди материалов Миллера [ЦГАДА, Портфели Миллера, № 150 (№ 4)]. О ней упоминают Милюков (*П. Милюков*, Главные течения русской исторической мысли, т. I, М. 1897, стр. 21) и А. М. Гневушев (в предисловии к его изданию «Акты времени правления В. Шуйского», М. 1914). Однако татищевская рукопись остается до сих пор не изданной и не использованной в литературе.

Библиотека "Руниверс"

Историографический интерес татищевской истории восстания Болотникова заключается в том, что Татищев, воспроизводя в своем изложении текст «Нового Летописца», дополняет летописный рассказ данными из иностранных сочинений о событиях начала XVII в., именно: из сочинений Маржерета и Петрея, а также каких-то не известных нам источников, откуда, повидимому, Татищев заимствовал ряд данных, отсутствующих в других источниках (в частности, подробности о строительстве плотины на реке Упе).

Самый анализ событий у Татищева ограничивается несколькими краткими замечаниями по адресу Василия Шуйского и характеристикой последствий восстания Болотникова для положения в Русском государстве [1].

Будучи первой по времени историей восстания Болотникова, «История царя Василия Шуйского» Татищева должна быть упомянута в историографическом обзоре литературы о Болотникове. Однако это произведение Татищева осталось в рукописи и не оказало влияния на последующую литературу. Гораздо существеннее в историографическом плане другой труд Татищева: его издание Судебника Ивана Грозного. Именно татищевское издание Судебника ввело в научный оборот законы о крестьянах и холопах конца XVI — начала XVII в.

Татищев же (в примечании к годуновскому закону от 21 ноября 1601 г. о частичном восстановлении Юрьева дня) впервые высказал мысль о том, что социальный кризис начала XVII в. явился последствием закрепощения крестьян и холопов законами Бориса Годунова: «Сей закон о вольности попреждему крестьян он учинил против своего рассуждения и перваго о неволе их узаконения (имеется в виду указ 1597 г. — *И. С.*), надеяся тем ласканием более духовным и вольможам угодить и себя на престоле утвердить, а роптание и многия тяжбы пресечь; но вскоре услыша большее о сем негодование и ропот, что духовные и вельможи, имеющие множество пустых земель, от малоземельных дворян крестьян к себе перезвали, принужден паки вскоре переменить, и не токмо крестьян, но и холопей невольными сделал: из чего великая беда приключилась, и большею частию через то престол с жизнию всея своея фамилии потерял, а государство великое разорение претерпело» [2].

---

[1] «Сии проклятые, хотя сами душею и телом надлежащую казнь приняли, однако тем воровством такую беду и разорение государству навели, что и по смерти их через 20 лет едва оное пламя утишить могли» [«История царя В. И. Шуйского, В. Н. Татищевым сочиненная», ЦГАДА, Портфели Миллера, № 150 (№ 4), л. 12].

[2] *Татищев*, Судебник, М. 1768, стр. 124, 125.

Библиотека "Руниверс"

В этом рассуждении Татищева заложена глубокая мысль о том, что корни кризиса начала XVII в. следует искать в борьбе крестьянства против крепостного права. И, настаивая на том, что «великая беда приключилась» оттого, что Годунов «не токмо крестьян, но и холопей невольными сделал», Татищев оказался гораздо ближе к пониманию действительной природы событий начала XVII в., чем многие историки XIX в.

Щербатов — второй из историков XVIII в., писавший о Болотникове, — почти не увеличил фонда источников, привлеченных им для изложения событий восстания Болотникова. Подобно Татищеву, и у Щербатова в основе изложения лежит рассказ «Нового Летописца» (у Щербатова — «Летописец о мятежах», т. е. «Летопись о многих мятежах»), дополненный отдельными известиями из записок Маржерета (Петрея Щербатов не использует) да материалами из статейного списка посольства князя Г. Волконского и А. Иванова в Польшу в 1606 г. (Дела Польские, № 26).

Но если в изображении конкретного хода событий восстания Болотникова Щербатов мало что прибавил к летописному повествованию, то существенной чертой Щербатова как историка восстания Болотникова является его стремление выяснить «коренные причины сего буйства». «Размышление о сем буйстве народном» у Щербатова представляет несомненный интерес в том отношении, что начало «неудовольствий» в обществе, приведших в конце концов к «народному буйству», Щербатов видит в крепостнических законах Ивана Грозного и Бориса Годунова. Последствия этих законов изображаются Щербатовым следующим образом: «Крестьяне при царе Иоанне Васильевиче были свободны и имели право по изволению своему переходить. Сей государь, приметя происходящий вред государству от сих переходов, старался сперва их ограничить, яко сие видно по установленному сроку в судебнике их переходов. Царь Борис Федорович, желая себя низким народом на престоле подкрепить, учинил по прежнему их свободными, но вскоре увидя неудобность сей свободы, паки ее отменил и даже у дворовых людей отнял свободу; самым сим огорчил крестьян, не чувствующих, что самое стеснение их свободы есть драгоценный для них дар, отнимающий у них способы из места в место переходить и нигде твердого не уставить себе жилища, а по сему и не основать своего благосостояния; но люди господские, не бывшие никогда подвержены рабству, весьма были огорчены; однако самым сим государство получило пользу, непременным пребыванием крестьян на их местах и вечною привязанностию людей к их господам. Но бояре были сим весьма огорчены, ибо сим установлением лишились они способа населять пространные свои поместья. Мы видели в царствование

Библиотека "Руниверс"

сего государя, что отчасти сие самое и падение его роду произвело» [1].

Итак, ограничение, а затем и отмена свободы у крестьян и отнятие свободы у «дворовых людей» (т. е. у холопов) привели к недовольству среди крестьян и холопов, а также и к недовольству среди бояр, лишившихся возможности заселять свои земли крестьянами, переходившими к ним из других мест.

В этих «внедрившихся неудовольствиях» в обществе, еще более усилившихся в результате «великого голоду», Щербатов видит одну из причин падения Бориса Годунова и всех дальнейших событий.

Но если истоки недовольства в обществе Щербатов ищет в переменах в положении крестьян и холопов [2], то самая общественная борьба — «народное буйство» — объясняется Щербатовым ...«беспримерной верностью народа к роду старобытных своих государей» [3]. Таким неожиданным и парадоксальным способом Щербатов пытается решить сформулированный им же вопрос: почему «российский народ, который мы зрим толь повиновенный своим монархам, и не любящий вдаваться в военные опасности, толь готов был тогда ко всяким возмущениям» [4].

По Щербатову получается, что, восставая сначала против Бориса Годунова, а затем против Василия Шуйского, «российский народ» демонстрировал свою верность «колену прежде царствовавших государей» [5], за представителей рода которых он принимал самозванцев. Такое разрешение вопроса о причинах «народного буйства» Щербатов обосновывает указанием на то, что в глазах народа усиление гнета и прочие беды связывались с пресечением старой династии и переходом власти в руки боярских царей: «По смерти царя Феодора Иоанновича стенал народ, видя себя под властию у царя Бориса, не роду царского, но боярского; воздыхал о убиении царевича Димитрия, коим корень древнего царского роду пресекся. Явился Лжедимитрий: не входя в подробное исследование о нем, привыкши сами себя в том, чего желают, обманывать, пристали к сему самозванцу. В Москве, а не во всех городах, признан он бысть Григорьем Отрепьевым; собравшимися боярами и народом был убиен и возведен на престол Российской царь Василий Ивановичь от роду князей Шуйских: тогда же

---

[1] *М. М. Щербатов*, История Российская, т. VII, ч. II, СПб. 1791, стр. 147.

[2] Несомненно, под влиянием Татищева. О влиянии идеи Татищева на других историков XVIII в. (Болтина, Новикова) см. *Е. Н. Кушева*, К истории холопства в конце XVI — начале XVII в., «Исторические записки», т. 15.

[3] *М. М. Щербатов*, цит. соч., стр. 182.

[4] Там же, стр. 148.

[5] Там же, стр. 181.

Библиотека "Руниверс"

некиими распущен был слух, якобы Димитрий спасся. Не все могли уверены быть, что убиенный был подлинно самозванец; и тако самое убиение его навлекало в отдаленных градах ненависть от царя Василья, яко на явного убийцу последней отрасли царского корня и похитителя его престола. Разнесшийся слух о спасении Лжедимитрия ненависть их подкреплял, и чинил в них готовность пристать к тому, кто под именем его явится. Долго не являлся такого имени самозванец, но явился другой, под именем сына царя Феодора Ивановича; народ к нему пристал, в уповании, а вослибо не подлинной ли он сын последнего их древнего корене государя: и тако самому сему буйству беспримерная верность народа к роду старобытных своих государей причиною была: но верность, соединенная с легковерием, нерассмотрением, суровостию и всякою буйностию, которая едва всю Россию под власть чуждой державы не подвергла, а крайние разорения ей приключила» [1].

Вряд ли надо говорить о том, что решение проблемы «самозванства», предложенное Щербатовым, является столь же тенденциозным, сколь и неудовлетворительным. Самозванство питалось не «верностью народа к роду старобытных своих государей», а наивной верой народных масс в «хорошего царя», способного, в представлении народных масс, защищать народ от угнетавших его бояр, в том числе и от царей-бояр — Бориса Годунова и Василия Шуйского. Но вместе с тем следует отдать должное Щербатову: он первый поставил проблему «царистской» психологии народных масс, без разрешения которой нельзя разобраться в характере народных движений в России в XVII—XVIII вв. Правда, Щербатов оказался не в состоянии разрешить эту проблему. Но она оказалась не по плечу и писавшему через сто лет после Щербатова Ключевскому [2].

И лишь сталинская формула о том, что в крестьянских восстаниях XVII—XVIII вв. крестьяне «выступали против помещиков, но за «хорошего царя»», дала ключ к пониманию природы той черты восстания Болотникова, которую Щербатов истолковал как «верность народа к роду старобытных своих государей» [3].

---

[1] *М. М. Щербатов*, цит. соч., стр. 181, 182.

[2] Тезис В. О. Ключевского о том, что одной из «коренных причин смуты» являлся «народный взгляд на отношение старой династии к Московскому государству», заключавшийся, по Ключевскому, в том, что «государственный порядок признавался возможным только при государе именно из этой династии» (*В. О. Ключевский*, Курс русской истории, ч. III, М. 1908, стр. 72 и 84), по сути дела является повторением идеи Щербатова о «верности народа» роду «старобытных своих государей».

[3] Н. Л. Рубинштейн следующим образом излагает взгляды Щербатова на причины «смуты»: «Он (Щербатов. — *И. С.*) как будто близко подходит к определению социальной причины, останавливаясь на вопросе крестьянского закрепощения. Но при этом в закрепощении крестьян он видит при-

Библиотека "Руниверс"

Первым историком XIX в., писавшим о Болотникове, является Карамзин.

В ряду историков восстания Болотникова Карамзин занимает совершенно особое и своеобразное место. Значение Карамзина в истории изучения восстания Болотникова определяется тем, что им были выявлены и опубликованы (в «Примечаниях» к «Истории государства Российского») основные и важнейшие источники о восстании Болотникова. Для характеристики того, что сделал Карамзин в смысле расширения круга источников о восстании Болотникова, достаточно сказать, что, в то время как непосредственный предшественник Карамзина, Щербатов, по сути дела использует для изложения событий восстания Болотникова лишь одну «Летопись о многих мятежах» (с некоторыми дополнениями из Маржерета и статейного списка посольства князя Волконского), число источников, использованных Карамзиным для истории восстания Болотникова, приближается к трем десяткам. Карамзин не только ввел в оборот новые источники литературного характера [в том числе и такой, как «Столяров (Карамзинский) Хронограф»]. Он также привлек и актовый материал (в том числе знаменитые грамоты патриарха Гермогена с изложением содержания «листов» Болотникова) и разряды.

Но если фонд источников о Болотникове, которыми располагал Карамзин, не идет ни в какое сравнение с количеством источни-

---

чину не крестьянских волнений: представитель крупного крепостнического дворянства, Щербатов считает, что закрепощение было не только в интересах помещиков, но и в интересах крестьян, что крестьянам стало лучше, когда они были прикреплены к земле и получили хорошего, заботливого хозяина-вотчинника. Согласно Щербатову, это прикрепление вызвало недовольство не у крестьян, а у мелкого служилого люда; мелкий служилый человек, с которым ведет борьбу Щербатов в своей публицистике и в котором он видит непосредственного конкурента родовой знати, оказывается, по Щербатову, главным и фактическим виновником смуты начала XVII в. По Щербатову, мелкий служилый человек вел борьбу и создавал смуту потому, что он лишился возможности легко и дешево приобретать рабочую силу путем сноза и утаивания беглых» (*Н. Л. Рубинштейн*, Русская историография, М. 1941, стр. 135).

С такой интерпретацией взглядов Щербатова никак нельзя согласиться. Щербатов связывает рост недовольства крестьян и холопов именно с потерей ими «свободы» в результате законодательства Бориса Годунова. Крепостническая же идеология Щербатова сказалась не в том, что «в закрепощении крестьян он видит причину не крестьянских волнений» (как это получается у Н. Л. Рубинштейна), а в том, что в глазах Щербатова недовольство крестьян и холопов годуновскими законами есть своего рода криминал со стороны крестьян, «не чувствующих, что самое стеснение их свободы есть драгоценный для них дар».

Столь же необоснованно и утверждение Н. Л. Рубинштейна, что, по Щербатову, главным виновником «смуты» являлся «мелкий служилый человек», потерявший с годуновскими законами возможность «приобретать крестьянскую рабочую силу». В действительности Щербатов подчеркивает, что законами Годунова «огорчены» были «бояре», «ибо сим установлением лишились они способа населять пространные свои поместья».

Библиотека "Руниверс"

ков, использованных историками XVIII в., то совершенно иная картина получается при сравнении Карамзина с историками второй половины XIX в. — Соловьевым, Костомаровым, Платоновым. Как это ни неожиданно на первый взгляд, но историки второй половины XIX в. оперируют в основном с тем же фондом источников о Болотникове, что и Карамзин. Если не считать актового материала (использованного Платоновым), то существенно новым в плане источниковедческом в работах историков второй половины XIX в. является использование лишь двух важнейших источников, не известных Карамзину: «Иного Сказания» [1] и «Записок» Исаака Массы.

Таким образом, как археограф Карамзин сделал очень много для изучения истории восстания Болотникова. Но обогащением количества источников о Болотникове и исчерпывается то новое, что внес Карамзин в историографию восстания Болотникова. В изучении самого существа восстания, в трактовке его Карамзин не только не поднялся над уровнем историков XVIII в., но даже сделал несомненный шаг назад по сравнению со Щербатовым.

Если Щербатов видит свою задачу в том, чтобы найти «коренные причины» «буйства народного» — и этим если не решает, то хотя бы ставит вопрос об анализе восстания Болотникова как закономерного явления, — то для Карамзина такая постановка вопроса заранее исключается. Для него восстание Болотникова — это лишь «бунт Шаховского» [2], «дело равно ужасное и нелепое» [3], результат «легковерия или бесстыдства», «ослепления» или «разврата» в обществе — «от черни до вельможного сана» [4] — и только. Поэтому и Болотников, в глазах Карамзина,— лишь орудие в руках князя Шаховского. В изложении Карамзина Болотников — это не вождь восставших крестьян и холопов, а человек, который «сделался главным орудием мятежа» вследствие того, что, «имея ум сметливый, некоторые знания воинские и дерзость», он сумел воспламенить «других» «любопытными рассказами о Самозванце» [5].

Следующий этап в истории изучения восстания Болотникова связан с именами Соловьева и Костомарова.

При всем значении Соловьева в развитии русской исторической науки — в плане общих теорий русского исторического

[1] Впрочем, Карамзин отчасти использовал и данные «Иного Сказания» — в той мере, в какой «Иное Сказание» отражено в тексте Латухинской Степенной книги, обильно цитируемой в «Примечаниях» к «Истории государства Российского».

[2] *Н. М. Карамзин*, История государства Российского, т. XII, СПб. 1843, стр. 15 (в дальнейших ссылках: *Карамзин*).

[3] Там же, стр. 17.

[4] Там же, стр. 15.

[5] Там же, стр. 19.

Библиотека "Руниверс"

процесса, — в вопросе о массовых народных движениях Соловьев занимает глубоко реакционную позицию. В обзоре литературы о восстании Болотникова нет необходимости подвергать подробному анализу общую концепцию «Смутного времени» у Соловьева, которое рассматривается им как «борьба между общественным и противообщественным элементом, борьба земских людей-собственников, которым было выгодно поддерживать спокойствие, наряд государственный для своих мирных занятий, — с так называемыми казаками, людьми безземельными, бродячими, людьми, которые разрознили свои интересы с интересами общества, которые хотели жить на счет общества, жить чужими трудами» [1].

Достаточно отметить, что верный своей схеме Соловьев и в восстании Болотникова видит борьбу «казаков» «за возможность жить на счет государства» [2]. Такой взгляд на восстание Болотникова уже сам по себе исключает возможность для Соловьева признания крестьянского характера этого восстания. Но Соловьев и специально останавливается на проблеме крестьянского восстания в годы «Смутного времени» с тем, чтобы высказать свое категорическое несогласие с «мнением» тех историков, которые «полагают причиною смуты запрещение крестьянского выхода, сделанное Годуновым» [3]. В противовес этому мнению (Соловьев, несомненно, имеет здесь в виду Татищева и Щербатова, хотя и употребляет безличную форму: «Некоторые полагают») Соловьев выдвигает свой тезис о том, что, хотя «действительно в некоторых местах на юге крестьяне восстают против помещиков, но это явление местное, общее же явление таково, что те крестьяне, которые были недовольны своим положением, по характеру своему были склонны к казачеству, переставали быть крестьянами, шли в казаки и начинали бить и грабить прежде всего свою же братию — крестьян, которые, в свою очередь, толпами вооружаются против казаков в защиту своих семейств, собственности и мирного труда» [4]. Итак, восстание Болотникова оказывается в конечном счете направленным против... крестьян — объекта грабежа со стороны «казаков»!

Такой взгляд на восстание Болотникова не является случайным для Соловьева. Он обусловлен общим характером его схемы. Схема Соловьева, подчеркивая прогрессивность «государственного начала» (что соответствует объективной исторической роли централизованного государства на определенном этапе развития), вместе с тем абсолютизирует «государство» (на деле крепостническое государство!), как высшее благо, и тем самым отрицает

[1] *С. М. Соловьев*, История России, кн. II, изд. «Общественная польза», стб. 731 (в дальнейших ссылках: *Соловьев*).
[2] Там же, стб. 816.
[3] Там же, стб. 731.
[4] Там же.

Библиотека "Руниверс"

возможность дальнейшего исторического развития, делающего правомерным уничтожение этого «государства» (крепостнического государства!). Соловьеву было глубоко чуждо понимание того, что движения народных масс (т. е. прежде всего крестьянства) против крепостнического государства несли в себе основы более высокого прогресса, чем то «государство», которое господствовало в эпоху этих движений. Это и привело Соловьева к созданию глубоко реакционной концепции, в которой Болотников из вождя крестьян, восставших против феодального гнета, оказался превращенным в вождя казаков, грабящих крестьян!

Костомаров, исходя из иных предпосылок и по другим мотивам, развивает взгляд на восстание Болотникова, по сути дела весьма близкий к взглядам Соловьева. Основное, что сближает позиции Костомарова и Соловьева в вопросе о восстании Болотникова, это тезис о «казацком» характере восстания Болотникова и отрицание ими обоими какого-либо прогрессивного исторического значения восстания Болотникова.

И для Костомарова восстание Болотникова — это движение казаков. Правда, говоря о «казацкой широте» восстания Болотникова, Костомаров подчеркивает в этом движении стремление к «взлому общественного строя» [1], говорит о «кровавом знамени переворота Русской земли вверх дном» [2]. Но в этом «перевороте» и «взломе общественного строя» Костомаров не признает ничего прогрессивного. Подводя итоги своего исследования «Смутного времени», Костомаров резко отрицательно оценивает историческое значение борьбы «казачества» — от Болотникова до Разина: «Казачество не развило в себе никакого идеала гражданского общества, ограничиваясь чересчур общим, первоначальным и неясным чутьем равности и свободы; казачество Стеньки Разина, хотевшего, чтоб на Руси не было ни бояр, ни воевод, ни приказных людей, ни делопроизводства, и чтоб всяк всякому был равен, не подвинулось в своих понятиях далеко от времен Болотникова. Шумны и кровавы были его вспышки, тряски удары, которые оно наносило иногда государству; но в заключение оно всегда, по причинам собственного нравственного бессилия, отдавалось на произвол государственной власти. До известной степени важное в значении оплота окраин, *казачество при всяком своем самодеятельном движении к государству оказывалось неразумно и потому мешало успеху развития русской общественной жизни;* а в той степени, в какой развило его смутное время, и казачество прошло бесследно для будущего» [3].

[1] *Н. И. Костомаров,* Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. Исторические монографии и исследования, кн. II, 1904, стр. 525 (в дальнейших ссылках: *Костомаров*).

[2] Там же, стр. 280.

[3] Там же, стр. 637, 638. Курсив мой. — *И. С.*

Библиотека "Руниверс"

Итак, казачество характеризуется отсутствием «идеала гражданского общества», «нравственным бессилием», его борьба против «государства» «неразумна» и поэтому мешает развитию общества. Такова оценка Костомаровым восстания Болотникова. Отсюда следует, что Костомаров не понял ни крестьянской природы восстания Болотникова, ни его антикрепостнической сущности.

Позиция, занятая Соловьевым и Костомаровым в вопросе о восстании Болотникова, сказалась не только на оценке ими природы восстания Болотникова. Она определила собой и то место, которое занимает восстание Болотникова в самом историческом построении этих историков. И для Соловьева и для Костомарова восстание Болотникова — лишь эпизод в истории «Смутного времени». Из 359 столбцов VIII тома «Истории России» Соловьева (в издании «Общественной пользы»), содержащего историю «Смутного времени», восстанию Болотникова посвящено всего лишь 10 столбцов. Костомаров отводит Болотникову 39 страниц во втором томе своего «Смутного времени», общий объем которого составляет (в издании 1904 г.) 672 страницы [1]. Такой объем уже сам по себе исключает возможность сколько-нибудь детального изложения событий и анализа истории восстания Болотникова. И действительно, и Костомаров и особенно Соловьев ограничиваются лишь самой общей и суммарной характеристикой восстания Болотникова, давая лишь элементарную схему хода событий и далеко не исчерпывая даже того фонда источников, который имелся в их распоряжении.

Совершенно иная оценка должна быть дана взглядам на восстание Болотникова Ключевского. Основное, что характеризует взгляды Ключевского на восстание Болотникова, это то, что восстание Болотникова рассматривается им как движение определенных классов русского общества, как акт классовой борьбы.

Такой взгляд на восстание Болотникова вытекает из общих воззрений Ключевского на эпоху «Смуты». Для Ключевского «Смута» — это явление, в основе которого лежат действия «всех классов русского общества» [2]. В эту общую схему «Смуты» Ключевский вводит и восстание Болотникова, которое, по Ключевскому, представляет собой тот момент в развитии «Смуты», когда в нее «вмешиваются люди «жилецкие», простонародье тяглое и нетяглое», превращающие своим вмешательством «Смуту» из

[1] Для сравнения укажем, что у Карамзина из общего количества 315 столбцов текста в XI и XII томах «Истории государства Российского» (в издании 1843 г.) изложение событий восстания Болотникова занимает 26 столбцов, к которым надо добавить еще 24 столбца примечаний (из общего количества 148 столбцов).

[2] *В. О. Ключевский*, Курс русской истории, ч. III, М. 1908, стр. 32 (в дальнейших ссылках: *Ключевский*, Курс).

Библиотека "Руниверс"

«политической борьбы» «в социальную борьбу, в истребление высших классов низшими» [1].

Взгляд на восстание Болотникова как на борьбу «низших классов» Русского государства — холопов, крестьян и посадских людей — против «высших классов» представляет собой огромный прогресс по сравнению с концепциями Соловьева и Костомарова. Здесь впервые вопрос о восстании Болотникова ставится на твердую почву классовых интересов и классовой борьбы.

Правда, выступая в вопросе о «Смуте» и восстании Болотникова с позиций теории классов и классовой борьбы, Ключевский и в понимании классов и в трактовке классовой борьбы стоит еще на уровне домарксовой социологии. Ему чуждо представление о классовой структуре общества как закономерном выражении господства данного экономического уклада, данного типа производственных отношений. Для него «социальная рознь» есть лишь порождение «неравномерного распределения государственных повинностей» [2]. Столь же чуждо Ключевскому и понимание классовой борьбы как формы, в которой находит свое выражение процесс прогрессивного развития общества. В его представлении угнетенные классы в восстании Болотникова борются не за новый общественный порядок, а поднимаются «против всякого государственного порядка во имя личных льгот, т. е. во имя анархии» [3]. Наконец, и в вопросе о государстве Ключевский исходит из традиционной для буржуазной науки «идеи государственного блага» [4].

Но для характеристики взглядов Ключевского на восстание Болотникова существенно не то, что Ключевский и в этом вопросе остается на позициях буржуазной науки, а то, что в рамках буржуазной науки он все же сумел подняться до понимания классового характера восстания Болотникова, порвав с метафизическими схемами своих предшественников [5].

Последним крупным представителем буржуазной исторической науки в историографии восстания Болотникова является Платонов. Как историк восстания Болотникова Платонов выступает в качестве непосредственного продолжателя Ключевского. Взаимные отношения Ключевского и Платонова можно определить формулой: Платонов реализовал в своих «Очерках по истории Смуты» ту схему «Смуты», которую выдвинул Ключевский.

Платонов полностью воспринимает тезис Ключевского о социальном характере восстания Болотникова как восстания

[1] *Ключевский*, Курс, ч. III, стр. 56, 57.
[2] Там же, стр. 72.
[3] Там же, стр. 60.
[4] Там же, стр. 63.
[5] Мы пользовались для характеристики взглядов Ключевского на восстание Болотникова его «Курсом русской истории». Но основы своей концепции «Смуты» Ключевский изложил еще в «Боярской думе».

Библиотека "Руниверс"

«низших классов» против «высших», сосредоточивая в своей характеристике восстания Болотникова внимание именно на раскрытии социальной природы восстания [1]. При этом, исходя в своем анализе из тезисов Ключевского, Платонов вместе с тем развивает и углубляет отдельные моменты его схемы. Сказанное относится прежде всего к вопросу о предпосылках восстания Болотникова. Если Ключевский ищет корней «социального разлада» «Смутного времени» *«в тягловом характере московского* государственного порядка» [2], то Платонов переносит разрешение вопроса о предпосылках восстания Болотникова в плоскость взаимоотношений между землевладельцами и крестьянами, подчеркивая, что «в междоусобии 1606—1607 гг. впервые получила открытый характер давнишняя *вражда за землю и личную свободу между классом служилых землевладельцев,* которому правительство систематически передавало землю и крепило трудовое население, *и с другой стороны — работными людьми,* которые не умели отстаивать другими средствами, кроме побега и насилия, своей закабаленной личности и «обояренной пашни»» [3].

К числу заслуг Платонова как историка восстания Болотникова следует отнести и его анализ программы Болотникова. Используя в качестве источника для ознакомления с программой восстания Болотникова грамоты патриарха Гермогена, Платонов видит существо программы восстания Болотникова в том, что «Болотников... первый поставил целью народного движения не только политический, но и общественный переворот»; что участники восстания Болотникова желали «не только смены царя, но и коренного общественного переворота, именно истребления руководящих политическою и экономическою жизнью государства общественных слоев» [4].

Сопоставляя характеристику программы восстания Болотникова, даваемую Платоновым, с заявлением Ключевского о том, что «низшие классы» «добивались в смуте не какого-либо нового государственного порядка, а просто только выхода из своего тяжелого положения, искали личных льгот, а не сословных обеспечений» [5], — необходимо признать, что и в вопросе о программе

---

[1] Всю конкретную сторону хода восстания Платонов вслед за Ключевским почти оставляет в стороне, ограничиваясь лишь характеристикой основных этапов восстания.

[2] *Ключевский,* Курс, ч. III, стр. 66. Курсив автора.

[3] *С. Ф. Платонов,* Очерки по истории Смуты, изд. 1, 1899, стр. 338, 339. Курсив мой. — *И. С.* (В дальнейших ссылках: *Платонов,* Очерки.)

[4] *Платонов,* Очерки, стр. 322, 333. В «Положениях» из своей книги, представленных при защите ее в качестве докторской диссертации, Платонов говорит еще более определенно, что движение Болотникова было первой попыткой «произвести общественный переворот в смысле *низвержения крепостного порядка*». Курсив мой. — *И. С.*

[5] *Ключевский,* Курс, ч. III, стр. 58.

Библиотека "Руниверс"

Платонов более глубоко и последовательно проводит мысль о социальном характере восстания Болотникова.

Наконец, анализ с позиций «классовой» схемы Ключевского основных этапов восстания Болотникова позволил Платонову показать классовый характер борьбы между Болотниковым и Василием Шуйским и — что особенно существенно — связать борьбу внутри лагеря восставших с позициями и интересами определенных классовых групп и группировок.

Необходимо признать большую ценность исследования Платонова. Но вместе с тем следует подчеркнуть, что и Платонов не разрешает проблемы восстания Болотникова. Выступая с позиций прогрессивной теории Ключевского о классовой природе «Смуты» и восстания Болотникова, Платонов, однако, далек от признания закономерного характера и определяющего значения классовой борьбы в ходе исторического развития. Поэтому, хотя Платонов и ищет корней восстания Болотникова в отношениях между землевладельцами и крестьянами, у него отсутствует момент необходимости и неизбежности такой формы разрешения классовых противоречий между крестьянством и феодалами, какой явилось восстание Болотникова.

Именами Татищева, Щербатова, Карамзина, Соловьева, Костомарова, Ключевского и Платонова исчерпывается список тех представителей дворянско-буржуазной исторической науки, которые с бо́льшим или меньшим правом могут быть названы историками восстания Болотникова.

Вряд ли можно признать особенно плодотворными итоги изучения восстания Болотникова в дворянско-буржуазной историографии. Для большинства писавших о Болотникове остались непонятными ни природа восстания, ни его историческое значение. Лишь Ключевский и вслед за ним Платонов приблизились к раскрытию крестьянской природы и антикрепостнической сущности восстания Болотникова. Но и для них восстание Болотникова продолжает оставаться одним из моментов «Смуты», и только.

В общих воззрениях дворянско-буржуазных историков на восстание Болотникова следует искать и ответа на вопрос о причинах неразработанности конкретной истории восстания Болотникова. История крестьянского восстания против феодального гнета не могла рассчитывать на усиленное внимание к себе со стороны представителей дворянско-буржуазной исторической науки. Этим можно объяснить и то, что, как сказано, специальные исследования о восстании Болотникова отсутствуют вовсе, и то, что с выходом в свет в 1899 г. «Очерков по истории Смуты» Платонова, по существу, прекращается изучение восстания Болотникова дворянско-буржуазными историками.

В историографии восстания Болотникова необходимо особо выделить работы М. Н. Покровского и Н. А. Рожкова.

Библиотека "Руниверс"

И Покровский и Рожков субъективно противопоставляли себя буржуазным историкам, считали себя марксистами. Однако ни одному из них не удалось преодолеть влияние буржуазной исторической науки и создать действительно марксистскую концепцию истории Русского государства.

Трактовка Покровским восстания Болотникова во втором томе его «Русской истории с древнейших времен» (как и вся эта его работа в целом) должна была, по замыслу автора, означать новое, марксистское освещение вопроса, в противовес старым концепциям дворянско-буржуазных историков. В действительности, однако, Покровский, писавший «Русскую историю с древнейших времен» в период своей наибольшей близости к идеалистической философии Маха — Богданова, не мог дать и не дал марксистского изложения истории России. Исходя из принципиального отрицания возможности объективной исторической науки, Покровский подчинил трактовку событий и явлений русской истории своим политическим симпатиям и настроениям, что придало его изложению глубоко субъективный характер.

Отмеченные черты «Русской истории с древнейших времен» Покровского с исключительной яркостью выступают и в трактовке Покровским восстания Болотникова. Вся характеристика социальной природы восстания Болотникова у Покровского служит одной цели: опровергнуть тезис Платонова, что Болотников ставил «целью народного движения не только политический, но и общественный переворот». Достигает это Покровский приемом столь же наглядным, сколь и демонстративным: ссылкой на грамоты патриарха Гермогена с изложением содержания «листов» Болотникова. Но если для Платонова эти грамоты служат основным источником для характеристики антикрепостнической сущности восстания Болотникова, то по Покровскому получается, что из текста грамот Гермогена, напротив, «видно, как неосторожно было бы утверждать», что целью восстания Болотникова являлся общественный переворот: «Какой же был бы «общественный переворот» в том, что вотчины и поместья сторонников Шуйского перешли бы в руки их холопов, приставших к движению? Переменились бы владельцы вотчин, — а внутренний бы строй этих последних остался бы, конечно, неприкосновенным. Эта неприкосновенность старого строя особенно ясна из другого посула «воров»: давать холопам боярство, и воеводство, и окольничество. Вся московская иерархия предполагалась, значит, на своем месте...» [1]

Характеристику восстания Болотникова Покровский завершает своеобразным разоблачением вождя восстания — самого

---

[1] *М. Н. Покровский*, Русская история с древнейших времен, т. II, изд. 5, 1923, стр. 50.

Библиотека "Руниверс"

Болотникова: «Социальную сторону движения представляет собою бывший холоп Иван Исаевич Болотников, по имени которого и все восстание часто называют «Болотниковским бунтом». Но как мало была еще диференцирована эта сторона, видно из того, что и его бывший барин, князь Телятевский, был одним из предводителей той же самой «воровской» армии. Социальное движение только начиналось — разгар его был впереди» [1]. Итак, нет не только антикрепостнической программы восстания Болотникова, но, собственно говоря, нет и самого восстания Болотникова, ибо если одним из предводителей «воровской» армии являлся «бывший холоп» Болотников, то таким же предводителем той же самой армии восставших был «бывший барин» Болотникова князь Телятевский!

Нет необходимости критически разбирать или опровергать трактовку восстания Болотникова, данную Покровским. Столь оригинальная концепция восстания Болотникова не есть результат объективного анализа данных исторических источников. Для Покровского развитый им взгляд на восстание Болотникова явился лишь средством определить свое отношение к крестьянству и его борьбе в XX в., в современную ему, Покровскому, эпоху. Об этом мы имеем свидетельство самого Покровского. В своей речи, посвященной памяти Н. А. Рожкова, Покровский, упомянув о критике Рожковым взглядов его, Покровского, на восстание Болотникова и признав правильность этой критики, сделал следующее заявление — характеристику «Русской истории с древнейших времен»: «Там вообще имелось некоторое принижение массового движения. На книге отразилось жестокое разочарование в крестьянской революции 1905—1906 гг., которая, казалось нам, окончательно собьет самодержавие, но которая ничего не сбила, не только окончательно, но даже приблизительно. И под влиянием этого разочарования я действительно склонен был в своем анализе социальных факторов «Смутного времени» отводить очень мало места крестьянству. В силу этого я даже Болотникова изобразил не как вождя восставшего крестьянства, а как служилого человека, в связи с этим я подчеркивал, что Болотников был холопом кн. Телятевского» [2].

Вряд ли что можно добавить к этой уничтожающей характеристике! Следует лишь констатировать, что с тех позиций, с которых писалась «Русская история с древнейших времен» Покровского, конечно, невозможно было дать марксистскую историю восстания Болотникова [3].

---

[1] *М. Н. Покровский*, Русская история с древнейших времен, т. II, стр. 51.

[2] *М. Н. Покровский*, Историческая наука и борьба классов, вып. II, 1933, стр. 228 (статья: «Н. А. Рожков»).

[3] В послереволюционное время Покровский отказался от своей старой трактовки восстания Болотникова, и в его «Русской истории в самом сжа-

Библиотека "Руниверс"

Что касается Рожкова, то, правильно критикуя Покровского в вопросе о понимании последним природы восстания Болотникова, сам он, однако, оказывается столь же далек от марксистского понимания восстания Болотникова, как и Покровский.

В отличие от Покровского, порочность воззрений Рожкова на восстание Болотникова заключается не в отрицании им крестьянского характера восстания Болотникова [1], а в том, что само это восстание оказывается у Рожкова... одним из моментов «дворянской революции в России». Такой взгляд Рожкова на восстание Болотникова вытекает из его общих воззрений на эпоху «Смутного времени». Рассматривая «Смутное время» как «второй момент дворянской революции в России», Рожков видит содержание «Смутного времени» (или, как он его называет, «русской революции XVII в.») в борьбе за власть между дворянством и боярством — борьбе, в которой победителем, в конечном счете, оказывается дворянство. Крестьянству же и вообще «социальным низам» в рожковской схеме «дворянской революции» отводится роль союзников дворянства в его борьбе за утверждение самодержавия. Возможность такого «союза» между дворянством и крестьянством Рожков видит в том, что не только дворянство «видело в самодержавии истинную и верную свою опору», но «даже и крестьянская безземельная масса тяготела к самодержавию», с той оговоркой, что «она не желала лишь крепостного права, узел которого уже начинал затягиваться на ее шее» [2]. Последнее обстоятельство приводило на определенных этапах борьбы к разрывам между дворянством и его союзниками из среды «социальных низов» и сделкам дворянства с боярством за счет «социальных низов» [3], равно как на других этапах оно способствовало образованию блока между боярством и «социальными низами» против дворянства [4].

В эту схему событий «Смутного времени» Рожков вводит и восстание Болотникова, рассматривая участников восстания Болот-

том очерке» восстание Болотникова помещено в разделе, озаглавленном «Крестьянская революция». Но антимарксистский субъективизм Покровского с неменьшей силой проявился и в этой работе, где вождями «крестьянской революции» оказываются вместе с Болотниковым авантюристы и ставленники польских панов — Лжедмитрии I и II.

[1] Напротив, Рожков определяет восстание Болотникова как «восстание крестьян, холопов, казаков, вольных гуляющих людей», подчеркивая вместе с тем, что «наличность социальных тенденций в духе защиты интересов крестьянства у Болотникова не подлежит сомнению» (*Н. А. Рожков*, Русская история в сравнительно-историческом освещении, т. IV, ч. 2, П. 1922, стр. 14, 15).

[2] *Н. А. Рожков*, Русская история в сравнительно-историческом освещении, т. IV, ч. 2, стр. 5, 6.

[3] «Сделкой с дворянством» боярства Рожков объясняет поражение восстания Болотникова (там же, стр. 15).

[4] Блоком боярства с «социальными низами», по Рожкову, был свергнут Борис Годунов и возведен на престол Лжедмитрий I: «Дворянский царь был

Библиотека "Руниверс"

никова как союзников дворянства в «первом восстании против боярского царя»: «Дворянство в своей борьбе со старыми господами положения, временно достигшими небывалого прежде могущества, стало в лице более смелых и талантливых своих представителей искать себе союзников. Оно не успело еще сойтись с богатыми посажанами и зажиточными крестьянами севера и Верхнего Поволжья вплоть до Нижнего и ухватилось сначала за то, что подвернулось под руку с первого раза: то было восстание крестьян, холопов, казаков, вольных гулящих людей под начальством беглого холопа Болотникова» [1].

Таково существо воззрений Рожкова на восстание Болотникова. Не трудно видеть всю неприемлемость рожковской трактовки восстания Болотникова. Схема Рожкова коренным образом извращает действительный характер борьбы классов в Русском государстве в начале XVII в. Рожков возвышает до степени «дворянской революции» то, что в действительности являлось лишь противоречиями и борьбой внутри господствовавшего класса, класса крепостников-феодалов. Напротив, основной антагонизм эпохи — антагонизм между крестьянством и феодальными землевладельцами — оказывается у Рожкова оттесненным на второй план, а крестьянство, восставшее против феодального гнета, низводится Рожковым до роли простого орудия в руках дворянства в его борьбе за власть.

Современная советская историческая наука занимает в вопросе о восстании Болотникова принципиально иную позицию по сравнению с буржуазной историографией. Для советских историков, историков-марксистов, восстание Болотникова является одним из важнейших моментов в истории крестьянства и его борьбы против феодального гнета, открывая собою цепь крестьянских войн в России XVII—XVIII вв. В восстании Болотникова, таким образом, находит свое выражение генеральная линия развития классовой борьбы в эпоху феодализма. Этим определяется то место, которое заняло восстание Болотникова в новой, марксистской схеме истории СССР.

Решающее значение для выработки нового, марксистского понимания восстания Болотникова имела оценка восстания Болотникова, данная И. В. Сталиным.

В своей знаменитой беседе с немецким писателем Э. Людвигом 13 декабря 1931 г. И. В. Сталин дал исчерпывающую оценку исторического значения крупнейших крестьянских движений

неприятен обоим антагонистам дворянства — родовитому боярству и закрепощаемому крестьянству... Естественно, что те самые верх и низ общества, которые поднялись против Бориса, сыграли главную роль и в возведении на престол названного Димитрия» (там же, стр. 9; ср. стр. 10).

[1] *Н. А. Рожков*, Русская история в сравнительно-историческом освещении, т. IV, ч. 2, стр. 14, 15.

Библиотека "Руниверс"

в России — восстаний Болотникова, Разина и Пугачева, раскрыл природу этих движений, их идеологию и показал причины поражения этих движений.

«Мы, большевики, всегда интересовались такими историческими личностями, как Болотников, Разин, Пугачев и др. Мы видели в выступлениях этих людей отражение стихийного возмущения угнетенных классов, стихийного восстания крестьянства против феодального гнета. Для нас всегда представляло интерес изучение истории первых попыток подобных восстаний крестьянства. Но, конечно, какую-нибудь аналогию с большевиками тут нельзя проводить. Отдельные крестьянские восстания даже в том случае, если они не являются такими разбойными и неорганизованными, как у Стеньки Разина, ни к чему серьезному не могут привести. Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями. Только комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели. Кроме того, говоря о Разине и Пугачеве, никогда не надо забывать, что они были царистами: они выступали против помещиков, но за «хорошего царя». Ведь таков был их лозунг»[1].

Каковы основные, решающие моменты в сталинской характеристике восстаний Болотникова, Разина, Пугачева?

Первое, что содержит эта характеристика, — это определение *классовой природы* восстаний Болотникова, Разина, Пугачева. И. В. Сталин определяет эту природу формулой: «восстания крестьянства против феодального гнета». В этой сталинской формуле определяется главная движущая сила восстаний Болотникова, Разина, Пугачева; дается ответ на вопрос о том, против какого класса были направлены эти восстания; указывается на то, что̀ является основной причиной, вызвавшей восстания крестьянства.

Второй важнейший момент сталинской характеристики — это определение *характера борьбы* крестьянства в восстаниях Болотникова, Разина, Пугачева. И. В. Сталин решает этот вопрос определением борьбы восставшего крестьянства как *стихийной* борьбы, говоря о «стихийном возмущении», о «стихийном восстании» крестьянства. Тезис о стихийном характере борьбы крестьянства в восстаниях XVII—XVIII вв. является ключом к пониманию хода и исхода этих восстаний. Только исходя из признания стихийного характера борьбы крестьянства можно понять и методы борьбы крестьянства, и тактику крестьянских отрядов, и всю военную и политическую сторону истории этих восстаний.

Третье принципиальное положение сталинской характеристики — это раскрытие сущности *идеологии* крестьянских восстаний.

[1] *И. В. Сталин*, Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, М. 1938, стр. 8—9.

Библиотека "Руниверс"

И. В. Сталин решает проблему идеологии крестьянских восстаний указанием на *царистский характер* идеологии восставших крестьян. Ненависть к феодальному гнету, к феодалам сочеталась у крепостных крестьян с наивной верой в «хорошего царя». Эта противоречивая психология крестьянства нашла свое выражение в лозунге крестьянских восстаний XVII—XVIII вв.: против помещиков, но за «хорошего царя».

Именно эта царистская психология крестьянства создавала социальную почву для «самозванства», так как в этом находила свое выражение вера крестьян в «хорошего царя».

Буржуазная историография оказалась бессильна разрешить вопрос об идеологии крестьянских восстаний. Напротив, сталинская формула о царистской психологии восставшего крестьянства дает ключ к пониманию конкретных форм и проявлений идеологии крестьянских восстаний — от Болотникова до Пугачева.

Наконец, И. В. Сталин вскрывает исторические *причины поражений* крестьянских восстаний XVII—XVIII вв., указывая на то, что условием победы крестьянских восстаний является сочетание крестьянских восстаний с рабочими восстаниями и руководство рабочих крестьянскими восстаниями, превращающее эти восстания в комбинированное восстание во главе с рабочим классом. Отсутствие этого условия в XVII—XVIII вв. и было главной причиной поражения крестьянских восстаний XVII—XVIII вв. [1]

Сталинский анализ природы крестьянских восстаний в России в XVII—XVIII вв. сыграл решающую роль в развитии советской исторической науки в вопросе о крестьянских движениях.

На основе этих принципиальных положений, сформулированных И. В. Сталиным, советская историческая наука создала и свою схему истории восстания Болотникова, которая стала общим достоянием и вошла в учебную литературу.

Но если в общей форме вопрос о природе и историческом значении восстания Болотникова можно считать решенным, то совершенно иначе обстоит дело с монографическим изучением истории восстания. В этом отношении положение осталось точно таким, каким оно было к началу XX в. Между тем было бы глубоко ошибочно думать, что историки XIX в. исчерпали в своих исследованиях весь материал источников о восстании Болотникова и что речь может итти лишь о пересмотре этого материала и о новой его интерпретации. Правильнее было бы сказать наоборот: использо-

[1] В другой работе, в докладе «О хозяйственном положении Советского Союза и политике партии», И. В. Сталин дает следующий ответ на вопрос о причинах поражения восстаний Разина и Пугачева: «Почему погибло восстание крестьян при Пугачёве или при Степане Разине? Почему тогда не сумели крестьяне добиться изгнания помещиков? Потому, что у них не было, да и не могло быть тогда такого революционного руководителя, как рабочий класс» (*И. В. Сталин*, Соч., т. 8, стр. 143).

Библиотека "Руниверс"

ванный в работах историков XIX в. материал ни в какой степени не исчерпывает наличный фонд источников о восстании Болотникова. Больше того, в истории изучения восстания Болотникова можно констатировать своеобразный парадокс.

Если, как сказано, после «Очерков по истории Смуты» С. Ф. Платонова не появилось ни одного исследования, затрагивающего вопросы истории восстания Болотникова, то, с другой стороны, именно XX век характеризуется появлением работ по публикации источников, как русских, так и иностранных, относящихся к эпохе восстания Болотникова.

Таким образом, создалось оригинальное положение: основные работы о восстании Болотникова появились до издания целого ряда важнейших источников для истории восстания Болотникова и обратно — после издания этих источников не вышло в свет ни одной новой работы об этом восстании.

Характерной чертой новых русских публикаций является то, что все они представляют собой издания источников документального порядка (акты, разрядные записи). Такой характер этих публикаций придает им особо важное значение: актовый материал является важнейшим источником для характеристики социально-экономических вопросов истории восстания Болотникова; разрядные же записи — основной источник для изучения хода военных действий во время восстания.

Новые иностранные источники, напротив, принадлежат к памятникам повествовательного порядка. Это — дневники, письма, записки иностранцев — современников восстания Болотникова. Однако и эта группа источников содержит в себе целый ряд ценных материалов, относящихся как к восстанию Болотникова в целом, так и, что особенно важно, к личности самого Болотникова.

Здесь нет необходимости давать полный перечень новых источников о восстании Болотникова, появившихся за последние 50 лет.

Для характеристики тех возможностей, которые открывает перед исследователем фонд источников, создавшийся в итоге археографических работ за 1899—1950 гг., достаточно привести лишь важнейшие издания и серии документов, назвав их в хронологической последовательности.

В 1899—1901 гг. А. Гиршберг издал один за другим два дневника поляков — современников восстания Болотникова: С. Немоевского [1] и В. Диаментовского [2], содержащие важные материалы об осаде Москвы Болотниковым и о других этапах восстания.

[1] *A. Hirschberg*, Pamietnik Stanislawa Niemojewskiego, we Lwowie, 1899. Русский перевод под заглавием «Записки Станислава Немоевского» в издании: *А. А. Титов*, Рукописи славянские и русские, принадлежащие И. А. Вахромееву, вып. 6, 1907 (в дальнейших ссылках: *S. Niemojewski*, с одновременной ссылкой на русский перевод).

[2] *A. Hirschberg*, Polska a Moskwa w pierwszej polowie wieku XVII, we Lwowie, 1901 (в дальнейших ссылках: *W. Dyamentowski*). До

Библиотека "Руниверс"

В 1907 г. вышло в свет издание С. Белокурова «Разрядные записи за Смутное время». Издание «Разрядных записей за Смутное время» дало исследователям такой важнейший источник, как разряды, полный фонд которых за 1604—1613 гг. был опубликован С. А. Белокуровым.

В 1911 г. в составе (посмертной) публикации В. Н. Александренко «Материалы по Смутному времени на Руси XVII в.» было напечатано анонимное секретное донесение английскому правительству одного из английских представителей в Москве (вероятнее всего, Джона Мерика) о восстании Болотникова, содержащее важные фактические данные о начальном периоде восстания Болотникова, об осаде Болотниковым Москвы и, что особенно существенно, излагающее содержание писем Болотникова «к рабам» [1].

Последней по времени крупной дореволюционной публикацией является серия сборников документов «Смутное время Московского государства», изданная в «Чтениях Московского общества истории и древностей российских» в 1910—1918 гг.

Серия материалов в «Чтениях» ввела в научный оборот новый актовый материал.

На первое место среди этих материалов надо поставить изданные А. М. Гневушевым «Акты времени правления царя Василия Шуйского», а также публикации С. Б. Веселовского: «Акты подмосковных ополчений и земского собора 1611—1613 гг.» и «Арзамасские поместные акты» и Л. М. Сухотина «Четвертчики Смутного времени».

Наконец, уже в советское время Г. Н. Бибиков опубликовал с своими комментариями и весьма ценной вводной статьей (в томе I «Исторического архива», издаваемого Институтом истории Академии наук СССР), под заглавием «Новые данные о восстании Болотникова», выписки из приходо-расходных книг Иосифо-Волоколамского монастыря, в которых содержится ряд важных данных, характеризующих отдельные моменты восстания Болотникова [2].

Последним по времени открытием в области источников по истории восстания Болотникова является находка М. Н. Тихо-

---

издания А. Гиршберга дневник В. Диаментовского был известен как «Дневник Марины Мнишек», в издании Устрялова «Сказания современников о Димитрии Самозванце». Однако текст, изданный Устряловым, содержит большое количество пропусков и дефектов, не говоря уже о том, что русский перевод Устрялова совершенно неудовлетворителен.

[1] Текст английского донесения в оригинале и русском переводе дается в приложении к настоящему изданию (см. приложение IV, стр. 544).

[2] Продолжением публикации Г. Н. Бибикова является публикация А. А. Зимина «К истории восстания Болотникова» («Исторические записки», т. 24, 1947), где опубликованы записи, связанные с восстанием Болотникова, извлеченные из приходо-расходных книг Иосифо-Волоколамского монастыря.

Библиотека "Руниверс"

мировым, среди рукописей Уваровского собрания Государственного Исторического музея, нового списка известного публицистического произведения начала XVII в. — «Плача о пленении, о конечном разорении превысокого и пресветлейшего Московского государства», — в составе которого имеется оригинальное Сказание о восстании Болотникова, содержащее ценнейшие данные по истории восстания [1].

Новые публикации источников для истории восстания Болотникова в сочетании с тем фондом источников, который находился в распоряжении историков XIX в., создали предпосылки для гораздо более полного и детального изучения истории восстания Болотникова.

[1] Текст этого памятника публикуется М. Н. Тихомировым в «Историческом архиве». Благодаря любезному разрешению М. Н. Тихомирова я смог использовать в настоящем издании новый источник о восстании Болотникова.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРЕДПОСЫЛКИ ВОССТАНИЯ

Крестьянский вопрос в публицистике XVI в. Экономическое развитие Русского государства в XVI в. Рост феодального землевладения. Захват феодалами крестьянских земель. Рост барской запашки и уменьшение крестьянской запашки во второй половине XVI в. Усиление степени эксплуатации крестьянства. Отражение этого процесса в формулах послушных грамот. Крестьянские переходы и борьба землевладельцев против переходов крестьян. Изменение положения крестьян в связи с опричниной. Хозяйственный кризис 70—80-х годов XVI в. и бегство крестьян. «Заповедные» годы. Оформление крепостного права в общегосударственном масштабе. Кабальное холопство в XVI в.

*

В одном публицистическом произведении самого конца XV в. или начала XVI в. анонимный автор рисует некую идеальную схему распределения обязанностей внутри общества между его членами. Выделяя в составе общества три основных элемента: светские власти, церковь и «селян» (крестьян), автор так определяет место и значение каждого из этих элементов: «Царие и началници в мире семь уставлении суть, да суд, правду и управление подвластникомь творять... Пастырь же церковный за господина своего временного молитись должен есть; господин же пастыря своего с вещми церковными защищати должен есть; *селянин же тружатись и питати обоих*».

Сконструированная автором модель общественного устройства поражает тем, с какой ясностью и откровенностью в ней нашла свое выражение определенная система социальных воззрений. «Началници» управляют своими «подвластниками», церковь молится за начальников (обязанных в свою очередь защищать церковь с ее имуществом), а «селянин»-крестьянин трудится и кормит обоих: и начальников и церковь. Такое устройство общества является единственно правильным, и задача власти заключается в том, чтобы не допускать попыток нарушения общественного порядка со стороны «злых и лукавых человеков»: «Всяка власть

Библиотека "Руниверс"

устроена есть богом, да злии и лукавии человеци от злых действ въздержани будут, блазни же посреди злых покорне и мирне да проживут без неправд и невредимо» [1].

Представленная автором «Слова кратка» схема, являющаяся классическим выражением взглядов крепостников-землевладельцев, однако, никак не может быть признана за характеристику действительной картины взаимоотношений между классами русского общества. Идиллические тона, в которые окрашено «Слово», меньше всего соответствуют обстановке острой и напряженной борьбы вокруг земельного и крестьянского вопросов, наполняющей собой весь XVI в. И если светские и духовные господа «селянина» видели смысл его существования в том, чтобы «тружатись и питати» своих господ, то сам «селянин»-крестьянин смотрел на свои взаимоотношения с церковными и светскими землевладельцами совершенно иначе.

Гораздо реалистичнее изображено крестьянство в произведениях публициста 40-х годов XVI в. Ермолая-Еразма. Свою задачу как писателя Ермолай-Еразм видит в разработке плана реформ, которые должны привести «к благоугодию земли и ко умалению насильства» [2]. Это «насильство», против которого борется Ермолай-Еразм, есть «насильство» в отношении крестьян. Положение крестьян («ратаев», как называет их Ермолай-Еразм) рисуется писателем исключительно мрачными красками: «Ратаеве же безпрестани различныя работные ига подъемлют: овогда бо оброки дающе сребром, овогда же ямская собрания, овогда же ина». «Многа же и ина ратаем обида от сего, еже царскиа землемерительнии писарие яздяху с южем делом мерным..., изъядяху много брашна у ратаев». «Ратаеве же мучими сребра ради, еже в царску взимается власть и дается в раздаяние велможам и воинам на богатество, а не нужда ради» [3]. Гнет, которому подвергаются «ратаи»-крестьяне, вызывает с их стороны борьбу, приводит к волнениям: «Сии же (ратаи. — *И. С.*) всегда в волнениях скорбных пребывающа, еже не единаго ярма тяготу всегда носяща» [4]. Протестуя против такого положения дел, Ермолай-Еразм

[1] «Слово кратко» в защиту монастырских имуществ. «Чтения ОИиДР», 1902, кн. 2, стр. 43. В тексте «Слово кратко» датировано 1505 г. Однако новейший исследователь «Слова» А. Д. Седельников считает, что автор «Слова» пользовался особой системой летосчисления, что дает основание А. Д. Седельникову датировать «Слово кратко» 1497 или 1499 г. Он же считает вероятным автором «Слова» доминиканца Вениамина, сотрудника новгородского архиепископа Геннадия по переводу библии (*А. Д. Седельников*, К изучению «Слова кратка» и деятельности доминиканца Вениамина, «Известия ОРЯС», 1925, т. XXX).

[2] *В. Ф. Ржига*, Литературная деятельность Ермолая-Еразма, «Летопись занятий Археографической комиссии», вып. 33, Л. 1926, стр. 157, 158.

[3] Там же, стр. 193, 194.

[4] Там же, стр. 193.

Библиотека "Руниверс"

призывает к тому, чтобы царь принял предлагаемый им проект реформы крестьянских повинностей. Однако, несмотря на всю силу и блеск аргументации Ермолая-Еразма (развившего целую теорию о том, что крестьянин и его труд составляют основу всей общественной жизни), его проект о регламентации и уменьшении крестьянских повинностей остался лишь литературным памятником, не найдя никакого применения в практической политике.

Русской политической мысли XVI в. известна и еще более острая форма постановки крестьянского вопроса. Если Ермолай-Еразм в своей критике остается на позициях защиты интересов землевладельцев, стремясь урегулировать взаимоотношения между крестьянами и землевладельцами и этим устранить опасность «мятежей» крестьян, то совершенно иначе ставит вопрос о крестьянстве (точнее, о холопстве) современник Ермолая-Еразма — Матвей Башкин. Материалы церковного собора 1554 г., осудившего Башкина как «безбожного еретика и отступника православныя веры» [1], сохранили высказывания Башкина по вопросу о холопстве. Под религиозной оболочкой, по мотивам несовместимости рабства с принципами истинного христианства, Башкин выступает с требованием полного уничтожения холопства: «Христос всех братиею нарицает, а у нас де на иных и кабалы, на иных беглые, а на иных нарядные, а на иных полные; а я де благодарю бога моего, у меня де что было кабал и полных, то де есми все изодрал да держу де, государь, своих доброволно: добро де ему, и он живет, а не добро, и он куды хочет. А вам, отцем пригоже посещати нас почасту и о всем наказывати, как нам самим жити и людей у собя держати не томительно» [2]. Еще более ярким представителем антикрепостнических тенденций выступает другой еретик 50-х годов XVI в. — Феодосий Косой. Холоп, бежавший от своего господина, создатель целого религиозного учения, проникнутого крайним рационализмом и полным отрицанием официальной церкви, Косой насыщает свою религиозную проповедь чисто социальными мотивами, провозглашая лозунг уничтожения всех «земских властей»: «В церквах попы учат по книгам и по уставам их человеческие предания и повелевают... земских властей боятися и дани даяти им. Не подабает же в христианох властем быти и воевати» [3].

---

[1] «Московские соборы на еретиков XVI в.» Публикация О. Бодянского. «Чтения ОИиДР», 1847, № 3, отд. II, стр. 1.

[2] Там же, стр. 22. Косвенная речь в цитате объясняется тем, что речи Башкина дошли до нас в изложении — в «жалобнице», поданной собору знаменитым протопопом Сильвестром, в беседах с которым Башкин развивал свои взгляды.

[3] *Ф. Калугин*, Зиновий, инок Отенский, и его богословско-политические и церковно-учительные произведения, 1894, стр. 38.

Библиотека "Руниверс"

И Матвей Башкин и Феодосий Косой выступают в своих воззрениях выразителями идеологии угнетенных социальных низов [1]. Этим объясняется тот страстный и непримиримый характер борьбы против этих «еретиков», в которой объединились и светская власть и официальная церковь. Борьба эта не ограничилась репрессиями, которым подвергся Башкин, и проклятиями бежавшему Косому. Господствующие классы попытались противопоставить «ересям» Башкина и Косого своего идеолога в лице писателя-публициста — Зиновия Отенского.

Зиновий Отенский выступает в своем сочинении «Истины показание» с настоящей апологией рабства. В глазах Зиновия Отенского раб не имеет никаких прав и не может сам распоряжаться своей личностью. Он является полной собственностью своего господина. Его труд не оплачивается и не вознаграждается. Все, что он имеет, принадлежит не ему, а его господину, и господину же принадлежит все, что приобретает раб откуда бы то ни было. Особую остроту воззрениям Зиновия Отенского по вопросу о рабстве придает то, что свое выступление в защиту рабства он делает в форме сравнения труда раба с трудом свободного [2]. Но из этого сравнения Зиновий делает вывод не об уничтожении рабства (как Башкин), а, напротив, о недопустимости каких бы то ни было попыток поколебать принципы рабского труда. Поэтому всякое проявление непокорства со стороны раба должно быть наказано, бегство же раба и превращение его в свободного человека — величайшее преступление: «Писание наказует величество злобы рабия, от нея же земля трясется, внегда рабу во свободе быти» [3].

Так устами своих идеологов крепостники-землевладельцы провозглашали незыблемость основ социального строя Русского государства, незыблемость крепостнических порядков.

Острота борьбы вокруг крестьянского вопроса в русской

[1] Зиновий Отенский прямо называет учение Феодосия Косого — «рабие учение» (*Зиновий Отенский*, Истины показание к вопросившим о новом учении, Казань 1863, стр. 26) и видит смысл учения Косого в том, что, создавая свое учение, Косой стремился «нищете своей изобрести поможение» (там же, стр. 48). Этим же, по мнению Зиновия Отенского, объясняется и успех учения Косого среди холопов: «Вси бо раби удобь причитают к срабному и срадуются» (там же, стр. 48).

[2] «Несть же убо едино работы свободного и работа рабия. Ино раб и ино наемник. Наемник свободен есть, ему же хочет работает по найму, и иже кто хощет, наимает его, раб же не может работати, ему же хощет, ниже кто хощет, наемлет его работати себе, понеже раб имать господина и раб есть своему господину, а не всем есть раб; и елико аще поработает господину своему, мзды не имать и найма не вземлет. Егда бо не восхощет творити работы господина своего, томление и раны приемлет раб. И посему раб не имать свое ничто же, но вся, яже имать у себе, господина его суть, и самую срачицу [сорочку], и вся купно, яже раб притяжает отъюду же, аще же будет господину своему, а не себе притяжает» (*Зиновий Отенский*, Истины показание к вопросившим о новом учении, цит. изд., стр. 30).

[3] Там же, стр. 25.

Библиотека "Руниверс"

публицистике XVI в. находит объяснение в том, что в этой борьбе получили свое идеологическое отражение и выражение крупнейшие изменения в области экономики и социальных отношений, которыми характеризуется развитие Русского государства в течение всего XVI в. Самые важные и глубокие изменения в экономике Русского государства в XVI в. заключались в развитии товарно-денежных отношений. Рост общественного разделения труда, находивший свое выражение в развитии ремесла, городов и торговли; усиление рыночных связей; расширение сферы рыночных отношений — всё это создавало новые условия хозяйственного развития и не могло не коснуться основной ячейки экономической структуры Русского государства: хозяйства феодалов и тесно связанного с ним крестьянского хозяйства.

Развитие товарно-денежных отношений и резкое повышение роли денег особенно сильно отразились на судьбах феодальной знати — бояр и князей, в вотчинах которых весь хозяйственный уклад покоился на натуральных повинностях крестьян. Неспособность боярства приспособиться к новым условиям жизни нашла свое яркое выражение в колоссальном росте задолженности князей и бояр в XVI в., стремившихся добывать деньги любой ценой, вплоть до заклада (или продажи), обычно монастырям, своих вотчинных земель.

Иначе реагировали на изменившиеся условия хозяйственной жизни другие группы феодальных землевладельцев — дворяне-помещики и монастыри. Приспособление к новой экономической обстановке выражалось у этой части феодалов в стремлении увеличить количество материальных ценностей, получавшихся ими от крестьян в виде феодальных повинностей, и в изменении самого характера этих повинностей в направлении, дававшем возможность извлекать наибольший эффект из эксплуатации труда крестьянина [1].

Разрешение этих задач достигалось феодалами двояким путем: 1) расширением своих земельных владений и 2) усилением крепостнической зависимости крестьян.

Одним из самых важных и существенных моментов в экономической истории России XVI в. был рост феодального землевладения.

---

[1] Из дореволюционной литературы, посвященной вопросам экономического развития Русского государства в XVI в., следует назвать исследования: *Н. А. Рожков*, Сельское хозяйство Московской Руси XVI в., 1899; *С. В. Рождественский*, Служилое землевладение в Московском государстве в XVI в., 1897; *Н. Д. Чечулин*, Города Московского государства в XVI в., 1889. В советской литературе см. в первую очередь многочисленные работы Б. Д. Грекова, завершающиеся его исследованием «Крестьяне на Руси», 1946; также *С. Б. Веселовский*, Село и деревня в северо-восточной Руси XIV—XVI вв.; *С. В. Бахрушин*, Предпосылки всероссийского рынка в XVI в. «Ученые записки МГУ», вып. 87, 1946.

Библиотека "Руниверс"

Оборотной стороной этого явления было уменьшение и в ряде районов даже почти полное исчезновение черных крестьянских земель.

Раздавая в огромных количествах земли в поместья, московское правительство черпало потребные для этого земли прежде всего и главным образом из фонда черных земель. О масштабах, в которых проводилась земельная политика московского правительства, может дать представление такое мероприятие, как испомещение в 1550 г. вокруг Москвы 1 000 помещиков («лучших слуг»), потребовавшее для своей реализации более 150 000 десятин пахотной земли [1]. Земли для этой операции брались в бортных, перевесных, тетеревничих и оброчных деревнях, причем, как это видно из процедуры наделения новых помещиков-тысячников сенокосными угодьями, раздаваемые в поместье земли были именно крестьянскими землями [2].

Еще более крупное значение для развития феодального землевладения имела общая перепись земель, предпринятая правительством Ивана IV в начале 50-х годов и растянувшаяся на целое тридцатилетие [3]. Эта перепись сопровождалась массовой раздачей земель помещикам на всей территории Русского государства.

Не менее щедро раздавались черные земли и монастырям. Московские государи жаловали монастырям черные деревни целыми десятками [4]. Монастырские власти в свою очередь активно способствовали расширению монастырских вотчин за счет черных земель, не останавливаясь перед прямыми захватами крестьянской земли.

Количественный рост феодального землевладения в Русском государстве на протяжении XVI в. сопровождался весьма важ-

---

[1] 118 200 четвертей в одном поле — это 354 600 четвертей в трех полях, или 177 300 десятин. В различных списках Тысячной книги цифра четвертей меняется, доходя до 138 200 четвертей и даже до 151 200 четвертей (*Н. П. Лихачев* и *Н. В. Мятлев*, Тысячная книга 7059—1550 гг., Орел 1911, стр. 42).

[2] «...А сена им давать по столку копен на колко кому дано четвертные пашни, опричь крестьянского сена, а крестьяном дать на выть по 30 копен» («Тысячная книга», цит. изд., стр. 1). Таким образом, прежние крестьянские сенокосы должны быть распределены (разделены) между крестьянами и новыми помещиками пропорционально пахотным землям. Иными словами, крестьяне сохранили только ту часть своих лугов, которая в долевом отношении соответствовала оставшейся в их владении пашне. Остальные луга вместе с пахотной землей перешли в собственность помещиков.

[3] *П. Н. Милюков*, Спорные вопросы финансовой истории Московского государства, «33-й Отчет о присуждении премий графа Уварова», стр. 71.

[4] «Того же лета (1546—1547 гг.) дал князь великий Иван Васильевич к Благовещенью на Киржач 12 деревень волостных в вотчину, да в Нижнем Новегороде дал Живоначальной Троице и чудотворцу Сергию 7 деревень в Стрелице» (припись на псалтыри Троице-Сергиева монастыря, XVI в. *В. О. Ключевский*, Древнерусские жития святых как исторический источник, стр. 416).

Библиотека "Руниверс"

ными изменениями внутри самой феодальной вотчины, в собственном хозяйстве феодалов. Еще Н. А. Рожков в своем исследовании «Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в.» отметил рост *барской запашки* во второй половине XVI в., указав, что «по крайней мере в большинстве центральных уездов барская запашка, существовавшая раньше почти исключительно в вотчинах служилых людей, во второй половине века значительно расширяется и распространяется почти на все виды земельного владения» [1]. Это наблюдение Н. А. Рожкова подтвердили и позднейшие исследователи, в частности академик Б. Д. Греков, пришедший к выводу о том, что рост собственной барской запашки в XVI в. стоит в связи с ростом внутреннего рынка, создавшего «заинтересованность землевладельца в расширении пашни, в увеличении продукции хлеба» [2].

Не менее существенные перемены произошли во второй половине XVI в. и в крестьянском хозяйстве. Если для собственного хозяйства феодальных землевладельцев важнейшей чертой его экономического развития во второй половине XVI в. был, как только что отмечено выше, рост барской запашки, то для крестьянского хозяйства второй половины XVI в., напротив, характерным является резкое уменьшение размеров запашки на крестьянский двор. Исследовав на огромном документальном материале вопрос о размерах крестьянской запашки на двор в XVI в., Н. А. Рожков констатировал для последней трети XVI в. «сильное сокращение нормальной дворовой запашки сравнительно с первой половиной XVI в. и даже с пятидесятыми и шестидесятыми годами» [3].

В наиболее сильной степени это уменьшение размеров крестьянской запашки на двор имело место в центральных уездах Русского государства и в Новгородской и Псковской областях, т. е. в районах с наибольшим удельным весом феодального землевладения. Так, например, у 15 монастырей в их вотчинах, расположенных в 8 центральных уездах [4], насчитывалось в 1556—1569 гг. крестьянской пашни 38 416,4 четверти на 4 923 крестьянских двора, что дает средний размер запашки на один крестьянский двор 7,8 четверти [5].

---

[1] *Н. А. Рожков*, цит. соч., стр. 132.

[2] *Б. Д. Греков*, Главнейшие этапы в истории крепостного права в России, 1940, стр. 27.

[3] *Н. А. Рожков*, цит. соч., стр. 200.

[4] Монастыри: Троице-Сергиев, Иосифо-Волоколамский, Чудов, Симонов, Ярославский-Спасский, Богоявленский, Ипатьевский, Толгский, Новоспасский, Троицкий-Киржацкий, Махрищский, Богородицкий-Вепрейский, Борисоглебский, Спасо-Евфимьев, Савво-Сторожевский. Уезды: Ярославский, Дмитровский, Костромской, Переяславль-Залесский, Волоколамский, Муромский, Нижегородский, Рузский.

[5] *Н. А. Рожков*, цит. соч., табл. на стр. 148—151. Обработка данных и вычисление средней величины запашки на двор произведены мною. — *И. С.*

Библиотека "Руниверс"

С этими данными можно сравнить данные о средней величине запашки в вотчинах 7 монастырей, относящиеся к 1576—1600 гг. и охватывающие 25 центральных уездов Русского государства [1]. Крестьянская пашня в вотчинах этих монастырей составляла 45 913,5 четверти на 9 313 крестьянских дворов, что дает средний размер запашки на один крестьянский двор 4,8 четверти [2].

Не будучи вполне тождественными по содержащемуся в них материалу (и по составу монастырей и по количеству уездов), эти два ряда цифр, однако, охватывают в общем один и тот же район Русского государства и потому могут быть сопоставлены друг с другом для выявления тех процессов, которые характеризуют эволюцию размеров крестьянской запашки. При этом и направление процесса и его интенсивность достаточно ярко определяются величиной средней запашки на двор в 50—60-х и в 70—90-х годах: крестьянская запашка на двор сокращается почти на 40% (38,5%).

Еще более резкое снижение размеров крестьянской запашки было в Новгородской области. В то время как «в конце XV в. и первой половине XVI в. пашня на двор редко понижалась ниже 7 четвертей в каждом поле», в 80-х годах XVI в. в среднем «на двор пахали... 2—3½ четверти в каждом из трех полей» [3].

Не трудно уяснить социальный смысл двух охарактеризованных выше явлений в области земельных отношений. И рост барской запашки и уменьшение запашки крестьянской означали перераспределение земель между основными классами русского общества XVI в. — между феодалами и крестьянами, — перераспределение, сущность которого заключалась в захвате феодалами-землевладельцами крестьянских земель.

В прямой связи с ростом феодального землевладения в XVI в. стоят перемены в характере крестьянских повинностей. Растущая барская пашня сопровождалась ростом крестьянских повинностей по обработке этой пашни — ростом барщины. Увеличение удельного веса барщины в составе крестьянских повинностей — одно из самых характерных явлений экономического развития России в XVI в. Заинтересованные в расширении барской запашки, землевладельцы усиленно вводили барщину для крестьян, живших на их землях.

---

[1] Монастыри: Троице-Сергиев, Чудов, Симонов, Ипатьевский, Спасо-Евфимьев, Нижегородский-Печерский, Андреянова пустынь. Уезды: Нижегородский, Пошехонский, Гороховский, Зубцовский, Дмитровский, Владимирский, Суздальский, Муромский, Переяславль-Залесский, Юрьев-Польский, Кашинский, Ярославский, Ростовский, Костромской, Солигалицкий, Коломенский, Рузский, Звенигородский, Боровский, Верейский, Московский, Старицкий, Можайский, Углицкий.

[2] *Н. А. Рожков*, цит. соч., табл. на стр. 148—151. Обработка данных и вычисление средней величины запашки на двор произведены мною. — *И. С.*

[3] Там же, стр. 195.

Библиотека "Руниверс"

Рост барщины означал вместе с тем и рост степени эксплуатации крестьян землевладельцами. В этом отношении предки Евгения Онегина, заменившего, как известно, «ярем барщины старинной» «оброком легким», поступали как раз наоборот, требуя от крестьянина все больше и больше барщинного труда («за всякие монастырские доходы», как говорится в уставной грамоте Троице-Сергиева монастыря 1590 г.) [1].

Процесс роста степени эксплуатации крестьянства в XVI в. очень хорошо можно проследить на материале послушных грамот [2]. Послушная грамота являлась документом, определявшим отношения между землевладельцем и крестьянами, устанавливая права землевладельца-помещика в отношении крестьян и обязанности последних в отношении владельца земли. Рассматривая формуляр послушных грамот XVI в., можно выделить в хронологической последовательности три типа послушных грамот по отличиям их формуляра. В грамотах первого типа, относящихся в своей основной массе к периоду до 60-х годов XVI в., формула, определяющая права помещика в отношении крестьян, имеет следующий вид: «И вы б [крестьяне] к [помещику] приходили и слушали его во всем и доход бы денежный и хлебный и мелкий доход давали по старине, как давали доход наперед сего прежним помещикам». В 60-х годах грамоты этого типа вытесняются новым типом послушных грамот, где формула о крестьянских повинностях имеет уже иную редакцию: «И вы б [крестьяне] [помещика] и его приказчика слушали и пашню его пахали, где себе учинит, и оброк платили». Наконец, в 70-х годах и вплоть до конца XVI в. получает широкое распространение третья редакция послушных грамот, и формула о крестьянских повинностях снова меняется: «И вы б все крестьяне, которые в том селе живут, [помещика] слушали, а пашню пахали и оброк платили, чем вас изоброчит».

Сравнивая между собой три редакции послушных грамот, легко заметить направление, в котором эволюционировали крестьянские повинности в XVI в. В грамотах первого типа, хронологически наиболее ранних, характер крестьянских повинностей определяется двумя моментами: 1) повинности крестьян должны быть «по старине», т. е. должны быть в рамках традиции, обычая; 2) эти повинности крестьян состоят в платеже ими землевладельцу оброка — денежного и натурального. Вопрос о помещичьей пашне и барщине в грамотах этого типа

---

[1] ААЭ, т. I, № 348, II.

[2] Свыше 200 послушных грамот XVI в. опубликовано в издании: *Д. Я. Самоквасов*, Архивный материал, т. I, 1905. Более подробный анализ послушных грамот см. в моей статье «Классовые противоречия в феодальной деревне в России в конце XVI в.» (журнал «Проблемы истории материальной культуры», 1933, № 5—6).

Библиотека "Руниверс"

совершенно не затрагивается. Второй тип послушных грамот уже коренным образом отличается от грамот более раннего времени. Гибкая формула: «И вы б, крестьяне, помещика слушали, пашню его пахали и оброк платили» — давала помещику возможность отмены «старины» в определении размеров крестьянских повинностей и означала усиление эксплуатации крестьян. Вторая, не менее важная особенность послушных грамот 60-х годов — это выдвижение в формуле о крестьянских повинностях на первое место барщины и оттеснение на второй план оброка. Эта черта послушных грамот с исключительной яркостью отразила в себе отмеченный выше процесс роста в XVI в. помещичьей, барской пашни и вместе с тем увеличения удельного веса барщины в общей массе крестьянских повинностей. Третий тип послушных грамот отражает еще дальнейшую стадию в развитии крестьянских повинностей. Если исчезновение в грамотах 60-х годов формулы о «старине» создавало для помещика *возможность* увеличить крестьянские повинности, то послушные грамоты 70-х и позднейших годов уже прямо формулируют *право* помещика устанавливать размеры крестьянских повинностей по собственному усмотрению («чем вас помещик изоброчит»), т. е. устраняют всякие моменты регламентации в сфере эксплуатации крестьян землевладельцами.

Процессы в области взаимоотношений между феодалами-землевладельцами и крестьянами, развивавшиеся в XVI в., нашли свое юридическое выражение и закрепление в законодательстве по вопросу о крестьянах. Государственная власть, выражая в своей политике интересы господствующего класса феодалов, активно вмешивалась в сферу социальных отношений и законодательством по крестьянскому вопросу создавала юридическую базу для притязаний феодалов на землю и труд крестьянина.

Уже Судебник 1497 г. законодательным ограничением права крестьянского перехода и возведением Юрьева дня, как единственного легального срока для ухода крестьянина от землевладельца, в общегосударственную норму, равно как и установлением принципа обязательного платежа крестьянином «пожилого» при уходе его от старого землевладельца, создал юридические предпосылки для усиления крепостной зависимости крестьянства и роста эксплуатации крестьянина землевладельцами. Судебник 1550 г. воспроизвел крестьянские статьи Судебника 1497 г., подтвердив тем самым незыблемость норм, определявших взаимоотношения крестьянина и землевладельца.

Судебники 1497 и 1550 гг., ограничив право крестьянского перехода и затруднив для крестьянина реализацию этого права, явились, таким образом, важнейшим этапом в развитии крепостной зависимости крестьянства. Но даже и в том урезанном виде, какой право крестьянских переходов приобрело после издания Су-

Библиотека "Руниверс"

дебников, это право было объектом постоянной и острой борьбы со стороны землевладельцев, стремившихся к полному его уничтожению и открыто нарушавших его в тех случаях, когда крестьянин пытался реализовать это право.

Очень яркую картинку, рисующую реальную обстановку, в какой осуществлялись крестьянские переходы, мы находим в одном из «Слов» Максима Грека. Крестьяне «во скудости и нищете всегда пребывают, нижѐ ржаного хлеба чиста ядуще, многажды же и без соли от последния нищеты». Но если кто-нибудь из крестьян «изнемог тягостию налагаемых им беспрестани от нас трудов же и деланий, *восхощет инде негде переселитися*, не отпущаем его, увы, аще не положит уставленный оброк, о нем же толика лета жил есть в нашем селе» [1].

Трудно точно определить, что имеет в виду Максим Грек под термином «уставленный оброк»: пожилое или еще какие-либо платежи крестьянина землевладельцу. Судя по тому, что оброк назван «уставленным», т. е. установленным законом, а также по тому, что для обозначения ссуд, даваемых землевладельцами крестьянам, Максим Грек употребляет особый термин — «заемное серебро» [2], — вероятнее всего, «уставленный оброк» — это именно пожилое. Но интерес свидетельства Максима Грека не столько в характеристике механизма осуществления крестьянского перехода, сколько в том, что здесь с исключительной рельефностью обрисованы позиции борющихся сторон в вопросе о крестьянских переходах: для крестьянина переход — средство освободиться от непосильных повинностей, которыми его отягощают землевладельцы (именно: от барщины — «трудов и деланий»); землевладельцы же стремятся удержать крестьянина у себя, используя в качестве средства недопущения крестьянского перехода предоставленное им Судебником право требовать от крестьянина предварительно рассчитаться с землевладельцем.

Борьба землевладельцев против крестьянских переходов, однако, не ограничивалась применением ими одних лишь средств экономического воздействия на переходящего крестьянина.

В тех случаях, когда эти средства оказывались недостаточно эффективными, землевладельцы дополняли их актами прямого насилия, не допуская ухода от них крестьян. Именно эта сторона проблемы крестьянского перехода исчерпывающе освещена в челобитье царю крестьян черных деревень Пусторжевского уезда (текст челобитья сохранился в составе царской грамоты от 5 сентября 1555 г. новгородским дьякам). В своем челобитье крестьяне

---

[1] *Максим Грек*, Сочинения, ч. II, Казань 1860, стр. 131, 132. Курсив мой. — *И. С.*

[2] Там же, стр. 131.

Библиотека "Руниверс"

жаловались царю на чрезвычайно своеобразное толкование «детьми боярскими» — помещиками — правил Судебника о крестьянских переходах: «дети боярские Ржевские, и Псковские, и Лутцкие и из иных присудов вывозят за собя во хрестьяне жити наших крестьян из Ржевских из черных деревень, не по сроку, по вся дни, безпошлинно; а как деи изо Ржевских из наших деревень приедут к ним отказщики, с отказом, в срок, крестьян из-за них отказывати в наши в черные во Ржевские деревни, которые крестьяне похотят итти жити в те в наши в черные деревни, и те деи дети боярские тех отказщиков бьют и в железа куют, а хрестьян деи из-за себя не выпущают, да поимав деи их мучат и грабят и в железа куют, и пожилое деи на них емлют не по судебнику, рублев по пяти и по десяти; и отказати де им хрестьянина из-за тех детей боярских немочно» [1].

Таким образом, если сами помещики, когда дело шло о привлечении крестьян на свои земли, вывозили за себя крестьян, не считаясь с Юрьевским сроком и не платя пожилого, то в тех случаях, когда крестьяне пытались уйти от них (в данном случае — на черные земли), нарушение помещиками Судебника принимало прямо противоположное направление, выражаясь не только в самовольном десятикратном повышении величины пожилого (по Судебнику пожилое равнялось полтине или рублю), но и в открытом применении силы против крестьян.

Новым этапом в развитии крепостничества явилась эпоха опричнины. Можно отметить три момента, характеризующие изменения в положении крестьянина в связи с опричниной:

1. Захват крестьянских земель.
2. Обострение борьбы за крестьянина как рабочую силу.
3. Рост крестьянских повинностей.

Конфискация в годы опричнины огромной массы боярских и княжеских земель сопровождалась захватами феодалами и крестьянских земель. Отмеченное выше резкое уменьшение размеров крестьянской запашки на двор падает как раз на годы опричнины. Одной из форм, в которых осуществлялся этот захват крестьянских земель, было размежевание опричных и земских земель. Сохранившиеся документы дают возможность проследить этот процесс превращения крестьянской земли в собственность феодалов во всей его конкретности.

Одна из крестьянских челобитных (крестьян села Борисовского, Владимирского уезда, 1585 г.) так рассказывает историю потери крестьянами своей земли в годы опричнины: «Молчали мы по ся места потому, что Суздальский уезд был в опричнине, а наше село Борисовское было в земском, и мы ждали времени, как госу-

[1] ДАИ, т. I, № 56, стр. 120.

Библиотека "Руниверс"

дарю побити челом, да не лучилося... А как Игнатий Блудов писал и *отмежевал в опришнину, и ему тогда была воля: что хотел, то писал* и отписал у нас тогда Игнатей луг за рекою за Нерлью против села Мордаша, а ставитца на нем сена 300 копен; да Игнатей же отмежевал у нас лесу-бору по ту же сторону Нерли, 80 десятин, и тот лес отдал в Суздальский уезд к селу Батыеву, а ныне то село за Савою за Фроловым» [1].

Попытка крестьян добиться возвращения отнятой у них земли (что и составляло цель челобитной), как и следовало ожидать, не привела ни к какому результату, и Савва Фролов так и остался владельцем «отмежеванной» земли.

Вместе с захватами крестьянских земель опричнина привела к огромному разорению крестьянского хозяйства. Наиболее ярким документальным свидетельством этой стороны деятельности опричников являются протоколы «обысков», произведенных на землях Вотской пятины, Новгородской области, в 1571 г. для выяснения причин запустения земель в этом районе. Обыски эти рисуют потрясающую картину разорения крестьянства опричниками. Целые деревни начисто опустошались побывавшими в них опричниками, а население их либо убивалось, либо «безвестно бежало» [2].

Крестьянин, однако, интересовал опричников не только как объект грабежа. Еще важнее и ценнее он был для феодалов как рабочая сила. Именно этим объясняется та степень остроты борьбы за рабочую силу, которая характеризует эпоху опричнины. В годы опричнины право крестьянского перехода еще больше, чем прежде, приобретает вид права помещиков перевозить на свои земли нужных им крестьян.

Современник и активный участник опричнины, немецкий авантюрист Генрих Штаден в своих записках очень хорошо определил реальную сущность права крестьянского выхода в эпоху опричнины. Упомянув, что «все крестьяне имеют в Юрьев день осенний свободный выход. Они принадлежат тому, кому захотят», Штаден затем с циничной откровенностью продолжает: «Кто не хотел добром переходить от земских под опричных, тех вывозили насильством и не по сроку. Вместе с тем увозились и сжигались [и крестьянские] дворы» [3].

Документальные источники полностью подтверждают это свидетельство Штадена. В уже цитированном издании Д. Я. Самоквасова «Архивный материал» опубликована серия документов, относящихся к поместью некоего Юрия Нелединского. Сам

---

[1] *А. А. Федотов-Чеховской*, Акты, относящиеся до гражданской расправы в древней Руси, т. I, № 83; *П. А. Садиков*, Из истории опричнины, «Исторический архив», т. III, стр. 133.

[2] См. *Д. Я. Самоквасов*, Архивный материал, т. II, ч. 2, стр. 94 и сл.

[3] *Генрих Штаден*, О Москве Ивана Грозного, 1925, стр. 95.

Библиотека "Руниверс"

Ю. Нелединский был взят в 1570 г. в опричнину, в связи с чем его бывшее поместье, расположенное на территории земщины, в Вотской пятине, подлежало отписке «на государя». Обыск, произведенный в 1571 г. подьячим П. Григорьевым в деревнях поместья Нелединского в связи с отпиской поместья на государя, обнаружил интереснейшее явление: за те несколько месяцев, которые прошли между переходом Ю. Нелединского в опричнину и отпиской его поместья на государя, оно потеряло почти половину живших в нем крестьян (31 из 64), оказавшихся вывезенными различными помещиками. Производивший отписку П. Григорьев попытался вернуть обратно вывезенных крестьян, но ему удалось сделать это лишь частично (из 31 вывезенного крестьянина было возвращено 26). Замечательно при этом, что из пяти крестьян, которых не удалось водворить на старое место, четыре были вывезены в опричнину. Петр Григорьев, правда, сделал попытку вывезти и этих крестьян. Но когда он вместе со старостой и целовальниками «повезли тех крестьян назад в Юрьевскую деревню в Перносарь за царя великого князя, и *приехав из опришнины*, из Михайловского погоста, ис Пороския волости крестьяне Оформико Кузьмин, да Федко Васков Фалкова, да Шабанко Дмитров и с ыными многими людьми, *да тех крестьян... выбили, и повезли их к собе в волость со всеми животы, без отказу и без пошлин, силно*» [1].

Опричнина принесла с собой новое усиление феодальной эксплуатации крестьянства. Именно в годы опричнины складывается та формула послушных грамот, которая предоставляла помещику право устанавливать размеры крестьянских повинностей по своему усмотрению («чем вас изоброчит»). Примененное на практике, это право означало резкое увеличение размеров крестьянских повинностей.

По свидетельству современников Таубе и Крузе, опричники-помещики увеличили размер крестьянских повинностей в несколько раз: «Бедный крестьянин уплачивал за один год столько, сколько он должен был платить в течение десяти лет» [2].

То же самое отмечает и русский писатель, современник Зиновий Отенский, расценивающий бедствия опричнины как проявление гнева бога, наказавшего Русскую землю тем, что «милость владущих на жестокое отягчение преложи... от мысли владущих и суд и правду сотре, и милость и щедроты потреби, принуди же *на подвластных истязовати множайшия дани паче прежних*» [3].

---

[1] *Д. Я. Самоквасов*, Архивный материал, т. II, стр. 48—59. Обработка документов о поместье Ю. Нелединского, опубликованных Самоквасовым, произведена в моей статье «Классовые противоречия в феодальной деревне в России в конце XVI в.».

[2] «Русский исторический журнал», 1922, № 8, стр. 36.

[3] *Ф. Калугин*, Зиновий, инок Отенский, 1894, прилож., стр. 20.

Библиотека "Руниверс"

Опричнина сильнейшим образом отразилась на всем хозяйстве Русского государства. В прямой связи с опричниной стоит важнейшее явление экономической истории России второй половины XVI в. — так называемый «хозяйственный кризис» 70—80-х годов XVI в. Ломка княжеско-боярского землевладения, огромные размеры мобилизации земель, насаждение массы новых поместий, резкое ухудшение положения крестьянства в результате усиления эксплуатации и разорения крестьянского хозяйства — все это в сочетании с отрицательным влиянием на экономику страны многолетней Ливонской войны привело к резкому ухудшению экономического положения Русского государства и вылилось в 70—80-х годах XVI в. в настоящий хозяйственный кризис огромной силы. Кризис 70—80-х годов сказался во всех областях экономической жизни: и в упадке торговли, и в расстройстве государственных финансов, и т. д. Но главной формой проявления кризиса было так называемое «запустение Центра», т. е. массовое запустение центральных районов Русского государства.

С наибольшей силой разразился кризис на территории Новгородской области. Нижеследующая таблица (см. стр. 48), содержащая данные о соотношении между «живущими» деревнями, вновь возникающими поселениями-починками и заброшенными поселениями, превратившимися в «пустоши», дает достаточно красноречивую характеристику размеров кризиса.

Не менее интенсивно было действие кризиса и в Псковской области. Так, по данным писцовой книги 1585—1587 гг., процент пустошей в Псковском уезде достигал 85,4 [1]. В Пусторжевском уезде пустоши в 1582—1583 гг. составляли 72,4% [2]. В Великолуцком уезде в 1584—1585 гг. удельный вес пустошей равнялся 89,4% [3].

В центральных уездах Русского государства размеры запустения были несколько меньше, чем в Новгородской области. Но и здесь экономический кризис достигал огромной силы. Достаточно сказать, что даже в наиболее густо населенном Московском уезде (в 13 станах) в 80-х годах пустовало около 40% пахотной земли; характерно при этом, что из 31 500 десятин земли, относящихся к разряду поместных и вотчинных земель, обрабатывалось лишь 11 500 десятин, остальные же 20 000 десятин были оставлены впусте [4].

В Тверском уезде, на землях великого князя Симеона Бекбулатовича, в 1580 г. на 472²/₃ деревень и 36 починков приходилось

---

[1] *Н. А. Рожков*, цит. соч., стр. 316.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] *С. Ф. Платонов*, Иван Грозный, 1923, стр. 141, 142.

Библиотека "Руниверс"

ТАБЛИЦА

СЕЛЕНИЙ И ПУСТОШЕЙ НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ в 80-х гг. XVI в.

(По писцовым книгам)

Название местности	Год составления писцовой книги	Количество деревень (абс. и в % к итогу)	Количество починков (абс. и в % к итогу)	Количество пустошей (абс. и в % к итогу)	Источники
Вотская пятина	1581—1582	242 / 21,8%	8 / 0,7%	855,7 / 77,5%	*Н. А. Рожков*, Сельское хозяйство Моск. Руси, стр. 314
Шелонская пятина (Залесская половина)	1582—1583	268,8 / 9,6%	5 / 0,2%	2 535,6 / 90,2%	Там же, стр. 315
Шелонская пятина (Зарусская половина)	1584—1585	244,2 / 11,8%	21 / 1%	1 818,2 / 87,2%	Там же, стр. 315
Деревская пятина	1581—1582	187 / 3,09%	1 / 0,01%	5 914,7 / 96,9%	Там же, стр. 316
Бежецкая пятина (Белозерская половина)	1581—1582	757,2 / 11,8%	39,5 / 0,6%	5 572,8 / 87,6%	Там же, стр. 317
Бежецкая пятина (Тверская половина)	1582—1583	522 / 9,3%	21 / 0,4%	5 015,8 / 90,3%	Там же, стр. 317
Обонежская пятина (Заонежская половина)	1582—1583	2 918,8 / 47,2%	50 / 0,8%	3 222 / 52%	Там же, стр. 334
Обонежская пятина (Нагорная половина)	1582—1583	444,8 / 10,9%	1 / 0,02%	3 629,3 / 89,08%	Там же, стр. 334

Библиотека "Руниверс"

456 пустошей [1]. Н. А. Рожков обобщает результаты своего изучения положения в центральных уездах в виде следующей формулы: «Начало 70-х годов XVI в. есть исходный хронологический пункт запустения большей части уездов Московского центра» [2].

Не менее сильно действие кризиса было выражено и в городах. Исследователь истории русского города в XVI в. Н. Д. Чечулин показал на массовом статистическом материале, какие огромные размеры принял процесс запустения городов во второй половине XVI в. [3]

Лишь восточные районы Русского государства (Прикамье и Нижнее Поволжье), южные степные уезды да отчасти Поморский Север оказались вне процесса запустения, испытывая на себе действие кризиса в противоположном направлении — в виде притока нового населения [4].

Запустение земель Центра и Новгородско-Псковской области явилось результатом массового бегства городского и сельского населения, забрасывавшего свои дворы и деревни и «запустошавшего» (т. е. переставшего обрабатывать) землю, обращавшуюся в «перелог» и зараставшую «лесом». Современники отмечают массовый отлив населения из центральных районов Русского государства.

Внимание исследователей уже давно привлекала запись в одной из летописей (под 1560—1561 гг.) о том, что в этом году «много множество разыдеся людей из Можайска и из Волока на Рязань и в Мещеру и в Понизовые городы, в Нижней Новгород» [5]. К этому летописному свидетельству можно добавить показание Зиновия Отенского о том, что «многая множества селян, своя рала (сохи. — *И. С.*) повергша, разыдошася» [6]. Свидетельство Зиновия Отенского приобретает особый интерес тем, что оно: 1) говорит о бегстве не вообще «людей», а именно крестьян — «селян» и 2) относится уже ко времени опричнины (1566 или 1567 г.) [7], причем бегство крестьян и запустошение ими земель Зиновий Отенский объясняет именно бедствиями, вызванными опричниной (см. его характеристику опричнины).

Размеры бегства крестьян можно продемонстрировать на материале той же Тверской вотчины Симеона Бекбулатовича.

Писцовая книга 1580 г. рисует следующую картину движения крестьянского населения [8]:

[1] *Н. А. Рожков*, цит. соч., стр. 308.

[2] Там же.

[3] *Н. Д. Чечулин*, Города Московского государства в XVI в.

[4] *Н. А. Рожков*, цит. соч., стр. 317—346.

[5] ПСРЛ, т. XIII, стр. 332; ср. *Н. А. Рожков*, Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в., стр. 306; *С. Ф. Платонов*, Очерки, стр. 588.

[6] *Ф. Калугин*, цит. соч., прилож., стр. 21.

[7] *В. О. Ключевский*, Жития святых, стр. 267 (дата написания «Слова» на открытие мощей Ионы, откуда взята цитата).

[8] *И. И. Лаппо*, Тверской уезд в XVI в. «Чтения ОИнДР», 1894, кн. 4, стр. 47.

Библиотека "Руниверс"

ДВИЖЕНИЕ КРЕСТЬЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ВОТЧИНЕ СИМЕОНА БЕКБУЛАТОВИЧА

(По данным писцовой книги 1580 г.)

Всего крестьян	2217	человек
Всего переходов	333	„
В том числе:		
Вышел	53	„
Сшел безвестно	11	„
Сбег безвестно	16	„
Выбежал	32	„
Вшел новo	27	„
Скитается	6	„
Вывезли	188	„

Таким образом, на 27 случаев прихода крестьян насчитывается 306 случаев крестьянских выходов (отношение 1 : 11). Еще более характерно распределение крестьян внутри «вышедших». Из 306 крестьян лишь 53 человека «вышли» сами, с соблюдением правил Судебника о крестьянском отказе; 188 крестьян было «вывезено», причем часть из них — «без отказу и беспошлинно»; наконец, 59 человек просто сбежали.

Таким образом, крестьянин иногда пользовался легальной возможностью ухода от владельца (предоставлявшейся Судебником), но значительно чаще обходился без этих юридических формальностей и или сам бежал «безвестно», или «вывозился» агентами-отказчиками к другому землевладельцу.

Массовое бегство крестьян [1] поставило класс феодалов-землевладельцев и выражавшую их волю государственную власть перед необходимостью новых решительных мероприятий по крестьянскому вопросу, которые бы гарантировали землевладельцам возможность беспрепятственной эксплуатации труда крестьянина и вместе с тем усилили бы власть феодалов над личностью крестьянина.

Эти мероприятия, приведшие к коренным переменам в социальном и правовом положении крестьянства, падают на последнее 20-летие XVI в. Сущность их состояла в окончательном закрепощении крестьян путем ликвидации права крестьянского выхода.

Вопрос о юридическом оформлении крепостнической зависимости крестьянства в систему крепостного права в общегосударственном масштабе — вопрос, привлекавший внимание русской исторической науки на протяжении почти 200 лет, начиная с Тати-

[1] Против которого не помогали и такие меры, как посылка московскими приказами специальных лиц «сыскивать и вывозити за государя беглых крестьян» (Десятня Московского уезда, 1578 г. *М. А. Дьяконов*, Очерки общественного и государственного строя древней Руси, изд. 4, стр. 315).

Библиотека "Руниверс"

щева, — можно считать успешно разрешенным в результате работ советских историков [1].

Решающим мероприятием в вопросе о ликвидации права крестьянского выхода явилось издание в 1581 г. закона о «заповедных годах». Этот закон отменил право крестьянского выхода, установив «заповедные годы», т. е. годы, в которые «заповедывались», запрещались крестьянские выходы. Есть основание полагать, что форма, в какой была осуществлена ликвидация крестьянского выхода (установление «заповедных лет», а не прямо запрещение выхода), объяснялась чисто тактическими соображениями: стремлением избежать взрыва борьбы крестьянства против крепостнического законодательства. Декларированные как временное мероприятие, «заповедные годы» фактически означали ликвидацию права крестьянского выхода вообще, несмотря на толки современников о том, что «государь изволит крестьянам выходу быть» [2].

Одновременно с изданием закона о «заповедных годах» правительство Ивана IV приступило к закреплению результатов этого закона путем организации новой общей переписи земель в Русском государстве [3]. Целью этой переписи, продолжавшейся в течение 1581—1592 гг., являлась запись в писцовые книги крестьян на тех землях, где их застали «заповедные годы». Эти писцовые книги должны были стать основным документом, удостоверяющим права землевладельца на живших на его землях крестьян.

Третьим крупнейшим мероприятием в области законодательства по крестьянскому вопросу явилось издание в 1597 г. закона о сыске беглых крестьян. Этот знаменитый закон являлся логическим завершением двух предшествующих актов: введения «заповедных лет» и составления писцовых книг.

Закон 1597 г. устанавливал, что крестьяне, бежавшие от землевладельца не позднее чем за пять лет до издания закона, т. е. после 1592 г., должны были безусловно возвращаться их старому владельцу. Напротив, крестьяне, бежавшие «лет за 6 и за 7 и за 10 и больши» до издания закона, оставались у нового владельца

---

[1] Обзор литературы за 1917—1942 гг. по истории крепостного права в России см. в моей статье «Проблемы крепостничества и феодализма в советской исторической литературе» (Сборник «25 лет исторической науки в СССР», 1942).

Новейшим исследованием по рассматриваемому вопросу является труд Б. Д. Грекова «Крестьяне на Руси» (1946), где подводятся итоги многолетних работ автора по истории русского крестьянства.

[2] Приговор старца Иосифо-Волоколамского монастыря Мисаила Безнина от 6 января 1595 г. (*Б. Д. Греков*, Очерки по истории феодализма в России, 1934, прилож., стр. 156).

[3] *Н. С. Чаев*, К вопросу о сыске и прикреплении крестьян в Московском государстве в конце XVI в., «Исторические записки», т. 6, 1940, стр. 158, 159.

*

Библиотека "Руниверс"

и не подлежали возврату (за исключением тех случаев, когда иск о возврате таких крестьян был уже предъявлен до издания закона 1597 г.). Двоякий подход закона 1597 г. к беглым крестьянам объясняется тем, что именно в 1592 г. была закончена работа по составлению писцовых книг, начатая в 1581 г.

Таким образом, крестьяне, бежавшие после 1592 г., были записаны в писцовых книгах за старыми владельцами, а крестьяне, бежавшие до 1592 г., оказывались занесенными в писцовые книги уже за новыми владельцами, что и создавало юридическую основу для закрепления беглых крестьян в тех местах, где их застали писцы в «заповедные годы».

Законы 80—90-х годов XVI в. окончательно оформили крепостное право в России в общегосударственном масштабе. Но, нанеся удар по самым коренным интересам крестьянства, они настолько накалили социальную атмосферу, что сделали неизбежным открытый взрыв борьбы крестьянства против растущего феодального гнета.

Особую группу феодально-зависимого населения Русского государства XVI в. составляли холопы. Будучи одной из разновидностей крепостнической зависимости, холопство, однако, обладало целым рядом особенностей, отличавших холопа от крестьянина и по объему гражданских прав, присущих каждой из этих двух групп населения, и в экономическом отношении.

XVI век занимает важнейшее место в истории холопства в России. Развитие холопства в XVI в. характеризуется двумя главными моментами: 1) отмиранием полного холопства и 2) массовым распространением холопства кабального.

Исследователи справедливо связывают процесс отмирания полного холопства со стремлением феодалов перейти от этой древнейшей формы эксплуатации труда непосредственного производителя к более эффективным формам эксплуатации [1]. Такой новой формой холопства, вытеснившей холопство полное, явилось кабальное холопство.

Уходя своими корнями в глубокую древность, кабальное холопство, однако, представляло собой новое явление в социально-экономических отношениях Русского государства XVI в. Развитие кабальной зависимости стоит в непосредственной связи с теми новыми явлениями в экономике России XVI в., которые заключались в развитии товарно-денежных отношений, растущем товарном обращении и усилении в связи с этим роли денег. Кабальное холопство и явилось тем институтом, в форме которого феодально-крепостническая зависимость распространялась на новые слои свободного населения, оказывавшиеся неспособными в новых хо-

[1] *Б. Д. Греков*, Крестьяне на Руси, стр. 575 и сл. (здесь же и литература вопроса).

Библиотека "Руниверс"

зяйственных условиях сохранить экономически самостоятельное собственное хозяйство и вынужденные итти в кабалу, беря денежную ссуду и давая вместе с тем обязательство «за рост служити», т. е. работать на своего господина — кредитора.

Несмотря на то, что развитие кабального холопства падает еще на XV в., Судебник 1497 г. не содержит никаких постановлений о кабальных людях. Это обстоятельство вряд ли является случайным. Повидимому, молчание Судебника 1497 г. о кабальных людях можно объяснить тем, что к моменту его издания служилая кабала еще не настолько распространилась, чтобы возникла необходимость законодательного регулирования этой формы зависимости. К 50-м годам XVI в., однако, положение коренным образом меняется.

Судебник 1550 г. посвящает вопросу о кабальных людях специальную статью (78-ю), определявшую юридическое положение кабальных людей и регламентировавшую взаимоотношения между кабальным человеком и его господином. Основная норма, устанавливаемая Судебником 1550 г. в вопросе о кабальном холопстве, — это то, что служилую кабалу на себя может дать только вольный человек. Эта норма Судебника определяет ту социальную среду, которая являлась источником, питающим кабальное холопство. Вместе с тем принцип Судебника: «имать кабалы на вольных людей», закрывал пути для «незаконного» расширения числа кабальных людей за счет беглых полных холопов, что, судя по тексту статьи 78, широко практиковалось до Судебника 1550 г. Объективный смысл этой нормы заключался в том, чтобы направить развитие кабального холопства по тому пути, который соответствовал интересам господствующих классов Русского государства XVI в., — по пути втягивания в сферу феодальной эксплуатации новых слоев еще не закрепощенных групп населения.

Той же цели — укреплению правовых основ кабального холопства — служило и второе важнейшее постановление Судебника 1550 г. — установление предельной суммы долга по служилой кабале (в 15 руб.), пресекавшее тенденцию феодалов произвольно повышать размеры долга, вписывавшегося в служилую кабалу. Эта тенденция в случае сохранения условий для ее беспрепятственного развития могла бы подорвать самые основы института кабального холопства путем полного обесценения реального значения служилой кабалы, исключив возможность погашения кабальным человеком долга по служилой кабале. Между тем именно юридическая возможность для кабального человека разорвать кабалу путем погашения своей задолженности господину являлась основным отличием служилой кабалы от полного холопства.

Кабальное холопство, облегчая для феодалов возможность вовлечения в сферу феодальной эксплуатации еще не закрепощенных слоев населения (сохранением у кабального человека иллюзии

Библиотека "Руниверс"

возможности вернуть себе свободу), вместе с тем делало труд кабального человека более производительным по сравнению с трудом полных холопов (ибо создавало у кабального, стремившегося собрать деньги, необходимые для погашения долга, момент личной заинтересованности, отсутствующий у полного холопа).

Но кабальное холопство имело, с точки зрения феодалов, и ряд уязвимых мест. Главным из них было недостаточно прочное закрепление кабального человека за его господином. Судебник 1550 г., подводя юридическую базу под кабальное холопство, не разрешил, однако, вопроса о стабильности отношений холопской зависимости кабальных людей. Поэтому именно проблема закрепления кабального человека за его господином явилась центральной в борьбе вокруг вопроса о холопах во второй половине XVI в.

Борьба по вопросу о кабальном холопстве являлась одним из выражений общего процесса усиления крепостничества в Русском государстве во второй половине XVI в. Одинаковы были и итоги этой борьбы, зафиксированные в Уложении царя Федора Ивановича от 1 февраля 1597 г. Этому Уложению принадлежит в истории холопства та же роль, что и законам 80-х годов XVI в. о «заповедных годах» в истории крестьянства.

Закон 1597 г. произвел коренной переворот в положении кабального холопа, лишив кабального человека возможности разорвать свою зависимость путем погашения долга и установив принцип службы кабального человека до смерти его господина.

Одновременно закон 1597 г. распространил отношения кабального холопства и еще на одну группу непосредственных производителей — на так называемых «добровольных холопов», служивших у своих хозяев «без крепостей», т. е. пользовавшихся правом свободного ухода. Всех этих «добровольных холопов» (за исключением лиц, прослуживших менее 6 месяцев) закон 1597 г. принудительно превращал в кабальных холопов, предписав «на тех вольных холопей служилые кабалы давати и челобитья их в том не слушати» [1].

Так кабальный холоп, подобно крестьянину, оказался к исходу XVI в. лишенным права перехода и прикрепленным к своему господину.

---

[1] АИ, т. I, № 221, II.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПРЕДВЕСТНИКИ ВОССТАНИЯ

Внутренняя жизнь феодальной деревни в конце XVI — начале XVII в. Волнения крестьян в вотчине Иосифо-Волоколамского монастыря в 1593—1594 гг. Положение крестьян в вотчине Антониева-Сийского монастыря. Борис Годунов и крестьянство. Голод 1601—1603 гг. Законы Бориса Годунова 1601 и 1602 гг. Рост кабального холопства. Восстание Хлопка 1603 г. Борьба в городах накануне восстания Болотникова.

*

Официальный документ — Уложение 9 марта 1607 г. о крестьянах и холопах [1] — дает очень точную характеристику социальных последствий крепостнического законодательства 80—90-х годов XVI в.

Вводная часть этого Уложения представляет собой своего рода обзор истории русского крестьянства, начиная со времен Ивана IV.

Упомянув о том, что «при царе Иване Васильевиче... крестьяне выход имели волный», закон продолжает: «а царь Федор Ивановичь... выход крестьянам заказал, и у кого колико тогда крестьян где было, книги учинил, *и после от того началися многие*

---

[1] Вопрос о «достоверности» Уложения 9 марта 1607 г. единодушно решается новейшими исследователями (С. Б. Веселовский, Б. Д. Греков, Н. С. Чаев) в положительном смысле. Следует добавить, что в том плане, в каком здесь рассматривается текст введения к закону 9 марта, для нас безразлично, дошел ли до нас подлинный текст введения или же (как думают некоторые исследователи) Татищев опубликовал его в своем пересказе.

В приложении к настоящему изданию перепечатывается новый список Уложения 9 марта 1607 г. (опубликованный мною в т. IV «Исторического архива», издаваемого Институтом истории Академии наук СССР), писанный рукою Татищева и дающий более исправный текст как самого Уложения 9 марта 1607 г., так и татищевских примечаний к нему, по сравнению с текстом, содержащимся в татищевском издании Судебника 1550 г.

В настоящем издании текст Уложения 9 марта 1607 г. цитируется по новому списку (с одновременной ссылкой на татищевское издание Судебника).

Библиотека "Руниверс"

вражды, кромолы и тяжи» [1]. Так, уже современникам была ясна связь между уничтожением права крестьянского выхода и борьбой крестьянства против своих господ.

Продолжая свой обзор истории крестьянского вопроса, закон переходит к царствованию Бориса Годунова и дает весьма критическую оценку крестьянского законодательства этого царя: «Царь Борис Федоровичь, видя в народе волнение велие, те книги отставил, и переход крестьянам дал, да не совсем, что судии не знали, како по тому суды вершити».

Наконец, современное изданию закона положение дел изображается нашим источником в следующих словах: «И ныне чинятся в том великие разпри и насилиа, многим разорения и убивства смертные, и многие разбои, и по путем грабления содеяшася и содеваются» [2].

Таким образом, Уложение 1607 г. устанавливает следующие этапы в развитии борьбы крестьянства:

1. Уничтожение крестьянского выхода привело к взрыву борьбы внутри государства.

2. Борис Годунов пытался своим законодательством прекратить волнение в народе, но неудачно.

3. К моменту издания закона борьба приобрела еще бо́льшую силу и размах.

Если учесть, что март 1607 г. — самый разгар восстания Болотникова, то придется признать, что составители Уложения о крестьянах и холопах совершенно правильно связали восстание Болотникова с переменами в судьбах крестьянства, вызванными законами конца XVI — начала XVII в.

Рассмотрение текста закона 9 марта 1607 г. заставляет сделать и еще один вывод: корни восстания Болотникова надо искать в той обстановке, которая сложилась в русской деревне конца XVI — начала XVII в., в тех явлениях, которые характеризуют взаимоотношения между крестьянами и феодалами в эпоху «заповедных лет» и уничтожения Юрьева дня.

К сожалению, наши источники очень бедны материалами, характеризующими внутреннюю жизнь феодальной деревни Русского государства конца XVI — начала XVII в.

Тем ценнее поэтому для историка, когда он получает возможность приподнять завесу, скрывающую реальную обстановку жизни и борьбы классов в Русском государстве конца XVI в., и проникнуть в самую гущу жизни русского общества накануне восстания Болотникова. Одним из таких редких случаев, дающих нам возможность познакомиться с крестьянством конца XVI в.,

---

[1] Приложение II, стр. 535; ср. *В. Н. Татищев*, Судебник, М. 1768, стр. 134. Курсив мой. — *И. С.*

[2] Там же.

Библиотека "Руниверс"

являются сохранившиеся в материалах монастырского архива Иосифо-Волоколамского монастыря документы о волнении крестьян в вотчине этого монастыря в 1593—1594 гг.

Родина «осифлянского» направления в русской публицистике XV—XVI вв., принципиально защищавшего право церкви владеть землями, — Иосифо-Волоколамский монастырь в своей хозяйственной деятельности выступает как типичный землевладелец-феодал. Вотчинные владения Иосифо-Волоколамского монастыря были расположены в пяти подмосковных уездах [1].

Все монастырское хозяйство покоилось на труде монастырских крестьян, повинности которых состояли из барщины («монастырского дела») и оброка («даней монастырских»). Кроме крестьян, монастырь имел в своей вотчине большое количество различных ремесленников (в 1579—1580 гг. их было 31) и так называемых «детенышей» («делавцы черные», по характеристике современного источника), обслуживавших своим трудом бытовые нужды монастыря (в 1579—1580 гг. их было 37) [2]. Монастырские села управлялись «посельскими старцами». Во главе хозяйственной администрации монастыря в 90-х годах XVI в. стоял старец Мисаил Безнин.

Таким образом, Иосифо-Волоколамский монастырь может рассматриваться как типичный феодал-вотчинник своего времени. Тем существеннее поэтому тот факт, что как раз Иосифо-Волоколамский монастырь стал местом открытого выступления крестьянства против феодального гнета.

Начало крестьянских волнений в монастыре падает на осень 1593 г.

21 октября 1593 г. в монастырь приехала царская комиссия в составе Андрея Яковлевича Измайлова и подьячего Казарина Петрова «обыскивати и сыскивати и дозирати всяких монастырских дел *по ложному челобитью* бывшего келаря чернца Антона Лопотинского», как определяет цель приезда А. Я. Измайлова и К. Петрова монастырская приходо-расходная книга, в которой и сохранилась запись о волнениях крестьян. Повидимому, однако, челобитье бывшего монастырского келаря содержало в себе весьма серьезные обвинения против монастырской администрации. Это видно прежде всего из самого состава комиссии, которую

---

[1] *М. Н. Тихомиров*, Монастырь-вотчинник XVI в., «Исторические записки», т. 3, 1933, стр. 139; *К. Н. Щепетов*, Сельское хозяйство в вотчинах Иосифо-Волоколамского монастыря в конце XVI в., «Исторические записки», т. 18, 1946, стр. 92—147. «Карту вотчины Иосифо-Волоколамского монастыря к концу XVI в.», составленную А. А. Зиминым, см. в издании: «Книга ключей и долговая книга Иосифо-Волоколамского монастыря XVI в.», под ред. М. Н. Тихомирова и А. А. Зимина, Институт истории Академии наук СССР, М. 1948.

[2] *М. Н. Тихомиров*, цит. соч., стр. 150, 151.

Библиотека "Руниверс"

возглавлял видный представитель царской администрации[1]; о том же говорит и приезд вместе с представителями царя самого Антона Лопотинского. Но главным доказательством в пользу обоснованности челобитной является дальнейшее развертывание событий в монастырской вотчине.

Приезд А. Я. Измайлова и К. Петрова послужил толчком к открытому выступлению крестьян против монастырской администрации: «И в кои поры Андрей был в Осифове монастыре, и в те поры по науку того Антона крестьяне монастырские не почели слушати приказщиков и ключников монастырских и монастырских дел никаких не почели делати: хлеба молотити и в монастырь возити, и солодов растити, и даней монастырских давати». Итак, монастырские крестьяне восстали против крепостнической эксплуатации. Они перестали слушаться монастырской администрации, отказались нести барщину и давать оброк монастырю. Указание нашего источника на то, что крестьяне поднялись «по науку» Антона Лопотинского, является, конечно, тенденциозной и вместе с тем наивной попыткой автора представить Антона Лопотинского главным виновником событий. Тем не менее это указание имеет ту ценность, что позволяет связать содержание челобитной А. Лопотинского с вопросом о положении монастырских крестьян. Очевидно, обстановка в монастыре была в достаточной степени острой и до открытого выступления крестьян, что и заставило правительство придать столь серьезное значение челобитью бывшего келаря и послать для расследования «всяких монастырских дел» комиссию Измайлова.

Волнения крестьян побудили монастырские власти обратиться за помощью к представителям царской администрации: «И старец Мисаила Безнин и келарь и казначее и соборные старцы сказывали про то Ондрею и Казарину». Как и следовало ожидать, Измайлов и Казарин Петров попытались восстановить порядок в монастырских селах: «И Андрей и Казарин велели крестьянам всякие монастырские дела делати и крестьян за то велели смиряти, что они не слушают, и пени за них имати». Но, несмотря на то, что Измайлов и Казарин пробыли в монастыре целый месяц (с 21 октября по 21 ноября), им не удалось ликвидировать волнений крестьян. Напротив, стоило им уехать из монастыря, как движение крестьян приняло еще больший размах: «И как Андрей и Казарин из монастыря поехали, и *крестьяне монастырские почели пуще того не слушати, и приказщиков и ключников учели бити и дел монастырских не почели делати, и леса*

[1] А. Я. Измайлов бывал воеводой Большого полка, а после смерти Ивана IV ездил с дипломатической миссией в Польшу (*Карамзин*, т. IX, примеч. 553 и 732; т. X, примеч. 57).

Библиотека "Руниверс"

монастырские заповедные почели сечи». Волнение крестьян продолжалось до февраля 1594 г., когда монастырю удалось, наконец, «крестьян острастити и смирити».

Стòит отметить при этом новую тактику, примененную монастырскими властями для усмирения крестьян. После того как попытка подавить движение силой потерпела неудачу, старец Мисаил велел брать пеню на «прожиточных крестьянах», которые «сами воровали и поучали всех воровать». Эта финансовая репрессия дала свои результаты: «И от того крестьяне унелись воровати и почели во всем слушати» [1].

Движение крестьян Иосифо-Волоколамского монастыря и по своей длительности (волнения начались между 21 октября и 21 ноября 1593 г. и продолжались до февраля 1594 г.) и по формам, какие приняла борьба (дело дошло до расправ с монастырской администрацией и до открытого вторжения в сферу феодальной собственности, да еще притом одного из самых привилегированных ее видов— в «заповедные леса»), может служить лучшим показателем той остроты, какой достигли к концу XVI в. противоречия между крестьянством и феодалами; вместе с тем оно демонстрирует и позиции борющихся классов и те цели, какими они руководствовались в своей борьбе.

Если события 1593—1594 гг. в Волоколамском монастыре дают нам яркую картину борьбы крестьянства против его феодальных господ, то опубликованные Н. С. Чаевым материалы другого монастырского архива, архива Антониева-Сийского монастыря, раскрывают перед нами иную сторону жизни феодальной деревни конца XVI — начала XVII в., знакомя с деятельностью феодалов-землевладельцев, с их политикой по отношению к крестьянству.

Расположенный на севере Русского государства, в Двинском крае, Антониев-Сийский монастырь принадлежал к числу крупнейших русских монастырей XVI в. и являлся обладателем обширных земельных владений с большим количеством крестьян. Особенностью структуры земельных владений этого монастыря было, однако, то, что значительная часть их перешла к монастырю лишь во второй половине XVI в., когда, в 1578 г., монастырь получил по царской грамоте 22 черные волостные деревни, расположенные

---

[1] Запись о волнении монастырских крестьян находится на листах 440, 441 приходо-расходной книги Иосифо-Волоколамского монастыря за 1593—1594 гг. (Собрание Ленинградского отделения Института истории АН СССР). Опубликована мной в статье «Классовые противоречия в феодальной деревне в России в конце XVI в.» (журнал «Проблемы истории материальной культуры», 1933, № 5—6) и акад. Б. Д. Грековым в приложении к его книге «Очерки по истории феодализма в России», 1934.

Библиотека "Руниверс"

в Емецком стане, в составе 55 крестьянских и 6 бобыльских дворов [1].

Именно этой части монастырских крестьян и принадлежит активная роль в той острой и напряженной борьбе за землю между крестьянами и монастырем, которая, начавшись с самого момента перехода крестьян под власть монастыря, захватывает всю первую половину XVII в., выходя, таким образом, далеко за рамки рассматриваемого здесь периода.

Документы рисуют потрясающую картину хозяйственной деятельности монастыря-феодала. До перехода к монастырю крестьяне Емецкого стана были типичными черносошными крестьянами. Как выражаются в своей челобитной царю крестьяне, «прадеды, и деды, и отцы их, и они сами жили на своих деревнях вотчинных, в черных сошках» [2]. Но положение коренным образом изменилось после отписки крестьян на монастырь. Первое, в чем почувствовали крестьяне свое превращение из черносошных крестьян-общинников в монастырских крепостных, это то, что монастырские власти «учали с них имати насильством дань и оброк втрое»: вместо 2 рублей 26 алтын 4 деньги с малой сошки по 6 рублей 26 алтын 4 деньги [3]. Но этим дело не ограничилось. К возросшему втрое оброку монастырь прибавил еще барщину: «да сверх дани и оброку на монастырские труды имали на всякое лето с сошки по 3 человека, а человек деи им ставился по 2 рубля и больши, да сверх того, они, крестьяне, зделье делали» — пахали землю и косили сено на монастырь [4]. Эта, так сказать, «нормальная» экономическая политика монастыря сочеталась и дополнялась мероприятиями чрезвычайными, заключавшимися в том, что игумен и братия «от тех вотчин поотнимали лутчие пашенные земли и сенные покосы и привели к своим монастырским землям» [5], «а у иных крестьян они, старцы, деревни поотнимали с хлебом и з сеном, и дворы ломали и развозили, а из их деревень крестьяне, от тово игуменова насильства, з женами и з детьми из дворов бегали» [6].

Так вел себя в своей вотчине монастырь.

О том, как реагировали на этот феодальный разбой и грабеж крестьяне, мы имеем данные источников лишь для сравнительно позднего времени, уже для самого момента восстания Болотникова. Из челобитной игумена монастыря царю Василию Шуй-

---

[1] *Н. С. Чаев*, Из истории крестьянской борьбы за землю в вотчинах Антониева-Сийского монастыря в XVII в., «Исторический архив», т. I, 1936, стр. 26, 27.

[2] Там же, стр. 45.

[3] Там же, стр. 40, 41.

[4] Там же, стр. 41.

[5] Там же.

[6] Там же, стр. 45.

Библиотека "Руниверс"

скому в 1607 г. мы узнаем, что «монастырские крестьяне ему, игумену, учинились, сильны, наших (царских. — *И. С.*) грамот не слушают, дани и оброку и третного хлеба им в монастырь не платят, как иные монастырские крестьяне платят, и монастырского изделия не делают, и ни в чем де его, игумена з братьею не слушают, и в том ему, игумену, чинят убытки великие» [1].

Борьба между крестьянами и феодалами в вотчине Антониева-Сийского монастыря не прекратилась и с разгромом восстания Болотникова. Так, мы узнаем, что в 1609 г. монастырь организовал нечто вроде карательной экспедиции против непокорных крестьян: старец Феодосий с монастырскими слугами убили крестьянина Никиту Крюкова, «а живота его статки (т. е. имущество. — *И. С.*) в монастырь взяли все» [2]; другой монастырский старец, Роман, приезжал «со многими людьми, и у них, крестьян, из изб двери выставливали и печи ломали» [3]. Характерно при этом, что старца Романа сопровождал «Архангельского города стрелец Первушка Кустов» [4]. С другой стороны, и борьба крестьян против монастыря продолжала сохранять самые острые формы, вплоть до того, что в 1610—1611 гг. «тех отменных деревень крестьяне своим воровством игумена з братьею слушать не учали, и двух старцов убили до смерти, и служек побивали и монастырскую казну грабили, и с пашень монастырских хлеб и сено свозили сильно» [5].

Но если борьба крестьян Антониева-Сийского монастыря *продолжалась после* восстания Болотникова, то *начало* ее следует отнести ко времени *задолго* до 1607 г., когда источники рисуют ее уже в полном разгаре. Начало этой борьбы, как и в Иосифо-Волоколамском монастыре, — 90-е годы XVI в., когда новый игумен Антониева-Сийского монастыря Иона (1597—1634 гг.), главный герой изложенной эпопеи, повел свое наступление на землю, труд и имущество крестьян.

Борьба между крестьянами и феодалами в Русском государстве в конце XVI в., с которой мы познакомились на примере двух монастырских вотчин, вполне подтверждает правильность общей характеристики обстановки в Русском государстве после уничтожения права крестьянского выхода, данной во введении к Уложению 9 марта 1607 г.

90-е годы XVI в., действительно, знаменуют собой «в народе волнение велие», причем характер этого «волнения» и причины, его вызывавшие, определялись ростом феодального гнета в течение

---

[1] *Н. С. Чаев*, цит. изд., стр. 35. Текст челобитной сохранился в составе царской грамоты от 5 декабря 1607 г.

[2] Там же, стр. 41.

[3] Там же, стр. 43.

[4] Там же, стр. 41—43.

[5] Там же, стр. 60.

Библиотека "Руниверс"

всей второй половины XVI в., что привело к резкому обострению классовых противоречий между основными классами Русского государства — крестьянами и феодальными землевладельцами.

Таким образом, корни борьбы, потрясавшей русское общество в 90-х годах XVI в., крылись в самых основах экономики и социального строя Русского государства, что придавало борьбе между крестьянами и феодалами особенно острый и глубокий характер.

Что касается тенденций, определявших направление развития борьбы классов в Русском государстве конца XVI в., то они выступали с такой четкостью, что улавливались даже современниками, как об этом можно судить по сочинению «О государстве Русском» («Of the Russe Common Wealth») Джильса Флетчера — английского дипломата, приезжавшего в 1588 г. в Москву со специальной миссией от королевы Елизаветы.

Обрисовывая общее положение дел в Русском государстве, Флетчер отмечает «всеобщий ропот и непримиримую ненависть», царящую в русском обществе, и подчеркивает, что, «повидимому, это должно окончиться не иначе как гражданской войной» [1].

Дальнейшее развертывание событий блестяще подтвердило этот исторический прогноз, и первые предвестники «гражданской войны» (т. е. открытого столкновения борющихся классов) мы имели возможность наблюдать уже через 5 лет после путешествия Флетчера.

Нарастание социального и политического кризиса в Русском государстве в конце XVI в. оказывало определяющее влияние и на деятельность государственной власти. Вся политика Бориса Годунова в первые годы его царствования подчинена стремлению не допустить в стране взрыва открытой классовой борьбы. Что Борис Годунов прекрасно понимал грозную опасность для правящих классов надвигавшейся крестьянской войны как стихийного ответа крестьянства на усиление феодального гнета, это доказывается свидетельствами современников-иностранцев (М. Шиле, Л. Паули), подтверждаемыми русскими источниками, о попытках Бориса Годунова ограничить стремления землевладельцев к усилению крепостнической эксплуатации путем регламентации крестьянских повинностей [2].

---

[1] *Д. Флетчер*, О государстве Русском, 1906, стр. 31, 32. В русском издании слова Флетчера: «a civill flame» переведены неточно: «всеобщим восстанием» (см. *Giles Fletcher*, Of the Russe Common Wealth, в издании *E. A. Bond*, Russia at the close of the sixteenth century, London 1856, p. 34).

[2] Известие М. Шиле (гонца германского императора Рудольфа II к Борису Годунову в 1598 г.) гласит: «Крестьяне и бедные люди, жившие под властью бояр или дворян и при других великих князьях считавшиеся рабами своих господ, тоже пожалованы его державностью: для всякого дворянина, владевшего крепостными людьми или крестьянами, сделано положение, сколько должны служить и что именно давать ему его подданные, и теперь каждая деревня или каждый крестьянский двор знает, как велики их повин-

Библиотека "Руниверс"

Но никаких результатов эта попытка не дала, так как ограничения размеров повинностей крестьян можно было добиться лишь путем принуждения землевладельцев, в первую очередь — помещиков, а Борис Годунов меньше всего хотел ссориться с помещиками — его главной политической и социальной опорой.

Мощным ускорителем всех социальных процессов, развивавшихся в Русском государстве, явился голод 1601—1603 гг. Голод принял потрясающие размеры. «И много людей с голоду умерло, а иные люди мертвечину ели и кошки; и люди людей ели; и много мертвых по путем валялось и по улицам; и много сел позапустело; и много иных в разные грады разбрелось и на чужих странах помроша...; и отцы чад своих и матери их не взведаша, а чады отец своих и матерей» [1].

Сохранилась официальная статистика количества умерших от голода в Москве. По этим данным, на трех московских кладбищах за два года четыре месяца было погребено 127 тысяч человек [2]. Однако простые цифры жертв голода (при всей грандиозности этих цифр) еще не дают полного представления о характере голода 1601—1603 гг. Действие голода на различные слои населения Русского государства было не только не одинаковым, но прямо противоположным, и если народные массы умирали от

ности господам» («Чтения ОИиДР», 1875, кн. 2, отд. IV, стр. 17. Перепечатано в сборнике документов, подготовленном акад. Б. Д. Грековым: «Феодальная деревня Московского государства XIV—XVI вв.», 1935, стр. 114). Лука Паули в докладе императору Рудольфу II в 1604 г. сообщает о том, что Борис Годунов «хотел бы... освободить своих подданных и людей... от тяжелого гнета, ига» (Schweren Last, Joch) (Сборник «Старина и новизна», т. XVII, 1914, стр. 79).

Русским источником, содержащим указание на мероприятия Бориса Годунова по регламентации крестьянских повинностей, является наказ писцам, посланным в вотчину Кирилло-Белозерского монастыря (июль 1601 г.). Согласно этому наказу: «в которых селех пашни монастырские есть, и в тех селех велено учинити крестьяном пашни пахати на монастырь по две десятины на выть, а будет в котором селе вытей много, а монастырские пашни мало, и что за пашнею вытей останетца, и на те выти велено положити посопный хлеб» (*Н. К. Никольский*, Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в., т. I, вып. 2, 1910, стр. 69. Перепечатано в сборнике документов, подготовленном акад. Б. Д. Грековым «Феодальная деревня Московского государства XIV—XVI вв.», стр. 86, 87).

[1] Современная запись на одном из списков «Повести о взятии Казани» (*Леонид*, Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания графа А. С. Уварова, т. III, 1894, стр. 103).

[2] «Сказание Авраамия Палицына», РИБ, т. XIII, стб. 481. Палицын, приводя эту цифру, подчеркивает, что «счисляюще по повелению цареву».

Достоверность этого известия А. Палицына не вызывает сомнений. Подтверждением его может служить запись в одном из кратких летописцев о том, что во время голода 1601—1603 гг. «на Москве велел государь погребать мертвых, хоронили на день человек по 100 и 90 и 300, и умерло людей за 7 месяцев 50 000» (*М. Н. Тихомиров*, Малоизвестные летописные памятники XVI в., «Исторические записки», т. 10, 1941, стр. 94).

Библиотека "Руниверс"

голода, то правящие классы, напротив, использовали народное бедствие для самой безудержной спекуляции хлебом.

К концу 90-х годов острый хозяйственный кризис, охвативший 70—80-е годы XVI в., уже в значительной степени был изжит; во всяком случае, налицо был процесс бесспорного подъема в сельском хозяйстве, выразившийся прежде всего в расширении запашки [1]. Поэтому, несмотря на неурожай, разразившийся в 1601 г. (и повторявшийся и в следующие два года), в стране имелись огромные запасы хлеба. По свидетельству Авраамия Палицына, хлеба было столько, что «и давныя житницы [были] не истощены и поля скирд стояху, гумна же [были] пренаполнены одоней и копон и зародов» [2]. Но весь этот хлеб был сосредоточен в руках землевладельцев-феодалов. По словам Исаака Массы, «у знатных господ, а также во всех монастырях и у многих богатых людей амбары были полны хлеба» [3]. И именно хлеб и явился главным предметом спекуляции, в которой землевладельцы светские соревновались с монастырями, и даже «сам патриарх. . . имея большой запас хлеба, объявил, что не хочет продавать зерно, за которое должны будут дать еще больше денег» [4].

Цены на хлеб возросли в десятки раз и были, конечно, совершенно недоступны для народа.

Хронограф третьей редакции сообщает о том, что во время голода четверть ржи покупали «по три рубля и выше», в то время как раньше бочка, или оков (4 четверти), стоила 3 алтына, «а коли дорого», то 5 алтын [5]. Сохранился специальный указ Бориса Годунова от 3 ноября 1601 г., направленный против спекуляции хлебом, из текста которого видно, что торговцы хлебом устраи-

---

[1] Об изживании хозяйственного кризиса в 90-х годах XVI в. см. *Б. Д. Греков*, Очерки по истории хозяйства Новгородского Софийского дома («Летопись занятий Археографической комиссии», вып. 34, стр. 152), а также мою статью «Классовые противоречия в феодальной деревне в России в конце XVI в.» М. Н. Тихомиров, полемизируя со мной, не считал возможным говорить о смягчении кризиса (см. его «Монастырь-вотчинник XVI в.», «Исторические записки», т. 3, 1933). В своем исследовании «Крестьяне на Руси» Б. Д. Греков продолжает поддерживать тезис об изживании кризиса в последнем десятилетии XVI в. и приводит новые данные в обоснование своей точки зрения.

Анализ эволюции цен в Русском государстве XVI в., произведенный А. Г. Маньковым, также подтверждает смягчение кризиса и улучшение экономической обстановки в 90-х годах XVI в. (см. *А. Г. Маньков*, Движение и география цен на хлеб в Русском государстве XVI в., «Исторические записки», т. 28, 1949).

[2] РИБ, т. XIII, стб. 481.

[3] *Исаак Масса*, Краткое известие о Московии в начале XVII в., 1937, стр. 61 (в дальнейших ссылках: *И. Масса*).

[4] Там же, стр. 60.

[5] *А. Попов*, Изборник славянских и русских статей, внесенных в хронографы русской редакции, 1869, стр. 219 (в дальнейших ссылках: *А. Попов*, Изборник). По этим данным, цена на рожь возросла в 80—130 раз.

Библиотека "Руниверс"

вали настоящую блокаду голодающего населения городов, расставляя своих агентов по дорогам, ведущим к городу, и не допуская подвоза хлеба [1]. Но указы Бориса Годунова оказались столь же бессильны уничтожить спекуляцию хлебом, как и другие царские мероприятия (раздача хлеба и денег из государственной казны, организация общественных работ и т. д.) ослабить голод.

Годы голода характеризуются важнейшими сдвигами в области социальных отношений. Разоренное голодом крестьянство становится объектом новой борьбы между землевладельцами, стремившимися использовать голодные годы для увеличения количества крестьян на своих землях. Идя навстречу этим притязаниям землевладельцев и прежде всего помещиков, Борис Годунов осенью 1601 г. издает новый указ о крестьянах. Указ этот разрешил дворянам-помещикам «отказывати и возити крестьян... промеж себя» [2].

Новый закон, таким образом, как бы восстанавливал право крестьянского выхода, уничтоженное законом о «заповедных годах», но делал это в очень своеобразной форме, разрешая лишь вывоз крестьян землевладельцами, а не свободный выход крестьянина по его собственному желанию.

При этом указ ограничивал право вывоза крестьян по трем направлениям: 1) правом вывозить крестьян обладали лишь мелкие и средние землевладельцы-помещики; боярство и близкие к нему по размерам владений землевладельцы, равно как церковь и черные волости, этого права не получали; 2) из действия закона исключалась территория Московского уезда: ни ввозить туда, ни вывозить оттуда крестьян не разрешалось; 3) землевладельцы могли вывозить лишь ограниченное количество крестьян: «возити меж себя одному человеку из-за одного же человека крестьянина одного или дву, а 3-х или 4-х одному из-за одного никому не возити».

Предоставляя, таким образом, мелким землевладельцам право увеличивать крестьянское население своих поместий (в этом нашла свое выражение основная линия политики Бориса Годунова, как политики защиты интересов помещиков), Борис Годунов, однако, изображал свой указ как акт, имеющий целью облегчить положение крестьянства, провозглашая (во введении к указу), что «царь и великий князь Борис Федорович всеа Русии и сын его великий государь царевич князь Федор Борисович всеа Русии

[1] «...которые де крестьяне... повезут... своего крестьянского... хлеба... и скупщики, зговорясь на многие статьи, выезжают и выходят к ним навстречу по всем дорогам во всякие дни и стоят на тех дорогах версты за 2 и за 3 и за 10 и больши, не хотя тех крестьян с хлебом на торг и на ярманку для волные дешевые продажи пропустити» (*М. И. Семевский*, Историко-юридические акты XVI и XVII вв., «Летопись занятий Археографической комиссии», вып. IX, отд. III, стр. 56).

[2] ААЭ, т. II, № 20.

Библиотека "Руниверс"

пожаловали, во всем своем государстве от налога и от продаж *велели крестьяном давати выход*». Эта демагогическая окраска закона 1601 г. объясняется остротой обстановки, создавшейся осенью 1601 г. в результате неурожая и угрозы голода. Именно этими мотивами объясняет издание закона 1601 г. и цитированное выше введение к Уложению 9 марта 1607 г. («Царь Борис Федорович, видя в народе волнение велие... переход крестьянам дал, да не совсем»). Что указ 1601 г. был мерой вынужденной и чрезвычайной, об этом свидетельствует самая дата издания указа. Устанавливая «срок крестьяном отказывати и возити Юрьев день осеннего», т. е. 26 ноября (по старому стилю), указ был, однако, введен в действие лишь 28 ноября, т. е. два дня спустя после Юрьева дня, в связи с чем в самом указе даже было передвинуто время для крестьянских отказов (не за неделю до Юрьева дня и неделю после Юрьева дня, как требовали Судебники, а «после Юрьева дни две недели»).

Обращая внимание на эту черту годуновского указа 1601 г., академик Б. Д. Греков справедливо замечает: «Едва ли мы ошибемся, если допустим, что правительство не собиралось давать указа о выходе и было вынуждено это сделать ввиду особых обстоятельств («волнение велие»)» [1].

Указ 1601 г., однако, не достиг ни одной из стоявших перед ним целей. Ограничения, которыми обусловливалось предоставляемое землевладельцам право вывоза крестьян, не удовлетворяли помещиков, и указ вызвал лишь новый взрыв острой борьбы между помещиками, так что в 1602 г. Борис Годунов был вынужден издать новый указ о вывозе крестьян, полностью воспроизводящий указ 1601 г., но со следующим характерным дополнением: «А из-за которых людей учнут крестьян отказывати, и те б люди крестьян из-за себя выпускали со всеми их животы, безо всякия зацепки, и во крестьянской бы возке промеж всех людей боев и грабежей не было, и силно бы дети боярские крестьян за собою не держали и продаж им никоторых не делали; а кто учнет крестьян грабити и из-за себя не выпускати, и тем быти в великой опале» [2].

Но если в среде землевладельцев указ 1601 г. вызвал лишь «бои и грабежи» из-за крестьян, то он не устранил и «волнения» среди крестьян, что являлось официально провозглашенной целью указа. Напротив, он еще более обострил отношения между крестьянами и помещиками.

М. А. Дьяконову удалось обнаружить документы, из которых видно, что крестьяне по-своему истолковывали указ 1601 г.: на

---

[1] *Б. Д. Греков*, Главнейшие этапы в истории крепостного права в России, Л. 1940, стр. 68.

[2] ААЭ, т. II, № 23 и 24.

Библиотека "Руниверс"

1601—1602 гг. падают массовые выходы крестьян от землевладельцев [1].

О массовом бегстве крестьян в голодные годы говорит и указ от 1 февраля 1606 г. о сыске беглых крестьян [2].

Положение крестьянства в голодные 1601—1603 гг. характеризуется, однако, не только борьбой землевладельцев вокруг вопроса о вывозе крестьян на свои земли и не только бегством крестьян от помещиков. Во время голода массовые размеры также принял процесс «похолопления» крестьян — превращения их в кабальных холопов. Закон 1 февраля 1606 г. посвящает специальную статью крестьянам, ставшим в годы голода кабальными холопами: «А которые крестьяне в голодные лета... пришли в холопы к своим или к сторонним помещикам или вотчинником и кабалы служилые на себя подавали, а старые их помещики или вотчинники учнут их вытягивати из холопства по крестьянству, и того сыскивати накрепко: будет сшел от бедности и животов у него не было ничего, и тем истцам отказывати: в голодные лета тот помещик или вотчинник прокормить его не умел, а собою он прокормитись не в мочь, и от бедности, не хотя голодной смертью умереть, бил челом в холопи, и тот его принял, в голодные годы прокормил и себя истощил, проча себе, и ныне того крестьянина з холопства в крестьяне не отдавати, а быти ему у того, кто его голодные лета прокормил: а не от самые бы нужи в холопи он не пошел» [3].

Эта характеристика процесса «похолопления» крестьянства помещиками в голодные годы полностью подтверждается материалами новгородских кабальных книг за 1603 г., опубликованных А. И. Яковлевым. Новгородские кабальные книги дают

[1] *М. А. Дьяконов*, Выходные и заповедные лета, «Известия Петроградского Политехнического института», т. XXIII, 1915, стр. 15—18.

[2] В этой связи несомненный интерес представляет запись в приходо-расходной книге Иосифо-Волоколамского монастыря за 7110 (1602) г. о бегстве крестьян из вотчины монастыря: «Генваря в 15 день (1602 г. — *И. С.*) взято Белковской волости на крестьянех деревни Горок, на Девятке, да на Гришке Коровине, да на Трофимке Федорове, на трех по 20 алтын, да на Добрыне, да на Зиновье, да на Онанье, да на Сенке, да на Сидорке на Новинском, с человека по 2 гривны; и всего денег взято 2 рубли 26 алтын 4 денги за то, что дано было монастырского хлеба взаймы новым крестьянам в Литвинове, трем человеком, 19 чети овса, да 2 чети жита; и те горецкие крестьяне у тех новых крестьян, как они нарядилися бежать, роскупили у них животину, и всякую рухлядь, и животинной корм, и их спустили, а в монастырь и приказщиком того не сказали» (ЦГАДА, Приходо-расходная книга Иосифо-Волоколамского монастыря за 1602 г., л. 22—22 об.). Здесь перед нами выступает своеобразный «заговор» монастырских крестьян, в котором крестьяне монастырской деревни Горок помогли бежать из другого монастырского села группе крестьян новоприходцев, не только скрыв от монастырской администрации факт их побега, но и «раскупив» у бежавших крестьян их имущество.

Изложенный эпизод может служить неплохим комментарием к годуновским указам 1601—1602 гг.

[3] ААЭ, т. II, № 40.

Библиотека "Руниверс"

возможность более конкретно представить себе это явление и позволяют дать даже некоторую количественную характеристику процесса закабаления крестьянства (см. таблицу).

СОСТАВ ЛИЦ, ДАВШИХ НА СЕБЯ СЛУЖИЛУЮ КАБАЛУ в 1603 г.

(Белозерская половина Бежецкой пятины, Деревская пятина, Залесская половина Шелонской пятины)

	Общее число кабал	Крестьянских			Бобыльских			Крестьянских и бобыльских вместе
		самим крестьянином	женами или детьми крестьян	всего	самим бобылем	женами или детьми бобылей	всего	
В абсолютных числах	676	23	9	32	71	10	81	113
В % к итогу . . .	100	3,4	1,3	4,7	10,5	1,5	12,0	16,7

Примечание. Таблица составлена на основании подсчетов, произведенных мною по кабальным книгам за 7111 (1603) г., опубликованным во второй части издания «Новгородские кабальные книги», под редакцией А. И. Яковлева, 1938. Отнесение кабалы в соответствующую рубрику таблицы делалось или на основании прямой квалификации данного лица в тексте книги, или установлением принадлежности данного лица к крестьянам или бобылям по контексту.

Приведенная таблица дает общую картину процесса закабаления крестьянства в голодные годы (по трем Новгородским пятинам). Рассмотрение таблицы позволяет сделать вывод о том, что удельный вес крестьян (вместе с бобылями) в составе закабаляемых был весьма значителен, достигая 16,7% от общего числа кабал. При этом, как и следовало ожидать, преобладающее место в группе крестьянских кабал составляют кабалы, данные на себя бобылями (81 из 113). Ибо бобыль — это тот же крестьянин, но крестьянин разорившийся, потерявший свое хозяйство и поэтому «не включенный в обязанность нести тягло и платящий лишь более легкий бобыльский оброк» [1]. Поэтому бобыльство очень часто являлось для крестьянина промежуточной ступенью на пути в кабальное холопство.

Новгородские кабальные книги дают богатейший материал для изучения путей и методов закабаления крестьян и бобылей. Процесс превращения бобыля в кабального холопа можно продемонстрировать на примере Саввы Иванова. Из записи в кабаль-

[1] *Б. Д. Греков*, Главнейшие этапы в истории крепостного права в России, Л. 1940, стр. 55.

Библиотека "Руниверс"

ной книге мы узнаем, что он «жил в бобылех за Герасимом за Ушаковым, и отказал его в срок (в тексте «сорок». — *И. С.*) у Герасима у Ушакова Тугарин Русинов сын Белавин в 111 году за собя в бобыли жо; а бьет челом в службу от голоду Тугарину Русинову, сыну Белавину и кабалу на собя дает» [1]. Таким образом, Савве Иванову до осени 111 г. (т. е. 1602 г.) удавалось удержаться в бобылях, но его новый хозяин, отказавший его себе (на основании годуновских законов 1601—1602 гг.), окончательно наложил на него свою руку, и 11 июня 1603 г. Савва Иванов вместе с женой превратились в кабальных холопов.

Не менее показательна судьба Петруши, Савурки и Иринки Денисовых. «В распросе Петруша, да Савурко, да Иринка сказали: преж того не служивали ни у кого, жил отец их Денис в бобылех..., и отец деи их Денис умер, а мать их Марья Степанова дочь сошла от гладу безвестно, а оне били челом в службу Ивану Оничкову волею. А тот Петруша лет в 13, волосом белорус, очи серы, бел, румян; а Савурко лет в 12, волосом рус, очи серы, губаст; сестра их Ирина лет в 10, лицом руса, очи кари» [2]. Здесь перед нами проходит история целой семьи, разрушенной голодом и оказавшейся в путах служилой кабалы.

Можно отметить еще один момент в процессе закабаления крестьян и бобылей. Двадцатипятилетний Овдийко Колыгин, бивший челом в холопство Тихомиру и Никите Загоскиным, показал: «отец де его живет в бобылех за Тихомиром за Загоскиным» [3]. Так у одного и того же помещика отец продолжал оставаться бобылем, а сын уже опустился на более низкую ступень социальной лестницы.

Это стремление помещиков к превращению в кабальных холопов живших на их землях бобылей и крестьян отчетливо выступает в материалах Новгородских кабальных книг. Так, из 71 кабалы, данной бобылями, 21 кабала была ими дана их прежним хозяевам [4].

Из 23 крестьянских кабал 4 были даны крестьянами их старым помещикам [5].

Следует, однако, отметить, что в обстановке голода и уход крестьянина или бобыля от помещика не спасал его от закабаления. Так, Савва Иванов стал кабальным холопом именно в результате вывоза его от старого помещика Тугарином Белавиным, закабалившим вывезенного бобыля. Другой пример: крестьянин

---

[1] Новгородские кабальные книги, ч. II, стр. 124 (в дальнейших ссылках: НКК).

[2] Там же, стр. 186.

[3] Там же, стр. 71.

[4] Там же, стр. 107, 124, 173, 179, 181, 182, 183, 184, 187, 188, 190, 194, 282, 323, 324, 326, 328, 332.

[5] Там же, стр. 80, 89, 91, 281.

Библиотека "Руниверс"

Терентий Андреев, который жил «на оброке» за помещиком Осининым, «вышел от него» осенью 1601 г., а в феврале 1603 г. уже бил челом в холопы [1].

Образуя большую группу в составе закабаляемых, крестьяне и бобыли не являлись, однако, главным источником, питавшим кабальное холопство. Основным резервуаром, из которого феодалы черпали людские массы для закабаления, и в голодные годы попрежнему продолжали оставаться свободные, еще не закрепощенные элементы в составе населения городов и сел. Давая о себе биографические сведения дьякам, записывавшим служилые кабалы в кабальную книгу, такой человек или просто называл себя «вольным человеком», или добавлял, что «жил походя, по наймам»; «жил в казакех из найму»; был «сапожный мастер»; «портной мастеришко»; «бывал в стрельцах, а ныне де отставлен»; «полесовал, лоси бил»; «коровы пас», а то и просто: «меж дворы бродил»; «ходил по миру, кормился»; или, как сказали о себе две «девки», Марфа и Степанида: «жили в Яжолбицком ряду, под окны хлебы прошали» [2].

Подсчеты, произведенные А. И. Яковлевым, дали следующее распределение лиц, дававших на себя служилые кабалы в 1603 г. [3]:

Состояние	до закабаления	свободное — 703	человека
„	„ „	зависимое — 249	человек
„	в записи не указано — 395		„

Таким образом (оставляя в стороне те случаи, когда прежнее состояние закабаляемого неизвестно), свободные элементы составляли 74% общего количества закабаляемых [4].

Для кабального холопства в голодные годы характерным, однако, является не только высокий процент свободных людей в составе закабаляемых, но и резкое повышение удельного веса свободных элементов в составе закабаляемых по сравнению с «нормальными» годами до голода.

Так, по Деревской пятине количество закабаленных с воли лиц в 1593—1594 гг. равнялось 33%, а в 1603 г. поднялось до 80%.

---

[1] НКК, ч. II, стр. 29.

[2] Там же, стр. 78, 124, 171, 195, 209, 245, 249, 288, 321, 337.

[3] *А. И. Яковлев*, Холопство и холопы в Московском государстве XVII в., стр. 61—64. По трем пятинам: Белозерской половине Бежецкой пятины, Деревской пятине и Залесской половине Шелонской пятины. Общие итоговые числа по всем трем пятинам подсчитаны мною.

[4] Авраамий Палицын, отмечая, что в царствование Федора Ивановича (1584—1598 гг.) особенно увеличилось количество людей, попавших «в неволю... служить», подчеркивает, что в кабальных холопов превращали «не от простых токмо ради нарочитаго рукоделства или какова хитра художества, но и от чествующих издавна многим имением и с селы и с виноградьи. наипаче же избранных меченосцев и крепцих со оружии во бранех» (РИБ т. XIII, стб. 482, 483).

Библиотека "Руниверс"

Количество же перекабаляемых холопов, т. е. переходивших от одного господина к другому, соответственно упало с 67% в 1593—1594 гг. до 20% в 1603 г.[1]

Эти изменения в социальном составе кабальных холопов явились результатом общего резкого усиления процесса закабаления в голодные годы. А. И. Яковлев считает возможным говорить о том, что «похолопление» в Новгороде и новгородских пятинах возросло в голодные годы «в 9 раз»[2]. Если даже признать эту цифру (полученную А. И. Яковлевым посредством довольно сложных статистических комбинаций) преувеличенной, то тем не менее можно с полным основанием говорить о многократном увеличении количества закабаляемых в голодные годы по сравнению с предшествующим временем.

Таким образом, голодные 1601—1603 годы привели к следующим изменениям в кабальном холопстве:

1) резко возросло количество кабальных холопов в целом;

2) увеличилось в составе кабальных холопов число бывших крестьян и бобылей, которых голод заставил дать на себя кабалу;

3) повысился удельный вес в составе кабальных холопов бывших свободных людей (самых различных слоев), только что потерявших свою свободу.

Голод 1601—1603 гг. явился той силой, которая способствовала огромному ускорению процесса вовлечения свободных элементов населения в сферу феодальной эксплуатации. Вместе с тем голодные годы ознаменовали собой усиление феодального гнета и для тех категорий непосредственных производителей, которые находились в зависимом состоянии и до голодных лет и для которых голод принес новые, более тяжелые формы феодальной зависимости.

Ударив всей своей тяжестью по народным массам и еще более обострив противоречия между феодалами и крестьянством, голод переводит борьбу классов в Русском государстве на новую, более высокую ступень. В прямой связи с голодом 1601—1603 гг. стоит восстание Хлопка.

Источники сохранили очень мало подробностей об этом восстании. Главным источником для изучения восстания Хлопка является «Новый Летописец», посвящающий восстанию Хлопка целую главу. Рассказ «Нового Летописца» настолько важен и вместе с тем занимает столь незначительный объем, что заслуживает быть приведенным целиком: «Бысть в то же время умножишась разбойство в земле Рустей, не токмо что по пустым местом проезду не бысть, ино и под Москвою быша разбои велицы. Царь же Борис, видя такое в земле нестроение и кровопролитие, посылаша

[1] *А. И. Яковлев*, Холопство и холопы в Московском государстве XVII в., стр. 71.

[2] Там же, стр. 68.

Библиотека "Руниверс"

многижда на них. Они ж разбойники, аки звери зубы своими скрежетаху на человека, тако противляхуся с посланными, и ничево им не можаху сотворити. Они же воры и досталь православных християн посецаху и грабяху. У них же воровских людей старейшина в разбойниках именем Хлопа. Царь же Борис, слышав, яко ничто им не зделати, прискорбен бысть зело и призва к себе бояр и возвести им и думаше с ними, како бы тех разбойников переимати. Боляре же придумаша на них послати с многою ратью воевод. Царь же Борис посла на них околничево своего Ивана Федоровича Басманова, а с ним многую рать. Они же поидоша и сойдоша их близ Москвы. Разбойницы же с ними бьющеся, не щадя голов своих, и воеводу Ивана Федоровича убиша до смерти. Ратные ж, видя такую от них над собою погибель, что убиша у них разбойники воеводу, и начаша с ними битися, не жалеюще живота своего, и едва возмогоша их окаянных осилить, многих их побиша: живи бо в руки не давахуся, а иных многих и живых поимаша. И тово же вора их старейшину Хлопка едва возмогоша жива взяти, что изнемог от многих ран, а иные уйдоша на Украину и тамо их всех воров поимаша и всех повелеша перевешать. Воеводу же Ивана Басманова повеле царь Борис погрести честно у Троицы в Сергиеве монастыре» [1].

Весьма важным дополнением к известию «Нового Летописца» являются мемуары Исаака Массы. Основной интерес свидетельства Массы состоит в том, что Масса дает характеристику социального состава участников восстания Хлопка.

В отличие от «Нового Летописца», в рассказе которого хронология отсутствует, Масса точно датирует восстание Хлопка сентябрем 1603 г. [2] «В этом месяце сентябре крепостные холопы (Iyfeygene Knechten), принадлежавшие различным московским боярам и господам, частию возмутились, соединились вместе и начали грабить путешественников, от них дороги в Польшу и Ливонию сделались весьма опасными, и они укрывались в пустынях и лесах близ дорог» [3]. Таким образом, в рассказе Исаака Массы

[1] ПСРЛ, т. XIV, ч. I, стр. 58.

[2] Вопрос о датировке восстания Хлопка можно считать окончательно разрешенным в результате исследования Е. Н. Кушевой, доказавшей достоверность даты Исаака Массы — сентябрь 1603 г., с одной стороны, данными ряда неопубликованных разрядных книг, в которых И. Ф. Басманов упоминается по различным поводам вплоть до мая 1603 г., а с другой — записью в Новгородской кабальной книге за 1604 г. от 3 июля 1604 г., представляющей собой показания некоего Афанасия Петрова сына Дмитриева, сказавшего в расспросе, что он служил у Ивана Басманова «и Ивана деи убили разбойники, а его... после Ивана отпустили на волю... и он пришод в Новгород бьет челом ныне в холопи» (*Е. Н. Кушева*, К истории холопства в конце XVI — начале XVII в., «Исторические записки», т. 15, стр. 91).

В связи с этим отпадает возможность опираться на датировку, содержащуюся в разрядной книге, опубликованной в «Синбирском сборнике», где запись об убийстве И. Ф. Басманова помещена в разрядах за 1602 г.

[3] *И. Масса*, стр. 71.

Библиотека "Руниверс"

восстание Хлопка выступает как холопское восстание, как восстание боярских и дворянских холопов, возмутившихся против своих господ. Значение этого свидетельства невозможно переоценить.

Другое важное обстоятельство, отмеченное Массой, касается мероприятий Бориса Годунова по борьбе против Хлопка. В отличие от весьма уклончивой и общей фразы «Нового Летописца», что посылаемые царем против «разбойников» войска «ничего не могли с ними сделать», Масса рисует гораздо более реалистическую картину борьбы между восставшими холопами и царскими воеводами. По словам Массы, «против них царь послал отважного молодого человека Ивана Федоровича Басманова, и с ним примерно сотню лучших стрельцов, чтобы захватить тех воров (scelmen), но те воры скоро проведали о том и подстерегли его [Басманова со стрельцами] на узкой дороге посреди леса, окружили и перестреляли почти всех бывших с ним, и царя весьма опечалило, что так случилось с таким доблестным витязем (helt), и он повелел проявить рачение и тех разбойников (rovers) изловить, а изловив, повесить всех на деревьях на тех же самых дорогах» [1]. Таким образом, Масса разделяет во времени поход Ивана Басманова и окончательную расправу с восставшими, характеризуя первое из названных событий как победу восставших и поражение годуновских войск. Но если даже и не принять версию Массы в целом, она содержит в себе такую важную подробность, как то, что отряд Басманова попал в засаду, устроенную Хлопком, и именно поэтому и потерпел такое тяжелое поражение. Это показание Массы позволяет удовлетворительно объяснить, почему, несмотря на явное неравенство сил, восставшие чуть не одержали победу над царскими воеводами, хотя вместе с тем и рисует последних в очень невыгодном свете, как неумелых военачальников (чем и можно объяснить молчание об этом официального источника, каким является «Новый Летописец»).

Можно довольно отчетливо представить себе обстановку накануне восстания Хлопка и причины, это восстание вызвавшие.

Уже a priori следует предположить, что наступление феодалов на труд и свободу народных масс, выражавшееся в использовании обстановки голода для закабаления голодного населения и превращения закабаленных людей в своих холопов, не могло не вызвать соответствующей реакции со стороны холопов, в составе которых резко возросло количество недавно еще свободных людей. И если одних угроза голодной смерти заставляла жертвовать своей свободой и итти в кабалу, то более активные и решительные элементы пытались искать иного выхода из положения и находили этот выход прежде всего в бегстве на южные окраины Русского государства.

---

[1] *И. Масса*, стр. 71.

Библиотека "Руниверс"

Эта часть Русского государства — Украинные и Польские города — в XVI в. обладала рядом своеобразных особенностей, обусловившихся тем, что Украинные и Польские города являлись районом интенсивной колонизации, причем правительство всячески стимулировало приток населения в эти места, вплоть до того, что использовало для колонизации Украинных городов такое средство, как ссылку туда преступников, предполагая (в указе 1582 г.), что тот, кто «уличен будет в составе (подлоге. — *И. С.*) и в кромоле, и такого лихого человека казнити торговою казнью да сослати в козаки в Украйные города» [1]. По свидетельству Авраамия Палицына, правительство шло даже еще дальше в своей политике заселения русского Юга и допускало, что если «кто злодействующий осужден будет к смерти и аще убежит в те грады Полские и Северские, то тамо да избудит смерти своя» [2].

Это особое положение южных городов Русского государства привлекало туда и беглых холопов, так как именно здесь им было легче всего укрыться от розысков и превратиться в вольных людей.

Вопрос о бегстве холопов стоял весьма остро уже в 90-х годах XVI в., и закон 1 февраля 1597 г. специально уделяет внимание рассмотрению вопроса: «от которых бояр полные холопи, и кабальные, и приданые люди, и жены и дети побежали» [3].

Голод 1601—1603 гг. еще более обострил положение. Новгородские кабальные книги зарегистрировали целый ряд случаев бегства холопов от своих господ, причем характерным является то, что одни и те же условия вызывают прямо противоположную реакцию у более сильных по сравнению с более слабыми. Типичным в данном случае может явиться пример холопской четы Петровых. Давая на себя служилую кабалу, «заимщица Настасьица в распросе сказала: служила преж сего у Ивана у Никифорова сына Вышеславцова, а после тово служила у Михайла у Михайлова сына Шишкина, и Михайла Шишкин меня отпустил, а муж мой Гаврила при Михайле збежал» [4]. Так Гаврила Петров увеличил собой число беглых холопов, а его жена пошла в новую кабалу. Из показаний другого холопа мы узнаем, что он после 20-летней «службы» в холопах тоже «отходил прочь, гулял» [5]. Эти беглые холопы, «гулящие люди» [6], в огромных количествах скоплялись в голодные годы в южных районах Русского государства. Авраамий Палицын определяет количество беглых холопов

[1] АИ, т. I, № 154, XX.
[2] РИБ, т. XIII, стб. 482.
[3] АИ, т. I, № 221, II.
[4] НКК, ч. II, стр. 316.
[5] Там же, стр. 300.
[6] Термин «гулящие люди» встречается уже в Новгородской кабальной книге 1599—1600 гг. См. *Н. П. Павлов-Сильванский*, Люди кабальные и докладные, ЖМНП, 1895, № 1, стр. 214.

Библиотека "Руниверс"

в Украинных городах цифрой более чем в двадцать тысяч человек [1].

Ряд обстоятельств еще более увеличивал в рассматриваемый период количество холопов, порвавших со своим холопским состоянием и превратившихся в «гулящих людей».

А. И. Яковлев, анализируя социальный состав лиц, закабалявших холопов в голодные годы, приходит к выводу, что «работу по закабалению всего энергичнее и искуснее вела именно верхушка уездного дворянства» [2]. Но если мелкие и средние землевладельцы-дворяне жадно захватывали в свои руки разоренных голодом людей, превращая их в своих холопов, то несколько иную картину рисуют источники в отношении крупных землевладельцев, боярства.

Для бояр, в вотчинах которых жили многие десятки дворовых-холопов, содержание многочисленной челяди становилось во время голода делом весьма невыгодным. Поэтому голодные годы характеризуются чрезвычайно любопытным явлением: массовым отпуском боярских холопов на свободу. Сообщающий об этом Авраамий Палицын добавляет, что часть из тех, кто «начаша своих рабов на волю отпускати», делали это «истинно», а иные действовали «лицемерством», и поясняет, что те, кто отпускали холопов «истинно», давали им отпускную, «лицемерницы же не тако, ино, токмо из дому прогонит» [3]. Этот маневр холоповладельцев, освобождая их от лишних ртов, сохранял за ними юридические права на изгнанных холопов и вместе с тем ставил таких холопов в особенно тяжелое положение, так как они не могли давать на себя кабалу другим лицам, будучи заподозреваемыми в бегстве от своих старых господ.

Правительство Бориса Годунова, сознавая опасность, какую таило в себе скопление больших масс холопов, брошенных их господами на произвол судьбы, пыталось бороться с этим явлением при помощи законодательных мероприятий, издав в августе 1603 г. специальный закон о холопах. Закон этот устанавливал, что холопы, которых их господа не кормят, «а велят им кормиться собою, и те их холопы помирают голодом», получают свободу: «велели тем холопем давати отпускные в Приказе Холопья суда» [4].

Это своеобразное «освобождение» холопов, изгнанных их господами, закон 1603 г. мотивировал тем, что иначе этих холопов нельзя закабалить вновь («а за тем их не примет никто, что у них отпускных нет»). Однако эффект от этого закона был совсем

[1] РИБ, т. XIII, стб. 484.
[2] *А. И. Яковлев*, Холопство и холопы в Московском государстве XVII в., стр. 82.
[3] РИБ, т. XIII, стб. 483.
[4] АИ, т. II, № 44.

Библиотека "Руниверс"

не тот, какого ожидало годуновское правительство. Легализуя положение холопов, брошенных их господами, он вместе с тем, несомненно, форсировал бегство на окраины Русского государства тех элементов, которые и под угрозой голодной смерти не хотели вторично бить челом в холопы.

Вопрос о холопстве в первые годы царствования Бориса Годунова имел еще одну и весьма существенную сторону. В ходе острой борьбы, которую Борис Годунов вел со своими политическими противниками из лагеря боярства, в нее оказались втянутыми и холопы, и притом двояким образом.

Как и Иван Грозный, Борис Годунов в качестве одного из средств борьбы против боярства применял опалы, сопровождавшиеся конфискациями боярских вотчин. Эта последняя мера коренным образом изменяла положение холопов, принадлежавших подвергшимся опале боярам: вся челядь опальных бояр распускалась на свободу, причем их запрещалось принимать в другие дома: «заповедь же о них везде положена быть, еже не принимать тех опальных бояр слуги их никому же» [1].

Эти отпущенные холопы опальных бояр по-разному устраивали свою судьбу. Холопы-ремесленники, «хто ремество имеюще, тии кормящеся» [2], т. е. становились свободными ремесленниками. Но в составе боярской челяди имелась большая группа холопов, ходивших со своими господами на войну, составляя вооруженную свиту боярина [3]. Эта часть холопов — те, «иже на конех играющеи», по образному выражению Авраамия Палицына, намекающего на то, что эти холопы входили в состав конных служилых полков, — пользовалась неожиданно полученной свободой для массового бегства в южные Украинные города: «во грады... Украиные отхождаху» [4].

Этим, однако, не исчерпывалось влияние на судьбы холопов политической борьбы, которой столь насыщены 90-е годы XVI в. и начало XVII в. Логикой борьбы холопы не только испытывали ее воздействие в качестве пассивного объекта, как один из видов

[1] РИБ, т. XIII, стб. 484. Важный материал по вопросу об отпуске на свободу холопов опальных бояр приводится в цитированной выше статье Е. Н. Кушевой.

[2] Там же.

[3] См. по этому вопросу: *А. И. Яковлев*, Боярский список 1556 г., в «Прибавлениях» к его исследованию «Холопство и холопы в Московском государстве XVII в.», стр. 312—315; *А. В. Бородин*, Уложение о службе 1556 г., «Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову», 1922, стр. 143—153. Недостатком работы А. В. Бородина является то, что автор соединяет в одно и военную службу обычного типа — «в полках» — и «посоху», т. е. чрезвычайное ополчение. Поэтому он смешивает «людей», которых служилый человек должен был поставлять «в поход» по нормам Уложения 1556 г., с «даточными людьми», набираемыми в «посоху», т. е. в ополчение.

[4] РИБ, т. XIII, стб. 484.

Библиотека "Руниверс"

боярской собственности, но и оказались непосредственно втянутыми в нее. В своей борьбе против боярства Борис Годунов попытался использовать в качестве активной силы и боярских холопов, поощряя доносы на бояр со стороны холопов и щедро награждая доносчиков. Эта мера, однако, оказалась обоюдоострой и не столько увеличила количество тайных агентов Бориса Годунова, сколько развязала противоречия внутри боярского двора, превратив доносы на бояр в одно из средств борьбы холопов против своих господ. Именно за это и осуждает Бориса Годунова «Новый Летописец»: «Людие же боярские *всех дворов*... начаша умышляти всяк над своим боляриномъ и зговоряхуся меж себя человек по пяти по шти, един идяше доводити, а тех поставляше в свидетелех, и те по нем такаху... И от такова ж доводу в царстве бысть велия смута» [1].

Так экономические противоречия между холопами и феодалами переходили в открытую борьбу — сначала пассивную (в виде бегства холопов) или случайную (в форме «доводов» — доносов холопов на бояр), а затем и в борьбу политическую.

В этой обстановке восстание Хлопка выступает перед нами как закономерный продукт и прямое выражение всей совокупности социальных и политических условий, характеризующих классовую борьбу в Русском государстве конца XVI — начала XVII в.

То, что нам известно о восстании Хлопка, заставляет расценивать его как движение очень большой силы.

«Новый Летописец», говоря об огромных размерах, какие приняло движение Хлопка, обосновывает свою точку зрения указанием на два момента. Во-первых, на размер территории, охваченной восстанием: «Умножишась разбойство в земле Рустей, не токмо что по пустым местам проезду не быть, ино и под Москвою быша разбои велицы». Вторая черта восстания Хлопка, отмечаемая «Новым Летописцем», — это наличие у восставших крупных сил, позволявших им успешно бороться против царских войск: «Царь же Борис, видя такое в земле нестроение и кровопролитие, посылаше многижда на них. Они же разбойники... противляхуся с посланными, и ничего им не можаху сотворити».

Оба эти утверждения «Нового Летописца» полностью соответствуют той картине восстания, которую можно получить на основании данных, имеющихся в разрядах.

В одной из разрядных книг — в так называемой Яковлевской разрядной книге — сохранилась запись, позволяющая проверить рассказ «Нового Летописца» и вместе с тем наполнить его конкретным содержанием.

---

[1] ПСРЛ, т. XIV, ч. I, стр. 52.

Библиотека "Руниверс"

Запись эта находится в составе разряда за 1603 г. (7111 г.) и имеет следующий вид:

«Того ж году посылал (царь Борис. — *И. С.*) дворян за разбойники:

В Володимир Олексея Фомина да Тимофея Матвеева сына Лазарева.

На Волок на Ламской Михайла Борисовича Шеина, да Олексея Иванова сына Безобразова.

В Вязьму князя Ивана Андреевича Татева да Офонасья Мелентьева.

В Можайск князя Дмитрия Васильевича Туренина.

В Медынь Ефима Вахрамеевича Бутурлина да Федора Петрова сына Окинфиева.

В Ржеву Ивана Никитича Салтыкова да Федора Жерепцова.

На Коломну Ивана Михайловича Пушкина» [1].

Сопоставление текста Яковлевской разрядной книги с «Новым Летописцем» не оставляет сомнения в том, что автор «Нового Летописца» строил свой рассказ именно на основе разрядных записей. Перечисленные в росписи города образуют как бы кольцо, окружающее Москву со всех сторон, причем такие города, как Коломна или Можайск, находятся в непосредственной близости от Москвы [2].

---

[1] Рукописное собрание Научной библиотеки Одесского государственного университета имени Мечникова, Яковлевская разрядная книга, л. 34, 35. Рукопись Яковлевской разрядной книги была описана А. И. Маркевичем в приложении к его книге «История местничества в Московском государстве в XV—XVII вв.» (Одесса 1888), где А. И. Маркевич отмечает и разряд о посылке воевод за разбойниками (цит. соч., прилож., стр. XLIII). Первым исследователем, обратившим внимание на названное известие, была Е. Н. Кушева (в ее статье о холопстве). Благодаря любезности дирекции библиотеки Одесского университета и заведующего кафедрой истории СССР университета Н. П. Коровякова мне удалось получить в свое распоряжение полный текст разряда о посылке воевод против разбойников.

[2] К перечню городов Яковлевской разрядной книги можно добавить еще Малый Ярославец. Упоминание о нем сохранили столбцы 1614—1616 гг., относящиеся к сыску денежных окладов. Один из челобитчиков, Андрей Тимофеев, в 1616 г. сказал: «При царе Борисе, как брата ево родново убили в Ярославце Малом разбойники, и царь Борис пожаловал ево Ондрея брата ево поместным окладом» («Четвертчики Смутного времени», под ред. Л. М. Сухотина, 1912, стр. 229). Вряд ли могут быть сомнения в том, что под «разбойниками», о которых идет речь в показаниях А. Тимофеева, подразумеваются участники восстания Хлопка.

С восстанием Хлопка, повидимому, следует связать и опубликованную С. Белокуровым запись о том, что «сентября в 17 день послал государь на Резан для разбойников Якова Яковлева сына Вельяминова да Ивана Иванова сына Волынскова» (*С. Белокуров*, Разрядные записи за Смутное время, М. 1907, стр. 113. В дальнейших ссылках: *Белокуров*).

Более точному решению вопроса о содержании этой записи мешает путаница в ее датировке. В рукописи запись датирована 7112-м годом. (В издании Белокурова данное известие ошибочно датировано 7212-м годом, с вопросительным знаком издателя. Но проверка по рукописи, произведенная по

Библиотека "Руниверс"

Текст Яковлевской разрядной книги подтверждает и достоверность сообщения Исаака Массы о том, что «дороги в Польшу и Ливонию сделались весьма опасными» от разбойников. Действительно, Можайск и Вязьма расположены как раз по основной дороге в Польшу, а Волок Ламский и Ржев — на дороге в Прибалтику.

Перечень городов, названных в Яковлевской разрядной книге, дает возможность конкретно представить себе территорию, охваченную восстанием. Оно охватило, таким образом, самые центральные районы Русского государства [1].

Яковлевская разрядная книга подтверждает и второе известие «Нового Летописца»: о многократной посылке Борисом Годуновым воевод против «разбойников» и о бессилии воевод подавить восстание. Простой перечень воевод, брошенных правительством Годунова на подавление восстания Хлопка, показывает, насколько крупные силы оказались вовлеченными в борьбу. К этому надо добавить, что в числе воевод, ходивших «за разбойники», оказываются такие известные лица, как князья И. А. Татев и Д. В. Туренин, М. Б. Шеин, И. Н. Салтыков и И. М. Пушкин.

Таким образом, уже на своем начальном этапе восстание Хлопка выступает перед нами как движение исключительно крупных масштабов.

Источники очень скудны данными, характеризующими формы, которые в восстании Хлопка приняла борьба холопов, поднявшихся против феодального гнета; они ограничиваются лишь трафаретными фразами о «разбоях» и «разбойниках» [2]. Однако некоторые выводы относительно характера борьбы восставших сделать все же можно.

Под фразой «Нового Летописца» — «в земле нестроении и кровопролитии» скрывается, конечно, вполне реальное содержание,

моей просьбе В. Г. Гейманом, показала, что в оригинале «совершенно ясно написано 7112».) Это давало бы возможность датировать посылку воевод «на Резан» сентябрем 1603 г. Но следующая за приведенной запись говорит уже о событиях сентября 1604 г. (приход отрядов Лжедмитрия в Монастырище). Однако и содержание записи и редакция текста (формула: «для разбойников») сближают ее с записью Яковлевской разрядной книги.

[1] Историк Комарицкой волости Д. Святский утверждает, что местом зарождения восстания Хлопка была Комарицкая волость. «Комарицкая волость к началу XVII в. стала не только густо населенной, но и тревожно настроенной областью... В 1603 г. Хлопка Косолапый... пошел отсюда на Москву» (*Д. Святский*, Исторический очерк городов Севска, Дмитровска и Комарицкой волости, Орел 1908, стр. 37).

[2] Скудость источников о восстании Хлопка не дает возможности выяснить вопрос о том, в какой мере и степени восстание Хлопка затронуло основные массы крепостного крестьянства тех районов, где действовали отряды Хлопка. Можно лишь в общей форме высказать предположение, что среди участников восстания Хлопка наряду с холопами могли быть и крестьяне.

Библиотека "Руниверс"

разъясняемое дальнейшими словами летописца о том, что «воры... православных христиан посецаху и грабяху». Что эти действия восставших не были грабежами и убийствами обычного типа, а носили совершенно иной характер — характер расправы восставших холопов со своими господами (которых нетрудно угадать под «православными христианами»), — видно из поведения правительства Бориса Годунова во время восстания.

Выше, сопоставляя рассказ «Нового Летописца» о походе Ивана Басманова с версией об этом же событии, содержащейся в мемуарах Исаака Массы, мы констатировали тенденциозность летописца, пытающегося скрывать то, что рисует в невыгодном свете действия правящих классов во время восстания. Тем не менее даже и в том тенденциозном освещении, в каком история восстания Хлопка дошла до нас в изложении официальной летописи, она достаточно ясно показывает, насколько встревожено было правительство Бориса Годунова во время восстания.

Борису Годунову не удалось подавить движение в самом его начале, и карательные отряды, которые царь «многижда» посылал против Хлопка, терпели поражения один за другим. Это, а также тот факт, что восстание приближалось к самой Москве, заставило Бориса Годунова придать ему особо важное политическое значение и сделать вопрос о борьбе с восстанием предметом обсуждения Боярской думы. Это последнее обстоятельство (специально отмечаемое «Новым Летописцем») показывает всю серьезность обстановки, создавшейся в стране в результате восстания. Восстание Хлопка означало не только полный крах всей предшествующей политики Бориса Годунова по крестьянскому вопросу (напомним, что последний закон в этой области — о даче холопам отпускных — был издан всего лишь 16 августа 1603 г.), целью которой было устранить «в народе волнение велие» и не допустить открытого взрыва классовой борьбы, но и таило в себе реальную угрозу для самых основ социального строя Русского государства.

В этой обстановке решение Боярской думы — послать против Хлопка воевод «с многою ратью» — является вполне закономерным и понятным. Своевременность его, с точки зрения защиты интересов феодалов, показала борьба между Хлопком и ратью Ивана Басманова. Ценнейшей деталью рассказа «Нового Летописца» об этой битве является указание о том, что она произошла «близ Москвы». Сражение между восставшими холопами и царскими воеводами, развернувшееся в самом центре Русского государства, у стен его столицы, должно было оказать огромное воздействие на всю страну, независимо от исхода этого сражения [1].

[1] Положение внутри Москвы было также очень острым, и Борису Годунову приходилось принимать решительные меры против тех, кто «богатых домы грабили и разбивали и зажигали» (см. ниже, стр. 84).

Библиотека "Руниверс"

Ожесточенность борьбы и геройство, проявленные в ней Хлопком и его товарищами, бившимися не на жизнь, а на смерть, — вот те основные черты, которые сохранил в своем рассказе о битве под Москвой «Новый Летописец».

Мы уже отмечали выше, что сопоставление версий «Нового Летописца» и Исаака Массы о походе Ивана Басманова подрывает доверие к рассказу «Нового Летописца» в этой его части. Официальный документ — запись в разрядной книге — не дает возможности разобраться в противоречивых показаниях источников и лишь кратко указывает, что «Иван Басманов тово лета на службе не был: тово лета Ивана Басманова убили разбойники» [1]. Но для общей характеристики восстания Хлопка подробности похода Ивана Басманова в конце концов являются лишь деталью, ничего не меняющей в общей картине этого движения. Гораздо существеннее другое сообщение «Нового Летописца» — о расправе с участниками восстания. Заключительная фраза рассказа «Нового Летописца» о том, что те участники восстания, которых не удалось захватить вместе с Хлопком в плен, «уйдоша на Украину и тамо их всех воров поимаша и повелеша перевешать», содержит в себе (хотя и в тенденциозном освещении) признание того факта, что участники восстания Хлопка бежали после разгрома движения в Украинные города, т. е. именно туда, куда обычно бежали все недовольные элементы. Что же касается утверждения летописца о том, что все бежавшие были схвачены и перевешаны, то еще С. Ф. Платонов указал, что «можно сомневаться в справедливости (этих) слов летописи» [2]. И восстание Болотникова, вспыхнувшее именно в Украинных городах, лучше всяких других доказательств опровергает благочестивый конец летописной истории о Хлопке.

Мы ничего не знаем о личности вождя восстания. Все, что можно сказать о Хлопке, — это то, что этимология его прозвища (Хлопа, Хлопко) ведет нас к той самой социальной группе, которая и составляет круг участников восстания Хлопка: к холопам, из среды которых, повидимому, и вышел отважный вождь восстания 1603 г.

Присвоение Хлопку прозвища «Косолап» большинством историков (вплоть до учебника по истории СССР для средней школы, под редакцией А. М. Панкратовой) не имеет опоры в источниках и представляет собой хотя и остроумную, но ошибочную гипотезу Карамзина [3], отнесшего к Хлопку найденную им запись в

---

[1] «Синбирский сборник» Д. Валуева, 1845, стр. 145.

[2] *Платонов*, Очерки, стр. 257.

[3] Надо, впрочем, заметить, что сам Карамзин осторожнее его последователей и говорит не о «Хлопке Косолапе», а о «Хлопке *или* Косолапе». Курсив мой. — *И. С.*

Библиотека "Руниверс"

Архивской переписной книге Посольского приказа 1614 г.: «Столп 112 году о задорех и о разбойникех, о Косолапе с товарищи» [1]. На отождествление Косолапа с Хлопком натолкнуло Карамзина, повидимому, хронологическое совпадение даты «столпа» о Косолапе — «112 г.», т. е. 1603—1604 г., с временем восстания Хлопка — 1603 г. От внимания Карамзина, однако, ускользнуло то, что в той же самой Переписной книге 1614 г. имеется еще одна запись о Косолапе. Запись эта гласит: «Столп 106-го году о разбойнике о Карпунке Косолапе с товарыщи, которые побили торговых свейских немец» [2]. Открытие этой записи полностью устраняет возможность относить прозвище «Косолап» к Хлопку. Вместе с тем она объясняет и ту запись о Косолапе, которую ввел в оборот Карамзин. Очевидно, инцидент с ограблением шайкой Карпуньки Косолапа шведских купцов продолжал быть предметом дипломатической переписки между Россией и Швецией с 1598 г. (106) до 1604 г. (112). Инцидент этот трактовался в плане «задоров», как на тогдашнем дипломатическом языке назывались всякого рода пограничные инциденты [3]. Таким образом, «столп о Косолапе» не имеет никакого отношения к Хлопку.

Мы лишены возможности, по характеру сохранившихся данных о восстании Хлопка, решить вопрос о наличии (или отсутствии) связи между отдельными районами восстания. Мы не знаем, были ли эти районы как-либо связаны друг с другом или же движение в каждом отдельном районе было совершенно изолированным, локальным.

Точно так же у нас нет данных и для ответа на вопрос о том, в какой мере сам Хлопко, как личность, оказывал влияние на борьбу в том или ином районе (или же он был, как это думают

---

[1] *Карамзин*, т. XI, стр. 70 и примеч. 188.

[2] ЦГАДА, фонд Посольского приказа, Архивская переписная книга № 1, 1614 г., л. 313. Запись эта найдена Е. Н. Кушевой, с любезного разрешения которой она используется мной.

[3] В качестве образца того, что вкладывалось в понятие «задоры», можно привести следующее место из статейного списка посольства князя Г. Волконского и А. Иванова в Польшу в 1606 г. Польские представители, между прочим, «говорили о задорех: писал к государю нашему изо Мстиславля державец, что государя вашего люди, перейдя за рубеж Мстиславского повету, многие села пожгли и людей пограбили, чтоб государь от того велел унять, и про того велел сыскать и воров казнить. И посланники говорили: многие задоры чинятца в порубежных местех от государя вашего людей. И нечто будет великого государя нашего люди, не стерпя многих обид от государя вашего людей, что учинили против, — и государь бы ваш велел своих людей от задоров унимать; а мы про то великому государю нашему известим же и государь наш царское величество велит про то сыскать» (Сб. РИО, т. 137, стр. 357; ср. стр. 353, 362, 363 и др.).

Библиотека "Руниверс"

некоторые, лишь предводителем *одного из отрядов* восставших холопов).

Одновременность восстания в целом ряде местностей Русского государства заставляет, однако, притти к выводу, что перед нами картина единого движения если не в смысле единства действий, то в том смысле, что восстания в отдельных местностях явились формой, в какой находило свое выражение развитие движения холопов 1603 г. Вместе с тем все то, что в источниках (и прежде всего в «Новом Летописце») говорится о самом Хлопке, заставляет признать, что первоначальный и главный центр движения холопов был связан именно с ним. Это видно в частности и из того, что поражение Хлопка позволило Борису Годунову подавить и все движение в целом.

Движение Хлопка явилось наиболее грозным предвестником восстания Болотникова. Но нарастание классовой борьбы шло и по другим направлениям.

Существенным элементом в общем процессе развития социального кризиса в Русском государстве в конце XVI — начале XVII в. являлась классовая борьба в городах. Правда, мы почти лишены — для времени, предшествующего восстанию Болотникова, — материалов, освещающих внутреннюю жизнь русского города. И если для 1608—1610 гг., например, есть такие замечательные источники по вопросу о классовой борьбе в городах, как грамоты о борьбе между верхушкой посада и городскими низами в Ярославле и других северных городах, или такие бесценные для историка материалы, как рассказ «Псковского летописца» о борьбе между «большими и меньшими» в Пскове, то для предшествующего периода мы не имеем ничего подобного. Поэтому картину социальной жизни и борьбы в русском городе накануне восстания Болотникова приходится воссоздавать по отдельным, порой случайным, упоминаниям источников, разделенным зачастую значительными хронологическими промежутками.

Первое, что следует отметить, говоря о русском городе конца XVI — начала XVII в., — это растущую политическую активность городского населения, посадских людей. В этом отношении показательными являются события 1584 и 1587 гг., когда «чернь Московская» и «торговые мужики» играли столь видную роль в борьбе между Борисом Годуновым и его политическими противниками.

В мае (по другим источникам — в апреле) 1584 г. «чернь Московская приступали к городу большему Кремлю, и ворота Фроловские выбили и секли, и пушку большую, которая стояла против Фроловских ворот, на Лобном месте, под город подворотили; и дети боярские многие на конех из луков на город стреляли». Правительство вынуждено было послать «ко всей черни»,

Библиотека "Руниверс"

для уговоров, думного дворянина Михаила Андреевича Безнина [1] и дьяка Андрея Щелкалова, которые «чернь уговорили и с мосту сослали», чем и водворили спокойствие в столице [2].

События весны 1584 г. интересны и важны для нас не столько в плане изучения борьбы между политическими группировками в правящих кругах Москвы [3], сколько тем, что исключительно ярко рисуют «московскую чернь» как мощную силу и активный фактор, пытающийся вмешаться в ход развертывавшихся перед ее глазами событий.

Еще большей остроты достигает борьба Московского посада в 1587 г., когда от «заворовавших» «торговых мужиков» московские власти «в Кремле городе в осаде сидели и стражу крепкую поставили».

Свидетельствуя об активном участии городского населения Москвы в политической борьбе, события 80-х годов XVI в. не дают, однако, возможности проследить противоречия внутри самого населения Московского посада, вскрыть противоположность интересов городских низов и посадских верхов.

Принципиально иную черту внутренней жизни русского города сообщает «Повесть о Гришке Отрепьеве». Рассказывая о голоде 1601—1603 гг., автор «Повести», нарисовав картину ужасов голода («то бо есмь аз видех своима очима»), продолжает: *«богатых домы грабили и разбивали и зажигали; тех людей имаху и казняху: овых зжигали, а иных в воду метали»* [4].

---

[1] М. А. Безнин, в качестве «старца» Мисаила Безнина, уже упоминался в предшествующем изложении в роли усмирителя волнения крестьян в вотчине Иосифо-Волоколамского монастыря. Отождествить М. А. Безнина и старца Мисаила Безнина позволяет родословная роспись Безниных: «...у Андрея Безны дети... Михайло бездетен, в чернецах в Иосифове монастыре» («Временник Московского общества истории и древностей российских», кн. X, 1851, отд. II, стр. 193). М. А. Безнин — любопытный пример превращения «думного дворянина» в монаха-осифлянина, буквально оправдывающий своей биографией иронические кличку осифлян «дворяне великого князя», данную им одним из публицистов того времени (см. статью *В. Ф. Ржиги*, Из полемики «иосифлян» и «нестяжателей», «Известия Академии наук СССР», Отделение гуманитарных наук, 1929, стр. 809).

[2] «Краткий летописец до 1598 г.», Государственная Публичная библиотека, сборник «Древнехранилище Погодина», № 1573, л. 11. Цитирую по *А. Ф. Бычкову*, Описание рукописных сборников Публичной библиотеки, ч. I, 1882, стр. 440. Рассказ об этих событиях «Нового Летописца» (ПСРЛ, т. XIV, ч. I, стр. 35, 36) пытается ослабить впечатление от похода московских черных людей на Кремль и опускает ряд важных деталей.

[3] См. об этом у *С. Ф. Платонова*, Очерки по истории Смуты, стр. 196, 197 и примеч. 42; *его же*, Борис Годунов, 1921, стр. 24, 25.

[4] *Карамзин*, т. XI, примеч. 168.

В одном из Погодинских сборников Государственной Публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина («Древнехранилище Погодина», № 1616. Сборник XVIII в.) это известие сохранилось в более полной редакции: «...и бысть великое насилие, много богатых домы грабили, и разбивали, и зажигали, и бысть страхование великое, и умножишася неправды. И кото-

Библиотека "Руниверс"

Это замечательное свидетельство современника-очевидца, затерявшееся среди неисчерпаемых богатств «Примечаний» к «Истории государства Российского» Карамзина, вводит нас в совершенно иную социальную атмосферу: водораздел борьбы проходит уже не по линии «посад» — «правительство», а между «богатыми» и голодающими городскими низами, перекликаясь с такими явлениями, как восстание Хлопка [1]. В ином свете предстает и правительство Бориса Годунова. Знаменитая благотворительность царя Бориса, оказывается, сочеталась и дополнялась беспощадной расправой с голодными бунтами, вплоть до самых жестоких и демонстративных казней.

Дальнейшее нарастание социального и политического кризиса в стране не ослабляет, а еще более усиливает классовые антагонизмы в городах.

Поход на Москву Лжедмитрия I вызывает новый подъем борьбы городских низов Москвы. Как известно, этот авантюрист и ставленник польской шляхты широко использовал в своей борьбе за московский престол «царистскую психологию» народных масс, их мечты о «хорошем царе». Но призывы Лжедмитрия к борьбе против Бориса Годунова по-своему истолковывались городскими низами. Разрядные записи за 1605 г. сохранили очень ценные материалы, характеризующие позицию московского «мира», «мужиков», в дни, когда Самозванец приближался к Москве. Приезд в Москву агентов Лжедмитрия, Гаврилы Пушкина и Наума Плещеева, с грамотой Самозванца, призывавшей москвичей целовать ему крест, явился толчком для выступления московских городских низов, направленного против феодальной знати и богатой верхушки посада. События приняли такой оборот совершенно неожиданно и стихийно: «Гаврило Пушкин да Наум Плещеев, приехав к Москве с прелестными грамотами сперва в Красное село и собрався с мужики, пошли в город, и пристал народ многой, и учали на Лобном месте грамоты честь, и послали в город по бояр. И на Лобном месте Богдан Белской учал говорить в мир: яз за царя Иванову милость ублюл царевича Дмитрия, за то и терпел от царя Бориса. И услыша то, и досталь народ возмутился и учали Годуновых дворы грабить; а

рые люди насилие творяху, и тех имаху казняще, ових жгли, а иных в воду сажали и всякими смертьми кончали их» (*А. Ф. Бычков*, Описание сборников Публичной библиотеки, ч. I, 1882, стр. 468).

С. Ф. Платонов в своем сочинении «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени», СПб. 1913 (в дальнейших ссылках: *Платонов*, Сказания), коснулся и Погодинского сборника № 1616, указав, что «интерес отрывков о голоде» (в которых содержится цитированное место. — *И. С.*) в том, что они писаны очевидцем (*С. Ф. Платонов*, Сказания, изд. 2, стр. 420). Но в «Очерках по истории Смуты» он почему-то не использовал этого известия.

[1] «воры... православных христиан посецаху и грабяху» («Новый Летописец» о восстании Хлопка).

Библиотека "Руниверс"

иные воры с миром пошли в город, и от дворян с ними были, и государевы хоромы и царицыны пограбили» [1].

Таким образом, московский «мир», «мужики», «народ» превратили церемонию присяги Самозванцу в поход против бояр и расправу с ними, причем «народ возмутился» далеко не против одних Годуновых. Из другой записи об этих событиях мы узнаем, что в тот день, когда «на Москве бояре и всякие люди Ростриге крест целовали...», «и тово ж дни в суботу миром, всем народом грабили на Москве многие дворы боярские, и дворянские, и дьячьи, а Сабуровых и Вельяминовых всех грабили» [2].

Внимательный наблюдатель Исаак Масса дает в своих записках ценный комментарий к этим событиям 1 июня 1605 г. По его словам, бояре в Москве «чрезвычайно страшились простого народа (gemeyn peupel), который был нищ и наг и сильно желал пограбить московских купцов, всех господ и некоторых богатых людей в Москве, так что воистину в Москве более страшились жителей, нежели неприятеля или дмитриевцев. Ибо почти все они, то-есть главные начальники, получали письма от Дмитрия, но не подавали вида и ожидали его прибытия или посланий к народу, чтобы каждому приказать, что надлежит делать» [3]. Таким образом, перед нами чрезвычайно рельефная картина: изменники-бояре, тайно связанные с Самозванцем и больше всего боящиеся восстания городских низов, «простого народа», и народные массы, жаждущие расправиться со своими угнетателями и истолковывающие падение годуновской династии как наступление благоприятного момента для сведения счетов со своими классовыми врагами.

Противоположность позиций городских низов и феодальной знати в отношении к политическим событиям отчетливо выступает и в ходе дальнейшего развертывания событий, особенно ярко проявившись во время восстания 17 мая 1606 г. против Лжедмитрия I и поляков. Для этого события мы обладаем ценными показаниями другого очевидца, епископа Елассонского Арсения, оставившего в своих мемуарах описание восстания 17 мая 1606 г. Арсений, подобно Исааку Массе, изображает позицию народных масс Москвы диаметрально противоположной позиции боярства: «Народ Московский, без согласия великих бояр, бросился на поляков и многих бояр, боярынь, многих благородных детей и многих воинов умертвил и отнял у них имущество и оружие их. Великие бояре и дьяки двора и писцы с великим трудом и усилием успокоили неразумный народ, так как он намеревался стереть с

---

[1] *Белокуров*, стр. 5.
[2] Там же, стр. 201.
[3] *И. Масса*, стр. 105.

Библиотека "Руниверс"

лица земли всех пришедших из Польши» [1]. Это свидетельство Арсения представляет особый интерес, так как выявляет противоположность позиций народных масс и боярства в отношении борьбы с польской интервенцией.

Наконец, для времени, непосредственно предшествующего восстанию Болотникова, очень важен для характеристики положения внутри города известный рассказ Конрада Буссова об обстоятельствах избрания царя Василия Шуйского. Говоря о том, как Василий Шуйский стал царем, Буссов подчеркивает огромное значение в этих событиях городского населения Москвы, «пирожников и сапожников» (Piroschnicken und Saposchnicken), будто бы поднесших Шуйскому царскую корону [2]. Не касаясь в плане настоящей работы вопроса о том, насколько соответствует действительности версия Буссова (конечно, решающее значение в избрании Василия Шуйского имели другие силы), следует, однако, подчеркнуть ценность рассказа Буссова в том смысле, что он содержит признание со стороны очевидца значения в это время в Москве городских низов и их позиции в том или ином политическом событии.

Так растущий антагонизм между феодальными господами и верхушкой торгового посада, с одной стороны, и городскими людьми — с другой, подготовлял ту позицию, которую города заняли в ходе восстания Болотникова.

[1] *А. Дмитриевский*, Архиепископ Елассонский Арсений и мемуары его из русской истории, Киев 1899, стр. 114.

[2] Rerum Rossicarum Scriptores Exteri, т. I, СПб. 1851, стр. 64 (в дальнейших ссылках: *Bussow*).

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

НАЧАЛО ВОССТАНИЯ

Обстоятельства зарождения восстания. Смена Василием Шуйским воевод по городам. События в Путивле. Роль князей А. И. Бахтеярова-Ростовского и Г. П. Шаховского в событиях, связанных с началом восстания. М. Молчанов. Социальный состав участников восстания. Роль холопов в восстании. Участие крестьян в восстании. Комарицкая волость и ее роль в момент зарождения восстания. Роль казаков, стрельцов и городских низов в восстании.

*

Источники не дают возможности точно датировать начало восстания Болотникова. Почти все главнейшие источники — и русские и иностранные — лишь в общих выражениях связывают начало восстания с воцарением Василия Шуйского, не уточняя во времени самого момента возникновения восстания [1].

[1] Наиболее вероятным временем начала восстания является июнь 1606 г. В мае 1606 г. Василий Шуйский еще поддерживает сношения с путивльским воеводой князем А. И. Бахтеяровым-Ростовским. Сохранилась грамота от мая 1606 г., предписывающая Гавриле Шипову ехать «в Путивль, к воеводе ко князю Ондрею Бахтеярову» с грамотой Шуйского, извещающей путивльцев о низложении Лжедмитрия I и воцарении Шуйского (*Гневушев*, Акты времени правления В. Шуйского, 1915, стр. 1—3. В дальнейших ссылках: *Гневушев*, Акты). Вместе с тем по разрядным записям известно, что восстание в Путивле произошло уже после того, как князь А. И. Бахтеяров-Ростовский получил предписание «быть к Москве» (*Белокуров*, стр. 84), что предполагает посылку из Москвы новой, более поздней грамоты, чем грамота, отправленная с Г. Шиповым, и получение этой грамоты в Путивле — иными словами, предполагает определенное количество времени, необходимое для доставления царских грамот из Москвы в Путивль. С другой стороны, Маржерет сообщает, что еще до его отъезда из Москвы (в июле 1606 г.), «через некоторое время по избрании Шуйского, открылся бунт в пяти или шести главных городах на пределах Татарии» (*Н. Устрялов*, Сказания современников о Димитрии Самозванце, изд. 3, СПб. 1859, т. I, стр. 306. В дальнейших ссылках: *Устрялов*). Это известие Маржерета согласуется со временем платежа 1 июля 1606 г. Архангельским Устюжским монастырем денег в казну «в Польской поход», т. е. в поход против восставших против В. Шуйского Польских и Северских городов (ААЭ, т. II, № 158; Архив Строева, т. II, № 98).

Библиотека "Руниверс"

Из русских источников наиболее полно начальный момент восстания Болотникова описывается в разрядных записях: «А как после Розстриги сел на государство царь Василей, и в Польских, и в Украиных, и в Северских городех люди смутились и заворовали, креста царю Василью не целовали, воевод почали и ратных людей побивать и животы их грабить, и затеели бутто тот вор Ростригa с Москвы ушол, а в его место бутто убит иной человек. В Борисове городе убили Михаила Богдановича Сабурова; в Белегороде убили княз(я) Петра Ивановича Буйносова; а с Ливен Михайло Борисович Шеин утек душою и телом, а животы ево и дворянские пограбили» [1].

Эта общая картина зарождения восстания может быть конкретизирована и дополнена рядом моментов. Повидимому, толчком к началу восстания послужила замена Шуйским в городах старых воевод новыми. «Новый Летописец», полемически заостряя свой рассказ о посылке Шуйским новых воевод в города, расценивает это мероприятие как форму мести Шуйского своим политическим противникам (в нарушение обещания, данного им в «крестоцеловальной грамоте», не мстить за прошлую политическую деятельность): «Царь же Василей вскоре по воцарении своем, не помня своего обещания, начат мстить людем, которые ему грубиша, бояр, и думных диаков, и стольников, и дворян многих разосла по городом, по службам, а у иных у многих вотчины и поместья поотнима» [2].

Можно думать, однако, что смысл этой смены воевод не ограничивался желанием Шуйского расправиться со своими политическими противниками путем рассылки их по городам воеводами. Наряду с этим Шуйский, несомненно, имел в виду и другое: удаление из состава воевод сторонников Лжедмитрия I. Так, по крайней мере, изображает этот акт Шуйского английское донесение о восстании Болотникова.

Английский документ вообще чрезвычайно важен для выяснения обстановки и обстоятельств начала восстания Болотникова. Автор донесения так описывает начальный момент восстания: «Нынешний государь Василий Иванович, достигнув власти по праву наследования и соответственно утвержденный по избранию его боярством, дворянством и общинами Москвы, вскоре после смерти Димитрия и торжества своей коронации начал смещать и назначать воевод и начальников во всех областях и городах своих владений, и в числе других послал воеводу в важный город, называемый Путивль, и отправил немедленно вслед за ним дворянина привести к присяге население этого города на верность ему. Этот дворянин, встретившись с одним особенным фаворитом

[1] *Белокуров*, стр. 8.
[2] ПСРЛ, т. XIV, ч. I, стр. 70.

Библиотека "Руниверс"

прежнего государя по имени Молчанов (который, бежав туда, отклонил многих дворян и солдат тех мест от признания нынешнего государя), был соблазнен им таким образом и перешел на их сторону в знак протеста против того великого угнетения, которое терпели от Москвы окраины и отдаленные места России, что выразилось прежде всего в убийстве их царевича, а затем в избрании нового царя без уведомления их о причинах низложения первого и без запроса о их согласии на избрание последнего. Вследствие этого они воспользовались случаем, чтобы отказаться от верноподданнической присяги, и решили потребовать у Московских (властей) отчета о прежних деяниях. И они поступили так еще более потому, что Димитрий за особые заслуги освободил эту область от всех налогов и податей в течение 10 лет, что было целиком потеряно с его смертью. Новый воевода, противодействовавший этому заговору, был убит, а для получения лучшей поддержки своих начинаний они пустили слух, что Димитрий еще жив и просил их восстановить его на царство. Этот слух среди недовольного и мятежного люда имел такой поразительный успех, что большинство городов в этой части страны отказались от своей присяги нынешнему государю и принесли новую присягу предполагаемому в живых Димитрию, что заставило (нынешнего) государя собрать силы и выставить войско» [1].

При всей исключительной важности приведенного текста очень трудно дать исчерпывающую историческую оценку и критику английского документа с точки зрения достоверности содержащихся в нем данных. Так обстоит, например, дело с известием о том, что Лжедмитрий I освободил южные области Русского государства от всех налогов и повинностей. Точность и определенность этого свидетельства английского документа заставляют отнестись к данному сообщению с большим вниманием. Правда, русские источники молчат об этом. Но подобное мероприятие Лжедмитрия I вполне возможно и даже вероятно, особенно если допустить, что такое мероприятие было осуществлено (вернее сказать, провозглашено) Лжедмитрием еще до занятия им Москвы, когда Самозванец находился в Путивле [2].

Но и будучи уже в Москве, Лжедмитрий I предпринимал ряд попыток путем определенных мероприятий в области внутренней политики укрепить свои позиции в стране. Из этих действий Са-

[1] См. прилож. IV, стр. 552.

[2] Лжедмитрий I уже тогда пытался действовать в качестве «царя». Так, например, еще будучи в Путивле, он уже сменял воевод по городам и назначал новых воевод, как это видно из следующей записи в разрядах: «И как Вор пришел к Москве и венцем царьским венчался, и тово ж году послал воевод по городом: в Белгород князь Данило Мезецкой, да головы Богдан Сонцев да Олексей Губостой. А наперед посланы были на время ис Путимля воеводы в Белгород: князь Григорей Шеховской да Осип Нащокин» (*Белокуров*, стр. 30).

Библиотека "Руниверс"

мозванца наибольший интерес в данном случае представляет массовая раздача Лжедмитрием I земель и жалования служилым людям. Сообщающий об этом «Карамзинский Хронограф» видит в этом акте стремление Самозванца «всю землю прелстити и будто тем всем людем милость показати и любим быти» [1].

В ряду подобных мероприятий Лжедмитрия I могло быть и то, о котором сообщает английский документ. Есть один намек в источниках, делающий такое предположение возможным. В десятне Елецкого уезда сохранилось известие о том, что в Елецком уезде не пахалась государева десятинная пашня с 1604 по 1616 г.: «За войною и за смутою, что Елец по многие годы был в смуте и в непослушанье» [2]. Как известно, «государева десятинная пашня» являлась в южных уездах Русского государства одной из основных и самых тяжелых повинностей населения [3]. Тот факт, что в Елецком уезде ее перестали пахать как раз со времен Лжедмитрия I, мог бы быть вполне удовлетворительно объяснен исходя из известия английского документа об освобождении Лжедмитрием I населения южных уездов «от налогов и податей».

Второй из мотивов, которыми английское донесение объясняет восстание южных районов против Шуйского: протест против «убийства их царевича» и избрание нового царя «без уведомления их о причинах низложения первого и без запроса о их согласии на избрание последнего», — представляет интерес в том отношении, что полностью совпадает с версией о причинах восстания Северской земли против Шуйского, которую передает в своих записках Паэрле [4].

Всего важнее для выяснения обстоятельств возникновения восстания Болотникова, однако, то, что английское донесение сообщает относительно смены воевод. Английский документ прямо говорит, что Шуйский «начал смещать и назначать воевод» по городам и одновременно приводить к присяге население этих городов. Именно эти действия нового царя и вызвали восстание. Что касается посылки Шуйским по городам специальных лиц для приведения населения к присяге, то это с бесспорностью устанавливается как документальными, так и иными источниками. Именно таким лицом являлся Гаврило Шипов, посланный в Путивль [5].

---

[1] *А. Попов*, Изборник, стр. 329.

[2] *И. Н. Миклашевский*, К истории хозяйственного быта Московского государства, ч. I, М. 1894. Прилож., стр. 266; ср. *Н. Н. Оглоблин*, Елецкая явочная книга 1615—1616 гг., «Чтения ОИиДР», 1890, кн. 2, отд. III, стр. 6.

[3] *Платонов*, Очерки, стр. 91, 254 и 255.

[4] «Некоторые, наконец, сказывали нам, что Северская страна восстала на бояр за убиение Димитрия и самовольное избрание Василия Ивановича Шуйского, без ведома тамошних граждан, которые хотели возвести на престол другого князя, имевшего более права» (*Устрялов*, т. I, стр. 215).

[5] *Гневушев*, Акты, стр. 1—3.

Библиотека "Руниверс"

Сохранилась царская грамота черниговскому воеводе князю А. А. Телятевскому, извещающая его о посылке в Чернигов записи, по которой черниговцы должны были присягать Василию Шуйскому [1]. Такая же «государева грамота» о воцарении Шуйского «пришла в Астрахань» [2].

Факт посылки царем Василием «по всем городом бояр и окольничих и стольников приводити к крестному целованию» отмечается и «Новым Летописцем» [3]. Наконец, Исаак Масса указывает, что южные города Русского государства «возмутились и убили гонцов», привезших извещение о воцарении Василия Шуйского [4].

Сложнее обстоит дело с вопросом о смене воевод. Историографическая традиция здесь ведет свое начало от Карамзина, подкрепившего известие «Нового Летописца» о рассылке Шуйским воевод по городам данными разрядов, указав конкретные случаи посылки Шуйским воевод — бывших сторонников Лжедмитрия I. Это построение Карамзина принял и Соловьев [5] и, позднее, Платонов [6]. Однако политика Шуйского в вопросе о воеводах если и включала в себя момент мести Шуйского его врагам, тем не менее не может быть сведена к одной лишь расправе царя с своими политическими противниками. Разрядный список воевод по городам, откуда Карамзин взял данные о посылке на воеводство князя В. М. Рубца-Мосальского, А. Власьева, М. Г. Салтыкова, Б. Я. Бельского, не исчерпывается названными лицами, политическая деятельность которых при Лжедмитрии I дала основание Карамзину рассматривать назначение их воеводами как форму политической ссылки [7]. Наряду с перечисленными лицами воеводой в город Орешек, например, был послан князь И. И. Курлятев, назначение которого на этот пост нет никаких оснований рассматривать как форму репрессии. Как видно из дипломатической переписки правительства Шуйского со шведами, князь И. И. Курлятев в качестве воеводы города Орешка играл видную роль в дипломатических переговорах 1606—1607 гг., являясь, таким образом, лицом, которому правительство Шуйского доверяло столь ответственные дела, как представительство Русского государства в переговорах с иностранными государствами [8].

---

[1] СГГиД, т. II, № 144.
[2] *Гневушев*, Акты, стр. 202.
[3] ПСРЛ, т. XIV, стр. 69.
[4] *И. Масса*, стр. 151.
[5] *Соловьев*, История России, кн. II, стб. 809.
[6] *Платонов*, Очерки, стр. 304.
[7] Список воевод по городам см. у *Белокурова*, стр. 139—141; ср. стр. 83—85.
[8] О деятельности князя И. И. Курлятева в Орешке см. *Гневушев*, Акты, стр. 82—102; назначение князя И. И. Курлятева воеводой в город Орешек последовало уже при Василии Шуйском, так как И. И. Курлятев участвовал

Библиотека "Руниверс"

Точно так же и назначение Ф. И. Шереметева воеводой в Астрахань (точнее, подтверждение назначения, сделанного еще Лжедмитрием I) преследовало цели не ссылки политически нежелательного лица, а прямо противоположные: замену сторонника Лжедмитрия I, князя И. Д. Хворостинина, сторонником Василия Шуйского — Ф. И. Шереметевым.

Можно привести еще пример смещения Шуйским политически враждебных ему лиц из числа воевод по городам. Так, несомненно по политическим мотивам был смещен (около августа 1606 г.) арзамасский воевода Б. И. Доможиров, получивший воеводство при Лжедмитрии I (см. ниже, стр. 359).

Возвращаясь к вопросу о назначении воеводами князя В. М. Мосальского, А. Власьева, М. Г. Салтыкова и Б. Я. Бельского, следует сказать, что и здесь дело обстоит значительно сложнее, чем это изображается в «Новом Летописце». Если вопрос о ссылке в Уфу А. Власьева не вызывает сомнений (В. Диаментовский указывает, что А. Власьев «вскоре после смерти Дмитрия был послан в опале в Сибирь») [1], то вряд ли ссылкой являлось назначение казанским воеводой Б. Я. Бельского.

Благодаря нескольким грамотам, сохранившим имена казанских воевод, мы имеем возможность более точно представить себе обстоятельства смены и назначения воевод в Казани. При Лжедмитрии I воеводами в Казани были С. А. Волосский и князь М. С. Туренин. Грамота Лжедмитрия I от 28 января 1606 г., адресованная «в нашу отчину в Казань боярину нашему и воеводам Степану Александровичю Волосскому да князю Михаилу Самсоновичу Туренину» [2], с бесспорностью устанавливает состав казанских воевод. Воцарение Василия Шуйского не привело к смене воевод в Казани. Сохранилась ввозная грамота на поместье некоему Матвею Бруткову, выданная 13 июля 1606 г., по указу Шуйского казанскими воеводами С. А. Волосским и князем М. С. Тургениным [3]. Примерно до того же времени Б. Я. Бельский оставался воеводой в Новгороде, как это видно из грамоты Василия Шуйского от 2 июля 1606 г., адресованной «в Новгород боярину и воеводе князю М. П. Катыреву-Ростовскому и оружничему и воеводе Б. Я. Бельскому» [4].

в церемонии свадьбы Лжедмитрия I в качестве чашника (см. *Белокуров*, стр. 138). Первое по времени упоминание князя И. И. Курлятева в качестве воеводы в Орешке — в «образцовой грамоте», которую И. И. Курлятеву предписывалось послать в Выборг в ответ на шведскую грамоту от 15 декабря 1606 г. (*Гневушев*, Акты, стр. 82).

[1] *W. Dyamentowski*, стр. 75.

[2] *Белокуров*, стр. 241.

[3] *Гневушев*, Акты, стр. 4, 5.

[4] *Е. Н. Кушева*, Из истории публицистики Смутного времени XVII в., Саратов 1926, стр. 41. Грамота сохранилась в составе одного из списков «Повести, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов».

Библиотека "Руниверс"

Этими документальными данными опровергается свидетельство о казанских воеводах «Карамзинского Хронографа». В этом источнике, в рассказе о походе «царевича» Петра-Илейки из Астрахани, по Волге, к Москве, имеется эпизод о том, как зашедшим по Волге «выше Свияжскова» казакам, узнавшим об убийстве Лжедмитрия I, удалось проскочить обратно по Волге мимо Казани, обманув казанских воевод ложным «челобитьем» о том, что они, казаки, сами готовы выдать «царевича» Петра. В этом рассказе казаки били челом «государевым бояром Василию Петровичу Морозову да Богдану Яковлевичу Белскому» [1]. Но в это время (примерно июнь 1606 г.; к этому моменту до Свияжска уже должно было докатиться известие о событиях 17 мая 1606 г.) в Казани не было ни Б. Я. Бельского (находившегося еще в Новгороде), ни В. П. Морозова [2].

Можно думать поэтому (если изложенный эпизод с казанскими воеводами действительно имел место), что автор «Карамзинского Хронографа» ошибочно отнес к 1606 г. воеводство В. П. Морозова и Б. Я. Бельского, приписав им участие в событиях, где действующими лицами являлись их предшественники.

И С. А. Волосский и князь М. С. Туренин получили воеводство в Казани уже при Лжедмитрии. Их предшественники — князь И. И. Голицын и В. Я. Кузьмин-Караваев — находились в Казани еще 29 июня 1605 г. Именно они принимали от приставов сосланных Лжедмитрием I в Казань Сабуровых [3]. Но уже в октябре 1605 г. казанскими воеводами являются С. А. Волосский и князь М. С. Туренин [4].

Очевидно, С. А. Волосский и князь М. С. Туренин стали казанскими воеводами в связи с общей сменой воевод по городам, произведенной Лжедмитрием. В разрядах отмечается, что «как Рострига пришол к Москве и царским венцом венчался, и тово году послал воевод по городом» [5]. Нет возможности ответить на вопрос о том, какими мотивами было вызвано назначение в Казань князя М. С. Туренина. Но относительно первого казанского воеводы, С. А. Волосского, весьма интересные данные сохранились в материалах миссии монахов-кармелитов, посланных папой

[1] *А. Попов*, Изборник, стр. 331.

[2] В. П. Морозов в течение 1606—1607 гг. находился в Москве, участвуя в походах против Болотникова, и стал казанским воеводой лишь в 1608 г. См. *Белокуров*, стр. 146 (участие в сражении в селе Троицком), стр. 147 (участие в сражении в Коломенском 2 декабря 1606 г.), стр. 147 (участие в осаде Калуги), стр. 87 (участие в походе Василия Шуйского на Тулу 1607 г.). В декабре 1607 г. В. П. Морозов был пожалован в бояре (*Белокуров*, стр. 119).

[3] *Белокуров*, стр. 202.

[4] *Белокуров*, Сношения России с Кавказом, вып. I, 1568—1613 гг., М. 1889, стр. 523. (В дальнейших ссылках: *Белокуров*, Сношения с Кавказом.)

[5] *Белокуров*, стр. 204.

Библиотека "Руниверс"

в Персию и оказавшихся в Казани весной 1606 г., предварительно побывав в Москве и заручившись покровительством Лжедмитрия I [1].

П. Пирлинг следующим образом излагает рассказы кармелитов о казанском воеводе: «Воеводой был, по словам кармелитов, брат валахского господаря, посетивший когда-то Рим и бежавший потом в Россию, спасаясь от преследований турок. Исполняя полученные им из Москвы приказания, он дал кармелитам удобное помещение и предложил свои услуги. Казалось бы, чего лучшего желать? Но пришло известие о майском перевороте, и внезапно все переменилось. Казанский воевода перешел на сторону Василия Шуйского и стал приводить своих подчиненных к присяге... Пришли послания из Москвы с обличением Самозванца: ему ставили в укор сношения с Римом и потворство латинянам. Тем самым положение кармелитов сделалось очень щекотливым. Прежняя любезность воеводы исчезла; он чуял недоброе и остерегался. В самом деле, вскоре подоспел указ из Москвы о задержании кармелитов в Казани» [2]. Из всей этой красочной картины с бесспорностью следует, что «брат валахского господаря», ставший в 1603 г. русским боярином [3], а в 1605 г. получивший из рук Лжедмитрия I пост первого казанского воеводы, оказался весьма скомпрометированным в глазах правительства Василия Шуйского [4], несмотря на все свои попытки демонстрировать лойяльность в отношении нового царя.

Мы не знаем, долго ли еще оставался С. А. Волосский воеводой в Казани [5]. Но нам представляется весьма вероятным связать назначение Б. Я. Бельского казанским воеводой со смещением с этого поста С. А. Волосского [6].

---

[1] Материалы о миссии кармелитов в Персию, к сожалению, остаются до сих пор не изданными. Поэтому я вынужден пользоваться ими в изложении, имеющемся: 1) в английском издании: A chronicle of the carmelites in Persia and the Papal mission of XVII-th and XVIII-th centuries. London, 1939, а также 2) в работе П. Пирлинга «Димитрий и кармелиты» (перепечатана в сборнике *П. Пирлинг*, Из Смутного времени, 1902). Английская хроника, вообще говоря, излагает историю миссии кармелитов подробнее, чем П. Пирлинг, но некоторые эпизоды даны полнее в работе П. Пирлинга.

[2] *П. Пирлинг*, Из Смутного времени, 1902, стр. 64, 65.

[3] «Древняя Российская Вивлиофика», ч. XX, стр. 72.

[4] Особенно если учесть принадлежность к католической религии и обширные польские связи С. А. Волосского (см. об этом *Д. Ф. Кобеко*, Волошский воеводич Степан Александрович, «Известия Русского генеалогического общества», т. IV, 1911, стр. 32).

[5] С. А. Волосский умер 21 мая 1607 г. (*Д. Ф. Кобеко*, цит. соч., стр. 34).

[6] Что Б. Я. Бельский был назначен на место С. А. Волосского, на это как будто указывает то, что до назначения в Казань В. П. Морозова Б. Я. Бельский являлся первым казанским воеводой. В отписке Василию Шуйскому Ф. И. Шереметева и И. Салтыкова от 18 апреля 1608 г., между прочим, упоминается о том, что Шереметев и Салтыков писали в Казань

Библиотека "Руниверс"

Если это так, то назначение Б. Я. Бельского в Казань было не проявлением «мести» Василия Шуйского ему, а, напротив, являлось актом, преследующим цель заменить политически сомнительного С. А. Волосского более надежным лицом. Надо сказать, что деятельность Б. Я. Бельского в Казани рисует его как исключительно лойяльного человека по отношению к Шуйскому. «Новый Летописец» в главе «О измене градов», указывая, что «грады все Московского государства от Москвы отступиша», и отмечая, что лишь «немногие же грады стоя в твердости», на первом месте среди этих оставшихся верными Шуйскому городов помещает Казань [1]. Напротив, позиция, занятая Б. Я. Бельским в отношении Тушинского вора, отличалась крайней враждебностью, и он был убит в 1611 г. за призыв к казанцам «Вору креста не целовати» [2].

Рассмотрение материалов, связанных с казанскими воеводами, заставляет, таким образом, критически отнестись к той интерпретации воеводских назначений после воцарения Василия Шуйского, какую мы находим в «Новом Летописце». Казанские материалы (как и другие отмеченные выше факты, связанные с назначением Шуйским воевод) ведут нас скорее к сообщению английского документа о том, что Шуйский «начал смещать и назначать воевод», обязывая к рассмотрению вопроса о воеводах конкретно, применительно к данному городу и лицу.

Из всех городов наиболее важным для выяснения обстоятельств начала восстания Болотникова является, конечно, Путивль. Английское донесение связывает начало восстания в Путивле со сменой путивльских воевод и приведением путивльцев к присяге Василию Шуйскому. При этом, как мы видели, роль зачинщика восстания английский документ приписывает «дворянину», посланному в Путивль для приведения путивльцев к присяге, но по дороге в Путивль соблазненному Молчановым и перешедшему на сторону противников Шуйского. Напротив, «новый воевода» Путивля изображается в английской записке верным Шуйскому: «Новый воевода, противодействовавший этому заговору, был убит». В этом свидетельстве английского документа очень

«к боярину и воеводе к Б. Я. Бельскому с товарыщи» — формула, определяющая положение Б. Я. Бельского именно как первого воеводы (*Гневушев*, Акты, стр. 161).

Что касается князя М. С. Туренина, то его отъезд из Казани достаточно объясняется тем видным местом, которое он занял в ближайшем окружении Василия Шуйского: князь М. С. Туренин был вторым дворовым воеводой (первым был брат царя И. И. Шуйский) в походе Василия Шуйского на Тулу; кроме того, «которых государевых изменников имали под Тулою, и государь велел их роспрашивать и пытать боярину князю Михайлу Самсоновичю Туренину» (*Белокуров*, стр. 91; ср. стр. 118, 158).

[1] ПСРЛ, т. XIV, стр. 84.

[2] Там же, стр. 105.

Библиотека "Руниверс"

много ценного, но вместе с тем имеется и ряд ошибок и неточностей. Автор английского донесения совершенно верно связал начало восстания в Путивле со сменой там воевод, точно так же как отметил и факт убийства воеводы жителями Путивля за отказ от перехода на их сторону. Мы не имеем возможности проверить правильность утверждения английского документа о роли в событиях посланца Шуйского. Но самый факт посылки в Путивль такого лица подтверждается цитированной уже нами грамотой-наказом Г. Шипову [1]. Особенно ценной в английском известии является характеристика роли Молчанова, выступающего в этом источнике в качестве главного вдохновителя «заговора» против Шуйского. Однако, правильно связав события в Путивле со сменой воевод, автор английского донесения перепутал политические позиции старого и нового путивльских воевод. В действительности сторонником Шуйского остался и был за это убит старый воевода князь А. И. Бахтеяров-Ростовский. Изменил же Шуйскому как раз новый посланный им в Путивль воевода князь Г. П. Шаховской.

Ход событий в Путивле достаточно подробно отражен в разрядах. Смена воевод в Путивле отмечена следующей записью: «В Путимле князь Ондрей Иванович Бахтеяров-Ростовской да [Иван Григорьевичь Ловчиков, да голова Петр Денисьев сын Юшков; и князь Ондрею велено быть к Москве, и оне выехать не успели: побили за то, что Вору креста не целовали], а на их место князь(ь) Григорей Петровичь Шеховской да Истома Иванов сын Михнев» [2].

Итак, князь А. И. Бахтеяров-Ростовский был убит за отказ целовать крест «Вору», т. е. в представлении путивльцев — «царю Димитрию».

Карамзин, пытаясь объяснить смену воевод в Путивле, называет князя А. И. Бахтеярова-Ростовского «честным, но, может быть, не весьма расторопным и смелым» [3].

Такая оценка личности князя Бахтеярова, однако, опровергается теми данными, которые имеются о князе Бахтеярове в разрядах [4]. Из этих данных следует, напротив, что князь

[1] *Гневушев*, Акты, стр. 1—3.

[2] *Белокуров*, стр. 84. Текст в квадратных скобках — из другого списка данной редакции разрядной записи.

[3] *Карамзин*, т. XII, стр. 15.

[4] Карамзину не была известна приведенная выше разрядная запись об убийстве князя А. И. Бахтеярова-Ростовского. В разрядной книге, которой пользовался Карамзин, — текст дефектный и имеет следующий вид (многоточиями отмечены дефекты текста): «...В Путивле князь Ондрей Иванович Бохтеяров-Ростовский да...; и Ондрей... велено быть к Москве; и они выехать не смели, а на их место князь Григорей Петрович Шеховской да Истома Иванов сын Михнев» (*Белокуров*, стр. 139, 140). Очевидно, на этом тексте (дефектном: «не смели» вместо «не успели») и основана карамзинская характеристика князя Бахтеярова-Ростовского.

Библиотека "Руниверс"

А. И. Бахтеяров рассматривался еще правительством Бориса Годунова как лицо, способное действовать в ответственной и сложной обстановке. Одна из разрядных записей сохранила очень важный факт, характеризующий борьбу классов в южных районах Русского государства. Осенью 1604 г. («лета 7113 году при царе Борисе») «приходили на Орловские места войною Околенские волости мужики и кромчаня. И головы Григорей Микулин да Истома Михнев с Орла посылали на них посылку Самоила Лодыженскова с сотнею, и мужиков побили» [1]. К этому известию нам еще придется неоднократно возвращаться. В данной связи, однако, важно отметить то, что именно в этот момент князь А. И. Бахтеяров-Ростовский был назначен воеводой в Орел: «А после тово велел государь быти на Орле воеводою князю Ондрею княж Иванову сыну Бахтеярову-Ростовскому» [2].

Каким образом князь А. И. Бахтеяров-Ростовский стал воеводой в Путивле, в источниках нет указаний. Путивль перешел на сторону Лжедмитрия I, когда там были воеводами М. И. Салтыков и князь В. М. Рубец-Мосальский [3]. После воцарения Лжедмитрия в Москве в Путивль был назначен И. И. Загрязский [4]. Повидимому, князь А. И. Бахтеяров-Ростовский сменил в Путивле именно И. И. Загрязского, относительно которого имеется известие, что он осенью 1605 г. или весной 1606 г. был занят на постройке судов (для подготовлявшегося Лжедмитрием I похода против крымцев?) [5]. Об этом можно заключить из того, что князь А. И. Бахтеяров-Ростовский упоминается во втором списке воевод времени Лжедмитрия I, когда Лжедмитрий I произвел перемещение ряда воевод (посланный первоначально в Белгород князь Д. И. Мезецкий был возвращен в Москву; на его место был переведен князь П. И. Буйносов-Ростовский, ранее посланный Лжедмитрием I в Ливны; в Ливны же был переведен из Новгорода-Северского А. Р. Плещеев). В этом списке воевод, относимом в разрядных записях к 7114 году (т. е. ко времени после 1 сентября 1605 г.), в Путивле воеводой значится уже князь А. И. Бахтеяров-Ростовский (хотя и без прямого указания на то, что он сменил И. И. Загрязского) [6].

То, что князь А. И. Бахтеяров-Ростовский воеводствовал при Лжедмитрии I, само по себе не может служить показателем его лойяльности по отношению к Лжедмитрию I. Ибо и Лжедмитрий I применял рассылку воевод по городам в качестве средства

[1] *Белокуров*, стр. 238.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 28, 76, 131, 192.
[4] Там же, стр. 204.
[5] Там же, стр. 205; ср. стр. 41, 42, где запись о постройке судов попала между разрядными записями времени Василия Шуйского.
[6] Там же, стр. 7.

Библиотека "Руниверс"

борьбы со своими противниками: «А которые царю Борису служили, многих разослали по службам по городом» [1]. Но во всяком случае очевидно, что с воцарением Шуйского князь А. И. Бахтеяров-Ростовский занял позицию твердой поддержки нового царя. Поэтому приказание ему: «быть к Москве», следует рассматривать или в плане приближения князя Бахтеярова-Ростовского к царскому двору, или как возвращение из «ссылки». Однако события в Путивле опередили планы Шуйского, и князь Бахтеяров был убит.

Ценный штрих к последней главе биографии князя А. И. Бахтеярова-Ростовского сообщает «Новый Летописец». Перечисляя имена воевод, «побитых» во время восстания Болотникова, летописец помещает князя А. И. Бахтеярова-Ростовского среди тех воевод и дворян, «*коих имали на бою*» [2].

Таким образом, князь А. И. Бахтеяров-Ростовский, посланный на воеводство в Орел в обстановке «войны» между «мужиками» и годуновскими войсками, остался до конца последовательным защитником интересов крепостников-феодалов и один из первых был подвергнут расправе восставшими народными массами.

Совершенно иной тип политика представляет собой князь Г. П. Шаховской. Смерть Лжедмитрия I застает князя Г. П. Шаховского в Москве, где он принимал участие в церемонии свадьбы Лжедмитрия I в качестве одного из «поезжан» свадебного «поезда» [3]. Вместе со своим отцом, князем П. М. Шаховским, Г. П. Шаховской принадлежал к числу наиболее активных сторонников Лжедмитрия I. Князь Шаховской-старший перешел на сторону Лжедмитрия I, будучи черниговским воеводой (в отличие от другого черниговского воеводы, Н. С. Воронцова-Вельяминова, отказавшегося целовать крест Самозванцу и убитого им за это) [4]. Вместе с отцом на сторону Лжедмитрия I перешел и Г. П. Шаховской. Выше мы уже отмечали тот факт, что князь Г. П. Шаховской еще до прихода Лжедмитрия I в Москву посылался им «на время из Путивля» воеводой в Белгород. Позднее князь Г. П. Шаховской фигурирует в разрядных записях времени Лжедмитрия I в качестве воеводы в Курске в том же списке воевод, в котором князь А. И. Бахтеяров-Ростовский значится воеводой в Путивле [5]. Как и когда князь Г. П. Шаховской попадает в Москву, источники не говорят. Можно думать, что это стоит в связи с успехами его отца, пожалованного Лжедмитрием I в бояре [6].

[1] *Белокуров*, стр. 6.
[2] ПСРЛ, т. XIV, ч. I, стр. 74.
[3] *Белокуров*, стр. 80, 137.
[4] Там же, стр. 191.
[5] Там же, стр. 7.
[6] «Древняя Российская Вивлиофика», ч. XX, стр. 76. В 1604 г. князь Г. П. Шаховской значится в кормленной книге среди четвертчиков, получаю-

Библиотека "Руниверс"

Данные источников о дальнейшей деятельности князя Г. П. Шаховского весьма противоречивы и частью вызывают сомнения в их достоверности.

Буссов сообщает в своих записках: «Князь Григорий Шаховской во время мятежа, когда был убит царь Димитрий, бежал из Москвы в Путивль вместе с двумя поляками, одетыми в русское платье» [1]. Это известие по-разному расценивалось исследователями. Карамзин считал его «ложным» [2]. Отвергнув версию Буссова, Карамзин положил в основу своего изложения данные разрядов, истолковав разрядную запись о воеводах в Путивле как доказательство того, что князь Шаховской сумел «снискать доверенность» Василия Шуйского и был им «послан воеводою в Путивль, на смену князю Бахтеярову» [3]. Соловьев, приняв тезис Карамзина о том, что князь Г. П. Шаховской не бежал в Путивль, а был послан туда на воеводство Шуйским, рассматривает, однако, назначение Шаховского в Путивль как ссылку «за преданность Лжедмитрию». Вместе с тем Соловьев признает достоверность свидетельства Буссова в той части, которая касается похищения Шаховским «государственной печати» [4]. Костомаров идет еще дальше в стремлении примирить рассказ Буссова с данными разрядной книги и других источников и строит следующую схему: «Когда Димитрия убили, Шаховской, во время всеобщей суматохи, похитил царскую печать. Не зная этого, Шуйский, тотчас по своем воцарении, послал его в Путивль. Шаховской взял с собою двух человек; один из них, как оказалось после, был русский, по прозвищу Молчанов; другой — какой-то поляк. Некоторые говорят, что Шаховской с этими лицами бежал из Москвы, но это ошибка. Из разрядных книг видно, что он не бежал, а послан был царем на воеводство» [5]. Платонов, напротив, занимает скептическую позицию в отношении рассказа Буссова о князе Г. П. Шаховском, называя его «немного баснословным» [6].

Я полагаю, что вопрос о князе Г. П. Шаховском решается разрядной записью. В основе приведенной выше записи об убийстве князя А. И. Бахтеярова-Ростовского, несомненно, лежит официальная запись в разрядах, которая может быть восстановлена примерно в следующем виде: «В Путивле князь Ондрей Иванович

щим оклад в 17 руб. (*Л. М. Сухотин*, Четвертчики Смутного времени, 1912, стр. 18); оклад его отца, князя П. М. Шаховского, составлял 35 руб. (там же, стр. 35). Размеры окладов Шаховских — невысокие. Высший оклад в кормленной книге 1604 г. — 250 руб. (боярина М. Г. Салтыкова), низший — 5 руб. (М. Молчанова).

[1] *Bussow*, стр. 66.
[2] *Карамзин*, т. XII, примеч. 43.
[3] Там же, т. XII, стр. 15.
[4] *Соловьев*, кн. 2, стр. 811.
[5] *Костомаров*, стр. 266, 267.
[6] *Платонов*, Очерки, стр. 318, 319.

Библиотека "Руниверс"

Бахтеяров-Ростовский, да Иван Григорьевичь Ловчиков, да голова Петр Денисьев сын Юшков: и князь Ондрею да Ивану Ловчикову велено быть к Москве; а на их место князь Григорей Петрович Шеховской да Истома Михнев». Эта первоначальная запись (обычная в разрядных книгах для случаев смены воевод) [1] была затем дополнена подробностями о судьбе князя А. И. Бахтеярова-Ростовского, но легко выделяется из дошедших до нас редакций. Но отсюда следует, что отозвание князя А. И. Бахтеярова-Ростовского в Москву и назначение князя Г. П. Шаховского в Путивль были взаимно обусловлены и произведены были одним и тем же актом Шуйского. Косвенным подтверждением разрядной записи о назначении Г. П. Шаховского в Путивль может служить факт назначения его родственника, князя М. И. Шаховского воеводой в Устюжну-Железопольскую в июне 1606 г. [2] Это назначение делает вероятным предположение о том, что и князь Г. П. Шаховской был около этого времени назначен воеводой в Путивль. Но направившись туда представителем Шуйского, князь Г. П. Шаховской в Путивле поднял борьбу против нового царя. Нет оснований не верить «Новому Летописцу», квалифицирующему князя Г. П. Шаховского как «всей крови заводчика» [3] и рассматривающему «измену» Путивля Шуйскому как результат деятельности Г. П. Шаховского («Первое же зачало крови християнские князь Григорей Шеховской измени царю Василью со всем Путимлем и сказа путимцам, что царь Димитрей жив есть, а живет в прикрыте: боитца изменников убивства») [4].

Что касается версии Буссова о бегстве князя Г. П. Шаховского, то она, несомненно, возникла на почве широко распространившихся после убийства Лжедмитрия I слухов о бегстве из Москвы нескольких лиц, среди которых якобы был и спасшийся «царь Димитрий». Так, по словам Маржерета, «русские... уверяя в спасении Димитрия от смерти, рассказывают, что, едва миновала полночь, по царскому повелению взяты были три коня турецкие, которые впоследствии неизвестно куда девались, что Шуйский, допрашивая того, кто отпустил коней, замучил виновного до

---

[1] *Белокуров*, стр. 6, 83, 139, 204 и др.

[2] Сохранилась подорожная, выданная князю М. И. Шаховскому в Москве 23 июня 1606 г. В подорожной предписывалось: «чтоб есте давали князю Михаилу Шаховскому четыре подводы... а за те подводы имали б у него прогоны от Москвы до Устюжны Железопольские и назад до Москвы по нашему указу» (*Гневушев*, Акты, стр. 40, № 53 (1). Но в Москву М. И. Шаховской не вернулся, оставшись в Устюжне-Железопольской первым воеводой. См. подорожные, выданные за подписью М. И. Шаховского, датированные октябрем — декабрем 1606 г. (там же, стр. 62, 63, №№ 53/20, 53/21, 53/22, 53/24, 53/27, 53/28, 53/31, 53/33, 53/34, 53/35, 53/36, 53/37, 53/38).

[3] ПСРЛ, т. XIV, стр. 77.

[4] Там же, стр. 70.

Библиотека "Руниверс"

смерти» и т. д.[1] Ту же версию передает и известная изданная в Кельне в 1608 г. анонимная брошюра «Московская трагедия, или рассказ о жизни и смерти Димитрия»: «В то именно время, когда распространилась молва об убиении Димитрия, был слух, что, хотя и были исследованы все углы дворца, но не могли, однако, найти четырех лошадей, которые неизвестно кем были увезены. Что если Димитрий, обнаружив козни русских, сел на коней с немногими провожатыми и, таким образом, избегнул опасности?»[2] В поздней компиляции, изданной А. А. Титовым как «дневник Мартына Стадницкого», этот рассказ о таинственном бегстве на царских лошадях связывается уже и с именем князя Г. П. Шаховского, которого автор сочинения неожиданно объявляет «ложным Димитрием»: «Человек этот был ложный Димитрий и Расстрига; его звали, по словам москвичей, Григорием Шаховским. Пользуясь смятением, он вывел из конюшни нескольких царских лошадей и бежал к Польской границе»[3].

Можно думать, что реальной основой слухов о бегстве Лжедмитрия (и князя Шаховского) являлось действительно имевшее место после убийства Лжедмитрия I бегство М. Молчанова.

Рассматривая события, относящиеся к начальному моменту восстания Болотникова, нельзя не коснуться вопроса о роли в этих событиях М. А. Молчанова.

Михалко Молчанов (как его презрительно называют русские источники) — еще более колоритная фигура, чем князь Г. П. Шаховской. Если уже в деятельности Шаховского явственно выступают авантюристические черты, то М. Молчанов представляет собой законченный тип политического авантюриста. Прекрасно образованный («по польски говорит, и грамоте польской горазд, и по латыне говорити умеет», по характеристике послов Василия Шуйского к Сигизмунду III)[4], имевший даже какое-то отношение к астрологии (он жил у Лжедмитрия I «в хоромех для чернокнижья»)[5], Молчанов появляется на политической арене накануне прихода Лжедмитрия I в Москву[6] и сразу же оказывается

---

[1] *Устрялов*, т. I, стр. 305.

[2] «Московская трагедия, или рассказ о жизни и смерти Димитрия», перевод с латинского А. Браудо и И. Росциуса, 1901, стр. 71.

[3] «Русский архив», 1906, № 6, стр. 180.

[4] Сб. РИО, т. 137, стр. 313.

[5] Там же, стр. 302.

[6] О предшествующей деятельности М. Молчанова нам известны два документа. Первым из них является запись в кормленной книге 1604 г.: «Михайло Ондреев сын Молчанов. Г. ц. и в. к. Бориса Федоровича в. Р. ему на нынешний на 112-й год оклад его сполна 5 рублев, — за продажные лошади, ис Конюшенного приказу по памяти за приписью дьяка Гуляя Золотарева, отосланы в Конюшенной приказ (*зачеркнуто:* Гуляй 5 рублев взял). И те день[ги] в Чети 5 рублев не взяты, потому что де ему денег давати не велено. 112-го июня в 27 день по челобитной за подписью диака Григорья Клобукова пожаловал г. ц. и в. к. Борис Федорович в. Р. Михайла Молчанова, велел ему

Библиотека "Руниверс"

в самой гуще событий в роли одного из убийц свергнутого Федора Годунова [1]. Во время правления Лжедмитрия I Молчанов находится в числе наиболее доверенных и приближенных лиц Самозванца, и английский наблюдатель называет его «особенным фаворитом» Лжедмитрия I. Переворот 17 мая 1606 г., стоивший жизни Самозванцу, коснулся и Молчанова: он хотя и уцелел, но должен был бежать из Москвы.

Факт бегства Молчанова из Москвы отмечается как русскими источниками, так и рядом наблюдателей-иностранцев. Посол Василия Шуйского к Сигизмунду III, князь Г. Волконский, в ответ на заявления польских представителей о том, что «государь ваш Дмитрей, которого вы сказываете убитого, жив и тепере в Сендомире у воеводины жены», заявил, что называющий себя царем Димитрием — самозванец, вероятнее всего Михалко Молчанов, который «збежал в то время как того Вора (т. е. Лжедмитрия I. — *И. С.*) убили» [2]. Это официальное заявление русского дипломата находит подтверждение в рассказах иностранцев, находившихся в это время в Москве.

Так, С. Немоевский отмечает распространение слухов через несколько дней после сожжения трупа Лжедмитрия, что убит, погребен и сожжен был не Димитрий, а кто-то другой, «сын какого-то немца», самому же Димитрию «удалось уйти с Молчановым, своим комнатным служителем» [3].

Исаак Масса посвящает М. Молчанову следующие строки: «Едва только его (Лжедмитрия. — *И. С.*) убили или едва успел

дать свое государево жалованье на 112 год оклад его сполна 5 рублей, — «дано». Деньги взял сам. Михайло Молчанов деньги взял и руку приложил» (*Л. Сухотин*, Четвертчики Смутного времени, 1912, стр. 36).

Второй документ — челобитная самого Молчанова Борису Годунову от 7113 г. (1604—1605). В челобитной Молчанов сообщает о том, что во время производившегося им сыска о незаконном получении кабацкими старостами вина из государевых кабаков («велено мне холопу твоему, в твоей государеве дьячье избе сыскати, по извету дьячьи избы подьячего» и т. д.) у него произошла ссора с дьяком Алексеем Карповым. По словам Молчанова, Карпов называл его «изменником»: «два де вас воры ведомые во всем твоем в Московском государстве (н другого вора имянем не сказал); да и тот де тебе не пособит, на кого де ты и надеешься». Молчанов отвергает это обвинение, заявляя: «А я, холоп твой, надеюсь во всем на тебя государя» (РИБ, т. II, № 217).

Из этих документов следует, что М. Молчанов был заметным лицом еще при Борисе Годунове, имея какое-то отношение к приказным делам. Вместе с тем, очевидно, уже тогда у М. Молчанова была сомнительная репутация (история с «продажными лошадьми») и подозрительные связи, что вынудило его даже написать специальную оправдательную челобитную царю. Особенно интересен в челобитной, в связи с обвинениями М. Молчанова в «воровстве» и «измене», намек на не названного по имени «другого вора». Не имеется ли здесь в виду двигавшийся в это время на Москву Лжедмитрий?

[1] ПСРЛ, т. XIV, стр. 66.

[2] Сб. РИО, т. 137, стр. 301, 302.

[3] *S. Niemojewski*, стр. 119 (русский перевод — стр. 119).

Библиотека "Руниверс"

распространиться о том слух, как Михаил Молчанов, который был его тайным пособником во всех жестокостях и распутствах, бежал в Польшу, и пропали скипетр и корона, и не сомневались, что он взял их с собою» [1]. Наконец, о бегстве Молчанова говорится и в «Донесении о ложной смерти Лжедмитрия I» И. Хвалибога. По словам И. Хвалибога, «того ж дня в стойлах царских недоставало 25 лошадей и пропал боярин знатный Михайло Молчанов, откуда всегласная весть была в столице, что Димитрий с Молчановым и несколькими иными потаенно ушел, как и прежде привычен был инкогнито выезжать... Притом пропала турецкая лошадь царская, которую ему Стадницкий из Ланцут прежде Дьявол (называемая) даровал, и особенно царь ее любил, которая была также между оными 25, потом выявилася в Польше и снова была Стадницким взята» [2].

Сопоставление рассказов о бегстве М. Молчанова с рассказом Буссова о бегстве князя Г. П. Шаховского и аналогичными рассказами о бегстве не названных по имени лиц вместе с самим Лжедмитрием заставляет притти к выводу, что Буссов и авторы историй о бегстве Лжедмитрия использовали для этих рассказов слухи, вызванные бегством М. Молчанова, сохранив в своем изложении те же подробности (вроде использования лошадей из царской конюшни, похищения государственных регалий [3] и т. д.), но связав данное событие с другим лицом или лицами.

Таким образом, из двух версий о бегстве князя Г. П. Шаховского и М. Молчанова необходимо отдать предпочтение второй. К такому заключению обязывает не только состав тех источников, которые сохранили известие о бегстве Молчанова, но прежде всего факт прямого заявления князя Г. Волконского о бегстве Молчанова, с одной стороны, и столь же определенное свидетельство разрядов о назначении князя Г. П. Шаховского путивльским воеводой.

Сопоставление рассказа Буссова с данными статейного списка посольства князя Волконского важно не только для установления недостоверности версии Буссова о бегстве князя Г. П. Шаховского, но и для выяснения роли Молчанова в событиях начала восстания Болотникова.

Мы уже цитировали заявление Г. Волконского о том, что лицо, находившееся «в Сандомире у воеводины жены» и выдававшее себя за спасшегося царя Димитрия, в действительности, ве-

[1] *И. Масса*, стр. 145.

[2] «Временник ОИиДР», т. XXIII, 1855, Смесь, стр. 3, 4.

[3] Сообщение Буссова о похищении Г. Шаховским государственной печати, вообще говоря, не представляет ничего невероятного. Так, в 1581 г. «у Литовского канцлера Евстафия Воловича была украдена государственная печать великого княжества Литовского» (*И. Лаппо*, Похищение государственной печати Великого княжества Литовского в 1581 г. Отдельный оттиск из сборника статей в честь В. И. Ламанского, 1906, стр. 7).

Библиотека "Руниверс"

роятнее всего — Молчанов, бежавший из Москвы после убийства Лжедмитрия I.

Но и у Буссова два поляка, один из которых выдавался Шаховским за спасшегося царя Димитрия, расставшись в Путивле с Шаховским, направляются «в Польшу к жене сандомирского воеводы» [1], где затем и происходит встреча Болотникова с «мнимым Димитрием» [2]. Такое совпадение рассказа Буссова о «мнимом Димитрии» с заявлением посланника Василия Шуйского о М. Молчанове заставляет предположить, что Буссов и в этой части своего рассказа (как и в той части, которая посвящена «бегству князя Г. Шаховского») использовал данные, относящиеся к М. Молчанову.

Английское донесение о восстании Болотникова отмечает, что Молчанов, бежав в Путивль, «отклонил многих дворян и солдат тех мест от признания нынешнего государя» [3]. Но роль Молчанова в момент возникновения восстания Болотникова была большей, чем одна лишь агитация против Шуйского. Данные посольства князя Волконского в сопоставлении их со свидетельством Буссова говорят о том, что Молчанов, очевидно, первоначально намеревался сам играть роль Димитрия. Позднее, однако, он от этого отказался, и в Тушинский период польской интервенции выступает в лагере Лжедмитрия II уже под своим именем (а в 1611 г., указом Владислава, даже получил чин окольничего) [4].

Сказанным определяется и отношение Молчанова к восстанию Болотникова. И Молчанов и Шаховской, подымая массы против Шуйского, оставались теми же, кем они были и раньше, — политическими авантюристами, ведущими борьбу за власть. Отсюда и их тактика: использование «царистской» психологии народных масс с помощью легенды о «царе Димитрии», при одновременном стремлении сохранить и поддерживать старые связи с теми польскими кругами, на которые опирался первый Самозванец.

Но, дав толчок восстанию против Шуйского, Шаховской и Молчанов не только не сумели овладеть движением масс, но были оттеснены ходом событий на задний план, оказавшись сами поглощенными мощным потоком восстания. При этом Шаховской еще продолжает участвовать в восстании до самого конца, хотя и не играет уже той роли, как в начальный период. Молчанов же вообще выпадает как реальная величина из восстания и, оставаясь в Польше, ограничивает свое участие в событиях лишь поддержанием связей с восставшими.

Подлинным вождем восстания становится Болотников.

Объяснение этого кроется в самом характере восстания.

---

[1] *Bussow*, стр. 67.
[2] Там же, стр. 70.
[3] См. прилож. IV, стр. 552.
[4] *Н. П. Лихачев*, Боярский список 1611 г., 1895, стр. 7.

Библиотека "Руниверс"

В «Новом Летописце» глава о восстании Болотникова выразительно названа: «О побое и разорении служивым людем от холопей своих и крестьян» [1]. Тот же источник дает наиболее точный и полный перечень социальных групп, принявших участие в восстании Болотникова, в следующей формуле: «Собрахуся боярские люди и крестьяне, с ними же пристаху Украинские посацкие люди, и стрельцы, и казаки» [2].

Проверка этой характеристики при помощи других источников заставляет признать, что автор «Нового Летописца» не только правильно определил социальный состав участников восстания Болотникова, но также очень верно оценил и удельный вес и значение в восстании каждой из названных им общественных групп, выделив холопов («боярских людей») и крестьян как инициаторов и главную силу восстания Болотникова, остальные же группы — посадских людей, стрельцов и казаков — назвав присоединившимися («приставшими») к восстанию [3].

Первое место в восстании Болотникова, бесспорно, принадлежало холопам. Об этом свидетельствуют прежде всего масштабы участия холопов в восстании. Выше, характеризуя массовое бегство холопов во время голода 1601—1603 гг., мы ссылались на свидетельство А. Палицына о более чем 20 000 беглых холопов в Украинных городах Русского государства. Эта цифра, однако, может с еще бо́льшим основанием быть использована и для характеристики участия холопов в восстании Болотникова. Ибо А. Палицын сообщает данные о беглых холопах именно говоря о восстании Болотникова, определяя цифрой в 20 000 число бывших холопов, входивших в состав армии Болотникова во время осады Тулы войсками Шуйского [4].

Не менее выразительно выступает роль холопов в восстании Болотникова и по данным официального документа — боярского приговора от 25 февраля 1608 г. [5]. Будучи посвящен вопросу о судьбе холопов — участников восстания Болотникова, захваченных в плен войсками Шуйского, — приговор 25 февраля 1608 г. раскрывает картину широкого участия холопов в восстании Болотникова. Ибо весь текст и контекст этого закона исходит из

[1] ПСРЛ, т. XIV, стр. 71.

[2] Там же; ср. царскую грамоту в Пермь Великую от 9 декабря 1606 г., где социальный состав участников восстания Болотникова определен так: «...собрались Украиных городов воры казаки, и стрелцы, и боярские холопи и мужики» (ААЭ, т. II, № 60).

[3] Сказание, найденное М. Н. Тихомировым, говоря о походе Болотникова на Москву, указывает, что «изыдоша множества народу с ним и не осташася в странах тех, ни во градех, ни в селех, никто же, но токмо женьскии пол осташа» [*М. Н. Тихомиров*, Сказание, «Исторический архив», т. VI. (Печатается). В дальнейших ссылках: *М. Н. Тихомиров*, Сказание].

[4] РИБ, т. XIII, стб. 484.

[5] АИ, т. II, № 85/II.

Библиотека "Руниверс"

предпосылки о холопах как одной из главных движущих сил восстания Болотникова [1].

Рассмотрение вопроса о роли и значении холопов в восстании Болотникова не может быть, однако, ограничено количественным определением их удельного веса в общей массе восставших. Холопы — участники восстания Болотникова — обладали рядом качеств и черт, дававших им возможность играть роль наиболее активного элемента в среде восставших. Здесь надо прежде всего отметить большое количество в составе холопов людей, недавно закабаленных, только что потерявших свою свободу. Эти элементы должны были особенно остро переносить свое холопское состояние и поэтому, естественно, стремились и пытались вернуть себе свободу любой ценой.

Для характеристики подобного рода настроений и стремлений кабальных людей большой интерес представляет известие Татищева относительно «челобитья холопей, чтоб не быть рабами», в ответ на которое «царь Василий Иванович Шуйский, для утишения великого в холопах смятения, закон учинил, что пленным токмо рабами быть, доколе свободу получат, а холопей в прежней верности оставил служить по кабале и по летной» [2].

Известие это (в той его редакции, которая находится в XX томе «Древней Российской Вивлиофики») уже давно привлекало внимание историков. Однако источник его оставался неизвестным, и исследователи, использовавшие это известие для характеристики положения холопов в начале XVII в., лишь высказывали предположения, что оно основано на «летописных данных, до нас не дошедших» [3]. Е. Н. Кушевой, однако, удалось с бесспорностью доказать, что известие «Древней Российской Вивлиофики» восходит к тексту Татищева, который, в свою очередь, основан на не дошедшем до нас произведении: «Истории о разорении Русском», составленной современником событий начала XVII в., келейником патриарха Иова Иосифом [4]. Эти выводы Е. Н. Кушевой очень усиливают соображения, говорящие в пользу достоверности известия о холопьей челобитной. Однако форма, в какой дошло до нас известие о челобитной кабальных холопов Шуйскому (отсутствие датировки, чрезмерная сжатость, язык, которым пересказаны данные современного источника, и т. д.), не дает возможности более точно установить время и

[1] Характеристику содержания приговора от 25 февраля 1608 г. см. ниже, в главе «Правительство Василия Шуйского и восстание».

[2] *В. Н. Татищев*, История Российская, кн. I, ч. 2, М. 1769, стр. 531. Цитирую по статье *Е. Н. Кушевой*, К истории холопства в конце XVI — начале XVII в., «Исторические записки», т. 15, 1945, стр. 75.

[3] *Б. Д. Греков*, Очерки по истории феодализма в России, «Известия Государственной Академии истории материальной культуры», вып. 72, 1934, стр. 141.

[4] *Е. Н. Кушева*, цит. соч., стр. 70—79.

Библиотека "Руниверс"

определить характер этого выступления кабальных холопов. Нельзя даже точно сказать, когда имело место это событие: до восстания Болотникова, во время восстания или после его поражения.

Правда, Е. Н. Кушева считает «очень вероятным» предположение Владимирского-Буданова, что «ответом на челобитье холопов был указ Шуйского от 21 мая 1609 г.» [1]. Но мне представляется весьма сомнительным рассматривать как удовлетворение челобитья холопов, «чтоб им не быть рабами», закон, в числе статей которого есть предписание возвращать старым «государям» детей кабальных холопов, которые «бегаючи от старых своих государей, дали на себя иным кабалы», а также статья, предлагающая отдавать старым «государям» добровольных холопов, «которые у государей своих служат безкабально, лет пять, или шесть, или десять и болши, а ныне они государем своим на себя кабал не дают» [2].

Но, независимо от точной даты этого события, для нас важен самый факт выступления кабальных холопов, «чтоб не быть рабами». А это с бесспорностью вытекает из татищевского рассказа о холопьей челобитной. Следует сделать и еще один вывод из рассмотрения известия Татищева. Челобитная кабальных холопов — свидетельство не только ярко выраженных антикрепостнических настроений холопов, но и их политической активности, сделавшей их способными на такой акт, как составление и подача царю коллективной челобитной.

Рассматривая вопрос об участии холопов в восстании Болотникова, следует подчеркнуть, что этот вопрос есть прежде всего вопрос о беглых холопах. Голод 1601—1603 гг. способствовал своеобразной поляризации в среде холопов. Если результатом разорения и обнищания масс в годы голода было огромное усиление процесса закабаления свободных элементов, то, с другой стороны, голод стимулировал и массовое бегство холопов, ибо наиболее активные элементы среди холопов искали выхода из кабалы в бегстве. Беглые холопы и явились одной из главных сил восстания Болотникова. Именно беглых холопов имеет в виду А. Палицын. О беглых холопах говорит и боярский приговор от 25 февраля 1608 г. Эта группа холопов демонстрировала свою активность уже самым фактом бегства. В условиях же восстания беглые холопы, естественно, становились наиболее активным элементом в рядах восставших.

Следует, наконец, вернуться и к показанию А. Палицына, что первое место среди беглых холопов принадлежало тем, «иже

---

[1] *Е. Н. Кушева*, цит. соч., стр. 79.

[2] *Владимирский-Буданов*, Христоматия по истории русского права, вып. III, изд. 3, 1889, стр. 106, 107.

Библиотека "Руниверс"

на конех играюще», т. е. военным холопам, участникам походов, в которых эти холопы обязаны были сопровождать своих господ. Нет необходимости говорить о том, какое значение имело участие этой группы холопов в восстании Болотникова. Если современники подчеркивают, что восставшие были «искусные воители и отважные воины» [1], то одной из предпосылок этого, несомненно, надо считать наличие в рядах армии Болотникова бывших военных холопов, получивших возможность применить свои профессиональные военные навыки для борьбы против своих угнетателей.

Само положение холопов в общественном строе Русского государства стимулировало их политическую активность и толкало их на борьбу против своих господ. Отношения крепостнической эксплуатации были для холопа гораздо обнаженнее, а формы ее значительно более грубыми и тяжелыми, чем для крестьянина. Социальная философия Зиновия Отенского, отрицавшая за холопом какие бы то ни было гражданские права и вместе с тем провозглашавшая безграничную власть господина над имуществом, трудом и личностью холопа, являлась обобщением и теоретическим выражением отношений реальной действительности в Русском государстве того времени. С другой стороны, холопы ближе, чем крестьяне, соприкасались с центрами политической и культурной жизни Русского государства. Не говоря уже о холопах — военных слугах, и те холопы, которые составляли дворы бояр и дворян в Москве и других городах, также в какой-то степени приобщались к культурным условиям эпохи. Следует, наконец, отметить и ту черту в положении холопов, которая заключалась в меньшей изолированности их друг от друга, чем крестьян. И общие условия городской жизни, и скопление большого количества холопов во дворах феодальной знати создавали возможность для холопов общаться друг с другом. Как бы ограничительно ни толковать приведенный выше [2] рассказ «Нового Летописца» «О доводах холопьих на бояр», слова летописца о том, что «людие ж боярские всех дворов... начаша умышляти всяк над своим боляриком и зговоряхуся меж себя человек по пяти и по шти, един идяше доводити, а тех поставляше в свидетелех, и те по тем такаху» [3] — во всяком случае свидетельствуют о некоторых элементах общественных связей между холопами. Еще показательнее в этом плане только что рассмотренная история составления и подачи кабальными холопами челобитной Василию Шуйскому. Это выступление холопов предполагает гораздо более

[1] *И. Масса*, стр. 154.
[2] См. стр. 77.
[3] ПСРЛ, т. XIV, стр. 52. «Такать» — термин судопроизводства того времени, означавший подтверждение данным лицом на суде того или иного факта.

Библиотека "Руниверс"

широкий круг участвовавших в нем кабальных людей, чем в случае с доносами холопов на своих бояр.

Таковы сохраненные источниками данные о положении холопов в общественном строе Русского государства, позволяющие составить представление о холопе — участнике восстания Болотникова, определить его социально-политическое лицо, нарисовать «портрет» русского холопа конца XVI — начала XVII в. В особенностях места и положения холопов в общественном строе Русского государства и следует искать объяснение того, почему именно холопы первые из всех групп феодально-зависимого населения Русского государства поднялись в общегосударственном масштабе против феодального гнета (восстание Хлопка). В этом же кроется ответ и на вопрос, почему и на новом этапе борьбы, в восстании Болотникова, наиболее активную силу составляли холопы [1].

Говоря о крестьянстве в начальный период восстания Болотникова, следует прежде всего рассмотреть вопрос о Комарицкой волости. Комарицкая волость выступает как один из основных и главных центров восстания Болотникова. «Комарицкие волости мужики», «комаричи», «Комарицкая волость», наряду с путивльцами и рылянами, называются источниками в первом же перечне «заворовавших» и «изменивших» Василию Шуйскому городов [2]. С Комарицкой волостью источники (Буссов) связывают и первые шаги в деятельности Болотникова. Наконец, через Комарицкую волость Болотников двинулся из Путивля на Москву [3].

Эта особая роль Комарицкой волости в восстании Болотникова не является случайной. Комарицкая волость стала местом

[1] Б. Д. Греков в своих «Крестьянах на Руси» подчеркивает, что «кабальные холопы, сосредоточенные, как правило, в дворах, особенно больших и богатых, часто в городских, навербованные из довольно разнообразных слоев бедняков, среди которых было много людей, годных к военной службе... а как уверяет Палицын, и обученных военному делу, очевидно имели больше возможности к организованным выступлениям, были более ориентированы в обстановке и яснее понимали свои интересы, чем распыленная на огромных пространствах крестьянская масса... Господа и помещичье государство боялось восставших и организованных холопов больше, чем крестьян» (*Б. Д. Греков*, Крестьяне на Руси, 1946, стр. 905).

[2] *Белокуров*, стр. 42, 117, 173, 178.

[3] *Bussow*, стр. 70, 71. Д. Святский, основываясь, очевидно, на местных преданиях, сообщает очень интересные данные о пребывании Болотникова в Комарицкой волости: «Передают, что село Бордаковка на юге Комарицкой волости было главным местопребыванием Болотникова» (*Д. Святский*, Исторический очерк городов Севска, Дмитровска и Комарицкой волости, Орел 1908, стр. 41). К сожалению, Д. Святский не уточняет источник этого известия, ограничиваясь глухим: «передают». Другой историк Комарицкой волости, Г. М. Пясецкий, указывает, что Болотников сохранил связи с Комарицкой волостью позднее, причем «Комарицкая волость доставляла Болотникову людей, деньги и хлеб для войны» (*Г. М. Пясецкий*, Исторические очерки города Севска и его уезда, «Сборник Орловского церковного историко-археологического общества», т. II, Орел 1906, стр. 23).

Библиотека "Руниверс"

открытой борьбы крестьянства против феодалов еще задолго до начала восстания Болотникова.

Комарицкая волость обозначается в источниках как «волость многолюдная и болшая» [1]. Эта характеристика русских источников находит свое подтверждение в словах Исаака Массы, оценивающего Комарицкую волость как «землю весьма плодородную, богатую хлебом, медом и воском, также льном и коноплей и населенную богатыми крестьянами» [2].

По данным Д. Святского, «в состав Комарицкой волости, кроме нынешнего Севского уезда, входила также большая часть Дмитровского уезда, Орловской губернии, до границы, идущей от Водоцкого на Столбище и Лобаново, часть Дмитровского уезда, Курской губернии, до границы, идущей от Калиновки на Гремячее и Дмитриев, и часть Трубчевского уезда, захватывающая села Салтановку, Глинское и Кокоревку» [3]. Наиболее подробные сведения о составе населения Комарицкой волости содержат материалы переписи 1707 г. По этим данным, в Комарицкой волости было 117 сел со 126 деревнями и слободами. «Пашенных дворов в Комарицкой волости насчитывалось 4 824, а людей в них мужеского пола, кроме отданных в солдаты, 23 059 чел.» [4].

Материалы петровской переписи, хотя и отделенные от восстания Болотникова целым столетием, весьма важны, так как дают возможность составить себе конкретное представление о размерах и населенности Комарицкой волости. Значительно более близкие по времени к восстанию Болотникова данные содержит указ царя Михаила Федоровича от апреля 1630 г. о сборе «даточных» людей с Комарицкой волости. Согласно этому указу, в Комарицкой волости было 3 209 дворов [5].

Наконец, для характеристики населения Комарицкой волости можно использовать еще одно свидетельство, примыкающее уже непосредственно к периоду восстания Болотникова. Свидетельство это относится к концу 1604 г., когда «вор Рострига с литовскими людми пришод Чернигов взял», и представляет собой роспись воевод, находившихся в тот момент в Новгороде-Северском: «И в Новегородке были воеводы: боярин князь Никита Романович Трубецкой, да околничей Петр Федорович Басманов, да князь Яков Петрович Борятинской, да князь Григорий Иванович Гагарин, да головы Елизарей Данилов сын Бартенев; *да головы ж з да[то]шными людми:* Ондрей Матвеев сын Воейков, Иван Петров сын Биркин, Ондрей Бунаков, Борис Угримов, Данило Яблочков, *а с ними комаричан по пятосот человек,* да

[1] *А. Попов,* Изборник, стр. 324.
[2] *И. Масса,* стр. 81.
[3] *Д. Святский,* цит. соч., стр. 5.
[4] *Г. М. Пясецкий,* цит. соч., стр. 75.
[5] Там же, стр. 28, 29.

Библиотека "Руниверс"

с московскими людми з стрельцами Ратман Дуров» [1]. Все значение приведенной разрядной записи заключается, конечно, в той ее части, где говорится о «даточных» людях — комаричанах. Итак, в составе годуновских войск у Новгорода-Северского находилось 2 500 «даточных» людей — комаричан, т. е. жителей Комарицкой волости. Отсюда можно заключить и о количестве дворов в Комарицкой волости. Их было не менее двух с половиной тысяч (считая, что «даточный» человек брался с каждого двора).

Все эти данные о количестве сел и деревень, дворов и населения Комарицкой волости рисуют ее как действительно «многолюдную и большую». Рассмотрение данных о «даточных» людях, однако, важно не только для общей характеристики территории и населения Комарицкой волости. Эти данные позволяют более отчетливо представить себе и социальное лицо Комарицкой волости и обстановку в ней накануне восстания Болотникова. Поставка «даточных» людей являлась повинностью, которую несло сельское и городское черное тяглое население. «Даточных» людей ставили крестьяне черных и дворцовых волостей, церковных и монастырских вотчин, черные посадские люди, а также крестьяне тех поместий и вотчин, владельцы которых по тем или иным причинам не могли нести лично военную службу (вдовы, отставные служилые люди, помещики, занимавшие должности в органах центрального или местного управления, и т. д.). Применительно к Комарицкой волости «даточные» люди, таким образом, могут служить показателем крестьянского состава населения Комарицкой волости. Комаричане — «даточные» люди — являлись по своей социальной природе «мужиками», т. е. крестьянами. Поэтому по количеству «даточных» людей — комаричан — можно судить о количестве крестьян в Комарицкой волости. То, что Комарицкая волость в 1604 г. поставляла две с половиной тысячи «даточных» людей, свидетельствует о том, что подавляющее большинство ее населения составляли черные тяглые крестьяне. Этот крестьянский характер Комарицкой волости наложил отпечаток и на ее экономику. Мы уже цитировали слова Исаака Массы о плодородии и богатстве Комарицкой волости хлебом, медом и другими продуктами сельского хозяйства. Более точные данные, характеризующие экономику Комарицкой волости, можно извлечь из выписи из писцовых книг 1623 г., сохранившей сведения о крестьянском землевладении Комарицкой волости. Выпись была сделана в связи с переводом из Новгорода-Северского в Севский острог 200 стрельцов, которым на территории Комарицкой волости было отделено «вместо хлебного жалованья» 3 000 десятин крестьянской земли — «пашни паханыя, и перелогу, и дикия дубровы, и сенных покосов, и лесу около Севска

[1] *Белокуров*, стр. 2. Курсив мой. — *И. С.*

Библиотека "Руниверс"

в ближних и дальних местех»[1]. Определяя порядок перехода земель от крестьян к стрельцам, выпись попутно дает исключительно ценный материал для характеристики хозяйства комарицких крестьян: «...А которая им (стрельцам. — *И. С.*) пашня паханая отделена, а пахали ее и хлеб сеяли крестьяне деревни Ондреевской и деревни Колчавской и за рекою за Севью деревни Кривцовой и села Юшина крестьяне к нынешнему ко 131 году, и тот хлеб крестьяном пожать себе и землю очистить, а стрельцом до того хлеба дела нет, и крестьяном в том насильства и никаких налог не чинить, а как хлеб крестьяне пожнут и землю очистят, и тою землею впредь владеть стрельцом. Да стрельцом же дано под гумна селитьбы, что была деревня Колчева, что они крестьяне меж себя договорились о тех селитьбах полюбовно, а поступилися им в то место своей половины в деревни Княгинине, а которые дворы на тех селитьбах крестьянские и гумна, до тех им дворов и до гумен по тому ж дела нет, покаместа крестьяне те дворы и гумна перевозят на свои селитьбы в деревню Княгинину»[2]. Приведенный отрывок, представляя собой по существу описание хозяйства четырех деревень Комарицкой волости, дает возможность наглядно представить себе картину жизни куска Комарицкой волости, как эта жизнь рисуется в описании московского писца. Перед нами — сплошной массив крестьянских земель, с пахотной пашней и хлебными полями, «сенными покосами» и «перелогами», «дикими дубровами» и «сосновым бором» (о которых также говорится в выписи), с гумнами и дворами живущих на этих землях крестьян.

Именно такой, очевидно, была и вся Комарицкая волость. К этому надо добавить, что (в подтверждение слов Исаака Массы) Комарицкая волость, наряду с хлебом, была богата и промысловыми угодьями: «бобровыми гонами», «рыбными ловлями» и «бортными ухожьями», которыми владели те же комарицкие мужики[3]. При этом в источниках сохранились

[1] «Труды Орловской ученой архивной комиссии, 1895 г.», вып. III, Орел 1895, стр. 21.

[2] Там же, стр. 26, 27.

[3] В Брянских писцовых книгах 1626—1628 гг. в числе земельных владений брянских церквей отмечены и угодья, пожалованные этим церквам в Комарицкой волости: «...бортной ухожей в Комарицкой волости в Глинском ухожье... села Глинского со крестьяны, и ходят в тот церковный ухожей Комарицкия ж волости Борисовского стану деревни Грамовни крестьяне, а оброку платят к церкви Архангелу Михаилу по полтора пуда меду на год». «...Да в Комарицкой волости в Борщове пчельниковской ухожей до речки Гобен с упалыми речками и колодези с верховья и до устья оба берега, с рыбною ловлею и бобровыми гоны» (*Г. М. Пясецкий*, История Орловской епархии, Орел 1899, стр. 49, 50. Приложение к «Орловским епархиальным ведомостям» и отдельно; ср. его же «Исторические очерки г. Севска и его уезда», стр. 59, 60).

Библиотека "Руниверс"

указания на вольный характер владения крестьян этими угодьями [1].

Несмотря на раздачу в XVII в. крестьянских земель стрельцам, пушкарям, казакам, а также церквам и монастырям, Комарицкая волость сохранила свой крестьянский облик вплоть до Петра I, когда на ее территории появился первый крупный светский землевладелец в лице князя Дмитрия Кантемира, которому были пожалованы в вотчину 1 000 крестьянских дворов в Комарицкой волости [2].

Эти данные по социально-экономической истории Комарицкой волости в XVII в. могут быть положены в основу характеристики Комарицкой волости и накануне восстания Болотникова, когда ее крестьянское лицо было еще цельнее и отчетливее, а некрестьянские элементы населения исчерпывались небольшой группой служилых людей «по прибору», входивших в состав севского гарнизона.

В положении Комарицкой волости накануне восстания Болотникова следует отметить еще один момент. Г. М. Пясецкий указывает на то, что в административном отношении Комарицкая волость издавна занимала особое положение, так как входила в состав дворцовых земель — сначала литовских великих князей, а затем московских государей. Этим особым положением Комарицкой волости Г. М. Пясецкий объясняет то обстоятельство, что «Комарицкая волость не сливалась в разных актах, грамотах и отписках с городом Севском, как другие уезды с своими городами, а присоединялась к нему как особая единица, приданная ему в полицейском и административном отношении».

Особое положение Комарицкой волости выражалось и в том, что «в экономическом отношении она имела независимое от Севска управление, свою Дворцовую Приказную Избу, своих управителей и дворцовых старост» [3]. Характеризуя Комарицкую волость как дворцовую, Г. М. Пясецкий вместе с тем сообщает о коренных изменениях в положении Комарицкой волости накануне восстания Болотникова. Изменения эти состояли в том, что «царь Федор Иоаннович, ввиду стратегического значения Севского уезда, *предоставил его, со всеми доходами, своему шурину Борису Феодоровичу Годунову*» [4]. В этой связи Г. М. Пясецкий привлекает для характеристики Комарицкой волости времени Бориса Годунова знаменитую песню про «комаринского мужика»,

---

[1] Так, в жалованной грамоте Михаила Федоровича Знаменской церкви города Севска на «пустовой бортной ухожей» отмечено, что «владели тем ухожьем обапальные бортники без дачи запусто и безоброчно» (*Д. Святский*, цит. соч., стр. 79, 80).

[2] *Д. Святский*, цит. соч., стр. 90, 91.

[3] *Г. М. Пясецкий*, Исторические очерки г. Севска и его уезда, стр. 61.

[4] Там же, стр. 12. Курсив мой. — *И. С.*

Библиотека "Руниверс"

относя ее возникновение именно к началу XVII в. и видя в ней отражение реальных событий борьбы комарицких мужиков против Бориса Годунова как своего «барина». В такой интерпретации «Комаринской» ее слова:

Ах ты, сукин сын, комаринский мужик,
Не хотел ты свойму барину служить,

становятся «памятником измены комаричан Борису не только как государю, но и как своему помещику — барину» [1].

Нет необходимости говорить о том, насколько важны эти сообщения Г. М. Пясецкого. Превращение «комарицких мужиков» из дворцовых черных крестьян в крестьян частновладельческих, боярских, совпавшее притом по времени с введением «заповедных лет» и уничтожением права крестьянского выхода, должно было особенно остро сказаться на обстановке внутри Комарицкой волости. Вместе с тем такие перемены в положении Комарицкой волости создавали особо благоприятную почву для восстания комарицких крестьян, для которых в лице Бориса Годунова соединялся и глава крепостнического государства и феодал-боярин.

К сожалению, очень трудно определить, на основе каких источников построены сообщения Г. М. Пясецкого: что из этих сообщений является обоснованным документально, что имеет под собой местную традицию и что, наконец, представляет собой домыслы самого Г. М. Пясецкого.

То, что Комарицкая волость являлась дворцовой волостью и имела свое особое дворцовое управление, повидимому, не может вызывать сомнений. Во всяком случае, излагая материалы петровской переписи 1707 г., Г. М. Пясецкий прямо говорит о том, что «в XVIII в. в селе Лугани сосредоточивалось управление всеми дворцовыми имениями Комарицкой волости. Здесь находилась Дворцовая Приказная Изба с дворцовым управителем и становыми старостами, стоявшими во главе управления» [2]. Можно думать, что эта Дворцовая Приказная Изба, как показывает само ее название, уже существовала и в XVII в.

Сложнее обстоит дело с вопросом о пожаловании Комарицкой волости во владение Борису Годунову. Мне не удалось установить, на чем основано утверждение Г. М. Пясецкого о том, что царь Федор Иванович пожаловал Комарицкую волость «со всеми доходами» Годунову. Но если Г. М. Пясецкий и не указывает источников этого своего сообщения (быть может, в основе его лежит местная традиция?), то само по себе сообщение о пожаловании Комарицкой волости Годунову представляется вполне вероятным.

---

[1] *Г. М. Пясецкий.* Исторические очерки г. Севска и его уезда, стр. 22.
[2] Там же, стр. 66, 67.

Библиотека "Руниверс"

Одно известие у Флетчера придает данному сообщению Г. М. Пясецкого еще больший интерес. Характеризуя доходы Годунова и перечисляя ряд местностей, доходы с которых шли Годунову, Флетчер указывает, что Годунов получал также 30 000 рублей «out of Rezan and Sever (an other peculiar)» [1]. Середонин в своем комментарии к сочинению Флетчера отождествляет «Sever» с Северской землей и очень скептически относится к данному известию Флетчера, указывая, что «в высшей степени сомнительно, чтобы Борису принадлежали доходы с Рязанской и Северской областей и притом в количестве 30 000 рублей» [2].

Однако такой скептицизм Середонина вряд ли можно считать обоснованным. Прежде всего вызывает сомнение правильность отождествления «Sever» Флетчера с Северской землей. Дело в том, что для обозначения Северской земли Флетчер употребляет форму «Severskoy» [3]. Это отличие названий «Sever» и «Severskoy» отмечено и в русском переводе Флетчера, где «Sever» переведен как «Северск» [4]. Но не имеется ли в виду Флетчером не несуществующий «Северск», а исторический Севск, т. е. Комарицкая волость? Возможность такой постановки вопроса вытекает не только из того, что для обозначения данного владения Годунова Флетчер употребил иное название, чем для Северской земли, но также из указания Флетчера на характер того права, на котором Годунов владел местностью «Sever». Как видно из приведенного текста, Флетчер употребляет для характеристики прав Годунова на местность «Sever» термин «peculiar». Этот термин, подчеркивающий привилегированный характер данного владения, представляет в данном случае особый интерес, так как этим же термином Флетчер обозначает и право владения Борисом Годуновым Вагой [5]. Таким образом, Вага и «Sever» рассматриваются Флетчером параллельно, и «Sever» назван Флетчером «an other peculiar» именно по отношению к Ваге.

Но характер прав Годунова на Вагу нам известен. По официальной формуле, Годунов получил «в вотчину три города в Важской земле с великими доходы» [6]. В другом документе —

[1] *G. Fletcher*, Of the Russe Common Wealth. В издании: Russia at the close of the sixteenth century, ed. by E. A. Bond, London 1856, стр. 37.

[2] *С. М. Середонин*, Сочинение Джильса Флетчера «Of the Russe Common Wealth», как исторический источник, 1871, стр. 191.

[3] *G. Fletcher*, цит. соч., стр. 10.

[4] *Д. Флетчер*, О государстве Русском, 1906, стр. 34.

[5] Out of the province or shire of Vagha, there is given him for a peculiar exempted out of the Chetfird of Posolskoy 32 000 rubels besides a rent of furres (*G. Fletcher*, цит. изд., стр. 37).

[6] *Карамзин*, т. X, примеч. 270 (Дела польские). Середонин отмечает хронологическое несоответствие между свидетельством Флетчера о Ваге и сообщениями русских источников: «По разрядам Годунов получил доходы с Ваги за отбитие Казы-Гирея от Москвы в 1591 г., когда книга Флетчера

Библиотека "Руниверс"

«памяти» «посланника» Василия Шуйского на Вагу, Федора Савина, излагающей содержание царского наказа, — для обозначения прав Годунова на Вагу употреблен термин «владенье» [1].

Итак, то, что русские источники сообщают о характере владения Годуновым Вагой, вполне соответствует той формуле (peculiar), которой Флетчер обозначает права Годунова на Вагу. Но вместе с тем объем прав Годунова в отношении Ваги соответствует тому, что сообщает Г. М. Пясецкий, говоря о пожаловании Годунову Комарицкой волости. К этому следует добавить, что по своему характеру и Вага и Комарицкая волость представляли собой район черных земель, населенных черными крестьянами.

Мне представляется поэтому, что свидетельство Флетчера о доходах Годунова может быть использовано при решении вопроса о достоверности сообщений Г. М. Пясецкого об отношениях между Годуновым и крестьянами Комарицкой волости [2].

Итак, материалы Г. М. Пясецкого о Комарицкой волости раскрывают существеннейшую сторону в ее жизни накануне восстания Болотникова. Вместе с тем, однако, следует признать, что, несмотря на всю важность этих материалов, использование их возможно лишь с известной степенью условности. Но если даже оставить открытым вопрос о том, был ли Годунов «барином» комарицких мужиков, то и те мероприятия Годунова, в которых он выступал как глава государственной власти, оказывали сильнейшее влияние на положение в Комарицкой волости. Среди этих мероприятий, непосредственно примыкавших по времени к восстанию Болотникова, особенно крупным был сбор «даточных» людей в 1604 г.

Сбор «даточных» людей правительством Годунова являлся экстренной военной мерой, своего рода мобилизацией, проводив-

---

была уже издана. Очевидно, что это пожалование в 1591 г. тремя городами в Важской области было номинальным... а на самом деле доходами с этой области Годунов пользовался и раньше» (*С. М. Середонин*, цит. соч., стр. 191).

По актовому материалу можно установить, что Вага была дана Борису Годунову в 1586 г. «в путь» (*П. А. Садиков*, Московские приказы — «четверти» во времена опричнины, «Исторические записки», т. X, 1941, стр. 158).

[1] «...сколько и почему в Важском уезде платили государев оброк и всякия государевы доходы в Четверть дияку Андрею Щелкалову, и после того по чему платили Борису Годунову в его владенье дань и оброк, и всякия доходы, и после Борисова владенья в Казанской и в Мещерской дворец» (АЮ, № 337; Архив Строева, т. II, № 64; «Память» от 3 мая 1607 г.).

[2] Что касается песни о «комаринском мужике», то проверка правильности ее интерпретации Г. М. Пясецким требует специального рассмотрения истории текста этой песни. К сожалению, в литературе по фольклору таких исследований о «Комаринской» обнаружить не удалось. Но мне представляется, что интерпретация «Комаринской», даваемая Г. М. Пясецким, заслуживает всяческого внимания.

Библиотека "Руниверс"

шейся при чрезвычайных обстоятельствах. Мера эта была вызвана неудачами регулярных войск Годунова в борьбе против Лжедмитрия I. Указ Годунова мотивировал необходимость сбора «даточных» людей тем, что в борьбе против Самозванца правительственные войска «вельми оскудеша, овии прельщени тем Вором к нему предалися: многие казаки, забыв к нам (т. е. к Борису Годунову. — *И. С.*) крестное целование, нам изменили, иные от долгого стояния изнурились и испроторились, в домы разошлись, и тако воям нашим зело умалившимся» [1]. Текст указа, однако, дошел до нас в не вполне удовлетворительном виде (с возбуждающими сомнения датой — 12 июня 1604 г. — и «особенностями языка») [2] и известен лишь по татищевскому изданию Судебника 1550 г. Поэтому нет возможности более точно представить себе масштабы и порядок сбора «даточных» людей для различных категорий населения (сохранившийся текст говорит лишь о сборе «даточных» людей с церковных и монастырских земель). Но сбор «даточных» людей не ограничивался, конечно, рамками одних лишь церковных и монастырских земель. Разрядная запись о «даточных» людях — комаричанах — свидетельствует о том, что указ о «даточных» людях распространялся и на черное крестьянское население Комарицкой волости.

У нас нет данных о нормах поставки «даточных» людей для того сбора «даточных» людей, который проводило правительство Годунова в 1604 г. Известны, однако, принципы сбора «даточных» людей в 1607 г., когда правительство Шуйского собирало со всех категорий земель — «с сохи по шти человек: по три человеки конных да по три человеки пеших» [3]. Можно также привлечь для сравнения и данные о сборе «даточных» людей в северных русских городах в 1614 г., когда «в среднем с сохи было взято по 10 человек» [4].

Сопоставляя сборы «даточных» людей 1607 и 1614 гг. со сбором «даточных» людей 1604 г., следует признать, что, очевидно, нормы сбора «даточных» людей, проводившегося Годуновым, были (если не для всей страны, то во всяком случае для Комарицкой волости) во много раз выше, чем в сборах 1607 и 1614 гг. Для подкрепления этого вывода достаточно сослаться на то, что с Вятки в 1614 г. должно было быть собрано 300 «даточных» людей, Соль Вычегодская поставляла 100 человек, Устьянские волости — 50, а «все поморские города с Вагой включительно должны были дать около 2000 даточных» [5]. Таким образом, Комарицкая

[1] *Татищев*, Судебник, стр. 131.
[2] *Карамзин*, т. XI, примеч. 264; *Платонов*, Очерки, примеч. 76.
[3] ААЭ, т. II, № 77; Архив Строева, т. II, № 68.
[4] *С. Б. Веселовский*, Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича, 1909, стр. 18, 19.
[5] Там же, стр. 19.

Библиотека "Руниверс"

волость дала в 1604 г. больше «даточных» людей, чем их должна была поставить в 1614 г. вся огромная территория русского Севера. Одного этого сопоставления достаточно для того, чтобы признать, что Комарицкая волость занимала в отношении поставки «даточных» людей особое положение по сравнению с другими районами Русского государства и что поставка такого количества «даточных» людей, которого потребовало от комаричан правительство Годунова, являлась совершенно непосильным бременем для «мужиков» Комарицкой волости и должна была вызвать новый рост недовольства среди комарицких мужиков.

Политика Бориса Годунова последних лет его царствования, состоявшая в беспощадном подавлении всяких проявлений борьбы крестьян и холопов против феодального гнета, продемонстрированная Борисом при подавлении восстания Хлопка, ускоряла назревание социального и политического кризиса и усиливала напряженность социальной атмосферы в стране, особенно в южных районах Русского государства, не только насыщенных беглыми крестьянами и холопами, но и являвшихся местом убежища для скрывшихся туда участников восстания Хлопка. До какой степени остроты дошли к этому времени классовые противоречия в южных районах Русского государства, показывает рассматривавшийся нами выше, в иной связи, эпизод с «мужиками» Околенской волости, пришедшими вместе с кромчанами «войной» на «Орловские места» осенью 1604 г. Если орловским воеводам и удалось тогда расправиться с мятежными «мужиками», то это было достигнуто ценой настоящего «боя» с «мужиками», против которых была послана специальная экспедиция («посылка») в виде «сотни», состоявшей, повидимому, из «годовавших» в Орле дворян [1].

Ясно, что в такой обстановке требовался лишь толчок, чтобы война между «мужиками» и «дворянами» вспыхнула вновь. Этим «толчком» явился поход Лжедмитрия I.

Когда Самозванец появился в Комарицкой волости, то, по свидетельству Исаака Массы, «все (жители) перешли к нему и присягнули ему» [2].

Борис Годунов ответил на «измену» комаричан приказом своим воеводам «о разорении Комарицкой волости» (Исаак Масса). Это было осуществлено годуновскими войсками со страшной жестокостью: «. . .Посылает воинских людей на Комарицкую волость, повелевает безмилостивым пленом пленити без остатка,

[1] *Белокуров*, стр. 238. О дворянском составе этой «сотни» можно заключить из того, что гонцом к царю с донесением о «бое» с «мужиками» был послан «мещанин» Алексей Собакин, раненный в сражении с «мужиками». В то же время разрядная запись называет в числе «годовальщиков, дворян и детей боярских», находившихся в Орле, «мещан, козличей и белевцев», т. е. дворян из Мещовского, Козельского и Белевского уездов.

[2] *И. Масса*, стр. 81.

Библиотека "Руниверс"

не щадити... ни жен ни детей, сосущих млеко, мужеска пола и женска всех до конца истребити и положити в запустение место, еже и бысть. Пришедше же тии посланнии в Комарицкую волость и начаша яко траву жати или класие (колосья) зрелое и зеленое, от старец и до юных, не щадити ни честныя седины, ни красноцветущия юности, ни лепоты невест, не познавших ложа мужеска, ни матерей доящих младенец, но вкупе матери убиваеми со младенцы сулицами и мечи прободаеми, инии же младенцы от пазух материних отторгаемы, на копиях возницаеми, и о помост и о пороги и о стены за ноги емше убиваеми, красноцветущии девицы и жены поруганием великим поругающеся и убивающе, и мужие честние различными муками. Что много глаголати! Всяк возраст человеческ и скот бессловесный мечу и огню предаша и здания их в прах и в пепел превратиша» [1]. Этот страшный рассказ русского хронографа кажется на первый взгляд несколько риторичным. Но Исаак Масса, которого никак нельзя упрекнуть в избытке эмоциональности, рисует в своих записках еще более потрясающую картину зверств воевод Бориса Годунова: «Они так разорили Комарицкую волость, что в ней не осталось ни кола, ни двора; и они вешали мужчин за ноги на деревья, а потом жгли, женщин, обесчестив, сажали на раскаленные сковороды, также насаживали их на раскаленные гвозди и деревянные колья, детей бросали в огонь и воду, а молодых девушек продавали за 12 стейверов» [2].

О дальнейших событиях в Комарицкой волости вплоть до начала восстания Болотникова никаких данных в источниках нет. Неизвестно ничего и о судьбе «даточных» людей комаричан, входивших в состав годуновского войска. Говоря точнее, неизвестен момент, когда они последовали примеру своих земляков и тоже перешли на сторону Лжедмитрия. Некоторые косвенные данные, однако, если и не дают возможности для решения вопроса о «даточных» людях из Комарицкой волости в категорической форме, то во всяком случае проливают свет на позицию их на заключительном этапе борьбы между Борисом Годуновым и Лжедмитрием I.

В ноябре 1607 г. в ходе переговоров с польскими послами один из русских участников переговоров, дьяк Василий Телепнев, коснувшись вопроса о положении в русской армии в момент смерти Бориса Годунова, заявил, что после смерти Бориса Годунова в войсках, действовавших против Лжедмитрия, остались лишь «немногие бояре и воеводы, а с ними толко ратные люди Северских и Украинных городов, стрельцы и казаки и *черные люди*» [3]. Опираясь на это свидетельство, можно допустить, что в числе «черных людей — ратных людей Северских и Украинных горо-

[1] *А. Попов*, Изборник, стр. 265, 266.
[2] *И. Масса*, стр. 82.
[3] Сб. РИО, т. 137, стр. 437. Курсив мой. — *И. С.*

Библиотека "Руниверс"

дов» были и «даточные» люди — комаричане. Если это так, то в таком случае они приняли активное участие и в расправе со своими воеводами: «И те люди в полкех... смуту в полкех учинили. И бояре и воеводы и дворяня, которые туто были оставлены, видя такое смятенье, побежали к Москве; а которые не ушли, и тех, поимав и перевязав отвели к Вору в Путивль» [1].

Так или иначе, прекращение борьбы годуновских войск против Лжедмитрия означало роспуск «даточных» людей, в числе которых вернулись в свою родную волость и «даточные» люди — комаричане.

Итак, положение в Комарицкой волости накануне восстания Болотникова определялось двумя моментами:

1) Население волости было озлоблено против крепостнического государства, расправившегося огнем и мечом с мятежными «мужиками-комаричанами».

2) В составе населения волости имелась большая группа бывших «даточных» людей, только что вернувшихся из армии и, следовательно, легче всего способных вновь подняться на вооруженную борьбу.

Таковы были те предпосылки, которые обеспечили «мужикам» Комарицкой волости ту выдающуюся роль, которую они сыграли в восстании Болотникова.

Участие крестьян в восстании Болотникова не ограничивалось, конечно, рамками одной Комарицкой волости. Комарицкая волость благодаря особенностям ее социального облика лишь наиболее полно отразила в себе те черты, которые характеризуют весь район восстания в целом.

О крестьянах других восставших уездов можно судить лишь по отдельным случайным намекам в источниках. Так, положение в Орловском уезде ярко характеризует известие о «войне» мужиков Околенской волости с орловскими воеводами. И когда разрядная запись за 1606 г. определяет положение дел в Орловском уезде в начале восстания Болотникова формулой: «в Орлянех шатость», подкрепляя свою характеристику сообщением о том, что Василий Шуйский «на Орел послал три приказы стрельцов» [2], не трудно раскрыть реальное содержание этой формулы, так как «шатость» орлян является продолжением той борьбы крестьянства против феодалов, которая еще во времена Бориса Годунова доходила до настоящей войны между орловскими «мужиками» и воеводами.

---

[1] Сб. РИО, т. 137, стр. 437. Тенденциозность изображения событий дипломатами Василия Шуйского, состоящая в стремлении скрыть переход на сторону Самозванца и значительной части воевод, не может, однако, служить основанием для опорочения заявления В. Телепнева в той его части, которая характеризует позицию и поведение черных людей.

[2] *Белокуров*, стр. 9.

Библиотека "Руниверс"

Вряд ли можно сомневаться и в том, что фраза в разрядах о начале восстания Болотникова: «С Ливен Михайло Борисович Шеин утек душою да телом и животы его и дворянские пограбили» [1], предполагает участие ливенских крестьян в захвате дворянского имущества.

Участие крестьян Кромского уезда в восстании Болотникова раскрывается записями приходо-расходной книги Иосифо-Волоколамского монастыря за 1607 г. Перечисляя «разоренных детей боярских», которым «по государеву цареву и великого князя Василья Ивановича всеа Русии указу» монастырь выдавал деньги на «корм», «память» о раздаче кормовых денег от 12 апреля 1607 г. отметила, что «того ж дни дано Кромскаго помещика Костянтиновой матери Потресова з детьми и с людьми на 4 недели корму 3 рубли 26 алтын» [2].

Очевидно, поместье Константина Потресова было «разорено» именно в начале восстания Болотникова и, конечно, с участием его крестьян, от которых мать К. Потресова и бежала к Москве под защиту крепостнического государства.

Приведенные материалы, характеризуя роль крестьянства в начальный период восстания, однако, не исчерпывают вопроса об участии крестьян в восстании. Ибо, по мере развития восстания и охвата им основных, центральных районов государства, возрастало и количество крестьян в составе участников восстания.

Наряду с холопами и крестьянами «Новый Летописец» называет в составе участников восстания Болотникова казаков, стрельцов и посадских людей.

Активное участие в восстании Болотникова перечисленных социальных групп обусловливалось особенностями социального состава населения южных и юго-западных районов Русского государства: Польских, Украинных и Северских городов. Социальное лицо этих городов определялось тем, что они представляли собой одновременно и область интенсивной колонизации и пограничные районы Русского государства.

Обе названные черты, характеризующие южные и юго-западные районы Русского государства, оказывали прямое и непосредственное действие на население Польских, Украинных и Северских городов, причем характер воздействия на социальный состав населения такого фактора, как колонизация, был существенно иным по сравнению с тем действием, какое оказывало на население рассматриваемого района его пограничное положение.

В условиях крепостнического государства, в обстановке растущего феодального гнета колонизационное движение населения на юг, в районы Дикого Поля являлось не только выражением эко-

[1] *Белокуров*, стр. 8.

[2] *Г. Бибиков*, Новые данные о восстании Болотникова. Публикация, «Исторический архив», т. I, 1936, стр. 17.

Библиотека "Руниверс"

номического прогресса, показателем роста производительных сил, но и представляло собой одну из форм борьбы крестьянства против усиления крепостничества. Именно эта сторона процесса колонизации делала украйны (т. е. окраинные районы) Русского государства местами устремления беглых крестьян и холопов.

Мы уже приводили выше (см. стр. 75) свидетельство Авраамия Палицына о скоплении в Украинных городах более чем двадцати тысяч беглых холопов [1].

Но на южные украйны Русского государства бежали не только холопы. Боярский приговор от 1 февраля 1606 г. о сыске беглых крестьян и холопов специально выделяет в составе беглых крестьян тех, «которые бегали с животы в дальние места из-за Московских городов на Украйны» [2]. Наконец, сюда же, на Поле уходили и разорявшиеся элементы из посадского населения.

Все они, попадая в южные районы Русского государства, вместе с переменой жительства меняли и свое социальное лицо, превращаясь из «беглых холопей» и крестьян в вольных людей — казаков.

XVI век является временем интенсивного развития казачества.

Еще в 1538 г. московское правительство в ответе на жалобу ногайского мурзы Келмагмеда о разорениях, чинимых ногайцам городецкими казаками, отказавшись нести ответственность за действия «лихих» казаков («и те люди как вам тати, так и нам тати и разбойники»), нарисовало вместе с тем яркую картину того, как «на Поле ходят казаки многие: казанцы, азовцы, крымцы и иные баловни казаки; а и наших украин казаки, с ними смешавшись, ходят» [3].

Через несколько лет, в 1546 г., в грамоте путивльского воеводы князя М. Троекурова Ивану IV мы находим новое свидетельство о казаках в Поле: «Ныне, государь, казаков на Поле много: и черкасцов, и киян, и твоих государевых, вышли, государь на Поле из всех украин» [4].

Уже в этих ранних характеристиках казачества ясно выступают два момента: 1) пестрый социальный и этнический состав казачества в Поле и 2) наличие в составе казачества выходцев из русских земель.

Источники дают возможность более точно выяснить, что за люди выходили из русских земель в казаки и какой характер носил этот их «выход». В Ногайских делах за 1549 г. сохранилась

---

[1] РИБ, т. XIII, стб. 484.

[2] ААЭ, т. II, № 40.

[3] «Историческое описание земли Войска Донского», изд. 2, 1903, стр. 3. Дела Ногайские, № 2, л. 230 (в дальнейших ссылках: «Историческое описание»).

[4] Там же, стр. 3. Дела Крымские, № 9.

Библиотека "Руниверс"

переписка между Иваном IV и ногайским князем Юсуфом по вопросу о разбойных действиях «казаков севрюков, которые на Дону стоят». Как и в 1538 г., правительство Ивана IV отказалось отвечать за казаков, мотивировав свой отказ тем, что «те разбойники живут на Дону без нашего ведома, а от нас бегают» [1].

Такая квалификация казаков на Поле как «беглых людей» повторяется неизменно в дипломатической переписке русского правительства с Ногаями, Крымом и Турцией на протяжении всей второй половины XVI в. Так, в грамоте Ивана IV в Крым от 1576 г. подчеркивается, что «казаки донские... не по нашему велению на Дону живут, бегая из нашего государства» [2].

В наказе посланнику в Крым Василию Зюзину в 1578 г. указывается в еще более категорической форме, что «наших казаков на Дону нет и не посылаем никого, а живут на Дону всяких земель беглые люди нашего государства и Литовские земли; а на наших украйнах воеводам именной наш приказ, что не велено никого на Дон пропущать и с Дону казака никакова пущать не велено на украйны. А кого изымут на украйне, и тех казнять смертью» [3].

В наказе посланнику в Турцию в 1584 г. Борису Благово ему предписывалось заявить по вопросу о донских казаках, что «на Дону и близко Азова живут казаки все беглые люди, иные казаки тут и постарелись живучи» [4].

Наконец, в отписке посланника в Турцию в 1593 г. князя Г. Волконского применительно к донским казакам употреблена еще более определенная формула: «На Дону живут воры беглые люди, без государя нашего ведома» [5].

Содержащиеся в дипломатических документах характеристика казаков, живших в Поле, на Дону, Волге и в других местах, как «беглых людей» и квалификация их как «разбойников» и «воров» верно отобразили и социальное лицо казачества и позицию казачества в отношении крепостнического государства. «Карамзинский Хронограф», говоря о казаках начала XVII в., указывает, что «в казаках были холопи боярские и всякие воры ерыжные и зерщики» [6]. Еще более выразительно указаны социальные группы, за счет которых росло казачество в начале XVII в., в татищевской «Истории царя В. И. Шуйского», где прямо говорится, что «во всех городех паки казаков *из холопей и крестьян* намножилось и в каждом городе поделали своих атаманов» [7].

---

[1] «Историческое описание», стр. 8. Дела Ногайские, № 3, л. 113—114 и 118—119.
[2] «Историческое описание», стр. 18. Дела Крымские, № 14, л. 338—340.
[3] «Историческое описание», стр. 43. Дела Крымские, № 15, л. 418 об.
[4] «Историческое описание», стр. 45. Дела Турецкие, № 2, л. 288—291.
[5] «Историческое описание», стр. 60. Дела Турецкие, № 3, л. 220.
[6] *А. Попов*, Изборник, стр. 354.
[7] ЦГАДА, Портфели Миллера, № 150 (№ 4), л. 14 об.

Библиотека "Руниверс"

Новгородские кабальные книги сохранили материалы, позволяющие документально проверить характеристики казачества, содержащиеся в дипломатических и литературных памятниках, и проследить как пути формирования казачества, так и источники, за счет которых шел этот процесс.

Среди лиц, дававших на себя служилую кабалу (и занесенных в кабальную книгу), имелись и такие, которые до своего превращения в кабальных холопов побывали в казаках — на Дону, в Поле, на Волге. Биографии этих лиц могут служить своего рода реальным комментарием к вышеприведенным формулам из Ногайских, Крымских и Турецких дел Посольского приказа.

Так, Кирилл Назарьин сказал о себе: «Наперед сего не служивал ни у кого, а родом лучанин, был в полону в Литве, ис полону вышотчи, был на Дону» [1].

Сведения о бывшем казаке Сергее Дмитриеве более подробны: «Родом деи крестьянской сын, а отца и матери не помнит, остался мал, наперед сего не служивал ни у кого, а побыл на Поле в казакех у отамана у Ворона у Носа лет с восм, а с Поля пришол в Новгород проведывати родимцов, и родимцов никого не сыскал» [2]. Биографическим данным, занесенным в кабальную книгу, вполне соответствует и внешний вид Сергея Дмитриева — типично казацкий: «Ростом человек середней, лет в полтретьятцать (т. е. 25 лет. — *И. С.*), бороду бреет, усат, волосом рус, очи серы, верхнего зуба напереди половина вышибена, у левые руки долонь у мизинца стрелена, в левом ухе бывала серга» [3].

Наконец, третий представитель казачества, оказавшийся вынужденным дать на себя служилую кабалу, Андрей Васильев, по своему происхождению являлся крестьянином Тихвинского монастыря. Толчком, послужившим к уходу Андрея Васильева в казаки, явилась смерть его родителей: «Отец его жил на пашне во крестьянех за Тихвинским монастырем, и отца и матери в животе не стало, а он после отцовы смерти сшол тому девятой год и погулял на Волге в казакех, а с Волги пришод пожил на Иванегородцкой дороги в Спаском монастыре на Чаще» [4].

Все три примера, извлеченные нами из Новгородских кабальных книг, показательны тем, что раскрывают обстоятельства и пути, приводившие русских людей в Поле, на Дон и Волгу и превращавшие их из лучан и новгородцев, посадских людей и монастырских крестьян — в казаков.

Но вместе с тем последний шаг в биографии этих казаков являлся, конечно, скорее исключением, чем правилом, и подавляю-

[1] Новгородские кабальные книги 7108 (1599—1600) года. СПб. 1894, стр. 22.
[2] Там же, стр. 55.
[3] Там же.
[4] Там же, стр. 22.

Библиотека "Руниверс"

щее большинство крестьян и холопов, бежавших на Дон и Волгу, не возвращалось на брошенные места — с тем, чтобы сменить казацкую жизнь на холопство, — а, напротив, выражаясь словами наказа 1584 г., «постаревало» в казаках и превращалось в глазах московских властей в «воров» и «разбойников».

Наиболее ярким представителем именно такого, мятежного, казачества является Илейка Муромец, выходец из городских низов, затем казак и, наконец, самозванный «царевич Петр» [1]. Но и в биографии самого Ивана Исаевича Болотникова период жизни у казаков сыграл важную роль, так как именно с бегства к казакам холоп Болотников начал свою борьбу против феодального гнета [2].

В соответствии с квалификацией казаков как «беглых людей», «воров» и «разбойников» московские власти проводили по отношению к казачеству политику беспощадной борьбы против казачьего «воровства» и «разбоев». Эта политика осуществлялась прежде всего путем ряда мер, направленных на борьбу с уходом в казаки, равно как и на недопущение прихода казаков на основную территорию Русского государства (по формуле: «Не велено никого на Дон пропущать и с Дону казака никакова пущать не велено на украины»).

Выражением этой же линии в политике являлись и карательные экспедиции против казаков, регулярно устраивавшиеся московскими властями и завершавшиеся (в случае успеха) казнями захваченных в плен казаков и казачьих атаманов [3].

Наконец, московские власти не упускали случая чтобы, когда к этому представлялась возможность, возвращать казаков в их прежнее социальное состояние, от которого их избавляли Дон и Волга, — в холопство, как об этом можно судить по рассказу донского казака Нехорошка Картавого, бежавшего в 1593 г. с «государевой службы» из Серпухова и жаловавшегося атаманам и казакам на то, что «на Москве их товарищем нужа великая: твоего государева жалованья им не дают, на Дон не пускают, а служат на своих конех и корму им не дают, *а иных в холопи отдают*» [4].

Особую остроту приобрела борьба московских властей против казачества в конце XVI — начале XVII в., при Федоре Иванович и Борисе Годунове. Наиболее полная характеристика политики правительства Годунова по отношению к казачеству содер-

[1] Биографию Илейки Муромца см. ниже, стр. 366—367.

[2] Биографию Болотникова см. ниже, стр. 138.

[3] Так, например, в грамоте Ивана IV в Крым от 1576 г. указывается: «...а донские казаки на Дону и на Волге и наши казны грабливали и мы, сыскав, за то их казнивали» («Историческое описание», стр. 18. Дела Крымские, № 14, л. 338—340). Другие примеры карательных экспедиций против казачества см. там же, стр. 23, 38, 40, 41, 42.

[4] «Историческое описание», стр. 62. Дела Турецкие, № 3, л. 167. Отписка посланника в Турцию, князя Г. Волконского.

Библиотека "Руниверс"

жится в известной грамоте на Дон царя Михаила Федоровича от 22 октября 1625 г., в которой новый царь, демонстративно провозглашая свою политику «жалования» казаков как «верных наших слуг», напоминал вместе с тем казакам о том, какая им «неволя была при прежних государех царех московских, а последнее при царе Борисе»: «невольно было вам не токмо к Москве проехать, и в украинные городы к родимцом своим притти, и купити, и продать везде заказано. А сверх того, во всех городех вас имали и в тюрьмы сажали, а иных многих казнили, вешали и в воду сажали» [1].

Обострение отношений между казачеством и московскими властями в конце XVI — начале XVII в. нельзя не поставить в связь с общим процессом нарастания социального и политического кризиса в Русском государстве. И репрессии против казачества, применявшиеся Годуновым, являлись одним из выражений его общей политики подавления борьбы народных масс против крепостнического государства.

Однако борьба с «воровством» и «разбоем» казаков представляла собой лишь одну сторону в политике московских властей по отношению к казачеству. Другой стороной этой политики являлось использование казачества как боевой силы, привлечение казаков на «государеву службу».

«Государева служба» казаков являлась одним из важнейших звеньев в системе обороны южных границ Русского государства.

Вторая половина XVI в., особенно начиная с 70-х годов, характеризуется огромным размахом деятельности правительства Ивана IV и его преемников по строительству системы обороны Русского государства с юга. История этого строительства не раз являлась предметом специального изучения и детально описана в работах И. Д. Беляева [2], Д. И. Багалея [3], И. Н. Миклашевского [4], А. И. Яковлева [5], С. Ф. Платонова [6] и др. [7] Нас, однако, интере-

---

[1] РИБ, т. XVIII. Донские дела, кн. I, стб. 248—249.

[2] *И. Д. Беляев*, О сторожевой, станичной и полевой службе на Польской украйне Московского государства, до царя Алексея Михайловича, М. 1846.

[3] *Д. И. Багалей*, Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства, М. 1887; *его же*, Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства в XVI—XVIII столетиях, т. I и II, Харьков 1886 и 1890.

[4] *И. Н. Миклашевский*, Из истории хозяйственного быта Московского государства, ч. I. Заселение и сельское хозяйство южной окраины XVII в., М. 1894.

[5] *А. И. Яковлев*, Засечная черта Московского государства в XVII в. Очерк из истории обороны южной окраины Московского государства, М. 1916.

[6] *С. Ф. Платонов*, Очерки по истории Смуты, СПб. 1899; *его же*, Иван Грозный, П. 1923.

[7] Новейшей работой по данному вопросу является статья С. Л. Марголина «Оборона Русского государства от татарских набегов в конце XVI в. (Сто-

Библиотека "Руниверс"

сует не столько чисто военная сторона строительства оборонительной системы на юге Русского государства, сколько те последствия, какие имело это военно-стратегическое строительство в плане социальном: влияние строительства оборонительной системы на юге Русского государства на население этих районов.

С. Ф. Платонов, рассматривая в своих «Очерках по истории Смуты» вопрос о колонизации Поля и о деятельности московского правительства по строительству оборонительной системы на южных границах Русского государства, представляет взаимные отношения между этими двумя процессами в виде взаимодействия, в котором «в борьбе с народным врагом, обе силы, и общество и правительство, как бы наперерыв, идут ему навстречу и взаимною поддержкою умножают свои силы и энергию» [1]. В действительности, однако, колонизация Поля и строительство южной оборонительной системы шли не в порядке «взаимной поддержки» «общества» и «правительства», а в процессе острых социальных противоречий и борьбы между свободными элементами населения южных окраин Русского государства и крепостническим государством, ознаменовывавшим свою деятельность по строительству военно-стратегических сооружений распространением на южные районы Русского государства отношений феодально-крепостнического гнета и эксплуатации.

Оборонительная система на южных границах Русского государства представляла собой сочетание укрепленных линий или «черт» с подвижными пунктами наблюдения и разведки. Первый из этих элементов слагался из укрепленных городов-крепостей, промежутки между которыми прикрывались оборонительными валами и засеками. Подступы же к этой постоянной оборонительной системе прикрывались легкими и подвижными элементами обороны в виде наблюдательных постов или «сторо̀ж» и разъездов или «станиц».

Вся эта грандиозная военно-стратегическая система протяжением в несколько сот километров требовала для своего нормального функционирования огромного количества людей — и для гарнизонов «городов», и для защиты засечных линий, и для обслуживания подвижных звеньев обороны — «сторо̀ж» и «станиц». Столь же крупные людские ресурсы поглощало само строительство основных сооружений оборонительной системы — строительство городов и засечных черт.

Московское правительство разрешало эту проблему людских ресурсов путем создания кадров служилых людей, обязанности которых заключались в строительстве и обслуживании оборони-

---

рожевая и станичная служба и засечная черта)». «Труды Государственного исторического музея», вып. XX, «Военно-исторический сборник», М. 1948.

[1] *Платонов*, Очерки, стр. 90.

Библиотека "Руниверс"

тельных сооружений и в несении военной службы по обороне южных границ.

В соответствии с общим военно-пограничным обликом южных районов Русского государства и основная масса населения этих районов сосредоточивалась в городах или в их ближайшей округе. Именно в процессе строительства городов на территории Поля, развернувшегося в конце XVI в. [1], и осуществлялось включение населения Поля в систему «государевой службы» и вместе с тем и в систему социальных отношений крепостнического государства.

Главная задача, стоявшая перед представителями московского правительства — воеводами, строившими города на южных окраинах: формирование гарнизонов новых городов и создание кадров для несения сторожевой службы, разрешалась ими за счет трех основных источников: 1) привлечения на «государеву службу» вольных казаков, 2) присылки на службу во вновь построенные города служилых людей из центральных уездов и 3) «прибора» на государеву службу различных элементов местного населения, начиная от «гулящих людей» и кончая беглыми холопами и крестьянами. В своей совокупности все эти группы служилых людей и составляли основную массу населения городов русского Поля.

Включение всех названных социальных элементов в состав «служилых людей» сопровождалось для них существенными изменениями в социально-экономическом отношении: вместе с самими служилыми людьми «служилой» становилась и находившаяся в их пользовании земля.

В области земельного вопроса политика московского правительства в отношении населения южных, пограничных городов характеризовалась стремлением ликвидировать свободное заимочное землевладение и превратить земли, освоенные или осваяемые в процессе колонизации, в собственность крепостнического государства. Отражая эту политику, царские наказы воеводам по строительству новых городов на Поле предписывают воеводам произвести точный учет всех категорий земель в районе строящегося города: «А как город зделают совсем, и им отписать к государю... да и роспись прислать, а то имянно написать в росписи, каковы около города крепости реки и сколь глубоки... или какие крепости и какова земля, добра ль, или середняя, или худа, и какие леса, и сколь далече лес большой, и можно ль около города пашню и покосы устроити, и сколь далече около города будет пашня и покосы, и на сколько верст по смете пашенные земли, и покосов,

[1] В 80—90-х годах XVI в. были построены следующие города: Курск, Кромы, Ливны, Елец, Чернавский городок, Оскол, Валуйки, Воронеж, Белгород, Царев-Борисов (см. *С. Ф. Платонов*, Борис Годунов, П. 1921, стр. 88).

Библиотека "Руниверс"

и иных каких угодей, рек и лесов и всяких угодей» [1]. Эти земли и угодья и становились основным фондом для раздачи земельного жалованья служилым людям южных городов.

При раздаче земель служилому населению южных районов правительство проводило политику четко выраженного дифференцированного подхода к различным социальным группам в составе служилых людей. Так, тот же самый наказ Богдану Бельскому содержит предписание воеводам, как только они «на том месте укрепятца и город почнут делать», «тотчас послати на Донец и на Оскол и по иным речкам и велети со всех рек атаманом и козаком лутчим быти к себе в город». Воеводы должны были «сказать» атаманам и казакам «государево жалованье»: что царь Борис «пожаловал теми речками Донцом и Осколом и со всеми речками, которые впали в Донец и в Оскол, велел отдать им, донецким и оскольским атаманом и козаком, безданно и безоброшно, и атаманы б и козаки по Донцу и по Осколу по своим юртом жить и угодьи всякими владеть безданно и безоброшно, а государю б те донецкие и оскольские атаманы и козаки служили и вестей проведовали» [2].

Таким образом, по отношению к «атаманам и казакам лутчим» правительство на первых порах ограничивалось лишь санкцией их прав на владение землями и угодьями. Но жалуя атаманам и казакам право жить по своим «юртам» и владеть угодьями «безданно и безоброшно», правительство одновременно обусловливало сохранение этих прав для атаманов и казаков службой их «государю». Это новое положение казаков и атаманов оформлялось составлением росписи — «в которых местех на Донце и на Осколе юрты, и кто в котором юрту атаман, и сколко в которых атаманов, и которыми месты и с которого юрту атаманы и козаки какими угодьи владеют» [3].

Включение казачьих и атаманских земель и угодий в «роспись» с последующей присылкой этой росписи «к государю» означало коренное изменение в характере владения этими землями: из свободного заимочного землевладения они превращались в своеобразные поместные земли, владение которыми было обусловлено несением «государевой службы» [4].

На поместном праве владения получала земли и другая группа в составе служилого населения юга — дети боярские, присылае-

[1] *Д. И. Багалей*, Материалы для истории колонизации и быта, т. I, стр. 9. Наказ воеводам Б. Я. Бельскому и С. Алферьеву о постройке города Царева-Борисова. (Многоточием отмечен дефект текста.)

[2] Там же, стр. 10.

[3] Там же.

[4] По писцовым книгам начала XVII в. можно проследить, как в дальнейшем владения атаманов и казаков сближались с обычными поместными землями, превращаясь в земли, обрабатываемые зависимыми бобылями (см. *И. Н. Миклашевский*, цит. соч., стр. 77 (о Белгороде) и 83 (о Воронеже).

Библиотека "Руниверс"

мые сюда на «службу» из центральных уездов государства. Однако эта группа в составе южнорусских помещиков была количественно невелика и экономически весьма слаба. Так, по подсчетам Миклашевского, по данным писцовой книги 1626 г., в Белгородском уезде насчитывалось 320 помещиков и вотчинников, которым принадлежало 255 крестьянских и 377 бобыльских дворов [1]; в другом уезде, Путивльском, по данным писцовой книги 1628/29 г., на одно поместье приходилось в среднем 1,0 крестьянских и 0,6 бобыльских двора [2]. Незначительному количеству крестьян и бобылей у помещиков Белгородского и Путивльского уездов соответствовали и размеры их земельных владений; на одно поместье в Белгородском уезде (за исключением Донецкой волости) приходилось в среднем пашни 50,8 четей в поле [3], в Путивльском уезде — 49,9 четей [4].

Однако казачьи атаманы и дети боярские составляли незначительное меньшинство по отношению к общему количеству служилых людей южных районов. Основную же массу служилых людей русского Поля составляли служилые люди «по прибору»: стрельцы, казаки, ездоки, вожи, пушкари, затинщики, воротники, кузнецы, плотники и т. д. [5] Именно эти группы служилых людей «по прибору» и определяли общее лицо Польских и Северских городов.

При этом в отличие от верхнего слоя служилых людей южных городов и от служилых людей центральных уездов служилые люди «по прибору» в экономическом отношении не являлись представителями феодального землевладения, основанного на эксплуатации труда феодально-зависимых крестьян и бобылей, но, напротив, сами являлись в той или иной форме или степени объектом феодальной эксплуатации, с той лишь разницей, что в отношении служилых людей «по прибору» в роли эксплуататора их труда выступали не отдельные представители феодального класса, а само феодальное государство.

Экономической основой существования служилых людей «по прибору» являлась пашня, получаемая ими в надел от государства [6]. Но в отличие от поместий земли служилых людей «по прибору», во-первых, имели очень незначительные размеры (10—15 четей в поле) [7], а во-вторых, и отмежевывались эти земли скорее по типу крестьянских, чем помещичьих земель: «Каждой

[1] *И. Н. Миклашевский*, цит. соч., стр. 108.
[2] Там же, стр. 121.
[3] Там же, стр. 108.
[4] Там же, стр. 121.
[5] См. у *И. Н. Миклашевского*, цит. соч., табл. на стр. 76, 79, 82, 85, 88.
[6] Наряду с пашней, служилые люди «по прибору» получали также денежное жалованье и натуральный оброк — хлебом и другими припасами. Но определяющим фактором в их экономике являлась пашня.
[7] См. у *И. Н. Миклашевского*, цит. соч., табл. на стр. 76 и 82.

Библиотека "Руниверс"

группе служилых людей отдельно от прочих групп, в общей меже, в количестве равном для всех лиц данной группы» [1]. Таким образом, по типу владения земли служилых людей «по прибору» были ближе к крестьянскому землевладению, особенно землевладению дворцовых или черных крестьян, чем к поместному феодальному землевладению. Еще более сближали служилых людей «по прибору» в южных городах Русского государства с феодально-зависимыми слоями населения те повинности, которые лежали на них.

Помимо собственно «службы» — военной или по строительству военно-оборонительных сооружений — служилые люди «по прибору» были обложены еще повинностью пахать «государеву десятинную пашню».

Назначением «десятинной пашни» являлось производство хлеба для раздачи денежного жалованья служилым людям и казакам. В опубликованной И. Н. Миклашевским «Десятне государевой десятинной пашне, что в Польских городах пашут, 128 (1620) году», про хлеб, получаемый с десятинной пашни, говорится: «А даван тот государев хлеб при царе Борисе на Ельце атаманом, и казаком, и московским и украйных городов стрельцом и казаком, которые были на службах, и елецким оброчником всяким людем. А как на Ельце всякие оброчники устроены землями и почали хлеб пахать сами, и десятинной хлеб даван служилым людем, которые стояли на Ельце на службе, а иной десятинной хлеб проваживали в Царев Борисов город» [2].

Тот же документ отмечает, что «при царе Борисе с Воронежа из государева десятиннаго хлеба посылывали всякие запасы и вино на Дон к атаманом и к казаком ежелет, да и на Воронаже даван оброчником и всяким людем» [3]. Совершенно то же назначение имел хлеб, собираемый с десятинной пашни, в Белгороде [4], в Осколе [5].

«Десятня государевой десятинной пашне» позволяет составить достаточно полное представление и о том, каким образом и чьим трудом обрабатывалась десятинная пашня.

Характеризуя времена Бориса Годунова, десятня в следующих выражениях определяет состав лиц, обрабатывавших государеву десятинную пашню: «А пахали тое пашню тутошние жилец-

[1] *С. Ф. Платонов*, Очерки, стр. 99; ср. *Д. И. Багалей*, Очерки из истории колонизации, стр. 114.

[2] *И. Н. Миклашевский*, цит. соч., прилож., стр. 266.

[3] Там же. стр. 267.

[4] Там же, стр. 268: «А при царе Борисе государев десятинный хлеб даван в Белегороде на жалованье атаманом вольским, и еицким, и донским, и всяким оброчником».

[5] Там же, стр. 271: «А при царе Борисе на Осколе десятинный хлеб даван атаманом, и козаком, и стрельцом, и всяким оброчником в жалованье, а иной хлеб важивали в Царев Борисов город».

Библиотека "Руниверс"

кие всякие люди на своих лошадех» [1]; «а пахали десятины всякие ж служилые и жилецкие люди» [2]; «на Воронажи... при царе Борисе пахивали и ныне пашут воронежские всякие люди» [3]; «а пахали ту пашню стрельцы пешие украйных городов по годом, которых посылали на службу..., а покаместа в те города с весны еще стрельцы не придут, и до тех мест в тех городех пахали государеву пашни (!) жилецкие стрельцы и казаки, а зимою тот хлеб весь молотили жилецкие же стрельцы и козаки» [4].

Таким образом, государева десятинная пашня отчасти обрабатывалась трудом тех служилых людей (преимущественно стрельцов), которые посылались на службу «по годом», главным же образом ее пахали всякие «тутошние» жилецкие и служилые люди, т. е., как раскрывает содержание этого понятия десятня, — дети боярские, стрельцы, казаки, а также пушкари, затинщики и прочие категории служилых людей «по прибору» [5].

При этом в зависимости от конкретных особенностей данного города десятинная пашня обрабатывалась или инвентарем и лошадьми самих служилых людей (Елец, Курск) [6], или же «государевыми» лошадьми, сошниками и серпами (Белгород, Оскол) [7]. Стрельцам же, посылаемым «по годом», при обработке десятинной пашни давался еще и «корм» (мука, крупа, толокно) [8].

Последнее, что следует отметить при характеристике государевой десятинной пашни, это ее размеры.

Десятня 1620 г. дает возможность составить следующую таблицу размеров десятинной пашни при Борисе Годунове и в 1620 г. [9].

ПРИ ГОДУНОВЕ		в 1620 г.	
Елец	200 десятин в поле	100	десятин в поле
Воронеж	100 „ „ „	100	„ „ „
Белгород	200 „ „ „	100	„ „ „
Курск	200 „ „ „	100	„ „ „
Оскол	200 „ „ „	100	„ „ „

Данные таблицы свидетельствуют, во-первых, о крупных размерах государевой десятинной пашни при Борисе Годунове, во-вторых, о резком сокращении ее в 1620 г.

[1] *И. Н. Миклашевский*, цит. соч., прилож., стр. 266.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 267.
[4] Там же, стр. 268.
[5] Там же, стр. 266.
[6] Там же.
[7] Там же, стр. 268 и 270.
[8] Там же.
[9] Там же, стр. 266, 270.

Библиотека "Руниверс"

Впрочем, правильнее было бы говорить не о простом уменьшении государевой десятинной пашни в 20-х годах XVII в. по сравнению с первыми годами XVII в., а сначала о полном прекращении работы на десятинной пашне и затем о возобновлении ее обработки в меньших размерах, так как, по свидетельству десятни 1620 г., «со 112 году, как начала быть от Ростриги смута», то «с того межусобья по 124 год государевы десятинные пашни не пахали за войною и за смутою» [1].

Таким образом, с 1604 по 1616 г. работа на государевой десятинной пашне вовсе прекратилась. Это прекращение обработки десятинной пашни, однако, не означает, что земля, на которой пахали государев десятинный хлеб, вообще вышла из обработки. Воронежская дозорная книга 1615 г. позволяет иначе раскрыть реальный смысл формулы десятни 1620 г. Как указывает И. Н. Миклашевский, «из воронежской дозорной книги мы узнаем, что при царе Борисе Федоровиче здесь была заведена десятинная пашня на земле, находившейся во владении местных стрельцов и казаков, для чего у них было отрезано 300 десятин. Землю эту обрабатывали «всем городом» до смутного времени. «А как украинные города были в смуте, и с тех мест по ся места (т. е. по 1615 г.) те десятины пашут на себя... те [у которых] они были взяты»» [2].

Таким образом, прекращение обработки государевой десятинной пашни означало, что эта земля переставала обрабатываться «на государя», а пахалась уже «на себя» ее прежними владельцами, у которых она была взята Годуновым и превращена в десятинную пашню.

История десятинной пашни в конце XVI — начале XVII в. раскрывает пути вовлечения низших слоев служилых людей южных городов в сферу феодальных отношений, в феодальную зависимость, принимавшую для них форму обработки «государевой десятинной пашни».

Превращая земли, принадлежавшие местному населению, в государеву десятинную пашню и облагая «тутошних служилых и жилецких людей» своеобразной барщиной в виде обработки этой пашни, правительство Годунова выступает в своей политике по отношению к населению южных районов как выразитель интересов класса феодалов-крепостников, и эта политика, несшая служилым и жилецким людям русского Поля феодальный гнет и насилие, не могла не вызывать со стороны населения этих районов недовольства крепостническим государством, не могла не толкнуть их на борьбу против крепостнического государства.

---

[1] *И. Н. Миклашевский*, цит. соч., стр. 266.
[2] Там же, стр. 218.

Библиотека "Руниверс"

Прекращение с 1604 г. обработки десятинной пашни показывает, в каком направлении развивалась эта борьба.

Недовольством крепостническим государством и борьбой против политики этого государства объясняется и позиция южных городов в 1604—1605 гг., во время похода Лжедмитрия I, сумевшего демагогическими обещаниями всяческих милостей [1] добиться поддержки со стороны населения южных городов в борьбе против Бориса Годунова.

Приход к власти Василия Шуйского не мог не восприниматься населением южнорусских городов как возврат к власти боярского царя, подобного «царю-боярину» Борису Годунову. Выше, рассматривая вопрос об обстоятельствах возникновения восстания Болотникова, мы приводили свидетельство английской записки о том, что восстание в Путивле и других южных городах Русского государства после воцарения Шуйского явилось выражением протеста против того «великого угнетения», какое терпели от крепостнического государства «окраины и отдаленные места России», и что падение Лжедмитрия I и воцарение Шуйского рассматривалось населением этих городов как угроза восстановления тех порядков, которые были ликвидированы во время борьбы между Лжедмитрием I и Борисом Годуновым [2].

Эта угроза восстановления феодального гнета и явилась главной причиной, сделавшей население южных городов — казаков, стрельцов, посадских людей, словом, «тутошних служилых и жилецких людей», активными участниками и одной из движущих сил восстания Болотникова.

---

[1] См., например, Окружную грамоту Лжедмитрия I от ноября 1604 г. с призывом к городам отложиться от «изменника Бориса Годунова» и с обещанием «все православное християньство в тишине и в покои и в благоденственном житии жити учинити» (ААЭ, т. II, № 26).

[2] См. выше, стр. 90—91.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПОХОД НА МОСКВУ

Расширение территории восстания. Биографические данные о Болотникове. Личность Болотникова в оценке современников. Иван Исаевич Болотников — вождь восстания. Начало похода на Москву. Военные мероприятия Василия Шуйского. Кромы и Елец как два центра военных операций. Победа восставших под Кромами и Ельцом. Дальнейшее продвижение войск восставших к Калуге и Туле. Битва на реке Угре 23 сентября 1606 г. Участие тульских и рязанских городов в восстании. П. Ляпунов и Г. Сумбулов — лидеры рязанских помещиков. Истома Пашков и вопрос о его роли в начальный период восстания. Последний этап похода на Москву. Два войска восставших и два направления наступления на Москву. Сражения на реке Лопасне, реке Пахре и у села Троицкого. Вопрос о времени прихода войск восставших под Москву. Соединение войска И. Пашкова и Болотникова. Список городов, участвовавших в восстании.

*

Характерной чертой начального периода восстания Болотникова является быстрота распространения движения и расширения района восстания. Английское донесение о восстании Болотникова отмечает «поразительный успех» агитации организаторов восстания «среди недовольного и мятежного люда», в результате чего «большинство городов в этой части страны (южные окраины Русского государства. — *И. С.*) отказались от своей присяги нынешнему государю и принесли новую присягу предполагаемому в живых Димитрию» [1]. Исаак Масса говорит, что к восстанию присоединились города «в земле Северской и волости Комарицкой, а именно: Путивль, Елец, Тула, Кромы, Рыльск и многие другие рядом с ними» [2]. Буссов указывает, что все города «вплоть до самой Москвы, вновь присягнули Димитрию» [3]. Петрей сообщает

[1] См. прилож. IV, стр. 552.

[2] *И. Масса*, стр. 153.

[3] *Bussow*, стр. 67, 68. В редакции Бера: «на пространстве 400 верст, до самого Ельца» (*Устрялов*, т. I, стр. 80).

Библиотека "Руниверс"

о присоединении к восстанию в течение четырех недель 14 городов [1].

Определение русских источников: «в Полских, и в Украиных, и в Северских городех люди смутились и заворовали» [2], включает в район восстания весь юго-запад Русского государства. О восстании «во всех украйнах» говорит и Авраамий Палицын [3].

Этот процесс нарастания восстания Болотникова развивался в тесной связи с борьбой между восставшими и войсками Василия Шуйского. Правительство Шуйского ответило на восстание Болотникова посылкой войск для подавления восстания. Но это была явно непосильная задача для воевод Шуйского. В то время как они собирались разгромить и уничтожить восставших крестьян и холопов, Болотников уже начал свой поход на Москву.

Английское донесение рассматривает поход Болотникова на Москву как чисто оборонительное мероприятие, как ответ на военные действия Шуйского против восставших [4].

С таким толкованием похода Болотникова на Москву, однако, никак нельзя согласиться. Поход на Москву явился закономерным выражением самого существа движения восставших крестьян и холопов, поднявшихся против феодального гнета.

Именно так определяет цель похода Болотникова на Москву Сказание, найденное М. Н. Тихомировым: «И возмутишася во странах тех и во градех людие, глаголя: «идем вси и приимем Москву и потребим живущих в ней и обладаем ею, и разделим домы вельможь и сильных, и благородныя жены их и тщери приимем о жены себе»» [5]. Если отбросить трафаретный прием публицистов из крепостнического лагеря: приписывание участникам восстания Болотникова намерений захвата себе в «жены» жен и дочерей «бояр» и «вельмож», — прием, имевший своей целью оклеветать восставших, изобразив их нарушителями основ морали, и тем оттолкнуть от них народные массы, то следует признать, что в остальном Сказание очень верно характеризует основные цели похода Болотникова: взятие Москвы, истребление «вельможь и сильных» и овладение их «домами», т. е. имуществом [6].

---

[1] *Петр Петрей де Ерлезунда*, История о великом княжестве Московском, перевод А. Н. Шемякина, М. 1867, стр. 249 (в дальнейших ссылках: *Петрей*).

[2] *Белокуров*, стр. 8.

[3] РИБ, т. XIII, стб. 500.

[4] «Узнав об этом (о посылке Василием Шуйским войска. — *И. С.*), мятежники привлекли на свою сторону всех недовольных в этой части страны, и в скором времени их силы возросли настолько, что они выступили в поход» (см. прилож. IV, стр. 552).

[5] *М. Н. Тихомиров*, Сказание.

[6] Такая характеристика целей похода Болотникова на Москву подтверждается и содержанием «листов», рассылавшихся Болотниковым по городам, с призывом к восстанию (см. ниже, стр. 282—283).

Библиотека "Руниверс"

Организатором и вождем похода на Москву явился сам Болотников.

То немногое, что сохранили нам из биографии Болотникова источники, позволяет очертить лишь слабые контуры портрета вождя восставших крестьян и холопов. Наиболее подробную характеристику личности Болотникова дают Буссов и Исаак Масса. Сопоставляя рассказы немецкого и голландского мемуаристов и корректируя их по русским источникам, можно установить следующие факты и вехи жизненного пути Болотникова до начала восстания.

Иван Исаевич Болотников (Jvan Jsaivitz Bolotnicoof). Русский. Холоп князя Телятевского. «В молодости» бежал от своего господина. Отправился в степь к казакам. Был захвачен в Диком Поле (in dem Wilden Felde) татарами. Продан в рабство в Турцию, где в течение нескольких лет работал на галере как невольник. Был освобожден немецкими кораблями, разбившими турок на море, и перевезен в Венецию [1].

Такова сумма фактов, относящихся к биографии Болотникова, из которых должен исходить историк [2]. Было бы безнадежным и вместе с тем вредным делом пытаться фантазировать на тему о том, чем занимался Болотников в Западной Европе. Достаточно выразителен самый факт странствований Болотникова по Европе — от Турции до Венеции. Именно в Венеции Болотников услышал о «чудесных изменениях (wunderliche Mutation), которые произошли на его родине за время его отсутствия», и через Германию, пришел в Польшу, чтобы оттуда двинуться в Россию [3].

Для периода пребывания Болотникова в Польше единственным источником являются мемуары Буссова. У Буссова имеется подробный рассказ о свидании Болотникова с Самозванцем, выдававшим себя за Димитрия (т. е., как мы думаем, с Молчановым): «Тот, кто выдавал себя за Димитрия, подробно расспросил его: кто он? откуда он пришел? куда намеревается двинуться дальше? Поняв из его ответов, что Болотников опытный воин

[1] *И. Масса*, стр. 156; Bussow, стр. 70; «Карамзинский Хронограф»; *А. Попов*, Изборник, стр. 332; «Новый Летописец», ПСРЛ, т. XIV, стр. 71; «Иное Сказание», РИБ, т. XIII, стб. 97; *А. Палицын*, РИБ, т. XIII, стб. 501 и др.

[2] Нам неизвестна дата рождения И. И. Болотникова. Но можно думать, что во время восстания 1606—1607 гг. он был уже в зрелом возрасте, вероятно, даже немолодым человеком. К такому заключению приводит сопоставление свидетельств Массы и Буссова, что Болотников бежал от своего господина, князя Телятевского, *«в молодости»*, и английской записки, называющей Болотникова *«старым* разбойником с Волги» (см. прилож. IV, стр. 554).

[3] *Bussow*, стр. 70. Карамзин несколько тенденциозно переводит выражение Буссова «wunderliche Mutation» словами «странная перемена» (*Карамзин*, т. XII, примеч. 57). Также неточен и перевод Устрялова: «странные явления» (*Устрялов*, т. I, стр. 82).

Библиотека "Руниверс"

(ein wohlversuchter Kriegs-Mann), мнимый Димитрий спросил его, хочет ли он служить ему против неверных и преступных соотечественников. Болотников ответил, что он готов в любое время отдать жизнь за своего прирожденного государя (Erb-Herrn). Тогда мнимый Димитрий сказал: «Я сейчас не могу тебе много дать. Вот тебе 30 дукатов, сабля и шуба. Довольствуйся на этот раз малым; поезжай с этим письмом в Путивль к князю Григорию Шаховскому, который даст тебе денег из моей казны, сколько нужно, а также поставит тебя воеводой и военачальником (zum Woywoden und Feld-Herrn) над несколькими тысячами воинов, с которыми ты выступишь вместо меня...» С этим письмом и вестями (mit diesen Schreiben und Zeitung) Болотников кратчайшим путем пришел в Путивль...» Буссов заканчивает свой рассказ указанием, что «на основании этого письма и вестей Болотников был сделан большим воеводой (т. е. высшим военачальником)» [Auf solch Schreiben und Zeitung wurde Polutnick zum bolschoi Woywoden (das ist zum obersten Feld-Herrn) gemacht] [1].

Конечно, нет никаких оснований видеть в разговоре между Болотниковым и «мнимым Димитрием», приводимом Буссовым, что-либо большее, чем манеру изложения Буссова, излюбленным литературным приемом которого является заставлять действующих лиц произносить длинные монологи или вести продолжительные диалоги. Но в самом факте встречи Болотникова с «мнимым Димитрием» (т. е. с Молчановым) вряд ли можно сомневаться. Мы уже констатировали, что в той части рассказа Буссова, которая связана с бегством Молчанова, его версия находит свое подтверждение в документальных источниках. Точно так же бесспорны сношения Болотникова с Молчановым в ходе восстания. Буссов говорит о том, что «Болотников неоднократно писал и посылал в Польшу к своему господину, пославшему его в Россию» [2]. Исаак Масса утверждает даже, что Болотников ездил для свидания с Самозванцем в Путивль [3].

Все это является достаточным основанием для признания наличия реальной основы в рассказе Буссова о свидании Болотникова с «Димитрием» — Молчановым. Буссов сам усиливает убедительность своего рассказа важной подробностью о том, что Болотников на основании письма «мнимого Димитрия» был сделан «большим воеводой». Буссов при этом приводит в тексте своих записок новое звание Болотникова по-русски: «bolschoi Woywoden». Очевидно, Болотников действительно привез с собой из Польши какой-то документ, определявший его полномочия, откуда (по рассказам тех лиц, которые доставляли Буссову материал для

[1] *Bussow*, стр. 70, 71.
[2] Там же, стр. 76.
[3] *И. Масса*, стр. 170.

Библиотека "Руниверс"

его мемуаров) Буссов и взял звание «большого воеводы», которым он наделяет Болотникова.

Что касается приписываемого Буссовым Болотникову заявления, «что он готов в любое время отдать жизнь за своего прирожденного государя», то здесь, несомненно, тенденциозное истолкование факта присоединения Болотникова к движению, шедшему под лозунгом «царя Димитрия». Конечно, действительные цели, которые ставил себе Болотников в борьбе, были совершенно иными. Однако было бы неправильно вместе с тем и игнорировать «царистские» моменты в восстании Болотникова, и если в отношении самого Болотникова остается открытым вопрос, верил ли он лично в подлинность «царя Димитрия» (у Буссова Болотников под конец начинает сомневаться в истинности Димитрия: «Истинный ли или нет, я не могу сказать») [1], то «царь Димитрий» как один из лозунгов, под которыми началось и шло восстание Болотникова, — не подлежит сомнению.

Грамота «царя Димитрия» (если она была) о назначении Болотникова «большим воеводой» могла иметь значение лишь для первых шагов деятельности Болотникова в России. Но никакое звание «большого воеводы» не смогло бы превратить Болотникова в вождя восстания без наличия у самого Болотникова тех индивидуальных качеств, которыми должен обладать вождь всякого массового народного движения. Эти качества выдающегося народного вождя выступают во всей деятельности Болотникова в ходе восстания. Но к тому, чтобы быть способным стать вождем восстания, Болотникова подготовила его предшествующая бурная жизнь.

Биография Болотникова содержит два решающих момента. Первым из них является бегство Болотникова от своего господина (о чем сообщает Исаак Масса) и уход к казакам. Этот факт свидетельствует о том, что холоп Болотников еще «в молодости» пытался разорвать путы крепостничества, чтобы завоевать себе свободу.

То, что пережил Болотников, — жизнь с казаками, годы невольничества в Турции, освобождение из плена, скитания по Европе, — закалило его и обогатило его жизненный опыт. Именно в эти годы Болотников прошел путь, превративший его из непокорного холопа в вождя народного восстания. Именно в эти годы сложилось то мировоззрение Болотникова, которое привело к решимости поднять всеобщее восстание крепостных крестьян и холопов против феодального гнета. Именно в эти годы Болотников вынашивал те лозунги, с которыми он в годы восстания обращался в своих «листах» к крестьянам и холопам.

Только такое осмысление заграничного периода жизни Болотникова делает понятным второй решающий момент в биогра-

[1] *Bussow*, стр. 76.

Библиотека "Руниверс"

фии Болотникова — его возвращение в Россию, когда он узнал о развернувшейся там борьбе, воспринятой им как «чудесные изменения» в жизни его родины.

И русские и иностранные источники единодушны в признании за Болотниковым значения вождя восстания.

«...Начальник их полководец вор Ивашко Болотников» [1].

«...Большей заводчик всей беде Ивашко Болотников» [2].

«Иван Болотников... заводчик всей беде» [3].

«Начальник в воинстве Иван Болотников» [4].

«...Бысть же начальник сонму сему лукавому от раб некоих Ивашко, нарицаемый Болотников» [5].

«... Начальник и воевода» [6].

«Боярин» «царевича» Петра [7].

Такова оценка роли Болотникова в восстании, которую мы находим в русских источниках [8]. С ней вполне согласуются и характеристики, даваемые Болотникову иностранными наблюдателями.

В английском донесении Болотников назван (наряду с Истомой Пашковым) одним из двух «главных начальников лагеря восставших» [9]. Исаак Масса характеризует Болотникова как «главного атамана или предводителя своего войска» или как «предводителя восстания» [10]. Паэрле говорит о Болотникове как о «главном мятежнике» (вместе с «царевичем Петром») [11]. Буссов определяет положение Болотникова в лагере восставших как «высшего военачальника» (der oberste Feld-Herr) [12]. Арсений Елассонский называет Болотникова «первым воеводой» «царевича Петра» [13]. В дневнике В. Диаментовского Болотников фигурирует как «гетман», «гетман царя Димитрия» [14].

Сравнивая между собой все эти многочисленные оценки и характеристики, данные Болотникову его современниками, следует

---

[1] «Иное Сказание», РИБ, т. XIII, стб. 107.

[2] Там же, РИБ, т. XIII, стб. 111.

[3] «Сказание» Авраамия Палицына, РИБ, т. XIII, стб. 501.

[4] «Повесть» Катырева-Ростовского в первой редакции, РИБ, т. XIII, стб. 584, 585.

[5] «Повесть» Катырева-Ростовского во второй редакции, РИБ, т. XIII, стб. 661.

[6] «Карамзинский Хронограф»; *А. Попов*, Изборник, стр. 332.

[7] Разрядная запись, *Белокуров*, стр. 12.

[8] Особенно ярко роль Болотникова в восстании выступает в позднейших документах, где при ссылках на события, связанные с восстанием 1606—1607 гг., неизменно употребляется формула: «Как приходил под Москву Ивашко Болотников» (см. Акты Московского государства, т. I, № 60; *Л. Сухотин*, Четвертчики Смутного времени, стр. 210, 213, 231, 238).

[9] См. прилож. IV, стр. 554.

[10] *И. Масса*, стр. 156 и 173.

[11] *Устрялов*, т. I, стр. 173.

[12] *Bussow*, т. I, стр. 71.

[13] *А. Дмитриевский*, цит. соч., стр. 139.

[14] *W. Dyamentowski*, стр. 103, 113.

Библиотека "Руниверс"

признать, что единственное отличие, которое можно найти в тех или иных характеристиках, состоит не в определении роли Болотникова в событиях, а в самой оценке этих событий. Принадлежность русских публицистов к враждебному Болотникову крепостническому лагерю предопределила те резко отрицательные тона, в которые окрашены высказывания о Болотникове этих авторов. Другие авторы, стоявшие в стороне от событий, дают гораздо более объективную характеристику личности Болотникова.

Особенно высокую оценку личных качеств Болотникова дает Исаак Масса, называющий Болотникова «удальцом», «отважным витязем», «отважным воином» и подчеркивающий, что Болотников «отважен и храбр на войне» [1]. Высокие моральные качества Болотникова отмечает и Буссов, рисующий Болотникова мужественным, энергичным вождем, человеком своего слова, способным пожертвовать жизнью за дело, которому он себя посвятил. Буссов, правда, чрезвычайно субъективен в своих рассказах о деятельности Болотникова и пытается изобразить его как своего рода рыцаря, давшего «обет» верности Лжедмитрию и павшего жертвой своей преданности Самозванцу. Этот «портрет» Болотникова, сделанный Буссовым, не имеет ничего общего с холопом Болотниковым, вождем восстания против феодалов. Но если как источник для изучения восстания Болотникова записки Буссова требуют очень критического отношения и осторожности в использовании содержащегося в них материала, то самый факт «идеализации» Болотникова Буссовым чрезвычайно интересен как показатель того, чем был Болотников в глазах современников (особенно если учесть то, что Буссов находился в Калуге во время ее осады войсками Шуйского, а также, повидимому, и в Туле и, следовательно, длительно и непосредственно наблюдал Болотникова в его деятельности).

Даже такой наблюдатель, далекий от тех общественных слоев, вождем которых был Болотников, как архиепископ Елассонский Арсений, резко отрицательно относившийся к борьбе народных масс (вспомним его слова о «неразумном народе» по поводу московского восстания 17 мая 1606 г.), говорит о Болотникове с глубоким уважением, называя его «достойнейшим мужем и сведущим в военном деле», резко осуждая при этом Василия Шуйского за расправу с Болотниковым [2].

В отзывах современников о Болотникове имеется одна очень важная и характерная черта. Все они подчеркивают высокие качества Болотникова как полководца. Сами эпитеты: «полководец», которым наделяет Болотникова автор «Иного Сказания», или «высший военачальник» — у Буссова, содержат в себе высо-

[1] *И. Масса*, стр. 150, 173.
[2] *А. Дмитриевский*, цит. соч., стр. 139.

Библиотека "Руниверс"

кую оценку Болотникова как стратега. «Сведущим в военном деле» называет Болотникова и Арсений Елассонский. Исаак Масса, отмечая высокие военные качества войск Болотникова («они были искусные воители и отважные воины, свободные и вольные»), дает восторженную оценку самому Болотникову как «предводителю восстания» [1].

Частичным объяснением такого исключительного явления, как превращение Болотникова из беглого холопа в главнокомандующего огромной армии восставших крестьян и холопов, может служить принятие предположения С. Ф. Платонова, что Болотников был не просто холоп, а *военный холоп*, или, как выражается С. Ф. Платонов, «слуга (из военной свиты) князя Телятевского» [2].

В этом случае, еще будучи холопом своего господина, Болотников мог приобрести некоторые профессиональные навыки и знание военного дела.

Известный военный опыт могло дать Болотникову и его пребывание у казаков (вероятнее всего, что Болотников был взят в плен татарами в одном из казачьих походов). Но ни гипотетические походы Болотникова в качестве военного холопа князя Телятевского, ни участие в казачьих походах на татар не могли иметь значения большего, чем создание некоторых предпосылок для развертывания военных талантов Болотникова, раскрывшихся во всем блеске и полноте лишь во время восстания, начиная с первого его этапа — похода на Москву.

Болотников начал свой поход из Путивля, двинувшись через Комарицкую волость на Кромы [3]. Под Кромами и произошло первое столкновение Болотникова с войсками Василия Шуйского.

По данным иностранцев (Буссова, Немоевского), Шуйский первоначально маскировал цели подготовлявшегося им похода против Болотникова, изображая его как поход против крымцев, якобы вторгшихся в русские земли [4].

В одной из разрядных книг сохранилась запись, как будто подтверждающая эти сообщения: «...Велел государь царь и великий князь Василей Ивановичь всеа Русии быти на своей государеве службе на Береговом разряде *для недруга своего Крымского царя приходу:* в Болшом полку в Серпухове боярину князю Федору Ивановичю Мстиславскому да боярину князю Михайлу Федоровичю Кашину, в Передовом полку боярину князю Василью Васильевичю Голицыну да боярин Михайло Александрович Нагой, в Правой руке боярин князь Иван Ивановичь Голицын да боярин князь Борис Михайловичь Лыков, в Сторожевом

[1] *И. Масса*, стр. 154, 173.
[2] *С. Ф. Платонов*, Социальный кризис Смутного времени, 1924, стр. 97.
[3] Буссов: «...через Комарицкую волость, Калугу и затем дальше на Москву» (*Bussow*, стр. 70).
[4] *Bussow*, стр. 68; *S. Niemojewski*, стр. 121 (русский перевод — стр. 120).

Библиотека "Руниверс"

полку князь Юрью Микитичю Трубецкому да боярину князю Володимеру Васильевичю Мосалскому — Колцу; в Левой руке околничему Василию Петровичю Морозову да околничему князю Володимеру Шане Мосальскому; да у наряду государь велел быть околничему князю Дмитрею Васильевичю Туренину да думному дворенину Ивану Михайловичю Пушкину, да у обозу государь велел быть Ивану Ласкиреву да Науму Плещееву» [1].

Эта группировка полков, однако, не была окончательной, и в походе против Болотникова войска Шуйского действовали в ином составе полков.

Начало похода против Болотникова следует отнести к июлю 1606 г. В. Диаментовский в записи от 1 августа (н. ст.) 1606 г., сообщая о волнении в Москве, вызванном подкинутыми письмами, написанными от имени Димитрия, сообщает, что «тогда же было послано войско из Москвы... Пограничные города, начиная от Путивля, стали сдаваться (противникам Василия Шуйского. — *И. С.*). Были известия то о Петрушке, сыне Федора, то о Димитрии, то о обоих вместе, что к ним стекается народ и приносит им присягу. Поэтому народ силой гнали на войну» [2]. Отправку из Москвы войска «на войну против тех, которые собирались на имя Димитрия», отмечает в своем дневнике и С. Немоевский (в недатированной записи между 25 июля и 5 августа нового стиля 1606 г.) [3].

С другой стороны, из челобитья Василию Шуйскому Архангельского Устюжского монастыря мы узнаем, что «в прошлом де во 114-м году (т. е. 1606 г. — *И. С.*), июля в 1 день платили оне в нашу службу в Польской поход 89 рублев 22 алтына 4 деньги» [4].

Таким образом, правительство Шуйского еще в июне 1606 г. начало подготовку к «Польскому походу», т. е. походу против восставших Польских и Северских городов, а во второй половине июля воеводы Шуйского уже были двинуты против Болотникова.

Важнейшими в стратегическом отношении центрами в районе восстания были города Кромы и Елец. Военное значение Кром было продемонстрировано еще во время борьбы Бориса Годунова против Лжедмитрия I, когда именно под Кромами решился исход борьбы. Свое стратегическое значение Кромы полностью сохранили и во время восстания Болотникова, закрывая (или открывая) путь на Москву с юга. Именно этим надо объяснить то, что,

---

[1] *Белокуров*, стр. 178.

[2] *W. Dyamentowski*, стр. 76.

[3] *S. Niemojewski*, стр. 121 (русский перевод — стр. 120).

[4] ААЭ, т. II, № 158; Архив Строева, т. II, № 98. Текст челобитья — в составе царской грамоты в Великий Устюг от 2 мая 1610. О платеже денег «за Польскую службу» упоминается в росписи расходов, произведенных в Москве старцем одного из монастырей Гедеоном между 12 февраля — 20 марта 1607 г. (Архив Строева, т. II, № 61).

Библиотека "Руниверс"

не дожидаясь подхода к Кромам главных сил Шуйского, туда был «наперед того» послан М. А. Нагой.

Исаак Масса называет Кромы в числе первых городов, поднявших восстание против Василия Шуйского [1]. Это свидетельство Массы подтверждается разрядной записью о том, как «Лета 7114-го году указал государь царь и великий князь Василей Ивановичь всеа Русии быть на Севере на три полки, иттить из Корачева под Кромы, как при царе Василье отложился» [2].

Поэтому можно думать, что к приходу под Кромы М. А. Нагого город уже находился в руках восставших (на соединение с которыми и шел Болотников).

Разрядные записи отмечают не только факт посылки М. А. Нагого под Кромы, но и — что гораздо ценнее — «бой» между Болотниковым и войсками М. А. Нагого. Запись эта имеет следующий вид: «А под Кромами наперед того (т. е. до прихода «больших воевод». — *И. С.*) был боярин Михайло Александрович Нагой (в а р и а н т: «был один боярин М. А. Нагой»). И Болотников приходил в Кромы, и он Болотникова побил. И с того бою прислал от себя к Москве и государю с сеунчом (донесением. — *И. С.*) дорогобуженин Ондрей Семенов сын Колычев. И за ту службу Ондрей пожалован» [3]. Нет оснований не доверять данному свидетельству разрядов, что первое столкновение Болотникова с войсками Шуйского было неудачно для Болотникова. Факт посылки М. А. Нагим гонца к царю с донесением о победе и награждение посланца Шуйским говорят в пользу признания достоверности записи о том, что М. А. Нагой «побил» Болотникова. Однако значение этой победы воеводы Шуйского для общего хода военных действий было весьма невелико. Повидимому, М. А. Нагому удалось лишь заставить Болотникова отступить от Кром, и только. Положение в самих Кромах не изменилось, и М. А. Нагой так и не попал в Кромы, оставшись «под Кромами», куда затем подошли (через Карачев) и основные силы войск Шуйского в составе трех полков под командованием Ю. Н. Трубецкого и других воевод [4].

Другим центром развернувшихся военных операций был Елец. Разрядные книги посвящают положению дел под Ельцом три записи. Первая из записей гласит: «А под Елец царь Василей послал боярина князь(ь) Ивана Михайловича Воротынского да с Ливен велел к нему в сход итти околничему Михаилу Борисовичу Шеину» [5].

---

[1] *И. Масса*, стр. 153.
[2] *Белокуров*, стр. 246.
[3] Там же, стр. 86; ср. стр. 42, 184, 205, 206.
[4] Там же, стр. 8, 9, 42, 85, 117, 141, 173, 184, 246.
[5] Там же, стр. 42.

Библиотека "Руниверс"

Вторая запись более подробная: «Велел государь царь и великий князь Василей Ивановичь всеа Русии быть бояром и воеводам под Ельцом: в Болшом полку боярин князь Иван Михайловичь Воротынской да околничей Михайло Михайлов сын Салтыков; в Передовом полку околничей Михайло Борисовичь Шеин да княз(ь) Василий княз(ь) Григорьев сын Долгорукой. И княз(ь) Василью велено быть к Москве, а на ево место прислан князь Лука княз(ь) Осипов сын Щербатой; и князь Лука бил челом государю в отечестве на Михайла Салтыкова, и государь велел послать его под Елец за приставом и велел ему быти в Передовом полку. В Сторожевом полку: княз(ь) Михайло Кашин да княз(ь) Ондрей Чюмаков» [1].

Наконец, третья запись носит характер сводной: «А под Ельцом были воеводы по полком: в Болшом полку изо Мценска боярин князь Иван Михайловичь Воротынской да околничей Михайло Михайловичь Кривой-Салтыков; да в Болшом же полку сходные воеводы: ис Переславля Резанскова боярин княз(ь) Василей Корнауковичь Черкаской да Григорей Федоров сын Сунбулов, да из Серпухова из Болшова полку боярин княз(ь) Михайло Федоровичь Кашин. В Передовом полку из Новосили околничей Михайло Борисовичь Шеин да боярин Григорей Федоровичь Нагой» [2].

Сопоставление этих записей приводит к выводу, что они зафиксировали разные этапы в ходе военных действий под Ельцом. Повидимому, первая запись характеризует первоначальный план Василия Шуйского, относящийся к самому начальному моменту восстания Болотникова. Об этом можно заключить из того, что в первоначальном проекте похода князя И. М. Воротынского М. Б. Шеин фигурирует еще как воевода в Ливнах, и план предусматривает присоединение к князю И. М. Воротынскому М. Б. Шеина «с Ливен», «в сход», т. е. по пути князя И. М. Воротынского от Мценска к Ельцу. Но события опередили планы правительства Шуйского, и М. Б. Шеину, вместо того чтобы итти с Ливен на соединение с князем Воротынским, пришлось, бросив все («утек душою да телом»), спасаться бегством из восставших Ливен [3].

К этому времени изменилось положение и в самом Ельце. Шуйский делал неоднократные попытки оторвать Елец от восстания и привлечь его на свою сторону. Из увещевательной грамоты к ельчанам, составленной от имени царицы Марфы Нагой, видно, что в Елец «многижда» посылались «грамоты» и «речью» приказывали ельчанам, чтобы они «на истинный путь обратилися».

---

[1] *Белокуров*, стр. 117.
[2] Там же, стр. 85.
[3] Там же, стр. 8.

Библиотека "Руниверс"

Однако, как отмечает грамота, «от вас и пося-места обращения никоторого нет». Не помогла и такая чрезвычайная мера, как посылка в Елец брата Марфы Г. Ф. Нагого с увещевательной грамотой от царицы Марфы Нагой, «чтоб ваши сердца просветилися и на истинный путь обратилися» [1]. Елец прочно примкнул к Болотникову.

Стратегическое значение Ельца в период похода Болотникова на Москву было еще более велико, чем Кром. Дело в том, что Елец еще при Лжедмитрии I был превращен в главную военную базу для подготовлявшегося Лжедмитрием I похода на Крым. Каким бы авантюристическим ни считать это предприятие Самозванца, оно имело своим результатом то, что в Ельце оказались сосредоточены огромные количества амуниции и вооружения, в том числе «много пушек» [2]. Таким образом, Елец в руках восставших мог стать настоящим арсеналом для Болотникова.

Рост восстания и осложнившаяся обстановка в районе Ельца привели Шуйского к необходимости изменить план похода на Елец и бросить туда гораздо более крупные силы. Как видно из третьей — сводной — разрядной записи [3], в армию князя И. М. Воротынского под Ельцом входили полки не только из Украинного разряда (из Мценска и Новосили), но также и рязанские полки князя В. К. Черкасского и Г. Ф. Сумбулова. Среди других воевод разрядная запись отмечает и М. Б. Шеина, но уже не «с Ливен», а как воеводу «из Новосили» (куда он, очевидно, был назначен после бегства из Ливен). Вторым воеводой из Новосили разрядная запись называет Г. Ф. Нагого, который теперь направлялся к Ельцу уже не для уговоров ельчан, а для вооруженной борьбы с ними.

Буссов указывает, что когда «войско цареубийцы Шуйского пришло под Елец», то нашло город занятым сторонниками Димитрия [4]. Князю Воротынскому не оставалось ничего иного, как перейти к осаде Ельца. Однако действия воевод под Ельцом были весьма мало успешными. По оценке «Нового Летописца», воеводы «стояху под градом, ничево не возмогоша сотворити граду» [5].

[1] СГГиД, т. II, № 149.

[2] *И. Масса*, стр. 153; см. также РИБ, т. XIII, стб. 497 и ПСРЛ, т. XIV, стр. 68.

[3] Насколько можно разобраться в соотношении между второй и третьей разрядными записями, приведенными выше, вторая запись также не является окончательно определившей состав воевод Шуйского, направленных к Ельцу. Как видно из третьей записи, вторым воеводой Передового полка под Ельцом был не князь Л. О. Щербатов (как это указывается во второй записи), а Г. Ф. Нагой. Точно так же и князь М. Ф. Кашин не участвовал в походе на Елец вместе с князем Воротынским, а был послан под Елец позднее, в августе, когда полки князя И. М. Воротынского уже находились там (см. ниже).

[4] *Буссов*, стр. 68.

[5] ПСРЛ, т. XIV, стр. 71.

*

Библиотека "Руниверс"

Осада Кром и Ельца означала, что первоначальный план правительства Шуйского — подавить восстание Болотникова в самом зародыше — потерпел неудачу. Такой итог первых столкновений между Болотниковым и войсками Шуйского побудил правительство Шуйского к новым попыткам изменить положение дел в свою пользу путем активизации действий своих застрявших под Кромами и Ельцом войск.

Разрядные книги сохранили в своих записях следы этой деятельности правительства Шуйского. Наиболее крупным мероприятием явилась проверка в августе 1606 г. положения в войсках во всех главных районах военных действий путем смотра полков специально посланными для этой цели лицами. Разрядные книги так характеризуют этот смотр полков: «августа в (пробел для числа. — *И. С.*) день посыланы в полки смотреть столники: в Болшей полк да в Правую руку да в Передовой полк, в Береговой розряд, да в Болшой же да в Передовой полк в Украинской розряд столник князь Юрье Дмитреевичь Хворостинин; в Сторожевой полк да в Левую руку в Береговой розряд столник князь Василей Петровичь Щербатой; в Сторожевой полк на Орел в Украинной розряд да под Кромы в полки столник Федор Васильевичь Волынской» [1]. Другая редакция записи о смотре стольниками полков, хотя и менее полная, сообщает, однако, важные детали, позволяющие конкретизировать общую картину: «...посылал (царь. — *И. С.*) смотреть в Новосиль ко князю Михаилу Кашину столника князь Юрьи Дмитриевича Хворостинина, и под Елец посылал ко князю Ивану Михайловичю Воротынскому князь Юрьи же Хворостинина, а велел ему под Елцом смотреть полки» [2].

Таким образом, смотр полков стольниками охватывал полки под Кромами и Ельцом, полки, расположенные в ближайших к театру военных действий городах Орле и Новосили, а также все остальные города, в которых стояли полки Берегового и Украинного разрядов, т. е. Серпухов, Калугу, Алексин, Каширу, Мценск. Иными словами, проверке подверглось состояние вооруженных сил всего района, прикрывающего Москву с юга, т. е. от восставших городов.

О результатах этого смотра и о практических выводах, сделанных из него правительством Шуйского, позволяют судить более

[1] *Белокуров*, стр. 141.

[2] Там же, стр. 156. Важное дополнение к разрядным записям об осмотре стольниками полков содержат «Домашние записки князя Семена Шаховского» С. Шаховской явился одним из участников смотра полков. В его записках это отмечено следующей записью: «В 114 году... на Преображеньев день (т. е. 6 августа 1606 г. — *И. С.*) послали нас стольников и стряпчих пятьнадцать человек со князем Михайлом с Кашиным на Северу под Елец на службу» («Московский вестник», ч. V, 1830, стр. 62). Таким образом, смотр полков имел место в первой половине августа 1606 г.

Библиотека "Руниверс"

подробные данные, сохраненные в разрядных записях для района Ельца. Смотру князем Ю. Д. Хворостининым полков под Ельцом предшествовал смотр им же в Новосили полка князя М. Ф. Кашина.

В результате этого смотра полк князя М. Ф. Кашина, до того передвинутый в Новосиль из Серпухова (вероятно, после ухода из Новосили к Ельцу М. Б. Шеина и Г. Ф. Нагого; этим можно объяснить, почему в сводном разряде воевод под Ельцом князь М. Ф. Кашин назван воеводой «из Серпухова»), был направлен к Ельцу. Можно думать, что около этого же времени под Елец были посланы и рязанские полки князя В. К. Черкасского и Г. Ф. Сумбулова, отсутствующие во второй из разрядных записей, но названные в третьей.

Проверка полков и усиление войск, осаждавших Елец, путем направления туда новых подкреплений сопровождались посылкой новых инструкций воеводам. В этом, повидимому, заключалась цель приезда под Елец «к боярам и воеводам» окольничего М. И. Татищева [1]. Разрядные записи сообщают, что М. И. Татищев «приезжал от государя г бояром и воеводам спрашивать о здоровье» [2]. Но за этой официальной формулой, конечно, надо видеть гораздо более деловые и практические цели, которые преследовало правительство Шуйского, посылая М. И. Татищева к князю И. М. Воротынскому.

В итоге всех этих мероприятий правительству Шуйского удалось добиться под Ельцом некоторых успехов. Об этом свидетельствует следующая разрядная запись: «А как воровских людей под Ельцом побили, и к бояром и к воеводам князю Ивану Михайловичю Воротынскому с товарыщи приезжал... столник княз(ь) Борис Ондреевич Хилков» [3].

Бои воевод Шуйского под Ельцом «с воровскими людьми» показывают, что и в этом районе тактика восставших не была пассивной и что они стремились поддерживать восставший Елец активной борьбой с осаждавшими его войсками Шуйского. Разрядная запись о том, «как воровских людей под Ельцом побили», зафиксировала один из моментов этой борьбы, благоприятный для Шуйского. Исход борьбы под Ельцом, однако, определился не той победой воевод Шуйского над «воровскими людьми», за которую князь Воротынский и другие воеводы были пожалованы «золотыми», а все более угрожающей для господствующих классов общей обстановкой в стране в результате дальнейшего роста восстания.

Нарастание кризиса в борьбе правительства Шуйского против Болотникова очень хорошо можно проследить, наблюдая за

[1] *Белокуров*, стр. 156; ср. стр. 117.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 85; ср. стр. 141.

Библиотека "Руниверс"

дальнейшими шагами в служебной деятельности князя М. Ф. Кашина. Мы только что видели, как в результате смотра полков, произведенного князем Ю. Д. Хворостининым, князь М. Ф. Кашин был переброшен для подкрепления войск, осаждавших Елец, из Новосили к Ельцу. Однако почти тотчас же правительству Шуйского пришлось отменить свое распоряжение и отдать приказ о возвращении князя М. Ф. Кашина обратно в Новосиль. Причиной, вызвавшей это новое распоряжение правительства Шуйского, несомненно, явилось резкое ухудшение положения в Новосили. Вывод оттуда полка князя М. Ф. Кашина развязал политическую борьбу в городе и явился толчком к переходу Новосили на сторону Болотникова. Стремясь спасти положение, Шуйский и приказал князю М. Ф. Кашину отойти от Ельца опять к Новосили. Редакция этого известия в разрядах дает основание предполагать, что правительство Шуйского, решаясь на ослабление своих войск под Ельцом, находилось под впечатлением той победы под Ельцом, за которую оно столь щедро наградило своих воевод: «Приезжал под Елец з золотыми князь Борис Ондреевичь Хилков к бояром и к воеводам и ко всем служивым людем. И после того указал государь итти князь Михаилу Кашину ис-под Ельца в Новосиль опять» [1]. Но итти в Новосиль было уже поздно, и единственным эффектом этого мероприятия было ухудшение положения под Ельцом, что очень скоро испытали на себе воеводы Шуйского. Новосиль же, перешедшая на сторону Болотникова, все равно оказалась потерянной для Шуйского. «И князь Михайла в Новосиль не пустили, а целовали крест вору, кой назвался царем Дмитреем: и князь Михайло пришол на Тулу» [2].

В то время как князь И. М. Воротынский и другие воеводы Шуйского безуспешно осаждали Елец, а полки князя Ю. Н. Трубецкого столь же безрезультатно стояли под «отложившимися» Кромами, Болотников готовился к переходу в решительное наступление. Первый удар был нанесен Болотниковым в направлении на Кромы.

В бою под Кромами войска Шуйского потерпели полное поражение. Русские источники тенденциозно замалчивают бой под Кромами и пытаются изобразить дело так, будто воеводы Шуйского сами отошли от Кром. Именно так изображает дело «Новый Летописец»: «Ивашка Болотников, собрався со многими людми и прииде под Кромы; и воеводы ж от Кром отоидоша» [3]. Большинство других русских источников (в частности все литературные произведения) вообще умалчивают о поражении воевод Шуйского под Кромами.

---

[1] *Белокуров*, стр. 156; ср. стр. 117.
[2] Там же.
[3] ПСРЛ, т. XIV, стр. 71.

Библиотека "Руниверс"

Более отчетливо можно себе представить сражение под Кромами и его результаты по материалам разрядов. Разрядные записи признают бесспорное поражение под Кромами князя Ю. Н. Трубецкого и других воевод и вынужденный характер их отхода от Кром. Краткая, но выразительная редакция записи в одной из разрядных книг резюмирует итоги борьбы за Кромы фразой о том, как князя Ю. Н. Трубецкого «Болотников от Кром оттолкнул» [1]. Другая запись говорит о бое под Кромами гораздо подробнее: «И под Кромами у воевод с воровскими людми был бой и из Путимля пришол Ивашко Болотников да Юшка Беззубцов со многими северскими людми и с казаки прошли (в а р и а н т: «пришли») на проход в Кромы. И после бою в полкех ратные люди далних городов: ноугородцы и псковичи и лучаня и торопчане, и Замосковных городов под осен(ь) в полкех быть не похотели, видячи, что во всех Украиных городех учинилас(ь) измена и учали ис полков разъезжатца по домом. И воеводы князь Юрьи Никитич с товарыщи отошли на Орел» [2].

Но и разряды сохраняют (хотя и в меньшей степени, чем «Новый Летописец») тенденциозный характер освещения сражения под Кромами и поэтому не дают действительной картины Кромской битвы. Масштабы ее и результаты были еще более крупными, чем это представляется по разрядным записям. В. Диаментовский посвящает в своем дневнике битве под Кромами следующую запись: «Пришла весть, что 8000 людей Шуйского побито под Кромами; гнали и били их на протяжении 6 миль. От этого на Москве тревога. Срочно разослано по городам за людьми: сгонять их принудительно к Москве» [3]. Это свидетельство весьма осведомленного современника раскрывает смысл записи разрядных книг, что Болотников «оттолкнул» от Кром воевод Шуйского. «Толчок» Болотникова в действительности был крупнейшим сражением между воеводами Шуйского и восставшими. Цифра 8 000 убитых, которая определяет размеры потерь войск Шуйского, равно как и факт преследования Болотниковым войска князя Трубецкого на протяжении 6 миль рисуют (даже если не придавать особого значения количественной стороне этих данных) картину полного разгрома и бегства войск Шуйского от Кром.

Впрочем, о масштабах сражения под Кромами (в подтверждение свидетельства В. Диаментовского) можно заключить уже из самого перечня городов, представленных служилыми людьми в полках князя Ю. Н. Трубецкого, где помимо служилых людей из замосковных городов были также и «ратные люди дальних городов» — новгородцы, псковичи и пр. И все эти очень крупные

---

[1] *Белокуров*, стр. 42.
[2] Там же, стр. 9.
[3] *W. Dyamentowski*, стр. 81.

Библиотека "Руниверс"

силы служилого дворянского войска были полностью деморализованы в результате поражения, нанесенного им Болотниковым, отказавшись оставаться в «полках» и начав «разъезжатца по домом».

Итак, в бою под Кромами Болотников наголову разбил войско князя Трубецкого. Воеводам Шуйского не только не удалось не допустить Болотникова в осажденные Кромы, но они сами вынуждены были снять осаду Кром и отступить к Орлу.

Кромская победа Болотникова полностью изменила всю стратегическую обстановку. Отступление князя Трубецкого от Кром к Орлу представляло собой попытку предотвратить окончательный развал в войсках отводом их из опасного района в укрепленный город-крепость, каким являлся Орел. Но эффект от победы Болотникова под Кромами сказался и на положении в Орле, и приход к Орлу разбитых под Кромами войск явился лишь фактором, способствовавшим распространению восстания и на район Орла. Сохранившаяся в разрядных книгах отписка Шуйскому орловских воевод князя И. А. Хованского и князя И. М. Барятинского прямо связывает события в Орле с приходом туда воевод от Кром. По словам воевод, «велено с ними быть ноугородцом Бежетцкой да Шелонской пятины, и как воеводы от Кром отошли, и ратные люди розъехалис(ь) и ноугородцы с ними (т. е. с орловскими воеводами. — *И. С.*), видя в орленех шатость, быть не хотят» [1]. Таким образом, подобно тому как «измена» (т. е. восстание) во всех Украинных городах привела к массовому разъезду по домам служилых людей — дворян — из разбитой армии князя Трубецкого, подобно этому приход кромских воевод к Орлу привел к «шатости», т. е. восстанию, в Орле, с той же реакцией на «шатость» орлян со стороны орловского гарнизона: новгородцы, входившие в состав гарнизона Орла, стали бросать службу.

Правительство Шуйского сделало попытку спасти для себя Орел. В ответ на письмо орловских воевод «царь Василей послал у[го]варивать ратных людей князь Данила Ивановича Мезетцкого, а на Орел послал три приказы стрелцов з головы: с-Ываном Широконосым, да з Данилом Пузиковым, да с Петром Мусорским» [2]. Но и на этот раз Шуйский опоздал. Князю Мезецкому не пришлось «уговаривать» орловский гарнизон. Не нужна была уже и орловским воеводам царская помощь в виде трех приказов стрельцов для усиления орловского гарнизона. Спешившие к орловским воеводам князь Д. И. Мезецкий и стрельцы «воевод встретили у Лихвинской засеки» [3], т. е. отступившими из Орла по направлению к Москве.

---

[1] *Белокуров*, стр. 9.
[2] Там же.
[3] Там же.

Библиотека "Руниверс"

Вслед за Орлом восстал и Мценск. С восставшим Мценском нас знакомит (сообщая исключительные по значению факты из деятельности восставших) челобитная царю Михаилу Федоровичу некоего служилого человека Степана Рагозина. В своей челобитной С. Рагозин — «битай з башни и разоренай от воров», как он выразительно называет себя, — рисует следующую картину восстания в Мценске: «И как, государь, заворовали Украинские городы, и меня, холопа твоего, мценские воры метали з башни за то, что я, холоп твой, стоял за православною крестьянскою веру и за ваше царьское имя; и после, государь, бою сидел я, холоп твой, во Мценске в тюрме год и ис тюрмы ушел и прибежал к Москве к царю Василью, и был, государь, на Москве в осаде, с своими детишками помирал голодною смертью». Кроме «бою», С. Рагозин потерпел от восстания и экономически. По его словам, «животишка все розоимали воры, и поместьишка, государь, от крымских и от литовских людей и от русских воров разорено без остатку» [1].

Хотя в приведенном тексте о Болотникове не упоминается, но отнесение его именно к восстанию Болотникова не может вызывать сомнений, так как указание С. Рагозина, что после годичного сидения в мценской тюрьме и последовавшего затем бегства в Москву он вместе с Василием Шуйским был «на Москве в осаде» (т. е. находился во время осады Москвы Тушинским вором в 1608 г.), датирует события в Мценске 1606—1607 гг.

Значение челобитной С. Рагозина, однако, не ограничивается тем, что она дает основание включать Мценск в число городов — участников восстания Болотникова. Главная ее ценность в том, что она дает представление о самом характере восстаний в городах, переходивших на сторону Болотникова.

Отступление воевод Шуйского от Кром сразу же сказалось и на обстановке под Ельцом. Болотников использовал свой успех под Кромами для нанесения удара и по второму важнейшему центру военных действий — по Ельцу. Под Ельцом Болотников одержал не менее блестящую победу, чем у Кром [2]. Правда, русские источники скрывают факт поражения войск Шуйского под Ельцом еще более старательно, чем разгром под Кромами. «Новый Летописец» делает это при помощи столь же элементарного приема, как и в отношении Кром: «Слышаху ж под Ельцом бояре, что под Кромами смутилось, отойдоша от Ельца прочь и поидоша все к Москве» [3].

Эту же версию добровольного отхода воевод от Ельца развивают и сохранившиеся об этом событии записи в разрядах,

[1] *Л. Сухотин*, Четвертчики Смутного времени, 1912, стр. 266.

[2] Можно думать, что сам Болотников лично не участвовал в сражении под Ельцом, а руководителем войск восставших здесь являлся Истома Пашков.

[3] ПСРЛ, т. XIV, стр. 71.

Библиотека "Руниверс"

ограничивающиеся кратким сообщением, что после того как Болотников «оттолкнул» от Кром князя Ю. Н. Трубецкого, «от Елца князь Иван Воратынской отошел же, а воры, собрався, пошли к Береговым городом» [1].

Но недостаток русских известий о сражении под Ельцом компенсируется подробными данными об этом сражении, содержащимися в иностранных источниках. Наиболее обстоятельные сведения о сражении под Ельцом содержатся у Буссова.

Буссов прямо говорит о том, что под Ельцом войско Шуйского было «разбито и вынуждено было отступить к Москве» [2]. Свое сообщение о поражении войск Шуйского под Ельцом Буссов сопровождает подробным рассказом о судьбе захваченных «путивльцами» в плен людей из войска Шуйского и о наказаниях, которым были подвергнуты Шуйским те из участников сражения под Ельцом, которые, будучи отпущены из плена, принесли в Москву весть о поражении царских войск.

Рассмотрение рассказа Буссова заставляет притти к выводу, что наиболее вероятным источником, откуда получил сведения Буссов, следует предполагать непосредственных участников сражения под Ельцом (быть может, тех самых пленных, отпущенных к Москве, о которых он упоминает в своем рассказе). Только от очевидцев мог Буссов узнать такую подробность, как насмешливое прозвище царя Василия Шуйского — «Шубник» (Subnik). Да и весь контекст рассказа Буссова о Ельце говорит о доброкачественности источника получения сведений Буссова (особенно показателен подробный и точный рассказ о судьбе бывших пленных из армии Шуйского). Единственное, в чем рассказ Буссова требует серьезного корректива, это тенденция Буссова сблизить во времени приход к Ельцу войск Шуйского и генеральное сражение между ними и Болотниковым. Прослеженная нами выше история осады Ельца показывает, что борьба под Ельцом продолжалась довольно длительное время.

Исаак Масса, подобно Буссову, сообщает о поражении войск Шуйского под Ельцом, но гораздо более кратко: «Также князь Иван Михайлович Воротынский был послан с особым войском взять Елец, стоявший во главе возмутившихся, но был побит в прах, и всё его войско расстроено, и он сам едва успел убежать в Москву. Другие (воеводы) также часто давали сражения, но мятежники всегда одерживали победу» [3].

Значение свидетельства Исаака Массы, однако, шире, чем простое подтверждение рассказа Буссова. Ценность его прежде всего в том, что Масса в отличие от Буссова, говорящего вообще

---

[1] *Белокуров*, стр. 42.
[2] *Bussow*, стр. 68.
[3] *И. Масса*, стр. 154.

Библиотека "Руниверс"

о войске Шуйского, прямо называет имя князя И. М. Воротынского как воеводы, чье войско было разбито под Ельцом.

Это устраняет возможность заподозрить Исаака Массу в том, что он мог ошибочно связать с Ельцом события, имевшие место в другом районе, например под Кромами. Молчание же Массы о Кромах может быть объяснено тем, что он специально выделил Елец, как место наиболее крупного боя между войсками Шуйского и Болотниковым, а борьбу в других районах охарактеризовал общей фразой о «победах мятежников», не называя мест сражений.

Третье существенно важное известие о борьбе под Ельцом содержится в дневнике В. Диаментовского. Запись в этом дневнике (автор которого в тот момент находился в Ярославле, куда были сосланы из Москвы поляки) гласит: «17 сентября. Пришла весть пану воеводе, что 5000 войска Шуйского разбиты на голову под Ельцом» [1]. Значение приведенного известия определяется самым характером того источника, в котором оно находится. Это — современная запись в дневнике. Таким образом, к 7 сентября 1606 г. (ибо даты в дневнике В. Диаментовского даны по новому стилю) известие о сражении под Ельцом уже достигло Ярославля [2].

Находясь в Ярославле, Ю. Мнишек (сандомирский воевода) внимательно следил через своих тайных агентов за ходом борьбы в Русском государстве. Этим объясняется и быстрота, с какой он получил известие о результатах боя под Ельцом, и полнота информации (вплоть до сведений о численности войска Шуйского, участвовавшего в сражении под Ельцом). Все это делает запись дневника В. Диаментовского ценным источником для изучения рассматриваемого момента в борьбе между Болотниковым и Шуйским.

Итак, привлечение иностранных источников позволяет выяснить причину «отхода» князя И. М. Воротынского от Ельца к Москве. То, что русские источники пытаются изобразить как разумное решение князя Воротынского, принятое им в связи с изменением общей обстановки, вызванным поражением войска князя Трубецкого под Кромами, в действительности представляет собой результат крупнейшего поражения, понесенного самим князем Воротынским. Поэтому отступление князя Воротынского было не «отходом» с целью сохранения своих сил, а бегством уже разбитой в бою армии.

Вопрос о Ельце требует, однако, рассмотрения его еще в одном плане — в плане историографическом. Дело в том, что своеобразный источниковедческий парадокс: отсутствие в русских источни-

[1] *W. Dyamentowski*, стр. 81.

[2] Любопытно, что известие о битве под Кромами было получено В. Диаментовским позднее — 21 (11) сентября (*W. Dyamentowski*, стр. 81). Отсюда, однако, не следует, что сражение под Ельцом предшествовало сражению под Кромами: русские источники определенно устанавливают обратную последовательность событий.

Библиотека "Руниверс"

ках данных о сражении под Ельцом (при наличии подробного рассказа о Ельце у иностранцев) и, с другой стороны, отсутствие в иностранных источниках данных о сражении под Кромами [1] (при наличии в русских источниках известий, хотя и тенденциозных, о столкновении под Кромами между Болотниковым и воеводами) — имел своим результатом то, что Карамзин (а вслед за ним и Соловьев) истолковал обе группы известий как относящиеся к одним и тем же событиям и, отдав предпочтение русским источникам, как более достоверным, отнес известие Буссова и польского дневника о сражении под Ельцом — к Кромам.

В результате Карамзин получил возможность дать следующую схему событий под Ельцом и Кромами: «...Василий велел полкам итти к Ельцу и Кромам. Предводительствовали боярин Воротынский... и князь Юрий Трубецкой... Воротынский близ Ельца рассеял шайки мятежников; но чиновник царский, везя к нему золотые медали в награду его мужества, вместо победителей встретил беглецов на пути. Где некогда сам Шуйский с сильным войском не умел одолеть горсти изменников, и где измена Басманова решила судьбу отечества, там, в виду несчастных Кром, Болотников напал на 5000 царских всадников: они, с князем Трубецким, дали тыл; за ними и Воротынский ушол от Ельца» [2].

Соловьев полностью воспроизводит схему Карамзина: «Боярин князь Иван Михайлович Воротынский осадил Елец, стольник князь Юрий Трубецкой — Кромы; но на выручку Кром явился Болотников: с 1300 человек напал он на 5000 царского войска и на голову поразил Трубецкого; победители-казаки насмехались над побежденными, называли царя их Шуйского *шубником*... Воеводы Воротынский и Трубецкой... не могли ничего предпринять решительного и пошли назад» [3].

Итак, и Карамзин и Соловьев применили один и тот же прием. Взяв за основу рассказ «Нового Летописца» (дополненный данными разрядных книг о составе воевод под Ельцом и Кромами) о приходе Болотникова под Кромы и отходе от Кром царских воевод, они присоединили к летописному рассказу известие Буссова и польского дневника о поражении Болотниковым царских воевод под Ельцом. В результате они получили возможность говорить о разгроме Болотниковым Трубецкого и бегстве его войска. В отношении же Воротынского и Карамзину и Соловьеву

---

[1] Приведенное выше свидетельство В. Диаментовского о битве под Кромами оставалось неизвестным исследователям, ибо та часть дневника В. Диаментовского, где содержится это известие, отсутствует в издании Устрялова и была впервые опубликована лишь А. Гиршбергом в его издании «Polska a Moskwa» в 1900 г.

[2] *Карамзин*, т. XII, стр. 20.

[3] *Соловьев*, кн. II, стб. 813

Библиотека "Руниверс"

не оставалось ничего иного, как воспроизвести в неприкосновенности версию «Нового Летописца» [1].

Однако такое решение вопроса не может быть признано правильным. Построение Карамзина явилось результатом недостаточности имевшихся в его распоряжении источников. Карамзину не были известны ни мемуары Исаака Массы, ни полный текст дневника Вацлава Диаментовского. Разрядная же книга, которой он пользовался, не содержит тех записей о Кромах и Ельце, которые приведены выше (Карамзин мог взять из нее лишь имена воевод, бывших под Кромами и Ельцом, и известие о приезде к князю Воротынскому князя Хилкова с наградами воеводам за то, что они «воровских людей под Елцом побили» [2]).

Что касается Соловьева, то он, повидимому, не производил специального исследования этого вопроса, положив в основу своего изложения круг источников, использованных Карамзиным. Известие же Исаака Массы о Ельце почему-то не привлекло внимания Соловьева.

Опубликование Белокуровым основного фонда «разрядных записей за Смутное время», равно как и свидетельство Исаака Массы устраняют возможность считать, что в основе известий Буссова и польского дневника о сражении под Ельцом лежит географическая путаница.

Мы уже отмечали выше, что упоминание Массой в его сообщении о сражении под Ельцом имени князя Воротынского делает невозможным отнесение его рассказа к Кромам. Еще более решающее значение для вопроса о Кромах и Ельце имеют разрядные книги. Предшествующее изложение вопроса о борьбе между Болотниковым и Шуйским под Кромами и Ельцом, построенное прежде всего на материалах разрядных книг, показывает, что «Кромы» и «Елец» представляют собой два совершенно самостоятельных комплекса событий (хотя и связанных, конечно, один с другим).

Мы имели возможность проследить все этапы борьбы под Кромами и Ельцом (первоначальные планы правительства Шуйского по посылке войск к каждому из этих городов, сношения воевод с царем, мероприятия правительства по руководству осадой Кром и Ельца, смотр полков, приезд под Елец Татищева, князя Хилкова, посылка подкреплений и т. д.). Но самое важное — это то, что разрядные книги позволяют вполне отчетливо выяснить обстановку, в какой произошло снятие осады Кром, равно как

[1] «Новому Летописцу» следует в своем изложении и С. Ф. Платонов, истолковывающий отступление Воротынского от Ельца как результат того, что князь Воротынский «узнал об удаче Болотникова под Кромами» («Очерки», стр. 321).

[2] *Белокуров*, стр. 141.

Библиотека "Руниверс"

знакомят и с судьбой армии князя Воротынского. Выше мы привели разрядную запись о разгроме Болотниковым войска князя Трубецкого и об отступлении его разбитых полков от Кром к Орлу. Но разрядные книги сохранили также данные и об отступлении князя Воротынского от Ельца. Мы констатировали, что разрядные книги умалчивают о поражении Воротынского под Ельцом. Но уже и в том тексте, который мы цитировали, автор записи, сообщив о том, что князь Воротынский «отошел» от Ельца, вынужден был добавить, что «воры, собрався, пошли к Береговым городом», т. е. признать факт преследования Воротынского армией восставших. Другая редакция разрядных книг сохранила более подробные сведения об отступлении князя Воротынского. В этой редакции, после рассказа об уходе князя Кашина из-под Ельца к Новосили и оттуда в Тулу, имеется следующая запись: «И после того князь Иван Михайлович Воротынской пришол на Тулу ж, а дворяня (в другом списке добавлено: «и дети боярские») все поехали без отпуску по домам, а воевод покинули. И на Туле заворовали, стали крест целовать Вору. И боярин князь Иван Михайлович Воротынской с товарыщи пошли с Тулы к Москве, а городы Заредцкие (sic!) все заворовалися, целовали крест Вору» [1].

Достаточно сопоставить этот текст с разрядной записью о положении в армии князя Трубецкого после ее разгрома под Кромами, чтобы признать, что положение в полках князя Воротынского как две капли воды напоминает положение в разбитых Болотниковым полках князя Трубецкого, а эффект от появления войска князя Воротынского в Туле полностью соответствует тому, что произошло в Орле, когда туда пришли воеводы из-под Кром. Совершенно очевидно также, что характеристика, даваемая армии Воротынского разрядными книгами, полностью соответствует тому, что пишут об армии Воротынского и Буссов, и В. Диаментовский, и Исаак Масса, говоря о ней как о разбитой наголову, обращенной в бегство и т. д. Ясно, что и сообщения иностранных источников о самой битве под Ельцом и о поражении в ней армии князя Воротынского относятся именно к Воротынскому, а не к Трубецкому, к Ельцу, а не к Кромам.

Таким образом, рассмотрение всей совокупности источников о сражениях под Кромами и Ельцом позволяет удовлетворительно разрешить вопрос, не прибегая к столь рискованному приему, который применили Карамзин и Соловьев [2].

---

[1] *Белокуров*, стр. 156; ср. стр. 117.

[2] Документальным комментарием к известиям литературных источников о событиях под Ельцом может служить запись в приходо-расходных книгах Иосифо-Волоколамского монастыря от 2 сентября 1606 г.: «...взял казначей старец Гаврило у келаря старца Моисея крестьянских денег 4 рубли за запас за монастырь[ской], что съели слуги и сторожи, в Бужарове живучи,

Библиотека "Руниверс"

Победы Болотникова под Кромами и Ельцом завершают первый этап похода Болотникова на Москву. Источники не дают возможности датировать сражения под Кромами и Ельцом более точно, чем августом 1606 г. Так датирует Елецкую битву Буссов. К августу ведет нас и запись о битве под Ельцом дневника В. Диаментовского. Судя по этому последнему источнику, вероятнее, что сражение под Ельцом происходило во второй половине августа. К такому заключению склоняют и данные разрядных книг, датирующих августом посылку из Москвы стольников для смотра полков под Кромами и Ельцом, что предполагает известный отрезок времени между этим смотром и сражениями (эта посылка, судя по запискам князя С. Шаховского, состоялась на «Преображеньев день», т. е. 6 августа).

Сентябрь 1606 г. характеризуется лихорадочной деятельностью правительства Шуйского по восстановлению боеспособности своих деморализованных поражениями полков и по мобилизации новых сил против Болотникова.

Местом, избранным правительством Шуйского для сосредоточения своих основных сил против Болотникова, явилась Калуга.

Калуга представляла собой центр системы укрепленных городов в верховьях Оки, так называемых «Береговых городов», прикрывавших Москву с юга. К Калуге отступали (через Лихвин) воеводы от Кром и Орла. В Калугу же было послано и новое войско во главе с князем И. И. Шуйским.

Исаак Масса очень хорошо характеризует ту обстановку растерянности и растущего развала, в которой происходило формирование войска князя И. И. Шуйского: «Стали делать большие приготовления, чтобы одолеть мятежные города, и поставили главными воеводами братьев царя — Дмитрия и Ивана Шуйских, и также молодого Скопина и многих других бояр, дворян и начальников, и отправили войско в поход, также послали во все города грамоты с повелением собрать ратников для войны; но города повсюду горько жаловались на совершенное разорение от прежних бедствий, так что им было не на что выставить ратников; *после долгих проволочек выставили большое бесполезное войско*» [1].

Уже самый состав армии И. И. Шуйского отражал в себе исключительную серьезность положения, в каком очутилось правительство Василия Шуйского. Развал в полках Трубецкого и Воротынского, состоявших из провинциальных служилых людей,

---

и что запасу под Елец отпущено им жа и что убытка учинилось в *разгром*, рухляди монастырской потеряли против ево да воилоки» (*А. А. Зимин*, К истории восстания Болотникова, «Исторические записки», т. 24, 1947, стр. 371). Разгромом здесь названо поражение войска Шуйского под Ельцом.

[1] *И. Масса*, стр. 154. Курсив мой. — *И. С.*

Библиотека "Руниверс"

вынудил правительство Шуйского укомплектовать направляемое в Калугу войско отборными кадрами из служилых людей, принадлежавших к самой верхушке дворянства, как столичного, представленного придворными чинами «дворян Московских», «стольников» и «стряпчих», так и провинциального — в лице «дворян из городов» и «жильцов» [1]. Чрезвычайный характер посылки войск к Калуге подчеркивался и фактом назначения первым воеводой этих войск брата царя.

В планы правительства Шуйского входило и использование в борьбе против Болотникова остатков войск князя Трубецкого и орловского гарнизона. Характерно, что, несмотря на неудачный опыт с посылкой князя Мезецкого «уговаривать» ратных людей в Орле, Василий Шуйский, посылая своих воевод к Калуге, вновь «велел им ратных людей уговорить (вариант: «уговаривать»), которые Замосковные городы и ноугородцы с воеводы пришли ис под Кром и с Орла в Колугу» [2].

Одновременно с посылкой войск к Калуге правительство Шуйского предпринимает меры по укреплению и других городов. В сентябре 1606 г. посылаются новые воеводы: в Карачев — князь С. Д. Щербатый [3], в Михайлов — князь И. Ф. Хованский и Г. Г. Пушкин [4]. О целях, преследовавшихся правительством Шуйского посылкой этих воевод, можно судить по тому, что князь С. Д. Щербатый упоминается в «Новом Летописце» в числе воевод, убитых во время восстания Болотникова, причем в ряду тех воевод, «коих имали на бою» [5].

Все эти мероприятия, однако, не улучшили положения Василия Шуйского. «Сентября в 5 день [6] государь царь и великий князь Василей Иванович всеа Русии послал с нарядом бояр и воевод под Колугу» [7]. А 23 сентября произошла новая битва между Болотниковым и царскими воеводами, в результате которой «большое и бесполезное войско» И. И. Шуйского было вынуждено отступить к Москве.

Наступая на Калугу, Болотников строил свой план борьбы на использовании помощи со стороны населения Калуги. Разрядные книги отмечают, что «вор Ивашко Болотников, собрався с многими воры, *сослався с Колужены*, шол к Колуге» [8]. Эти расчеты Болотникова полностью себя оправдали. В одной из разрядных записей о походе И. И. Шуйского к Калуге сохранилось чрезвы-

[1] *Белокуров*, стр. 9 и 156.
[2] Там же, стр. 9.
[3] Там же, стр. 142 и 213.
[4] Там же, стр. 142.
[5] ПСРЛ, т. XIV, ч. I, стр. 74.
[6] В другой записи посылка воевод датируется 10 сентября (*Белокуров*, стр. 88).
[7] *Белокуров*, стр. 173.
[8] Там же, стр. 9.

Библиотека "Руниверс"

чайно важное известие, что воеводы Василия Шуйского не смогли попасть в Калугу: «В Колугу их не пустили, заворовали и крест целовали Вору» [1]. Другие редакции разрядных записей о походе И. И. Шуйского обходят молчанием вопрос о положении в Калуге к моменту прихода туда царских воевод. Но достоверность приведенного известия подтверждается не только наличием сношений между калужанами и Болотниковым, но и самым фактом того, что воеводы Василия Шуйского вынуждены были дать бой Болотникову вне Калуги, лишившись тем самым защиты городских укреплений и потеряв вместе с тем возможность эффективно использовать привезенный ими с собой «наряд» (артиллерию), явно предназначенный для установки в калужском «городе».

Бой между Болотниковым и И. И. Шуйским произошел «на усть Угры», в 7 верстах от Калуги, при впадении Угры в Оку. Разрядная роспись, определявшая действия воевод, предписывала вместе с князем И. И. Шуйским «быть в сход воеводам из под Кром», князю Ю. Н. Трубецкому и другим кромским воеводам, «да из Украиннова розряду с Орла» князю И. А. Хованскому и князю И. М. Борятинскому [2]. Это соединение воевод, очевидно, произошло под Калугой.

В разрядах битва под Калугой изображается как победа И. И. Шуйского: «И воеводы князь Иван Иванович с товарыщи, и Кромские, Орловские воеводы со всеми ратными людми пошли против воров сентября в 23 день: и того ж дни усть Оки реки на Угре (sic! Надо: усть Угры реки на Оке. — *И. С.*) воров многих побили, и з сеунчом послан к государю князь Михайло Петрович Борятинской» [3]. «Победа» была даже официально отмечена тем, что «от государя к бояром» был прислан «со здоровьем и з золотыми ко князю Ивану Ивановичу Шуйскому с товарыщи и ко всем ратным людем столник Василий Матвеевичь Бутурлин» [4].

Такая оценка битвы 23 сентября 1606 г., однако, требует весьма критического отношения. Паэрле, находившийся в это время в Москве и черпавший, по его словам, «сведения большею частью от стрельцов, стоявших у нас на страже», прямо говорит о поражении царских войск, указывая, что «бояре, разбитые на берегах Оки (т. е. под Калугой. — *И. С.*), должны были отступить к столице, куда ежедневно приходили толпы раненых, избитых, изуродованных» [5]. Но если даже допустить, что непосредственно на поле боя воеводы Василия Шуйского имели успех и «воровских людей побили» [6], то главная цель похода

[1] *Белокуров*, стр. 156.
[2] Там же, стр. 88 и 145.
[3] Там же, стр. 9.
[4] Там же, стр. 88 и 145.
[5] *Устрялов*, т. I, стр. 214, 215.
[6] *Белокуров*, стр. 145.

Библиотека "Руниверс"

И. И. Шуйского не была достигнута. Основные силы Болотникова не были разбиты, а Калуга осталась на стороне Болотникова. Поэтому действительным итогом битвы под Калугой скорее могут служить слова, которыми заканчивается запись о ней в разрядной книге: «А воеводы пошли к Москве, в Колуге не сели потому, что все городы Украинные и Береговые отложилис[ь] и в людех стала смута» [1].

Правительству Василия Шуйского не удалось скрыть неудачи похода брата царя. И, внимательно наблюдая происходившие вокруг него события, Исаак Масса очень правильно заметил, что «войско, отправленное против этих коварных мятежников царем Василием Ивановичем под начальством двух братьев его, молодого Скопина и многих других, не имело большого успеха, но бунтовщики повсюду с отвагою побивали в сражениях [царское войско], так что и половины не уцелело» [2].

Историки, писавшие о Болотникове, не упоминают о сентябрьской битве под Калугой. Карамзин, ошибочно сблизив разрядную запись о сражении в устье Угры между Болотниковым и И. И. Шуйским (в сентябре 1606 г.) с летописным текстом об осаде И. И. Шуйским Калуги после отступления туда Болотникова от Москвы (в декабре 1606 г.), отнес и сражение под Калугой к декабрю 1606 г., изобразив его как эпизод, предшествующий осаде Калуги [3]. Соловьев и Костомаров вовсе опускают битву в устье Угры. Между тем битва 23 сентября 1606 г. имела огромное значение для дальнейшего хода борьбы [4].

---

[1] *Белокуров*, стр. 9.

[2] *И. Масса*, стр. 154.

[3] И. И. Шуйский, «одержав верх в кровопролитном деле с Болотниковым при устье реки Угры, осадил Калугу (30 декабря)» (*Карамзин*, т. XII, стр. 27 и примеч. 98).

[4] Отнесение битвы на Угре ко времени после осады Москвы Болотниковым (как это сделал Карамзин) исключается не только потому, что в разрядах битва на Угре датирована 23 сентября 1606 г., но также и данными других источников. Так, в 1614 г., в связи с челобитьем князя В. Р. Борятинского о выдаче ему жалованья, был произведен сыск по вопросу о размерах жалования, получавшегося князем Борятинским при Василии Шуйском. Сыск установил, что «князю Василью княж Романову сыну Борятинскому старой ему оклад был до царя Василья из Чети 12 рублев, да при царе Василье придано ему, как был бой боярину князю Ивану Шуйскому с воры с казаки под Калугою на реке на Угре, и князю Василью за ту службу придано из Чети к 12 рублем 5 рублев; да как послан с Москвы под Серпухов боярин князь Михайло Васильевич Шуйской, и был бой на реке на Похре с воры с казаки, и ему за ту службу придано к 17 рублем 5 рублев» (*Л. Сухотин*, Четвертчики Смутного времени, 1912, стр. 197).

Из этого сыска с несомненностью следует, что бой на Угре предшествовал бою на Пахре. Бой же на Пахре имел место перед началом осады Москвы Болотниковым. Это была одна из последних попыток Шуйского не допустить Болотникова к Москве (см. ниже).

Библиотека "Руниверс"

Непосредственным результатом битвы под Калугой и отступления царских воевод к Москве явилось распространение восстания Болотникова на весь район «Береговых городов». Общая формула разрядных книг, что «все городы Украинные и Береговые отложилис[ь] и в людех стала смута», — находит свое подтверждение на примере Каширы. Посланные на Каширу, в одно время с походом И. И. Шуйского на Калугу, князь Д. И. Мезецкий и Б. Нащокин «Коширы не достали же, отложилась» [1].

К этому же, повидимому, времени следует отнести и распространение восстания Болотникова на область Брянска и Карачева. О захвате Брянска восставшими сохранились данные в материалах посольства князя Волконского. 31 декабря 1606 г., во время переговоров в Кракове, польские представители сделали следующее заявление: «...в государя вашего государстве великое замешанье: пришло к нам писмо подлинное вчерась, с Украины изо Мстисловля, а пишет державец, что подлинная ведомость, что Петр, которой сказываетца сыном великого князя Федора, достает государьства Московского на Дмитрея, которой сказываете убит, а он жив; и осел деи тот Петр Северскую землю по Брянской лес и городы поимал, а на Москве де стало великое замешанье» [2].

Эти сведения из польских кругов подтверждаются данными русских источников. В одной из разрядных книг сохранилась запись о том, что одновременно с посылкой под Елец князя Воротынского Василий Шуйский «во Брянеск послал Ефима Вахромеевича Бутурлина» [3]. О дальнейшей судьбе Е. В. Бутурлина сообщает и «Новый Летописец» и «Карамзинский Хронограф»: он был убит во время восстания Болотникова. «Новый Летописец» помещает «Ефима Бутурлина» в списке «воевод и дворян, коих имали на бою» [4]. «Карамзинский Хронограф» говорит об убийстве «воеводы Ефима Вахромеевича Бутурлина» в рассказе о событиях, предшествовавших осаде Болотниковым Москвы [5].

Судя по тому, что в соседний с Брянском Карачев Василий Шуйский еще в сентябре 1606 г. посылал нового воеводу (князя Савву Щербатого), Брянск в это время еще не «отложился». Таким образом, восстание в Брянске падает на сентябрь — октябрь 1606 г. Тогда же, очевидно, на сторону Болотникова переходит и Карачев, воевода которого, князь С. Щербатый, был убит восставшими.

Восстание начинает проникать и в область смоленских городов. Запись о битве под Калугой и отступлении И. И. Шуйского к Москве заканчивается сообщением о присоединении к восстанию

[1] *Белокуров*, стр. 42.
[2] Сб. РИО, т. 137, стр. 356, 357.
[3] *Белокуров*, стр. 8.
[4] ПСРЛ, т. XIV, стр. 74.
[5] *А. Попов*, Изборник, стр. 331. Текст исправлен по рукописи. — *И. С.*

*

Библиотека "Руниверс"

Вязьмы и Можайска: «А иные воры в те поры Федка Берсен[ь] с товарыщи Вязму и Можаеск смутили» [1].

Особое место в восстании Болотникова занимает Тульско-Рязанский район.

Своеобразие форм, в которых выразилось участие тульских и рязанских городов в восстании Болотникова, состояло в том, что на первом этапе восстания Болотникова, в период похода Болотникова на Москву, к восстанию примкнули и приняли в нем активное участие тульские и рязанские дворяне-помещики. Еще Соловьев отметил то обстоятельство, что, будучи представителем и выразителем интересов реакционных боярских кругов, Василий Шуйский не мог не вызывать своей деятельностью оппозиции и со стороны дворян-помещиков. Поэтому в участии рязанских и тульских помещиков в восстании Болотникова Соловьев видел борьбу помещиков «против правления бояр..., не допускавших в свои ряды людей новых» [2].

С. Ф. Платонов, анализируя мотивы, побудившие тульских и рязанских помещиков примкнуть на определенном этапе к Болотникову, показал, что корни такого поведения дворян Тулы и

[1] *Белокуров*, стр. 9.

[2] *Соловьев*, кн. II, стб. 815. В разрядных книгах сохранился один факт, ярко характеризующий позицию Василия Шуйского в отношении «новых людей», т. е. дворянства. В конце 1607 г. или самом начале 1608 г., после освобождения Брянска, осажденного Лжедмитрием II (о борьбе под Брянском см. *Попов*, Изборник, стр. 339; ср. *Платонов*, Очерки, стр. 349), царь вызвал в Москву и наградил брянских воевод, бывших там во время осады, князя М. Ф. Кашина и А. Ржевского: «жаловал за Брянскую осаду боярину князю М. Ф. Кашину шубу, да кубок, а Ондрею Ржевскому шубу да кубок же». Андрей Ржевский, однако, остался недоволен царским «жалованьем»: «И Ондрей Ржевской бил челом царю Василью, што ему шубу дали хуже князь Михаила Кашина: «ево де, государь, во Брянске лише имя было, а служба де была и промысел мой, холопа твоего, вели, государь, про то сыскать всей ратью»». Челобитье Андрея Ржевского все же, несмотря на столь красноречивую аргументацию, не было удовлетворено. «И царь Василей Иванович ему отказал: «потому князю Михаилу дана шуба и кубок лутче твоего, что он боярин да перед тобою в отечестве честной ч[еловек]»». Запись заканчивается изложением нового (вероятно, столь же безрезультатного) челобитья А. Ржевского: «И Ондрей бил челом: хотя де, государь, он честью отечеством меня болши, только де моей службы к тебе, государю, и в осаде промыслу было болши ево; а ево де князь Михаила в осаде ни со шта не было» (*Белокуров*, стр. 47).

Этот эпизод с Андреем Ржевским тем более интересен, что Андрей Ржевский как раз являлся типичным представителем рязанских помещиков. Его брат, Иван Ржевский, был убит в 1611 г. вместе с Прокопием Ляпуновым. Сам же Андрей Ржевский, наверняка, входил в состав рязанских полков Ляпунова и Сумбулова, осаждавших Василия Шуйского в Москве, в октябре — ноябре 1606 г. (О Ржевских см. *Платонов*, Очерки, примеч. 195). Поэтому позиция Андрея Ржевского, опиравшегося на «всю рать», т. е. на служилых людей — дворян, в своей борьбе против боярина князя Кашина и поддерживавшего его царя, очень хорошо раскрывает те мотивы, которые толкнули рязанских помещиков годом раньше начать вооруженную борьбу против Василия Шуйского.

Библиотека "Руниверс"

Рязани надо искать в особенностях землевладения этого района, в частности в наличии в составе рязанских и тульских помещиков двух слоев, по разным мотивам, но одинаково враждебных правительству Василия Шуйского: «Мелкие служилые землевладельцы, терявшие своих крестьян и людей в борьбе за рабочие руки, считали «сильных людей бояр» в числе злых врагов своего благосостояния... Высшие слои заречного дворянства... имели свои причины быть недовольными царем Василием... Боярская реакция, давая торжество родословному принципу, тем самым закрывала дорогу к широкой карьере для всех тех, кого считала «худородными»» [1].

Следует отметить, что обе названные группы помещиков территориально неодинаково распределялись в рассматриваемом районе: «высшие слои заречного дворянства» были по преимуществу сосредоточены на рязанских землях, в то время как Тула и примыкающие к ней уезды (Венев, Епифань, Кашира) являлись краем «мелких служилых землевладельцев» [2].

В восстании Болотникова приняли участие обе группы тульских и рязанских помещиков, причем лидерами верхушки рязанских помещиков были Ляпуновы и Сумбуловы, а «вождем служилой мелкоты», по выражению С. Ф. Платонова, стал Истома Пашков.

«Новый Летописец» следующим образом изображает процесс зарождения восстания в рязанских и тульских городах: «Град же Рязань с пригороды и Тула и Кашира и иные городы Украиные царю Василью измениша и послаху в Путимль с повинными. Они же в Путимле быша и никово в Путимле не видяху и назад же вспять приезжаху и никако на истинный путь не обращахуся. И собрашася вси и поставиша себе старейшину Совлоценина (н а д о: Соловценина. — *И. С.*) сына боярсково Истому Пашкова и совокупишася с тем Ивашком Болотниковым за одно и поидоша под Москву» [3].

В этой летописной характеристике (к которой нам еще придется возвращаться) особенное внимание привлекает оценка роли Истомы Пашкова как «старейшины», т. е. вождя восставших городов. Биография Истомы Пашкова достаточно выяснена исследованием С. Ф. Платонова. Служилый человек, обладатель довольно крупного поместья из двух сел в Веневском и Серпуховском уездах, Истома Пашков имел чин «сотника» и в 1606 г. командовал мелкопоместными «детьми боярскими» — епифанцами. «Вождем именно такой служилой мелкоты» он и стал в восстании Болотникова [4]. Эта характеристика, даваемая И. Пашкову Платоновым,

[1] *Платонов*, Очерки, стр. 325.
[2] Там же, стр. 280, 323—327.
[3] ПСРЛ, т. XIV, стр. 72.
[4] *Платонов*, Очерки, стр. 227.

Библиотека "Руниверс"

правильно определяет социальное положение Истомы Пашкова и его общественные связи. Но С. Ф. Платонов вместе с тем слишком суживает роль и значение И. Пашкова в восстании Болотникова, рассматривая Истому Пашкова лишь в качестве вождя мелких служилых людей Тулы и ее пригородов.

В этой своей характеристике С. Ф. Платонов исходит из известного текста «Карамзинского Хронографа» с перечнем руководителей восстания: «У резаньцов воеводы Григорей Федоров сын Сунбулов, да Прокофей Петров сын Ляпунов, а с тулены и с коширяны и с веневичи Истома Пашков, а на Веневе был сотник, а с колужены и со олексинцы и с иными городами Ивашко Болотников, князя Ондрея Телятевского холоп» [1]. Но при всей важности этого известия, оно все же не может иметь определяющего значения в оценке роли Истомы Пашкова в восстании Болотникова. Первое обстоятельство, заставляющее отнестись с осторожностью к использованию данного свидетельства, заключается в том, что характеристика «Карамзинского Хронографа» относится уже к самому последнему моменту перед осадой Москвы. Следовательно, она не может быть перенесена (без предварительного анализа) на более ранний период. Второе, еще более существенное обстоятельство, обязывающее к критическому отношению к перечню воевод «Карамзинского Хронографа», заключается в тенденциозности автора. Эта тенденциозность текста «Карамзинского Хронографа» привлекла внимание С. Ф. Платонова, отметившего, что «привычный к тогдашнему чинопочитанию составитель разрядной книги (так С. Ф. Платонов называет в данном случае «Карамзинский Хронограф». — *И. С.*) назвал рязанских воевод не одним именем, но и отчеством. Пашкову отказал в отчестве, а Болотникова назвал только полуименем». С. Ф. Платонов сделал из отмеченной им особенности текста «Карамзинского Хронографа» тот вывод, что «в этом (т. е. в различном отношении автора «Хронографа» к руководителям восстания. — *И. С.*) сказалось различие общественного положения названных лиц» [2]. Но С. Ф. Платонов не учел того, что тенденциозная «привычка» автора «Карамзинского Хронографа» «к чинопочитанию» имела своим результатом искажение действительной роли в руководстве восстанием Сумбулова и Ляпунова, Пашкова и Болотникова, в результате чего вождь восстания — Болотников — оказывается в «Карамзинском Хронографе» оттесненным на последнее место, а первыми «начальниками и воеводами» восставших изображаются Григорий Сумбулов и Прокофий Ляпунов. Очевидно, что родословная схема «Карамзинского Хронографа», отразившаяся на характеристиках Ляпунова, Пашкова и Болотникова, должна быть отброшена, ибо иначе мо-

[1] *А. Попов*, Изборник, стр. 332.
[2] *Платонов*, Очерки, стр. 328.

Библиотека "Руниверс"

жет получиться совершенно ложное представление о роли и значении тех или иных деятелей и участников восстания Болотникова.

В отличие от «Карамзинского Хронографа» другие источники придают Истоме Пашкову гораздо более важное значение, называя его наряду с Болотниковым одним из главных руководителей восстания.

Так, царская грамота в Пермь от 9 декабря 1606 г., по случаю победы над Болотниковым, следующим образом характеризует положение, занимаемое Истомой Пашковым в лагере восставших: «Собрались Украйных городов воры казаки и стрелцы и боярские холопи и мужики, а прибрали себе в головы таких же воров, епифанца Истомку Пашкова да княжь Ондреева холопа Телятевского Ивашка Болотникова» [1]. Другая грамота — патриарха Гермогена от декабря 1606 г., говоря об осаде Москвы восставшими, употребляет для обозначения руководителей восстания выражение: «Истомка Пашков с товарыщи» [2].

Если от источников документальных обратиться к литературным памятникам, то в «Ином Сказании» можно найти еще более выразительную характеристику Истомы Пашкова: «И бысть у них разбойников полководец и храброборец и болшей промысленик атаман казачей, именем Истомка Пашков» [3].

Иностранные источники отводят Истоме Пашкову не менее видную роль. Так, английское донесение о восстании Болотникова называет Пашкова одним из «двух главных начальников лагеря мятежников», подразумевая под другим начальником Болотникова [4]. «Начальником мятежников» называет Пашкова и Паэрле [5]. А. Стадницкий в своем письме об осаде Москвы Болотниковым называет из руководителей восстания по имени лишь И. Пашкова («tego Paszka») [6].

Таким образом, все источники единодушны в признании за Истомой Пашковым значения одного из вождей восстания Болотникова на первом его этапе.

Следует отметить и второй существенный недостаток точки зрения С. Ф. Платонова на роль и значение Истомы Пашкова. С. Ф. Платонов связывает начало восстания тульских и рязанских городов (и тем самым и начало деятельности Истомы Пашкова) с моментом прихода Болотникова на Оку: «Когда войска Болотникова появились на верховьях Оки... здесь образовались дружины детей боярских с выборными вождями во главе» [7]. Это

---

[1] ААЭ, т. II, № 60.
[2] Там же, № 59.
[3] РИБ, т. XIII, стб. 108, 109.
[4] См. прилож. IV, стр. 554.
[5] *Устрялов*, т. I, стр. 216.
[6] *S. Niemojewski*, стр. 187 (русский перевод — стр. 177).
[7] *Платонов*, Очерки, стр. 326.

Библиотека "Руниверс"

положение С. Ф. Платонова также опирается на приведенный выше текст «Карамзинского Хронографа» о воеводах у восставших. Но «Карамзинский Хронограф» вообще очень слабо освещает начальный период восстания Болотникова, чем и объясняется его молчание о предшествующей деятельности Истомы Пашкова, равно как и о положении в Рязани и Туле (хотя и в «Карамзинском Хронографе» сохранилось весьма важное известие о действиях Прокофия Ляпунова в Рязани). Поэтому особенную ценность имеет рассказ «Нового Летописца», привлекающий внимание именно к моменту зарождения восстания в Туле и Рязани и освещающий роль Истомы Пашкова в это время.

Важнейшим источником для выяснения роли Истомы Пашкова в восстании Болотникова являются записки Буссова. Буссов относит начало деятельности Истомы Пашкова к самому моменту зарождения восстания против Василия Шуйского. Изложив эпизод с приездом в Путивль князя Григория Шаховского и его заявлением, что царь Димитрий спасся и бежал в Польшу, Буссов продолжает: «В ответ на это путивльцы послали в Дикое по́ле [1] и спешно собрали несколько тысяч казаков (Feld-Cosacken), а также предписали явиться всем князьям и боярам, обитавшим в Путивльской области, которых также было несколько тысяч. Когда эти последние собрались вместе с казаками, они назначили во главе войска воеводу по имени Истома Пашков (Isthoma Paschof) и именем Димитрия послали его в поход отвоевывать и занимать крепости и города, отпавшие от Димитрия в результате Московского восстания. Все эти города, узнав, что царь Димитрий не убит, а тайно ушел оттуда и жив и послал эти войска, без малейшего сопротивления, добровольно передавались ему, вплоть до самой Москвы и вновь присягнули Димитрию» [2].

После этой характеристики событий начала восстания в Путивле Буссов сообщает о битве под Ельцом, а затем вновь возвращается к Истоме Пашкову. «Вышеупомянутый воевода Путивльского войска Истома Пашков в августе двинулся со своими силами к Москве и пришел к Коломне (Columníska) и привел под власть Димитрия II много крепостей, городов и местечек без малейшего сопротивления. К Михайлову дню (auf Míchaelis) он продвинулся еще ближе к Москве и разбил свой лагерь в Котлах (приблизительно в миле с четвертью от Москвы)» [3]. Здесь, под Москвой, и происходит соединение Болотникова с Истомой Пашковым: «Вскоре после Мартинова дня (Martiny), через Комарицкую волость, Калугу и затем дальше на Москву, на помощь путивльскому

[1] В оригинале: «nach dem weiten Felde», но на стр. 70 Буссов употребляет термин «wilden Felde».
[2] *Bussow*, стр. 67, 68.
[3] Там же, стр. 69.

Библиотека "Руниверс"

воеводе Истоме Пашкову пришел испытанный витязь Иван Исаевич Болотников» [1].

Такова совокупность сведений об Истоме Пашкове и его участии в восстании Болотникова, содержащихся у Буссова.

Буссов, таким образом, во-первых, ведет начало деятельности Истомы Пашкова от Путивля; во-вторых, сообщает о самостоятельном походе Истомы Пашкова к Москве: из Путивля через Елец и Коломну.

Эти данные Буссова об Истоме Пашкове почему-то не были использованы исследователями. Повидимому, это надо объяснить тем, что, отбросив в сторону свидетельство Буссова о Елецкой битве, Карамзин, а за ним и позднейшие историки оставили в стороне весь комплекс известий Буссова, связанных с именем Истомы Пашкова.

Есть, однако, основания отнестись к показаниям Буссова об Истоме Пашкове с гораздо бо́льшим вниманием. Мы уже констатировали выше ошибочность точки зрения Карамзина и его последователей по вопросу о битве под Ельцом. Точность свидетельства Буссова об этом событии подтверждается данными документальных источников (вплоть до сообщения Буссова о методах маскировки Василием Шуйским своих приготовлений к борьбе с восстанием).

Что касается рассказа Буссова о появлении в Путивле Истомы Пашкова и о его дальнейшей деятельности, то основное свидетельство в пользу Буссова это то, что в период похода Болотникова на Москву отчетливо прослеживаются две группы войск восставших, наступавших на Москву по двум различным маршрутам.

Один из этих маршрутов проходит через Комарицкую волость — Кромы — Орел — Калугу. Другой маршрут образуют Елец — Новосиль — Тула. При этом первый из названных маршрутов неизменно связывается в источниках с именем самого Болотникова. Так, в записях разрядных книг о бое под Кромами прямо говорится, что «из Путивля пришол Ивашко Болотников» [2]. Точно так же в описании битвы 23 сентября 1606 г. под Калугой подчеркивается, что «Ивашко Болотников... шол к Колуге» [3]. Буссов также указывает, что Болотников шел «через Комарицкую волость, Калугу и затем дальше на Москву» [4]. Напротив, в отношении второго направления разряды, говоря о борьбе между восставшими и войсками Василия Шуйского, ни разу не упоминают о Болотникове, а употребляют безличное выражение «воры» [5].

[1] *Bussow*, стр. 70.
[2] *Белокуров*, стр. 9.
[3] Там же.
[4] *Bussow*, стр. 70.
[5] «...воровских людей под Елцом побили» (*Белокуров*, стр. 85); «...от Елца князь И. Воротынский отошел же, а воры, собрався, пошли к Береговым городом» (там же, стр. 42).

Библиотека "Руниверс"

Встает естественный вопрос: кто был руководителем отрядов восставших, наступавших на Москву через Елец — Тулу? Буссов дает на этот вопрос категорический ответ: *Истома Пашков.*

Возвращаясь теперь к рассказу «Нового Летописца» о восстании в Туле и Рязани, следует признать, что подчеркивание «Новым Летописцем» роли Истомы Пашкова в этих событиях вполне согласуется с общей картиной зарождения восстания в Тульско-Рязанском районе.

Разряды прямо связывают восстание в «Зарецких» городах (т. е. в Тульско-Рязанском районе) [1] с отступлением князя И. М. Воротынского от Ельца и Тулы к Москве: «И боярин князь Иван Михайлович Воротынской с товарыщи пошли с Тулы к Москве, а городы Зарецкие все заворовалися, целовали крест Вору» [2].

Другой факт, характеризующий процесс борьбы в Тульско-Рязанском районе, — это поведение рязанских воевод, входивших в состав армии князя Воротынского. Среди других воевод, посланных под Елец, были и воеводы из Переяславля-Рязанского: князь В. К. Черкасский и Г. Ф. Сумбулов [3]. Два рязанских воеводы по-разному реагировали на события. Князь Черкасский остался на стороне Василия Шуйского и был убит [4]. Г. Ф. Сумбулов, напротив, перешел на сторону восставших, и «Карамзинский Хронограф» называет его первым воеводой «у резаньцов» во время осады Болотниковым Москвы [5]. Этот переход Г. Сумбулова на сторону противников Василия Шуйского, несомненно, находился в связи с общим положением в «Заречных» городах [6]. Вместе с тем естественнее всего предположить, что разрыв Г. Сумбулова с Василием Шуйским падает именно на время отступления князя Воротынского.

В свете всего сказанного становится вполне понятным и рассказ «Нового Летописца» как о сношениях рязанцев и тулян с «Путивлем» (являвшимся политическим центром восстания Болотникова), так и об избрании восставшими рязанцами и тулянами Истомы Пашкова своим «старейшиной».

Если учесть, что не кто иной, как Истома Пашков разбил под Ельцом князя Воротынского, а затем преследовал его, а также, что восстание «Зарецких» городов стало всеобщим именно после отступления князя Воротынского от Тулы к Москве, то

---

[1] О «Зарецких», или «Заречных», городах см. *Платонов*, Очерки, стр. 324—326.

[2] *Белокуров*, стр. 156.

[3] Там же, стр. 85.

[4] ПСРЛ, т. XIV, стр. 74; *А. Попов*, Изборник, стр. 231.

[5] *А. Попов*, Изборник, стр. 332.

[6] Г. Ф. Сумбулов был назначен Василием Шуйским после его воцарения вторым воеводой Переяславля-Рязанского; первым воеводой был назначен князь В. К. Черкасский (*Белокуров*, стр. 83).

Библиотека "Руниверс"

отсюда следуют два вывода: 1) что Истома Пашков был в это время в Туле (но не как «веневский сотник», а в качестве воеводы армии восставших, пришедшей в Тулу); 2) что в такой обстановке избрание Истомы Пашкова «старейшиной», т. е. руководителем восставших, было вполне закономерным актом, выражавшим собой присоединение рязанцев и тулян к восстанию.

Наиболее вероятным будет считать, что решающая роль в событиях, связанных с переходом тульских и рязанских городов на сторону восстания Болотникова, принадлежала тем служилым людям, рязанцам и тулянам, которые входили в состав армии князя Воротынского. Мы уже цитировали запись разрядных книг о том, что, когда князь И. М. Воротынский отступил к Туле, «дворяня и дети боярские... все поехали по домом, а воевод покинули» [1]. Сопоставляя с этим самовольным отъездом дворян из войска князя Воротынского факт перехода Г. Сумбулова на сторону восставших, можно сделать вывод, что для многих дворян уход из армии был первым шагом к присоединению к восстанию. Это подчеркивает и сама разрядная запись, указывая, что вслед за разъездом дворян из полков по домам: «заворовали» на Туле, и затем и «городы Зарецкие все заворовалися».

Но процессы, обусловившие присоединение рязанцев и тулян к восстанию Болотникова, не ограничивались рамками одной лишь армии. Одновременно борьба развертывалась и на местах, в самих городах. «Карамзинский Хронограф», приводя список воевод, которых «по городам побили», называет в числе других убитых восставшими воевод князя В. Тростенского, бывшего воеводой в городе Михайлове [2].

Тот же источник сообщает, что осенью 1606 г. был привезен в Путивль и убит «Никита Васильев сын Измайлов от Николы Зарайскова» [3]. Наконец, особый интерес представляет известие «Карамзинского Хронографа» о событиях в Рязани: «Да с Резани Прокофей Ляпунов прислал в Путимль князя Гаврила князь Семенова сына Каркадинова и те (князь Коркодинов и Н. В. Измайлов. — *И. С.*) в Путимле убиты ж» [4].

Из всех этих сообщений «Карамзинского Хронографа» о событиях в рязанских городах (Михайлове, Зарайске и самой Рязани, т. е. городе Переяславле-Рязанском) видно, что власть в рязанских городах к осени 1606 г. уже была захвачена «заворовавшими», т. е. перешедшими на сторону восстания Болотникова рязанцами. Упоминание «Карамзинским Хронографом» имени Прокофия Ляпунова свидетельствует о том, что именно он стоял

[1] *Белокуров*, стр. 156.
[2] *А. Попов*, Изборник, стр. 331. О воеводстве князя В. Тростенского в городе Михайлове см. *Белокуров*, стр. 83.
[3] *А. Попов*, Изборник, стр. 331. Текст исправлен по рукописи. — *И. С.*
[4] Там же.

Библиотека "Руниверс"

во главе поднявшихся против Василия Шуйского рязанских городов, правя Рязанью и поддерживая сношения с Путивлем.

В этой роли политического лидера рязанцев Прокофий Ляпунов уже действовал в 1605 г., когда под Кромами именно «Резанцы Прокофей Лепунов з братьею и со советники своими и иных Заречных городов втайне Вору крест целовали» [1]. Через год он вновь возглавил борьбу за власть рязанских помещиков, восставших против боярского правительства Шуйского.

Итак, ход развития восстания тульских и рязанских городов против Василия Шуйского можно себе представить следующим образом. Нарастание борьбы против правительства Шуйского шло двумя путями: в армии, где, в конечном счете, служилые люди рязанцы и туляне перешли на сторону восставших, и в городах, где воеводы Шуйского были убиты и власть захватили местные политические лидеры. Оба эти процесса были достаточно длительными (как это можно заключить из рассказа «Нового Летописца» о совещаниях тулян и рязанцев и посылке ими делегатов в Путивль) и начались еще до прихода Болотникова к Оке. Окончательное же оформление восстания рязанских и тульских городов падает на время прихода армии восставших во главе с Истомой Пашковым в Тулу, когда рязанские и тульские дворяне присоединяются к войску Истомы Пашкова и избирают его своим «старейшиной».

Победа Болотникова над И. И. Шуйским 23 сентября 1606 г. открывает собой последний этап похода Болотникова на Москву.

И на этом этапе борьбы силы восставших продолжают оставаться объединенными в две главные группировки, ведшие наступление на Москву по двум различным направлениям: Кромско-Калужскому (Болотников) и Елецко-Тульскому (Пашков).

Болотников двинулся от Калуги на Серпухов через Алексин. Нет сведений, при каких обстоятельствах Алексин перешел на сторону Болотникова. Но «Карамзинский Хронограф» называет алексинцев в числе тех, кто входил в состав войска Болотникова, осаждавшего Москву [2]. Этот же источник сообщает и о положении в самом Алексине, указывая, что «Олексин был в воровстве, в измене, а сидел в Олексине воевода Лаврентей Александров сын Кологривов, олексинец,... со всякими служилыми, и с посадскими, и с уездными людми» [3]. Очевидно, «измена» и «воровство» Алексина, т. е. его присоединение к восстанию Болотникова, падает как раз на те дни, когда Болотников шел к нему от Калуги.

---

[1] *А. Попов*, Изборник, стр. 328.

[2] Там же, стр. 332.

[3] *Попов*, Изборник, стр. 337; ср. разрядную запись о «воровстве» Алексина (*Белокуров*, стр. 185).

Библиотека "Руниверс"

Вслед за Алексином Болотников занял Серпухов. И русские и иностранные источники свидетельствуют о том, что Болотников шел на Серпухов с главными силами своего войска. Исаак Масса прямо говорит, что «Болотников пошел со всем своим войском на Серпухов, лежащий в восемнадцати милях от Москвы, и сразу же занял его» [1]. Это свидетельство Массы находит свое подтверждение в словах «Иного Сказания»: «И велико войско собрася и пришедше к Серпухову; людие же в Серпухове, видевше сия, и убоящася их и тии предашася» [2].

Поражение войск Василия Шуйского под Калугой и дальнейшее продвижение Болотникова по направлению к Москве резко ухудшали положение правительства Шуйского, заставляя его принимать все новые и новые меры для отпора наступавшему Болотникову. По словам Массы, «невзирая на эти поражения, не переставали набирать ратников, привлекая одних лаской, других силою, и снова собрали войско в 180 тысяч человек под начальством поименованных воевод» (т. е. Дмитрия и Ивана Шуйских и М. В. Скопина-Шуйского. — *И. С.*) [3]. Более подробные и конкретные данные о военных мероприятиях Василия Шуйского сообщают разряды. Первой и, повидимому, экстренной мерой правительства Шуйского после взятия Болотниковым Серпухова была посылка против него отряда князя В. В. Кольцова-Мосальского. Разрядные книги говорят о походе князя В. В. Кольцова-Мосальского очень кратко: «Посыланы по Серпуховской дороге на Лопасну воеводы: боярин княз(ь) Володимер Васильевичь Колцов-Мосалской да Борис Иванов сын Нащокин» [4]. Но смысл и цель посылки князя Кольцова-Мосальского вполне ясны. Река Лопасна образует первый естественный рубеж по дороге от Серпухова к Москве. Очевидно, князь Кольцов-Мосальский должен был задержать Болотникова на Лопасне и не допустить его дальнейшего продвижения к Москве. Однако этого сделать не удалось. В одной из разрядных книг, в рассказе о «бое» между Болотниковым и князем М. В. Скопиным-Шуйским на реке Пахре (о чем будет итти речь ниже), имеется добавление: «на Лопасне наперед» [5]. Таким образом, бою на Пахре предшествовал бой на Лопасне. О результатах этого боя «на Лопасне» можно судить по тому, что князь В. В. Кольцов-Мосальский вынужден был отступить на Пахру, иначе говоря, отойти на новый оборонительный рубеж,

[1] *И. Масса*, стр. 156.

[2] РИБ, т. XIII, стб. 99. О «большом войске под Серпуховом» говорит в своем дневнике и В. Диаментовский, отмечая, что приход этого войска под Серпухов вызвал массовое бегство из Москвы «бояр с женами» (*W. Dyamentowski*, стр. 81).

[3] *И. Масса*, стр. 154.

[4] *Белокуров*, стр. 89 и 146.

[5] Там же, варианты.

Библиотека "Руниверс"

расположенный ближе к Москве, чем Лопасна, верст на 30. Характер и причины этого отступления раскрывает разрядная запись о том, что «на Похру (sic!) ж посылано з головою с Петром Дашковым к боярину ко князю Володимеру Васильевичю Колцову-Мосалскому 250 человек» [1]. Приведенные материалы достаточно красноречиво говорят о неудачном для войск Шуйского исходе боя на Лопасне и о поражении, понесенном князем Кольцовым-Мосальским от Болотникова.

Помощь в 250 человек, посланная князю Кольцову-Мосальскому из Москвы, не могла, разумеется, исправить положение. Вместе с тем и сам князь Кольцов-Мосальский скомпрометировал себя неудачным боем на Лопасне. Поэтому Василий Шуйский предпринимает новую посылку войск против Болотникова, причем во главе этих войск ставит князя М. В. Скопина-Шуйского, в подчинении у которого было «велено быть» и князю Кольцову-Мосальскому [2]. Этот «осенний поход» (как он назван в разрядах) князя М. В. Скопина-Шуйского имел своим результатом новый бой с Болотниковым — на реке Пахре. На этот раз проигравшей стороной оказался Болотников. По разрядным записям, «князю Михаилу был бой с воровскими людми на Похре, и воровских людей побили: и с тово бою от княз(ь) Михайла пригонял с сеунчом Василей Ивановичь Бутурлин» [3]. Эта официальная оценка результатов боя на Пахре, правда, слишком усиливает успех войск Скопина-Шуйского. Повесть «Иного Сказания» гораздо менее оптимистична в характеристике этого сражения.

Говоря о «двух бранях» между воеводами Шуйского и «разбойниками» на подступах к Москве (под этими «бранями», по нашему мнению, следует подразумевать бой на Пахре и сражение под селом Троицким), повесть «Иного Сказания» отмечает, что «многое множество обоих падоша в тех двух бранех, не хотяше бо ни едино войско вспятитися, но тщашеся едино войско другаго вспятити, и не возмогоша, и тако разыдошася» [4]. Таким образом, судя по этому источнику, сражение на Пахре не дало решающего успеха ни той, ни другой стороне. Тем не менее бесспорным можно считать то, что князю М. В. Скопину-Шуйскому удалось задержать наступление Болотникова по Серпуховской дороге и даже заставить его отойти назад. Это позволило правительству Шуйского использовать полки князя М. В. Скопина-Шуйского для усиления другой группы войск — во главе с князьями Ф. И. Мстиславским и Д. И. Шуйским, двинутых в направлении на Коломну против наступавшего здесь Истомы Пашкова. В разрядной записи о посылке под Коломну князя Ф. И. Мстиславского и князя

[1] *Белокуров*, стр. 89.
[2] Там же, стр. 89 и 146.
[3] Там же.
[4] РИБ, т. XIII, стб. 99.

Библиотека "Руниверс"

Д. И. Шуйского указывается, что во время похода этих полков они «сошлись с воеводами со князем Михайлом Васильевичем Скопиным-Шуйским с товарыщи по Коломенской дороге в Домодедовской волости» [1]. Таким образом, бой на Пахре позволил М. В. Скопину-Шуйскому устранить на время угрозу наступления Болотникова по Серпуховской дороге.

Поход воевод Шуйского «под Коломну» и дальнейшие события, связанные с борьбой под Коломной, принадлежат к числу наиболее запутанных в источниках [2]. Как мы видели, Буссов относит события, связанные с Коломной, к походу Истомы Пашкова. Версия Буссова, однако, находится в противоречии с рассказом «Нового Летописца», где взятие Коломны войсками восставших изображается как операция, осуществленная совместно Болотниковым и Истомой Пашковым. Рассказав об избрании рязанцами и тулянами Истомы Пашкова своим «старейшиной», «Новый Летописец» продолжает: «И совокупишася с тем Ивашком Болотниковым за одно и поидоша под Москву. Град же Коломну взяша взятьем и разориша его и пришед сташа от Москвы за пятьдесят верст. Царь же Василей против их посла всех бояр своих и служивых людей, которые были на Москве, и посадцких людей, и приидоша в Коломенской уезд, разогнаша многих дворян и столников поимаша. Их же поимаху, отсылаху всех в Путивль. Бояре же приидоша к Москве. Пашков же и Болотников приидоша под Москву и сташа в селе Коломенском» [3].

Свидетельство «Нового Летописца» может показаться достаточно определенно решающим вопрос об обстоятельствах взятия Коломны и вместе с тем опровергающим версию Буссова. Однако обращение к источникам известия «Нового Летописца» позволяет

---

[1] *Белокуров*, стр. 89 и 146.

[2] Следует отметить грубую ошибку Костомарова, допущенную им при изложении событий, связанных с борьбой у Коломны. Основываясь на неисправном тексте «Нового Летописца по списку князя Оболенского», в котором глава о событиях 1608 г. находится между главами, посвященными восстанию Болотникова (глава 119: «О бою с Литовскими и воровскими людьми под Коломною и о победе на них» — «Новый Летописец по списку князя Оболенского», 1853, стр. 79, 80; ср. ПСРЛ, т. XIV, стр. 84, глава 175: «О побое Литовским людом под Коломною»), Костомаров отнес к походу Болотникова на Москву... неудачную попытку поляка Хмелевского захватить Коломну осенью 1608 г. (см. об этом событии у *Платонова*, Очерки, стр. 365). Столь же ошибочно и отнесение Костомаровым к событиям времени восстания Болотникова сражения в селе Высоком между отрядом тушинцев, шедшим из Владимира, и князем Д. М. Пожарским. Основываясь на том же неисправном тексте «Нового Летописца», Костомаров принял события осени 1608 г. за события осени 1606 г. (см. *Костомаров*, Смутное время, цит. изд., стр. 273: «Отовсюду стекались к Болотникову шайки. Только шедшей из Владимира не посчастливилось — князь Димитрий Михайлович Пожарский рассеял ее... В Коломне отважились сопротивляться. Напавший на этот город Хмелевский был отбит» и т. д.).

[3] ПСРЛ, т. XIV, стр. 72.

Библиотека "Руниверс"

существенным образом изменить отношение к версии «Нового Летописца» о взятии Коломны.

Источниками рассматриваемого рассказа «Нового Летописца» являются разрядные записи.

В разрядных книгах сохранилась подробная запись о посылке воевод под Коломну: «Того же году посланы пот Коломну бояре: князь Федор Иванович Мстиславский, князь Дмитрий Иванович Шуйский, князь Иван Михайлович Воротынский, князь Василей да князь Иван да князь Ондрей Васильевичи Голицыны, Михайло да Григорей Федоровичи Нагие; околничие: Василей Петровичь Морозов, Михайло Борисовичь Шеин, князь Дмитрей Васильевич Туренин, князь Григорей Роща Борисовичь Долгорукой, Иван Петровичь Головин; околничей и казначей Василей Петровичь Головин; дворяне Московские, столники и стряпчие, и жилцы, дворяне и дети боярские из городов, дияки и подьячие и всякие приказные люди. А сошлись с воеводами со князем Михайлом Васильевичем Скопиным-Шуйским с товарыщи по Коломенской дороге в Домодедовской волости. А грамоты к ним писаны от государя: бояром и воеводам князю Федору Ивановичю Мстиславскому да княз(ь) Дмитрею Ивановичю Шуйскому с товарыщи. И был им бой с воровскими людми в селе Троицком с-Ыстомою Пашковым да с резанцы, и на том бою бояр и воевод побили» [1].

Итак, эта запись, имеющая все признаки современной и официальной, рассматривает борьбу под Коломной и завершающее звено в этой борьбе — битву у села Троицкого — как борьбу против Истомы Пашкова и рязанцев, наступавших, таким образом, по Коломенской дороге. В то же время запись ни слова не говорит ни о Болотникове, ни о калужанах и алексинцах, которых прямо называет в составе войска Болотникова «Карамзинский Хронограф» и упоминания которых наряду с рязанцами можно было бы ожидать, если бы калужане и алексинцы участвовали в сражении под селом Троицким. Это соображение нельзя опровергнуть ссылкой на то, что имя Болотникова не упоминается и в записи о битве на реке Пахре, где говорится лишь в общей форме, что у князя Скопина-Шуйского «был бой с воровскими людми на Пахре, и воровских людей побили». Отсутствие имени Болотникова в приведенной записи объясняется самим характером этой записи, гораздо более краткой и общей, чем запись о походе под Коломну и битве под селом Троицким. Эта последняя запись содержит в себе подробные и конкретные данные о военных действиях, и невозможно допустить, чтобы, назвав Истому Пашкова, запись опустила имя Болотникова, если бы последний участвовал в битве под селом Троицким.

[1] *Белокуров*, стр. 89 и 146.

Библиотека "Руниверс"

Сопоставляя приведенную разрядную запись с рассказом «Нового Летописца», не трудно заметить зависимость летописного текста от разрядов. В той части рассказа, где говорится о посылке царем бояр с войском против «воров», автор «Нового Летописца» заменил перечень бояр разрядной росписи словами «все бояре», а запись о «бое» в селе Троицком включил в свой текст. Однако источником для рассказа «Нового Летописца» явилась не та редакция разрядных записей, которая приведена выше, а иная. В одной из разрядных книг имеется следующая запись: «Тое ж осени под Серпухов ходил на воров боярин князь Михайло Васильевич Шуйской, да боярин князь Борис Петрович Татев, да Ортемей Измайлов. И воры все: Ивашко Болотников, да Истома Пашков, да Юшка Беззубцов с резанцы, и с коширяны, и с тулены, и со всеми Украинными городы, з дворяны, и з детми боярскими, и з стрелцы, и с казаки с Коломны собрався пошли к Москве. И царь Василей послал противу их всех бояр и околничих, и думных дворян и Московских, и столников, и стряпчих, и жилцов, и приказных людей. И по общему греху тогда воры под селом (оставлен пробел для названия села. — *И. С.*) бояр побили и розганяли (вариант: «под селом под Заборьем бояр побили и розогнали»), что люди были не единомыслены, а воров было безчисленное множество; а которых дворян воры на бою поимали, и тех отвели в Путимль... А воры Болотников да Пашков с резанцы и всех городов со многими людми пришли под Москву, стали в Коломенском да в Заборье и во многих местех» [1]. Эта разрядная запись, несомненно, представляет собой более позднюю редакцию, чем рассмотренные выше записи о походах князя М. В. Скопина-Шуйского под Серпухов и князей Ф. И. Мстиславского и Д. И. Шуйского — под Коломну. Это видно и из фактических неточностей, имеющихся в данной записи (автор не знал названия села, где произошло сражение, или путал село Троицкое с селом Заборьем), и по языку, и по всему характеру записи, носящей следы литературной обработки первоначального текста (например, фраза: «люди были не единомыслены, а воров было безчисленное множество»). Обработка же эта заключалась в том, что две самостоятельные записи — о Серпуховском и Коломенском походах — оказались слитыми в одну, причем в результате этого слияния все изложение приобрело характер рассказа о единой цепи развивающихся событий.

Сравнивая текст «Нового Летописца» со второй из приведенных разрядных записей, можно констатировать, во-первых, еще бо́льшую близость между данной редакцией разрядных записей и текстом «Нового Летописца» и, во-вторых, то, что летописный рассказ представляет собой дальнейшую ступень литературной

[1] *Белокуров*, стр. 9, 10.

Библиотека "Руниверс"

обработки исходных документальных данных. Если в разрядной записи поздней редакции еще довольно ясно видны следы двух самостоятельных записей о разных событиях (отсюда бросающийся в глаза алогизм: М. В. Скопин-Шуйский «ходил на воров» под Серпухов, а «воры все»... пошли к Москве с Коломны!), то в «Новом Летописце» переработка текста гораздо органичнее: устранены всякие следы похода под Серпухов князя М. В. Скопина-Шуйского, и все изложение ведется в плане единого Коломенского похода против Истомы Пашкова и Болотникова. Однако и в тексте «Нового Летописца» сохранились признаки его происхождения: изъяв из своего рассказа все события, связанные с походом Болотникова от Калуги и Серпухова к Москве, «Новый Летописец» оказался вынужденным ввести в свое изложение имя Болотникова при помощи чисто искусственного приема — фразой: «и совокупишася с тем Ивашком Болотниковым за одно» и т. д., хотя в предшествующем тексте (в рассказе о сношениях рязанцев и тулян с Путивлем) о Болотникове ничего не говорится [1].

Итак, привлечение материала разрядных записей позволяет удовлетворительно объяснить происхождение версии «Нового Ле-

---

[1] На сложный состав текста рассказа «Нового Летописца» о Коломне указывает и самый характер изложения, очень неясного и сбитого. Так, фраза: «...и приидоша в Коломенской уезд, разогнаша многих дворян и стольников поимаша» — построена так, что не ясно, кто «приидоша» в Коломенский уезд: посланные к Коломне воеводы Василия Шуйского (как это следует из контекста) или восставшие (как это следовало бы понимать грамматически). Столь же сбито изложение вопроса о самой битве у села Троицкого. Упоминание о ней осталось лишь в названии главы («О приходе под Москву Болотникова и о побое под Троицким московским людем»). В тексте же главы о селе Троицком вовсе не упоминается.

Все отмеченные неясности текста рассказа «Нового Летописца» устранены в Латухинской Степенной книге, рассказ которой представляет собой компиляцию из «Нового Летописца» и «Иного Сказания». Взяв у «Иного Сказания» известие о занятии Болотниковым Серпухова, Латухинская Степенная книга следующим образом вводит это известие в схему событий «Нового Летописца»: «...И поставиша себе старейшину соловьянина сына боярского Истомку Пашкова и совокупишася со Ивашком Болотниковым к Серпухову приидоша и град той прельстиша. Оттуда же пришедше на Коломну и той град взяша и разориша. Недошедше же града Москвы за 50 поприщь и сташа. Царь же Василей посла против их бояр и посадских и служилых людей, они же в Коломенской уезд в село Троицкое приидоша. Тогда воры те пришедше и всех разгнаша» (Рукописное отделение Государственной Публичной библиотеки, F. IV, 597, л. 473). Итак, стремясь примирить известие о взятии Болотниковым Серпухова с версией «Нового Летописца» о соединении Болотникова с Истомой Пашковым, Латухинская Степенная книга находит выход в том, что заставляет Истому Пашкова объединиться с Болотниковым еще до взятия Серпухова и участвовать во взятии этого города.

Так, еще книжникам XVII в. бросались в глаза противоречия рассказа «Нового Летописца», и они пытались по-своему освободиться от них.

Стоит отметить, что Карамзин, приводя в своих примечаниях текст Латухинской Степенной книги, отбросил ее версию о Серпухове и начинает свою цитату со слов: «Оттуду же» и т. д. (*Карамзин*, т. XII, примеч. 76).

Библиотека "Руниверс"

тописца» об объединенном походе Болотникова и Истомы Пашкова от Коломны к Москве. Как мы видели, она явилась результатом литературной обработки первоначальных записей о двух самостоятельных комплексах событий и не имеет под собой реальной основы.

Но если рассмотренные нами разрядные записи содержат достаточно прочные данные о походе на Москву войска под начальством Истомы Пашкова, то они оставляют открытым вопрос о той группе войск, которую возглавлял сам Болотников, ничего не сообщая о ней после описания итогов боя на Пахре. Это обязывает нас продолжить рассмотрение вопроса о последнем этапе похода Болотникова на Москву.

Вопроса о последнем этапе похода Болотникова на Москву касается в своих записках и Исаак Масса. При этом Исаак Масса, в свою очередь, излагает ход событий так, как если бы Болотников принимал участие во взятии Коломны: «Болотников пошел со всем своим войском на Серпухов, лежащий в восемнадцати милях от Москвы, и сразу занял его, а также Коломну, город по реке Москве неподалеку от Оки, и стал станом против московского войска в двенадцати милях от Москвы» [1]. Но для правильного понимания этого свидетельства Исаака Массы необходимо учесть особенности изложения им событий восстания Болотникова. Дело в том, что Масса везде говорит о восставших как об едином целом, и Болотников всюду рассматривается им как руководитель всего восстания в целом; других же руководителей восстания (за исключением «царевича» Петра) Масса вовсе не упоминает. В частности, об Истоме Пашкове он при описании похода Болотникова на Москву не говорит ни разу. Единственное же упоминание имени Истомы Пашкова в записках Массы относится к рассказу об измене Истомы Пашкова в битве под Москвой, причем Истома Пашков изображается Массой как лицо, подчиненное Болотникову [2]. Итак, упоминание Массой имени Болотникова в рассказе о взятии Коломны не обязательно должно означать, что Болотников лично должен был быть под Коломной.

Но, приняв во внимание только что отмеченные особенности записок Исаака Массы, в его рассказе не трудно обнаружить наличие двух групп войск восставших, участвовавших в походе на Москву. Сообщив о взятии Болотниковым Серпухова, Масса дальнейший ход борьбы между Болотниковым и Василием Шуйским

---

[1] *И. Масса*, стр. 156.

[2] «Болотников прислал им на подмогу тридцать тысяч человек под начальством воеводы Истомы Пашкова». Подчиненное положение Истомы Пашкова по отношению к Болотникову Масса подчеркивает тем, что называет Истому Пашкова «overste», в то время как для определения положения Болотникова в лагере восставших употребляет термин «hooftman» (*И. Масса*, стр. 156 и 162).

*

Библиотека "Руниверс"

изображает следующим образом: «Меж тем московское войско вновь было разбито, и Болотников одержал верх и *послал со всей поспешностью отряд в десять тысяч человек прямо на Москву, намереваясь последовать за ним со всем войском*, и этот отряд скоро подошел к Москве на расстояние одной мили от нее, стал у речки Даниловки и занял селенье Загорье (Sagoria), которое тотчас укрепили шанцами (bescansten), и у них было несколько сот саней, и поставили их в два и в три ряда одни на другие, и плотно набили сеном и соломою, и несколько раз полили водою, так что все смерзлось как камень. И у них был также скот, быки и лошади, довольно на несколько дней и (они) *стали ожидать Болотникова с главным войском*» [1].

Итак, Масса отчетливо различает два момента в наступлении восставших на Москву: приход первой группы войск (которую он называет «отрядом») и затем приход остальных войск (которые Масса называет «главным войском», точнее: «всем войском», «gansten heyre») [2].

Исключительно важные данные о заключительном этапе похода Болотникова на Москву содержатся в «Ином Сказании». Значение рассказа «Иного Сказания» о рассматриваемом нами моменте восстания Болотникова вытекает из того, что автор этого рассказа обладал рядом очень подробных и точных сведений о восстании Болотникова. В свое время С. Ф. Платонов даже предполагал, что автор этого рассказа «был современником рассказанных им событий и писал вскоре после того, как они совершились» [3]. После пересмотра литературной истории «Иного Сказания» Е. Н. Кушевой, доказавшей, что «Иное Сказание» написано в 20-х годах XVII в. [4], соответствующие поправки должны быть внесены и в оценку, данную С. Ф. Платоновым рассказу о Болотникове. Но если автор этого рассказа писал его несколько позднее, чем предполагал С. Ф. Платонов, то и Е. Н. Кушева не оспаривает мнения С. Ф. Платонова, что автор «Иного Сказания» был современником царствования Василия Шуйского. Точно так же остается в полной силе и замечание С. Ф. Платонова, что если рассказ о восстании Болотникова и «не обличает в авторе полного знакомства со всеми подробностями описанного им времени», то вместе с тем «он иногда отличается такою точностью и мелочной подробностью в своих показаниях, какую мы можем предполагать только у очевидца или у человека, по свежим следам ознакомившегося с событием» [5]. К этой характеристике следует лишь доба-

[1] *И. Масса*, стр. 162. Курсив мой. — *И. С.*
[2] См. Rerum Ross. Script. Ext., т. II, стр. 112.
[3] *Платонов*, Сказания, изд. 2, стр. 64.
[4] *Е. Н. Кушева*, Из истории публицистики Смутного времени. Саратов 1926, стр. 63.
[5] *Платонов*, Сказания, стр. 64, 65.

Библиотека "Руниверс"

вить, что особенной полнотой и конкретностью отличается та часть рассказа о восстании Болотникова, которая посвящена осаде Москвы.

Столь же подробно и детально описывает автор и начальный момент осады Москвы — приход войск восставших в Коломенское. После приведенного уже нами выше текста о взятии Болотниковым Серпухова и сообщая о присоединении к восставшим калужан и коломлян, автор переходит к описанию последнего этапа похода Болотникова на Москву: «И ставше разбойницы и кровоядцы и отметники православныя христианския веры с великим собранием на Коломны и ополчившеся на Московское взятие и разрушение, и христианское кровопролитие готовляшеся. Царь же и государь великий князь Василей Ивановичь всеа Русии, видев сия, и посылает по всем градом и землям своея отчины войско собрати; противу же их множества разбойников посла многие воеводы со многими силами встречю им. Московские же воеводы такоже со многими силами встречю им пришедше и две брани с ними учинивше, и бысть бой велик и сеча зла. И многое множество падоша в тех двух бранех, не хотяше бо ни едино войско вспятитися, но тщашеся едино войско другаго вспятити, и не взмогоша и тако разыдошася. Московстии же воеводы паки к Москве возвратишася и град Москву затвориша и крепко утвердиша, и тако быша три недели, на брань противу их не исходиша, войские силы ждаху. Они же разбойницы, сие видевше, дерзновенне быша, и паки на Коломенское пришедше, и ту сташа, и острог в земли зело крепко учинивше» [1].

Таков рассказ «Иного Сказания». Наиболее важными известиями, содержащимися в нем, являются: 1) сообщение о двух битвах между войсками восставших и воеводами Шуйского в промежутке времени между взятием восставшими Серпухова и Коломны и приходом их к Москве; 2) признание того, что воеводам Шуйского не удалось в этих битвах разбить восставших и что воеводы вынуждены были отступить к Москве и сесть в осаду; 3) утверждение о двукратном приходе восставших под Москву, причем второй приход был отделен от первого трехнедельным промежутком.

Что касается первых двух из перечисленных известий, то оценка и восприятие их не составляют особых трудностей. Так, не может быть сомнений в том, что под двумя битвами, о которых говорит автор, следует разуметь «бой» на реке Пахре и сражение у села Троицкого. Точно так же нет оснований подвергать сомнению свидетельство «Иного Сказания» о том, что воеводы Шуйского «не взмогоша» разбить войско восставших. При открыто враждебном отношении автора к восставшим невозможно

[1] РИБ, т. XIII, стб. 99, 100.

Библиотека "Руниверс"

допустить, чтобы он тенденциозно исказил события в пользу восставших. Значительно сложнее обстоит дело с третьим известием «Иного Сказания» — о двукратном приходе войск восставших к Москве. Для того чтобы разобраться в этом известии, необходимо предварительно рассмотреть более общий вопрос: о времени прихода Болотникова под Москву.

В литературе общепризнанной датой прихода Болотникова под Москву является 12 октября 1606 г. Эту дату называет С. Ф. Платонов. Ее мы находим и у К. Н. Бестужева-Рюмина в его «Обзоре событий от смерти царя Иоанна Васильевича до избрания на престол Михаила Федоровича». Наконец, так же датирует приход Болотникова к Москве и Костомаров [1].

Однако дата «12 октября 1606 г.» не имеет под собой никаких оснований в источниках и является ошибочной. Ни С. Ф. Платонов, ни К. Н. Бестужев-Рюмин никак не обосновывают документально эту дату. С. Ф. Платонов, приводя ее в своем исследовании, ограничивается лишь ссылкой на «Обзор» Бестужева-Рюмина [2]. Но сам К. Н. Бестужев-Рюмин точно так же не называет никакого источника в обоснование такой датировки прихода Болотникова под Москву, сообщая лишь самую дату: «12 октября» [3]. Не обосновывает свою датировку времени прихода Болотникова под Москву и Костомаров.

Однако можно все же установить как происхождение этой даты, так и автора, впервые введшего ее в литературу.

Автором этим является Арцыбашев, причем основанием для такой датировки прихода Болотникова под Москву Арцыбашеву послужил дневник Паэрле. У Паэрле, действительно, имеется место, которое (будучи ошибочно истолковано) может дать основание для определения дня «12 октября» как времени прихода Болотникова в Коломенское. Место это следующее: «26 ноября, в воскресенье, во время обедни, ударили в набат; народ взволновался и бросился к Кремлю с ружьями и пищалями. Не зная, что случилось, мы немедленно взялись за оружие, стали по местам, под начальством своих ротмистров, и приготовились мужественно отразить насилие. Между тем явились приставы: они убеждали послов быть спокойными и ничего не опасаться. Когда же спросили: отчего волнуется народ? они отвечали, что перед городом показалась толпа самой ничтожной черни, непослушной великому

[1] *Платонов*, Очерки, стр. 333; *К. Н. Бестужев-Рюмин*, Обзор событий, ЖМНП, 1887, № 8, стр. 251; *Костомаров*, стр. 273. Соловьев вообще не датирует приход Болотникова под Москву. Карамзин называет время прихода — октябрь 1606 г., не уточняя даты (*Карамзин*, т. XII, стр. 23).

[2] *Платонов*, Очерки, примеч. 103.

[3] «Они разбили царское войско и остановились (12 октября) в Коломенском» (ЖМНП, 1887, № 8, стр. 251).

Библиотека "Руниверс"

князю, и что для усмирения посылают теперь войско. Мы, однако ж, скоро убедились, что бояре имели дело не с чернью, а с сильным войском, которое обложило Москву и стояло перед нею целые пять недель, так что в городе уже начали терпеть недостаток в съестных припасах, особенно в хлебе» [1].

Арцыбашев, называя в своем «Повествовании о России» дату «октября 12» для прихода Болотникова в Коломенское, обосновывает ее именно цитатой из Паэрле, снабжая приводимый им текст следующими комментариями: «26 ноября (комментарий Арцыбашева: «По нашему стилю 16»)... мы... убедились, что бояре имели дело... с сильным войском, которое обложило Москву и стояло перед нею целые пять недель» (комментарий Арцыбашева: «Следственно подступило к ней октября 12 числа») [2].

Итак, Арцыбашев понял текст Паэрле таким образом, что слова о стоянии под Москвой войска восставших в течение пяти недель относятся ко времени, предшествующему 26 ноября. Именно в этом случае мы получаем 12 октября как дату прихода Болотникова под Москву (26 ноября минус 35 дней дает 22 октября по новому стилю, или 12 октября по московскому календарю). Такое истолкование текста дневника Паэрле является, однако, совершенно ошибочным. Запись, цитированная нами, была сделана Паэрле не 26 ноября, а позднее, в самом конце декабря, уже после снятия осады Москвы Болотниковым. Свой рассказ об осаде Москвы Болотниковым Паэрле заканчивает сообщением об измене Истомы Пашкова, поражении Болотникова и отступлении его от Москвы, заключая описание событий фразой: «Вот все, что испытали мы и что случилось в Москве в продолжение нашего плена *до конца декабря 1606 г.* Боже милосердный, дай нам *встретить и провести новый год* радостно и счастливо» [3].

Ясно, таким образом, что, говоря о пятинедельной осаде Москвы Болотниковым, Паэрле имеет в виду весь период осады Москвы восставшими. Что же касается даты «26 ноября», то она представляет интерес только в плане биографии самого Паэрле, как день, когда он узнал об осаде Москвы Болотниковым. Принимая во внимание то, что Паэрле являлся иностранцем и находился под строгой охраной, нет ничего невероятного в том, что от него так долго скрывали положение дел в столице. Но затем, судя по его словам, ему удалось узнать более точно обо всем происходившем в Москве, в том числе получить точные сведения и о войске

---

[1] *Устрялов*, т. I, стр. 216.

[2] *Н. С. Арцыбашев*, Повествование о России, т. III, кн. V, 1843, стр. 153 и примеч. 848.

[3] *Устрялов*, т. I, стр. 217. Курсив мой. — *И. С.*

Библиотека "Руниверс"

восставших и о длительности осады ими Москвы [1]. В таком понимании текст Паэрле приобретает полную ясность, равно как снимается и недоуменный вопрос С. Ф. Платонова, отмечавшего, что Паэрле «странным образом ошибается почти на месяц» в определении «времени прихода мятежников к Москве» [2].

Дата «12 октября 1606 г.», как время прихода Болотникова под Москву, не может быть принята не только потому, что она основана на ошибочном истолковании текста дневника Паэрле, но и потому, что такая датировка противоречит данным других источников.

Бесспорным свидетельством более раннего, чем 12 октября 1606 г., прихода войск восставших под Москву является так называемая «Повесть о чудесном видении» протопопа Терентия. Повесть эта, являющаяся одним из многочисленных произведений агитационного характера, распространявшихся правительством Шуйского и церковными властями во время восстания Болотникова, изображает осаду Москвы восставшими крестьянами и холопами («нынешних лютых, на нас нашедших», по выражению автора «Повести») как проявление божьего гнева за грехи народа и властей [3]. Составленная придворным благовещенским протопопом Терентием [4], «Повесть», «по царскому велению», читалась в Московском Успенском соборе «вслух во весь народ, а миру собрание велико было» [5]. Затем был объявлен всеобщий «пост», «с октября с 14-го числа от понедельника да по октябрь же по 19-й день до недели» [6].

«Повесть о видении» была целиком включена в рассказ «Иного Сказания» о восстании Болотникова, причем автор «Иного Сказания» сообщает дополнительные данные для датировки «Повести»,

---

[1] Можно думать, что тревога в Москве 26 (16) ноября, описанная Паэрле, была связана с изменой Болотникову П. Ляпунова и переходом рязанцев на сторону Василия Шуйского.

А. Стадницкий в своем письме рассказывает об этом событии в выражениях, очень близких к рассказу Паэрле, датируя и самый переход рязанцев днем 26 ноября (по русским источникам, это имело место днем раньше — 15 (25) ноября). По словам А. Стадницкого, «рязанцы при въезде в город учинили большую тревогу». Но затем Шуйский «успокоился, по получении известия о покорности их; по случаю этой радости они, по своему обычаю, звонили в колокола и стреляли из орудий» (*S. Niemojewski*, стр. 188; русский перевод — стр. 177). Таким образом, А. Стадницкий сообщает даже такую деталь, как колокольный звон, который мог быть принят Паэрле за «набат».

[2] *Платонов*, Очерки, примеч. 103. Из этого замечания С. Ф. Платонова следует, между прочим, то, что ему осталось неизвестным происхождение даты «12 октября», основанной именно на свидетельстве Паэрле.

[3] РИБ, т. XIII, стб. 101—105 и 177—186.

[4] *Платонов*, Сказания, стр. 70—76.

[5] РИБ, т. XIII, стб. 177.

[6] Там же, стб. 178.

Библиотека "Руниверс"

указывая, что «явление сие бысть в царствующем граде Москве в лето 7115 октября в 12 день» [1].

С. Ф. Платонов, рассматривая вопрос о времени написания «Повести», несколько наивно пишет: «...Видение «духовна мужа» записано было Московским Благовещенским протопопом Терентием в 1606 году ранее 14 октября. Из других же источников знаем, что самое видение имело место 12 октября. Стало быть, между этими числами протопоп Терентий и составил свой рассказ» [2]. Если мы, однако, откажемся от предпосылки реальности «чудесного видения», о котором идет речь в «Повести» протопопа Терентия, то мы должны будем несколько удлинить во времени процесс составления «Повести», т. е. отнести ее написание ко времени *до* 12 октября. Отсюда следует, что осада Москвы войсками Болотникова началась еще раньше, ибо «Повесть» исходит уже из факта осады. С этим вполне согласуется и то, что автор «Иного Сказания» поместил «Повесть о видении» уже после изложения событий, связанных с приходом войска восставших к Москве.

Таким образом, дата «12 октября 1606 г.» должна быть оставлена. Есть, однако, возможность попытаться иным путем определить время прихода Болотникова к Москве.

Свидетельство Паэрле о *пятинедельной* осаде Болотниковым Москвы кажется на первый взгляд совершенно не заслуживающим доверия. В самом деле, дата прекращения осады Москвы Болотниковым — 2 декабря 1606 г. — является документально установленной [3]. Исходя из этой даты, мы, основываясь на свидетельстве Паэрле, получили бы дату начала осады — 28 октября 1606 г. (2 декабря минус 35 дней дает 28 октября), что явно исключается по приведенным выше соображениям. Но вопрос о «пятинедельной осаде» Москвы оказывается гораздо сложнее и серьезнее, чем это представляется сначала. Дело в том, что именно такую продолжительность осады Москвы Болотниковым называют разрядные книги.

В большинстве разрядных книг сведения о длительности осады Москвы Болотниковым отсутствуют. Но в двух редакциях разрядных книг имеется следующая (совпадающая текстуально в обеих редакциях) запись: «Во 115 году приходил под Москву вор Ивашко Болотников, а с ним Донские и Волские казаки, а хотел Московское государство разорить и сто(я)л под Москвою пять недель, и в Заборье был осажен, и из Заборья побежал на Тулу: а тогда помощь учинили Московскому государству Смольняне.

[1] РИБ, т. XIII, стб. 105.
[2] *Платонов*, Сказания, стр. 72.
[3] Царскими грамотами. См, ААЭ, т. II, № 60; СГГиД, т. II, № 150, 151.

Библиотека "Руниверс"

А на Туле был вор Петрушка, что было назвался царевичем Петром» [1].

Таким образом, свидетельство Паэрле получает неожиданную поддержку, и притом исключительно серьезную поддержку. Ибо уже самый характер такого источника, как разрядная книга, заставляет относиться с особым вниманием к содержащимся в нем сведениям. Полное же совпадение разрядной записи о стоянии Болотникова под Москвой с показаниями Паэрле тем более исключает возможность квалификации известия о пятинедельной осаде Москвы Болотниковым как простой ошибки.

Я полагаю, что ключ к разрешению вопроса о времени и продолжительности осады Москвы Болотниковым дает «Иное Сказание». Автор «Иного Сказания», как мы видели, указывает, что, отступив к Москве и затворившись в ней, воеводы Василия Шуйского в течение долгого времени не выходили «на брань» против «разбойников», ожидая подкреплений, — «и тако быша три недели». Такая пассивность воевод имела своим результатом то, что «разбойницы, сие видевше, дерзновенне быша, и паки на Коломенское пришедше, и ту сташа, и острог в земли крепко учинивше». Таким образом, по «Иному Сказанию», события развивались следующим образом. После двух неудачных битв воеводы Шуйского отступили к Москве и заперлись в ней. *В свою очередь войско восставших подошло к Москве и осадило ее.* Правда, автор «Иного Сказания» прямо не говорит о движении войска восставших к Москве вслед за отступившими воеводами, но это с бесспорностью вытекает из всей нарисованной им картины. Без нахождения под Москвой войск восставших было бы бессмысленно запираться на три недели в московских стенах. Наличие войска восставших под Москвой предполагает и фраза о том, что заперевшиеся в Москве воеводы «на брань против их (т. е. восставших. — *И. С.*) не исходиша».

Наконец, через три недели после прихода под Москву первого войска восставших, туда пришло новое их войско: «разбойницы паки (т. е. опять. — *И. С.*) на Коломенское пришедше».

Такова схема, содержащаяся в «Ином Сказании». Бросается в глаза то, что эта схема полностью совпадает с версией, которую развивают Исаак Масса и Буссов. Но в данном случае для нас интересен не самый факт двух последовательных приходов к Москве войск восставших, свидетельствуемый «Иным Сказанием», а известие о том, что между приходом первой части войск восставших и вторым их приходом имелся промежуток времени в три недели.

---

[1] *Белокуров*, стр. 226 и 229. Наличие этого известия в двух различных редакциях разрядных книг указывает на общий источник, из которого взята приведенная запись.

Библиотека "Руниверс"

Сопоставляя с этим известием «Иного Сказания» сообщение Паэрле и разрядных книг о пятинедельной осаде Москвы Болотниковым, можно сделать следующее предположение: не принимают ли Паэрле и разрядные книги за исходный пункт в своих расчетах приход под Москву *второй* группы войск восставших? Такое толкование свидетельства Паэрле и разрядных книг представляется мне вполне возможным и правомерным. Ибо, если допустить возможность не одновременного, а двукратного прихода войск восставших к Москве, следует признать и то, что осада Москвы в полном смысле этого слова началась именно с момента окончательного сосредоточения всех войск восставших подМосквой. Вместе с тем, приняв пятинедельную продолжительность осады Болотниковым Москвы, начиная с момента вторичного прихода войск восставших к Москве, мы на основании данных «Иного Сказания» получаем для всего времени нахождения под Москвой войск восставших период в восемь недель. Иными словами, приход первых отрядов войск восставших под Москву падает в таком случае на время около 7 октября 1606 г. (2 декабря минус 56 дней дает 7 октября) [1].

Такое толкование свидетельства Паэрле и разрядных книг разрешает противоречия в источниках по вопросу о продолжительности осады Москвы Болотниковым и очень хорошо увязывается с другими событиями. В самом деле, ближайшей хронологической вехой, относящейся к походу Болотникова на Москву, является день битвы на Угре, т. е. 23 сентября 1606 г. Принимая за дату прихода к Москве первой группы войск восставших день 7 октября 1606 г., мы получаем такое распределение событий во времени, при котором между битвой на Угре и приходом войска восставших к Москве оказывается промежуток в две недели — срок, вполне достаточный для тех событий, которые источники относят к этому периоду (взятие Алексина и Серпухова, сражения на Лопасне, Пахре и у села Троицкого). С другой стороны, с такой датировкой прихода войск восставших под Москву вполне согласуется и время появления «Повести» протопопа Терентия (для составления которой оказывается достаточное количество времени: около недели) [2].

---

[1] С. Шаховской в своих «Записках» датирует приход войск восставших под Москву в общей форме: «После Покрова», т. е. после 1 октября 1606 г.: «Во 115 году. После Покрова пришли под Москву Северских городов люди под водительством холопа князя Андрея Телятевского Ивашки Болотникова, и их под Москвою божиим промыслом побили» («Московский вестник», ч. V, 1830, стр. 62).

[2] Может встать вопрос: нельзя ли истолковать свидетельство «Иного Сказания» о трехнедельном сидении воевод Василия Шуйского в Москве таким образом, что здесь имеется в виду промежуток времени между отступлением воевод Шуйского к Москве после сражения у села Троицкого и приходом к Москве войск Болотникова вообще. Иными словами: не обстояло ли

Библиотека "Руниверс"

Мы можем теперь подвести некоторые итоги рассмотрения показаний источников по вопросу о последнем этапе похода Болотникова под Москву.

Первое и основное, что можно констатировать в результате рассмотрения всей совокупности источников, — это сохранение и на последнем этапе похода двух направлений наступления (по Серпуховской и по Коломенской дорогам) и двух наступающих на Москву армий (Болотникова и Истомы Пашкова).

Наличие двух групп войск, участвовавших в наступлении на Москву, признают все наиболее важные источники, как русские (разрядные книги, «Иное Сказание»), так и иностранные (Исаак Масса, Буссов). Данные же разрядов позволяют локализовать район действий этих групп войск и вместе с тем связать каждую из групп, соответственно, с Болотниковым и Истомой Пашковым. Таким образом, в противовес существующей в литературе точке зрения момент соединения войск Болотникова и Истомы Пашкова следует отнести к более позднему времени: оно произошло не у Коломны, а уже под Москвой. Что же касается противоположной версии, представленной «Новым Летописцем», то, как мы видели, она возникла как результат позднейшей литературной перера-

---

дело так, что в течение этих трех недель под Москвой вообще не было войска восставших, а слова «Иного Сказания»: «разбойницы... паки на Коломенское пришедше», имеют в виду приход войск Болотникова впервые? На этот вопрос следует дать отрицательный ответ. К такому заключению приводит не только формальный анализ текста («паки пришедше» значит: опять пришли), но и рассмотрение данного известия «Иного Сказания» по существу. Если бы мы приняли рассматриваемое известие «Иного Сказания» за свидетельство о первом появлении войска Болотникова под Москвой, то (независимо от решения вопроса о точном времени прихода войска Болотникова к Москве) это известие надо было бы рассматривать как относящееся к событиям, имевшим место не позднее десятых чисел октября (беря условно за дату прихода Болотникова к Москве время появления «Повести» протопопа Терентия, т. е. 12—14 октября 1606 г.). Но в таком случае момент отступления воевод Шуйского к Москве и их решение запереться в столице и никуда из нее не выходить («войские силы ждаху») надо было бы отнести ко времени, отделенному от десятых чисел октября трехнедельным промежутком, т. е. ко времени около 20 сентября. Этот хронологический расчет показывает полную невозможность такой трактовки рассматриваемого известия «Иного Сказания». В самом деле, воеводы Шуйского не только не заперлись 20 сентября в Москве, но 23 сентября произошла лишь битва под Калугой, после которой имели место еще такие события, как взятие Болотниковым Алексина и Серпухова, поход князя Кольцова-Мосальского на Лопасну, «осенний поход» князя Скопина-Шуйского и «бой» на Пахре, не говоря уже о сражении у села Троицкого.

Таким образом, единственно возможное истолкование известия «Иного Сказания» — это рассматривать его как свидетельство о двукратном приходе войска восставших к Москве, с трехнедельным промежутком между первым и вторым приходом.

Вместе с тем, самый характер известия о «трех неделях» (точность и конкретность его) говорит в пользу достоверности этого известия «Иного Сказания».

Библиотека "Руниверс"

ботки данных, содержащихся в разрядных книгах, переработки, сущность которой состояла в сведéнии в одно целое записей разрядных книг о двух рядах событий. Поэтому «Новый Летописец» не может быть положен в основу изложения событий последнего этапа похода Болотникова на Москву.

Второй момент, отмеченный источниками, — это неодновременность прихода всех войск восставших под Москву. Данное положение также с бесспорностью вытекает из сопоставления свидетельств источников.

Наконец, третий вывод, который подлежит сделать из рассмотрения данных источников о последнем этапе похода Болотникова на Москву, — это то, что первыми под Москву пришли войска Истомы Пашкова и рязанцы, Болотников же со своим войском присоединился к осаждавшим Москву войскам позднее, через три недели (если взять свидетельство «Иного Сказания»).

Но такое решение вопроса о времени прихода Болотникова под Москву требует в свою очередь ответа на вопрос о том, где находился Болотников в промежуток времени между «боем» на реке Пахре и приходом к Москве, в Коломенское.

Для решения этого вопроса необходимо обратиться к рассмотрению обстановки, характеризующей положение в городах к западу от Москвы.

Ноябрьские (1606 г.) грамоты Василия Шуйского и патриарха Гермогена свидетельствуют о широком распространении борьбы в районе городов к западу от Москвы. В этих грамотах приводится длинный список городов, которые «пошаталися» и примкнули к восстанию Болотникова. Так, царская грамота в Свияжск от 25 ноября 1606 г. называет в числе городов, которые «боясь от воров убийства и грабежу пошаталися», — Вязьму, Можайск, Рузу, Мещовск, Медынь, Верею, Серпейск, Звенигород, Боровск [1]. В своей совокупности эти города образуют значительный район, расположенный к западу и юго-западу от Москвы. Вторая из грамот, содержащая сведения о положении в городах к западу от Москвы, — грамота патриарха Гермогена от конца ноября 1606 г., — расширяет территорию, задетую восстанием, вплоть до тверских пригородов, добавляя к «пошатнувшимся» городам Ржев, Зубцов, Старицу и Погорелое Городище, а также Можайск и Волок [2].

Характерной особенностью борьбы в городах к западу от Москвы являлось то, что их присоединение к восстанию происходило после прихода в этот район войска восставших и под прямым его воздействием. С. Ф. Платонов, касаясь вопроса о

[1] «Костромская старина». Сборник, издаваемый Костромской ученой архивной комиссией, вып. III, Кострома 1894, стр. 4, 5 (в дальнейших ссылках: «Костромская старина»).

[2] ААЭ, т. II, № 58.

Библиотека "Руниверс"

распространении восстания Болотникова на район к западу от Москвы, изображает дело так, как будто «тяглое и служилое население этих мест было просто увлечено именем Димитрия, с которым являлись туда отряды из мятежных войск» [1]. Для нас, однако, совершенно недостаточно общей ссылки на «отряды из мятежных войск», ибо основной интерес заключается в том, чтобы выяснить, что собой представляли эти «отряды», появившиеся к западу от Москвы, — в районе Ржева и Старицы, Вязьмы и Можайска, Боровска и Волоколамска.

Наиболее важное свидетельство о связи возникновения восстания в рассматриваемом районе с приходом туда войска восставших содержится в грамоте патриарха Гермогена, сообщающей о том, что «приходили те богоотступники, и разбойники, и злые душегубцы и сквернители к государевой вотчине ко граду Твери, и во Тверском уезде служивых и всяких людей привели ко кресту силою». В этой же грамоте прямо говорится и о том, что «околние тамошних градов люди... устрашася их злых мучителей, преступили крестное целование, целовали по их велению крест неведомо кому, Ржева, Зубцов, Старица, Погорелое городище» [2]. Как мы видели, царская грамота в Свияжск объясняет переход на сторону Болотникова Вязьмы и других перечисленных уже нами городов также боязнью «от воров убивства и грабежу», т. е. опять-таки ставит присоединение этих городов к восстанию в связь с приходом сюда войска восставших. Однако уже самые масштабы того района к западу от Москвы, который оказался втянутым в движение Болотникова после прихода туда войска восставших, заставляют поставить под сомнение квалификацию этого войска как отдельных «отрядов», посылавшихся из «мятежного войска» для привлечения названных городов на сторону восстания. К тому же заключению, что перед нами не «отряды», а гораздо более крупные силы, ведет и содержащееся в грамоте Гермогена описание сражения под Тверью между восставшими и сторонниками Василия Шуйского, где для обозначения войска восставших употреблено такое выражение, как «скоп» («много злой их проклятой скоп побили»), что подразумевает значительное скопление войска восставших.

Ни С. Ф. Платонов, ни другие исследователи не ставили вопроса о том, что́ это за войско появилось в городах к западу от Москвы и в каком отношении оно находится к остальным силам восставших, наступавших на Москву. Я полагаю, однако, что события в городах к западу и юго-западу от Москвы следует связать с судьбой той части войска восставших, которая наступала на Москву по Серпуховской дороге и во главе которой стоял сам

[1] *Платонов*, Очерки, стр. 327, 328.
[2] ААЭ, т. II, № 58.

Библиотека "Руниверс"

Болотников. Мне представляется наиболее вероятным, что после «боя» на Пахре между Болотниковым и М. В. Скопиным-Шуйским Болотников повернул не на юго-восток, не к Коломне, а на юго-запад — к Можайску, Звенигороду, Волоколамску... Именно продвижение сюда крупных сил, бывших под воеводством Болотникова, привело к быстрому распространению восстания на весь район городов, примыкавших к Москве с запада и юго-запада. Вместе с тем предположение, что Болотников после боя на Пахре пошел на юго-запад от Москвы, дает ответ на вопрос, где находился Болотников в промежуток времени между боем на Пахре и приходом его в Коломенское.

Правда, ни грамота Василия Шуйского, ни грамота Гермогена не упоминают имени Болотникова, говоря лишь в общей форме о «ворах» и «разбойниках», но это — обычный литературный прием официальных царских и патриарших грамот.

Но те более конкретные данные, которые можно извлечь из источников относительно войска восставших, пришедшего в район городов к западу от Москвы, сближают это войско по его составу именно с войском Болотникова. Так, записи в приходо-расходных книгах Иосифо-Волоколамского монастыря, говоря о событиях, связанных с действиями войска восставших в районе Волоколамска, все время называют это войско «казаками», причем самое появление этого войска обозначается как «казачей приход» [1]. Одна из записей книги Иосифо-Волоколамского монастыря отмечает расход из монастырской казны в 10 рублей, данных двум казачьим головам «от того, чтоб монастырских сел не жгли и людей не губили» [2]. Эту запись следует сопоставить с сообщением царской грамоты звенигородским посадским старостам и целовальникам от 13 февраля 1607 г., в которой излагается челобитье Василию Шуйскому игумена Саввина-Сторожевского монастыря в Звенигородском уезде о том, что «монастырь и монастырьския их деревнишка, приехав с Веземы, Северских городов воры розорили, монастырьския казенные денги, и лошади, и всякое монастырьское строение и хлеб поимали и его игумена Исаия с братьею ограбили и огнем жгли» [3]. Итак, «казаки» приходо-расходных книг Иосифо-Волоколамского монастыря в челобитье игумена Саввина-Сторожевского монастыря прямо названы пришедшими из «Северских городов», т. е. так, как обычно называются в источниках участники похода Болотникова [4]. Что касается времени

[1] *Г. Н. Бибиков*, Новые данные о восстании Болотникова, «Исторический архив», т. I, стр. 12, 13.

[2] Там же, стр. 12.

[3] ААЭ, т. II, № 68.

[4] С этими данными русских источников вполне согласуется сообщение, сделанное по приказу Льва Сапеги князю Г. Волконскому и А. Иванову о том, что, по донесению оршанского старосты А. Сапеги, «северяне собрався

Библиотека "Руниверс"

прихода в район городов к западу от Москвы войска восставших (Болотникова), то наиболее ранняя запись в волоколамских приходо-расходных книгах, упоминающая о «казаках», относится к 13 октября 1606 г.; в этот день «ездил на Волок старец Илья, и изошло у него на корм казаком 8 рублев 29 алтын 3 денги» [1].

Такая датировка прихода в Волоколамск «казаков» вполне согласуется с нашим предположением, что войско Болотникова продвинулось в район городов к западу от Москвы после «боя» на Пахре (который можно датировать, вероятнее всего, самым концом сентября 1606 г., учитывая, что битва на Угре была 23 сентября).

В кругу вопросов, относящихся к последнему этапу похода Болотникова на Москву, самостоятельное место занимает вопрос о рязанских полках. С. Ф. Платонов считает, что «рязанские полки Сумбулова и Ляпунова» сошлись с Болотниковым «на последних маршах к Москве» [2]. Мы, однако, уже отмечали, что такое решение вопроса о рязанцах должно быть пересмотрено. В частности, мы констатировали, что данные разрядных книг заставляют предполагать присутствие рязанцев — служилых людей в войске Истомы Пашкова (рязанцы во главе с Г. Сумбуловым из полков И. М. Воротынского) — задолго до Коломны. Но вместе с тем можно считать вероятным, что приход Истомы Пашкова к Коломне способствовал новому притоку рязанцев в его войско. По-видимому, именно к этому моменту следует отнести присоединение к войску Истомы Пашкова Прокофия Ляпунова (которого мы видели правящим на Рязани). Источники, однако, не дают возможности итти в этом вопросе дальше предположений, ибо единственным источником, сообщающим о П. Ляпунове, для этого момента является «Карамзинский Хронограф», известие которого носит слишком общий характер («у резаньцев воеводы Григорий Федоров сын Сунбулов да Прокофий Петров сын Ляпунов») [3].

К моменту прихода войск восставших к Москве обстановка в стране представляла собой картину почти всеобщего восстания. Мы уже при рассмотрении последовательных этапов похода Болотникова на Москву отмечали все большее расширение территории восстания, присоединение к Болотникову новых городов и областей. Но далеко не для всех городов источники дают возможность установить точное время присоединения их к восстанию. Этот

и с ними казаки донские ходили войною и взяли было Дорогобуж и Вязьму, и Можайск, и Борисов город на Боранове, и Вязему» (Сб. РИО, т. 137, стб. 360). Здесь также войско восставших, действовавшее в районе Дорогобужа, Вязьмы и Можайска, называется «северянами», что ведет именно к Болотникову.

[1] «Исторический архив», т. I, стр. 12.

[2] *Платонов*, Очерки, стр. 333.

[3] *А. Попов*, Изборник, стр. 332.

Библиотека "Руниверс"

вопрос не может быть разрешен и картографическим путем. Иначе говоря, местонахождение данного города на пути движения Болотникова на Москву не дает еще само по себе права считать, что продвижение Болотникова за данный город по направлению к Москве означает присоединение этого города к восстанию. Ошибочность такого приема очень хорошо можно продемонстрировать на примере Карачева, который еще в сентябре 1606 г. оставался под властью Василия Шуйского, пославшего туда нового воеводу, хотя в это время Карачев находился уже далеко позади Болотникова, приближавшегося к Калуге.

Поэтому общую характеристику территории, охваченной восстанием, приходится давать суммарно, без конкретизации вопроса о времени присоединения того или иного города к Болотникову, условно относя эту характеристику ко времени осады Болотниковым Москвы, хотя в большинстве городов восстание, несомненно, началось раньше, а в отношении некоторой части городов можно допустить и обратное.

Источники позволяют наметить лишь в самых общих чертах процесс распространения восстания. Оставляя в стороне памятники литературные («Иное Сказание», «Сказание Авраамия Палицына», «Повесть» князя И. А. Хворостинина и др.), где район восстания определяется не по периодам, а для всего восстания в целом, можно привлечь для изучения динамики расширения территории восстания данные разрядных книг.

По материалам разрядных книг можно наметить два основных этапа в расширении территории восстания. Первоначальный район восстания разрядные книги ограничивают рамками Северских, Польских и Украинных городов [1]. При этом район названных городов был охвачен восстанием не сразу. Так, из Украинных городов лишь о Кромах можно говорить как о первоначальном районе восстания, большинство же Украинных городов (как это видно из изложенного выше) — Новосиль, Орел, Карачев, Тула — примкнуло к восстанию позднее.

Вторым этапом в расширении территории восстания Болотникова явилось распространение восстания на всю область Украинных городов, а также на «Береговые» и рязанские города.

Отступление князя Ю. Н. Трубецкого от Кром привело к тому, что «во всех Украинных городех учинилась измена» [2], а поражение И. И. Шуйского под Калугой имело своим результатом

[1] «... в Польских, Украинных и Северских городах люди смутились» (*Белокуров*, стр. 8); «... своровали путимцы, да рыляне, да Комарицкие волости мужики» (там же, стр. 42); «... своровали пу[ти]вльцы, да рыляне, да Комарицкая волость» (там же, стр. 178); «... в Украинных, Полских и в Северских городах учинилася прелесть и смута» (*А. Попов*, Изборник, стр. 331).

[2] *Белокуров*, стр. 9.

Библиотека "Руниверс"

то, что к Украинным городам присоединились и города «Береговые»: «...все городы Украинные и Береговые отложились и в людех стала смута» [1]. С другой стороны, поражение князя И. М. Воротынского под Ельцом и его отступление через Тулу к Москве сопровождалось распространением восстания на «Зарецкие» города, т. е. на Рязанско-Тульский район: «...городы Зарецкие все заворовалися, целовали крест Вору» [2].

Данные об отдельных городах подтверждают эту суммарную характеристику. Вместе с тем привлечение этих данных позволяет сделать вывод о том, что территория, охваченная восстанием Болотникова, была шире, чем та, которая очерчивается разрядными книгами.

Используя все то, что сохранилось в источниках об участии отдельных городов в восстании Болотникова, можно составить следующий список городов, принимавших в той или иной степени участие в восстании Болотникова, группируя эти города по основным областям, на которые делилась в XVI—XVII вв. территория Русского государства. При этом, как отмечено выше, мы включаем в этот список *все города*, независимо от того, в связи с каким периодом восстания Болотникова упоминается в источниках об участии данного города в восстании, т. е. критерием для внесения того или иного города в данный список является самый факт участия этого города в восстании на стороне Болотникова, независимо от времени, к какому относится упоминание в источниках о данном городе (хотя, повторяем, есть все основания считать, что к октябрю 1606 г. основная масса городов, участвовавших в восстании Болотникова, уже успела примкнуть к лагерю восставших).

СПИСОК ГОРОДОВ, УЧАСТВОВАВШИХ В ВОССТАНИИ БОЛОТНИКОВА

№ п/п	Название города	Источник
	I. Северские города	
1	Брянск	Об участии Брянска см. выше в тексте, стр. 163. Брянск называет в числе «городов, участвовавших в восстании», *И. Масса* (цит. изд., стр. 168); также ААЭ, т. II, № 76; Акты Юшкова, № 271.
2	Стародуб	РИБ, т. XIII, стб. 99; ПСРЛ, т. XIV, стр. 70.

[1] *Белокуров*, стр. 9.
[2] Там же, стр. 156.

Библиотека "Руниверс"

Продолжение

Название города	Источник
Севск (Комарицкая волость)	См. в тексте, стр. 110. Также *Белокуров*, стр. 42 и 178; *И. Масса*, стр. 153.
Новгород-Северский	ПСРЛ, т. XIV, стр. 70; *И. Масса*, стр. 168.
Рыльск	*Белокуров*, стр. 42, 178; РИБ, т. XIII, стб. 99; *И. Масса*, стр. 168; ААЭ, т. II, № 74 (упоминаются «Рыльские отаманы и казаки»).
Путивль	См. в тексте, стр. 96. Также *Белокуров*, стр. 9, 42, 84 и др.; *А. Попов*, Изборник, стр. 335; ПСРЛ, т. XIV, стр. 70; РИБ, т. XIII, стб. 99; *И. Масса*, стр. 168.
Чернигов	ПСРЛ, т. XIV, стр. 70; РИБ, т. XIII, стб. 99; *И. Масса*, стр. 168.
Почеп	*И. Масса*, стр. 168.
Моравск (Муромск, Монастырище)	РИБ, т. XIII, стб. 99; *И. Масса*, стр. 168 (о различных названиях этого города см. *Платонов*, Сказания, стр. 280).
II. Города «от Литовской Украины»	
Дорогобуж	Участие Дорогобужа в восстании устанавливается свидетельством «Нового Летописца», что смольняне, идя к Москве во время ее осады Болотниковым, «очистиша (от «воров».—*И. С.*) Дорогобуж и Вязму» (ПСРЛ, т. XIV, стр. 72).
Вязьма	*Белокуров*, стр. 9; ПСРЛ, т. XIV, стр. 72; «Костромская старина», вып. III, стр. 4, 5.
Рославль	*И. Масса*, стр. 168. Участие Рославля в восстании документально подтверждается грамотой рославльского воеводы князя Д. В. Мосальского в Мстиславль с призывом оказать поддержку «царю Дмитрею Ивановичу» и «царевичу Петру Федоровичу» (АИ, т. II, № 75).

Библиотека "Руниверс"

Продолжение

Название города	Источник
III. Тверские пригороды	
Ржев Зубцов Старица Погорелое Городище	Участие тверских пригородов в восстании устанавливается на основании грамоты патриарха Гермогена от конца ноября 1606 г., в которой говорится, что «Ржев, Зубцов, Старица и Погорелое Городище» «преступили крестное целование» и перешли на сторону восставших (ААЭ, т. II, № 58).
IV. Заоцкие города	
Калуга	См. в тексте, глава VIII. Также *Белокуров*, стр. 9 и 156; СГГиД, т. II, № 150 и 151; ААЭ, т. II, № 60; РИБ, т. XIII, стб. 99; *И. Масса*, стр. 168.
Козельск	СГГиД, т. II, № 150 и 151; ААЭ, т. II, № 60; ПСРЛ, т. XIV, стр. 73, 74; *И. Масса*, стр. 168.
Лихвин	*Белокуров*, стр. 9; СГГиД, т. II, № 150 и 151; ААЭ, т. II, № 60.
Медынь	СГГиД, т. II, № 150 и 151; ААЭ, т. II, № 60; «Костромская старина», вып. III, стр. 4, 5.
Мещовск (Мезецк)	СГГиД, т. II, № 150 и 151; ААЭ, т. II, № 60.
Перемышль	*И. Масса*, стр. 168.
Серпейск	«Костромская старина», вып. III, стр. 4, 5.
V. Береговые города	
Волок Ламский	Основной материал о Волоке Ламском (и Иосифо-Волоколамском монастыре) содержат приходо-расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря («Исторический архив», т. I, стр. 12 и след.). Также грамота патриарха Гермогена от конца ноября 1606 г., в которой сообщается, что воевода В. Шуйского И. Ф. Крюк-Колычев очистил «от тех воров Волок и Иосифов Монастырь и прочие окрестные грады и села» (ААЭ, т. II, № 58).

Библиотека "Руниверс"

Продолжение

Название города	Источник
Можайск	*Белокуров*, стр. 9; «Костромская старина», вып. III, стр. 4, 5.
Боровск	СГГиД, т. II, № 150 и 151; ААЭ, т. II, № 60.
Малый Ярославец	СГГиД, т. II, № 151; ААЭ, т. II, № 60.
Серпухов	ПСРЛ, т. XIV, стр. 73; РИБ, т. XIII, стб. 99.
Кашира	*Белокуров*, стр. 42; СГГиД, т. II, № 150 и 151; ААЭ, т. II, № 60; *А. Попов*, Изборник, стр. 332; *И. Масса*, стр. 168.
Верея	«Костромская старина», вып. III, стр. 4, 5.
Звенигород	«Костромская старина», вып. III, стр. 4, 5; ААЭ, т. II, № 68.
Руза	СГГиД, т. II, № 151; ААЭ, т. II, № 60; «Костромская старина», т. III, стр. 4, 5.
Коломна	СГГиД, т. II, № 150 и 151; ААЭ, т. II, № 60; *Белокуров*, стр. 9—10, 89, 146; РИБ, т. XIII, стб. 99; ПСРЛ, т. XIV, стр. 72; *И. Масса*, стр. 168.
VI. Украинные города	
Алексин	СГГиД, т. II, № 150 и 151; ААЭ, т. II, № 60; *Белокуров*, стр. 185; *А. Попов*, Изборник, стр. 332 и 337; *И. Масса*, стр. 168.
Болхов	СГГиД, т. II, № 150; *И. Масса*, стр. 168.
Белев	СГГиД, т. II, № 150, 151; ААЭ, т. II, № 60.
Дедилов	*Белокуров*, стр. 91, 118, 158; *А. Попов*, Изборник, стр. 334; *И. Масса*, стр. 168.
Карачев	*Белокуров*, стр. 142, 213; ПСРЛ, т. XIV, стр. 74.

Библиотека "Руниверс"

Продолжение

Название города	Источник
Крапивна	Участие Крапивны устанавливается на основании разрядных записей: «Из пот Тулы посыланы под Крапивну воеводы: кн. Ю. П. Ушатой да кн. С. Кропоткин для войны» (*Белокуров*, стр. 12); «Из-с-под Тулы ж посылан был от царя Василья под Крапивну воевода кн. Д. И. Мезетцкой да Ф. И. Леонтьев, и Крапивну и Одоев взяли» (там же, стр. 12; ср. также *Белокуров*, стр. 46).
Одоев	*Белокуров*, стр. 12 и 46 («...Кропивну и Одоев очистили»).
Новосиль	*Белокуров*, стр. 156; *И. Масса*, стр. 168.
Орел	*Белокуров*, стр. 9; *И. Масса*, стр. 168.
Мценск	*Л. Сухотин*, Четвертчики Смутного времени, стр. 266.
Тула	См. в тексте, глава X.
Кромы	*Белокуров*, стр. 42; ПСРЛ, т. XIV, стр. 71; РИБ, т. XIII, стб. 99.
VII. Рязанские города	
Переяславль-Рязанский	См. в тексте, стр. 171. Также СГГиД, т. II, № 150 и 151; ААЭ, т. II, № 60; *Белокуров*, стр. 89 и 146; *А. Попов*, Изборник, стр. 331, 332; РИБ, т. XIII, стб. 99; *И. Масса*, стр. 168.
Зарайск	*А. Попов*, Изборник, стр. 331.
Михайлов	Участие Михайлова устанавливается на основании царской грамоты от 15 октября 1607 г., в которой говорится, что в «Рязанском уезде во многих местех наши изменники воры, пронские и михайловские мужики, воюют» (Акты Юшкова, № 272; также ААЭ, т. II, № 76; ПСРЛ, т. XIV, стр. 73; *И. Масса*, стр. 168).
Пронск	Акты Юшкова, № 272.

Библиотека "Руниверс"

Продолжение

№ п/п	Название города	Источник
50	Серебряные Пруды	*Белокуров*, стр. 44, 185, 206; *А. Попов*, Изборник, стр. 334; *И. Масса*, стр. 168.
51	Венев	*Белокуров*, стр. 142, 206, 213; *А. Попов*, Изборник, стр. 332; ПСРЛ, т. XIV, стр. 73; *И. Масса*, стр. 168.
52	Гремячей	Участие Гремячего устанавливается на основании разрядной записи о том, что из-под Тулы, во время ее осады Василием Шуйским, «под Гремячей посланы Федор Булгаков да Прокофей Ляпунов» (*Белокуров*, стр. 12).
53	Ряжск	Акты Юшкова, № 272; ААЭ, т. II, № 276; *И. Масса*, стр. 168.
54	Сапожок	ААЭ, т. II, № 76.
55	Песошно	ААЭ, т. II, № 76.
56	Шацк	«Шацкие места» называет в ряду других восставших городов «Иное Сказание» (РИБ, т. XIII, стб. 99). И. Масса называет в числе восставших городов город Satzca (Шацк?) (цит. соч., стр. 168).
57	Епифань	*И. Масса*, стр. 168; ср. ААЭ, т. II, № 60, где Истома Пашков назван «епифанцем».
	VIII. Польские города[1]	
58	Курск	РИБ, т. XIII, стб. 99.
59	Ливны	*Белокуров*, стр. 9; *Л. Сухотин*, Четвертчики Смутного времени, стр. 209; *И. Масса*, стр. 168.
60	Елец	См. в тексте, стр. 145. Также *Белокуров*, стр. 42 и 141; *А. Попов*, Изборник, стр. 335; ПСРЛ, т. XIV, стр. 71; *И. Масса*, стр. 154 и 158.

[1] «Польскими городами» назывались города, граничившие с «Полем» или «Диким Полем».

Библиотека "Руниверс"

Продолжение

№ п/п	Название города	Источник
61	Белгород	*Белокуров*, стр. 8; *А. Попов*, Изборник, стр. 331; ПСРЛ, т. XIV, стр. 74.
62	Царев-Борисов	*Белокуров*, стр. 8; ПСРЛ, т. XIV, стр. 74; ААЭ, т. II, № 81.
63	Воронеж	Об участии Воронежа можно заключить из слов «Карамзинского Хронографа», что «царевич» Петр с казаками, с Волги, «не доехав Царицына, рекою Камышенкою проехали в Украиные городы на Воронеж с товарыщи, и в Украиных городах учали тово вора называть царевичем Петром царя Федора Ивановича сыном» (*А. Попов*, Изборник, стр. 331).
64	Льгов (?)	И. Масса называет в числе восставших городов город Ligou (Льгов?).
	IX. Низовые города	
65	Муром	«Действия Нижегородской ученой архивной комиссии», сборник, т. XI, стр. 3, 4.
66	Арзамас	*Белокуров*, стр. 44; *А. Попов*, Изборник, стр. 333; ПСРЛ, т. XIV, стр. 73.
67	Алатырь	*Белокуров*, стр. 44; *А. Попов*, Изборник, стр. 333, 334.
68	Курмыш	«Костромская старина», вып. III, стр. 6.
69	Ядрин	«Костромская старина», вып. III, стр. 6.
70	Чебоксары	«Новый Летописец по списку князя Оболенского», стр. 83.
71	Свияжск	ААЭ, т. II, № 61.

Таким образом, количество городов, примкнувших к восстанию Болотникова, превышало семьдесят.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ПЯТАЯ

БОРЬБА В ГОРОДАХ. ПЕРМЬ. ВЯТКА. ПСКОВ

Особый характер борьбы в городах. Положение в пермско-вятских городах. Обстановка на Двине в начальный период восстания. Борьба в Пскове. «Большие» и «меньшие».

*

Особое место занимают во время восстания Болотникова три района, которые, не будучи непосредственно связаны с основной территорией, охваченной восстанием, тем не менее являли собой картину открытой и острой борьбы классов. Этими районами были: Вятка и Пермь — на северо-востоке, Псков — на северо-западе и Астрахань — на юго-востоке. Каждый из этих трех центров характеризуется особыми формами, какие принимает в нем борьба. Но вместе с тем общей чертой всех перечисленных районов является то, что борьба в них развертывается и идет как борьба классов внутри города, как продукт и выражение классовых противоречий внутри городского населения, как борьба верхушки и низов посада. (Поэтому, если для восстания Болотникова историческая перспектива ведет к Разину и Пугачеву, то здесь перед нами предвестники городских восстаний XVII в., вплоть до Астраханского восстания при Петре I.)

Состояние источников не дает возможности сколько-нибудь подробно и полно осветить положение в каждом из означенных районов. Хуже всего обстоит дело в отношении Вятско-Пермского района, где весь наличный фонд источников исчерпывается одной лишь грамотой Василия Шуйского в Пермь Великую от 9 декабря 1606 г. (если не считать некоторых косвенных данных, содержащихся еще в трех или четырех грамотах). Ценность царской грамоты в Пермь от 9 декабря 1606 г. [1] заключается в том, что в ее тексте сохранилась челобитная некоего Петра Благово, сборщика «даточных» людей, которых он должен был собрать с Пермского

[1] Напечатана в СГГиД, т. II, № 151 и в ААЭ, т. II, № 60.

Библиотека "Руниверс"

посада и уезда [1]. Челобитная П. Благово представляет собой рассказ о том, что произошло с ним на пути от Перми к Москве. Именно здесь и содержится характеристика положения в вятско-пермских городах в самый разгар восстания Болотникова.

По царскому указу от 4 сентября 1606 г. Петр Благово должен был собрать «с Перми с посаду и с Пермского уезду ратных людей 48 человек: 32 человека пеших, а 16 человек за ними с запасы конных». По словам П. Благово, собрав положенное количество ратных людей, он отправился с ними к Москве. Но довести ратных людей до Москвы Петру Благово не удалось, ибо события приняли такой оборот, что сборщику пришлось вместо завершения возложенной на него миссии спасаться от «даточных» людей бегством.

Дело началось с того, что когда отряд П. Благово достиг Вятского уезда, между ратными людьми возник вооруженный конфликт: «Пермичи де ратные люди учали меж себя драться и из луков стрелять». Попытка П. Благово вмешаться в конфликт оказалась неудачной: «и он их учал рознимать и они его хотели убить». Повидимому, однако, на первый раз порядок был восстановлен, но дальнейшее продвижение ратных людей вовлекло отряд Петра Благово в самую гущу борьбы. Местом, где разыгрались эти события, явился вятский город Котельнич: «И после де того пришел он в Вятской городок в Котелничей, и тут пришел к нему котелничей староста Митька Крушаков и сказал, что в тутошних людех измена есть; и он де послал для подвод, и вятчене де, городовой прикащик Ефимка Дементьев да Сидорко Максимов, да Ондрюшко Иванов, да поп Харитон, да Уржумский стрелец Максимка Салцов привели с собой многих людей и учали говорити изменное слово, и подорожную лаять и наше царское имя поносить (форма первого лица здесь объясняется тем, что челобитная дошла в составе царской грамоты, в пересказе. — *И. С.*); а вора учали величать, которой называетца царевичем Дмитреем, что он Москву взял, а с ним де пришло многое множество людей; и на кабаке за него чаши пили, а его Петра хотели убить до смерти и ко кресту привесть». Сам Петр Благово оказался весьма стойким сторонником Василия Шуйского, отказался присоединиться к котельничанам и, по его словам, «купя за свои денги двое лошадей, и хотел ночи от них утечь». Но позиция ратных людей пермичей оказалась диаметрально противоположной позиции их начальника: «И пришед к нему пермитин Пантелейко с товарыщи да его Петра поимали, а говорили: что ж царю Дмитрею креста не целовал и их ко кресту не приводил?» Объяснение Петра Благово с «даточными» людьми кончилось тем, что «тот де Пантелейко

[1] Пермские города насчитывали в своем составе в начале XVII в. три города: Чердынь, Соликамск, Кайгородок (*Платонов*, Очерки, стр. 13).

Библиотека "Руниверс"

с товарыщи его Петра привели к образу, что ему их ждати в Еранске». Таким образом, ратные люди открыто присоединились к сторонникам «царя Дмитрея» и, очевидно, решили задержаться в Котельниче, предложив П. Благово ехать дальше одному по Московской дороге и дожидаться их в городе Яранске. Петр Благово решил попытаться и на этот раз удержать в своих руках «даточных» людей («и он их в Еранске дождался»). Здесь П. Благово сделал попытку ускорить продвижение своего отряда к Москве, предложив ратным людям, «чтоб они под себя купили лошади для поспешенья». Но и в этом его постигла неудача, так как ратные люди отказались покупать лошадей, пока не выяснится обстановка, заявив, что «им лошадей до прямой вести не купливать». Все же П. Благово двинулся дальше к городу Козьмодемьянску, но «на дороге» их встретил некий «сын боярский Василей Вакулов» и сообщил, что «стоят под Нижним воры и гонцов имают и водят в Путимль, а иных побивают». Это сообщение заставило П. Благово повернуть обратно, к городу Санчурску. Новый план П. Благово заключался в том, чтобы вывести свой отряд из охваченного восстанием района и попытаться пройти к Москве с севера. Но когда он сообщил о своих намерениях ратным людям: «учал ратным людем говорить, чтоб им идти на Унжу да на Галич», то «Пантелейко с товарыщи ему отказали и с ним не пошли, и его Петра хотели убить». После этого П. Благово не оставалось ничего другого, как бежать, «и он Петр поехал от них на Унжу», а затем и в Москву.

Рассказ П. Благово рисует как бы в разрезе, произведенном вдоль Московской дороги, жизнь целого огромного района Русского государства: от Перми до Нижнего-Новгорода. Весь этот район выступает перед нами охваченным острой борьбой. Характерной чертой этой борьбы является то, что в нее оказываются втянутыми широкие массы городского населения. Наиболее ярко это выступает в событиях в Котельниче. Здесь в рассказе П. Благово представлена целая галерея различных представителей посада: от городового приказчика до попа и стрельца, за которыми стоит безымянная, но от этого нисколько не менее реальная масса посадских черных людей, обозначенных в челобитной П. Благово под именем «многих людей». Колоритная сцена в кабаке, с поднятием чаш за «царя Дмитрея», является лучшим показателем массовости той «измены» среди котельничан, на которую жаловался Петру Благово староста Котельнича. Это последнее обстоятельство раскрывает другую, не менее важную и существенную сторону положения в Котельниче. «Котелничей староста Митька Крушаков», т. е. земский староста города Котельнича, с полным основанием может рассматриваться нами как представитель верхов посадского населения, тех зажиточных кругов («лучших людей», по терминологии того времени), из среды которых

Библиотека "Руниверс"

выходили представители выборных земских властей. Враждебное отношение котельнического старосты к движению посадских людей является одним из проявлений тех противоречий, которыми характеризуется социальная обстановка в русских городах XVI—XVII вв. В этом отношении борьба среди посадских людей города Котельнича демонстрирует те же черты и тенденции, что и в других городах того времени, когда «лутчие люди, пометав домы своя», разбегались, а «чернь» целовала крест «царевичу князю Дмитрею Ивановичу» [1].

Позиция «ратных людей» пермичей из отряда П. Благово вполне соответствует той расстановке сил, которую рисуют показания П. Благово. Будучи набраны из числа черных людей Перми и Пермского уезда, «даточные» люди примкнули и активно участвовали в борьбе, кипевшей в тех городах, мимо которых двигался их отряд. Нет данных, позволяющих раскрыть характер той первой стычки между ратными людьми, с описания которой П. Благово начинает свой рассказ. Вряд ли, однако, она была простой «дракой». Вероятнее допустить, что «драться и из лука стрелять» ратных людей заставили более глубокие причины.

Царская грамота квалифицирует поведение «даточных» людей пермичей как «воровство», указывая, что «ратные люди своровали, на нашу службу не пошли». Вместе с тем из нее можно узнать и о дальнейшей судьбе этих ратных людей: они «из Санчурского воротилися» обратно в Пермь.

Расценивая поведение ратных людей как заслуживающее «нашия опалы» (от наложения которой царь отказывается по случаю победы над Болотниковым), грамота Василия Шуйского требует от пермичей недопущения в дальнейшем подобных случаев: «а которые воры учнут вперед такия же воровские речи затевать и вмещать и писмами прелщати, и они б тех воров имали и приводили к вам (пермским воеводам. — *И. С.*), а вы б их сажали до нашего указа в тюрму». Эта инструкция пермскому воеводе показывает, что Василий Шуйский считал весьма реальной перспективу новых «воровских» выступлений среди пермичей (царь прямо предписывает: «а что у вас учнеться делать и вы б о том писали к нам к Москве подлинно»). Вместе с тем такая оценка положения в пермских городах заставляет признать, что «пермитин Пантелейко», которого П. Благово изображает зачинщиком всех действий ратных людей, был подготовлен к этой роли еще в своем родном городе.

В каком отношении стоит борьба пермских и вятских «мужиков» к восстанию Болотникова? Несомненно, что события, развертывавшиеся под Москвой, оказывали сильное влияние и на

[1] См. «отписку» устюжан вычегодцам от 27 ноября 1608 г.; приведенные выражения относятся к городу Ярославлю (ААЭ, т. II, № 88).

Библиотека "Руниверс"

Вятку и на Пермь. Недаром в Котельниче «вора учали *величать*, которой называетца царевичем Дмитреем, *что он Москву взял*». Но вместе с тем несомненно также и другое: что борьба внутри северных городов развертывается в своих особых формах и вокруг иных вопросов, чем в непосредственно охваченных восстанием Болотникова районах. Поэтому те же, что и у Болотникова, «царистские» моменты в выступлениях вятчан и пермичей за «царя Дмитрия» являются идеологическим выражением иных интересов, иной программы борьбы.

Обстановка в другом северном районе — на Двине — в начальный период восстания Болотникова очень хорошо характеризуется грамотой Василия Шуйского на Вагу от 18 июля 1606 г. В этой грамоте царь предписывал двинским земским судьям и целовальникам принять меры с целью недопущения расправы с неким Яковом Якушкиным, посланным на Вагу, как выражается грамота, «для наших всяких дел и для бережения крестьяном» (из другой грамоты видно, что Я. Якушкин занимался на Ваге денежными сборами и проверкой состояния вооружения в важских городках) [1], а также для приведения «важских крестьян» к присяге Василию Шуйскому.

Расправа угрожала московскому приказному со стороны тех самых важан, которых он должен был «оберегать». По словам сына Якова Якушкина (ответом на челобитье которого и является грамота), группы важан, очевидно находившихся в Москве, «сведали то, что отцу его велено быть к нам к Москве, и они де умисля да послали от себя на Вагу товарищев своих дву человек, Онику Миклякова да Ермилку Клементиева, к своим друзьям и заговорщиком, а велели де отца его и с людми на дороге убить и разграбить».

Челобитчик просил царя «велити отца его Якова Якушкина с Ваги провадети, чтобы ему от тех воров и от их друзей и заговору на Ваге и на дороге грабежу и убивства не было» [2].

Изложенный документ интересен в двояком отношении. Во-первых, он свидетельствует о том внимании, с каким «важские крестьяне» следили за ходом событий через своих земляков, находившихся в Москве. Вместе с тем расправа, угрожавшая Якову Якушкину со стороны важан, указывает на то, что и в этой части Русского государства обстановка была достаточно напряженной, а борьба между черным крестьянским населением и представителями царской администрации достигала большой остроты.

Гораздо крупнее по масштабам и ярче, чем в Перми и Вятке, была борьба в Пскове. Одна из летописных повестей («О смяте-

[1] АИ, т. II, № 67; Архив Строева, т. II, № 51.

[2] Архив Строева, т. II, № 50. Этот акт из собрания П. М. Строева почему-то не был напечатан в «Актах Археографической экспедиции» и был опубликован лишь в 1917 г.

Библиотека "Руниверс"

нии и междоусобии и отступлении пскович от Московского государства») определяет положение в Пскове как «смердов самовластие» [1]. Эта характеристика, хотя и исходящая из кругов, враждебных псковским городским низам, очень точно схватывает существо борьбы в Пскове. Действительно, классовый характер борьбы нигде не выступает с такой силой и категоричностью, как в борьбе между псковичами.

В «Псковском летописце», составленном «тщанием и трудами» дьячка Богоявленской церкви из Бродов «Андрюшки Ильина по реклу Козы», боровшиеся в Пскове силы определены следующим образом: «И с тех мест развращение бысть велие во Пскове, болшии на меншх, меншии на болших, и тако бысть к погибели всем» [2]. Эта общая формула может быть легко конкретизирована. Так, классовое лицо «больших» людей отчетливо вырисовывается в рассказе о том, как «царь Василей Шуйской прошал денег с гостей, славных мужей и великих мнящихся перед богом и человеком богатьством кипящих» [3]. В другом случае, осуждая «больших» людей за то, что «болшие люди во всегородную (избу. — *И. С.*) не ходили, гнушалися и смеялися и дома укрывалися; и в совет позывали («больших» людей. — *И. С.*), и оне не ходили, и давали волю мелким людем и стрельцом и казаком и поселяном во всем» [4], — летописец не менее выпукло показывает, кто были «меньшие».

«Больших» и «меньших» людей в их борьбе очень хорошо можно наблюдать на материале псковско-новгородских дел [5]: «Игумени и священники, и болшие люди, дети боярские, люди, кои во Пскове остался, те по Новгородцах хотяще соединитися; ратные люди стрелцы и казаки и мелкие люди и поселяне по крестном целовании хотяще накрепко стояти, и измены для у бояр коней отняли и стрелцам дали выезжати против Новгородцов, а отъезжих боярынь (т. е. жен отъехавших из Пскова бояр. — *И. С.*) в полаты пересажали и животы переписали» [6].

Еще более ярко борющиеся классы псковского общества выступают перед нами во время столкновения «больших» и «меньших», вызванного получением в Пскове известия о разорении Василием Шуйским «таборов» в Тушине. «Большие» люди восприняли этот успех Василия Шуйского как свою победу и вместе с тем

[1] Псковские летописи, вып. 1. Подготовил к печати А. Насонов, 1941, стр. 137.
[2] ПСРЛ, т. IV, стр. 323.
[3] Там же, стр. 322.
[4] Там же, стр. 324.
[5] В Новгороде продолжали оставаться воеводы Василия Шуйского, и именно из Новгорода неоднократно делались попытки подавить движение в Пскове. Вместе с тем Новгород являлся местом убежища для псковских людей «больших».
[6] ПСРЛ, т. IV, стр. 326. Текст не вполне исправный. — *И. С.*

Библиотека "Руниверс"

как сигнал для расправы со своими противниками: «Игумены и священники и бояре и гости... все вооружилися, аки на противных, мужески, дети боярские, и слуги монастырские, и гости вси на конех, и прочии помощницы их и хлебосолцы... И зазвониша во все колоколы Троицкие и пеша молебен за царя Василья, и здравствующе друг другу целовахуся любезно, и хотяще крест целовати и мелких людей и до конца смирити и силою приводити, а непокорливых побити, и стрелцов в слободе» [1]. «Меньшие» люди, напротив, расценили победу Василия Шуйского как угрозу себе и, чтобы предотвратить «погибель свою», сами стали мобилизовать силы. «Видевше же мелкие люди погибель свою и скорое их («больших» людей. — *И. С.*) замышление, ужасошася, и поидоша на Запсковье всех чинов люди, и зазвониша в колокол у чюдотворцов Козмы и Дамьяна, и скопишася множество человек; и слышавше Полонищане, и в помощь приидоша Запсковью и в думу... И послаша весть и стрелцам в слободу, чтоб были на помощь к мелким людем на Запсковье» [2].

Столь резко выраженная противоположность позиций и интересов «больших» и «меньших» людей Пскова определила собой и формы борьбы в Пскове, придав этой борьбе исключительную остроту и силу.

Так, после раскрытия одного из заговоров псковских «больших» людей, намеревавшихся сдать Псков шведам, «многая кровь пролилася больших людей и бояр». Организаторами этой расправы с изменниками были «посадцкие мелкие люди и стрельцы. И был мужик простой, именем Тимофей прозвище Кудекуша Трепец (я полагаю, что это испорченное «стрелец», так как в другом месте Тимофей Кудекуша назван «Тимохой стрельцом», стр. 327. — *И. С.*) и тому далося пущи всех, и воеводам указывал и стоял крепко у пыток, и иные к нему таковии же приставша и овладеша градом... И бояр многих мучили, и жгли, и ребра ломали, понеже бояре ссылалися изо Пскова в Новгород и болшие люди, и пытали священников, и Семена Великого (один из псковских гостей, см. там же, стр. 323. — *И. С.*) и Омельяна Титова и инех» [3].

Когда же «большим» людям удалось, спровоцировав столкновение между посадскими «мелкими» людьми и стрельцами, захватить на время власть в свои руки, они обрушили террор на «меньших» людей: «Возсташа игумны и священники и болшие все людие и бояре на Тимошку и на иных кликунов, на семи человек, и побиша их камением, и всех менших людей называючи кликунами и неповинных; и сташа священники пытати на пытке

[1] ПСРЛ, т. IV, стр. 328.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 326.

Библиотека "Руниверс"

накрепко во всегородной избе, а иных по торгом кнутьем бити, а 10-ти человеком головы отсекли и в ров вметаша, и винным и неповинным» [1]. «И хотеша многих казнити, — добавляет летописец, — и неции от народа возбранише им от пролития крови; и насажали палату мелких людей полну, а иные розбежалися по пригородом и по селом от убийства их; что бы им можно, и оне бы многих побили» [2].

Эта борьба между «большими» людьми и «меньшими» людьми («народом», как раскрывает содержание термина «меньшие» люди летописец) не прекращалась и тогда, когда моменты острых столкновений сменялись периодами относительного затишья. Расстановку сил и в эти периоды Псковская летопись определяет словами: «...держали Псков игумны и попы и болшие люди... и боящеся стрелцов и мелких людей и казаков» [3].

Начало открытой борьбы между «большими» и «меньшими» в Пскове падает на вторую половину 1606 г. Толчком к взрыву борьбы послужила провокация псковских «гостей» в связи с экстренным сбором денег в Пскове по требованию Василия Шуйского. Эту финансовую операцию правительства Василия Шуйского псковские «гости» попытались использовать для расправы с «меньшими» людьми. С этой целью «гости» самовольно («не по выбору») послали везти деньги в Москву пять человек [4] из числа наиболее активных представителей «меньших» людей псковичей («которые люди в правде против их говорили о градском житии и строении и за бедных сирот») [5].

Смысл этого маневра псковских «гостей» состоял в том, чтобы, удалив из Пскова наиболее опасных для них лиц, добиться расправы с ними с помощью правительства Василия Шуйского. С этой целью «гости», действуя вместе с псковским воеводой П. Н. Шереметевым, послали вслед за делегатами, повезшими казну, «отписку» в Москву и Новгород (через который псковичи должны были ехать к Москве). В этой «отписке» позиция «мелких» людей Пскова характеризовалась как враждебная Василию Шуйскому, а везшие казну лица обвинялись в измене царю («мы тебе, гости Псковские, радеем, а сии пять человек тебе, государю, добра не хотят, и мелкие люди казны тебе не дали») [6]. Результатом «отписки» был, как и рассчитывали «гости», арест псковичей новгородскими властями. В Новгороде псковичи просидели в тюрьме в течение всей осады Москвы Болотниковым. Когда же

[1] ПСРЛ, т. IV, стр. 327.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 327, 328.
[4] Самсона Тифинца, Федора Умойся-грязью, Ерему сыромятника, Овсейка Ржову, Ильюшку мясника (ПСРЛ, т. IV, стр. 322, 323).
[5] ПСРЛ, т. IV, стр. 323.
[6] Там же.

Библиотека "Руниверс"

стало «мочно им проехати с казной к Москве от воровских людей», псковичи были вместе с казной отправлены в Москву. В Москве псковичей за то, «что написана на них измена», ожидала смертная казнь, и их даже уже «выведоша казнити смертию». Однако расправиться с псковичами правительству Василия Шуйского все же не удалось. Осуществлению замыслов псковских «гостей» помешали два непредвиденных обстоятельства. Первым из них явились решительные действия псковских стрельцов (находившихся в это время в Москве целым «приказом») в защиту делегатов Пскова. Приказ псковских стрельцов[1] был «взят» в Москву для защиты столицы «от воровских людей», т. е. от Болотникова. Это обстоятельство придало выступлению псковских стрельцов определенный политический вес, и, когда они «приказом всем били челом» царю, протестуя против обвинения делегатов Пскова в «измене» («что тебе царю не изменники ни един во Пскове, и наши головы в их головы»), Василий Шуйский не решился привести в исполнение казнь псковичей и вынужден был согласиться на расследование дела («обыск»). Однако псковичей все же оставили «за приставами», т. е. в заключении, и им вряд ли удалось бы благополучно вернуться домой, если бы на их защиту не поднялась гораздо более мощная сила, чем находившийся в Москве отряд псковских стрельцов. Этой силой был «весь Псков».

Псков узнал об участи своих делегатов благодаря чисто случайному обстоятельству. Дело в том, что псковский воевода Шереметев оказался лично заинтересованным в судьбе одного из пяти псковских представителей — некоего Еремы сыромятника. Поэтому в «отписке», посланной в Новгород, Шереметев «не написал» имени Еремы. Это спасло псковского сыромятника: «Еремку в тюрму не посадили». Великодушие Шереметева в отношении Еремы определялось отнюдь не альтруистическими мотивами. По словам летописи, Шереметев потому «добра хотел» Ереме, что тот «на его много всякого рукоделья делал без найму». Иными словами, Шереметев не захотел лишиться столь выгодного для него источника дарового труда.

Покровительство Шереметева Ереме, однако, оказалось роковым как для псковских «гостей», так и для самого псковского воеводы. Ереме удалось выбраться из Новгорода и вернуться в Псков. По живому описанию летописи, на вопрос псковичей: «где де твои товарыщи?» — «Еремка сказал всё бывшее по ряду». Рассказ Еремы сыромятника, разоблачивший планы псковских «гостей», вызвал всеобщее восстание псковичей: «И за то восстали всем Псковом на гостей, на семь человек, Алексея Хозина, Семена Великого, Григория Шукина, Ивана Стойкова и протчих»[2]. В такой

[1] Приказ стрельцов в начале XVII в. состоял из 500 человек.
[2] ПСРЛ, т. IV, стр. 223.

Библиотека "Руниверс"

обстановке Шереметеву, чтобы сохранить власть, не оставалось ничего иного, как... посадить псковских «гостей» в тюрьму. Вслед за тем псковичи послали в Москву «отписку» с требованием освобождения арестованных псковичей и объявлением псковских «гостей» заложниками, отвечающими за безопасность четырех псковских делегатов («писали к Москве, чтоб тех людей ничим не вредили и отпустили бы во Псков вскоре, а за тех людей гости посажены в тюрмы и смятение великое во Пскове о том за них, а они не будут во Пскове, и гостем быть, побитым против их» [1]). После этого правительству Василия Шуйского, чтобы не допустить дальнейшего обострения конфликта, пришлось пойти на то, чтобы отказаться от расправы с псковичами, поспешно («вскоре») освободить их и отпустить в Псков.

Уже на этой первоначальной стадии борьбы в Пскове отчетливо выступает основная черта псковской общественной жизни: непримиримая вражда «больших» и «меньших». Однако для данного этапа движения в Пскове характерен вместе с тем и другой момент. Борьба псковичей носит локальный характер, не выходит за рамки чисто псковских дел и отношений. Сажая в тюрьму своих «гостей», псковичи оставляют власть в руках воеводы (хотя участие П. Шереметева в истории с посылкой казны в Москву не могло быть тайной для псковичей). Столь же показательно и стремление псковичей сохранить лойяльность по отношению к Василию Шуйскому. Заявление псковских стрельцов в Москве, что «царю не изменники ни един во Пскове», очень точно отражает позицию «меньших» людей Пскова в начале их борьбы против «больших».

Наиболее ярким проявлением этой особенности борьбы в Пскове может служить отношение псковичей к пленным участникам восстания Болотникова, находившимся в псковских тюрьмах. Василий Шуйский прислал «во Псков, в тюрмы» более 400 человек «людей пленных из Северских городов, коих палицами не побил». Но хотя эта присылка и заключение в псковские тюрьмы участников восстания Болотникова падает на время, когда борьба между «большими» и «меньшими» в Пскове была уже в полном разгаре, псковичи тем не менее даже не пытались вмешаться в судьбу пленников Василия Шуйского, ограничиваясь лишь выражением своего сочувствия их участи: «поили и кормили и одевали и плакали на них смотря» [2].

Но на столь противоречивых позициях «верноподданных бунтовщиков» псковичам удалось удержаться весьма недолго. 1607 и 1608 годы характеризуются дальнейшим ростом борьбы между «большими» и «меньшими», а в сентябре 1608 г. движение псков-

[1] ПСРЛ, т. IV, стр. 323.
[2] Там же.

Библиотека "Руниверс"

ских «меньших» людей вступает в новую фазу своего развития. Псковичи «целовали крест царевичю Димитрию Московскому» [1], а затем расправились и с воеводой Шереметевым: по одним данным, его «в темницы удавиша» [2], а по другому источнику («Карамзинский Хронограф»), «псковичи мужики» посадили Шереметева на кол [3]. Тогда же, наконец, были выпущены из тюрем и пленные болотниковцы, которых псковичи вновь «и напоили и накормили и одели» [4] (но уже больше не «плакали»).

Именно это время автор повести «О смятении и междоусобии и отступлении псковичей от Московского государства» назвал «самовластием смердов». Однако рассмотрение этого и дальнейших этапов борьбы в Пскове выходит за рамки нашего исследования. Впрочем, изучение борьбы «больших» и «меньших» в Пскове за 1609—1612 гг. дает лишь новый материал, не изменяя общей картины борьбы, нарисованной выше.

Заканчивая рассмотрение борьбы в Пскове во время восстания Болотникова, следует отметить еще одну черту, проходящую красной нитью через всю историю Пскова в 1606—1612 гг. Этой чертой является национально-патриотическая окраска движения псковичей — «мелких» людей.

«Летописец» Андрея Козы, в общем сочувственно относящийся к борьбе «меньших», видит главное достоинство правления «меньших» людей в Пскове в том, что «в те лета смутные», когда «воевод не было во Пскове... и божиею милостию иноземцы не совладели не единым городом Псковским, а совладели как воевод во Пскове умножило» [5]. Вопрос о борьбе против «иноземцев», в данном случае против шведов («немцев»), угрожавших захватить северо-западные области Русского государства, равно как и против польской интервенции, был одной из центральных проблем движения «меньших» людей Пскова. И сколь откровенно псковские «гости» и «бояре» делали ставку на интервенцию шведов, «хотяще Псков отдати» шведам «и кровь неповинную пролити» [6], столь же решительно «меньшие» люди противодействовали планам «изменников» (как «Летопись» Козы называет «больших» людей)[7], расправляясь с ними и заявляя (воеводе Шереметеву): «мы де не хотим немец и за то помрем» [8].

С этих патриотических позиций псковичей не могли сдвинуть никакие силы. И даже когда в 1610 г. Псков получил грамоту «от

---

[1] ПСРЛ, т. IV, стр. 325.
[2] Псковские летописи, вып. 1, стр. 135.
[3] *А. Попов*, Изборник, стр. 354.
[4] ПСРЛ, т. IV, стр. 325.
[5] Там же, стр. 329.
[6] Там же, стр. 327.
[7] Там же.
[8] Там же, стр. 324.

Библиотека "Руниверс"

Ермогена патриарха и от всех Московских бояр больших», в которой от псковичей требовали целовать крест королевичу Владиславу (подкрепляя это требование угрозой «Как де вам стояти против Московского и Литовского и Полского царства»), то и тогда «Псковичи, уповая на Живоначальную Троицу (патрон Пскова. — *И. С.*), креста не целовали королевичю» [1].

[1] ПСРЛ, т. IV, стр. 327.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ШЕСТАЯ

БОРЬБА В ГОРОДАХ. АСТРАХАНЬ

Легенда об «аристократическом» характере астраханского восстания. Борьба классов в Астрахани накануне восстания Болотникова. Начало восстания в Астрахани 17 июня 1606 г. Социально-экономическая характеристика города Астрахани. Антикрепостнический характер астраханского восстания. Городские низы, стрельцы и холопы — движущая сила астраханского восстания. Внутренняя история восстания Астрахани. Освобождение холопов. Астраханские «царевичи». «Царевич Иван-Август». Управление и суд. Царистские элементы в идеологии участников астраханского восстания.

*

Астрахань во время восстания Болотникова являлась одним из крупнейших центров борьбы.

В существующей литературе, однако, мы не найдем подобной оценки места и значения Астрахани в истории восстания Болотникова. Причиной такого положения дел является одно историографическое недоразумение, устранение которого должно явиться предпосылкой рассмотрения астраханских событий в годы восстания Болотникова.

Астраханские события рассматриваются историками как своего рода исторический парадокс: в отличие от других мест, в Астрахани не «меньшие» люди восстали против «больших», а, напротив, «меньшие» люди явились жертвой мятежа, поднятого знатным воеводой Астрахани — князем Хворостининым.

Эта историографическая традиция ведет свое начало еще от Карамзина, определившего существо астраханских событий формулой: «Астрахань тоже изменила: ее знатный воевода окольничий князь Иван Хворостинин взял сторону Шаховского; верных умертвили: доброго мужественного дьяка Карпова и многих иных» [1].

Такую же оценку борьбы в Астрахани мы находим и у Соловьева, отмечающего, что «в Астрахани не чернь восстала за

[1] *Карамзин*, т. XII, стр. 27, 28 и примеч. 101.

Библиотека "Руниверс"

Лжедмитрия: здесь изменил Шуйскому воевода князь Хворостинин; здесь, наоборот, дьяк Афанасий Карпов и мелкие люди были побиты с раскату» [1].

Наконец, Костомаров придает логическую законченность концепции об особом характере астраханского восстания. В глазах Костомарова особый характер борьбы в Астрахани объясняется личными качествами князя Хворостинина: «В далекой Астрахани, сосланный туда на воеводство приверженец Димитрия князь Хворостинин первый возмутил людей, и оттого-то в крае восстание приняло иной характер, чем в других частях русского мира. Вместо того, чтобы люди незнатные ополчились на знатных, там люди мелкие с дьяком Карповым стали было за власть Шуйского. Но боярин Хворостинин велел сбросить с раската дьяка Карпова и его пособников, объявил царем Димитрия и приглашал ополчаться за спасенного государя не только русских, но и нагаев» [2].

Против такого взгляда на астраханские события не выступает и С. Ф. Платонов; скорее он примыкает к традиционной точке зрения, хотя и в более осторожной форме. По определению С. Ф. Платонова, восстание в Астрахани — это «бунт астраханского гарнизона, которым руководил астраханский воевода князь Ив. Дм. Хворостинин, двоюродный брат близкого к Самозванцу и сосланного Шуйским князя Ивана Андреевича». Относя астраханское восстание к категории «беспорядков местного характера», С. Ф. Платонов в объяснении причин, вызвавших «бунт» князя Хворостинина, занимает позицию, близкую Костомарову, высказывая предположение, что «едва ли здесь не действовала семейная вражда к Шуйскому Хворостининых, много терявших с низвержением благоволившего к ним Самозванца» [3].

Такая устойчивость историографической традиции объясняется тем, что и Карамзин, и Соловьев, и Костомаров, и Платонов основывались в своих воззрениях на астраханские события на данных «Нового Летописца», именно, той его редакции, которая содержится в приложениях к Никоновской летописи.

Свидетельство «Нового Летописца» об астраханских событиях имеет следующий вид: «Царь же Василий, слышав, яко град Астрахань *из мелких* многих людей, которые стояху за правду, побиваху с роскату и дьяка Афонасья Карпова убиша» [4]. Из приведенного текста, действительно, следует, что в Астрахани «из мелких многих людей» (т. е. большое количество «мелких» людей) были побиты за то, что они «стояху за правду», т. е. за Василия Шуйского. Однако уже при первом чтении рассказа «Но-

---

[1] *Соловьев*, кн. II, стб. 815.
[2] *Костомаров*, стр. 272. Курсив мой. — *И. С.*
[3] *Платонов*, Очерки, стр. 331, 332.
[4] ПСРЛ, т. XIV. Курсив мой. — *И. С.*

Библиотека "Руниверс"

вого Летописца» бросается в глаза неправильность грамматического построения цитированного текста, равно как и смысловые противоречия (так, например, второе лицо после воеводы, дьяк Карпов оказывается отнесенным к числу «мелких» людей). Эти черты рассматриваемого текста вызывают сомнение в его исправности. И действительно, проверка по другим спискам «Нового Летописца» убеждает в том, что в редакции Никоновской летописи текст «Нового Летописца» в рассказе об Астрахани является испорченным, исправный же текст сохранила та редакция «Нового Летописца», которая находится в составе «Летописи о многих мятежах». По мнению и С. Ф. Платонова и Л. В. Черепнина, текст «Летописи о многих мятежах» «сохранил вообще неприкосновенною первоначальную редакцию» «Нового Летописца»[1]. Эта оценка «Летописи о многих мятежах» вполне оправдывается и на интересующем нас примере. Текст рассказа об Астрахани в «Летописи о многих мятежах» существенно отличается от текста «Нового Летописца» в Никоновской летописи: «Царь же Василий, слыша, яко град Астрахань *изменил;* многих людей, которые стояху за правду, побиваху с раскату, дьяка Афонасья Карпова убиша» [2]. Таким образом, слова «из мелких», на которых строилось все истолкование астраханских событий в литературе, оказываются просто результатом порчи слова «изменил» первоначального текста.

Что именно редакция «Летописи о многих мятежах» дает исправный текст, видно не только из того, что в этой редакции текст рассказа об Астрахани лишен тех неясностей и несообразностей, которые имеются в редакции Никоновской летописи. Этот вывод подкрепляется также и текстом той редакции «Нового Летописца», которая представлена списком, изданным князем Оболенским.

Хотя, по справедливому замечанию С. Ф. Платонова, «Новый Летописец», изданный князем Оболенским, «есть не что иное, как позднейшая литературная переработка» первоначальной редакции «Нового Летописца» [3], эту первоначальную редакцию можно легко выделить из текста рассказа об Астрахани списка Оболенского.

В редакции списка князя Оболенского текст об Астрахани гласит: «Прииде же весть ко царю Василию, яко Астраханстии жителие вси измениша, и от Москвы отступиша, и многих во истине стоящих, ругательски с роскату убиваху, и дьяка Афонасья Карпова убиша» [4].

---

[1] *С. Ф. Платонов*, Сказания, стр. 311; ср. *Л. В. Черепнин*, Смута и историография XVII в., «Исторические записки», т. 14, 1945, стр. 110.

[2] «Летопись о многих мятежах», 1788, стр. 110. Курсив мой. — *И. С.*

[3] *Платонов*, Сказания, стр. 311; ср. *Л. В. Черепнин*, цит. соч., стр. 114—116.

[4] «Новый Летописец по списку князя Оболенского», 1885, стр. 80.

Библиотека "Руниверс"

Сопоставляя этот текст с редакциями Никоновской летописи и «Летописи о многих мятежах», можно видеть, что текст в списке князя Оболенского является переработкой редакции текста «Нового Летописца» типа той, которая представлена «Летописью о многих мятежах». Переработка эта заключалась в том, что краткая формула первоначальной редакции: «град Астрахань изменил» — в редакции списка князя Оболенского была заменена более подробной: «Астраханстии жителие вси измениша, и от Москвы отступиша». Автор переработки, таким образом, действовал по принципу «раскрытия скобок», заменив «град Астрахань» словами: «Астраханстии жителие вси» и пояснив, что «измена» астраханцев состояла в том, что они «от Москвы отступиша».

Таким образом, список князя Оболенского подтверждает вывод о том, что первоначальный, правильный текст рассказа об Астрахани сохранился именно в «Летописи о многих мятежах». Тем самым версия «Нового Летописца» в редакции Никоновской летописи должна быть отброшена, а вместе с ней отпадает возможность и трактовки астраханского восстания как направленного против верных Василию Шуйскому «мелких» людей.

Подобно борьбе в Пскове, астраханские события далеко выходят за хронологические рамки восстания Болотникова. Московскому правительству удается подчинить своей власти Астрахань лишь в 1614 г. Но если рассмотрение истории борьбы в Астрахани в целом и не входит в нашу задачу, то начальный период этой борьбы — 1606—1607 гг. — не только совпадает хронологически, но и стоит в прямой связи с восстанием Болотникова.

Начало открытой борьбы в Астрахани относится еще к последнему году царствования Бориса Годунова.

Наиболее раннее известие об обострении положения в Астрахани и Нижнем Поволжье содержится в донесении послов Бориса Годунова в Грузию — М. И. Татищева и дьяка А. Иванова. В этом своем донесении, относящемся к концу июня — июлю 1604 г., послы, сообщая царю о том, что они вынуждены были из Астрахани на Кавказ итти не сухопутным путем, а морем, объясняли это тем, что астраханские воеводы оказались не в состоянии обеспечить им охрану: «А воевода твой государев Михаило Сабуров да дьяк Офонасей Карпов о провожатых нам, холопем твоим, сказали: что у них было в Асторохани конных стрелцов, и те все розосланы для твоих государевых дел на Яик и к Солям и по иным местам и по Волге вверх *для воров казаков, которые громили суды торговых людей,* и встречю кизылбашского посла *от воров для береженья,* и послати им с нами полем стрелцов конных неково» [1].

[1] *С. Белокуров,* Сношения с Кавказом, вып. I, 1889, стр. 446.

Библиотека "Руниверс"

Уже в этом известии отмечается роль казаков как активной силы в развивающейся борьбе.

Следующий этап в развитии движения в Астрахани связан с борьбой между Лжедмитрием I и Борисом Годуновым. Исаак Масса, сообщая об успехах Лжедмитрия I во время его похода на Москву, специально останавливается на положении в Астрахани, отмечая, что Астрахань дольше всего оставалась верной Борису Годунову. В изображении Исаака Массы обстановка в Астрахани рисуется в следующем виде: «. . .Вся земля уже была под властью Димитрия, только Астрахань еще противилась ему, и ее еще держали в осаде казаки, которых послал туда зимой Димитрий, чтобы занять ее, но они не могли ее взять и получили последний ответ от воеводы, принадлежавшего к роду Сабуровых, родственников Годунова, что он не желает сдавать такое могущественное царство и будет ожидать: кто завладеет Московским государством, тому он и передаст Астраханское царство; за такой ответ Димитрий оказал ему милость, и он не понес наказания, постигшего всех его родственников» [1].

Из этой характеристики следует, что решающая роль в удержании Астрахани на стороне Бориса Годунова принадлежала астраханскому воеводе Сабурову.

Такая оценка роли Сабурова подтверждается и русскими источниками. В статейном списке посольства М. И. Татищева и А. Иванова, уже использованном нами выше для характеристики положения в Астрахани в 1604 г., мы находим материалы и для более позднего времени. Во время возвращения из Грузии послы, будучи в пути, получили 4 июня 1605 г. письмо от терских воевод, в котором воеводы сообщали послам, что не могут выслать ратных людей навстречу им, для их охраны, ввиду угрозы нападения на Терский город со стороны кумыков. Одновременно воеводы указывали, что они писали в Астрахань «к воеводе и к дьяку», чтобы те «прислали кого послать встречю послов для провожанья». Однако астраханский воевода и дьяк людей на Терек не прислали, сообщив терским воеводам, «что у них в *Асторохани от воров от казаков стала смута великая* и для того им людей послать не мочно, покаместо устроютца с казаки» [2].

Таким образом, Сабуров еще весной 1605 г., когда поражение Годуновых было уже очевидно, пытался восстанавливать «порядок» в Астрахани, несмотря на то, что борьба казаков в ней приняла еще более крупные размеры.

Столь решительная позиция Сабурова объясняется не только тем, что в борьбе с казаками он действовал как представитель крепостнического государства, но также и его тесными связями

[1] *И. Масса*, стр. 109.
[2] *С. Белокуров*, Сношения с Кавказом, стр. 513.

Библиотека "Руниверс"

с Годуновыми. Сабуровы принадлежали к ближайшей родне Годуновых [1]. Именно родство с царем и доставило М. Б. Сабурову такой видный пост, как должность первого воеводы в Астрахани. Назначенный воеводой в Астрахань весной 1602 г. [2], М. Б. Сабуров пробыл в Астрахани вплоть до правления Лжедмитрия I. Однако, несмотря на упорное стремление М. Б. Сабурова не допустить перехода Астрахани на сторону Лжедмитрия I, ему все же не удалось подавить движение в пользу Лжедмитрия.

Источники не дают возможности точно датировать время, когда в Астрахани «смутились на Ростригино имя» [3]. Правда, Лжедмитрий I в своей грамоте к населению Москвы, привезенной в Москву Г. Пушкиным и Н. Плещеевым 1 июня 1605 г., убеждая москвичей перейти на его сторону, утверждает, что «Поволские города нам, великому государю, добили же челом, и воевод к нам привели; и астороханских воевод Михаила Сабурова с товарищами к нашему царскому величеству ведут, а ныне оне в дороге на Воронеже» [4]. Грамота эта, отправленная, по польским источникам, когда Лжедмитрий I находился «под Орлом» [5], а по русским — «с Кропивны» [6], датируется второй половиной мая 1605 г. [7] Судя по этой грамоте, переворот в Астрахани произошел не позднее начала мая 1605 г., причем М. Б. Сабуров оказался в руках сторонников Лжедмитрия I.

Однако утверждение грамоты Лжедмитрия опровергается данными разрядов, из которых следует, что М. Б. Сабуров оставался астраханским воеводой и находился в Астрахани еще в конце июня 1605 г.

При этом, как ни парадоксально это может показаться, М. Б. Сабурову пришлось в качестве астраханского воеводы принимать сосланных по приказу Лжедмитрия в Астрахань своих родичей П. и И. Сабуровых: «...И [как приехали в Астрахань, и] приставы отдали Сабуровых Петра да Ивана воеводам Михайлу Богдановичу Сабурову да князю Василью Михайловичу Лобанову-Ростовскому, и воеводы по государеву наказу дали им по двору» [8].

Сопоставляя все вышеприведенные данные, можно полагать, что М. Б. Сабуров в конце концов прекратил свое сопротивление Лжедмитрию, и когда в Астрахани «смутились на Ростригино имя», то и он признал власть претендента на московский престол,

[1] См. *Платонов*, Очерки, стр. 271.
[2] «Синбирский сборник» Д. Валуева, стр. 146.
[3] С. *Белокуров*, Сношения с Кавказом, стр. 524.
[4] РИБ, т. XIII, стб. 44, 45; также ААЭ, т. II, № 34.
[5] «Старина и новизна», т. XIV, стр. 437.
[6] *Белокуров*, стр. 201.
[7] Лжедмитрий выехал из Путивля к Москве 24 (14) мая (см. *Костомаров*, стр. 121, со ссылкой на рукописный дневник Вислоуха).
[8] *Белокуров*, стр. 202. Текст в скобках из другого списка. — *И. С.*

Библиотека "Руниверс"

рассчитывая таким путем удержаться на посту астраханского воеводы. В качестве такового он и выполнял «государев наказ» Лжедмитрия I о размещении в Астрахани ссыльных П. и И. Сабуровых.

Поступая так, М. Б. Сабуров действовал вполне в духе родичей, живших в Москве. Из той же разрядной записи мы узнаем, что Сабуровы и Вельяминовы также пытались пережить гибель Годуновых и даже специально выехали навстречу Лжедмитрию в Серпухов «и крест целовали Ростриге» [1]. Но подобно тому, как целование креста Лжедмитрию не спасло Сабуровых и Вельяминовых от ареста и ссылки, так и М. Б. Сабурову не удалось сохранить своего положения, и хотя он и избежал прямого наказания (как это справедливо указывает Исаак Масса), но все же ему пришлось сменить пост первого астраханского воеводы на место воеводы в только что построенном городе Цареве-Борисове, где он и был убит во время восстания Болотникова [2].

Обстановка в Астрахани, однако, и в период нахождения у власти Лжедмитрия I оставалась не менее острой.

Повидимому, после удаления из Астрахани М. Б. Сабурова борьбу против Лжедмитрия в Астрахани возглавил тамошний архиепископ Феодосий, выступавший с обличительными речами против нового царя. Агитация астраханского архиепископа дала, однако, совершенно неожиданный эффект и едва не стоила головы самому Феодосию. Данные об этих событиях, связанных с именем Феодосия, сохранило «Житие Феодосия» [3].

---

[1] *Белокуров*, стр. 201.

[2] Там же, стр. 6 и 8.

[3] По Ключевскому, «Житие Феодосия» написано вскоре после 1617 г. «...по поручению местных церковных властей, на что указывает официальный тон рассказа, много ослабляющий интерес биографии». Однако Ключевский все же признает, что «Житие Феодосия» содержит «несколько любопытных подробностей из истории смутного времени» (*Ключевский*, Древнерусские жития святых, как исторический источник, стр. 333). С. Ф. Платонов оценивает критически значение «Жития Феодосия» как исторического источника. По мнению С. Ф. Платонова, автор «Жития», «очевидно не имел твердых сведений о событиях смутной эпохи, и это обстоятельство заставляет считать «Житие Феодосия» памятником поздним». Этот свой вывод С. Ф. Платонов строит на наличии в «Житии» «грубого анахронизма», состоящего в том, что автор «Жития» назвал Гермогена патриархом еще при Лжедмитрии. Но для нас «Житие Феодосия» важно не для изучения положения в Москве, а как источник для истории Астрахани. А с этой точки зрения ценность «Жития Феодосия» несомненна.

Костомаров, впервые привлекший «Житие Феодосия» как источник, соединяет данные «Жития» с грамотой Лжедмитрия I об астраханском воеводе Сабурове. Поэтому в изложении Костомарова получается, что Феодосия «повезли в Москву вместе с воеводою, Михайлом Богдановичем Сабуровым, упорным годуновцем» (*Костомаров*, стр. 142). Эта совместная поездка Феодосия и М. Б. Сабурова, однако, должна быть признана продуктом воображения Костомарова, и только.

Библиотека "Руниверс"

По словам «Жития», после того как «по божию попущению... царство приимшу безбожному и нечестивому Ростриге», «во граде Асторахани бысть смятения великое и распря в народе. Он же архиепископ глаголаше в народе, яко царь нечестив явися, а не правоверен, наипаче нечестив». Однако «народ» не только не внял словам архиепископа, но, напротив, речи Феодосия послужили толчком к новой вспышке борьбы в Астрахани, вспышке, еще более сильной, чем раньше: «Народи же града того хотяще его убити и не убиша, и двор его на расхищение преда (вариант: «предаша»), и многих его людей смерти предаша, и устремишася на его святопомазанную главу, отведоша его из дому владычня в Троецкой монастырь (вариант: из дому во владычный Троицкий монастырь), а ис Троицкого монастыря отпустиша его в царствующий град Москву со многим бесчестием, и поставиша его пред нечестиваго царя Ростригу» [1].

Этот рассказ «Жития» исключительно интересен, так как знакомит нас с обстановкой в Астрахани в самый канун восстания Болотникова. То, что автор «Жития» называет «смятением великим и распрей в народе», очень наглядно можно себе представить по событиям, связанным с Феодосием. Расправа астраханцев с Феодосием и изгнание его из Астрахани, «расхищение» владычного двора, убийство «многих» людей архиепископа — все это заставляет рассматривать выступление астраханцев как настоящее восстание против враждебного народу архиепископа.

Таким образом, борьба «народа», т. е. городских низов Астрахани, уже в 1605 г. порой принимала формы открытого восстания. Этот вывод очень важен для понимания и последующих событий астраханской истории.

Новым астраханским воеводой, назначенным Лжедмитрием I, явился князь И. Д. Хворостинин. Костомаров, как мы видели, считает князя Хворостинина «сосланным» в Астрахань. Такое истолкование назначения князя Хворостинина в Астрахань, однако, следует признать ошибочным, так как пост астраханского воеводы был одним из самых видных воеводских постов. Наглядным доказательством этого может служить воеводство в Астрахани М. Б. Сабурова — ближайшего родственника Бориса Годунова. Несомненно, и князь Хворостинин, принадлежавший к ближайшему окружению Лжедмитрия I, был послан в Астрахань никак не в «ссылку». Скорее и вероятнее всего выбор Лжедмитрием князя И. Д. Хворостинина объясняется стремлением послать

[1] Рукописное отделение Всесоюзной библиотеки имени Ленина. Собрание Ундольского, № 385, л. 6 об., 7. За снятие копии приношу благодарность Е. Н. Кушевой. Варианты — по списку Государственной Публичной библиотеки, Q, XVII, 28, л. 359 об., 360. За снятие копии приношу благодарность А. И. Копаневу.

Библиотека "Руниверс"

в волновавшуюся и бунтовавшую Астрахань надежного и верного человека.

Время появления князя И. Д. Хворостинина в Астрахани можно определить довольно точно. В показаниях «царевича» Петра содержится эпизод встречи Илейки с князем Хворостининым (ошибочно названным Илейкой воеводой «от Бориса Годунова»), направлявшимся в Астрахань. После того как Илейка зиму 1604—1605 гг. «зимовал» на Тереке, во дворе Григория Елагина, он, по его словам, «на лето от Григорья Елагина пошел в Васторохань, и их де взяли козаки Донские и Волские: а как пришли под Асторохань, и он де Илейка ис-под юртов от казаков ушел в Васторохань, а в Васторохани побыл с четыре недели; а из Сторохани вышел х козаком же; и пришел де яз х казаку Нагибе, и Нагиба и отказал меня, Илейку, Наметке казаку...; а от Наметки козака ис-под Асторохани взъехал вверх Волгою и до Плосково острова с козаком с Неустройком в товарыщех...; а на Плоском деи дождалися воевод от Бориса Годунова, князя Ивана Хворостинина, а со князем Иваном Хворостининым пришли в Васторохань» [1].

Таким образом, встрече Илейки с князем Хворостининым предшествовала длинная цепь скитаний Илейки, после того как он «на лето» 1605 г. двинулся с Терека к Астрахани. Все это заставляет отнести прибытие князя Хворостинина в Астрахань уже на осень 1605 г.

Дополнительные данные для определения времени прибытия князя И. Д. Хворостинина в Астрахань содержат материалы посольства М. И. Татищева и А. Иванова. Вместе с Татищевым в Москву приехал и некий «литвин Ромашка», попавший в Астрахань из Персии и оказавшийся в астраханской тюрьме, будучи посажен в нее воеводой М. Б. Сабуровым по подозрению в лазутчестве. В своих показаниях, данных в Посольском приказе, Ромашка заявил, что своим освобождением он обязан вмешательству в его судьбу М. И. Татищева: «Как приехал из Грузеи Михаило Татищев, и говорил о нем воеводе князю Ивану Хворостинину да дьяку Офонасью Карпову, чтоб его, Ромашка, отпустили к Москве» [2].

Таким образом, князь И. Д. Хворостинин был в Астрахани во время нахождения там М. И. Татищева. Можно думать, однако, что он появился в Астрахани уже после прибытия туда М. И. Татищева. Правда, нам неизвестно точное время прибытия посольства Татищева в Астрахань. Последняя по времени дата в статейном списке М. И. Татищева — это 10 июня: время приезда

---

[1] ААЭ, т. II, № 81; также Архив Строева, т. II, № 69.

[2] «Акты времени Лжедмитрия I», под ред. Н. В. Рождественского, «Чтения ОИиДР», 1918, кн. I, стр. 325.

Библиотека "Руниверс"

М. И. Татищева в Терский город. Время же отъезда М. И. Татищева из Терского города не указано, и в списке говорится лишь, что «послов с Терки отпустили воеводы в Асторохан морем» [1]. Но, повидимому, вместе с посольством М. И. Татищева из Терского города в Астрахань приехали два терских мурзы, направлявшиеся в Москву «бить челом» Лжедмитрию I. В пользу такого предположения говорит как то, что названные мурзы приехали в Москву в один день с М. И. Татищевым (12 ноября 1605 г. [2]), так и упоминание в отписке терского воеводы П. Головина, что он отпустил мурз «с Терки... до Асторохани на запасном стругу» [3] (имея в виду караван судов посольства М. И. Татищева?).

Поездка этих терских мурз представляет интерес потому, что известно время их приезда в Астрахань: вторая половина августа 1605 г. Астраханские воеводы, воспроизводя в своей отписке Лжедмитрию I текст цитированной выше отписки П. Головина, сообщают и дату ее получения ими: «Нынешнего, государь, 113-го году августа в 17 день писал к нам, холопем твоим, с Терки Петр Головин» [4].

Таким образом, если признать вероятным, что терские мурзы совершали переезд с Терека в Астрахань вместе с посольством М. И. Татищева, то М. И. Татищев приехал в Астрахань в конце августа. Но в это время князя И. Д. Хворостинина в Астрахани еще не было, ибо отписка астраханских воевод по поводу терских мурз написана еще воеводой князем В. М. Лобановым-Ростовским и дьяком А. Карповым.

Из всего вышеизложенного вытекает, что князь И. Д. Хворостинин появился в Астрахани не ранее конца августа 1605 г. С другой стороны, тот факт, что М. И. Татищев, будучи в Астрахани, имел дело с князем И. Д. Хворостининым, дает возможность определить и верхнюю хронологическую грань для времени прибытия князя Хворостинина в Астрахань. Считая, что путь от Астрахани до Москвы занял у М. И. Татищева от полутора до двух месяцев, можно думать, что отъезд М. И. Татищева из Астрахани произошел примерно в середине сентября 1605 г., причем тогда там уже находился князь Хворостинин.

После убийства Лжедмитрия I в Астрахань, как и в другие города [5], была послана царская грамота с известием о воцарении Василия Шуйского и предписанием принести присягу новому царю.

Для изучения этого периода в жизни Астрахани особенно

[1] *С. Белокуров*, Сношения с Кавказом, стр. 514, 515.
[2] Там же, стр. 473 и 517.
[3] Там же, стр. 517.
[4] Там же.
[5] ПСРЛ, т. XIV, стр. 69.

Библиотека "Руниверс"

ценный материал дает публикация А. М. Гневушева «Акты времени правления царя Василия Шуйского», в частности отписки царю Ф. И. Шереметева и челобитная астраханского переводчика Прокофия Вразского.

Сначала Астрахань присягнула Василию Шуйскому. Кроме краткого сообщения в «Карамзинском Хронографе», где отмечается, что в Астрахани «царю Василью крест целовали»[1], об этом акте гораздо более конкретно и точно говорит П. Вразский: «В прошлом, государь, в 114-м году пришла в Астрахань твоя государева грамота, что дал бог на Всероссийское государство тебя праведного и милосердаго великого государя ц. и в. к. Василья Ивановича в. Р., и холоп твой, отец мой Иван Вразской, и я, холоп твой, тебе государю крест целовали» [2]. Но этот период «верности» астраханцев Василию Шуйскому продолжался всего несколько дней. Говоря точнее, повидимому, вопрос об отношении к новому царю сразу же стал объектом острой борьбы среди астраханцев. Эта борьба нашла свое выражение прежде всего в том, что присягу Василию Шуйскому принесли далеко не все астраханцы. Если П. Вразский заявляет о себе и своем отце, что они «государю крест целовали», то он же свидетельствует и о том, что многие астраханцы «креста не целовали» [3]. Но отказ в целовании креста Василию Шуйскому был лишь внешним выражением того, насколько накалена была социальная атмосфера в Астрахани.

Это целиком подтвердилось дальнейшим развитием событий. По вопросу о начале восстания в Астрахани гораздо более подробные и точные данные по сравнению с «Новым Летописцем» и «Карамзинским Хронографом», ограничивающимися краткой записью об «измене» астраханцев и убийстве ими дьяка Афанасья Карпова и Третьяка Кашкарова, содержатся в челобитной П. Вразского.

Восстание началось 17 июня 1606 г. По свидетельству П. Вразского, события развертывались следующим образом: «В 114-м году июня в 17 день приехал ис Казани астраханской конной стрелец Соловова приказу Протасьева Васка Еремеев, а у него, государь, проезжая грамота была на Разстригино имя, и астраханские, государь, люди, в грамоте не выслушав месяца и числа, умысля воровством, не хотя тебе, государю, служити, твоего государева дьяка Офонасья Карпова и дядю моего Третьяка Кашкарова убили до смерти, и отца моего, приводя к пытке убили до полусмерти и, ограбя до нага, вкинули в тюрму чють жива» [4].

[1] *А. Попов*, Изборник, стр. 330.

[2] *Гневушев*, Акты, стр. 202.

[3] Там же, стр. 203. Хотя П. Вразский сообщает об этом уже говоря о событиях, связанных с восстанием в Астрахани, но из контекста видно, что его свидетельство о том, что многие астраханцы не целовали креста Василию Шуйскому, имеет в виду период, предшествовавший восстанию.

[4] *Гневушев*, Акты, стр. 202, 203.

Библиотека "Руниверс"

Таким образом, толчком к восстанию в Астрахани послужил приезд стрельца Васьки Еремеева. Самый этот факт приезда в Астрахань стрельца с «проезжей грамотой», написанной от имени Лжедмитрия I, стоит в связи с предполагавшейся еще в правление Лжедмитрия I сменой воевод в Астрахани.

Повидимому, Лжедмитрий I намеревался отозвать князя И. Д. Хворостинина из Астрахани в Москву, заменив его Ф. И. Шереметевым. В источниках вопрос о посылке Ф. И. Шереметева в Астрахань очень запутан. В разрядах записи о посылке Ф. И. Шереметева в Астрахань находятся после записей о воцарении Василия Шуйского. Но сами записи очень фрагментарны и сбивчивы [1]. В «Новом Летописце» посылка Ф. И. Шереметева в Астрахань также приписывается Шуйскому: «Царь же Василий повеле под Асторохань итти боярину Федору Ивановичу Шереметеву» [2].

Однако эту посылку Ф. И. Шереметева «Новый Летописец» относит уже ко времени после «измены» астраханцев.

Между тем «Карамзинский Хронограф» содержит совершенно иную версию о походе Ф. И. Шереметева в Астрахань. Известие «Карамзинского Хронографа» гласит следующее: «Во 114 году Рострига посла в Асторахан(ь) боярина и воеводу Федора Ивановича Шереметева да Ивана Дмитриевича Плещеева-Зайца да дияки с ними Григорей Иванов сын Клубоков да Лука Юрьев сын Толызин, головы писменые Семен Чередов и Афонасей Мольянинов, Чюлок Бартенев, да в Асторохань же послан к конному приказу на Иваново место Кашкарова Соловой Борисов сын Протасьев, да с московскими стрельцами головы посланы Осип Пуляев да Ондрей Микулин. И боярина Федора Ивановича Шереметева с товарыщи и астораханские люди в Асторахань не пустили и ему отказали, а царю Василью крест целовали немнога время изменили, будто с Москвы Рострига, что назывался царевичем, ушел и на Севере жив. А Третьяка Кашкарова и дьяка Афонасья Карпова убили за то, что оне их приводили за царя Василья к крестному целованию. А в Асторахани в те поры был воевода околничей князь Иван Дмитреевичь Хворостинин. И боярин Федор Иванович Шереметев с товарыщи стали от Асторахани 18 верст на острову на Балчике, и стояли два года» [3].

Таким образом, судя по «Карамзинскому Хронографу», Ф. И. Шереметев был послан в Астрахань еще Лжедмитрием I и должен был сменить на посту астраханского воеводы князя И. Д. Хворостинина. Вместе с воеводой должна была произойти и смена других представителей администрации, в частности дьяков, а также и смена военачальников, именно: стрелецких голов.

[1] *Белокуров*, Разрядные записи, стр. 85, 142, 184.
[2] ПСРЛ, т. XIV, стр. 72.
[3] *А. Попов*, Изборник, стр. 330.

Библиотека "Руниверс"

Челобитная П. Вразского помогает разобраться в противоречиях источников по вопросу о посылке Ф. И. Шереметева в Астрахань. Приехавший в Астрахань из Казани стрелец Васька Еремеев (чье появление в Астрахани вызвало восстание) был стрельцом из приказа того самого Солового Протасьева, которого «Карамзинский Хронограф» называет в числе лиц, посланных Лжедмитрием I на службу в Астрахань вместе с Ф. И. Шереметевым. То, что «проезжая грамота», с которой приехал в Астрахань Васька Еремеев, была «на Розстригино имя», т. е. была написана от имени Лжедмитрия I, решает вопрос о времени посылки Ф. И. Шереметева в Астрахань в пользу версии «Карамзинского Хронографа». Ибо проезжая грамота Ваське Еремееву могла быть написана от имени Лжедмитрия I лишь в том случае, если Ф. И. Шереметев и сопровождавшие его лица были посланы в Астрахань еще Лжедмитрием I.

В пользу такого решения вопроса о Ф. И. Шереметеве можно привести еще одно доказательство. В Муромской десятне от декабря 1605 г. имеются сведения о намечавшейся Лжедмитрием I смене служивых людей в Астрахани: «Муромцы ж дети боярские, в прошлом 113 году сказана была им государева царева и в. к. Дмитрея Ивановича в. Р. служба в Асторахань... и тем государево жалованье для тое службы по старой десятни дано вдвое. А в нынешнем 114 г. по государеву цареву и в. к. Дмитрея Ивановича в. Р. указу от астораханские службы отставлены; а что им государево жалованье дано другое, и по государеве цареве и в. к. Дмитрея Ивановича в. Р. грамоте за приписью дьяка Петра Лошакова из того жалованья велено дополнити им их оклады по нынешнему верстанью, а досталь тех денег взяти назад и додати тем детям боярским нижегородцом да арземасцам, которым ныне велено быти на государеве службе в Асторахани, сверх прежних их окладов по нынешнему верстанью вдвое» [1].

Из приведенного текста следует, что Лжедмитрием I служивые люди посылались в Астрахань дважды: первая посылка имела место в 113 г., т. е. до сентября 1605 г., вторая же посылка подготовлялась в декабре 1605 г. Представляется весьма вероятным поэтому связать первую посылку служивых людей в Астрахань с назначением туда воеводой князя И. Д. Хворостинина; вторая же посылка имела целью произвести смену определенной части астраханского гарнизона вместе со сменой воевод: заменой князя И. Д. Хворостинина Ф. И. Шереметевым.

Все эти данные делают невозможным принять точку зрения А. П. Барсукова и С. Ф. Платонова, изображающих

[1] *В. Сторожев*, Десятни XVI в. Описание документов и бумаг Московского архива Министерства юстиции, кн. VIII, 1891, стр. 87; ср. Акты Юлкова, № 266.

Библиотека "Руниверс"

Ф. И. Шереметева одним из активных участников свержения Лжедмитрия I. Мнение А. П. Барсукова, что Ф. И. Шереметев принимал участие в перевороте 17 мая 1606 г. в Москве в качестве начальника отряда войск из новгородцев и псковичей, не имеет никаких оснований в источниках. Сам А. П. Барсуков вынужден признать, что «нигде не сказано, кто предводительствовал этим войском» [1]. Отсутствие Ф. И. Шереметева в Москве с бесспорностью доказывается тем, что Ф. И. Шереметева не было на свадьбе Лжедмитрия I, состоявшейся 8 мая 1606 г., на которой он, как боярин, в случае нахождения в Москве, обязательно должен был бы быть представлен [2].

С. Ф. Платонов также называет Ф. И. Шереметева в числе бояр, «водворявших порядок» на улицах Москвы после убийства Лжедмитрия [3]. Однако источник, на который он ссылается («Дневник польских послов»), не называет имени «боярина Шереметева» [4]. Я думаю, что в определении имени этого «боярина Шереметева» прав не Платонов, а Устрялов, считающий, что это был не Ф. И. Шереметев, а Петр Никитич Шереметев [5]. Последний, бесспорно, находился в это время в Москве [6] и, как впоследствии выяснилось, являлся организатором заговора против Василия Шуйского, раскрытого вскоре после его воцарения [7].

Итак, Ф. И. Шереметева не было в Москве 17 мая 1606 г. Но он не успел достигнуть и Астрахани до майского переворота в Москве. Убийство Лжедмитрия I и воцарение Василия Шуйского застали Ф. И. Шереметева где-то в пути, по дороге в Астрахань, причем Шуйский первое время считал даже, что Ф. И. Шереметев уже находился в Астрахани. Об этом можно заключить из того, что грамоты, посланные Ф. И. Шереметеву Шуйским после воцарения, были адресованы в Астрахань и исходили из того, что Ф. И. Шереметев уже осуществляет свою власть как воевода в Астрахани. Так, например, в отписке Ф. И. Шереметева Шуйскому читаем: «...К нам, холопем твоим, *в Астрахань* прислана от тебя, государя, повеленья твоего царского величества» [8]. В той же отписке излагается содержание «государева указа» о порядке ведения переговоров с ногайским князем Иштереком: «...и они б

---

[1] *А. П. Барсуков*, Род Шереметевых, кн. II, 1882, стр. 110.

[2] Разряд свадьбы Лжедмитрия I см. у *С. Белокурова*, Разрядные записи, стр. 80.

[3] *Платонов*, Очерки, стр. 295 и примеч. 89.

[4] «Поляков навестили думные бояре Шереметев и Григорий Ромодановский» (*Устрялов*, т. II, стр. 245).

[5] См. *Устрялов*, т. II, стр. 364, указатель.

[6] Он назван в перечне бояр, бывших на свадьбе Лжедмитрия I (см. *Белокуров*, стр. 82).

[7] О заговоре П. Шереметева см. рассказ Маржерета (*Устрялов*, т. II, стр. 307).

[8] *Гневушев*, Акты, стр. 156.

Библиотека "Руниверс"

Иштерек князь з братьею и з детьми и с племянники и иные мурзы и лутчие улусные люди приехали в Астрахань; а как они *в Астрахань приедут и будут у нас, холопей твоих, в съезжей избе,* и мне, холопу твоему Федьке, велено Иштерску князю и мурзам речь говорити по твоему государеву указу, как в твоей государеве грамоте к нам, холопам твоим писано, и смотря по тамошнему делу» [1].

Таким образом, Василий Шуйский не отменил назначения Ф. И. Шереметева воеводой, произведенного Лжедмитрием I, а лишь дал ему новые инструкции, изложенные в грамоте, посланной для Ф. И. Шереметева в Астрахань.

О характере этих инструкций (в части, касающейся взаимоотношений с ногайцами) мы узнаем из «отписки» Ф. И. Шереметева и И. Салтыкова Василию Шуйскому в апреле 1608 г. с отчетом о своей деятельности. По словам Ф. И. Шереметева и И. Салтыкова, «в прошлом, государь, в 114-м (году), июня в 25 день прислана ко мне, холопу твоему, Фетке с товарыщи твоя государева грамота, за приписью дьяка Василья Телепнева, с казанцом сыном боярским с Семейкою Змеевым: что послан был от Ростриги в Ногаи к Иштереку князю з братьею и к мурзам Третьяк Кашкаров. А как он в Астрахань приедет, и нам, холопем твоим, велено у него грамоты и всякие дела, что даны ему от Ростриги, и посылку взяти». Царь предписывал Ф. И. Шереметеву объявить князю Иштереку о низложении и смерти Лжедмитрия и о воцарении его, Василия Шуйского [2].

Но все эти инструкции уже опоздали. Как видно из только что приведенного текста, царская грамота была получена Ф. И. Шереметевым 25 июня 1606 г., т. е. уже неделю спустя после переворота в Астрахани. Поэтому Ф. И. Шереметев мог лишь ответить царю, что он был лишен возможности выполнить царские «повеленья»: «в Астрахани, государь, князь Иван Хворостинин и астраханские люди тебе, государю, изменили и нас, холопей твоих, в город не пустили» [3].

Возвращаясь к обстоятельствам возникновения восстания в Астрахани, следует еще раз коснуться вопроса о приезде Васьки Еремеева. У нас нет оснований рассматривать Ваську Еремеева как сознательного зачинщика восстания астраханцев. Ни П. Вразский, ни другие источники ничего не говорят ни о каких-либо «воровских» целях приезда Васьки Еремеева, ни о его активной роли в перевороте 17 июня. О легальном характере поездки Васьки Еремеева можно заключить и из того, что он был снабжен «проезжей грамотой», которая имела значение документа,

[1] *Гневушев,* Акты, стр. 157.
[2] Там же, стр. 156.
[3] Там же, стр. 157.

Библиотека "Руниверс"

удостоверявшего законный характер поездки данного лица в низовые поволжские города [1].

Вероятнее всего, Васька Еремеев был послан в Астрахань его начальником, Соловым Протасьевым, с тем или иным поручением раньше Ф. И. Шереметева с товарищами, еще до получения ими известий о низложении Лжедмитрия I. Несомненно, именно это имеет в виду П. Вразский, обвиняя астраханцев в том, что они не выслушали «месяца и числа» в проезжей грамоте у Васьки Еремеева, которые, очевидно, были более ранними по времени, чем 17 мая 1606 г.

Но если у нас нет оснований приписывать Ваське Еремееву роль возмутителя Астрахани, то тем не менее самый факт его приезда сыграл роль искры, вызвавшей взрыв. Очевидно, грамота «на Розстригино имя», с которой приехал Васька Еремеев, была воспринята астраханцами (или была представлена им) как доказательство того, что «царь Димитрий» жив и что заявления о его смерти являются кознями его врагов. В таком случае Василий Шуйский оказывался узурпатором, а целование ему креста — изменой «царю Димитрию».

Правда, как это подчеркивает П. Вразский, все могло быть удовлетворительно разъяснено сопоставлением дат «проезжей грамоты» Васьки Еремеева и полученной перед этим в Астрахани грамоты Шуйского. Но обстановка в Астрахани была вовсе не такая, чтобы заниматься изучением текста грамот. В столь напряженной атмосфере, в какой жила Астрахань, оказалось, таким образом, достаточно простого наличия грамоты от имени «царя Димитрия», чтобы астраханские люди, «не выслушав месяца и числа» в грамоте, привезенной Васькой Еремеевым, поднялись на расправу со сторонниками Шуйского.

В сообщениях источников о расправе астраханцев со сторонниками Шуйского особый интерес представляет известие об убийстве восставшими Третьяка Кашкарова.

На первый взгляд совершенно непонятно, каким образом Третьяк Кашкаров, только что выполнявший ответственное дипломатическое поручение Лжедмитрия I (поездка к ногайскому князю Иштереку), оказался убитым за то, что приводил астрахан-

[1] Исчерпывающая характеристика проезжих грамот содержится в отписке нижегородских воевод князя В. И. Бахтеярова-Ростовского с товарищами царю Михаилу Федоровичу в 1614 г.: «А наперед, государь, сего до смутных лет был прежних государей указ с Москвы: изо всех Верховых городов ездили в Понизовые городы всякие люди, а давали им проезжие грамоты для укрепленья, чтоб не бегали на Волгу и на Дон к казаком; а хто поедет без проезжие грамоты, и тех, государь, людей имали по городом и сажали в тюрьму, и вором, государь, было страшно, и на Низ воров на Волгу и на Дон мало прохаживало» (*Н. И. Веселовский*, Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией, т. II, стр. 236. В дальнейших ссылках: *Н. И. Веселовский*, Памятники).

Библиотека "Руниверс"

цев к крестному целованию за Шуйского. Позиция Т. Кашкарова в Астрахани может показаться тем более удивительной, что правление Лжедмитрия I принесло ему не только карьеру, но и крупные земельные пожалованья: в декабре 1605 г. он получил прибавку к поместному окладу, увеличенному с 500 до 650 четей [1].

Все это, казалось бы, должно было превратить Т. Кашкарова в стойкого приверженца Лжедмитрия I. Можно думать, что Т. Кашкаров и являлся таковым до приезда в Астрахань. Но, попав в Астрахань, Т. Кашкаров оказался в совершенно иной обстановке — в обстановке нараставшего восстания астраханских низов, для которых лозунг «царя Димитрия» означал не поддержку исторически реального Лжедмитрия I, а являлся идеологической формой выражения протеста против крепостнического строя. В этих-то условиях, после получения в Астрахани грамоты Шуйского об убийстве Лжедмитрия, Т. Кашкаров и превратился из представителя и сторонника Лжедмитрия в защитника власти нового царя — Василия Шуйского, как силы, способной удерживать в покорности угнетенные массы.

Таким образом, уже в факте убийства Т. Кашкарова ярко отразился классовый характер астраханского восстания как восстания, направленного против господствующего класса крепостников-помещиков.

Говоря о начале восстания в Астрахани, необходимо коснуться также вопроса о роли в событиях 17 июня 1606 г. князя И. Д. Хворостинина. Источники или вовсе не упоминают об активной роли князя Хворостинина в перевороте (например, П. Вразский), или ограничиваются лишь общим замечанием, что «князь Иван Хворостинин и астраханские люди» изменили Шуйскому (отписка Ф. И. Шереметева). Тем не менее активная роль князя И. Д. Хворостинина в перевороте в Астрахани вряд ли может подлежать сомнению, ибо князь Хворостинин не только остался воеводой в Астрахани после переворота, но и сохранил руководящую роль в астраханских делах и в течение последующих лет [2]. Не исключено поэтому, что именно князь Хворостинин использовал привезенную Васькой Еремеевым грамоту для организации переворота.

Мы, таким образом, имеем все основания для признания того, что князь И. Д. Хворостинин играл в Астрахани роль, аналогичную роли князей Шаховского и Телятевского в Путивле и

---

[1] Акты Юшкова, № 266

[2] См. известную грамоту от 1608 г. князя И. Д. Хворостинина, обозначенного в ней как «боярин и воевода» царя Дмитрия Ивановича, к ногайскому князю Иштереку с призывом быть верным царю Дмитрию и не поддерживать сношений с «изменником Федькой Шереметевым» (СГГиД, т. II, № 155).

Библиотека "Руниверс"

Туле, — роль политического авантюриста, стремившегося использовать в своих собственных целях движение народных масс.

Астрахань явилась одним из самых стойких центров борьбы против Василия Шуйского. Все попытки Шуйского подавить восстание астраханцев оказались безуспешными, и Ф. И. Шереметев, простояв под Астраханью, «в городке» на острове Балчике, «до осени» 1607 г., должен был сначала — в октябре 1607 г. — отступить к Царицыну [1], а затем и вовсе был отозван из Низовых городов.

Рассмотрение этих дальнейших этапов борьбы в Астрахани не входит в нашу задачу. Следует, однако, попытаться уяснить себе природу и характер той борьбы, которая потрясала астраханское общество во время восстания Болотникова.

Интенсивность борьбы в Астрахани объясняется самым характером Астрахани как города.

Астрахань начала XVII в. принадлежала к числу крупнейших городов Русского государства. По характеристике одного из очевидцев, относящейся к 1614 г., Астрахань — «город каменной, а людей в нем тысяч з 10» [2]. Крупные размеры населения Астрахани подтверждаются и другими источниками. Расположенная в начале Волжского торгового пути, Астрахань являлась центром торговых и иных сношений с Персией, Кавказом и Средней Азией. Играя роль одного из важнейших экономических центров, Астрахань была вместе с тем важнейшей крепостью на юго-востоке Русского государства, являясь главной базой снаряжения и снабжения войск, действовавших на Кавказе. Эта военная роль Астрахани очень выпукло очерчена в наказе русским послам в Грузию в 1601 г. В ответ на возможный вопрос о причинах задержки похода русских войск на Кумыцкую землю послам предписывалось сослаться на большой пожар, бывший в Астрахани, что очень осложнило формирование рати: «А то ведаете сами: коли государева рать бывает верховских городов, и тем ратным людем всякие хлебные запасы и зелье и свинец все давано в Асторохани. А запасов было в Асторохани вперед всегда лет на 5 и на 6 и на 10» [3]. В том же наказе перечисляются сгоревшие «дворы воеводские, и дворянские, и голов стрелецких и казатцких, и детей боярских и сотников, и стрелцов, и казаков, и всяких служилых людей» [4]. Этот выразительный перечень указывает на крупные размеры и собственного гарнизона Астрахани, что, как увидим ниже, подтверждается и цифровыми данными.

Наиболее важный материал для ознакомления с социальным обликом Астрахани начала XVII в. содержится в «обыске»,

[1] См. об этом у *Гневушева*, Акты, стр. 171.
[2] *С. Белокуров*, Сношения с Кавказом, стр. 546.
[3] Там же, стр. 337.
[4] Там же, стр. 336.

Библиотека "Руниверс"

произведенном в Астрахани в 1616 г. по делу о злоупотреблениях астраханского воеводы и приказных. Материалы «обыска», уже послужившие предметом специального исследования В. Н. Бернадского [1], дают возможность составить представление о трех важнейших социальных группах в составе населения Астрахани: служилых людях — дворянах, стрельцах и купцах. При этом мы считаем возможным использовать материалы «обыска» 1616 г. и для характеристики Астрахани кануна восстания, исходя из допущения, что за десятилетие, отделяющее материалы «обыска» от 1606 г., в социальной структуре населения Астрахани не могло произойти коренных изменений.

Основную ценность «обыска» 1616 г. представляют «распросные речи» астраханцев, где поименованы лица, привлеченные к «распросам». Всего было допрошено около полутора тысяч астраханцев, в том числе:

Попы, дьяконы и монахи	18	человек
Стрелецкие головы и сотники	13	»
«Дворяне и дети боярские Астраханского города»	52	»
«Дворяне и дети боярские Казанские жильцы»	45	»
«Дворяне и дети боярские Чебоксарского города»	8	»
«Дворяне и дети боярские Свияжского города»	12	»
«Нижегородские иноземцы — литва и немцы»	62	»
Астраханские подьячие	12	»
Астраханские конные стрельцы приказа Д. И. Милославского	172	»
Астраханские стрельцы приказа А. Н. Шушерина	91	»
Астраханские стрельцы приказа И. Г. Черткова	268	»
Казанские стрельцы приказа Г. А. Пальчикова	308	»
Казанские стрельцы приказа С. С. Соковнина	334	»
Астраханские пушкари	22	»
Астраханские посадские торговые земские люди	94	»
Торговые люди из гостиного двора «верховых» городов	18	»
Купцы кизильбашцы с Гилянского двора	19	»
Купцы бухарцы с Бухарского двора	7	»
Астраханские купцы — армяне	7	»
Всего	1 563	человека [2]

Приведенные цифры, конечно, нельзя рассматривать как охватывающие все население Астрахани. По справедливому замечанию В. Н. Бернадского, среди привлеченных к «распросам» совершенно отсутствуют представители «социальных низов» Астрахани, т. е. холопы, мелкие торговцы и ремесленники. Однако, сопоставляя количество допрошенных астраханцев с цифрой в 10 000, которой

[1] *В. Н. Бернадский*, Конец Заруцкого. Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института имени Герцена, т. XIX, 1939.

[2] *Н. И. Весловский*, Памятники, т. III, стр. 84—124. Группировка по рубрикам и подсчеты мои. У В. Н. Бернадского имеются неточности (назв. работа, стр. 99).

Библиотека "Руниверс"

определяли в 1614 г. размеры населения Астрахани, следует признать, что допрошенные составляли значительную часть населения Астрахани (мы не считаем возможным выразить это в процентном отношении, так как не ясно, все ли население Астрахани подразумевается в цифре 10 000 или же только мужчины). Поэтому, несмотря на неполноту охвата, «распросные речи» 1616 г. дают единственный в своем роде массовый статистический материал о населении Астрахани и в этом смысле, действительно, «представляют своеобразную перепись населения Астрахани» [1].

Первый вывод, который позволяют сделать материалы «обыска», — это то, что служилые люди — дворяне — составляли достаточно крупную группу среди населения Астрахани. При этом наряду с дворянами из других городов, служившими в Астрахани, там имелось и значительное число служилых людей — постоянных жителей Астрахани: «дворян и детей боярских Астраханского города».

Не менее ярко материалы «обыска» характеризуют и другую группу населения Астрахани — астраханских торговых людей. «Обыск», несомненно, захватил лишь верхние слои посада. Тем показательнее количество «астраханских посадских торговых земских людей», представленных в «распросных речах» [2]. Второй момент, отраженный в материалах «обыска» — значительная группа приезжих торговых людей, как русских купцов из «верховых» городов, так и купцов иностранных (кизилбашцев, бухарцев, армян), — обусловливался ролью Астрахани в международной торговле как крупнейшего центра по торговле Русского государства с Востоком [3].

Что касается стрельцов, то использование данных «обыска» об этой группе населения Астрахани осложняется скудостью сведений о стрельцах в «распросных речах». В подавляющем большинстве случаев «распросные речи» отмечают лишь происхождение данного стрельца из той или иной местности. Лишь крайне редко (в 57 случаях), по неясным основаниям, сведения о происхождении стрельца заменяются указаниями на ремесло, которым занимается данный стрелец. Недостаточно ясно также и соотно-

[1] *В. Н. Бернадский*, цит. соч., стр. 99.

[2] Среди документов, опубликованных С. Белокуровым, имеется опись имущества астраханского посадского человека Первуши Изборова. Опись эта, произведенная в 1604 г., дает возможность познакомиться более конкретно с тем, что собой представлял астраханский купец. Помимо домашнего имущества, на дворе у П. Изборова было обнаружено «1000 савров (лошадиных кож. — *И. С.*), 300 кож коровьи да 30 опойков». Кроме торговли кожей (достаточно крупных размеров), П. Изборову еще принадлежали в рыбном ряду амбар и лавка, которую он сдавал в наем (*С. Белокуров*, Сношения с Кавказом, стр. 329).

[3] Нельзя поэтому согласиться с мнением П. Г. Любомирова, что Астрахань «едва ли имела более или менее значительный посад» (*П. Г. Любомиров*, Очерки по истории Нижегородского ополчения, стр. 22).

Библиотека "Руниверс"

шение между теми приказами, которые названы в «обыске» «астраханскими», и теми, которые фигурируют под именем «казанских». Естественнее всего считать, что нахождение «казанских» приказов в Астрахани носило временный характер, в то время как «астраханские» приказы составляли постоянный гарнизон Астрахани. Однако стрельцы-ремесленники упоминаются не только среди стрельцов «астраханских» приказов, но и среди стрельцов «казанских», что как будто говорит в пользу того, что и «казанские» приказы находились в Астрахани достаточно длительный срок.

Отмеченные особенности материалов «обыска», однако, не лишают их значения ценнейшего источника для характеристики астраханских стрельцов.

Характерной особенностью астраханских стрельцов были два момента: присутствие в их составе стрельцов — выходцев из самых различных городов Русского государства и наряду с этим наличие большой группы стрельцов — постоянных жителей Астрахани. Последняя группа, естественно, была особенно значительна в «астраханских» приказах, составляя в трех «астраханских» приказах 167 человек [1].

Что касается социального лица астраханских стрельцов, то для этого вопроса очень важны указания «обыска» на ремесла, с которыми были связаны стрельцы в Астрахани. Правда, никаких выводов количественного порядка данные «обыска» сделать не позволяют (вследствие их неполноты и случайного характера упоминаний о ремесле). Но они другим способом раскрывают широкое распространение ремесла среди астраханских стрельцов. Если, как только что сказано, по данным «обыска» нельзя вычислить количество стрельцов, занимавшихся ремеслами, то зато по ним можно составить достаточно отчетливое представление о количестве ремесел, которыми занимались стрельцы. В «обыске» перечислены стрельцы — ремесленники 28 специальностей: сапожники, скорняки, хомутинники, шубники, седельники, овчинники, завязошники, строчники, рукавишники, кузнецы, бронники, кожевники, котельники, холщовники, портные мастера, епанешники, шапошники, строгальщики, половые, плотники, рыбники, мясники, овощники, винокуры, масленики, калашники, оловенишники, серебряники [2].

Столь широкое распространение ремесел среди астраханских стрельцов свидетельствует о том, что общераспространенное

[1] В. Н. Бернадский указывает, что «среди стрельцов и пушкарей названо около 200 астраханцев» (цит. соч., стр. 99), но эта цифра не подтверждается моими подсчетами.

[2] Пользуюсь данными В. Н. Бернадского (цит. соч., стр. 100). Исключаю пушкаря — «ситника».

Библиотека "Руниверс"

явление, когда стрелец обычно бывал и ремесленником (или мелким торговцем), имело место и в Астрахани [1].

Таковы те данные, которые можно извлечь из «обыска» 1616 г. для характеристики астраханских дворян, купцов и стрельцов. Население Астрахани, однако, не исчерпывалось названными социальными группами. Поэтому, как правильно замечает В. Н. Бернадский, для полного представления о населении Астрахани следует «к названным сотням служилых людей и стрельцов, к сотне астраханских торговцев, к десяткам приезжих купцов прибавить многочисленных мелких торговцев с базара, ремесленников, рыбаков, судовых казаков, ногаев, живущих в соседних слободах, наконец, холопов астраханских бояр и иранских купцов» [2]. Типичным представителем таких элементов астраханского населения являлся Илейка Муромец, будущий «царевич» Петр, который в бытность его в Астрахани работал и судовым «казаком», и продавцом чужих товаров на астраханском базаре, и, наконец, был казаком — военным. Источники, однако, не сохранили об этих слоях населения Астрахани такого рода материалов, как «обыск» 1616 г., и лишь по отдельным отрывочным данным можно составить представление о той социальной группе, которая играла главную роль в развернувшейся в Астрахани борьбе.

Социальная структура населения Астрахани, таким образом, характеризуется наличием мощной городской верхушки, состоявшей из дворян и купцов, и вместе с тем — существованием многочисленного населения, принадлежавшего к городским низам, к которым в значительной степени относились и стрельцы, тесно связанные с ремесленниками.

Такой состав населения Астрахани с неизбежностью порождал острые классовые конфликты между городскими верхами и низами. Борьба в Астрахани приняла ярко выраженный антикрепостнический характер. Расправа восставших с представителями царской администрации сопровождалась расправой и с астраханскими дворянами и купцами. С замечательной яркостью это выступает на примере П. Вразского.

Прокофий Вразский принадлежал к помещичьей верхушке

---

[1] Упоминавшаяся уже нами опись имущества Первуши Изборова содержит интересные данные и для характеристики астраханских стрельцов. В частности, именно стрельцы снимали у П. Изборова лавку: «В рыбном ряду лавка, да онбар, а в лавке рыба. А сказывали конные стрельцы Бориско Карпов да Сидорко Михайлов, что та рыба их, а ту лавку взяли у Первуши в наем... Бредень; а конные стрельцы Бориско да Сидорко сказали, что тот бредень их» (*С. Белокуров*, Сношения с Кавказом, стр. 329). Таким образом, Борис Карпов и Сидорко Михайлов соединяли в своем лице и конных стрельцов, и рыбаков, торговцев рыбой, и арендаторов чужой лавки.

Стеречь опечатанную лавку также было приказано «рыбником: гулящему козаку Тереху да стрелцу Якушку рыбнику» (там же).

[2] *В. Н. Бернадский*, цит. соч., стр. 100.

Библиотека "Руниверс"

Астрахани. Наиболее видным представителем тех кругов, с которыми был связан П. Вразский, являлся его дядя Третьяк Азарьевич Кашкаров (с «вичем» он пишется в Арзамасских актах, № 163). Т. Кашкаров был, как мы видели, крупным помещиком Арзамасского уезда. В земельных актах, опубликованных С. Б. Веселовским, неоднократно упоминаются крестьяне Т. Кашкарова в качестве послухов при отделе земель (см. «Арзамасские поместные акты», по указателю). Из десятни 1605 г. нам известен и размер поместного оклада Т. Кашкарова: 650 четей. Видная роль, которую Т. Кашкаров играл при Лжедмитрии I, уже отмечалась нами выше. К этому следует добавить, что и Василий Шуйский также предполагал в переговорах с ногайскими князьями «государевым делом промышляти» через Т. Кашкарова [1].

Второй дядя П. Вразского, Иван Азарьев Кашкаров, также принадлежал к дворянским верхам Астрахани [2], будучи головой конного приказа астраханских стрельцов [3], причем в этой должности источники знают И. Кашкарова еще в 90-х годах XVI в. [4]

О своем отце, Иване Вразском, П. Вразский не сообщает подробных данных. Но сохранившиеся об И. Вразском сведения от несколько более позднего времени позволяют отнести Ивана Вразского к тому же кругу, к какому принадлежал и Т. Кашкаров. Сведения эти относятся к 1614 г. В этом году Иван Вразский был назначен приставом к гонцу от иранского шаха Аббаса к царю Михаилу Федоровичу и сопровождал шахского гонца от Астрахани до Казани, откуда был казанскими воеводами послан в Москву «ко государю»[5]. Таким образом, И. Вразскому доверялись весьма ответственные поручения, что, конечно, предполагает его принадлежность к верхам астраханских служилых людей.

Сам Прокофий Вразский занимал в Астрахани должность переводчика («переводчишко татарским грамотам и ярлыком», как он говорит о себе в своей челобитной). Свое служебное положение он определяет следующим образом: «Служу я, холоп твой, ис твоей государевой отчины из Астрахани в ряду в жильцах всякие твои государевы службы» [6]. Повидимому, в 1606 г. П. Вразский еще не был отделен от отца и не имел поэтому своего поместья [7].

---

[1] *Гневушев*, Акты, стр. 157.

[2] Поместный оклад его равнялся 700 четям; земли И. Кашкарова находились в Арзамасском и Касимовском уездах (*С. Б. Веселовский*, Арзамасские поместные акты, М. 1916, № 83. В дальнейших ссылках: «Арзамасские поместные акты»).

[3] *А. Попов*, Изборник, стр. 330; ср. стр. 322.

[4] Акты Юшкова, № 251, 252, 253, 254, 255.

[5] *Н. И. Веселовский*, Памятники, т. III, стр. 16, 17.

[6] *Гневушев*, Акты, стр. 202.

[7] Свой «оклад» П. Вразский определяет в челобитной в 16 рублей «царского денежного жалованя» и 32 чети «хлеба ожаного и ярового» (*Гневушев*, Акты, стр. 206).

Библиотека "Руниверс"

Но позднее, в 1612 г., он владел поместьями в Арзамасском и Свияжском уездах [1], причем поместье П. Вразского в Арзамасском уезде состояло из села и двух деревень [2].

Ф. И. Шереметев, посылая челобитную П. Вразского Василию Шуйскому, характеризует П. Вразского как доверенное лицо в переговорах с ногайскими князьями, указывая, что «о всяких о твоих государевых о великих делех с-Ыштереком князем и с мурзами ссылались мы холопи твои им Прокофьем, потому что Иштерек и все мурзы его знают» [3].

Все эти биографические данные о П. Вразском и его родичах представляют интерес в том отношении, что дают возможность подробнее познакомиться с социальным лицом одной из боровшихся в Астрахани сил — противников восстания.

Классовая принадлежность П. Вразского к астраханскому дворянству определила его позицию (равно как и позицию его родственников) в астраханских событиях. Мы видели, что на первоначальном этапе борьбы П. Вразский выступает сторонником Василия Шуйского и целует вместе с отцом крест новому царю. В восстании 17 июня 1606 г. семья Вразских — Кашкаровых явилась объектом расправы со стороны восставших: его дядя, Т. Кашкаров, был убит, а отца П. Вразского «приводя к пытке убили до полусмерти и, ограбя до нага, вкинули в тюрьму чуть жива». Позднее в тюрьму была брошена и мать П. Вразского [4]. Сам П. Вразский уцелел, и ему удалось спустя некоторое время бежать из восставшей Астрахани. В челобитной Василию Шуйскому П. Вразский так объясняет мотивы своего бегства: «И я, холоп твой, увидев и уведав у астраханских людей у многих, что тебе государю изменили, креста не целовали, а, умысля своим воровством, говорят, что тебе, государю, и вперед служити не хотят, и я, холоп твой, помня твое государево крестное целованье, в прошлом 114-м году августа в 15 день бежал из Астрахани на Балчик к твоему государеву боярину и воеводам к Федору Ивановичу Шереметеву с товарыщи» [5]. В дальнейшем в лагере Шереметева П. Вразский помимо своей дипломатической деятельности принимал и непосредственное участие в военных действиях против восставших или, как он выражается в своей челобитной, «с твоими государевы изменники бился явственно» [6].

Восстание в Астрахани было направлено не только против дворян, но и против купцов. Исаак Масса отмечает, что в лагере Ф. И. Шереметева на Балчике «было примерно полторы тысячи

[1] «Арзамасские поместные акты», № 319, 320, 407.
[2] Там же, № 407.
[3] *Гневушев*, Акты, стр. 202.
[4] Там же, стр. 206.
[5] Там же, стр. 203.
[6] Там же.

Библиотека "Руниверс"

купцов из Астрахани и других мест по берегам Каспийского моря, бежавших туда со всем своим имением» [1]. Это свидетельство Массы достаточно красноречиво характеризует позицию астраханских купцов по отношению к восстанию. Дело, конечно, не в абсолютных цифрах количества бежавших купцов (где Масса явно преувеличивает), а в самом факте массового бегства астраханских купцов из восставшего города в лагерь осаждавшего Астрахань войска Шереметева. И это существо свидетельства Массы заслуживает полного доверия (особенно, учитывая специальный интерес Массы ко всему связанному с вопросами торговли). Несомненно также и то, что, хотя Масса говорит о «купцах» вообще (не выделяя особо русских и иностранных купцов), его свидетельство (именно в силу общего характера) относится столь же к иностранным, как и к русским купцам.

О бегстве купцов из Астрахани говорят и русские источники. Так, Ф. И. Шереметев в своей отписке Василию Шуйскому указывает, что он лишен возможности давать царево «жалованье» ногайским князьям, так как «в твоей государеве казне платья нет, *а торговые люди все вверх поехали,* а которые немногие остались на Царицыне, и у тех никаких товаров нет» [2].

Враждебная позиция астраханских купцов по отношению к восстанию вполне закономерна. Она была подготовлена всем ходом развития борьбы в Астрахани. Одной из существенных черт обстановки в низовых поволжских городах в период, предшествовавший восстанию в Астрахани, являлось широкое распространение на Волге отрядов «воровских» казаков, разбивавших и грабивших в первую очередь купеческие караваны. О масштабах этих действий казацких отрядов можно судить хотя бы по заявлению, сделанному 29 декабря 1606 г. в Кракове представителями Василия Шуйского — князем Г. Волконским и А. Ивановым. По данным правительства Шуйского, волжские и терские казаки, действовавшие на Волге во время правления Лжедмитрия I, «многих торговых людей, которые шли с Москвы и из-ных многих городов в [А]сторохань, а из Асторохани шли в судех вверх к Козани, побивали и пограбили, и многие товары и денги и несчетную казну взяли — больши десяти сот тысяч золотых польских, а русским числом больши 300 000 рублев» [3].

В приведенной характеристике бросается в глаза особое подчеркивание разрушительного действия казачьих грабежей на астраханскую торговлю. Как реагировала на это торговая Астрахань, видно из показания Илейки-Петра, что казачий отряд, с

[1] *И. Масса,* стр. 153.
[2] *Гневушев,* Акты, стр. 169.
[3] Сб. РИО, т. 137, стр. 351, 352.

Библиотека "Руниверс"

которым он весной 1606 г. пришел с Терека под Астрахань, не пустили в Астрахань «для (т. е. опасаясь. — *И. С.*) грабежа» [1].

Восстание в Астрахани означало для астраханских купцов непосредственную и реальную угрозу их богатству [2]. Это и обусловило место астраханских купцов на стороне врагов восстания.

Если силами, враждебными восстанию, являлись дворяне и купцы, то движущей силой астраханского восстания были городские низы — от стрельцов до холопов. К ним надо добавить также казаков, как терских, так и волжских и даже яицких [3].

Источники, говоря о восставших астраханцах, чаще всего называют их общим термином «астраханские люди». Однако не трудно раскрыть социальное содержание этого термина.

Наиболее активная роль в астраханском восстании принадлежала, повидимому, стрельцам и казакам. Роль этих социальных групп в восстании очень хорошо можно проследить по материалам, относящимся к концу 1607 г., непосредственно после взятия войсками Василия Шуйского Тулы. Подавив основной центр восстания Болотникова, Василий Шуйский сделал попытку привести в покорность и астраханцев. На этот раз, однако, царь избрал не метод подавления восстания силой, а попытался разложить ряды восставших изнутри.

Этот ход Василия Шуйского изложен в источниках следующим образом. После того как Тула пала и «тульские сидельцы» оказались в руках Шуйского, «в ту ж пору присланы от государя из-под Тулы к боярину и к воеводе к Федору Ивановичу Шереметеву тульские сидельцы астраханские стрельцы Костя Матвеев да терские казаки Ивашко Симанов с товарыщи восемь человек, а пошли они из Астрахани с тем жо вором с-Ылейкою з Григорьевским холопом Елагина, а с Тулы они вину свою принесли и пришли к великому государю ц. и в. к. Василью Ивановичу в. Р. И боярин и воевода Федор Иванович Шереметев тех астра-

[1] ААЭ, т. II, № 81.

[2] В книге И. Саввинского «Историческая записка об Астраханской епархии за 300 лет ее существования» (Астрахань, 1903) отмечается, что «в Астрахани, по удалении Феодосия, донские казаки в сообществе с терскими *разграбили все богатые дома купеческие* и нарекли беглеца Василия Елагина(!) царевичем Петром» (назв. соч., стр. 117. Курсив мой. — *И. С.*). Автор не указывает источника этого сообщения, но он использовал в своей книге ряд местных архивных материалов.

[3] Источники называют среди участников астраханского восстания также «юртовских татар» (см., например, *Гневушев*, Акты, стр. 161, 162, 163, 164, 168, 190, 191 и др.). Однако вопрос о юртовских татарах (под которыми в русских источниках подразумеваются полуоседлые ногайские улусы, расположенные под самой Астраханью), тесно связанный с более общим вопросом о взаимоотношениях между Большой Ногайской ордой и Русским государством в начале XVII в., должен быть предметом самостоятельного исследования (о юртовских татарах см. *А. А. Новосельский*, Борьба Московского государства с татарами в XVII в., М. — Л. 1948, стр. 56).

Библиотека "Руниверс"

ханских стрельцов и терских казаков для уверенья государевых изменников астраханских и терских воров послал от себя з грамоты в Астрахань и на Терек ко всяким людем, чтоб оне конечную свою погибель ведали и воров у себя обличали, которые воровством смущали и ныне их смущают, и бедных бы своих кровь не проливали, тех своих товарищей, астраханских стрельцов и терских казаков, расспросили, которые с ними в воровстве и в-ызмене были з Григорьевским холопом Елагина с-Ылейкою, которой назвался Петрушкою, вместе они из Астрахани и с Терка пошли; и роспрося б их, вину свою к великому государю ц. и в. к. Василью Ивановичу в. Р. принесли, а великий государь... их пожалует, покроет вину их своею царьскою милостью» [1].

Таким образом, план Василия Шуйского заключался в том, чтобы использовать наличие в войске Болотникова астраханских стрельцов и терских казаков, часть которых принесла повинную, послав из их числа своего рода делегацию в Астрахань для уговоров «своих товарищей» — стрельцов и казаков. Этот хитроумный ход царя, однако, не дал никаких результатов. Перебежчикам не только не удалось склонить восставших астраханцев к прекращению борьбы, но пришлось самим спасаться бегством из Астрахани: «12 января (1608 г. — *И. С.*) прибежали к боярину и воеводам на Царицын астраханские стрельцы и терские казаки Костька Матвеев, Ивашко Симанов с товарыщи, которые были в Астрахань и на Терек посланы» [2].

В Астрахани события развертывались в такой последовательности. По словам К. Матвеева и И. Симонова, около Астрахани их встретили «воровские казаки Федот Болдырь с товарыщи и, взяв у них грамоты, которые были в Астрахань и на Терек от боярина и воевод посланы, отвезли в Астрахань к государевым изменником». В Астрахани появление посланцев от царя, с грамотой от воевод, первоначально произвело некоторый эффект: «И астраханские и терские, слышев тое грамоту, многие хотели великому государю... добити челом и вину свою принести». Но как раз в этот момент «приехали в Астрахань воры казаки Ясат Юрьев да Ивашко Онисимов с товарыщи», которые, подтвердив падение Тулы, вместе с тем «про Растригу затеев воровством, сказали ложно, бутто он жив на Орле». Это заявление Ясата Юрьева и Ивашки Анисимова сразу изменило настроение астраханцев и свело на нет все результаты «миссии» К. Матвеева и И. Симонова: «И к тем де вором х козаком астраханские воры пристали, которые у них смуту учинили, и тем боярским грамотам не поверили, а хотят де послать вскоре на Украину по Крымской стороне станицу проведывать про Мертвого Растригу, а посылают

[1] *Гневушев*, Акты, стр. 180.
[2] Там же, стр. 180, 181.

Библиотека "Руниверс"

в той станице вора Петрушку Уварова, а с ним астраханских стрельцов и юртовских татар полтораста человек» [1].

Изложенный эпизод важен в том отношении, что вводит нас в обстановку внутри восставшей Астрахани. На всем протяжении борьбы вокруг грамот воевод Василия Шуйского наиболее активную роль в ней играют стрельцы и казаки. Значение стрельцов среди восставших подчеркивается уже самым фактом посылки стрельцов-перебежчиков и именно для уговора стрельцов. Стрельцы же названы и в составе «станицы», предназначавшейся астраханцами для посылки «проведывать Растригу». Наиболее существенными, однако, являются данные об участии астраханских стрельцов в отряде Илейки-Петра. Выше мы отмечали, что Илейку весной 1606 г. «не пустили» в Астрахань. Но, как видно из рассматриваемых материалов, астраханские низы, в частности стрельцы, совершенно иначе реагировали на появление Илейки — «царевича» Петра — у Астрахани. Присоединение части астраханских стрельцов к отряду Илейки-Петра и дальнейшее участие астраханских стрельцов (в составе войска «царевича» Петра) в восстании Болотникова отражало в себе позицию основной массы астраханских стрельцов, нашедшую свое выражение в активном участии стрельцов в астраханском восстании. Такой вывод является тем более правомерным, что между восставшей Астраханью и войском Болотникова продолжали сохраняться связи, наличие которых ярко выступает в факте приезда в Астрахань после падения Тулы казаков Юрьева и Анисимова, целью которых было опровергнуть официальную версию о прекращении борьбы восставшими, распространявшуюся Василием Шуйским, и уверить астраханцев в том, что «царь Димитрий» жив (что, как мы видели, им и удалось).

Наряду со стрельцами не менее активную роль источники отводят и казакам, что следует поставить в связь с близостью между астраханскими стрельцами и терскими казаками как в социальном отношении, так и по месту, занимаемому в войске (эту близость особенно наглядно можно наблюдать на примере Илейки, успевшего во время своих приездов в Астрахань побывать и в стрельцах, и в казаках).

В качестве типичной формулы, которой в источниках определяется участие казаков в действиях восставших астраханцев, можно привести заявление П. Вразского о том, как 6 сентября 1606 г. «приходили под городок (т. е. острог на о. Балчике, построенный Ф. И. Шереметевым. — *И. С.*) твои государевы

[1] *Гневушев*, Акты, стр. 181. В 1603 г. Борис Годунов специальной грамотой терским воеводам приказал «бити батоги» и затем посадить «на месяц в тюрму» астраханских «детей боярских» М. Тарабеева и П. Уварова за то, что они «испродали... судовую снасть», с которой они были посланы астраханскими воеводами на Терек (Акты Юшкова, № 261).

Библиотека "Руниверс"

изменники астраханские люди, и терские, и волские, и донские, и яицкие казаки» [1]. В совершенно таких же выражениях описываются бои с восставшими астраханцами и в донесениях Ф. И. Шереметева («пришли под городок твои государевы изменники астраханские и терские люди, и юртовские тоторовя, и донские, и волские, и терские казаки конные и пеши з болшим и верховым нарядом») [2]. Источники сохранили о казаках, участниках астраханского восстания, даже отдельные данные цифрового порядка (правда, случайные). Так, ногайский князь Иштерек сообщил, например, Ф. И. Шереметеву, что, по сведениям от перебежчика ногайца, «идет де из Астрохани *воровских конных казаков семьсот человек*, а за ними идут пешие люди, а хотят де итти вверх», по предположению Иштерека, на Царицын, где в то время (февраль 1608 г.) находился Ф. И. Шереметев [3].

Все эти данные подтверждают вывод о казаках как об одной из самых активных групп среди участников астраханского восстания.

Наряду с борьбой астраханцев против дворян и купцов источники отмечают борьбу и внутри самой восставшей Астрахани. Так, Исаак Масса характеризует положение в Астрахани во время восстания краткой, но выразительной формулой: «Изнутри Астрахань была полна мятежом и один убивал другого» [4]. Упоминания о такой борьбе сохранились и в русских источниках. Так, Ф. И. Шереметев в одной из отписок Василию Шуйскому сообщает о том, что «рознь и бой был у астраханских людей меж себя с воровскими казаки, и астраханские люди казаков пограбили и суды у них поимали» [5]. Данное сообщение представляет особый интерес своим указанием на противоречия и борьбу между «астраханскими людьми» и «казаками», что свидетельствует о несколько особой позиции казаков в астраханских событиях (в источниках это отражается в том, что казаки обычно упоминаются отдельно, наряду с «астраханскими людьми» и т. д.). Наличие противоречий и даже вспышки борьбы между отдельными группами восставших, однако, не колебали решимости астраханцев к борьбе до конца против Василия Шуйского и его воевод. В той же самой отписке, где Ф. И. Шереметев сообщает о «розни и бое» между астраханцами, он, говоря о перспективах борьбы против восставшей Астрахани, вынужден был заявить царю, что «астроханские люди и юртовские татаровя тобе государю бити челом и вины свои принести не хотят, а [бу]дет поидет к Астрохани твоя государева многая рать з большим нарядом, и оне хотят бежать:

[1] *Гневушев*, Акты, стр. 203.
[2] Там же, стр. 161.
[3] Там же, стр. 168.
[4] *И. Масса*, стр. 153.
[5] *Гневушев*, Акты, стр. 161, 162.

Библиотека "Руниверс"

астроханские люди на Яик и на Дон, а татаровя в Кумыки» [1]. Еще более ярко о решимости астраханцев продолжать борьбу до конца говорится в сообщении, сделанном П. Вразскому князем Иштереком. По словам Иштерека, «[астро]ханские люди крепятца, копают около Асторохани ров, а говорят де токо будет к ним под Асторохань боярин и воеводы Ф. И. Шереметев да И. Н. Салтыков, и им де сидеть на смерть, потому что преже того меж их бои были, два года кровь лилась, а будет де токо иной хто, а их сиденью мера не возьмет, и они хотят здатца с крестным целованьем, что их не побить и не розослать» [2].

О внутренней истории астраханского восстания источники позволяют сказать лишь весьма немногое. Из сохранившихся в источниках данных, которые позволяли бы судить о социальной природе астраханского восстания, едва ли не первое место по важности занимает рассказ П. Вразского о том, что́ сделали восставшие астраханцы с его домом и имуществом. Обращаясь в своей челобитной Василию Шуйскому с просьбой о «царском жалованье», П. Вразский обосновывает правомерность своей просьбы заявлением, что его верная служба царю явилась причиной его, П. Вразского, разорения: «И твои, государь, изменники астароханские люди, рнясь, тому, что я, холоп твой, из Астрахани отъехал в городок на Балчик и сидя в осадех с твоим государевым боярином и воеводы с Федором Ивановичем Шереметевым с товарыщи тебе, государю, служил и от твоего государева боярина и воевод от Федора Ивановича Шереметева с товарыщи к Иштереку князю и к мурзам был для твоих государевых дел постлан многижда, мать мою, холопа твоего, взяв с подворьишка, вкинули в тюрьму, а животишка отца моего и наше разорили и *людишек кобальных роспускали и крепости им повыдали*, а купленых людишек розоймали по себе, и я, холоп твой, стал разорен до конца» [3].

Это заявление П. Вразского с исключительной яркостью раскрывает классовую природу борьбы в Астрахани. Восставшие астраханцы сопровождают свою расправу с дворянами Вразскими уничтожением дворянского «подворья» и одновременно рвут отношения крепостнической зависимости между кабальными холопами Вразских и их господами, распуская кабальных холопов на свободу и выдавая им на руки кабалы, которыми определялись отношения холопов к их господам.

Освобождение холопов восставшими астраханцами являлось наиболее существенным выражением антикрепостнической природы астраханского восстания. Свидетельство П. Вразского дает

[1] *Гневушев*, Акты, стр. 162.
[2] Там же, стр. 197—198.
[3] Там же, стр. 206.

Библиотека "Руниверс"

ответ на вопрос о судьбе всей той огромной массы холопов, ярыжек, работных людей, «казаков» и т. д., которая находилась за рамками стрелецких «приказов» и казацких «станиц» и составляла население подворий астраханских дворян и купцов. Восстание освободило их. Именно эти бывшие холопы (вместе с другими близкими им прослойками феодально-зависимого населения) и составили основной костяк «астраханских людей» — участников восстания. Сделались ли они в восставшей Астрахани «стрельцами» и «казаками», как это можно предполагать по аналогии с позднейшими восстаниями XVII в., — для ответа на этот вопрос у нас прямых данных нет. Но ясно одно, что в холопах и других группах феодально-зависимого населения Астрахани следует видеть одну из главных, если не главную движущую силу астраханского восстания.

Тезису об антикрепостнической природе астраханского восстания не противоречит сообщение П. Вразского о том, что одновременно с освобождением кабальных холопов астраханцы «розоймали по себе» «купленых людишек» П. Вразского. Под «купленными людишками» здесь, несомненно, подразумевается «ясырь» — пленники-иноземцы, которые являлись предметом торговли Астрахани со странами Востока, а также держались на предмет получения «выкупа» от родственников. Вопрос о «ясыре» не затрагивал основ социального строя Русского государства, и в глазах астраханцев «купленые людишки» П. Вразского были просто одной из составных частей его «животишка», т. е. имущества. Этим и объясняется раздел астраханцами вместе с остальным имуществом и «купленых людишек» П. Вразского [1].

Оставаясь в рамках изучаемой эпохи, мы должны признать исторически правомерным сочетание таких явлений, как борьба против крепостничества и одновременно торговля «ясырем» (ср. Разин). Будучи выражением исторической ограниченности движений феодально-зависимого населения XVII в., эта черта астраханского восстания не уничтожает исторической прогрессивности борьбы народных масс против феодального гнета.

---

[1] Такая интерпретация сообщения П. Вразского о судьбе его «купленых людишек» находит себе поддержку в сообщении Ф. И. Шереметева Василию Шуйскому об обмене грамотами между астраханцами и ногайским князем Иштереком: «... прислали к Иштереку твои государевы изменики Ивашко Хворостин (sic!) и астраханские люди грамоты, чтоб Иштерек был с ними в дружбе...И Иштерек де князь против тое их грамоты писал в Астрохань к твоим государевым изменником к Ивашку Хворостинину и ко всем астраханским людем, чтоб они послов ево, которые были ево послы в Астрохани, и *есырь и животину, что у них в улусех погромили*, к нему прислали» (*Гневушев*, Акты, стр. 168).

«Новый Летописец» отмечает, что в царствование Бориса Годунова, после междоусобной войны у ногайцев «отцы детей своих *продаваху в Астрахани*» (ПСРЛ, т. XIV, стр. 52).

*

Библиотека "Руниверс"

Выяснение вопроса о роли и судьбе холопов в астраханском восстании создает предпосылки для рассмотрения известной статьи «Нового Летописца»: «О ворах Астораханских, кои назывались царевичи». Статья эта представляет рассказ о том, как в 1608 г. «под Астраханию» появились три самозванных «царевича» (из которых «един назвался Август, царя Ивана сын, другой же назвался Осиновик, сын царевича Ивана, а третей назвался Лавер, царя Федора Ивановича сын»), как «воры-казаки» пошли с этими «царевичами» «под Москву к Тушинскому Вору» и как затем все три «царевича» кончили жизнь: одного повесили «на Волге» сами казаки, а двух других «велел повесити» Тушинский вор [1].

Известие «Нового Летописца» об астраханских «царевичах» находит свое подтверждение в грамоте Лжедмитрия II от 24 апреля 1608 г., в которой Тушинский вор заявляет, что «ныне объявляютца в Астарахани и в Полских юртех многие царевичи Московского государства: в Астарахани царевич Август князь Иван, а сказывается государя нашего батюшка блаженные памяти великого государя ц. и в. к. Ивана Васильевича в. Р. сын... Да вот в Астарахани ж, сказывают, объявился царевич Лаврентей, а называет себя брата нашего царевича и в. к. Ивана Ивановича в. Р. сын» [2].

Еще более важные данные об астраханских «царевичах» содержит «Карамзинский Хронограф», сообщающий о походе «царевича» Ивана по Волге и осаде им Саратова: «Того же 116 году на Саратове с ратными с Низовых городов были воеводы Замятня Иванович Сабуров, да товарыщ ему был Володимер Володимеров сын Аничков, а с ними ратные люди. И под Саратов приходили воры из Астарахани, а с ними был вор назывался царевичем Иваном Ивановичем царя Ивана Васильевича сыном; и к Саратову русские воры приступали ж с такими приступы, и в Саратове воеводы и ратные люди отсиделися и на приступах и на выласках астараханских воров многих побили, и вор, который назывался царевичем Иваном, от Саратова пошел с астараханскими людми в Астрахань. А боярин Федор Ивановичь Шереметев с товарыщы и с ратными людми стояли от Астрахани за 15 верст на острову на Балчике» [3].

Рассказ «Карамзинского Хронографа» о походе «царевича» Ивана-Августа и осаде им Саратова, повидимому, целиком взят автором «Хронографа» из какой-либо разрядной книги. На это указывает то, что заключительная фраза этого рассказа представляет собой повторение уже имеющегося в тексте «Хроно-

[1] ПСРЛ, т. XIV, стр. 89.

[2] *Д. Бутурлин*, История Смутного времени в России в начале XVII века, ч. II, 1841, прилож. VII, стр. 56.

[3] *А. Попов*, Изборник, стр. 339, 340.

Библиотека "Руниверс"

графа» сообщения о стоянке Ф. И. Шереметева на острове Балчике («И боярин Федор Иванович Шереметев с товарыщи стали от Асторахани 18 верст на острову на Балчике и стоял два года») [1]. Сравнивая между собой эти два параллельных места, легко заметить, что они взяты из различных источников, чем и объясняются расхождения в определении расстояния от острова Балчика до Астрахани. Очевидно, автор «Хронографа» в обоих случаях оставил в неприкосновенности взятые им разрядные записи, что и привело к повторениям и несогласованности данных.

То обстоятельство, что запись о походе «царевича» Ивана-Августа помещена в «Карамзинском Хронографе» под 116-м годом, не может служить доказательством того, что этот поход имел место в 1608 г. Упоминание в цитированном тексте «Карамзинского Хронографа» о том, что во время похода «царевича» Ивана-Августа к Саратову Ф. И. Шереметев стоял на Балчике, дает возможность датировать этот поход временем не позднее сентября — октября 1607 г. Ибо, как отмечено выше, Ф. И. Шереметев оставался на Балчике до октября 1607 г., когда он отступил от Астрахани, придя к Царицыну 24 октября 1607 г. [2] Появление Замятни Сабурова и В. Аничкова в Саратове также относится к более раннему времени, чем 1608 г. Сохранилось указание на то, что Ф. И. Шереметев посылал к З. Сабурову «з Балчика на Соратов станицу сына боярского Игнатья Соколкова». В ответ на эту посылку З. Сабуров и В. Аничков послали также станицу на Балчик к Ф. И. Шереметеву, причем был даже проект о том, чтобы З. Сабуров и В. Аничков «со своими ратными людьми шли на Балчик к боярину и воеводам Федору Ивановичу Шереметеву с товарыщи» [3]. Таким образом, З. Сабуров находился в Саратове еще задолго до того, как Ф. И. Шереметев ушел с Балчика.

Все эти замечания датировочного порядка важны потому, что о походе «царевича» Ивана-Августа есть сведения еще в одном источнике. Источником этим являются привлекавшиеся уже нами выше (в главе III) материалы о миссии кармелитов.

Мы видели, как ход событий, связанных с убийством Лжедмитрия I и приходом к власти Василия Шуйского, повлиял на судьбы кармелитов, оказавшихся задержанными в Казани, где их застало известие о воцарении Василия Шуйского.

24 июля (нового стиля) 1606 г. кармелитам все же удалось выбраться из Казани и вместе с посольством от Василия Шуйского к персидскому шаху Аббасу I отплыть вниз по Волге. 20 августа 1606 г. караван судов, с которым плыли кармелиты, достиг Царицына. «Но здесь русские посланники приказали

[1] *А. Попов*, Изборник, стр. 330.
[2] *Гневушев*, Акты, стр. 171.
[3] Там же, стр. 174.

Библиотека "Руниверс"

своему каравану сделать остановку по причине серьезного мятежа против нового великого князя, поднятого казаками, поддерживавшими «сына» умершего царя Федора. Астрахань с самого начала отказалась признавать Василия, и последний послал для ее усмирения войско в 20 000 человек» [1].

В Царицыне кармелиты провели всю зиму и весну следующего 1607 г. (причем во время зимовки двое из них умерли). Однако в мае 1607 г. положение коренным образом изменилось: «В день Пятидесятницы (3 июня н. ст. — *И. С.*) 1607 г. Царицына достиг слух, что Димитрий еще жив, и это вызвало восстание большинства жителей против воеводы: он был связан и отослан в Астрахань, в то время как самозванный «царевич» и брат Димитрия (soi-disant «prince» and brother of Dmitri) двигался от Астрахани в Царицын, чтобы вступить в бой с войсками Василия. Казаки этого войска из Астрахани и их предводитель (commander) оказались благодетелями для кармелитов, дали им провизии и снабдили судном и 20 гребцами, с которыми они оставили Царицын 24.7 1607 года. 7.8 1607 г. они благополучно достигли Астрахани, воевода принял их хорошо, но, так как у них не было письменного разрешения, не допустил их отплытия в Персию до тех пор, пока не запросили вышеупомянутого «царевича», который дал согласие на их отплытие» [2]. 26 августа (н. ст.) 1607 г. кармелиты, наконец, оставили Астрахань, сопровождаемые «эскортом из казаков, данным им для их сопровождения вниз по Волге до ее впадения в Каспийское море» [3].

Таковы те данные о событиях в Поволжье в 1606—1607 гг., которые содержатся в материалах о миссии кармелитов. Мы передали эти материалы так, как они изложены в английской «Хронике». П. Пирлинг, рассказывая о кармелитах гораздо более кратко, дополняет, однако, наши материалы одним весьма существенным известием, указывая, что «самозванец Август», которого встретили кармелиты, «вел своих сторонников в Москву, надеясь устроиться как-нибудь с Лжедмитрием II» [4].

Итак, кармелиты имели встречу с «царевичем» Иваном-Августом. Совершенно очевидно, что монахи встретились с астраханским «царевичем» во время того его похода, о котором в связи с осадой Саратова говорится в «Карамзинском Хронографе». При этом из материалов миссии кармелитов мы узнаем и точную дату похода «царевича» Ивана-Августа: лето 1607 г. Таким образом, поход Ивана-Августа падает как раз на самый разгар борьбы

---

[1] A chronicle of the carmelites in Persia and the Papal mission of XVII-th and XVIII-th centuries, v. I, London 1939, стр. 111, 112.

[2] Там же, стр. 112.

[3] Там же.

[4] *П. Пирлинг*. Из Смутного времени, стр. 66.

Библиотека "Руниверс"

между Болотниковым и Василием Шуйским. Вместе с тем материалы миссии кармелитов позволяют более отчетливо выяснить и самый характер похода астраханского «царевича». В то время как из рассказа «Карамзинского Хронографа» может создаться впечатление, что целью похода «царевича» Ивана-Августа был Саратов, кармелиты свидетельствуют, что «царевич» шел на Москву.

В этой связи следует рассмотреть утверждение П. Пирлинга, что Иван-Август шел на Москву, «надеясь устроиться как-нибудь с Лжедмитрием II». Здесь мы сталкиваемся с несомненно тенденциозным истолкованием текста источника. Дело в том, что астраханский «царевич» никак не мог идти на соединение с Лжедмитрием II — не только потому, что Лжедмитрия II тогда под Москвой не было, но и потому, что самое появление второго Самозванца в Стародубе и провозглашение им себя царем Димитрием относится лишь к середине июля 1607 г. [1]

Поэтому ни «царевич» Иван-Август, ни кармелиты не могли вообще ничего знать о Лжедмитрии II. Можно думать, однако, что в рассказе кармелитов об их встрече с «царевичем» говорится о планах Ивана-Августа идти к «царю Димитрию» вообще. Такое истолкование известия о «царе Димитрии» находит свое подтверждение в сообщении (известном нам по английской «Хронике») о том, что поводом к восстанию в Царицыне 24 мая (3 июня) 1607 г. явился «слух, что Димитрий еще жив», причем в данном случае уже не может быть сомнения в том, что здесь не имелся в виду Лжедмитрий II. Но если отказаться от стремления видеть в «царе Димитрии» (о котором кармелиты узнали от «царевича» Ивана-Августа) исторического Лжедмитрия II, то сам по себе тот факт, что Иван-Август шел на соединение с «царем Димитрием», весьма интересен, так как в этом походе астраханского «царевича» можно видеть одно из проявлений связи борьбы в Астрахани с восстанием Болотникова; на соединение с Болотниковым, очевидно, и двигался «царевич» Иван-Август (как годом раньше это сделал «царевич» Петр).

Сохранился еще один документ, связанный с именем «царевича» Ивана-Августа. Этим документом является челобитная детей царицынского воеводы Федора Акинфова, Архипа и Ивана Акинфовых, царю Михаилу Федоровичу и патриарху Филарету от 1627 г., опубликованная А. А. Гераклитовым. Обращаясь к царю и патриарху с просьбой о разрешении перевезти в Москву прах их отца, убитого во время восстания Болотникова, братья Акинфовы излагают и обстоятельства смерти Ф. Акинфова.

Челобитная Акинфовых дает ценнейший материал для характеристики положения в Астрахани. По словам челобитчиков,

[1] РИБ, т. I, стб. 123, 124; ср. *Платонов*, Очерки, стр. 353.

Библиотека "Руниверс"

«в прошлом, государи, во 113 году послан был отец наш на вашу государскую службу на Царицын воеводою. И как, государи, в Астрахани назвался вор царевичем Ивашкой-Айгустом, и царицынские люди царю Василию Ивановичу изменили и отца нашего, связав, отослали вору в Астрахань. И отец, государи, наш, помня ваше государское крестное целование, на воровскую смуту и прелести не покусился и убит от вора за вас государей мученической смертью. А я, холоп ваш Архипко, был в те поры со отцом своим и после смерти отца своего живот свой мучил в тюрме в Астрахани полтора года и умирал голодной смертью»[1].

Комментируя челобитную Акинфовых в своей книге «История Саратовского края в XVI—XVIII вв.», А. А. Гераклитов (оговариваясь, что «последовательность событий этого поистине смутного времени не всегда ясна») относит появление «царевича» Ивана-Августа ко времени «после ухода Шереметева», датируя этот уход летом 1608 г. [2]

Последовательность событий рисуется А. А. Гераклитову следующим образом: «С уходом Шереметева из-под Астрахани здесь сразу объявилось три самозванца — Август, Осиновик и Лавр. Август назвался сыном Ивана Грозного... Царицынцы, прослышав о появлении в Астрахани царевича Ивана Ивановича, изменили царю Василию и выслали туда на мученическую смерть своего воеводу Акинфова» [3].

А. А. Гераклитов, однако, не учел в своем комментарии данных других источников и в первую очередь — актов, опубликованных А. М. Гневушевым. Эти акты устанавливают, во-первых, что Ф. И. Шереметев отступил от Астрахани не летом 1608 г., а осенью 1607 г.; во-вторых, что первым шагом Ф. И. Шереметева в его походе вверх по Волге явилось подавление восстания в Царицыне: «И октября ж в 24 день (1607 г. — *И. С.*) пришел боярин и воеводы со всеми людьми и з снорядом под Царицын и... город и острог взяли и государевых изменников — царицынских людей и их жон и детей побили и поимали, а иные в степь побежали» [4].

Таким образом, события в Царицыне, о которых говорится в челобитной Акинфовых, относятся к значительно более раннему времени, чем это представлялось А. А. Гераклитову, ибо к октябрю 1607 г. восстание в Царицыне было уже подавлено Шереметевым. Точно так же и появление «царевича» Ивана-Августа в Астрахани произошло значительно раньше лета

[1] *А. А. Гераклитов*, Материалы для истории Саратовского Поволжья. «Труды Саратовской ученой архивной комиссии», вып. 29, 1912, стр. 63.

[2] *А. А. Гераклитов*, История Саратовского края в XVI—XVIII вв., Саратов 1923, стр. 124.

[3] Там же, стр. 194.

[4] *Гневушев*, Акты, стр. 171.

Библиотека "Руниверс"

1608 г.: мы видели, что в июле 1607 г. он уже шел по Волге из Астрахани к Москве.

Обращение к материалам миссии кармелитов дает возможность точно датировать начало восстания в Царицыне. Мы видели, что оно произошло 24 мая (3 июня) 1607 г. Материалы миссии кармелитов вместе с тем подтверждают и сообщение челобитной Акинфовых о судьбе их отца — царицынского воеводы.

Как указывают кармелиты, поводом к восстанию в Царицыне явился слух о том, что «царь Димитрий» жив. Но это был именно повод, ибо к тому времени обстановка в Царицыне была настолько накалена, что все предпосылки для восстания уже были налицо.

К такому заключению приводят те данные, которые содержатся о положении в Царицыне в «Житии астраханского епископа Феодосия».

А. А. Гераклитов считает одним из показателей относительного спокойствия в Царицыне до лета 1608 г. то, что «осенью (1607 г. — *И. С.*) предпринял свое путешествие в Астрахань назначенный туда архиепископом Феодосий, заболевший не доезжая Царицына, скончавшийся и погребенный в этом городе в декабре 1607 г.» [1] В данном случае, однако, А. А. Гераклитов, очевидно, оказался введенным в заблуждение ошибочной датировкой времени путешествия и смерти Феодосия, имеющейся в ряде работ местных астраханских историков [2].

Непосредственное обращение к «Житию Феодосия» (где и сохранилась дата его смерти) заставляет совершенно иначе взглянуть на обстановку в Царицыне в момент смерти Феодосия. По словам «Жития», Феодосий вскоре по воцарении Василия Шуйского был «с великою честию» отпущен царем и патриархом в Астрахань. «И не доспевшу ему града Астрахани, во граде Царицыне изнемог болезнию, ту же и преставися в лето 7115-го году декабря в 18 день и *не погребен бысть многое время*, и поставиша мощи его в церкви непогребены. И во 116-м году лучися ехать боярину Федору Ивановичю Шереметеву с острова Балчик вверх по реке Волге, и с собою тело святого Феодосия архиепископа взя и во град Казань привезе и погребению вдаде» [3].

Таким образом, Феодосий умер 18 декабря 1606 г., причем вплоть до прихода в Царицын Ф. И. Шереметева его тело оставалось непогребенным. Текст «Жития» составлен так, что трудно с определенностью сказать, как правильнее понять слова «Жития»: было ли тело Феодосия первоначально просто «не

[1] *А. А. Гераклитов*, цит. соч., стр. 194.

[2] См., например, *Н. Т. Каменский*, Краткая история Астраханской епархии, Астрахань 1886, стр. 40.

[3] Рукописное отделение Всесоюзной библиотеки имени Ленина. Собрание Ундольского, № 385, л. 8 об., 9.

Библиотека "Руниверс"

погребено» «многое время», а потом поставлено в церковь, или же оно все время находилось в церкви. Но самый факт непогребения Феодосия, конечно, свидетельствует о напряженности обстановки в Царицыне, ибо лишь враждебностью к Феодосию низов населения Царицына можно объяснить такое отношение к его телу, как непогребение его в течение целого года.

Уточнение датировки начала восстания в Царицыне важно не столько в плане рассмотрения самих событий в Царицыне, сколько в том отношении, что сближение во времени астраханских и царицынских событий дает возможность использовать материал, содержащийся в челобитной Акинфовых, для общей характеристики астраханского восстания, в частности и в первую очередь — для характеристики внутренней истории восстания.

Расправу «царевича» Ивана-Августа с царицынским воеводой и заключение в тюрьму его сына естественнее всего сопоставить с рассказом П. Вразского о расправе с его отцом. При этом челобитная Акинфовых (в отличие от челобитной П. Вразского, сообщающей лишь о самом факте расправы), во-первых, связывает эту расправу непосредственно с именем «царевича» Ивана-Августа, а во-вторых, позволяет рассматривать расправу астраханцев с представителями царской администрации не просто как убийство в процессе восстания, а как сознательный политический акт. Воевода Акинфов был «отослан в Астрахань» царицынцами, очевидно, на суд «царевича» Ивана-Августа и, отказавшись присоединиться к восстанию («на воровскую смуту и прелести не покусился»), был казнен. Таким образом, восставшие астраханцы создали в какой-то форме и степени свои органы власти, в том числе суд и тюрьму для своих политических противников.

Вопрос о суде в восставшей Астрахани заслуживает специального рассмотрения.

«Новый Летописец» обвиняет восставших астраханцев в том, что они «многих людей, которые стояху за правду, побиваху с раскату» [1]. «Побивание с раскату» состояло в том, что осужденного сбрасывали с высокой башни, находившейся в астраханском кремле. Совершению казни предшествовала процедура суда. Описание этого суда в восставшей Астрахани сохранилось в так называемой Ключаревской летописи. Под этим названием в литературе известна «История о начале и возобновлении Астрахани, случившихся в ней бунтах, об архиереях в оной бывших, а также о воеводах, градоначальниках и губернаторах», составленная ключарем Астраханского собора Кириллом Васильевым в 20-х годах XIX в. Значение Ключаревской летописи как источника определяется тем, что в ее составе сохранились отдельные памятники начала XVII в., использованные К. Васильевым для своего сочи-

[1] ПСРЛ, т. XIV, стр. 72.

Библиотека "Руниверс"

нения и в настоящее время уже не существующие. Именно такими материалами К. Васильев воспользовался при описании суда и казни «с раската». Описание это помещено в Ключаревской летописи в той ее части, где говорится о казни в 1671 г. в Астрахани митрополита Иосифа во время восстания Разина. Но, как отмечает автор, текст описания взят им из рукописи, датированной 1620 г. Мы поэтому имеем все основания считать, что автор рукописи о «раскате» описал порядки, характеризующие обстановку в Астрахани во время восстания 1606—1614 гг.

Приводим текстуально то место Ключаревской летописи, где говорится о казни «с раската»:

«Что значит раскат? В одном отрывке, писанном 1620 года, нашел я: «вешали, кидали с раскату: народ стоял около раскату, войты говорили кнутом битому, колесованному, жилы выверчены из пяток, но еще был жив. Раскат был на самом высоком месте и имел два только заключения: первое — прощать или истреблять; второе — на таком высоком месте — на самом верху, четыре время года по ночам зажигать свет, по которому выходили из полона русские из орд. На раскат вводили уже избитых, колесованных, без жил и без пяток, западными дверями войты, а на определенном месте ударяли в вечевой колокол, по которому собирался народ. Тут войты по мукам означали имена преступников, и первые кричали с раскату: «пех?», народ отвечал: «не пех!», опять кричат войты: «не пех?», народ вторично кричал: «не пех!» И таким образом освобождались мучимые. Но другие мучимые на сем же месте получали и конец. Войты кричали с раскату: «пех?» или «перепех?», и когда народ весь закричит: «пех!», «перепех!», «пех!», тогда осужденный, стоявший на самом возвышении раската, сталкивался с раската» [1].

Как мы должны относиться к приведенному тексту? Я думаю, что у нас нет оснований сомневаться в том, что данный текст действительно был взят автором Ключаревской летописи из рукописи, относящейся к 1620 г. Правда, то, что мы читаем в Ключаревской летописи, несомненно, не подлинный текст, а его переложение на язык начала XIX в. Но именно язык приведенного отрывка свидетельствует в пользу того, что перед нами древний текст, с трудом переведенный на современный автору язык. Упоминание в тексте статьи «войтов» и «войтов по мукам» дает основание предположить, что ее оригинал был, повидимому, написан на западнорусском (белорусском или украинском?) языке. Появление в Астрахани в 1620 г. такого произведения было вполне возможно. Выходцы из западнорусских (украинских или белорусских) земель могли попасть в Астрахань, например, вместе с

[1] Ключаревская летопись, изд. Астраханского Кирилло-Мефодиевского общества, Астрахань 1887, стр. 26, 27.

Библиотека "Руниверс"

Заруцким. «Обыск» 1616 г. отмечает в Астрахани 62 человека «литвы и немцев» (см. выше). Если это наше предположение правильно, то своеобразие языка статьи о «раскате» в Ключаревской летописи становится еще более понятным, так как для ключаря Астраханского собора западнорусский язык XVII в., конечно, был труден для понимания и перевода.

Что касается содержания статьи о «раскате», то мне представляется, что по крайней мере одна деталь текста очень убедительно говорит в пользу достоверности сведений о «раскате». Этой деталью является упоминание о том, что «раскат», помимо того, что на нем совершались казни, служил еще маяком, свет которого помогал выходить в Астрахань русским пленникам «из орд». Такой осведомленностью могло обладать лишь лицо, непосредственно наблюдавшее жизнь Астрахани. Об этом же свидетельствует и указание на то, что обвиняемых вводили на «раскат» «*западными* дверями».

Я полагаю, таким образом, что мы имеем право привлечь статью о «раскате» для характеристики суда в Астрахани во время восстания [1].

Картина суда, нарисованная в статье о «раскате», даже если мы оставим в стороне такие детали, как «вечевой колокол», исключительно ярко показывает восставшую Астрахань как город, где власть находилась в руках народа, городских низов.

Именно народ, созванный старостами к «раскату», осуществлял суд, решая участь виновных и освобождая от наказания оправданных.

Рассматривая вопрос об организации власти в восставшей Астрахани, необходимо коснуться той роли, какую играл в Астрахани «царевич» Иван-Август. Материал, которым мы располагаем, позволяет заключить, что астраханский «царевич» обладал какой-то реальной властью в Астрахани. Именно к нему был отослан из Царицына воевода Акинфов. «Царевич» Иван-

[1] Сцена казни «с раската», обозначенная: «Les Principaux des Moscovites précipités du haut de la Tour», изображена на гравюре: «Horrible massacre dans la Forterelle d'Astracan», приложенной к амстердамскому изданию 1681 г. «Путешествий» Стрейса (между стр. 350, 351). Там же, непосредственно примыкая к «раскату», изображено здание «La Cour de justice». Эта же гравюра, но по другому изданию, воспроизведена в русском издании Стрейса, 1935 г. (между стр. 352, 353), но почему-то без пояснительных надписей, имеющихся в оригинале.

«Раскат» не являлся исключительной принадлежностью одной лишь Астрахани, а имелся и в ряде других городов. Так, например, в челобитной чернослободцев г. Переяславля-Рязанского в 1611 г. крестьяне обвиняют П. Ляпунова в том, что он их принуждал делать в городе «роскатные башни» (*С. Б. Веселовский*, Акты подмосковных ополчений и земского собора 1611—1613 гг., М. 1911, стр. 16). «Раскат» известен также в Тихвине: «Немцы же в то время поставиша туры под острогом против раскату и начаша рвы копати» (Новгородская III летопись, под 1613 г.).

Библиотека "Руниверс"

Август стоит во главе войска, осаждавшего Саратов; встреча с «царевичем» монахов-кармелитов облегчила им, по их словам, «пропуск в Персию».

Вероятнее всего, что «царевич» Иван-Август играл в Астрахани роль, аналогичную той, какую в Путивле и Туле играл «царевич» Петр.

Следует добавить, что источники не дают почти никакого материала для выяснения вопроса о взаимоотношениях между «царевичем» Иваном-Августом и князем И. Д. Хворостининым. Выше мы отмечали, что князь Хворостинин сохранил свой пост воеводы в Астрахани и после восстания. В качестве воеводы «царя Димитрия» он осуществляет сношения и с ногайским князем Иштереком. Наконец, как мы видели, по свидетельству кармелитов, князь Хворостинин рассматривал себя как лицо, подчиненное и «царевичу» Ивану-Августу: князь Хворостинин не допустил отплытия кармелитов из Астрахани в Персию до тех пор, пока не запросил по этому вопросу «царевича» Ивана-Августа и пока последний не дал согласия на их отплытие.

Таким образом, повидимому, отношения князя Хворостинина к «царевичу» Ивану-Августу строились по типу отношений между князем Г. П. Шаховским и «царевичем» Петром.

«Царевич» Иван-Август оставался в Астрахани до 1608 г. (см. цитированную выше грамоту Лжедмитрия II от 24 апреля 1608 г.) и погиб во время своего второго похода к Москве. Он был повешен Тушинским вором (см. рассказ «Нового Летописца»). Что касается других астраханских «царевичей», то в источниках нет данных об их деятельности. Но самый факт наличия в Астрахани «царевичей»-самозванцев не подлежит сомнению.

В свете рассмотренных материалов о положении внутри Астрахани во время восстания и о деятельности «царевича» Ивана-Августа особенный интерес приобретают данные «Нового Летописца» о социальном лице астраханских «царевичей». Расценивая самозванство как «дьявольское научение», «Новый Летописец» видит особо преступный характер самозванства в Астрахани в том, что там царевичами провозглашали себя лица, принадлежавшие к самым низшим слоям общества: «Како же у тех окаянных злодеев уста отверзашеся и язык проглагола: неведомо откуда взявся, а называхуся таким праведным коренем — иной боярской человек, а иной — мужик пашенной» [1].

Итак, носителями самозванства в Астрахани оказываются «боярский человек», т. е. холоп, и «мужик пашенный», т. е.

[1] ПСРЛ, т. XIV, стр. 89. Пунктуация моя. — *И. С.* Следует отметить, что сообщаемые им сведения о происхождении астраханских «царевичей» «Новый Летописец» считает общеизвестной вещью: «Все же те воры, кои называются царским коренем, знаеми от многих людей, кой откуда взяся» (там же, стр. 89).

Библиотека "Руниверс"

крестьянин. Это известие «Нового Летописца» никак не вязалось с концепцией об аристократическом характере астраханского восстания, господствовавшей в литературе. Может быть, этим объясняется то, что свидетельство «Нового Летописца» о холопском и крестьянском происхождении астраханских «царевичей»-самозванцев не было использовано историками [1].

Между тем известие «Нового Летописца» об астраханских «царевичах» исключительно важно для раскрытия внутренней истории астраханского восстания, его социальной природы. Ибо «боярский человек» и «пашенный мужик» могли быть провозглашены «царевичами» лишь как кандидаты той социальной среды, к которой принадлежали они сами, иными словами, как кандидаты астраханских низов, тех «кабальных людишек», которых восстание в Астрахани освободило от холопства.

Известие «Нового Летописца» полностью согласуется с той картиной восставшей Астрахани, которую раскрывают нам рассмотренные выше материалы. Этим, однако, не исчерпывается значение известия «Нового Летописца». Оно важно и для раскрытия социального смысла «царистской» психологии народных масс. Провозглашение в Астрахани холопа и крестьянина «царевичами» [2] отражает в себе мечты угнетенных масс Русского государства о «хорошем царе». В этом — коренное отличие астраханских самозванцев от таких самозванцев, как Лжедмитрий I или Тушинский вор, являвшихся ставленниками совершенно иных общественных групп и политических сил. И не случайна в этом смысле расправа Тушинского вора с «царевичами» из Астрахани.

[1] *Карамзин*, т. XII, стр. 99; *Соловьев*, кн. II, стб. 829; *Костомаров*, стр. 298; *Платонов*, Очерки, стр. 330. Из перечисленных историков лишь Карамзин упоминает о холопском происхождении астраханских «царевичей». Платонов ограничивается фразой о «ряде» «по шаблону задуманных и провозглашенных казачьих самозванцев».

[2] Мы не можем конкретизировать известие «Нового Летописца» и указать, какой именно из «царевичей» был «человеком боярским», а кто являлся «мужиком пашенным». Но вместе с тем несомненно, что среди астраханских «царевичей» имелся «царевич» холопского происхождения и «царевич», в прошлом бывший крестьянином.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ОСАДА МОСКВЫ

Состав войска, осадившего Москву. Дворянские и казацкие отряды. Общие размеры войска восставших. Холопы и крестьяне — основная масса войска Болотникова. Обстановка внутри Москвы. Военные мероприятия Василия Шуйского. Борьба Болотникова за привлечение на свою сторону населения Москвы и других городов. Рассылка «листов» с изложением целей восстания и призывом к холопам и городским низам восстать против бояр. Сношения москвичей с Болотниковым. Идеологическая борьба Василия Шуйского против Болотникова. Церковь как главная идеологическая сила в борьбе с восстанием. Грамоты патриарха Гермогена. «Повесть о видении некоему мужу духовну». Другие методы и средства воздействия на массы. Борьба Василия Шуйского за разложение изнутри сил восставших. Сношения с П. Ляпуновым и И. Пашковым. Ход военных действий во время осады Москвы. Лагерь Болотникова в селе Коломенском. «Измена» рязанцев во главе с П. Ляпуновым. План Болотникова «замкнуть блокаду» Москвы. Сражение 26—27 ноября 1606 г. Переход И. Пашкова на сторону Шуйского. Сражение 2 декабря 1606 г. Поражение Болотникова и отступление его от Москвы.

*

Двухмесячный период осады Болотниковым Москвы (около 7 октября — 2 декабря 1606 г.) является временем высшего подъема, кульминационным пунктом восстания Болотникова.

Приход к Москве армии крестьян и холопов не только ставил под удар восставших политический центр государства, но вместе с угрозой захвата Болотниковым Москвы нес в себе угрозу и для самих основ власти господствующего класса Русского государства — класса феодалов-крепостников.

Осадившее Москву войско не являлось единым или однородным ни по своему классовому составу, ни по организации.

В разрядах мы находим следующую характеристику состава войска восставших: «Воры все: Ивашко Болотников, да Истома Пашков, да Юшка Беззубцов, с резанцы, и с коширяны, и с

Библиотека "Руниверс"

тулены, и со всеми Украинными городы, з дворяны, и з детми боярскими, и з стрелцы, и с казаки» [1]. «Карамзинский Хронограф» определяет состав восставших более полно: «Украйных и Полских и Северских городов дворяне и дети боярские и всякие служилые люди и посадцкие люди и крестьяне» [2]. Несколько иной по сравнению с разрядами вид имеет в «Хронографе» и перечень «начальников» войска: «А начальники у тех воров были воеводы: у резаньцов воеводы Григорей Федоров сын Сунбулов да Прокофей Петров сын Ляпунов; а с тулены и с коширяны и с веневичи Истома Пашков, а на Веневе был сотник; а с колужены и со олексенцы и с иными городами Ивашко Болотников, князя Ондрея Телятевского холоп, и иные воры были начальники» [3]. Данные других источников гораздо менее подробны, но все же весьма существенны, ибо сообщают дополнительный материал по вопросу о социальном составе войска Болотникова. Особенно ценны свидетельства «Нового Летописца» и «Временника» Ивана Тимофеева относительно холопов в войске Болотникова.

Так, «Новый Летописец» особо выделяет в составе войска Болотникова, осаждавшего Москву, «боярских людей», и «казаков» [4]. Еще более подчеркивает роль холопского элемента в составе осаждавшего Москву войска Иван Тимофеев, определяющий войско Болотникова как войско холопов: «своеверении раби ратию пришедше» [5].

Таким образом, источники дают вполне достаточно материала для того, чтобы составить представление о социальном лице войска Болотникова. Следует, однако, подчеркнуть, что вопрос о составе войска, осаждавшего Москву, не может быть сведен к одному лишь установлению самого факта наличия в составе этого войска холопов, крестьян, казаков и стрельцов, а также дворян и других разрядов служилых людей. Все эти элементы имелись в войске Болотникова уже в самый начальный момент восстания. Поэтому рассмотрение вопроса о составе войска Болотникова под Москвой должно иметь своей целью не столько констатацию наличия в нем только что перечисленных социальных элементов, сколько выяснение соотношения этих элементов внутри осаждавшего Москву войска.

Наиболее существенным моментом, характеризующим изменения в составе войска Болотникова по сравнению с начальным периодом восстания, было увеличение дворянско-помещичьих элементов в его рядах. По мере того как Болотников продвигался по направлению к Москве, происходило присоединение к Болотни-

[1] *Белокуров*, стр. 9, 10.
[2] *А. Попов*, Изборник, стр. 332.
[3] Там же, стр. 332.
[4] ПСРЛ, т. XIV, стр. 73.
[5] РИБ, т. XIII, стб. 400.

Библиотека "Руниверс"

кову и той или иной части дворян — служилых людей тех городов, которые «изменяли» Василию Шуйскому и переходили на сторону Болотникова. Отчетливее всего этот процесс можно было проследить в отношении «Заречных» городов, т. е. Рязанско-Тульского района. Но он не был ограничен рамками одних лишь «Заречных» городов. Не говоря уже о Польских и Северских городах, и служилые люди Смоленского и Тверского района, равно как и городов Замосковных, на определенном этапе примыкали к Болотникову [1].

Процесс включения дворянско-помещичьих элементов в ряды войска Болотникова не был единообразным по форме. Насколько позволяют судить данные источников, можно говорить по крайней мере о двух различных формах, в которых проходил этот процесс: 1) к войску Болотникова примыкали отдельные служилые люди; 2) дворяне-помещики вливались в войско Болотникова целыми отрядами, сохраняя известную обособленность и самостоятельность и после включения их в состав войска Болотникова. Наличие такого рода обособленных отрядов можно установить в войске Болотникова и в период осады Москвы.

Как бы ни относиться к опыту автора «Карамзинского Хронографа» по установлению иерархии среди воевод в войске восставших (см. выше), бесспорным остается то, что сообщаемые им данные о наличии в войске восставших трех групп, каждая из которых имела своего начальника — воеводу, не были субъективным домыслом хрониста, а имели определенные основания. Если это так, то мы получаем возможность сделать вывод об организационной обособленности и самостоятельности некоторых частей войска Болотникова. Такими частями, имевшими своих самостоятельных начальников, были рязанцы во главе с воеводами Г. Сумбуловым и П. Ляпуновым. Сохранил свое руководящее положение и Истома Пашков, которого «Карамзинский Хронограф» связывает с каширянами и веневичами.

Однако вопрос об И. Пашкове и его положении в войске Болотникова в период осады Москвы представляется более сложным, чем это можно заключить на основании текста «Карамзинского Хронографа». Дело в том, что соединение под Москвой отрядов, наступавших на Москву от Кром и бывших под предводительством Болотникова, с отрядами, двигавшимися к Москве от Ельца и находившимися под предводительством И. Пашкова, поставило вопрос о взаимоотношениях между Болотниковым и Пашковым. Этот вопрос был разрешен таким образом, что главным руководителем войска под Москвой сделался Болотников, а И. Пашков вынужден был стать в подчиненное положение в отношении Болотникова.

[1] См. ААЭ, т. II, № 58.

Библиотека "Руниверс"

В источниках вопрос о взаимоотношениях между Болотниковым и И. Пашковым освещается в связи с описанием обстоятельств измены И. Пашкова и перехода его на сторону Василия Шуйского. Так, Буссов рассказывает о том, что «Болотников, придя под Москву, захотел (как высший военачальник вместо Димитрия) занять лучшее место для лагеря и быть выше Пашкова. Так как последний получил звание воеводы лишь от князя Шаховского, Болотников же был поставлен высшим военачальником — самим мнимым царем, когда находился в Польше, то поэтому Пашков вынужден был уйти с занимавшегося им места и уступить его Болотникову и его людям. Обиженный таким бесчестием и позором, Истома задумал отплатить Болотникову и вступил в сношения с врагами в Москве и царем Шуйским» [1]. Точно так же и английская записка сообщает о «разногласиях между двумя главными начальниками из лагеря мятежников», Болотниковым и Пашковым, итогом чего было то, что «Пашков оставил свою партию» и перешел на сторону Василия Шуйского [2]. Исаак Масса прямо говорит о подчиненном по отношению к Болотникову положении И. Пашкова, сообщая о посылке Болотниковым отряда под начальством И. Пашкова и о последовавшей затем его измене [3].

Но если поводом для содержащейся в источниках характеристики положения И. Пашкова в лагере восставших послужил конфликт между Болотниковым и И. Пашковым, явившийся итогом их взаимоотношений, то сами эти взаимоотношения достаточно определенно рисуются в источниках как такие, при которых решающая роль в лагере восставших принадлежала Болотникову, а И. Пашков занимал подчиненное положение.

Однако, будучи вынужден подчиниться Болотникову, И. Пашков остался «начальником», т. е. сохранил власть в отношении определенной части войска, осаждавшего Москву.

Буссов и Исаак Масса указывают и численность отряда И. Пашкова. По Буссову, И. Пашков «имел под своей командой 40 000 человек» [4]. Масса сообщает сходные данные, указывая, что Болотников послал против воевод Василия Шуйского «тридцать тысяч человек под начальством воеводы (overste) Истомы Пашкова» [5].

Помимо «рязанцев» и отряда И. Пашкова, можно предполагать наличие в войске Болотникова еще одного самостоятельного отряда. Разрядные книги, как это видно из приведенных выше текстов, наряду с Болотниковым и Пашковым называют в качестве

[1] *Bussow*, стр. 71; ср. *Устрялов*, т. I, стр. 82.
[2] См. прилож. IV, стр. 554.
[3] *И. Масса*, стр. 163.
[4] *Bussow*, стр. 72.
[5] *И. Масса*, стр. 163.

Библиотека "Руниверс"

одного из руководителей войска восставших также и «Юшку Беззубцева» [1]. Такое выделение имени Беззубцева, несомненно, свидетельствует о том, что Юшка Беззубцев принадлежал к числу начальников войска восставших. Этот вывод подтверждается данными источников как о предшествующей деятельности Беззубцева, так и о его дальнейшем участии в событиях.

Сам Ю. Беззубцев, повидимому, происходил из путивльских помещиков, как об этом можно заключить из следующего (к сожалению, дефектного) места жалованной грамоты Путивльскому Печерскому монастырю от 1621 г.: «...а тот монастырской бортной ухожей с поместными и бортными ухожьи с Юрием Беззубцевым (в тексте «Безрубцевым». — *И. С.*) да с Федором Черенцовым» [2]. К нему же, очевидно, надо отнести и слова царского наказа в Путивль от 23 мая 1589 г.: «...да в Путивле же велено головам прибрати Ивану Кирееву, да Юрью Беззубцеву охочих казаков сто два человека» для похода против «воровских» черкас на Донец и Оскол [3]. Из этого последнего документа мы не только узнаем о том, что Ю. Беззубцев был «головой», т. е. занимал довольно высокое положение в служилой иерархии, но и получаем возможность составить представление о возрасте Ю. Беззубцева, который, очевидно, был в 1606 г. уже немолодым человеком. Очень важный факт из биографии Ю. Беззубцева сохранился в одной из разрядных книг, где имеется запись о том, как «пришел в Кромы ис Путивля от Ростриги Юшко Беззубцов с путимцы на помочь Кромским (в оригинале «Крымским». — *И. С.*) сидельцом» [4]. Не менее важны и те данные, которые характеризуют дальнейшую деятельность Ю. Беззубцева уже после восстания Болотникова. Так, по свидетельству «Истории Ложного Димитрия» (Будилы), в 1609 г. Ю. Беззубцев действует в составе войск гетмана Рожинского, в качестве «атамана донских казаков» [5].

Наконец, Ю. Беззубцев упоминается в грамоте властей Троице-Сергиева монастыря от 6 октября 1611 г. как один из военачальников, идущих на освобождение Москвы от поляков: «...а из Северских городов Юрий Беззубцов со всеми людьми идет к Москве ж наспех» [6].

Таким образом, на всем протяжении своей деятельности Ю. Беззубцев выступает в качестве начальника над определенными военными силами. Очевидно, и под Москвой он возглавлял какой-то отряд.

---

[1] *Белокуров*, стр. 9, 10.
[2] *И. Левитский*, Монастыри и церкви г. Путивля, существующие и упраздненные, «Труды XII Археологического съезда», т. III, 1905, стр. 138.
[3] Акты Юшкова, № 241.
[4] *Белокуров*, стр. 238.
[5] РИБ, т. I, стб. 151 и 164.
[6] СГГиД, т. II, № 275.

*

Библиотека "Руниверс"

Рассмотрение вопроса об организационной структуре войска, осаждавшего Москву, показывает, что это войско, будучи под верховным начальством Болотникова, включало в свой состав по крайней мере три в какой-то степени обособленных, самостоятельных отряда: 1) под начальством Г. Сумбулова и П. Ляпунова, 2) под начальством И. Пашкова и 3) под начальством Ю. Беззубцева.

Было бы ошибочным объяснять наличие этих особых отрядов в войске Болотникова одними лишь моментами территориального порядка или обстоятельствами личного характера. В основе такого обособления отдельных частей войска Болотникова лежали факторы чисто социальные.

Наиболее отчетливо выступает социальное лицо отряда Г. Сумбулова и П. Ляпунова. Рассказывая о переходе отряда Г. Сумбулова и П. Ляпунова на сторону Василия Шуйского, «Новый Летописец» говорит, что «рязанцы... градом всем от тех воров отъехаша» [1], подчеркивая употреблением выражения «всем градом», что под начальством Г. Сумбулова и П. Ляпунова находилась вся основная масса рязанского дворянства — весь служилый «город». Точно так же рисуется социальный состав отряда Г. Сумбулова и П. Ляпунова и в грамоте патриарха Гермогена: «Приехали к государю царю и великому князю Василью Ивановичу всеа Русии с винами своими Григорей Сумбулов да Прокопей Ляпунов, а с ними многие рязанцы дворяня и дети боярские» [2]. Таким образом, отряд Г. Сумбулова и П. Ляпунова состоял из рязанских дворян-помещиков.

Гораздо более сложным представляется вопрос о социальном составе отряда И. Пашкова. Сопоставление данных о величине всего отряда, находившегося под командой И. Пашкова, с данными о количестве лиц, последовавших за И. Пашковым в его предательстве и переходе на сторону Василия Шуйского, показывает резкое расхождение в размерах между отрядом, которым И. Пашков командовал в войске Болотникова, и тем отрядом, с которым он передался Шуйскому.

В то время как общие размеры отряда И. Пашкова Буссов и Исаак Масса определяют в 30—40 тысяч человек, те же источники называют во много раз меньшие количества лиц, последовавших за И. Пашковым в лагерь Василия Шуйского. Буссов говорит о том, что И. Пашков перешел на сторону врага «вместе с несколькими тысячами человек своего войска (mit etlichen 1 000 Mann seines unterhabenden Volks)» [3]. Исаак Масса называет еще более скромную цифру, указывая, что И. Пашков «передался с пятью

[1] ПСРЛ, т. XIV, стр. 72.
[2] ААЭ, т. II, № 58.
[3] *Bussow*, стр. 72.

Библиотека "Руниверс"

стами человек» [1]. Как бы ни относиться к абсолютным величинам цифровых данных Буссова и Исаака Массы, это не может изменить вывода, что за И. Пашковым последовала лишь незначительная часть его людей из числа тех, кто входил в состав его отряда в лагере Болотникова. Но и другие источники также подтверждают малые размеры отряда, с которым изменил И. Пашков. Так, английская записка говорит о 500 человеках [2]. Несколько бóльшую цифру мы находим в дневнике В. Диаментовского, отмечающего измену Болотникову «нескольких тысяч человек (kílku tysecy ludu)», подразумевая при этом измену И. Пашкова, но не называя его по имени [3]. Однако повесть «Иного Сказания» уменьшает число лиц, которых И. Пашков привел с собой к Василию Шуйскому, до 400 человек [4].

Рассмотренные данные заставляют сделать вывод о том, что значительная часть войска, начальником над которым был И. Пашков в лагере Болотникова, не последовала за И. Пашковым в его предательстве. Измена И. Пашкова вызвала в его отряде своеобразное расслоение, своего рода раскол. Для того чтобы характер этого раскола в отряде И. Пашкова стал ясным, необходимо вновь обратиться к свидетельству «Карамзинского Хронографа».

«Карамзинский Хронограф», называя И. Пашкова «начальником» и «воеводой», указывает, что он был «с туляны, с коширяны и с веневичи». Основываясь на этом известии, С. Ф. Платонов рассматривает И. Пашкова в качестве начальника над мелкопоместными детьми боярскими Тулы и Каширы, называя его «вождем именно такой служилой мелкоты» [5]. Выше, рассматривая вопрос об участии в восстании Болотникова Рязанско-Тульского района, мы отмечали, что такое определение размеров «воеводства» И. Пашкова не соответствует действительному характеру той роли, которую И. Пашков играл в первый период восстания Болотникова. Но свидетельство «Карамзинского Хронографа» заслуживает гораздо большего внимания применительно к тому моменту, к какому его относит и сам автор «Хронографа», т. е. к периоду осады Москвы. В частности, свидетельство «Карамзинского Хронографа» может и должно быть использовано и для ответа на вопрос: по какой линии произошел раскол отряда И. Пашкова? Основываясь на показании «Карамзинского Хронографа», можно полагать, что верными И. Пашкову остались и вместе с ним перешли на сторону Василия Шуйского именно

[1] *И. Масса*, стр. 163.
[2] См. прилож. IV, стр. 554.
[3] *W. Dyamentowski*, стр. 86.
[4] РИБ, т. XIII, стб. 109.
[5] *Платонов*, Очерки, стр. 326, 327.

Библиотека "Руниверс"

тульские (и прилегавших к Туле районов) служилые люди — помещики.

Правильность нашего вывода подтверждает свидетельство и другого источника. «Новый Летописец», рассказывая об измене И. Пашкова, сообщает ценнейшие данные о том, кто изменил вместе с ним: «Той же Истома Пашков, узнав свое согрешение, *со всеми дворяны и детми боярскими* отъеха ко царю Василью к Москве, а те воры, боярские люди и казаки, бьющеся, отнюдь не обращахуся» [1]. Итак, с И. Пашковым были дворяне и дети боярские [2]. Конечно, утверждение «Нового Летописца», что к Василию Шуйскому ушли вместе с И. Пашковым «все» дворяне из войска Болотникова, носит явно тенденциозный характер: некоторое количество дворян осталось с Болотниковым и после измены И. Пашкова. Но существо дела отмечено «Новым Летописцем» верно. Свидетельство «Нового Летописца» находится в полном соответствии как с рассказом «Карамзинского Хронографа» о том, над кем был «начальником» И. Пашков, так и с данными источников о величине того отряда, с которым И. Пашков перешел на сторону Василия Шуйского.

Выяснение социального лица той части отряда И. Пашкова, которая вместе с ним перешла в лагерь Шуйского, дает ответ и на вопрос о социальном составе отряда И. Пашкова в целом. В отличие от рязанских полков отряд И. Пашкова в социальном отношении не являлся единым. Наряду с крестьянами, холопами и казаками в составе отряда И. Пашкова находилась (и вместе с ним изменила Болотникову) вторая (после рязанцев) группа дворян-помещиков, примкнувших к войску восставших на пути их к Москве.

Нам остается рассмотреть вопрос о том, что собой представлял отряд Ю. Беззубцева. К сожалению, ответ на этот вопрос может быть лишь чисто предположительным, ибо никаких определенных данных об отряде Беззубцева источники не содержат. Однако, исходя из того, что в 1609 г. источники называют Ю. Беззубцева казачьим атаманом, бывшим во главе отряда донских казаков [3], и учитывая, что в войске, осаждавшем Москву, имелись казаки, можно думать, что Ю. Беззубцев и в 1606 г. был казачьим атаманом, а его отряд состоял из казаков.

Отряды Сумбулова и Ляпунова, Пашкова и Беззубцева составляли наиболее крупные образования в войске Болотникова. Можно думать, что ими не исчерпывалось наличие обособленных воинских единиц в составе войска, осаждавшего Москву. В каче-

[1] ПСРЛ, т. XIV, стр. 73.

[2] Следует отметить, что повесть «Иного Сказания», в которой И. Пашков фигурирует как «атаман», называет перешедших с Пашковым лиц «казаками» (РИБ, т. XIII, стб. 109).

[3] «Донцов» (РИБ, т I, стб. 151).

Библиотека "Руниверс"

стве примера такой единицы можно указать на отряд московских стрельцов, входивших в состав гарнизона Коломны и перешедших на сторону Болотникова. Эти стрельцы, повидимому, сохранили свою организационную обособленность и в войске Болотникова, вплоть до того момента, когда они вновь вернулись в лагерь Василия Шуйского. Об этом можно заключить на основании текста грамоты патриарха Гермогена, где в перечне лиц, перешедших на сторону Василия Шуйского, особо выделены «стрельцы Московские, которые были на Коломне» [1].

Какова была роль этих отрядов и какое место они занимали в войске Болотникова? Ответ на поставленный вопрос следует искать уже в самом факте обособленности названных частей войска Болотникова. Не случайно также и то обстоятельство, что за исключением отряда Беззубцева, оставшегося верным Болотникову, все остальные отряды оказались в числе изменивших Болотникову и перешедших на сторону Василия Шуйского.

Особое место, занимавшееся отрядами Сумбулова — Ляпунова, И. Пашкова (в его дворянско-помещичьей части) и других, равно как и разрыв названных отрядов (за исключением отряда Беззубцева) с Болотниковым на определенном этапе борьбы и переход их на сторону Василия Шуйского, — все это было обусловлено самой природой этих отрядов, бывших в социальном, классовом отношении чуждыми и даже прямо враждебными основному ядру войска Болотникова — холопам, крестьянам и городским низам. Примкнув к Болотникову в ходе восстания, в обстановке растущих успехов восставших, эти отряды временно усилили Болотникова, но вместе с тем явились источником противоречий и борьбы в лагере восставших, оказавшись в конечном счете фактором, не укрепляющим, а разлагающим и дезорганизующим ряды восставших.

Таким образом, присоединение к Болотникову определенного количества дворян-помещиков, изменив социальную однородность войска Болотникова, оказало существенное влияние на ход борьбы, в частности и на ход осады Москвы.

Основное ядро войска, осаждавшего Москву, составляли, однако, не эти отряды, а те «боярские люди и казаки», которые остались верными Болотникову и бились до конца, «отнюдь не обращахуся», по выражению «Нового Летописца».

Чтобы сколько-нибудь конкретно представить себе эту основную массу восставших, необходимо попытаться определить, хотя бы самым приблизительным образом как общие размеры войска Болотникова, так и величину отдельных его частей.

Данные источников о размерах войска Болотникова очень разрозненны, случайны, а главное с трудом поддаются критической

[1] ААЭ, т. II, № 58.

Библиотека "Руниверс"

оценке и проверке. Тем не менее некоторое представление о величине войска Болотникова на основании этих данных получить можно, что и обязывает нас к использованию их.

Наиболее полные и подробные данные о размерах войска Болотникова содержатся в Сказании, найденном М. Н. Тихомировым. Общую величину войска, осадившего Москву, Сказание определяет в 187.000 человек: «И приидоша под Москву многочисленно бе убо, яко 187.000, и отступиша по странам, стояша в Коломеньском и Заборье и во многих местех» [1]. Кроме этой итоговой цифры, Сказание сообщает также размеры потерь Болотникова в сражении 2 декабря 1606 г., — «плененых 21.000, побиенных же множае, яко 1000» [2].

Трудно сказать, на чем основаны эти данные. Точность их (187 тысяч; 21 тысяча), повидимому, указывает на официальный источник, из которого они почерпнуты (по аналогии, скажем, с данными о числе жертв от голода в Москве 1601—1603 гг., сообщаемых А. Палицыным, со ссылкой на то, что количество умерших от голода «счисляюще по повелению цареву», см. выше, стр. 63). При этом цифры количества взятых в плен (а также убитых) в сражении 2 декабря 1606 г., конечно, имелись в распоряжении правительства В. Шуйского. Первая же цифра — общего размера войска Болотникова — может вести свое происхождение от тех данных, какие В. Шуйский получал о величине войска Болотникова от перебежчиков (или от взятых в плен).

Но даже если источником цифр, содержащихся в Сказании, являются официальные данные, не следует, конечно, принимать эти цифры за действительно точно соответствующие реальным размерам войска, осадившего Москву. Значение этих цифр не в их абсолютной точности, а в том, что они позволяют составить представление о масштабах войска Болотникова под Москвой.

Сопоставление и проверка данных о размерах войска Болотникова, сообщенных Сказанием, с данными, содержащимися в других источниках, в общем подтверждает данные Сказания, хотя и обнаруживает вместе с тем тенденцию Сказания к некоторому преувеличению размеров войска Болотникова. Помимо Сказания, данные об общих размерах войска Болотникова имеются еще в двух источниках. Одним из этих источников является английская записка, где величина войска Болотникова определяется в 60 000 человек: «Мятежники привлекли на свою сторону всех недовольных в этой части страны, и в скором времени их силы возросли настолько, что они выступили в поход в количестве 60 000 человек и явились под Москвой» [3]. Буссов, являющийся вторым источни-

---

[1] *М. Н. Тихомиров*, Сказание.
[2] Там же.
[3] См. прилож. IV, стр. 552.

Библиотека "Руниверс"

ком, содержащим данные об общих размерах войска Болотникова, также называет цифру 60 000 человек, но в отличие от английского документа определяет этой цифрой величину не всего войска Болотникова, а только той его части, которая находилась под непосредственным командованием Болотникова, указывая вместе с тем, что под командой И. Пашкова находилось 40 000 человек. Таким образом, по Буссову, войско Болотникова насчитывало 100 000 человек [1].

Остальные источники, касающиеся вопроса о величине войска Болотникова, не содержат данных об общих размерах его войска. Тем не менее в них можно найти дополнительный материал по рассматриваемому вопросу. Так, А. Стадницкий в своем описании осады Москвы Болотниковым сообщает, что в сражении между войсками Василия Шуйского и Болотникова 27 ноября участвовало «до 20 000 войска противной стороны», т. е. Болотникова [2]. Эта цифра важна в том отношении, что принадлежит очевидцу (А. Стадницкий был в это время в Москве) и находится в письме, датированном 2 декабря 1606 г. В этом же письме А. Стадницкий указывает, что, по рассказам перебежчиков, за несколько дней до сражения 27 ноября, в ночь на 17 ноября, «все телеги и всякую сволочь (lud blagy) отправили прочь» [3], что уменьшило размеры войска, оставшегося под Москвой.

Цифру 20 000 человек применительно к войску Болотникова называет и еще один источник. На обратном пути из Кракова в Москву, в январе 1607 г., посланники Василия Шуйского князь Г. Волконский и А. Иванов оказались, проездом, в городе Слониме в одно время с литовским канцлером Львом Сапегой. Последний счел нужным сообщить русским дипломатам «радостную весть» о поражении Болотникова под Москвой. В этом сообщении содержится указание на то, что воеводы Василия Шуйского «побили больши 20 000» войска Болотникова, «а иные побежали к Колуге» и т. д. [4]

Исаак Масса в своих записках приводит три цифры, относящиеся к размерам войска Болотникова. Так, он рассказывает о том, что во время похода Болотникова к Москве он послал «отряд в 10 000 человек прямо на Москву, намереваясь последовать за ним со всем войском» [5]. Второй цифрой, которую мы находим у Массы, являются «30 000 человек», которыми он определяет размеры отряда И. Пашкова [6]. Наконец, число захваченных

---

[1] *Bussow*, стр. 72.
[2] *S. Niemojewski*, стр. 190 (русский перевод — стр. 179).
[3] Там же, стр. 188 (русский перевод — стр. 178).
[4] Сб. РИО, т. 137, стр. 360.
[5] *И. Масса*, стр. 162.
[6] Там же, стр. 163.

Библиотека "Руниверс"

в плен Василием Шуйским, по словам Массы, доходило «до шести тысяч» [1].

Чтобы исчерпать данные источников о размерах войска Болотникова, следует привести свидетельство «Карамзинского Хронографа». Рассказывая о том, как Болотников после поражения под Москвой бежал в Калугу, автор «Хронографа» добавляет: «а с ним сéло в Колуге всяких людей огненаго бою болши десяти тысячь, а иные всякие воры с розгрому же ис-под Москвы прибежали на Тулу и сели на Туле, многие же люди с вогненым боем» [2].

Сопоставляя и взвешивая показания источников, учитывая известную тенденцию их к преувеличению сил Болотникова, мы все же должны притти к выводу, что войско Болотникова под Москвой насчитывало если и не 100 000, то, во всяком случае, несколько десятков тысяч человек. Нет особой нужды уточнять этот вывод. Ибо каковы бы ни были отклонения (в ту или иную сторону) действительной величины войска от тех абсолютных цифр, которые называют отдельные источники, тот факт, что размеры войска Болотникова достигали нескольких десятков тысяч человек, подтверждается всеми источниками и не может быть поколеблен.

Определив если не размеры, то масштабы войска Болотникова, осадившего Москву, можно вернуться к рассмотрению поставленного выше вопроса об удельном весе различных социальных элементов в войске Болотникова.

По данным источников о размерах некрестьянских отрядов в войске Болотникова, эта часть его войска представляется очень незначительной по сравнению с величиной войска Болотникова в целом.

Так, А. Стадницкий определяет величину рязанского отряда Сумбулова и Ляпунова всего в 500 человек: «Дня 26-го ноября противная сторона впустила в город пятьсот рязанцев... Те, идя отдельным полком, при приближении к городу Москве, сейчас же знаками объявили о своей покорности великому князю» [3].

---

[1] *И. Масса*, стр. 163. Буссов называет для взятых в плен Василием Шуйским цифру — 10 000 человек (*Bussow*, стр. 72). Любопытно, что Исаак Масса выдерживает ту же в общем пропорцию между общими размерами войска Болотникова и количеством попавших в плен, что и Буссов, примерно 10% общего количества; принимая общие размеры войска Болотникова несколько больше чем вдвое по сравнению с отрядом И. Пашкова, мы, беря цифру Исаака Массы — 30 000 человек, получаем общие размеры войска Болотникова в 60 000—70 000 человек; Буссов, как мы видели, называет для войска Болотникова цифру 100 000 человек.

[2] *А. Попов*, Изборник, стр. 332.

[3] *S. Niemojewski*, стр. 187, 188 (русский перевод — стр. 177). Что в приведенном тексте речь идет именно об отряде Сумбулова и Ляпунова, доказывается не только обозначением перешедших на сторону Василия Шуйского рязанцами, но, прежде всего, совпадением дат: по грамоте патриарха Гермогена, Г. Сумбулов и П. Ляпунов «приехали» к Василию Шуйскому

Библиотека "Руниверс"

Тот же источник под 27 ноября (т. е. 17 ноября по русскому календарю) сообщает о том, что «из полков противной стороны около 50 стрельцов передались великому князю» [1]. Если мы отождествим этот отряд стрельцов-перебежчиков с московскими стрельцами из коломенского гарнизона, о которых шла речь выше (а такое отождествление представляется весьма вероятным, ибо, по данным грамоты патриарха Гермогена, переход этих стрельцов как раз последовал за изменой рязанцев), то мы получаем данные, характеризующие размеры еще одного отряда из войска Болотникова.

Что касается отряда И. Пашкова, вернее, той его части, которая перешла на сторону Василия Шуйского, то, как мы видели, она насчитывала не более нескольких тысяч человек, а вероятнее всего вряд ли превышала и тысячу человек.

Размеры отряда Ю. Беззубцева источники не указывают. Точно так же нет возможности определить и общее количество казаков в войске Болотникова. Несомненно, однако, что число казаков в войске Болотникова было весьма значительным, что следует хотя бы из того факта, что взятые в плен Василием Шуйским в сражении 2 декабря 1606 г. 6—10 тысяч человек были именно казаки [2]. Вместе с тем, рассматривая вопрос о казаках в войске Болотникова, необходимо напомнить, что самое понятие «казак» в применении к войску Болотникова было весьма условным. «Карамзинский Хронограф», говоря о «ворах казаках» в войске «Колужского Вора», т. е. Лжедмитрия II, прямо говорит, что «в казаках были холопи боярские и всякие воры ерыжные и зерщики» [3]. Таких казаков — «холопей боярских» — было, конечно, весьма много и среди «казаков» войска Болотникова.

Суммируя все данные о размерах отдельных отрядов, входивших в состав войска Болотникова, мы должны притти к выводу о том, что эти отряды (за исключением казачьих отрядов) составляли весьма незначительную величину по сравнению с основной массой войска Болотникова, состоявшей из крестьян и холопов.

Однако в определении роли и значения некрестьянских элементов войска Болотникова нельзя ограничиться одним лишь исчислением абсолютной величины дворянских отрядов и их удельного веса в войске Болотникова. Составляя в количественном отношении сравнительно незначительную часть войска Болотникова, дворянские отряды играли видную роль в его войске,

---

«ноября в 15 день»; у Стадницкого переход рязанцев на сторону Шуйского датируется 26 ноября по н. ст., т. е. 16 ноября по русскому календарю.

[1] *S. Niemojewski*, стр. 188 (русский перевод — стр. 177).

[2] «10 000 казаков из его войска были окружены врагом и принуждены были сдаться» (*Bussow*, стр. 72). Исаак Масса, как мы видели, уменьшает цифру пленных до 6 000.

[3] *А. Попов*, Изборник, стр. 354.

Библиотека "Руниверс"

способствуя росту противоречий внутри войска Болотникова и дезорганизуя его, что со всей силой выявилось в решающие моменты осады Москвы, когда последовавшие одна за другой измены рязанцев и И. Пашкова явились одной из главных причин поражения Болотникова под Москвой.

Несмотря на наличие столь серьезных и глубоких противоречий внутри войска Болотникова, оно представляло собой огромную силу, непосредственно угрожавшую Москве, и иронические слова Ивана Тимофеева о том, что «новоцарующему (т. е. Василию Шуйскому. — *И. С.*) во граде, яко пернатей в клетце, объяту сущу и затворене всеродно» [1], очень хорошо показывают соотношение сил между осаждающими и осажденными в начальный период осады Москвы.

Положение Василия Шуйского, действительно, очень напоминало положение птицы в клетке.

Все стремления Шуйского не допустить Болотникова к столице оказались тщетными, и осада Москвы явилась конечным итогом целой цепи поражений, понесенных войсками Шуйского от Болотникова.

Решение правительства Шуйского запереться в Москве и сесть в осаду явилось результатом полного разгрома армии Шуйского Болотниковым и Пашковым. Особенно сокрушителен был последний удар, нанесенный царскому войску под селом Троицким. Даже разряды, обычно всячески скрывающие неудачи воевод Василия Шуйского в борьбе с Болотниковым, изображают битву под Троицким как полное поражение царских войск, подчеркивая, что «воры... бояр побили и розганяли» [2]. Ожесточенность битвы под Троицким (и сражения у Пахры) отмечает и «Иное Сказание», характеризуя эти сражения словами: «бой велик и сеча зла», и указывая, что «многое множество обоих падоша в тех двух бранех» [3]. Эта картина поражения войск Василия Шуйского может быть еще более конкретизирована на основании дневника В. Диаментовского, сообщающего, со слов участников сражения, что «на поле боя осталось до 7.000 убитых» из войска Василия Шуйского. Кроме того, «до 9.000 ограбленных до-чиста и наказанных кнутом были отпущены домой» [4]. В такой обстановке правительству Шуйского не оставалось никакого иного выхода, кроме как запереться в стенах Москвы, чтобы выиграть этим время и попытаться собрать силы для продолжения борьбы.

Но и в самой Москве положение было исключительно острым. Вслед за бегством служилых людей из войска началось массовое бегство бояр и других групп населения из Москвы. В дневнике

[1] РИБ, т. XIII, стб. 400.
[2] *Белокуров*, стр. 10.
[3] РИБ, т. XIII, стб. 99.
[4] *W. Dyamentowski*, стр. 83.

Библиотека "Руниверс"

Диаментовского имеется выразительная запись (относящаяся, повидимому, к первой половине октября 1606 г.): «Сообщали о великих тревогах в Москве. Мы также сами наблюдали, как множество знатных бояр с женами убегали из Москвы, услышав о великом войске под Серпуховом. Тогда же пришла весть, что в Москве собирались садиться в осаду» [1]. О бегстве из Москвы говорит и Буссов, по словам которого, «в это время (после прихода к Москве И. Пашкова. — *И. С.*) Москва уже потеряла много народа, как местных жителей, так и иностранцев, которые тайком перебегали из города к врагу» [2].

Едва ли не самое яркое описание положения в Москве во время осады ее Болотниковым содержится в показаниях некоего Ивана Садовского, данных им в связи с розыском по делу Андрея Стадницкого, уличенного в секретной переписке с польским послом Н. Олесницким и в попытке бегства в Польшу [3].

---

[1] *W. Dyamentowski*, стр. 81.

[2] *Bussow*, стр. 69.

[3] В. Диаментовский сообщает, что И. Садовский был «личным секретарем (pokojowym pisarzem) у его милости пана Краковского, откуда бежал, скитался по Италии, сюда заехал с паном Стадницким, находился в Ростове, изменил и предал панов Стадницких» (*W. Dyamentowski*, стр. 100, 101).

Показания И. Садовского относятся, вероятнее всего, к началу февраля 1607 г. Основанием для такой датировки является следующая фраза из показаний И. Садовского: «Да Стадницкий же *вчера* послал к послам грамотку, что посланники Московские и гонец королевский идут» (Сб. РИО, т. 137, стр. 376). В этой фразе речь идет о письме А. Стадницкого польскому послу в Москве Н. Олесницкому с сообщением о скором возвращении в Москву посланников Василия Шуйского к польскому королю, князя Г. Волконского и дьяка А. Иванова, с которыми, по сведениям А. Стадницкого, должен был приехать и польский гонец. Черновик письма А. Стадницкого был принесен И. Садовским в качестве доказательства правильности его показаний. В сохранившейся части этого черновика мы находим фразу: «В пятницу прошлую поехал Иван Измайлов гонца приимати до Смоленска. Начаюся будет сюда за неделю» (там же, стр. 378). Хотя в сохранившейся части письма А. Стадницкого говорится только о гонце, а о возвращении московских посланников не упоминается, но тождество этого письма с тем, какое имеет в виду в своих показаниях И. Садовский, устанавливается по содержанию другого вопроса, о котором идет речь в письме А. Стадницкого. По словам И. Садовского, А. Стадницкий писал послу, «что есть у него Ондрея, книга Онтона Посевина, как блаженные памяти с царем Иваном Васильевичем король Стефан мирился, и на чом и какими мерами; и по той де им книге можно научитись, что им говорити» (там же, стр. 376). В письме А. Стадницкого действительно читаем: «Добро бы тебе мети Антона Посевина книгу, которая есть у меня, а тебе она ныне надобна» (стр. 378).

Нам известно время возвращения князя Г. Волконского и А. Иванова. Они прибыли в Москву в пятницу 18 февраля 1607 г., выехав из Кракова 6 января и будучи проездом в Нарве 21 января (сб. РИО, т. 137, стр. 295 и 359). Предполагая, что И. Измайлов не мог быть послан всего за неделю до приезда послов (т. е. «в пятницу» 6 февраля), мы получаем как наиболее вероятный день отправки И. Измайлова — 30 января, что дает время напи-

Библиотека "Руниверс"

Сообщая о стремлении А. Стадницкого любым путем добиться отпуска в Польшу, И. Садовский утверждает, что эти стремления А. Стадницкого попасть в Польшу вытекали из его плана — добиваться организации новой вооруженной польской интервенции, используя тяжелое положение, в каком был Василий Шуйский во время осады Болотниковым Москвы. По словам И. Садовского, «мнился де он... (А. Стадницкий. — *И. С.*) в Литву для того, что хотел в Литве и в Полше весть дати, как воры под Москвою были, и сколько городов вором здалось, и как государь сидел на Москве с одними посадцкими людьми, а служилых людей не было, и как было мочно вором Москва взяти, коли б у них мудрой человек был один, потому что на Москве был хлеб дорог, и что государь не люб бояром и всей земли, и меж бояр и земли розньвеликая, и что казны нет и людей служилых, и чего король захочет, то учинить может ныне» [1].

В показании И. Садовского о Москве особенно существенны следующие моменты:

1) отсутствие служилых людей и казны, т. е. отсутствие военной силы и ресурсов для организации войска; 2) тяжелое экономическое положение («хлеб дорог») и 3) напряженная социальная атмосфера (причем противоречия и борьба развертывались в двух плоскостях: а) недовольство бояр и «всей земли» царем Василием Шуйским и б) «розньвеликая» между боярами и «землей»).

Эти черты, характеризующие обстановку внутри осажденной Москвы, дают ключ к пониманию как политики и действий правительства Василия Шуйского, так и тех событий, которые имели место в Москве во время ее осады Болотниковым.

То, что к моменту осады Москвы Болотниковым Василий Шуйский остался без служилых людей, отнюдь не было неожиданным. Распад войска Василия Шуйского нарастал параллельно успехам Болотникова, и процесс распада становился все более быстрым по

сания письма А. Стадницким между 30 января и 6 февраля, соответственно определяя и время дачи показаний И. Садовского.

Следует отметить, что в письме А. Стадницкого есть другое место, позволяющее, на первый взгляд, иначе датировать его, а именно фраза, что поляки находятся «в великой нужде и бедности уже 33 недели» (стр. 377). Это датировало бы письмо А. Стадницкого 3 января (начиная отсчет «33-х недель» с 17 мая 1606 г. — дня убийства Лжедмитрия I). Но такая датировка письма невозможна, так как в таком случае в нем не могло бы итти речи о посылке гонца навстречу Г. Волконскому. Более позднее время написания письма А. Стадницкого подтверждается также другим письмом, доставленным И. Садовским, — письмом Ю. Стадницкого, в котором говорится, что «ужо год исполнится, как мы в той неволе», а также сообщаются слухи о походе казаков из Путивля на помощь Калуге, что следует отнести именно к концу января — началу февраля 1607 г. (стр. 380).

[1] Сб. РИО, т. 137, стр. 375.

Библиотека "Руниверс"

мере приближения Болотникова к Москве [1]. Весьма показательно то, что об этом знал даже находившийся в Ярославле В. Диаментовский, отмечавший массовое бегство из армии Шуйского. В записи его дневника, относящейся к концу сентября или началу октября 1606 г., мы читаем: «В эти дни люди Шуйского непрерывно уезжали из полков, прикрываясь тем, что никаким способом не могли сопротивляться» [2]. То, что «ратные люди... учали ис полков розезжатца по домом», отмечают и разряды [3]. А «Новый Летописец» признает, что «царь Василий на Москве бысть не с великими людьми» [4].

Отсутствие служилых людей означало невозможность активной борьбы против восставших. «Иное Сказание» свидетельствует, что запершиеся в Москве воеводы Василия Шуйского «на брань противу их (т. е. восставших. — *И. С.*) не исходиша, войские силы ждаху» [5]. Это ожидание «войской силы», однако, не было пассивным. Напротив, правительство Шуйского стремится любыми средствами собрать в своих руках воинские силы для активных действий против Болотникова.

Рассмотрение военных мероприятий Василия Шуйского следует начать с вопроса о тех военных силах, которыми он располагал в самой Москве. Само собой разумеется, что слова источников об отсутствии в Москве служилых людей нельзя понимать слишком буквально. Некоторое количество войска в Москве, конечно, было, и оно-то и должно было оборонять город от Болотникова. Источники позволяют дать лишь самую общую характеристику тех военных сил, которые противостояли войскам Болотникова под Москвой. В соответствии с тактикой того времени московские войска Шуйского были разделены на две группы. Первая из этих групп под начальством «осадного воеводы» имела целью защищать городские укрепления. Наличие этой группы устанавливается записями в разрядах: «А в осадных воеводах велел государь быть за Москвою рекою у Серпуховских ворот околничему князю Д. В. Туренину да думному дворянину И. М. Пушкину, а от государя приезжал надзирать боярин князь И. Н. Одоевской Большой» [6].

---

[1] Типичным представителем служилых людей, бежавших из войска Василия Шуйского, может явиться новгородский софийский сын боярский Суббота Саблин, о котором мы узнаем из грамоты новгородского митрополита, что «в прошлом во 115 году посылан был на государеву... службу с Софейскими детми боярскими вместе на Сиверы, и он, не дослужив государевы службы, и сбежал наперед иных Софейских детей боярских» (АИ, т. II, № 83).

[2] *W. Dyamentowski*, стр. 81.

[3] *Белокуров*, стр. 9.

[4] ПСРЛ, т. XIV, стр. 71.

[5] РИБ, т. XIII, стб. 99.

[6] *Белокуров*, стр. 43; ср. стр. 179, 219.

Библиотека "Руниверс"

Вторая группа войск, напротив, являлась подвижной и, находясь под начальством «вылазного воеводы», имела своей задачей «вылазки» против осаждавших город войск. Повидимому, в количественном отношении эта группа была крупнее первой и имела более важное значение, что подчеркивалось назначением воеводой этой группы князя М. В. Скопина-Шуйского. Разряды являются и для этой группы основным источником, характеризуя ее следующим образом: «А на выласке государь велел быть боярину князю Михайлу Васильевичю Скопину, да князь Ондрею Васильевичю Голицыну да князь Борису Петровичю Татеву; а з бояры со князь Михайлом Васильевичем Скопиным с товарыщи были столники, стряпчие, дворяне Московские, жилцы» [1].

Названными сейчас группами войск не исчерпывалось все войско, бывшее в Москве. Так, в той самой разрядной книге, откуда мы заимствовали характеристику полков князя Д. В. Туренина и князя М. В. Скопина-Шуйского, вслед за второй из приведенных характеристик имеется следующая фрагментарная запись: «У Колуских ворот воеводы... За Яузою...» [2] На этом текст обрывается, но, очевидно, он содержал в себе роспись еще каких-то отрядов, входивших в состав войск, оборонявших Москву.

Можно указать еще одну категорию войск, бывших в Москве во время осады ее Болотниковым. Мы уже сталкивались в предшествующем изложении с «приказом» псковских стрельцов, который был «взят» в Москву для защиты ее «от воровских людей». Повесть о восстании Болотникова в «Ином Сказании» сохранила известие о другом стрелецком отряде, участвовавшем в борьбе против Болотникова во время осады Москвы. Этот отряд стрельцов находился в Симоновом монастыре: «Ту же во обители Московские стрелцы быша: послани от царя Василия в защищение тоя обители иноком» [3].

Но, как сказано, всех этих войск было мало для успешной борьбы с Болотниковым. Поэтому одновременно с приведением в боевую готовность наличных в Москве сил правительство Василия Шуйского принимает меры к мобилизации нового войска. Во главе этого дела был поставлен брат царя — князь Иван Иванович Шуйский. Насколько можно судить по сохранившимся данным, план Василия Шуйского заключался в том, чтобы попытаться опереться в своей борьбе против Болотникова на северные и северо-восточные районы, где и предполагалось набрать новые контингенты войск взамен разбежавшихся полков. Так, отражая московские слухи и настроения, А. Стадницкий сообщает

[1] *Белокуров*, стр. 43; ср. стр. 89, 146, 219.
[2] Там же, стр. 43.
[3] РИБ, т. XIII, стб. 100.

Библиотека "Руниверс"

в своем цитированном уже письме: «Говорят, что новгородские, псковские и смоленские силы тянутся на помощь государю» [1]. Он же сообщает и другой слух: «. . .передавали, что Касимовский царек идет на помощь великому князю, по словам одних, с 5000 татар, по словам других, с 10 000» [2]. Из другого источника мы узнаем о поголовной мобилизации на борьбу с Болотниковым служилых людей Галича: «По государеву указу, велено быть на государеве службе з бояры и воеводы со князем Иваном Ивановичем Шуйским с товарыщи галеченом дворяном и детем боярским всем городом» [3].

Выше, характеризуя положение в Пермско-Вятском районе, мы достаточно полно осветили мобилизационные мероприятия Василия Шуйского в городах этой части Русского государства и на примере Петра Благово могли убедиться в том, с какой энергией и решимостью агенты Шуйского осуществляли план вербовки ратных людей для борьбы с Болотниковым (см. главу V).

Наконец, свидетельство «Иного Сказания» о приходе в осажденную Москву «з Двины с Колмогор» 200 стрельцов [4] показывает, что и города Поморья также являлись резервуаром, откуда правительство Шуйского рассчитывало черпать силы для борьбы с Болотниковым. Приведенные данные достаточно характеризуют масштабы мобилизационных мероприятий Шуйского. Было бы, однако, ошибочно думать, что эффект этих мероприятий соответствовал широте их размаха. Напротив, скорее следует говорить об обратной пропорциональности между масштабами деятельности правительства Шуйского по мобилизации войска и ее результатами.

Все источники, откуда мы брали данные о мобилизационных мероприятиях правительства Шуйского, признают неудачу, неизменно постигавшую Шуйского в его попытках возродить свое развалившееся войско. Напомним хотя бы отчет того же П. Благово о его безуспешных стремлениях довести до Москвы набранных в Перми ратных людей. Не менее показателен и провал мобилизации галицких дворян. «Ноября в 18 день, — писали к государю ис полков [5], бояре и воеводы князь Иван Ивановичь

[1] *S. Niemojewski*, стр. 187 (русский перевод — стр. 177).
[2] Там же, стр. 189 (русский перевод — стр. 178).
[3] Акты Юшкова, № 269.
[4] РИБ, т. XIII, стб. 106.
[5] Где находились «полки» князя И. И. Шуйского — неясно. Стадницкий в своем письме от 2 декабря 1606 г., говоря о сражении между войсками Болотникова и Василия Шуйского, имевшем место 17 ноября 1606 г., называет в числе воевод Шуйского, участвовавших в этом сражении, и И. И. Шуйского: «Выехал (из Москвы. — *И. С.*) и князь Дмитрий Шуйский, князь Иван, князь Михаил» (*S. Niemojewski*, стр. 188; русский перевод — стр. 178). Не указывает ли это свидетельство на то, что «полки», из которых писал царю И. И. Шуйский, находились в самой Москве?

Библиотека "Руниверс"

Шуйской с товарыщи, что многие дворяня и дети боярские галечене на государеву службу не бывали» [1]. Таким образом, в самый напряженный момент осады Москвы галицкие помещики оказались в «нетчиках», уклоняясь от мобилизации и предпочитая «бегать или хоронитца», как мы узнаем из той же царской грамоты. Характерно при этом, что правительство Василия Шуйского смогло предпринять репрессивные меры против «нетчиков» — галичан — лишь в конце декабря 1606 г., т. е. после поражения Болотникова под Москвой и снятия осады Москвы, послав 27 декабря в Галич специального пристава с предписанием направлять «нетчиков» «на государеву службу» и наказывать продолжающих уклоняться от службы [2]. Иными словами, до этого момента оно было бессильно предпринять какие-либо меры принуждения против галичан.

Столь же определенен и А. Стадницкий в своих показаниях о тщетности усилий правительства Василия Шуйского добиться прихода в Москву подкреплений. Сообщив слух о том, что к Москве якобы идут войска из Новгорода, Пскова и Смоленска, он иронически заключает: «Но по сю пору мы не слышим о них и не видим; наоборот, к противной стороне прибывает in dies [что ни день] войска» [3]. Не менее скептически А. Стадницкий относится и к версии о войске касимовского царя, подчеркивая, что «из всего этого нет ничего» [4]. По свидетельству А. Стадницкого, до 18 ноября вообще, «за исключением 100 пеших из сел (z dy mów), людей в городе не прибыло» [5].

Таким образом, несмотря на все усилия, правительству Василия Шуйского никак не удавалось добиться сколько-нибудь серьезного увеличения войска в Москве. Это делает понятной пессимистическую характеристику «Иного Сказания», где положение в Москве расценивается прямо как отчаянное: «Тогда во граде вси людие в размышлении велицем быша и во отчании о помощи, понеже многие грады царю изменили и приложилися к вором и разбойником; и государство Астороханское от Московского государства отказася; из Великого же Новаграда не быть войска для ради настоящаго великаго мору» [6]. Комментируя эту характеристику, следует отметить, что содержащийся в ней конкретный факт — отсутствие войска из Новгорода, — находясь в полном соответствии с показаниями А. Стадницкого, подтверждается и Псковской летописью, сообщающей (как мы видели при рассмотрении псковских событий), что во время осады Москвы Болотниковым в Москву из Новгорода нельзя было проехать «от воров-

[1] Акты Юшкова, № 269.
[2] Там же.
[3] *S. Niemojewski*, стр. 187 (русский перевод — стр. 177).
[4] Там же, стр. 189 (русский перевод — с гр. 178).
[5] Там же.
[6] РИБ, т. XIII, стб. 107, 108.

Библиотека "Руниверс"

ских людей» [1]. Это сопоставление с Псковской летописью вместе с тем показывает, что отсутствие новгородского войска в Москве объяснялось далеко не одним только мором в Новгороде.

К третьей группе военных мероприятий Василия Шуйского надо отнести военные действия за пределами Москвы. Эти действия продолжались и во время осады Москвы, причем местом их являлся район Можайска и Волока Ламского. Что заставило правительство Василия Шуйского пойти на посылку из Москвы войск в условиях, когда его так нехватало в самой Москве? Можайск и Волок Ламский открывали дорогу от Москвы к западным областям Русского государства и прежде всего — к Смоленску, сильнейшей военной крепости, на чью помощь Василий Шуйский мог рассчитывать в своей борьбе с Болотниковым. Но в момент осады Москвы Болотниковым и Можайск и Волок Ламский находились в руках восставших и, таким образом, закрывали путь от Смоленска к Москве.

Мы уже приводили разрядную запись о том, как после битвы под Калугой в сентябре 1606 г. «иные воры в те поры Федка Берсень с товарыщи Вязму и Можаеск смутили» [2]. Эти данные разрядов полностью подтверждаются сообщением, сделанным, по приказу Льва Сапеги, князю Г. Волконскому и А. Иванову. В интерпретации польских кругов переход Дорогобужа и других смоленских пригородов на сторону Болотникова рассматривается как завоевание этих городов: «Писал де к нему из Орши староста Ондрей Сопега, что Северяне собрався и с ними казаки донские ходили войною и взяли было Дорогобуж, и Вязьму, и Можайск, и Борисов город на Боранове, и Везему» [3].

Таким образом, польский источник дает даже более полный список городов, чем разряды. Правда, в изображении польских кругов переход смоленских пригородов на сторону Болотникова выглядит как завоевание этих городов «северянами» и «казаками». Но эта черта рассматриваемого источника не имеет значения для установления самого факта включения смоленских пригородов в сферу восстания Болотникова. Вместе с тем данные разрядов прямо указывают на то, что на сторону Болотникова перешло само население Вязьмы и Можайска, которое «смутил» Федька Берсень. Что касается Волоколамского района, то картина распространения здесь восстания достаточно ясно обрисовывается публикацией Г. Н. Бибикова. Волок Ламский был занят «казаками» в десятых числах октября и оставался в их руках до начала ноября [4].

[1] ПСРЛ, т. IV, стр. 323.
[2] *Белокуров*, стр. 9.
[3] Сб. РИО, т. 137, стр. 360.
[4] *Г. Н. Бибиков*, Новые данные о восстании Болотникова, «Исторический архив», т. I, 1936, стр. 5—13.

*

Библиотека "Руниверс"

Целью посылки Василием Шуйским войск «под Можайск» и «на Волок» было приведение в покорность этих районов и формирование здесь войска для похода к Москве. Под Можайск был послан отряд под начальством князя Д. И. Мезецкого. В разрядах этому походу посвящена краткая запись: «Послал царь Василей под Можаеск против смольян князь Данила Мезецково да Ивана Микитина сына Ржевского» [1]. О дальнейших событиях, связанных с походом князя Д. И. Мезецкого, равно как и о результатах этого похода, источники молчат. Напротив, поход на Волок освещен в источниках значительно подробнее. Во главе этой экспедиции стоял окольничий И. Ф. Крюк-Колычев. Поход князя Д. И. Мезецкого и поход И. Ф. Крюка-Колычева являлись составными частями единого плана. Об этом прямо свидетельствует запись в разрядах: «Послал царь Василей против смольян князь Данила Ивановича Мезецкого да Ивана Никитина сына Ржевского, а под Волок послал против смольян же другою дорогою околничего Ивана Федоровича Крюка-Колычева» [2]. Таким образом, план Василия Шуйского, очевидно, заключался в одновременном ударе с двух направлений по присоединившимся к Болотникову городам, с последующим соединением отрядов князя Мезецкого и Крюка-Колычева.

Но поход Д. И. Мезецкого и Крюка-Колычева преследовал и еще одну цель. Оба воеводы Василия Шуйского были посланы «против смольнян», т. е. «навстречу смольнянам», «на соединение со смольнянами».

Чтобы правильно оценить эту сторону в походе «под Можайск» и «на Волок», следует вернуться к рассмотрению положения в районе Смоленска.

Официальные источники из лагеря Василия Шуйского рассматривали смольнян как верных царю. Образцом такой официальной точки зрения на поведение смольнян может служить грамота патриарха Гермогена митрополиту Филарету, где утверждается, что «Смоленские и Вяземские и окрестные их грады воинские и посадские и по селам все люди крепко помнят на чем целовали крест государю царю и великому князю Василью Ивановичу всеа Русии» [3]. В действительности, однако, обстановка в Смоленских городах была гораздо более сложной. Достаточно обратиться к «Списку городов, участвовавших в восстании Болотникова», чтобы убедиться в том, что по крайней мере три смоленских города: Вязьма, Дорогобуж и Рославль — не удержались на позициях верности Василию Шуйскому и примкнули к Болотникову. Этот же процесс имел место и в примыкавших к городам

[1] *Белокуров*, стр. 43; ср. стр. 10.
[2] Там же, стр. 10.
[3] ААЭ, т. II, № 57.

Библиотека "Руниверс"

«Смоленской Украины» с севера городах «Ржевской Украины» (как эти районы названы в другой грамоте патриарха Гермогена) [1], т. е. в тверских пригородах, где на сторону Болотникова перешли города Ржев, Зубцов, Старица, Погорелое городище [2].

Если мы теперь сопоставим местоположение двух названных районов, «изменивших» Василию Шуйскому — Дорогобужско-Вяземского и Ржевского, — с маршрутами похода князя Мезецкого и Крюка-Колычева, то мы убедимся, что одна из «дорог» — Можайская, — по которой шел князь Д. И. Мезецкий, была направлена как раз к перешедшим на сторону Болотникова смоленским пригородам, в то время как другая — Волоцкая — вела к Ржеву.

Можно думать, таким образом, что одной из целей похода князя Д. И. Мезецкого и Крюка-Колычева было открыть дороги, по которым смольняне, верные Василию Шуйскому, могли бы притти к Москве.

Это мероприятие Василия Шуйского сыграло важную роль в борьбе между Болотниковым и Шуйским в период осады Москвы. Правительство Шуйского правильно оценило важное значение Смоленско-Ржевского района в борьбе против Болотникова. Вместе с тем положение в городах Смоленской и Ржевской Украины было таково, что давало возможность правительству Шуйского изменить обстановку в свою пользу, ибо ни Смоленск, ни Тверь — главные города этого района — не примкнули к Болотникову. Больше того, тверской архиепископ Феоктист возглавил активную борьбу против отрядов Болотникова в Тверском уезде: «. . .призвав к себе весь священный собор и приказных государевых людей и своего архиепископля двора детей боярских и града Твери всех православных крестиан. . . тех злых врагов и грабителей и разорителей под градом Тверью много злой их проклятой скоп побили и живых многих злых розбойников и еретиков поимав к Москве прислали» [3]. Следует, правда, с большой осторожностью отнестись к этому описанию воинской деятельности архиепископа Феоктиста, ибо источник, сообщающий о ней — грамота патриарха Гермогена, — исключительно тенденциозен. Но самый факт выступления тверских дворян против восставших, повидимому, несомненен.

Что касается Смоленска, то о положении в нем можно составить себе представление по рассказу «Нового Летописца»: «Во граде Смоленске слышаху архиепискуп и воеводы и все ратные люди такую настоящую беду над Московским государством, что хотят те воры царя и бояр побити, и воззопивше единогласно,

---

[1] ААЭ, т. II, № 58.
[2] Там же.
[3] Там же.

Библиотека "Руниверс"

поидоша под Москву, выбрав себе старейшину Григорья Полтева. Идучи же, грады очистиша Дорогобуж и Вязму» [1].

Правда, и к этому рассказу можно в значительной степени отнести все то, что сказано выше о грамоте патриарха Гермогена. Но для нас важно не утверждение автора «Нового Летописца», что смольняне «воззопивше единогласно» о походе под Москву, а самый факт этого похода и особенно то, что Дорогобуж и Вязьма были «очищены» от восставших в результате похода смоленских ратных людей. Это известие «Нового Летописца» подтверждается сообщением А. Сапеги, с содержанием которого были ознакомлены князь Г. Волконский и А. Иванов. В этом сообщении прямо говорится: «А к Дорогобужу де и к Вязьме и к Можайску ходили смольняне, и те городы опять к государю отворотили» [2]. Что касается социального состава этого отряда смольнян, то небезынтересно отметить, что в числе других в нем находился известный сын боярский Иван Философов, как это явствует из его собственных показаний (данных в 1627 г.), что «при царе Василье пришол он к Москве из Смоленска, как Ивашко Болотников стоял под Москвою» [3]. В грамоте же патриарха Гермогена в составе смоленской рати названы: «дворяне и дети боярские и всякие служилые люди» [4].

Состояние источников не дает возможности установить соотношение во времени событий в Твери (выступление архиепископа Феоктиста) и Смоленске (поход отряда Григория Полтева), с одной стороны, и похода князя Мезецкого и Крюка-Колычева — с другой. Но независимо от того, какие события предшествовали, ясно, что оба ряда событий способствовали изменению обстановки в этом районе в пользу Василия Шуйского, ставя перешедших на сторону Болотникова под двойной удар — и со стороны Твери и Смоленска, и от воевод Василия Шуйского.

Итоги борьбы в районе Ржева, Можайска и Волока Ламского сообщает грамота патриарха Гермогена: эти итоги заключались в восстановлении власти Василия Шуйского над городами Смоленской и Ржевской Украины и в очищении от «воров» района Можайска и Волока Ламского. Наконец, в Можайске произошло соединение дворянских отрядов из Смоленска, Вязьмы, Дорогобужа и Серпейска с ратью И. Ф. Крюка-Колычева. В разрядах этот акт нашел выражение в формуле: «А как пришли смольняне, и у них были воеводы: боярин князь Иван Васильевичь Голицын, да околничей Михайло Борисович Шеин да околничей Иван Крюк

---

[1] ПСРЛ, т. XIV, стр. 72.
[2] Сб. РИО, т. 137, стр. 360.
[3] *Е. Д. Сташевский*, Очерки по истории царствования Михаила Федоровича, ч. I, 1913, прилож. № 1, стр. II.
[4] ААЭ, т. II, № 58.

Библиотека "Руниверс"

Федорович Колычев да Григорей Иванович Полтев» [1]. О князе Д. И. Мезецком разряды в данном случае не упоминают, но по косвенным данным можно думать, что и он вернулся в Москву вместе с И. Ф. Крюком-Колычевым, ибо князь Д. И. Мезецкий участвует в качестве второго воеводы Передового полка в преследовании отступившего к Калуге Болотникова после его поражения под Москвой. Характерно при этом, что первым воеводой Передового полка являлся князь И. В. Голицын, названный первым в списке воевод у смольнян [2].

Таким образом, поход князя Д. И. Мезецкого и И. Ф. Крюка-Колычева завершился полным успехом. Однако эффект от всех этих событий в Можайско-Волоколамском районе сказался лишь в самом конце осады Москвы, когда объединенная рать — «те все ратные люди тех прежереченных всех городов Смоленския и Ржевския Украины» вместе с ратью И. Ф. Крюка-Колычева 28 ноября «пришли к Москве» [3].

Обзор военных мероприятий правительства Шуйского показывает пути и методы, с помощью которых Шуйский пытался изменить ход борьбы в свою пользу. Однако положение дел во время осады Москвы определялось не только чисто военными факторами. Не менее существенное значение имели и такие моменты, как обстановка внутри Москвы, равно как и положение внутри лагеря Болотникова.

Обстановка в Москве в период осады ее Болотниковым характеризуется крайним обострением классовых противоречий. То, что отмечает в своих показаниях И. Садовский: «рознь великая» между боярами и «землей» и недовольство царем как в боярских кругах, так и со стороны «всей земли», раскрывает, по каким основным линиям развертывалась борьба классов в Москве.

Проявления этой борьбы можно наблюдать уже в самые первые дни царствования Василия Шуйского. Характерной особенностью ее является то, что она протекает под лозунгом «царя Димитрия». Едва ли не наиболее ранней вспышкой этой борьбы было волнение, вызванное появлением на улицах Москвы прокламаций, сообщавших о чудесном спасении «царя Димитрия». Рассказ об этих событиях содержится в «Донесении» некоего пана Хвалибога, «комнатного» слуги Лжедмитрия I. По сообщению Хвалибога, «около недели листы прибиты были на воротах боярских от Димитрия, где давал знать, что ушел и бог его от изменников спас, которые листы изменники патриарху приписали, за что его и сложили, предлагая Гермогена, а с другой стороны самими же Московскими людьми Шуйский был бы убит, если б его

[1] *Белокуров*, стр. 90.
[2] Там же, стр. 10, 11.
[3] ААЭ, т. II, № 58.

Библиотека "Руниверс"

поляки некоторые не предостерегли, которые другой революции боялись» [1].

С. Ф. Платонов истолковывает слова Хвалибога о том, что «листы» о спасении Дмитрия появились «около недели», в смысле спустя неделю «после переворота 17 мая» [2]. Не исключено, однако, и другое толкование, именно, что слово «неделя» было употреблено в оригинале в смысле «воскресенье», т. е. в первое воскресенье после убийства Лжедмитрия [3]. Так или иначе, во всяком случае событие, о котором рассказывает Хвалибог, имело место еще в мае 1606 г. Замечательно при этом, что движение, связанное с прокламациями о спасении «царя Димитрия», было направлено и против бояр (на это указывает то, что «листы» были демонстративно прибиты «на боярских воротах») и против Василия Шуйского. С другой стороны, и поляки, находившиеся в Москве, заняли по отношению к этому движению враждебную позицию, вплоть до предупреждения Шуйского о грозившей ему опасности. Все это характеризует данное движение как волнение народных масс Москвы. На это же указывают и слова Хвалибога о том, что волнения, связанные с прокламациями, вызвали у поляков в Москве опасения о возможности «другой революции», т. е. повторения народного восстания, подобного тому, какое имело место 17 мая. Именно «боясь» этого, поляки и пошли на то, чтобы предотвратить убийство Шуйского «Московскими людьми».

Такое понимание рассказа Хвалибога подтверждается показаниями другого иностранца — очевидца Паэрле. По словам Паэрле, «4-го июня, в воскресенье (что в переводе на русский календарь дает 25 мая. — *И. С.*) в городе было страшное волнение; народ восстал на стрельцов, бояр и великого князя, обвиняя всех их, как изменников, в умерщвлении истинного государя, Димитрия. Великий князь, при помощи бояр, скоро прекратил ропот черни, уверив ее, что убит не Димитрий, а плут и обманщик» [4]. Сопоставляя рассказ Паэрле с донесением Хвалибога, можно думать, что оба автора имеют в виду одно и то же событие. В этом случае рассказ Паэрле приобретает особую ценность, прямо указывая на то, что существо «страшного волнения» заключалось в выступлении народа против царя и бояр.

Стихийные вспышки борьбы народных низов Москвы характеризуют и все последующее время, вплоть до прихода войск Болотникова к Москве, о чем можно судить по показаниям современников иностранцев, сохранивших в своих записках упоминания о такого рода событиях. Так, В. Диаментовский под 25 июня (н. ст.) сообщает: «Снова несколько тысяч человек народа,

[1] «Временник ОИиДР», т. XXIII, 1855, Смесь, стр. 3, 4.
[2] *Платонов*, Очерки, стр. 307.
[3] В пользу такого толкования говорит показание Паэрле.
[4] *Устрялов*, т. I, стр. 201.

Библиотека "Руниверс"

с оружием и каменьями, собралось перед кремлевскими воротами, на Лобном месте, где обычно царь появлялся перед народом. Не знаем, как это вышло, но до нас доходили слухи, что часть бояр, втайне от царя и других бояр, взбунтовали их, сказав, что царь велел остальную Литву побить. Царь выезжал к ним спросить, в чем была причина их сборища, и, узнав, приказал им разойтись, а те бунтовщики потом были наказаны» [1].

Повидимому, к этому же эпизоду относится и известный рассказ Маржерета [2] о выступлении Василия Шуйского «в воскресный день» перед толпой москвичей, собравшихся «на дворцовой площади», когда Шуйский попытался разыграть сцену, напоминающую введение опричнины Иваном Грозным, заявив сначала об отказе от царства, а затем потребовав расправы над заговорщиками (в числе которых был П. Н. Шереметев) [3].

О новом «волнении» (rozruch) в Москве «от подкинутых писем, написанных от имени Димитрия», сообщает В. Диаментовский под 1 августа (н. ст.) [4]. Он же сохранил в своем дневнике и известие о том, как 10 (20) августа царь и вся Москва были встревожены двумя событиями: сильным взрывом пороха в городских лавках и получением известия о поражении войска, посланного Шуйским против мятежников, причем грохот взрыва так напугал царя, что он немедленно приказал запереть Кремль [5].

Все эти известия о «волнениях» и «тревогах» в Москве важны не столько своей конкретной стороной (ибо в сообщениях и Маржерета, и Паэрле, и Диаментовского, конечно, немало сомнительных и даже вовсе неправдоподобных деталей), сколько как показатель растущей напряженности социальной атмосферы в Москве.

Эта напряженность достигла такой степени, что еще задолго до прихода Болотникова к Москве Шуйскому уже приходилось не раз выдерживать «осаду», запираясь в Кремле от московских низов, и принимать меры к охране своей резиденции вплоть до разборки мостов через ров, окружающий Кремль, и постановки пушек у кремлевских ворот, как об этом сообщает Диаментовский в записи под 2 августа (н. ст.) [6].

Приход Болотникова в Коломенское и осада Москвы еще

---

[1] *W. Dyamentowski*, стр. 75.

[2] С. Ф. Платонов относит события, о которых говорит Маржерет, «на конец мая 1606-го года» (*Платонов*, Очерки, стр. 309), считая рассказ Маржерета относящимся к тому движению, о котором говорят Хвалибог и Паэрле. Однако Маржерет прямо указывает, что выступление царя имело место уже после венчания (о чем свидетельствует и само содержание «речи» Василия Шуйского). Так как Шуйский венчался на царство 1 июня, то и его выступление не могло быть в мае.

[3] *Устрялов*, т. I, стр. 307, 308.

[4] *W. Dyamentowski*, стр. 76.

[5] Там же, стр. 75, 76.

[6] Там же, стр. 76.

Библиотека "Руниверс"

более обострили обстановку внутри осажденной столицы. С этого момента борьба внутри Москвы развивается в прямой и непосредственной связи с общим ходом борьбы между Болотниковым и Василием Шуйским.

И для Болотникова и для Шуйского вопрос о позиции населения Москвы представлял исключительную важность. Этим объясняется то, что одновременно с военными действиями между войсками Болотникова и Шуйского велась непрерывная и ожесточенная борьба за население Москвы. Болотников активно стремился привлечь московские городские низы — и прежде всего холопов — на свою сторону в борьбе против Шуйского, а Шуйский со своей стороны всеми средствами и любой ценой старался удержать в своих руках власть над населением Москвы, не допустить открытого взрыва борьбы городских низов и соединения их с Болотниковым.

Одним из главных и наиболее действенных средств борьбы, применявшихся Болотниковым, была рассылка прокламаций («листов», как они названы в источнике) в Москву и по другим городам к городским низам с призывом к восстанию против бояр и за «царя Димитрия». Подлинный текст «листов» Болотникова не сохранился. Но самый факт их рассылки засвидетельствован как в русских, так и в иностранных источниках. Эти же источники излагают и содержание «листов», рассылавшихся Болотниковым. Из русских источников особое значение для рассматриваемого вопроса имеют две грамоты патриарха Гермогена от конца ноября 1606 г., адресованные митрополиту Филарету. Именно в них и содержится известие о «листах» Болотникова. Каждая из двух названных грамот излагает и содержание прокламаций Болотникова, причем обе грамоты взаимно дополняют друг друга.

Текст первой из грамот гласит следующее: «А стоят те воры под Москвою, в Коломенском, и пишут к Москве проклятые свои листы, и велят боярским холопем побивати своих бояр, и жены их и вотчины и поместья им сулят, и шпыням и безъимянником вором велят гостей и всех торговых людей побивати и животы их грабити, и призывают их воров к себе и хотят им давати боярство, и воеводство, и околничество и дьячество» [1].

Вторая из грамот патриарха Гермогена излагает содержание «листов» Болотникова несколько иначе: «... пришли к царьствующему граду Москве, в Коломенское, и стоят и розсылают воровские листы по городом и велят вмещати в шпыни и в боярские и в детей боярских люди и во всяких воров всякие злые дела, на убиение и на грабеж, и велят целовати крест мертвому злодею и прелестнику Ростриге, а сказывают его проклятаго жива» [2].

[1] ААЭ, т. II, № 57.
[2] Там же, № 58.

Библиотека "Руниверс"

Таков тот материал, который источники представляют для суждения по вопросу о прокламациях Болотникова. Подробное рассмотрение содержания «листов» Болотникова будет сделано нами в главе, посвященной общей характеристике восстания Болотникова. В данной же связи, в плане изучения тактики Болотникова в период осады им Москвы, достаточно ограничиться лишь общей характеристикой прокламаций. Предварительно, однако, необходимо рассмотреть вопрос, насколько можно доверять грамотам Гермогена. Постановка этого вопроса вытекает из исключительной тенденциозности грамот Гермогена, представляющих собой по существу призыв к расправе с восставшими. Состояние источников позволяет удовлетворительно ответить на поставленный вопрос, ибо имеется возможность сопоставления грамот патриарха Гермогена с другим источником, также содержащим сведения о письмах Болотникова. Этим источником является английская записка, где вопросу о письмах Болотникова посвящено следующее место: «они продолжали осаду и писали письма к рабам в город, чтобы те взялись за оружие против своих господ и завладели их имениями и добром» [1].

Сравнение текста английской записки с грамотами патриарха Гермогена позволяет с бесспорностью установить, во-первых, самый факт посылки Болотниковым писем, обращенных к московским рабам — холопам; во-вторых, то, что основное в содержании этих писем Болотникова — призыв холопов к восстанию против их господ — равно отмечается и грамотами Гермогена и английской запиской, с тем лишь отличием, что сообщение английского источника выдержано в более объективных тонах, а грамоты Гермогена проникнуты резко враждебным отношением патриарха к восставшим.

Таким образом, грамоты Гермогена и английская записка дают вполне достаточно материала для характеристики прокламаций Болотникова с призывом к восстанию. Прокламации означали призыв к расправе с феодалами, к ликвидации феодальной земельной собственности и к уничтожению крепостнической зависимости крестьян и холопов. Таким образом, центральным пунктом программы восстания Болотникова, главным лозунгом, под которым проходило восстание, являлось уничтожение крепостнических отношений, ликвидация феодального гнета. Источники сообщают также и о другого рода письмах руководителей восстания Болотникова к москвичам. По свидетельству английской записки, «мятежники написали в город письма, требуя по имени разных бояр и лучших горожан, чтобы их выдали, как главных виновников в убийстве прежнего государя» [2]. Буссов в свою

[1] См. прилож. IV, стр. 554.
[2] Там же.

Библиотека "Руниверс"

очередь рассказывает о том, как И. Пашков, придя под Москву, обратился к москвичам с предложением сдать город, причем «потребовал также выдачи трех братьев Шуйского (как государевых изменников и зачинщиков мятежа и гнусных убийств)»[1]. Эти сообщения источников не менее важны для характеристики позиции Болотникова. Если призывы к холопам подняться с оружием в руках против их господ характеризуют социальную сущность восстания, то требование расправы с боярами и «лучшими горожанами» — виновниками убийства[2] «царя Димитрия» — ведет нас к политической программе Болотникова (что, впрочем, находим и в свидетельстве грамоты патриарха Гермогена о содержавшемся в «листах» Болотникова призыве «целовать крест» «царю Димитрию»).

Борясь за привлечение народных масс на свою сторону, Болотников не ограничивался одной рассылкой прокламаций. Наряду с «листами» Болотников направлял в города своих агентов, задачей которых было поднимать народ на восстание. В источниках сохранилось несколько упоминаний об этих представителях Болотникова. Замечательна глубокая убежденность этих людей и их стойкость, отмечаемая источниками. Исаак Масса называет и имя одного из таких агентов Болотникова, некоего «атамана Аничкина», «который разъезжал повсюду с письмами от Димитрия и возбуждал народ к восстанию»[3]. Захваченный Василием Шуйским в плен, Аничкин до конца остался верен своему делу и, уже будучи посажен на кол, стремился «возбудить в Москве новое волнение в народе»[4].

Об аналогичном случае сообщает и английская записка, рассказывая о том, как одного из «захваченных в плен мятежников» «посадили на кол, а он, умирая, постоянно твердил, что прежний государь Димитрий жив и находится в Путивле»[5].

Наконец, В. Диаментовский рассказывает о том, как поляки, находившиеся в ссылке в Ростове, встретили там «донского казака, который был посажен в заключение за то, что провозил в Москву и подбрасывал письма от Димитрия». И этот казак в разговоре с поляками «утверждал определенно, что Димитрий жив и что он видел его своими глазами»[6].

Наиболее сильное воздействие на москвичей, однако, оказывали не «листы» и не агенты Болотникова, а самый факт нахожде-

---

[1] *Bussow*, стр. 69.

[2] Точнее: попытки убийства, так как с точки зрения «мятежников» Димитрий спасся от смерти.

[3] *И. Масса*, стр. 163.

[4] Там же, стр. 164.

[5] См. прилож. IV, стр. 554. Не исключено, впрочем, что приведенный рассказ относится к тому же самому Аничкину.

[6] *W. Dyamentowski*, стр. 94. Запись под 17 марта (н. ст.) 1607 г.

Библиотека "Руниверс"

ния восставших под стенами Москвы. Именно это ставило перед каждым москвичом во всей конкретности вопрос, на чьей стороне он должен быть: на стороне Василия Шуйского или на стороне «царя Димитрия», под лозунгом которого вело свою борьбу пришедшее к Москве войско Болотникова. Что такая альтернатива не являлась одной лишь теоретической формулировкой положения, создавшегося под Москвой, а рассматривалась москвичами совершенно реально, можно продемонстрировать на материале записок Буссова.

В записках Буссова имеется интереснейший рассказ о посылке москвичами делегации к Болотникову — смотреть «царя Димитрия»: «Московский мир (die Bürgerschaft in der Stadt Moskau) послал к Болотникову в лагерь, потребовать от Болотникова, чтобы, если только Димитрий жив и находится тут в лагере с ним, или в каком-либо ином месте, он представил бы им его тотчас, или как можно скорее, чтобы могли увидеть его своими собственными глазами. Когда это случится, они готовы покориться Димитрию, будут просить прощения и милости и предадутся ему без сопротивления. Болотников, ответив, что Димитрий в самом деле находится в Польше и скоро будет здесь, сказал: «я сам был у него, и он лично поставил меня вместо себя высшим военачальником и послал в Путивль с письменным повелением». Московиты заявили: «Это кто-то другой. Мы сами убили Димитрия». И они начали просить Болотникова, чтобы он перестал проливать невинную кровь и предался своему царю Шуйскому, который сделает его большим господином (grossen Herrn). Болотников отвечал: «я дал моему господину клятву отдать за него свою жизнь, и я ее сдержу. Одумайтесь. Если вы сами не обратитесь на путь истинный, то это сделаю я вместо моего господина. Скоро я буду у вас»».

«После этого разговора, — продолжает Буссов, — Болотников послал князю Григорию Шаховскому спешное письмо, в котором сообщал об утверждениях москвичей и требовал вместе с тем, чтобы Шаховской немедленно послал в Польшу к царю Димитрию, увещевать его как можно скорее вновь прийти в Россию. Болотников указывал, что ему удалось в отношении москвичей зайти так далеко, что они совершенно решились, если только вновь увидят Димитрия, покориться ему, просить у него прощения и милости и предаться ему безо всякого сопротивления. Если Димитрий поспешит, то москвичи (die Mosscowische Gemeinde) схватят своих изменников и выдадут их ему» [1].

Было бы ошибочно, конечно, рассматривать диалог между Болотниковым и москвичами, приводимый Буссовым, как точный отчет о действительно имевшей место беседе делегации москвичей с Болотниковым. Столь же неосторожно было бы принять

[1] *Buissow*, стр. 71, 72.

Библиотека "Руниверс"

находящийся в хронике Буссова текст письма Болотникова князю Шаховскому за цитату из подлинного письма Болотникова. Особенности рассказа Буссова скорее вытекают из литературной манеры его как писателя. Мы не можем проверить и самую основу рассказа Буссова: была ли в действительности такая делегация москвичей к Болотникову. Но интерес рассказа Буссова не в фактической стороне тех сведений, которые содержатся в этом рассказе, а в том, что обстановка, сложившаяся в Москве в период ее осады Болотниковым, сделала возможными в глазах очевидца, каким является Буссов, подобные делегации и переговоры между Болотниковым и москвичами по вопросу о том, к какой из сторон должны примкнуть москвичи. Ибо если даже оставить открытым вопрос, была ли в действительности делегация москвичей к Болотникову, ясно, что рассказ о подобной делегации мог быть составлен Буссовым лишь на основе тех слухов, разговоров и планов, которые он слышал и наблюдал вокруг себя [1]. Точно так же, независимо от того, насколько исторически достоверен факт посылки Болотниковым письма Шаховскому, оценка положения в Москве, содержащаяся в этом «письме», конечно, исходит из того действительного положения дел в Москве (в частности действительных настроений москвичей по вопросу о Василии Шуйском), которое наблюдал сам Буссов.

Во всех действиях Болотникова в отношении населения Москвы обнаруживается определенная, сознательная политика. Это была политика, рассчитанная на то, чтобы вызвать восстание внутри Москвы и, таким образом, поставить власть Василия Шуйского под двойной удар: извне и изнутри. Такая политика Болотникова вполне соответствовала той обстановке, которая была в Москве, и призывы Болотникова к восстанию находили благоприятную почву в московских городских низах.

Оценка положения в Москве, содержащаяся в показаниях иностранцев, бывших в столице во время осады ее Болотниковым, заставляет признать угрозу восстания в Москве весьма реальной. Так, в английском донесении прямо указывается, что особую опасность для Москвы во время ее осады Болотниковым создало то, что в самой Москве «простой народ, недавно развращенный разбоями и грабежом поляков (под этим автор подразумевает майское восстание против Лжедмитрия I и поляков. — *И. С.*),

[1] Наличие подобного рода настроений в Москве отмечает и В. Диаментовский, в дневнике которого имеется следующая запись (под 3 сентября н. ст. 1606 г.): «Ночевали в Ярославском предместии... В этот день мимо нас провезли в Сибирь, в тюрьму, боярина Ивана Томолчана за то, что он советовал послать и разузнать, действительно ли Димитрий спасся и жив, и что в таком случае лучше отдать ему государство, не губя людей» (*W. Dyamentowski*, стр. 79, 80).

Библиотека "Руниверс"

был очень непостоянен и готов к мятежу при всяком слухе, надеясь вместе с мятежниками участвовать в разграблении города» [1].

Совершенно так же расценивает положение дел в Москве и Паэрле, считающий, что лишь измена Истомы Пашкова спасла Василия Шуйского от назревавшего в Москве восстания. Характерно при этом то, что, говоря о готовности москвичей к восстанию, Паэрле ссылается на то, что именно так оценивали обстановку в Москве сами москвичи: «Впоследствии многие москвитяне говорили, что если бы Пашков не оставил своих товарищей, жители столицы приняли бы его сторону, и что они уже готовы были предаться ему». По мнению самого Паэрле, такое развитие событий было «очень вероятно: в народе, утомленном осадою, царствовал раздор» [2].

Особенно интересно и существенно свидетельство Исаака Массы, у которого мы находим не только характеристику положения в Москве, но который вместе с тем прямо связывает планы самого Болотникова с борьбой внутри Москвы: «Болотников нимало не сомневался, что отправленные им войска займут Москву, ... это могло случиться по причине великого смущения и непостоянства народа в Москве» [3].

Успехи Болотникова в борьбе за привлечение на свою сторону «простого народа» Москвы заставляли правительство Василия Шуйского принимать меры к тому, чтобы парализовать действие на население Москвы призывов Болотникова к восстанию и в свою очередь пытаться оказывать на москвичей воздействие.

Методы идеологической борьбы, применявшиеся Василием Шуйским, коренным образом отличались от методов Болотникова.

Главной силой, использованной Шуйским для идеологического воздействия на массы, была церковь. Церковь с самого начала восстания Болотникова заняла по отношению к восстанию резко враждебную позицию. Особенно непримиримую позицию в борьбе против восстания занимал патриарх Гермоген, ставший во главе русской церкви после воцарения Шуйского. Использование Шуйским церкви для укрепления своего положения началось уже с самых первых дней его царствования — провозглашением царевича Димитрия Углицкого святым и посылкой специального посольства в Углич для торжественного перенесения тела царевича в Москву. Развитие восстания Болотникова и поход его на Москву имели своим результатом усиление политической активности церкви, оказавшейся непосредственно втянутой в борьбу. Ярким памятником участия церкви в борьбе против восстания Болотникова являются грамоты патриарха Гермогена, рассылавшиеся им из Москвы во время осады ее Болотниковым.

[1] См. прилож. IV, стр. 554.
[2] *Устрялов*, т. I, стр. 217.
[3] *И. Масса*, стр. 164.

Библиотека "Руниверс"

В этих грамотах, призывавших «всех православных христиан» на борьбу с Болотниковым, делается попытка изобразить участников восстания Болотникова как людей, которые «отступили от бога и от православныя веры и повинулись сатане и дьяволским четам», а Василия Шуйского — как «воистину свята и праведна истиннаго крестьянского [1] царя», «поборателя по православной нашей крестьянской вере». Политический смысл такой трактовки восстания Болотникова заключался в том, чтобы использовать всю силу влияния церкви на массы для дискредитации движения Болотникова и для привлечения на сторону Василия Шуйского как можно более широких слоев населения. Эта цель лучше всего могла быть достигнута именно изображением участников восстания «злыми еретиками», что давало возможность патриарху обратиться ко «всем православным крестьяном» с требованием, чтобы они «к таковым бы злым врагом и разорителем веры крестьянския и нашим крестьянским губителем не приставали, ни в чем им не верили и их бы никак не устрашалися, да не погибнут от них такожде яко же и приставшеи к злому и пагубному совету их» [2].

Методы и средства идеологического воздействия церкви на массы не исчерпывались рассылкой грамот.

На борьбу против Болотникова был мобилизован весь арсенал духовного оружия, имевшегося в распоряжении церкви: проповеди, церковные церемонии, религиозные обряды и т. д. Наконец, сюда же была привлечена и церковно-политическая литература, публицистика, также стремившаяся подчинить своему влиянию охваченные борьбой массы.

Наибольшего размаха идеологическая деятельность церкви во время осады Москвы Болотниковым достигла к середине октября 1606 г., когда положение внутри осажденной Москвы было особенно острым и, по выражению современника, «на всех бысть людех страх велик и трепет» [3].

Именно в этот момент появляется написанная протопопом Благовещенского собора в Кремле Терентием «Повесть о видении некоему мужу духовну», которая сначала «по царьскому велению» оглашается в Успенском соборе «вслух во весь народ», а затем вызывает объявление шестидневного поста, с 14 по 19 октября, «во царьстве, велик и мал», во время которого «молебны пели по всем храмом и бога молили за царя и за все православное крестьянство, чтобы господь бог отвратил от нас праведный свой гнев и укротил бы межусобную брань и устроил бы мирне и без-

[1] То-есть «христианского». — *И. С.*
[2] ААЭ, т. II, № 58.
[3] РИБ, т. XIII, стб. 101.

Библиотека "Руниверс"

мятежне все грады и страны Московского государьства в бесконечные веки» [1].

Столь сильный эффект «Повести» протопопа Терентия объясняется самым характером этого произведения. «Повесть» составлена в форме записи протопопом Терентием рассказа некоего «духовного мужа» о чудесном видении, бывшем этому духовному мужу во сне. Такой литературный прием придавал «Повести» протопопа Терентия вид документа-рассказа о действительно бывшем «чуде», что в огромной степени усиливало воздействие этого произведения на слушателей.

Нет возможности точно решить вопрос о том, кому принадлежала инициатива написания «Повести о видении некоему мужу духовну». Наиболее вероятным было бы предположение, что «Повесть» была написана Терентием по поручению патриарха или царя. Этому предположению, однако, противоречит то, что в одном из списков «Повести» — и притом наиболее раннем по времени — рассуждение о пороках, царящих в обществе («несть истины во царех же, и патриарсех, и во всем церковном чину ни во всем народе моем») [2], изложено в такой редакции («несть истины во царе же и в патриарсе») [3], которая дает возможность отнести слова о нечестивых царях и патриархах прямо и непосредственно к Василию Шуйскому и Гермогену. Эта редакция дала основание некоторым исследователям (П. Г. Васенко, Е. Н. Кушева) рассматривать «Повесть» протопопа Терентия как произведение, проникнутое враждебной Шуйскому тенденцией, и считать, что в «Повести о видении некоему мужу духовну» «звучит голос противной Шуйскому стороны» [4].

Я полагаю, однако, что столь ответственные выводы нуждаются в более прочных доказательствах, чем редакционный вариант. И это тем более, что признание «Повести» протопопа Терентия произведением, направленным против Василия Шуйского и Гермогена, стоит в прямом противоречии с тем значением, которое было придано «Повести» по повелению царя и патриарха. Признавая это противоречие, Е. Н. Кушева пытается устранить его тем, что истолковывает вторую редакцию текста о царях и патриархах («несть истины во царех же и в патриарсех») как результат переделки правительством Шуйского первоначальной редакции. По мнению Е. Н. Кушевой, «именно в таком

[1] РИБ, т. XIII, стб. 177, 178.
[2] Там же, стб. 104.
[3] Там же, стб. 183.
[4] *Е. Н. Кушева*, Из истории публицистики Смутного времени, «Ученые записки Саратовского государственного университета», Педфак, т. V, вып. 2, 1926, стр. 96, и отдельно; *П. Г. Васенко*, Заметки к статьям о Смуте, внесенным в Хронограф 1617 г., «Сборник статей, посвященных С. Ф. Платонову», 1922, стр. 266.

Библиотека "Руниверс"

обезвреженном виде «Повесть» и была оглашена» [1]. Но не вернее ли предположить обратное: что неприемлемый для Шуйского и Гермогена вариант, представленный одним из списков «Повести», мог явиться результатом тенденциозной переделки первоначальной редакции «Повести» кем-либо из враждебно настроенных в отношении Шуйского лиц? При такой постановке вопроса отпадает необходимость введения столь сложной и вместе с тем неизбежно искусственной конструкции, как экстренное превращение антиправительственного памфлета (первоначальная редакция «Повести») в назидательное сочинение, распространяемое по царскому велению. К этому надо добавить, что и само положение Терентия, как протопопа придворной кремлевской церкви, делает гораздо более вероятной его роль в качестве исполнителя ответственного и деликатного поручения царя и патриарха (по составлению «Повести»), чем выступление в качестве памфлетиста. Что же касается догадки П. Г. Васенко, поддержанной Е. Н. Кушевой [2], что Терентий подвергся репрессиям со стороны Василия Шуйского за написание «Повести» и лишился места в Благовещенском соборе, то нет никаких данных, говорящих о времени, когда Терентий перестал быть благовещенским протопопом. (Есть лишь свидетельство о том, что в 1610 г., по указу Сигизмунда III, «велено протопопу Терентию быти по прежнему у Благовещения, а Благовещенскому протопопу велено быти у Спаса на Дворце») [3].

Мне представляется, однако, весьма мало вероятным, чтобы протопоп Терентий мог быть смещен в тот момент, когда благодаря «Повести» он получил такую широкую известность.

Как бы мы ни решали вопрос об обстоятельствах появления «Повести о видении некоему мужу духовну», секрет успеха произведения протопопа Терентия крылся в самом содержании «Повести».

Повесть протопопа Терентия в образах христианской символики изображала восстание Болотникова как проявление божьего гнева, как наказание, посланное богом за грехи общества. Такое изображение восстания Болотникова давало возможность автору «Повести» сделать выводы, что единственный путь спасения для общества — это покаяться и прекратить ту греховную жизнь, которой люди навлекли на себя гнев божий.

«Видение духовного мужа» состоит в том, что «духовный муж» чудесным образом присутствует при «беседе» между Христом и богородицей, просящей Христа пощадить людей. Этот традиционный образ (ср. «Хождение богородицы по мукам») в повести протопопа Терентия был наполнен острым политическим содержанием.

[1] *Е. Н. Кушева*, цит. соч., стр. 97.
[2] *П. Г. Васенко*, цит. соч., стр. 266; *Е. Н. Кушева*, цит. соч., стр. 96.
[3] Акты Западной России, т. IV, стр. 388, 389.

Библиотека "Руниверс"

В ответ на «прошение» богородицы Христос заявляет: «Многажды хотех помиловати их, о мати моя, твоих ради молитв, но раздражают утробу мою всещедрую своими их окаянными студными делы, и сего ради, мати моя, изыди от места сего, и вси святии с тобою; аз же *предам их кровоядцем и немилостивым розбойником*, да накажутся малодушнии и приидут в чювство, и тогда пощажу их» [1]. Богородица, однако, продолжает просить прощения, и Христос, наконец, смягчается: «Тебе ради, мати моя, *пощажу их, аще покаются; аще ли же не покаются, то не имам милости сотворити над ними*» [2].

Идея необходимости всенародного покаяния составляет главную мысль «Повести». Вместе с тем эта идея раскрывает политический смысл произведения протопопа Терентия. Ибо идея всенародного покаяния означала требование прекратить борьбу и объединиться вокруг царя. С другой стороны, объявление участников восстания Болотникова «кровоядцами» и «немилостивыми разбойниками» (ибо всякому современнику было ясно, что под «кровоядцами» и «разбойниками» имеются в виду осадившие Москву войска Болотникова) должно было отталкивать москвичей от Болотникова, дискредитировать участников восстания в глазах населения Москвы.

В обстановке «великой розни», царившей в Москве, правительство Шуйского, находившееся под постоянной угрозой взрыва восстания московских городских низов, использовало «Повесть о видении некоему мужу духовну» для развертывания грандиозной агитационной кампании, целью которой было изменить настроение масс москвичей в пользу Шуйского. Вместе с тем агитация Шуйского должна была мобилизовать силы для борьбы против Болотникова. И все церковные церемонии во время шестидневного поста были посвящены молитвам о том, чтобы «милостивый господь бог отвратил свой праведный гнев, и послал бы милость свою на град свой святый и на люди своя во граде сем, *не предал бы в руце врагом и злым разбойником и кровоядцем*» [3].

Эпизод с «Повестью» протопопа Терентия показывает, насколько широко и умело правительство Шуйского использовало силу и влияние церкви для целей политической борьбы. Методы этой борьбы, однако, не исчерпывались использованием церкви. В борьбе за привлечение на свою сторону масс правительство Шуйского применяло и другие формы и средства воздействия на массы.

Важное место среди них занимало распространение заведомо ложных сведений, извращавших истинное положение дел и изображавших его в выгодном для Шуйского свете.

[1] РИБ, т. XIII, стб. 183.
[2] Там же, стб. 183, 184.
[3] Там же, стб. 105.

Библиотека "Руниверс"

Василий Шуйский был мастер политического обмана и интриги. Еще Ключевский назвал Шуйского «донельзя изолгавшимся и изинтриганившимся, прошедшим огонь и воду» [1]. Эти качества Шуйского получили широкое применение в процессе борьбы против Болотникова [2].

Терпя одну неудачу за другой, теряя территорию и войско, Шуйский пытался скрыть от широких масс растущую слабость своих позиций и изображал ход борьбы против Болотникова в гораздо более благоприятном свете, чем это было на самом деле.

Сопоставление официальных версий с другими менее тенденциозными данными, относящимися к одному и тому же событию или моменту, очень наглядно показывает, насколько сознательно правительство Шуйского извращало действительные факты.

Способы и приемы, применявшиеся правительством Шуйского для этой цели, были самые разнообразные. Часто это был ложный слух о воинских силах, идущих к Москве на помощь Шуйскому, когда в действительности никакого войска к Москве не шло. О таких слухах сообщает в своем письме Стадницкий, называя новгородское, псковское, смоленское войско и войско касимовского царя, якобы спешащие «на помощь государю» (ноябрь 1606 г.), но тут же опровергает эти слухи, заявляя, что «по сю пору мы не слышим о них и не видим» [3]. Заведомая ложность этих слухов очевидна хотя бы из того, что Псков уже был в это время охвачен внутренней борьбой, а дорога между Москвой и Новгородом была непроезжей от «воров» (см. выше). Характерно, что повесть о восстании Болотникова в «Ином Сказании» специально отмечает, что «из Великого же Новаграда не быть войска для ради настоящего великого мору» [4].

Те же цели преследовало сознательное преувеличение размеров войска, бывшего в распоряжении Василия Шуйского. Яркий факт, характеризующий такого рода приемы Шуйского, сообщает повесть о Болотникове в «Ином Сказании». Когда, наконец, в осажденную Москву пришло 200 стрельцов «даточных» людей с Двины, то «поведано же быть в царствующем граде Москве всем людем, яко з Двины приидоша 4000 войских людей, тако же и из Смоленска града» [5].

---

[1] *В. О. Ключевский*, Курс русской истории, ч. III, 1908, стр. 40.

[2] По образному выражению Татищева, «сей царь Василий Ивановичь, доколе был рабом, всегда государем своим был неверен, он все присяги и обещания с тяжкими клятвами ни за что вменял, но и все *яко бурку от дождя* в закрытие свое употреблял» («История царя Василия Ивановича Шуйского, Василием Ник. Татищевым сочиненная», ЦГАДА, Портфели Миллера, № 150 (№ 4), л. 2. Курсив мой. — *И. С.*).

[3] *S. Niemojewski*, стр. 187—189 (русский перевод — стр. 177, 178).

[4] РИБ, т. XIII, стб. 108.

[5] Там же, стб. 107.

Библиотека "Руниверс"

Можно указать еще один вид политического обмана, применявшийся Василием Шуйским. Если для населения Москвы Шуйскому важно было распространять слух об улучшении положения в осажденной столице вследствие роста военных сил царя, то для обмана населения других городов Шуйский прибегал к такому приему, как рассылка грамот о мнимых победах над Болотниковым. Получение как раз такой грамоты в Ярославле отметил в своем дневнике, под 1 декабря н. ст. 1606 г. (т. е. 21 ноября по русскому календарю), В. Диаментовский, у которого мы читаем следующую запись: «Читали публично на торгу и в монастыре грамоты, чтобы молили бога за царя Василия Шуйского и веселились, ибо он уже все изменничье войско поразил на-голову». «Но народ, — добавляет Диаментовский, — этому не верил, понимая, что эти вещи выдуманные, и зная, что Москва в осаде» [1].

Особое место в политике Шуйского занимала борьба за разложение сил восставших изнутри. Если в политике привлечения на свою сторону масс Шуйский действовал при помощи политического обмана, то главным оружием в его борьбе за разложение лагеря восставших была политическая интрига.

Возможность такой интриги крылась в самом составе лагеря Болотникова. Наличие в войске Болотникова столь разнородных в социальном отношении групп, как крепостные крестьяне и холопы, с одной стороны, дворянско-помещичьи отряды — с другой, делали неминуемым рост классовых противоречий и борьбы внутри войска Болотникова.

Эти противоречия делались все более острыми по мере того, как расширялся размах восстания Болотникова и определялась его социальная программа. Грамоты Болотникова с призывом к холопам восстать против господ были столь же неприемлемы для дворянских элементов внутри лагеря Болотникова, как и для дворян вообще. К этому надо добавить, что ко времени осады Москвы Болотниковым восстание крестьян приобретает особую силу в центральных районах государства, в частности в Рязани.

Сохранилась грамота Василия Шуйского от 9 декабря 1606 г., адресованная воеводам Г. Сумбулову и П. Ляпунову и сообщавшая о посылке в их распоряжение из Москвы «наряда» в количестве пяти «пищалей полковых меденых» с запасом ядер и пороха и предписывавшая воеводам, чтобы они «шли... с нашим нарядом на Резань [нашим] делом и земским промышляли, смотря по тамошнему делу, как вас бог вразумит» [2]. Имеются основания полагать, что «дело», «промышлять» над которым были посланы Г. Сумбулов и П. Ляпунов, должно было заключаться в усмирении рязанских «мужиков». К такому заключению толкает другая,

[1] *W. Dyamentowski*, стр. 84.
[2] Акты Юшкова, № 268.

Библиотека "Руниверс"

несколько более поздняя грамота Василия Шуйского — от 15 октября 1607 г. Грамота эта содержит в своем составе следующее донесение царю рязанского воеводы Ю. Г. Пильемова: «Писал еси к нам (т. е. воевода к царю. — *И. С.*), что в Рязанском уезде во многих местех наши изменники воры, пронские и михайловские мужики, воюют от Переславля в двадцати верстах, а тебе за теми воры посылати неково — дворян и детей боярских с тобою мало» [1]. Из этого донесения видно, что восстание рязанских «мужиков» продолжало быть в полном разгаре еще и осенью 1607 г. Очевидно, даже применение такого средства, как артиллерия («наряд»), оказалось недостаточным для подавления восстания рязанского крестьянства. Вместе с тем очевидно также и то, что борьба рязанских «мужиков» началась значительно раньше осени 1607 г., и есть все основания думать, что рязанские «мужики» начали «воевать» еще тогда, когда Болотников стоял под Москвой [2].

Источники сохранили очень ограниченный материал по столь деликатному вопросу, как тайные сношения Василия Шуйского с военачальниками из войска Болотникова. Можно потому лишь догадываться о том, что такие сношения предшествовали переходу на сторону Василия Шуйского отряда рязанцев во главе с П. Ляпуновым и Г. Сумбуловым. Ибо в источниках сообщается только о самом факте этого перехода: «ноября в 15 день... приехали к государю... с винами своими рязанцы Григорий Сумбулов да Прокопей Ляпунов, а с ними многие рязанцы дворяня и дети боярские да стрелцы Московские, которые были на Коломне» [3]. Однако, несмотря на такую лаконичность источников, ряд моментов свидетельствует о подготовке, которая была проделана руководи-

[1] Акты Юшкова, № 272.

[2] Именно 1606 г. датирует начало «междоусобной брани» в Рязани челобитная чернослободцев Переяславля-Рязанского от 1611 г. Социальное содержание этой «междоусобной брани» ярко выступает из заявления челобитчиков, что «дворянские и детей боярских крестьяне во все в те во смутные годы с нами з городцкими людьми городовых и острожных поделак не делывали, и рвов не копали, и башень не де[лали], и в государеву казну никаких податей не довали... и повозак никаких не возили, и запасов не довали и не делывали». С этим заявлением следует сопоставить другое место челобитной, где чернослободцы обвиняют рязанских дворян: «Да по нашим же, государи, дворишкам стояли резанцы, дворяне и дети боярские, з женами и з детьми и с людьми 5 лет и обида нам и насильство великое, нас и жон наших и детишек бьют и животи[ни]шка наше всякая бьют, и посудьем всяким владеют насильством, и дворишка наши обжигают. Да нынеча резанцы дети боярские з женами, и з детьми, и с людьми стоят по нашим же дворишкам мимо своих поместей» (*С. Б. Веселовский*, Акты подмосковных ополчений и земского собора 1611—1613 гг., М. 1911, стр. 16, 17).

Итак, рязанские «мужики» прекратили несение всех повинностей и платежи в казну, а рязанские помещики, начиная с 1606 г., в течение пяти лет вынуждены были отсиживаться в Переяславле-Рязанском «мимо своих поместей», бежавшие или изгнанные оттуда восставшими «мужиками».

[3] ААЭ, т. II, № 58.

Библиотека "Руниверс"

телями рязанцев прежде, чем они осуществили свой переход в лагерь Шуйского. Эта подготовка, очевидно, велась и внутри лагеря — среди самих рязанцев, и вне — в виде тайных переговоров с Шуйским. Первый из отмеченных моментов имел своим результатом организованный характер перехода — «градом всем», как это отмечает «Новый Летописец» [1]. Вторая линия подготовительных мероприятий обеспечила Г. Сумбулову и П. Ляпунову сохранение их положения как воевод (см. цитированную выше грамоту от 9 декабря 1606 г.), а П. Ляпунову, кроме того, принесла и пожалование его в «думные дворяне» [2].

Гораздо яснее видна вся механика тайных сношений Шуйского с лагерем Болотникова во второй крупной акции Шуйского по подрыву изнутри сил восставших, результатом которой была измена И. Пашкова. Несмотря на то, что в вопросе об И. Пашкове русские источники еще более стремятся скрыть роль Шуйского в подготовке измены И. Пашкова (одна из царских грамот изображает дело даже так, будто И. Пашков был побит «наголову» и взят в плен войсками Шуйского) [3], — факт тайных сношений И. Пашкова с Шуйским с бесспорностью устанавливается данными иностранных источников. Так, Буссов прямо говорит о том, что Пашков «вступил в сношения с врагами в Москве и царем Шуйским» и получил от него «большой подарок золотом и серебром» [4], а Исаак Масса даже утверждает, что И. Пашков «тайно заключил наперед с царем условие (contract) перейти к нему и все свое войско передать московитам» [5].

Современники пытались искать причины измены И. Пашкова в мотивах личного порядка — соперничестве с Болотниковым (Буссов, английская записка). Но, конечно, корни «измены» П. Ляпунова и И. Пашкова лежат в сфере отношений социальных, а не личных.

С. Ф. Платонов верно отметил, что «месяц совместного пребывания у стен столицы показал дворянам-землевладельцам и рабовладельцам, что они находятся в политическом союзе с своими социальными врагами» [6]. Переход П. Ляпунова и И. Пашкова на сторону Василия Шуйского отразил процесс классового размежевания среди участников восстания.

Особенно очевидно это в отношении П. Ляпунова. Крупный политический деятель, он был убежденный защитник крепостничества. Наиболее отчетливо программа П. Ляпунова по крестьянскому вопросу была сформулирована в приговоре первого

[1] ПСРЛ, т. XIV, стр. 72.
[2] *А. Попов*, Изборник, стр. 332.
[3] ААЭ, т. II, № 59.
[4] *Bussow*, стр. 71.
[5] *И. Масса*, стр. 163.
[6] *Платонов*, Очерки, стр. 334.

Библиотека "Руниверс"

земского ополчения от 30 июня 1611 г., где выдвигалось требование о том, чтобы крестьян и холопов, бежавших от своих господ, «сыскивать, а по сыску крестьян и людей отдавать назад старым помещикам» [1]. Эта крепостническая программа находилась в полном соответствии с практической деятельностью П. Ляпунова. Сохранился один документ (царская грамота от 14 сентября 1608 г.), с исключительной яркостью обрисовывающий П. Ляпунова в роли беспощадного карателя восставших рязанских крестьян. Из этой грамоты видно, что в наказание за нападение «мужиков» рязанских сел Белоомута, Ловец и Любичи на суда, везшие «хлебные запасы», П. Ляпунов подверг эти села беспощадной расправе: «те села велел воевати и жечь, а людей имать в полон». При этом расправа приняла такие масштабы, что Шуйский вынужден был специальной грамотой запретить П. Ляпунову разрушать «иные села и волости, которые около тех сел блиско, прямят нам», а наказывать лишь «те села и деревни, которые нам не прямят» [2]. Эти факты из позднейшей биографии П. Ляпунова могут служить хорошим материалом для объяснения поведения П. Ляпунова в 1606 г.

Переход П. Ляпунова и его сторонников на сторону Шуйского означал вполне сознательный поворот в позиции рязанских дворян-помещиков: от политики борьбы за власть против Шуйского как выразителя интересов боярства — к политике блока с ним против восставшего крестьянства. С этой точки зрения вполне закономерно то, что и П. Ляпунов и Г. Сумбулов сразу же после своего присоединения к Василию Шуйскому становятся активными участниками в войне с Болотниковым.

Со своей стороны Шуйский всячески стремился демонстрировать сближение с П. Ляпуновым, подчеркивая его заслуги и выражая полное доверие его деятельности. Сохранилась даже специальная благодарственная грамота Шуйского, где заслуги П. Ляпунова изображаются как совершенно исключительные: «а службы твоей, и дородства, и разуму нам и всему Московскому государству нет числа; и ты б как начел, так и совершал» [3]. Вероятно, к этому же времени следует отнести и пожалование Шуйским П. Ляпунову земель в Рязанском уезде из дворцовых сел [4].

Следует, однако, подчеркнуть, что, несмотря на все это, блок

---

[1] *И. Е. Забелин*, Минин и Пожарский, изд. 3, стр. 267.

[2] Акты Юшкова, № 282. В заголовке грамота ошибочно датирована издателем 1609 г. В тексте грамота датирована «лета 7117-го сентября в 14 день».

[3] Акты Юшкова, № 273, грамота от 20 ноября 1607 г.

[4] См. челобитную Истомы Сумбулова Владиславу в 1611 г.: «...В Рязанском уезде на Мещерской стороне Прокофьява сына Ляпунова сельцо Козарь с деревнями, што дал ему князь Василей Шуйский из дворцовых сел» (*Л. М. Сухотин*, Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе, 1610—1611 гг., М. 1911, стр. 81).

Библиотека "Руниверс"

П. Ляпунова с Шуйским продолжал сохранять временный характер, и в 1610 г. Ляпуновы принимают участие в свержении Шуйского.

Что касается И. Пашкова, то вопрос о мотивах его «измены» представляется более сложным. С. Ф. Платонов видит причину более позднего по времени перехода И. Пашкова на сторону Шуйского в том, что «служилая мелкота Истомы Пашкова колебалась до последней минуты, не зная куда пристать: к революционным ли отрядам Болотникова, к которым они приближались по степени экономической необеспеченности, или к охранительной среде дворян и детей боярских, к которой они обыкновенно причислялись по форме землевладения и порядку службы» [1].

При всей внешней убедительности это объяснение, однако, не может быть признано удовлетворительным.

В самом деле, при таком объяснении остается совершенно в стороне то, что нам известно о тайных сношениях И. Пашкова с Василием Шуйским и о секретном соглашении, заключенном между ними. Ибо если признать достоверность этих сообщений источников, то трудно говорить о колебаниях И. Пашкова «до последней минуты».

С другой стороны, это объяснение совершенно не учитывает изменения положения И. Пашкова в самом лагере Болотникова. Выше, рассматривая состав войска, осаждавшего Москву, мы пришли к выводу, что И. Пашкову не удалось удержать того положения, какое он занимал во время похода на Москву, — положения, равного Болотникову. Сопоставляя это обстоятельство с незначительностью величины отряда, оставшегося верным И. Пашкову в момент его измены, мы высказали предположение, что последнее обстоятельство следует объяснить расслоением внутри войска, во главе которого И. Пашков пришел к Москве, и присоединением недворянских элементов этого войска к Болотникову. Такая постановка вопроса находит опору в показании «Нового Летописца» о том, что И. Пашков «отъехал» к Шуйскому «со всеми дворяны и з детми боярскими» [2].

Если теперь обратиться к выяснению личной судьбы И. Пашкова после его перехода на сторону Василия Шуйского, то она оказывается очень сходной с судьбой П. Ляпунова. И подобно тому, как П. Ляпунов становится воеводой в войске Шуйского и принимает участие в походах против Болотникова, так и И. Пашков из «воровского атамана» превращается в служилого человека, причем получает новый, более высокий чин: в разрядных записях вместо *сотника* Истомы Пашкова мы встречаем уже *«голову* Истому Иванова сына Пашкова» [3].

[1] *Платонов*, Очерки, стр. 335.
[2] ПСРЛ, т. XIV, стр. 73.
[3] *Белокуров*, стр. 157.

Библиотека "Руниверс"

В свете всего сказанного мне представляется более правильным не проводить столь резкой грани между И. Пашковым и П. Ляпуновым, как это делает С. Ф. Платонов, а рассматривать обе «измены» как выражение одного и того же процесса разрыва между Болотниковым и примкнувшими к нему дворянско-помещичьими элементами. Самый же факт более поздней «измены» И. Пашкова может быть достаточно удовлетворительно объяснен характером того соглашения, которое было заключено между И. Пашковым и правительством Василия Шуйского.

Раскол в лагере Болотникова и переход на сторону Шуйского П. Ляпунова и И. Пашкова означал крупный успех Шуйского в его борьбе против восстания. Такое изменение в соотношении сил боровшихся сторон неизбежно должно было отразиться на ходе и исходе военных действий под Москвой.

Чисто военная сторона осады Москвы Болотниковым — самый ход военных действий — отражена в источниках сравнительно слабо, и лишь для последнего периода осады материал позволяет осветить военные действия несколько подробнее.

Основным районом сосредоточения сил, осаждавших Москву, были южные и отчасти юго-восточные окрестности Москвы.

В разрядах местоположение войска, осадившего Москву, определяется так: «Пришли под Москву, стали в Коломенском да в Заборье и во многих местех» [1]. В другой редакции разрядной записи к этому перечню местностей добавлена еще Угреша: «а стояли в Коломенском да на Угреше» [2]. Сходным образом определено местонахождение войска восставших и в «Карамзинском Хронографе»: «Пришли под Москву в Коломенское в иные места в Заборское стали близко Москвы» [3].

В иностранных источниках мы находим примерно те же данные, что и в русских. Так, в донесении А. Сапеги литовскому канцлеру Л. Сапеге говорится, что восставшие, «пришед к Москве, стали под Коломенским и Москву осадили» [4]. По свидетельству Исаака Массы, десятитысячный отряд войска, посланного Болотниковым, «подошел к Москве на расстояние одной мили от нее, стал у речки Даниловки и занял селенье Загорье» [5]. По Буссову, И. Пашков стал лагерем «в Котлах (auf der Kattool), приблизительно в миле с четвертью от Москвы» [6].

Центр войска Болотникова находился в селе Коломенском. Именно здесь был устроен укрепленный лагерь, в русских источ-

[1] *Белокуров*, стр. 10.
[2] Там же, стр. 43.
[3] *А. Попов*, Изборник, стр. 332.
[4] Сб. РИО, т. 137, стр. 360.
[5] *И. Масса*, стр. 162.
[6] *Bussow*, стр. 69.

Библиотека "Руниверс"

никах называемый «острогом» [1], а в источниках иностранных — «шанцами» (bescansten) [2] или «обозом» [3]. Исаак Масса подробно рассказывает о том, как был устроен лагерь в селе Заборье. По словам Исаака Массы, после занятия войском Болотникова села Загорья (Заборья) его «тотчас укрепили шанцами». Кроме того, у войска восставших «было несколько сот саней, и поставили их в два и в три ряда одни на другие, и плотно набили сеном и соломою, и несколько раз полили водою, так что все смерзлось, как камень» [4]. Повидимому, и лагерь в селе Коломенском представлял собой сочетание земляных укреплений («шанцев») с «обозом» в собственном смысле слова, т. е. укреплением, образованным из повозок, поставленных рядами вокруг лагеря и преграждавших таким образом доступ в него.

Современники очень высоко оценивали военные достоинства «острога» Болотникова, отмечая, что он был устроен «в земле зело крепко» [5]. И действительно, фортификационное искусство строителей лагеря было продемонстрировано тем, что воеводы Шуйского в течение трех дней не могли разбить острог Болотникова: «по острогу их биша три дни, розбити же острога их не могоша, занеже в земли учинен крепко, сами же от верхового бою огненого укрывахуся под землею, ядра же огненые удушаху кожами сырыми яловичьими» [6].

Начальный этап осады Москвы (до прихода второй группы войск восставших), охватывающий три недели, можно рассматривать как период накопления сил восставшими и период выжидания со стороны Шуйского. Именно так характеризует данный период повесть «Иное Сказание», указывая, что воеводы Шуйского «на брань противу их (восставших. — *И. С.*) не исходиша, войские силы ждаху» [7]. С этой характеристикой вполне согласуется и сообщение Исаака Массы, что первые отряды войск восставших, пришедшие под Москву, «стали ожидать Болотникова с главным войском» [8].

Такое относительное затишье носило, однако, временный характер, и дальнейший ход осады Москвы характеризуется острой борьбой между осаждавшими и осажденными. В разрядах отмечается, что «с ворами бои были ежеденные под Даниловским и за Яузою» [9]. Совершенно то же говорит и Буссов, указывая, что

---

[1] РИБ, т. XIII, стб. 100.
[2] *И. Масса*, стр. 162.
[3] *S. Niemojewski*, стр. 188 (русский перевод — стр. 177).
[4] *И. Масса*, стр. 162.
[5] РИБ, т. XIII, стб. 100.
[6] Там же, стб. 110.
[7] Там же, стб. 99.
[8] *И. Масса*, стр. 162.
[9] *Белокуров*, стр. 10.

Библиотека "Руниверс"

москвичи «стали ежедневно делать вылазки и вести бои» [1]. Точно так же характеризует ход военных действий под Москвой и Исаак Масса, по словам которого воеводы Шуйского «часто учиняли большие нападения со множеством пушек на помянутые шанцы (мятежников), но без всякого успеха» [2].

Основная черта, характеризующая положение Москвы в течение почти всего периода осады, состояла в том, что осада эта не была полной блокадой столицы. Автор английского донесения о восстании Болотникова прямо заявляет, что хотя «большая половина» Москвы была «осаждена» восставшими, «другая же часть города — я не знаю в силу какого ослепления — была оставлена открытой, так что могла получать подкрепление войском и припасами, пока слишком поздно они не спохватились, чтобы замкнуть блокаду, но были дважды отброшены с большими потерями» [3]. Это же обстоятельство отмечают и русские источники. В частности, «Иное Сказание» говорит лишь о попытке осаждавших «около града обсести и вси дороги отняти, да ни из града ни во град кого пустити, да ни откуду никакие бы им во граде помощи никому же учинити не возможно» [4]. Однако этот план — «замкнуть блокаду» — относится уже к последнему периоду осады Москвы.

По недостатку данных нет возможности изложить ход военных действий во время осады Москвы в их хронологической последовательности. Поэтому приходится в характеристике военных действий этого периода ограничиться рассмотрением лишь отдельных моментов борьбы.

Запись в разрядах о ежедневных боях «с ворами» под Даниловским монастырем и за Яузой правильно устанавливает два главных района военных действий. Насколько можно судить, прежде всего по разрядам, главные силы Василия Шуйского были сосредоточены в Замоскворечье у самой внешней из московских стен, у так называемого «Скородума», или Деревянного города (нынешний Земляной вал). У С. Немоевского имеется обстоятельная характеристика этой линии московских укреплений, построенной в 1591—1592 гг. (*Забелин*). Эта характеристика тем более интересна, что она сделана очевидцем, наблюдавшим «Скородум» в самый год осады Москвы Болотниковым. Вот что представлял собой «Скородум» по описанию С. Немоевского: «Город кругом, или, лучше сказать, его предместья, огорожен, лет шестнадцать тому назад (после того как крымские или перекопские татары подошли было к нему и немало пожгли), деревянным срубом (wzrebem), в котором, и также из дерева, сделаны до-

[1] *Bussow*, стр. 72.
[2] *И. Масса*, стр. 162.
[3] См. прилож. IV, стр. 552, 554.
[4] РИБ, т. XIII, стб. 101.

Библиотека "Руниверс"

вольно часто нечто вроде башен, для стрельбы. Поверх забора всюду паланки, прикрытые досками, в окружности его будет мили две. Это укрепление называют «Скородум» (Skorodum) [1].

Именно здесь, у Серпуховских и Калужских ворот, и находились полки «осадного воеводы» — князя Д. В. Туренина и воевод «на вылазке» — князя М. В. Скопина-Шуйского «с товарыщи» [2]. Повидимому, к этим полкам следует отнести и слова Исаака Массы о том, что «московское войско засело в обозе (wagenborch) перед самыми городскими воротами, и воеводами были царские братья» [3]. В этом свидетельстве Исаака Массы особенно ценно сообщение об укреплениях, сооруженных воеводами Шуйского, прикрывавших подступы к воротам.

Стратегическое значение данного района определялось тем, что он непосредственно противостоял основным силам войска Болотникова, сосредоточенным в лагере в селе Коломенском. Поэтому отсюда удобнее всего было делать «вылазки» против осаждавших, и вместе с тем именно сюда вероятнее всего было ожидать ударов со стороны Болотникова и его воевод. Исаак Масса указывает, что именно из этого района воеводы Шуйского «часто учиняли большие нападения» на лагерь Болотникова. У нас нет прямых данных о наступательных действиях здесь войск Болотникова. Но «ежедневные бои» у Данилова монастыря, несомненно, включали в себя и такие, где инициатива принадлежала осаждавшим [4].

Второй район «боев» — «за Яузой» — отмечается в источниках на протяжении всей осады Москвы. В разрядах не сохранились имена воевод, стоявших за Яузой, но самый факт наличия здесь воевод свидетельствуется разрядными записями [5]. Кроме того, в этом районе роль опорного пункта для Шуйского играл Симонов монастырь, для защиты которого были выделены стрельцы. В повести «Иного Сказания» содержится подробный рассказ о борьбе за Симонов монастырь, причем войскам

---

[1] *S. Niemojewski*, стр. 23 (русский перевод — стр. 37). «Паланка — огороженное место» (Комментарий А. Гиршберга к польскому изданию).

[2] *Белокуров*, стр. 43.

[3] *И. Масса*, стр. 162.

[4] Об одной из таких наступательных операций, проведенной осаждавшими, рассказывает в своем дневнике В. Диаментовский: «7-е декабря. Пришла весть, что снова немало войска Шуйского разбито; под конец (противник) проник даже за городскую стену (az w mury na ostatek wjechano)» (*W. Dyamentowski*, стр. 85). Этот эпизод можно отнести примерно к середине ноября.

Очень важно для характеристики наступательных действий войска Болотникова также свидетельство «Истории Ложного Димитрия» (*Будилы*), что в ходе осады Москвы осаждавшим удалось было зажечь Деревянный город (drewniany zamek) (РИБ, т. I, стб. 121).

[5] *Белокуров*, стр. 43.

Библиотека "Руниверс"

Болотникова не удалось захватить монастырь, и они «прочь отъидоша» [1].

Переломным моментом в осаде Москвы явилась измена рязанцев во главе с Г. Сумбуловым и П. Ляпуновым. В письме А. Стадницкого содержится подробный рассказ об обстоятельствах, при которых произошел переход рязанского полка на сторону Шуйского: «26 ноября (н. ст. — *И. С.*). Противная сторона пустила к городу (do miasta) пятьсот рязанцев, желая испробовать своего счастья под мглою и непогодою, которая была в то время. Те, идя отдельным полком, при приближении к городу Москве, сейчас же знаками объявили о своей покорности великому князю. Противная сторона, увидевши, что измена, бросилась на стражу в шанцах (koszach), которая была поставлена за городом — у ней были и орудия (armata). Но после стычки со стражей (tej strazy nieco urwawszy), они воротились назад в лагерь (do obozu), который был немного далее одной мили от города — в Коломенском: так называют село и двор великого князя, недалеко от речки Котла, где сожгли тело того покойника (т. е. Лжедмитрия. — *И. С.*)» [2].

Правительство Шуйского изобразило переход на свою сторону рязанцев как крупный успех: «по случаю этой радости они, по своему обычаю, звонили в колокола и стреляли из орудий, получали жалованье в большой палате» [3].

Измена рязанцев, действительно, укрепляла позиции Василия Шуйского, причем не столько даже в чисто военном плане, сколько политически, свидетельствуя о наличии крупных противоречий в лагере Болотникова. Правительство Шуйского получало возможность истолковать измену рязанских дворян как поворот участников восстания на путь раскаяния и принесения своей «вины». С другой стороны, несомненно, измена Г. Сумбулова и П. Ляпунова способствовала росту внутренней борьбы в войске Болотникова и толкала неустойчивые и случайные элементы на разрыв с восстанием. Следует, конечно, с очень большой осторожностью отнестись к заявлению грамоты патриарха Гермогена, что «после того многие всякие люди от них воров и еретиков, из Коломенского и из иных мест прибегают» [4]. Но если в данном утверждении явственно выступает цель использовать разрыв рязанцев с Болотниковым как материал для агитации за разложение рядов участников восстания (и в заявлении патриаршей грамоты о «многих» перебежчиках сквозит стремление выдать желаемое за действительность), то вместе с тем вряд ли можно сомневаться в

[1] РИБ, т. XIII, стб. 100.
[2] *S. Niemojewski*, стр. 187, 188 (русский перевод — стр. 177).
[3] Там же, стр. 188 (русский перевод — стр. 177).
[4] ААЭ, т. II, № 58.

Библиотека "Руниверс"

том, что переход рязанцев в лагерь Шуйского усилил аналогичные тенденции среди определенных слоев участников восстания.

В этом плане несомненный интерес представляет свидетельство того же А. Стадницкого, под 27 (17 ноября), о том, что «из полков противной стороны около 50 стрельцов передалось великому князю» [1]. Комментируя это событие [2], А. Стадницкий добавляет, что стрельцы-перебежчики «несколько утешили простой народ (lud pospolity) сообщением, что половина войска принуждена от более сильной стороны, и она охотна к заявлению покорности великому князю». Вряд ли, конечно, А. Стадницкий может рассматриваться как надежный источник для изучения настроения московского простого народа. Но ценность свидетельства А. Стадницкого — не в характеристике обстановки в Москве, а в том, что́ оно дает для выяснения положения внутри лагеря Болотникова. И в этом отношении известие о наличии в рядах восставших двух группировок, одна из которых склонна к изъявлению покорности Василию Шуйскому, очень важно для понимания дальнейшего хода борьбы под Москвой.

Было бы, однако, ошибкой преувеличивать значение для Болотникова измены рязанцев. В чисто военном отношении «полк» Г. Сумбулова и П. Ляпунова составлял сравнительно небольшую часть сил, бывших у Болотникова. Нельзя также упускать из виду и приход новых пополнений в его войско. И тот же А. Стадницкий начинает свое письмо с заявления о том, что «к противной стороне... прибывает in dies [что ни день] войско» [3].

Рассказывая о допросе стрельцов-перебежчиков, А. Стадницкий приводит еще одно очень важное сообщение. По его словам, стрельцы «сообщили и то, что (осаждающие. — *И. С.*) в прошлую ночь все телеги и всякую сволочь (lud blahy) отправили прочь, но сами остались, *намереваясь истомить город и не пропускать подвоза припасов*» [4]. Из этого показания перебежчиков мы узнаем о новом плане руководителей восстания, о их намерении коренным образом изменить свою тактику путем установления полной блокады Москвы. Вряд ли может быть сомнение в том, что толчком к этому послужила именно измена рязанцев. Явившись своего рода сигналом, свидетельствовавшим об опасных процессах, развивавшихся внутри осаждавшего Москву войска, измена рязанцев активизировала тактику Болотникова, заставила его пойти на решительные шаги для скорейшего достижения главной цели — взятия Москвы.

---

[1] *S. Niemojewski*, стр. 188 (русский перевод — стр. 177, 178).

[2] Выше мы уже касались этого известия; повидимому, речь здесь идет о стрельцах из коломенского гарнизона.

[3] *S. Niemojewski*, стр. 187 (русский перевод — стр. 177).

[4] Там же, стр. 188 (русский перевод — стр. 178). Курсив мой. — *И. С.*

Библиотека "Руниверс"

Английское донесение о восстании Болотникова определяет существо нового плана Болотникова формулой «замкнуть блокаду» Москвы (to blocke it upp).

Осуществление этого плана началось 26 ноября наступлением войск Болотникова. В грамоте патриарха Гермогена эта операция изображена так: «Умыслили, бесом вооружаеми, те проклятые богоотступники и крестьянские губители, бесом собранный свой скоп разделити на двое и послали половину злого своего скопу из Коломенского, через Москву реку, к гонной к Рогожской слободе, и ноября в 26 день... вниде слух во уши государю... что те злодеи перешли Москву-реку» [1]. Эта характеристика военных действий Болотникова находит свое подтверждение в письме А. Стадницкого. По Стадницкому, события развивались следующим образом: «Дня 6-го декабря. Была стычка городских с противной стороной в одной миле от города, близ деревни Карачарово (Kraczorowa). Когда около 2000 пехотинцев противной стороны или воров перебралось через реку Москву к Красной слободе (село это лежит невдалеке от города и густо населено), они были тотчас же открыты подъездниками, или, по нашему, стражею великого князя, а затем на поддержку стражи было отправлено два или три полка. Передают, что тех из противной стороны легло не мало» [2].

Таким образом, А. Стадницкий частью конкретизирует данные, содержащиеся в грамоте Гермогена (называя количество человек, входивших в отряд, перешедший Москву-реку), частью сообщает совершенно новые сведения. Из этих сведений особый интерес представляет указание на то, что отряд, посланный Болотниковым, был открыт «стражей» войска Шуйского около «Красной слободы» и что «стычка» между войсками Болотникова и Шуйского произошла «близ деревни Карачарово».

Сопоставляя данные сообщения А. Стадницкого с данными грамоты Гермогена, мы должны притти к выводу о том, что в этих источниках по-разному определяется место, где развертывались события. По свидетельству грамоты Гермогена, это был район Рогожской слободы, по Стадницкому же — район Красной слободы и деревни Карачарово. Географические данные, сообщаемые А. Стадницким, однако, не только находятся в противоречии с грамотой Гермогена, но и являются внутренне противоречивыми. Прежде всего следует отметить то обстоятельство, что в Москве не было Красной слободы, о которой говорится в письме А. Стадницкого. Употребляя это название, А. Стадницкий, очевидно, имел в виду Красное село — одну из подмосковных слобод, расположенную (за рекой Яузой) на северо-восток от

[1] ААЭ, т. II, № 58.
[2] *S. Niemojewski*, стр. 188 (русский перевод — стр. 178).

Библиотека "Руниверс"

Москвы. Но такое толкование названия «Красная слобода» исключает возможность нахождения Красной слободы рядом с деревней Карачарово, расположенной к юго-востоку от Москвы и отделенной от Красного села Яузой и значительным расстоянием [1]. В то же время, если мы оставим в стороне вопрос о Красной слободе и сопоставим сообщение А. Стадницкого о том, что отряд Болотникова наткнулся на стражу Василия Шуйского «близ деревни Карачарово», с показаниями грамоты Гермогена, что войско было послано Болотниковым «к гонной к Рогожской слободе», то мы не найдем никакого противоречия между этими данными. Напротив, они взаимно подкрепляют друг друга, ибо деревня Карачарово и Рогожская слобода расположены в непосредственной близости друг от друга. Но в таком случае остается лишь одно возможное объяснение: очевидно, А. Стадницкий ошибочно назвал «Красной слободой» Рогожскую слободу. Возможность такой ошибки вытекала из того, что А. Стадницкий был иностранец и легко мог спутать название местности. Допустить такую ошибку А. Стадницкий мог тем легче, что в описываемый им момент важные события развертывались также и в Красном селе.

В плане Болотникова — «замкнуть блокаду Москвы» — Красному селу отводилась исключительно ответственная роль. Именно Красное село должно было явиться исходной позицией операции по занятию дороги, ведшей из Москвы на Ярославль и Вологду. Повесть о восстании Болотникова в «Ином Сказании», рассказывая о том, как план Болотникова «около града обсести и вси дороги отняти» потерпел неудачу вследствие неожиданного прихода в Москву отряда стрельцов с Двины, поясняет: «Сих же стрелцов видеша разбойницы ис Красного села, их же хотеша ту дорогу Ярославскую и Вологоцкую засести» [2]. В другом месте этой повести мы находим еще дополнительный материал о Красном селе. Рассказывая об обстоятельствах, при которых произошла измена Истомы Пашкова, повесть помещает Истому Пашкова как раз в Красное село: «Той же егда шел было засести и отняти дорога Ярославская от Москвы, и виде ис Красного села пришествие Двинских стрелцов во град» [3].

Итак, Красное село явилось местом нахождения отряда под начальством Истомы Пашкова, посланного Болотниковым для захвата Ярославской и Вологодской дорог.

Такое определение значения Красного села в борьбе между Болотниковым и Шуйским, сделанное на основании свидетельств повести «Иного Сказания», подтверждается данными, сообщаемыми

[1] Между тем у Стадницкого эти два пункта рассматриваются как соседние.

[2] РИБ, т. XII, стб. 106.

[3] Там же, стб. 109.

Библиотека "Руниверс"

Исааком Массой. Правда, рассказ Массы является очень путаным и содержит ряд ошибок, но вместе с тем из него можно извлечь и весьма ценные сведения.

В изображении Массы борьба в районе Красного села развертывалась следующим образом: «Так как неприятели держали на примете Красное село, лежащее неподалеку от них, большое и богатое селение, подобное [целому] городу, откуда они могли угрожать почти всей Москве, то московиты, страшась этого, выставили у речки Яузы, через которую они [мятежники] должны были перейти, сильное войско под начальством молодого боярина Скопина, чтобы воспрепятствовать переправе, а сами со всеми своими силами, числом в двести тысяч ратников, в течение двух дней осаждали их, но не смогли одержать победы и сами понесли большие потери. Меж тем Болотников прислал им на подмогу тридцать тысяч человек под начальством воеводы Истомы Пашкова, и этот Пашков прибыл туда на третий день» [1]. Сопоставляя этот рассказ Исаака Массы с «Иным Сказанием» и другими источниками, легко можно обнаружить и фактические ошибки, и преувеличения, и не всегда правильное понимание смысла тех или иных моментов борьбы. Так, для Массы остался непонятным замысел Болотникова перерезать Ярославскую дорогу и тем блокировать Москву с севера. Поэтому он неправильно излагает мотивы, побуждавшие Болотникова к захвату Красного села. Точно так же ошибается Масса и помещая у Яузы полки князя М. В. Скопина-Шуйского: в действительности, как мы видели выше, он стоял у Серпуховских ворот.

Несомненно, что и цифровые данные о численности войск, участвовавших в военных действиях в районе Красного села, у Массы сильно преувеличены. Но, корректируя рассказ Массы путем привлечения данных других источников, мы можем извлечь ценный материал и из показаний голландского наблюдателя. Неясно представляя конкретные цели борьбы за Красное село, Масса, однако, с бесспорностью свидетельствует о самом факте этой борьбы и притом борьбы напряженной и упорной. Это показание Массы — весьма существенное дополнение к рассказу повести «Иного Сказания», где момент борьбы вовсе отсутствует и все сведено к эффекту от прихода отряда двинских стрельцов. Второе, что свидетельствует Масса, это факт посылки Болотниковым в район Красного села отряда под начальством Истомы Пашкова. Оставляя в стороне объяснение целей посылки этого отряда, даваемое Массой, следует использовать в его рассказе самый факт посылки отряда Истомы Пашкова в Красное село, находящийся в полном соответствии с данными повести «Иного Сказания».

[1] *И. Масса*, стр. 162, 163. Дальше у Исаака Массы следует рассказ об измене Истомы Пашкова.

Библиотека "Руниверс"

Возвращаясь к рассмотрению в целом операции по окружению Москвы, начатой Болотниковым 26 ноября 1606 г., можно констатировать, что эта операция вылилась в активную борьбу по крайней мере в двух районах: у Рогожской слободы и у Красного села. Правительство Шуйского ответило на наступление, предпринятое Болотниковым, контрмерами. «Стычка» между отрядом Болотникова и стражей войска Шуйского, отмечаемая А. Стадницким, явилась началом боевых действий более крупного масштаба. Наиболее полные данные о них сообщают А. Стадницкий и повесть «Иного Сказания».

А. Стадницкий заканчивает описание военных действий 26 ноября (6 декабря) сообщением о том, что «в тот день привели около ста языков, всех в Кремль; из них, вероятно, половина от стужи померла до утра — всякая одежда была отнята» [1]. Следующий день, 27 ноября (7 декабря), явился днем сражения, в котором приняли участие уже основные силы обеих сторон. Это сражение также описано А. Стадницким: «Дня 7-го декабря. Сам великий князь выходил из города с образами, перед которыми пелись молитвы. Затем люди съезжались в полки, предводителями которых князь Мстиславский и князь Воротынский. Подтянулось около 20 000 войска противной стороны. Стали также войска великого князя. Потом, уже в самый вечер, они схватились друг с другом... Городские не без ущерба — в возмездие языков от противной стороны. В эту ночь все войска великого князя стояли в поле и с орудиями» [2].

С этим описанием сражения 27 ноября полностью совпадает рассказ об этом сражении в повести «Иного Сказания». Русский источник также начинает изложение событий с описания религиозных церемоний, предшествовавших выступлению войска Василия Шуйского: «Повелевает (царь. — *И. С.*) патриарху Гермогену со всем освященным собором у гроба святого мученика царевича Дмитрея молебная пети, еже и бысть. Егда совершиша молебная, и воду освятив, и всех ратных людей покропивши, и честный покров его изнесоша на место Колуских врат» [3]. После этого «всии людие, иже на супротивные исходящии», формируются в полки («на брань к сопротивным безстрасно ополчаются»). Наконец, повесть красочно описывает выход войска во главе с царем через Калужские и другие ворота Деревянного города на врага: «Вседает же борзо и сам царь Василей Ивановичь на свой бранной конь и приемлет в десницу свою скипетр непобедимыя державы и храбро выезжает ис царствующего града Москвы во многих и крепких и храбрых воеводах со всеми своими воинствы; такожде и

[1] *S. Niemojewski*, стр. 190 (русский перевод — стр. 179).
[2] Там же.
[3] РИБ, т. XIII, стб. 108.

Библиотека "Руниверс"

иными враты, яко воды, полияшася, и вси смело и единодушно на супротивныя идуще на брань» [1].

Приведенный материал дает возможность достаточно определенно представить себе характер сражения, развернувшегося 27 ноября. Наступление, предпринятое Болотниковым на левом берегу Москвы-реки, побудило, очевидно, Василия Шуйского решиться нанести ответный удар, бросив для этого в бой все имевшиеся в его распоряжении силы. Пойти на такой смелый шаг, связанный с риском возможного поражения от Болотникова, Шуйского заставила исключительная серьезность обстановки — угроза полной блокады столицы. Но на изменение тактики Шуйского, несомненно, влияли и другие причины. Уже переход на сторону Шуйского Г. Сумбулова и П. Ляпунова означал существенное усиление лагеря Шуйского. Две недели, истекшие с момента измены рязанцев, принесли Шуйскому новое подкрепление. Повесть «Иного Сказания» сообщает о прибытии как раз накануне сражения 27 ноября отряда двинских стрельцов в количестве 400 человек [2]. А. Стадницкий также отмечает, под 18 (28) ноября, приход в Москву «1000 пеших из сел (z dymów)» [3]. Наконец, Шуйский ожидал со дня на день прихода смоленских и ржевских полков под начальством И. Ф. Крюка-Колычева, которым «по государеву указу велено быти к Москве ноября в 29 день» [4].

К этому следует добавить, что Шуйский, во-первых, знал о внутренней борьбе в лагере Болотникова и, во-вторых, уже имел соглашение с И. Пашковым о переходе последнего на сторону Шуйского.

Все эти моменты в их совокупности означали изменение соотношения сил боровшихся сторон в пользу Шуйского, что и было им учтено, побудив осторожного царя резко изменить характер борьбы. В отличие от 26 ноября главное сражение развернулось 27 ноября на правом берегу Москвы-реки — в Замоскворечье. Таким образом, план Шуйского заключался в том, чтобы нанести удар по основным силам Болотникова, сосредоточенным в Коломенском. Вместе с тем этот удар ставил под угрозу и отряды Болотникова, находившиеся на левом берегу Москвы-реки — в районе Рогожской слободы и Красного села.

Сражение 27 ноября принесло Шуйскому большой успех и победу. Автор «Иного Сказания» подробно рассказывает о том, как «розбойницы... изнемогоша и, плещи давше, побегоша»; при этом «мятежников бесчисленное множество падоша, тако же и живых руками множество яша; прочии же вси со злоначалники своими от царствующаго града посрамлени бегоша на Коломенское и

[1] РИБ, т. XIII, стб. 108.
[2] Там же, стб. 107.
[3] *S. Niemojewski*, стр. 189 (русский перевод — стр. 178).
[4] ААЭ, т. II, № 58.

Библиотека "Руниверс"

в остроге своем седоша. Царь же Василей возвратися во свой царствующий град Москву, яко победитель» [1].

Рассказ этот, конечно, риторически украшает и преувеличивает размеры победы Шуйского. А. Стадницкий, например, в своем описании отмечает, что и войско Шуйского было «не без ущерба» (в то время как повесть утверждает, что «ни единому от благочестивого воинства убиену быти»)[2]. Но самая победа Шуйского 27 ноября несомненна.

Повидимому, именно эту победу имеет в виду и свидетельство английской записки о том, что попытка осаждавших Москву войск Болотникова «замкнуть блокаду» не удалась, и они «были дважды отброшены с большими потерями» [3].

День 27 ноября, помимо победы над Болотниковым, ознаменовался для Шуйского еще одним успехом. Этот успех состоял в переходе на сторону царя И. Пашкова с его отрядом.

В литературе по-разному датируется день измены И. Пашкова. В то время как большинство историков, начиная с Карамзина и вплоть до Платонова, относят измену И. Пашкова к последнему, решающему сражению 2 декабря 1606 г., — Костомаров связывает измену И. Пашкова с сражением у Рогожской слободы и датирует переход И. Пашкова на сторону Шуйского 26 ноября [4]. Такое расхождение мнений объясняется отсутствием единства в свидетельствах источников по данному вопросу. В основе датировки Карамзина (и следующих ему в данном вопросе позднейших исследователей) лежат те данные, которые сообщают о И. Пашкове официальные грамоты Шуйского, разосланные по городам по случаю победы над Болотниковым. Соответствующее место царской грамоты гласит: «...декабря в 2 день послали на тех воров бояр своих и воевод со многими людьми, и божиею милостью... бояры наши и воеводы тех воров всех побили на голову, а Истому Пашкова да Митьку Беззубцова и многих атаманов и казаков живых поимали и к нам привели» [5].

Именно, основываясь на этой грамоте, Карамзин считал, что «сие (переход И. Пашкова на сторону Шуйского. — *И. С.*) случилось не прежде 2-го декабря» [6]. Однако грамота Шуйского отнюдь не может рассматриваться как источник, утверждения которого имеют силу бесспорных доказательств. Напротив, она, как и все грамоты этого царя, требует весьма критического подхода. Насколько неосторожно было бы принимать сведения,

---

[1] РИБ, т. XIII, стб. 109, 110.
[2] Там же, стб. 109.
[3] См. прилож. IV, стр. 554.
[4] *Карамзин*, т. XII, стр. 25 и примеч. 82 и 86; *Соловьев*, кн. II, стб. 817; *Платонов*, Очерки, стр. 335; *Костомаров*, стр. 282.
[5] СГГиД, т. II, № 150; то же в грамоте № 151.
[6] *Карамзин*, т. XII, примеч. 82.

Библиотека "Руниверс"

сообщаемые рассматриваемой грамотой, без предварительной проверки их с помощью других источников, можно видеть хотя бы из утверждения грамоты, что И. Пашков был взят в плен, хотя и русские и иностранные источники единодушны в признании факта добровольного перехода И. Пашкова на сторону Шуйского. Очевидно, таким образом, что и вопрос о времени и обстоятельствах измены И. Пашкова должен разрешаться на основании всей совокупности данных, имеющихся в источниках.

Сказанное в равной мере относится и к датировке Костомарова, который также не мотивирует свою точку зрения, ограничиваясь лишь ссылкой на Петрея.

Среди русских источников первое место по важности для выяснения вопроса об измене И. Пашкова должно принадлежать повести «Иного Сказания». Именно этот источник содержит наиболее точный и конкретный рассказ о том, как и когда И. Пашков перешел на сторону Шуйского. Однако «Иное Сказание» не указывает даты дня измены И. Пашкова. Это обстоятельство давало возможность историкам по-разному интерпретировать рассказ повести. Основной вопрос, который при этом надлежало разрешить исследователям, — это вопрос о том, что́ за сражение имел в виду автор повести, рассказывая о том, как во время этого сражения И. Пашков «зело устрашися и приезжает ко царю Василию» [1]. Как мы видели, историки по-разному решали этот вопрос: то считая, что здесь речь идет о сражении 26 ноября (*Костомаров*), то относя рассказ повести к сражению 2 декабря (*Платонов*). Рассказ повести, однако, содержит данные, позволяющие более точно и определенно датировать то сражение, о котором в нем идет речь. Этими данными является личное участие в сражении самого царя Василия Шуйского. И. Пашков изменил Болотникову именно после того как, «видев царя Василия толь храбра и смела, со своими воеводами и со всеми воинствы из града изшедша, веселы и смелы, на брань» [2].

До опубликования А. Гиршбергом в 1899 г. дневника С. Немоевского, в тексте которого сохранилось письмо А. Стадницкого, наличный состав источников не давал возможности точно решить вопрос, в каком из сражений Василий Шуйский принял непосредственное участие. Только этим, конечно, можно объяснить то, что в своих «Очерках по истории Смуты», вышедших в 1899 г., но написанных до появления в свет дневника С. Немоевского, Платонов счел возможным пересмотреть мнение Костомарова, связывавшего предводительство Василия Шуйского над войсками с боем 26 ноября, и отнести личное участие Шуйского в военных дей-

[1] РИБ, т. XIII, стб. 109.
[2] Там же.

Библиотека "Руниверс"

ствиях к последнему сражению под Москвой, «когда сам царь Василий 2-го декабря напал из Москвы на мятежников» [1]. Любопытно отметить при этом, что, по-разному датируя это событие, Костомаров и Платонов почти в тождественных выражениях описывают выезд царя, пользуясь повестью «Иного Сказания» [2].

Опубликование письма А. Стадницкого существенным образом изменило положение с источниками. Мы видели выше, что А. Стадницкий в своем письме полностью подтверждает рассказ «Иного Сказания» о сражении, в котором участвовал Василий Шуйский, и вместе с тем точно датирует это сражение днем 27-го ноября (7 декабря). Таким образом, из двух имевшихся в литературе интерпретаций рассказа «Иного Сказания» верной оказалась интерпретация Костомарова (с той поправкой, что сражение было не 26-го, как думал Костомаров, а 27 ноября). Напротив, мнение по этому вопросу Платонова следует признать ошибочным.

Разрешением вопроса о датировке рассказа «Иного Сказания», в сущности говоря, решается вопрос и о времени, когда произошла измена И. Пашкова. Можно, однако, привести еще ряд дополнительных данных в доказательство того, что измена И. Пашкова имела место до 2 декабря. Так, Исаак Масса, подобно «Иному Сказанию», связывает измену И. Пашкова с боями в районе Красного села [3].

Еще показательнее свидетельство английской записки, как принадлежащее современнику — очевидцу. В этом источнике взаимная последовательность событий, связанных с изменой И. Пашкова и поражением Болотникова, представлена так: «Пашков оставил свою партию и перешел и подчинился государю с 500 своих сторонников. От него государь узнал о положении в лагере мятежников... Враг находился в смятении от ухода одного из своих главных вождей и внутренних раздоров; государь выступил против них и в конце концов обратил их в бегство» [4].

Таким образом, английская записка не только относит измену И. Пашкова ко времени до окончательного поражения Болотникова, но и ставит в прямую связь с переходом И. Пашкова на сторону Шуйского решение последнего нанести решающий удар по Болотникову. Следует добавить при этом, что нет необходимости понимать выражение английского документа: «государь выступил» — обязательно в смысле личного участия Василия Шуйского в боях. Судя по контексту, здесь имеется в виду самый факт

[1] *Костомаров*, стр. 282; *Платонов*, Очерки, стр. 335.
[2] *Костомаров*, стр. 282; *Платонов*, Очерки, стр. 337.
[3] *И. Масса*, стр. 162, 163.
[4] См. прилож. IV, стр. 554.

Библиотека "Руниверс"

решения Шуйского дать бой Болотникову, а не непосредственное участие Шуйского в сражении [1].

Предлагаемое нами решение вопроса о времени и обстоятельствах измены И. Пашкова не может быть поколеблено тем, что Буссов относит измену И. Пашкова к 2 декабря 1606 г.

Версия Буссова имеет следующий вид:

«2 декабря Болотников (так как он по вылазкам врага заметил, что тот усилился) послал к Истоме Пашкову, приказав известить его об этом и вместе с тем убеждать в том, что он со своими силами также должен участвовать в сражениях и помогать бороться с врагом.

Когда же враг выступил из Москвы с 100 000 человек, Болотников действовал в убеждении, что ему обеспечена верная помощь со стороны Истомы Пашкова (который имел под своей командой 40 000 человек). Пашков выступил со своими силами так, будто имел серьезное намерение вступить в бой с врагом. Болотников отважился смело биться вместе с находящимися под его начальством 60 000 воинов, в уверенности, что Пашков ударит по врагу с другой стороны.

Но добрый, верный рыцарь был гнусно обманут, ибо его приверженец Истома Пашков не только не оказал ему помощи, но вместе с несколькими тысячами человек своего войска в разгар сражения перешел на сторону врага и тут же стал сражаться против Болотникова. От этого Болотников потерял столько людей, что он обратился в бегство и вынужден был оставить на разграбление врага лагерь вместе со всем, что в нем было. 10 000 казаков из его войска были окружены врагом и принуждены были сдаться (так как они не могли выйти из окружения)» [2].

Несмотря на столь конкретный и подробный рассказ, я все же считаю, что решающее значение для выяснения вопроса об измене Истомы Пашкова должно принадлежать таким источникам, как письмо А. Стадницкого и повесть «Иного Сказания». Что же касается Буссова, то его версия может быть объяснена тем, что у Буссова события, относящиеся к сражениям 26—27 ноября и 2 декабря, объединены вместе, в результате чего и измена И. Пашкова оказалась отнесенной на 2 декабря [3].

---

[1] То, что Василий Шуйский не принимал лично участия в сражении 2 декабря, следует и из текста царских грамот по случаю этого сражения, в которых указывается (от имени царя), что «послали на тех воров бояр своих и воевод» и что «бояре наши и воеводы тех воров всех побили» (СГГиД, т. II, № 150).

[2] *Bussow*, стр. 72.

[3] Отнесению измены И. Пашкова к моменту сражения 2 декабря противоречит и топография этого сражения. Источники (Исаак Масса, «Иное Сказание») указывают, что И. Пашков в момент измены находился в районе Красного села (т. е. в северо-восточном пригороде Москвы). Сражение же 2 декабря происходило в районе Котлов (т. е. к югу от Москвы). Напротив,

Библиотека "Руниверс"

Разрыв И. Пашкова с Болотниковым и переход его на сторону Шуйского означали новый удар по лагерю восставших, значительно более сильный, чем измена рязанцев. Современники даже переоценивали значение этого сообщения, видя в измене И. Пашкова главную причину поражения Болотникова под Москвой. Так, Исаак Масса прямо утверждает, что «Болотников нимало не сомневался, что отправленные им войска займут Москву, и *когда бы не помешала измена Пашкова*, то это могло случиться» [1]. Совершенно так же расценивается измена И. Пашкова и в «Истории Ложного Димитрия» (Будилы), где прямо говорится, что восставшие «вероятно овладели» бы Москвой, «потому что уже зажгли было Деревянный Город (drewniany zamek), если бы не изменил им дворянин Пашков (Paszko dworzanin), передавшийся Шуйскому с пятью стами человек, благодаря чему Шуйский легко поразил их» [2]. Наконец, Паэрле утверждает, что «если бы Пашков не оставил своих товарищей, жители столицы приняли бы его сторону» [3].

Во всех этих высказываниях есть несомненная доля преувеличения, и на исход борьбы Болотникова под Москвой решающее влияние оказали другие, более глубокие факторы. Но тем не менее измена И. Пашкова, несомненно, приблизила момент разгрома Болотникова под Москвой.

Английская записка характеризует положение в лагере Болотникова после измены И. Пашкова выразительными словами: «Враг находился в смятении от ухода одного из своих главных вождей и внутренних раздоров». К этому надо добавить, что и измена И. Пашкова и потери, понесенные Болотниковым в боях 26—27 ноября, несомненно ослабили его войско и в чисто военном отношении. Вынужденный отступить в Коломенское, Болотников засел там в своем остроге («...бегоша на Коломенское и в остроге своем седоша)» [4].

Английская записка верно определяет причины неудачи наступления Болотникова, отмечая, что осуществление плана «замкнуть блокаду» Москвы было предпринято «слишком поздно (to late)». К концу ноября положение Василия Шуйского резко отличалось от того, в каком он находился в момент прихода Болотникова к Москве, когда, после разъезда «ратных людей» из войска Шуйского «по своим домам», царь остался «не с великими людми» [5].

в условиях сражения 26—27 ноября переход И. Пашкова на сторону Шуйского из района Красного села вполне увязывается с местом, где происходило это сражение (ставившее себе целью замкнуть блокаду Москвы).

[1] *И. Масса*, стр. 164. Курсив мой. — *И. С.*

[2] РИБ, т. I, стб. 121.

[3] *Устрялов*, т. I, стр. 217.

[4] РИБ, т. XIII, стб. 109.

[5] ПСРЛ, т. XIV, стр. 71.

Библиотека "Руниверс"

Это новое соотношение сил ощутительно сказалось в боях 26—27 ноября. И оно еще более изменилось в пользу Шуйского в результате этих боев, создавших исключительно благоприятную обстановку для нанесения Шуйским решающего удара по Болотникову и ликвидации осады Москвы.

Этот удар и последовал 2 декабря 1606 г.

Наиболее крупным событием за неделю, отделявшую 2 декабря от сражения 27 ноября, был приход к Москве на помощь Шуйскому смоленских и ржевских полков.

Можно думать, что первые отряды смольнян пришли к Москве 28 ноября. Грамота патриарха Гермогена, указывая, что смоленским и ржевским полкам (собиравшимся в Можайске) было «велено» быть к Москве 29 ноября, отмечает, что «те все ратные люди, тех прежреченных всех городов Смоленския и Ржевския Украйны пришли к Москве, а иные идут» [1]. Наиболее вероятно датировать написание этой грамоты днем 28 ноября. В пользу такой датировки говорит то, что в грамоте Гермогена содержится описание сражения, бывшего 27 ноября; следовательно, она не могла быть написана раньше 28 ноября (ибо, по сообщению А. Стадницкого, сражение 27 ноября продолжалось до самого вечера). С другой стороны, в Ростове митрополитом Филаретом, которому была адресована грамота патриарха, она была получена 30 ноября [2]. Для доставки же грамоты из Москвы в Ростов требовалось не меньше двух дней [3].

Таким образом, сообщая о приходе смольнян, патриарх Гермоген, очевидно, имел в виду событие дня написания грамоты. В пользу такого определения дня прихода смольнян в Москву свидетельствует и то, что ни Гермоген, ни другие источники не говорят об участии смольнян в сражении 27 ноября. Правда, «Иное Сказание» упоминает, говоря о приходе двинских стрельцов, также и смольнян, но эти места о смольнянах производят впечатление вставки в основной текст, и дальнейший рассказ повести никак не связан с смольнянами [4]. Но (как это отмечено и в грамоте патриарха Гермогена) приход смольнян продолжался в те-

---

[1] ААЭ, т. II, № 58.

[2] Там же.

[3] Именно такую продолжительность пути от Москвы до Ростова можно вычислить на основании одного места из дневника С. Немоевского. В дневнике С. Немоевского, под 21 ноября 1606 г. по н. ст. (т. е. 11 ноября по русскому календарю), помещена копия (по-русски) грамоты Василия Шуйского А. Стадницкому, датированной 9 ноября. Содержание этой грамоты, предписывавшей А. Стадницкому ехать «не мешкаючи» в Москву, позволяет считать, что грамота была доставлена в Ростов с максимально возможной быстротой (*S. Niemojewski*, стр. 139, 140; русский перевод — стр. 136, 137). В русском переводе — ошибка в обозначении года: вместо «7115-го» года, как в оригинале, — «7015».

[4] См. РИБ, т. XIII, стб. 106 и 147.

Библиотека "Руниверс"

чение нескольких дней, вплоть до 1 декабря. Эту последнюю дату позволяет установить указание «Нового Летописца», что генеральное сражение с Болотниковым произошло «на завтрее же прихода смольнян» [1].

Приход ратных людей к Москве не ограничивался одними смольнянами. Разряды отмечают, что «пришли к Москве смольняне и иные городы» [2]. Эта формула — «иные городы» — в одной из разрядных записей приобретает более конкретный вид: «А как Смольняне пришли к Москве и из городов из Замосковных почали збиратца» [3].

Переход Шуйского от оборонительной тактики к решительному наступлению был осуществлен им под прямым и непосредственным воздействием боярства и верхов Московского посада. В английской записке мы находим очень интересную характеристику позиции этих кругов во время осады Москвы.

Отметив, что угроза захвата Москвы Болотниковым вызывала сильное «беспокойство» у «бояр и лучших горожан», автор записки сообщает, что «эти бояре и лучшие горожане» (nobles and better sorte of cittizens), «видя, в каком крайнем положении они находились, употребили все свое влияние и средства, чтобы поддержать и помочь государю, и убедили его, что не было другого средства освободить себя от этой опасности, как дать сражение, о чем и было принято решение» [4].

На решительные действия против Болотникова Шуйского толкал также и рост недовольства населения Москвы тяготами блокады и вызванным ею голодом. В. Диаментовский отмечает в своем дневнике, под 8 декабря (28 ноября), что «в Москве голод, тревога и великие раздоры»; такую обстановку в Москве он связывает с тем, что «некоторые дороги», ведущие в Москву, были «перехвачены» противником, а «провизия, которую везли к Москве, забрана, якобы для войска Димитрия» [5]. Еще более определенное свидетельство по этому поводу имеется в письме А. Стадницкого, сообщающего, что «так как народу (mirowi) стала не в моготу дороговизна припасов, то он бил челом великому князю, чтобы тот двинул артиллерию (armate) и померился с ними (т. е. с осаждавшими. — *И. С.*)» [6]. Трудно, конечно, сказать, что́ за слои названы у А. Стадницкого «миром», но самый факт такого рода выступления вряд ли может быть поставлен под сомнение, тем более, что «мирское челобитье» царю у А. Стадницкого точно датировано 28 (18) ноября.

---

[1] ПСРЛ, т. XIV, стр. 72.
[2] *Белокуров*, стр. 43.
[3] Там же, стр. 10.
[4] См. прилож. IV, стр. 554.
[5] *W. Dyamentowski*, стр. 85.
[6] *S. Niemojewski*, стр. 189 (русский перевод — стр. 178).

Библиотека "Руниверс"

Официальные документы — царские грамоты — датируют решающее сражение с Болотниковым днем 2 декабря 1606 г.[1] Ход и исход этого сражения рисуется следующим образом.

Войска Василия Шуйского, участвовавшие в сражении 2 декабря, состояли из двух группировок. Одну из этих групп составили «смольняне», т. е. те полки из «Смоленской и Ржевской Украины», которые пришли вместе с отрядом И. Ф. Крюка-Колычева[2]. К смольнянам был присоединен и князь И. И. Шуйский (вероятно, со своим полком), который и занял, как брат царя, место первого воеводы этого сводного полка[3]. Полк смольнян и И. И. Шуйского «сташа в Новодевичье монастыре»[4]. Во главе другого полка, в состав которого вошли войска, бывшие в Москве во время осады, находился князь М. В. Скопин-Шуйский[5]. Накануне боя М. В. Скопин-Шуйский оставил занимавшиеся им до того позиции у Серпуховских ворот Деревянного города и выдвинул свой полк вперед по направлению к Коломенскому, став в Даниловском монастыре[6]. План воевод Василия Шуйского состоял в том, чтобы, объединившись, ударить совместными силами по Коломенскому, куда после боя 27 ноября отступил Болотников. Насколько можно судить по рассказу «Нового Летописца», остановка М. В. Скопина-Шуйского у Данилова монастыря, повидимому, имела целью дать возможность смольнянам, только что пришедшим в Москву, привести себя в боевую готовность. «На завтрее же прихода смольян боярин князь Михайло Васильевич Шуйской с товарыщи поиде к Коломенскому на воров. Смольяне же приидоша же к нему в сход»[7].

Болотников, однако, не захотел быть в положении осажденного

---

[1] «...декабря в 2 день послали на тех воров бояр своих и воевод» (СГГиД, т. II, № 150; то же в грамоте № 151; ср. ААЭ, т. II, № 60). Из иностранцев 2 декабря 1606 г. как день поражения Болотникова называет Буссов. Дата 2 декабря как начало сражения косвенно подтверждается тем, что А. Стадницкий в своем письме, датированном 12 декабря по н. ст., т. е. 2 декабря по русскому календарю, ничего не говорит о поражении Болотникова.

[2] В разрядах состав полка смольнян определен так: «...пришли Смольяне и у них были воеводы: боярин князь Иван Васильевич Голицын да околничей Михайло Борисович Шеин, да околничей Иван Кокюк Федорович Колычов да Григорий Иванович Полтев» (*Белокуров*, стр. 90).

[3] *Белокуров*, стр. 43.

[4] ПСРЛ, т. XIV, стр. 72.

[5] Там же; *Белокуров*, стр. 10, 43. Вторым и третьим воеводами полка М. В. Скопина-Шуйского были князь А. В. Голицын и князь Б. П. Татев (*Белокуров*, стр. 43). Кроме того, у М. В. Скопина-Шуйского был «наряд» (артиллерия), которым командовал окольничий В. П. Морозов (*Белокуров*, стр. 90).

[6] ПСРЛ, т. XIV, стр. 72: «Поиде с ратными людьми и ста в монастыре Даниловском». Трудно сказать, в самом ли монастыре расположился Скопин-Шуйский, или около монастыря.

[7] ПСРЛ, т. XIV, стр. 72.

Библиотека "Руниверс"

и сам вышел навстречу воеводам, решив, таким образом, дать встречный бой. Этот маневр Болотникова можно установить на основании текста «Нового Летописца». В то время как воеводы Василия Шуйского двигались к Коломенскому, «воры же ис Коломенского изыдоша со многими полками против их, начаша битись» [1]. Имеется счастливая возможность проверить достоверность рассказа «Нового Летописца»! Такую возможность дает «Рукопись Филарета», сохранившая сведения о местности, где произошла битва между Болотниковым и воеводами Шуйского. Текст «Рукописи Филарета» гласит следующее: «Егда ж воеводы и начальницы Московского воинства по повелению цареву идоша против Северских людей на Котел... испущают брань вел[ику]ию и во ополчении своем мужески поборают: овех убивают [и] уязвляют, овех связанных во град отсылают. И тако побеждени быша Северския люди, воеводы же царевы с воинством возвращаются во град» [2].

Итак, местом сражения между царскими воеводами и Болотниковым явился «Котел», т. е. деревня Котлы [3]. «Рукопись Филарета» — не единственный источник, связывающий название этой деревни с осадой Москвы Болотниковым. О Котлах упоминает и Буссов, указывая, что именно здесь, «в Котлах, приблизительно в миле с четвертью от Москвы», стал лагерем И. Пашков, подойдя к Москве [4]. Правда, в данном случае, очевидно, Буссов спутал с Котлами Коломенское, но сама возможность такой путаницы свидетельствует о том, что деревня Котлы играла какую-то роль в ходе борьбы под Москвой. Сообщение Буссова, таким образом, подкрепляет известие «Рукописи Филарета» [5].

Обращаясь теперь к рассмотрению известия «Рукописи Филарета» по существу, мы должны признать, что топография деревни Котлы может служить убедительным доказательством достоверности как рассказа самой «Рукописи Филарета», так и версии «Нового Летописца», ибо деревня Котлы (современные Нижние Котлы) [6] расположена по Тульской дороге как раз на пути между Даниловским монастырем и селом Коломенским. Поэтому встречный бой между воеводами Шуйского и Болотниковым вероятнее всего должен был произойти именно где-нибудь в районе Котлов.

---

[1] ПСРЛ, т. XIV, стр. 72, 73.
[2] Сборник Муханова, изд. 2, 1866, стр. 273.
[3] Костомаров называет «урочище Котлы», стр. 283.
[4] *Bussow*, стр. 69.
[5] А. Стадницкий также упоминает о Котлах, говоря, что лагерь Болотникова был расположен «в Коломенском: так называют село и двор великого князя, недалеко от реки Котла (niedaleko od rzeki Kotla)» (*S. Niemojewski*, стр. 189; русский перевод — стр. 177).
[6] *П. Сытин*, Прошлое Москвы в названиях улиц, М. 1946, стр. 18 и 65.

Библиотека "Руниверс"

Битва в Котлах закончилась победой царских воевод. Хотя, говоря словами Карамзина, Болотников «сразился как лев» [1], он все же был разбит и вынужден был вновь отступить в Коломенское. На этот раз, однако, ему не удалось уйти от преследования. В отличие от сражения 27 ноября, воеводы Шуйского не возвратились в Москву, а, напротив, атаковали Болотникова в Коломенском. Штурм Коломенского царскими воеводами продолжался три дня. Острог, сооруженный Болотниковым в Коломенском, оказался настолько прочным, что воеводы Шуйского «по острогу их биша три дни, разбити же осторога их не могоша, зане же в земли учинен крепко, сами же от верхового бою огненого укрывахуся под землю, ядра же огненые удушаху кожами сырыми яловичьими». Взять острог удалось лишь после того, как воеводы «добр язык (т. е. «языка», пленного. — *И. С.*) у них взяша, и вся их коварства и защищения до конца узнаша». Раскрыв таким образом характер укреплений и способ защиты острога Болотникова от «огненных ядер», воеводы Шуйского начали обстреливать острог особыми зажигательными ядрами: «учиниша огнены ядра с некою мудростью против их коварств». Эти новые «огненные ядра» не поддавались гашению («погашать их не возмогоша»), и в конце концов «острог их огнеными ядрами зажгоша», что вынудило Болотникова к отступлению: «помощи себе ничем не возмогоша и, острог свой оставивше, побегоша» [2].

Наряду с селом Коломенским другим местом, где укрылась часть разбитой 2 декабря армии Болотникова, явилась деревня Заборье.

Вопрос о Заборье в источниках очень запутан. Русские источники — разряды, «Карамзинский Хронограф» — называют Заборье (вместе с Коломенским) одним из пунктов, где «стали» пришедшие к Москве отряды Болотникова [3], но не сообщают больше никаких подробностей, не указывая и местоположение Заборья. Исаак Масса, напротив, подробно рассказывает об устройстве лагеря в Заборье, которое он называет Sagoria; у Массы же имеются данные и о местоположении Заборья («. . .отряд скоро подошел к Москве на расстояние одной мили от

---

[1] *Карамзин*, т. XII, стр. 25.

[2] РИБ, т. XIII, стб. 110. В повести «Иного Сказания», сохранившей наиболее подробный рассказ о сражении в Коломенском, описание осады Коломенского следует непосредственно за рассказом о сражении 27 ноября, о сражении же в Котлах вовсе не упоминается. Это обстоятельство, как отмечено выше, явилось причиной ошибочного отнесения С. Ф. Платоновым к сражению 2 декабря и описания сражения 27 ноября. Если, однако, учесть эту особенность изложения повести, то мы получаем возможность правильного использования того материала, который содержится в повести, дополняя и корректируя повесть при помощи других источников.

[3] *Белокуров*, стр. 10; *А. Попов*, Изборник, стр. 332.

Библиотека "Руниверс"

нее, стал у речки Даниловки и занял селение Загорье») [1]. Однако Масса, повидимому, относит к Заборью данные, относящиеся к Коломенскому, которое он вовсе не упоминает в своих записках.

По ходу военных действий Заборье выступает в источниках в связи с сражением 2 декабря. «Новый Летописец», указав, что разбитый воеводами Шуйского «Ивашко Болотников не с великими людми ушел и сяде во граде в Колуге», продолжает: «а иные седоша в деревне в Заборье. Бояре же со всеми ратными людми приступаху к Заборью. Они же воры, видя свое изнеможение, здалися все. Царь же Василей повеле их взяти к Москве и поставить по дворам, повеле им давати кормы и не веле их ничем тронути, тех же воров, кои поиманы на бою, повеле их посадити в воду» [2]. Этот рассказ можно понять так, что Заборье сделалось местом сражения уже в процессе преследования бежавшего из Коломенского Болотникова. Именно так истолковывает текст «Нового Летописца» Костомаров [3]: «Болотников с своим полчищем выскочил из острога и пустился бежать по Серпуховской дороге. Ратные люди погнались за ним, поражали бегущих и хватали пленных, кидавших оружие. Казаки заперлись в деревне Заборье и сделали, по своему обычаю, укрепление из тройного ряда саней, тесно связанных и облитых водой. Скопин-Шуйский нашел, что нельзя далее преследовать Болотникова и оставить позади себя неприятеля в укреплении, из которого он мог сделать на него вылазку сзади. Он осадил заборский табор. Казацкий атаман Димитрий Беззубцев предложил сдаться, если казаков не станут убивать и примут в службу. Скопин дал слово. Беззубцев вышел и положил оружие. Скопин привел его в Москву с казаками» [4].

Однако вряд ли правильно рассматривать Заборье как пункт, ставший местом военных действий лишь в самый последний момент и на короткое время — при бегстве войска Болотникова от Москвы в Калугу. Как уже отмечалось, в разрядах Заборье называется одним из мест расположения войск Болотникова с момента начала осады Москвы. Привлечение материала разрядов позволяет дать несколько иную картину и заключительного этапа сражения у Заборья.

Записи разрядов о сражении у Заборья сохранились в двух редакциях. Более краткая редакция отмечает лишь в общей форме, что «вор Ивашко Болотников... в Заборье был осажен и и[з] Заборья побежал на Тулу» [5]. Другая редакция несколько подробнее и в отличие от краткой редакции расчленяет ход событий и во времени и территориально. В этой редакции о взятии Заборья

[1] *И. Масса*, стр. 162.
[2] ПСРЛ, т. XIV, стр. 73.
[3] Платонов вообще не рассматривает этого вопроса.
[4] *Костомаров*, стр. 283.
[5] *Белокуров*, стр. 226, 229.

Библиотека "Руниверс"

воеводами Шуйского говорится, как об одном из итогов сражения 2 декабря: воеводы «воров многих побили, а которые стояли в Заборье, тех всех взяли, и вор Ивашко Болотников и Юшка Беззубцов с воры з досталными побежал в Колугу» [1]. С разрядными записями следует сопоставить данные «Карамзинского Хронографа», где ход событий, связанных с Заборьем, изображается очень сходно с разрядами: «. . .бояре и воеводы воровских людей розогнали и побили, ис-под Москвы воры побежали. А казаки в осаде в Заборье сидели, и те государю добили челом и здалися и крест целовали что ему государю служить» [2].

Таков тот дополнительный фонд известий, сохраненных в источниках о сражении у Заборья, который следует использовать при анализе рассказа «Нового Летописца». Главное, что можно установить на основании разрядных записей и «Карамзинского Хронографа», это то, что Заборье как опорный пункт войска Болотникова существовало одновременно и параллельно с Коломенским. «Карамзинский Хронограф» позволяет несколько конкретизировать эту характеристику Заборья: там, очевидно, стоял один из казачьих отрядов, входивших в состав войска Болотникова. В одной из разрядных книг сохранилась недатированная запись о том, как «розбирали и переписывали Заборских казаков дворяня Богдан Сабуров» и другие [3]. Можно думать, что здесь речь идет именно о казаках, взятых в плен в Заборье [4]. Есть и еще одно важное известие, относящееся к заборским казакам. Буссов рассказывает о неудачной попытке Василия Шуйского в октябре 1607 г., после взятия Тулы, использовать для осады оставшейся еще в руках восставших Калуги «казаков, взятых в плен в сражении с Болотниковым под Москвой 2 декабря прошлого 1606 г.» По словам Буссова, Шуйскому удалось образовать из числа этих казаков (освобожденных из тюрем на условиях принесения присяги Шуйскому) четырехтысячный отряд, который, однако, оказавшись под Калугой, снова перешел на сторону врагов царя [5].

Итак, Заборье было местом сосредоточения довольно крупных сил восставших. Записи разрядов позволяют сделать и другой вывод. Очевидно, казаки, «сидевшие» в Заборье, были осаждены одновременно с осадой Болотникова в Коломенском. Однако итог борьбы в Заборье был иным по сравнению с Коломенским. Бо-

[1] *Белокуров*, стр. 10.

[2] *А. Попов*, Изборник, стр. 332. (Текст исправлен по рукописи. — *И. С.*).

[3] *Белокуров*, стр. 117.

[4] Повидимому, о заборских же казаках говорит и Исаак Масса. Сообщая о переходе на сторону Болотникова князя Б. Татева, он одновременно говорит об измене «Soborse Cosacken» (Rerum Ross. Script. Ext., т. II, 1868, стр. 117). Этих «Soborse Cosacken» переводчики ошибочно приняли за «запорожских казаков» (см. «Сказания Массы и Геркмана», стр. 245; также новое издание Исаака Массы, стр. 170).

[5] *Bussow*, стр. 81.

Библиотека "Руниверс"

лотникову удалось вырваться из Коломенского и тем самым спасти себя и оставшуюся часть войска от гибели. Напротив, осада воеводами Шуйского Заборья увенчалась успехом. Рассказ «Нового Летописца» показывает, каким образом царским воеводам удалось сломить упорство осажденных в Заборье казаков и вынудить их к сдаче. Воеводы Шуйского достигли этого тем, что после окончания боя в Коломенском бросили против Заборья все свои силы: «со всеми ратными людми приступаху к Заборью». Подавляющее превосходство сил осаждавших и безвыходность положения осажденных и привели к сдаче «Заборских казаков».

С осадой Заборья тесно связан вопрос о судьбе атамана Беззубцева. В грамотах Василия Шуйского по случаю победы над Болотниковым содержится цитированное уже нами место о том, что «Истомку Пашкова да Митку Беззубцова и многих атаманов казаков живых поимали и к нам привели» [1]. Основываясь на этом тексте, Костомаров, как мы видели, отнес «взятие в плен» Беззубцева к осаде Заборья, изобразив «атамана Дмитрия Беззубцова» инициатором сдачи заборских казаков в плен. Костомарову в этом вопросе следует и Платонов. Он, так же как и Костомаров, называет Беззубцева «Митькой» и в соответствии с грамотой Шуйского говорит о том, что Беззубцев «сдался царю Василью вместе с Истомою Пашковым, вместе с ним получил амнистию и был принят на государеву службу» [2]. Однако Платонов (в примечаниях к своей книге) вынужден был отметить, что «дальнейшая история Беззубцева неясна: по видимости, он изменил Шуйскому очень скоро» [3]. При этом Платонов ссылается на сообщения Исаака Массы и Буссова, из которых видно, что Беззубцев находился с Болотниковым в Калуге во время ее осады войсками Шуйского [4].

И Костомаров и Платонов, однако, были введены в заблуждение грамотой Шуйского. Нет возможности ответить на вопрос, что за лицо был тот «Митька Беззубцев», о котором говорится в царской грамоте. Но можно совершенно уверенно говорить, что «Митьку Беззубцева» царской грамоты нельзя отождествлять с тем Беззубцевым, о котором говорят Буссов и Исаак Масса и который, как мы видели выше, являлся одним из главных руководителей в войске Болотникова [5].

Ни Костомаровым, ни Платоновым не были использованы материалы о Беззубцеве, содержащиеся в разрядах. Между тем эти

---

[1] СГГиД, т. II, № 150.
[2] *Платонов*, Очерки, стр. 357.
[3] Там же, стр. 609.
[4] *И. Масса*, стр. 170; *Bussow*, стр. 80.
[5] Не исключено, что здесь имела место сознательная фальсификация событий; при этом, заявив, что Беззубцев взят в плен (чего в действительности не было), правительство Шуйского перепутало его имя.

Библиотека "Руниверс"

материалы позволяют решить вопрос о Беззубцеве вполне точно и не впадая в противоречия с данными других источников. Разряды, как мы видели, дают нам прежде всего настоящее имя Беззубцева — Юрий (Юшка), а не Димитрий (Митька). Это имя Беззубцева подтверждается и актовым материалом (приведенным нами выше) и сообщением Буссова, называющего Беззубцева «Georg Besupzow» [1].

Из разрядов же мы узнаем и истинную судьбу Беззубцева. Он не был, очевидно, в Заборье и во всяком случае не сдался в плен и не изменил Болотникову, а остался ему верен до конца и вместе с ним бежал в Калугу [2]. Эти данные разрядов находятся в полном соответствии с сообщениями Исаака Массы и Буссова, первый из которых говорит о том, что, разбив под Калугой осаждавшие город войска Шуйского, Болотников «оставил в Калуге двух начальников, которые охраняли ее, — Долгорукова и Беззубцева (Bessoebthof)» [3], а второй — Буссов — указывает, что Беззубцев был среди осажденных Шуйским «в Туле, а до этого — в Калуге» [4].

Взятие Заборья было последним этапом сражения, начавшегося 2 декабря 1606 г. 5 декабря правительство Шуйского уже рассылало по городам грамоты, извещавшие о победе над Болотниковым [5].

Сражение 2 декабря было наиболее крупной и по масштабам и по значению операцией в ходе военных действий под Москвой. В нем участвовали все силы, имевшиеся у каждой из боровшихся сторон. Сказание, найденное М. Н. Тихомировым, сообщая о потерях Болотникова в сражении 2 декабря 1606 г., называет 21.000 человек пленных, «побиенных же множае, яко 1000» [6]. Буссов определяет размеры войска Шуйского в сражении 2 декабря в 100 тысяч человек. Он же исчисляет потери Болотникова в этом сражении одними пленными в 10 тысяч человек, не считая убитых [7]. По польским данным, количество убитых в войске Болотникова превышало 20 тысяч человек [8]. Наконец, «Карамзинский Хронограф» указывает, что в войске Болотникова, отступившем к Калуге после поражения под Москвой, оставалось «всяких лю-

[1] *Bussow*, стр. 80.

[2] «...Ивашко Болотников и Юшко Беззубцов с воры з досталными побежал в Калугу» (*Белокуров*, стр. 10). «Болотников да Гришка Беззубцов побежали в Калугу и в Серпухов» (там же, стр. 43).

[3] *И. Масса*, стр. 170.

[4] *Bussow*, стр. 80.

[5] СГГиД, т. II, № 150. Грамота от 5 декабря 1606 г. в Верхотурье.

Дата рассылки грамот Василия Шуйского о победе над Болотниковым — 5 декабря — может служить подтверждением рассказа повести «Иного Сказания» о трехдневной осаде Коломенского.

[6] *М. Н. Тихомиров*, Сказание.

[7] *Bussow*, стр. 72.

[8] Сб. РИО, т. 137, стр. 360.

Библиотека "Руниверс"

дей огненаго бою болши десяти тысячь», отмечая при этом, что в другой части отступившего от Москвы войска, засевшей в Туле, были также «многие же люди с вогненым боем» [1].

Приведенные цифры, несмотря на всю их условность и возможные преувеличения (например, у Буссова), дают все же представление о размерах войск, участвовавших в сражении 2 декабря.

Участие в сражении 2 декабря артиллерии еще больше подчеркивает исключительные масштабы этого боя.

«Карамзинский Хронограф», характеризуя итоги сражения в Коломенском и Заборье, говорит о «разгроме» войска Болотникова [2]. В этих словах «Карамзинского Хронографа» содержится верная оценка результатов сражения 2 декабря 1606 г. Войско Болотникова действительно было наголову разбито воеводами Шуйского, и единственное, что ему удалось, — это спасти остатки своих сил поспешным отступлением (бегством?) от Москвы к Калуге и Туле.

Сражение 2 декабря коренным образом изменило общую стратегическую обстановку в стране. Разгром Болотникова означал снятие осады Москвы, передавал инициативу в руки воевод Шуйского и превращал Болотникова из осаждавшего в осажденного.

Василий Шуйский использовал свою победу прежде всего для расправы с побежденными. Массовые избиения начались еще на поле сражения, когда, по словам «Иного Сказания», даже тех, кто пытался спастись «по храмом и по дворем укрывахуся», воеводы Шуйского «аки свиней, закалающе» [3]. Та же участь постигла и пленных. «Новый Летописец» лаконично указывает, что «воров, кои поиманы на бою», царь повелел «посадити в воду» [4]. Это «сажание в воду» было главным видом казни захваченных в плен участников восстания. По словам Исаака Массы, пленные «недолго пробыли в заточении, но каждую ночь в Москве их водили сотнями, как агнцев на заклание, ставили в ряд и убивали дубиною по голове, словно быков, и (тела) спускали под лед в реку Яузу, творя так каждую ночь» [5]. Массовые казни не ограничивались одной Москвой. По свидетельству Псковской летописи, Василий Шуйский разослал большое количество «людей пленных из Северских городов» по разным городам, в том числе и в Новгород и Псков, причем в Пскове пленные, в количестве 400 человек, были заключены «в тюрьмы»; судьба же присланных в Новгород оказалась еще более трагической: «тех в Новегороде в Волхов потопили, бьючи палицами» [6].

---

[1] *А. Попов*, Изборник, стр. 332.
[2] Там же.
[3] РИБ, т. XIII, стб. 110.
[4] ПСРЛ, т. XIV, стр. 73.
[5] *И. Масса*, стр. 163.
[6] ПСРЛ, т. IV, стр. 323.

Библиотека "Руниверс"

Все эти казни имели своей целью не только физическое истребление попавших в руки Василия Шуйского участников восстания. В не меньшей степени они преследовали цель воздействовать устрашающим образом на неустойчивые элементы как в лагере Болотникова, так и среди социальных низов Москвы и других городов, с тем чтобы заставить их отойти от борьбы и стать на путь принесения покорности царю.

Но один террор сам по себе не мог разрешить задачи ликвидации восстания, какие бы размеры и формы он ни принял. Подавления восстания можно было добиться лишь путем уничтожения основного ядра восстания — армии Болотникова. Поражение Болотникова под Москвой создавало исключительно благоприятную обстановку для осуществления этого и, казалось, давало Шуйскому возможность покончить с Болотниковым одним ударом. Правительство Шуйского и попыталось добиться этого посылкой новой армии против Болотникова.

Однако события развернулись совсем не так, как предполагал Шуйский.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

КАЛУЖСКИЙ ПЕРИОД ВОССТАНИЯ

Положение в стране после прекращения осады Москвы. Планы Василия Шуйского по окончательному подавлению восстания. Поход Д. Шуйского к Калуге. Победа Болотникова над Д. Шуйским под Калугой и Серпуховом. Осада Калуги воеводами Василия Шуйского. Борьба в городах к югу от Москвы. Распространение восстания на район Приволжья. Восстание Болотникова и народы Приволжья. Сложный характер движения в Приволжье. Поход воевод Василия Шуйского в Приволжье и подавление восстания. Движение «царевича» Петра. Личность «царевича» Петра. Волжский поход «царевича» Петра. Уход казаков с Волги на Дон. Установление связи движения «царевича» Петра с восстанием Болотникова и переход «царевича» Петра в Путивль. Ход военных действий под Калугой. Сражение под Веневом. Битва на реке Вырке. Сражение под Серебряными Прудами. Поход под Тулу князя И. М. Воротынского. Победа «царевича» Петра над князем Воротынским. Поражение воевод Василия Шуйского под Дедиловом. Поход князя А. А. Телятевского из Тулы к Калуге на помощь Болотникову и битва на Пчельне. Победа Болотникова над воеводами Василия Шуйского под Калугой.

*

грамотах Василия Шуйского, рассылавшихся по городам после сражения 2 декабря, победа над Болотниковым под Москвой изображалась как окончательное поражение восстания. Согласно этой официальной версии, победа под Москвой имела троякого рода последствия. Во-первых, ликвидацию остатков войска Болотникова: «которые не многие воры с того бою утекли, и те побежали разными дорогами, и тех в городех переимали». Во-вторых, обращение «на истинный путь» и принесение покорности царю со стороны изменивших ему ранее городов: «дворяне и дети боярские резанцы, коширяне, туляне, коломничи, алексинцы, калужане, козличи, мещане, лихвинцы, белевцы, болховичи, боровичи, медынцы и всех городов всякие люди нам добили челом и к нам все приехали». Наконец, третьим последствием сражения 2 декабря,

Библиотека "Руниверс"

по официальной версии, была ликвидация и всех местных очагов восстания: «а в городех у себя многих воров побили и живых к нам привели и город[а] очистили» [1]. На этом основании в царской грамоте в Пермь даже заявлялось о том, что «мы (царь. — *И. С.*) ныне Пермскую землю пожаловали, ратных людей с них имати не велели, *потому что воров всех побили, а иных живых поимали*» [2].

Действительность, однако, очень мало походила на то, чего так хотелось правительству Шуйского. Армия Болотникова существовала и представляла собой достаточно серьезную величину. Список перешедших на сторону Шуйского городов был во много раз короче приведенного в царской грамоте, и Тула с Калугой не только не «добили челом», но сделались главными базами восстания. Что же касается района, охваченного восстанием, то он не уменьшился, но, напротив, включил в себя еще новые центры, в частности города Приволжья.

Наконец, несколько иным было содержание и того акта, который изображался в грамоте в Пермь как торжественное пожалование Пермской земли освобождением ее от ратной повинности. В действительности это «пожалование» было лишь благовидной формой признания того факта, что пермичи — «даточные» люди — самовольно отказались итти на службу к Шуйскому и вернулись к себе домой (см. выше, эпизод с П. Благово).

Таким образом, обстановка и после поражения Болотникова под Москвой оставалась достаточно грозной.

Впрочем, правительство Шуйского и само это понимало достаточно хорошо. Грамоты о победе и откровенно лживые утверждения о покорности городов имели чисто агитационное значение и предназначались для воздействия на население тех городов, которые оставались на стороне Шуйского, но где вместе с тем (как в той же Пермской земле) было далеко не спокойно.

Но одновременно с рассылкой грамот и торжественными молебнами по случаю победы правительство Шуйского сразу же после снятия блокады Москвы начинает новую военную кампанию, имевшую целью окончательное подавление восстания Болотникова. В этой кампании первым и по времени, и по важности мероприятием была посылка войска под Калугу, куда отступил от Москвы Болотников.

«Калужский» период борьбы между Болотниковым и Шуйским распадается на ряд этапов [3].

---

[1] СГГиД, т. II, № 150, 151.

[2] Там же, № 151.

[3] Буссов сообщает точные даты для времени осады Болотникова воеводами Шуйского в Калуге. Однако значение этого свидетельства весьма уменьшается тем, что сами эти даты в различных редакциях записок Буссова различны. Так, в издании Археографической комиссии продолжитель-

Библиотека "Руниверс"

Первым актом в этой борьбе, повидимому, было преследование отступавшего от Москвы войска Болотникова войсками под начальством князя Д. И. Шуйского. В русских источниках этот поход Д. И. Шуйского не отражен вовсе. Больше того, Д. И. Шуйский после роковой для него битвы у села Троицкого вообще не упоминается ни в разрядах, ни в «Новом Летописце». Впервые он появляется опять в разрядах лишь в связи с походом Василия Шуйского под Тулу летом 1607 г., в числе бояр, остававшихся «на Москве» во время похода царя [1]. Столь упорное молчание официальных источников о таком лице, как брат царя, не может не казаться подозрительным, нарочитым. И действительно, обращение к иностранным источникам объясняет причину необычной сдержанности русских источников в отношении Д. И. Шуйского [2].

Известие о походе Д. И. Шуйского под Калугу находится в дневнике В. Диаментовского, причем этот поход изображается как исключительно неудачный для царских войск.

В. Диаментовский касается похода Д. И. Шуйского к Калуге дважды. Первая запись об этом походе находится под 2 января 1607 г. (н. ст.). Запись имеет следующий вид: «Подтвердилось первое известие (nowiny), что войско, бывшее под Москвой, из-за измены нескольких тысяч человек из него... частью разгромлено, частью рассеяно; часть из них, захватив, утопили. Остаток отступил к Калуге; за ними пустился Дмитрий Шуйский с десятками тысяч войска (kilkunastu tysęcy) и осадил их там. Об этом ниже» [3]. Таким образом, сведения о походе Д. И. Шуйского к Калуге В. Диаментовский получил из какого-то надежного источника вместе с подтверждением и подробностями разгрома Болотникова под Москвой. Последняя фраза в цитированной записи дневника В. Диаментовского представляет собой приписку — ссылку на вторую запись о Д. И. Шуйском. Эта вторая запись (от 13 января н. ст.) гораздо более подробна и содержит в себе описание всего похода Д. И. Шуйского в целом.

В изображении В. Диаментовского события, связанные с походом Д. И. Шуйского, развертывались так: «Дмитрий Шуйский пустился с людьми за тем войском, которое было отогнано от

ность осады Калуги определяется периодом с 20 декабря 1606 г. по 30 мая 1607 г. (*Bussow*, стр. 73). В издании же Устрялова осада Калуги датируется временем с 30 декабря 1606 г. по 3 мая 1607 г. (*Устрялов*, т. I, стр. 84).

[1] *Белокуров*, стр. 88, 145.

[2] Из грамоты Василия Шуйского пермскому воеводе князю Вяземскому от 27 февраля 1607 г. видно, что князь Д. И. Шуйский в это время находился во главе Приказа Казанского и Мещерского дворца, т. е. не имел уже непосредственного отношения к военным делам (АИ, т. II, № 76). Это новое назначение Д. И. Шуйского может быть поставлено в связь с его поражением под Калугой (см. ниже).

[3] *W. Dyamentowski*, стр. 86, 87.

Библиотека "Руниверс"

Москвы, и осадил его в Калуге. Осажденные взяли себе три дня на размышление: сдаваться или нет, а тем временем дали знать в другие города. Тотчас прибыли на помощь, неожиданно (bież wieści) ударили с тыла, а осажденные, выйдя из Калуги, ударили с фронта и разгромили войско Шуйского, преследуя его на протяжении нескольких миль. Сам Шуйский с небольшим количеством войска едва спасся. По рассказам многих, там легло до 14 000 людей Шуйского. Это вызвало великое смятение и тревогу в Москве, возросшую еще больше после того, как их снова разгромили и побили под Серпуховом» [1].

Итак, Дмитрий Шуйский не только не справился с задачей добить Болотникова в Калуге, но, напротив, сам был наголову разбит Болотниковым и позорно бежал от Калуги. Под Серпуховом он был вновь разбит, что, как и следовало ожидать, вызвало смятение и тревогу в Москве.

Таково содержание свидетельства В. Диаментовского. Как видно из изложенного, оно имеет исключительную важность, так как раскрывает новую страницу в борьбе Болотникова против Василия Шуйского. Однако встает естественный вопрос: насколько достоверно это свидетельство? Для ответа на поставленный вопрос следует рассмотреть весь фонд известий о начальном периоде борьбы под Калугой, сохраненный источниками.

Первое, что надлежит выяснить, это — известно ли нам из источников что-либо о непосредственном преследовании войсками Шуйского Болотникова после его поражения в битве 2 декабря.

Ни «Новый Летописец», ни разряды не дают сколько-нибудь определенного материала по этому вопросу. В «Новом Летописце» вопрос о Калуге рассматривается уже в следующей главе («О посылке бояр и воевод под городы на воровских людей»). В главе же, посвященной сражению 2 декабря, о преследовании Болотникова вовсе не говорится. Скорее даже можно заключить, что преследования не было совсем, исходя из фразы о том, что после бегства Болотникова в Калугу воеводы Василия Шуйского «со *всеми* ратными людми приступаху к Заборью».

Что касается разрядов, то редакция записей о посылке воевод в Калугу такова, что не позволяет решить, сразу ли после поражения Болотникова были посланы воеводы, или спустя известный промежуток времени [2].

---

[1] *W. Dyamentowski*, стр. 88.

[2] «Царь Василей послал за ворами под Калугу бояр и воевод». — «А как Болотникова под Москвою побили, тогда государь послал под Калугу бояр своих и воевод». — «И как воров побили, и воры побежали по городом в Серпухов да в Калугу, и государь послал бояр своих и воевод под Калугу». — «Указал царь Василей Иванович быть на три полки под Колугою зимою» (*Белокуров*, стр. 10, 156, 179, 246; ср. 43, 44, 90, 143, 147, 213).

Библиотека "Руниверс"

Однако одно свидетельство русских источников, говорящее о преследовании Болотникова при его отступлении от Москвы, все же имеется. Это свидетельство находится в «Рукописи Филарета». Выше мы имели уже случай убедиться в осведомленности автора этого произведения о событиях, связанных с восстанием Болотникова: «Рукопись Филарета» единственная сохранила данные о месте сражения 2 декабря 1606 г. — Котлах. Это заставляет с большим вниманием отнестись и к тому, что́ «Рукопись Филарета» сообщает о преследовании Болотникова царскими воеводами. Особенно интересно при этом то, что данное известие, во-первых, является дополнением к основе текста «Рукописи Филарета» — «Повести» Катырева-Ростовского, а во-вторых, оно зачеркнуто лицом, редактировавшим текст «Рукописи Филарета».

В «Повести» Катырева-Ростовского описание боя между Болотниковым и воеводами Шуйского заканчивается сообщением о победоносном возвращении воевод в Москву: «Воеводы же царевы с воинством возвратишася во град радостны зело, яко победницы суть; а Северские же людие доидоша до града Колуги и ту утвердишася с тамо жительствующими народы». Лишь после этого «Повесть» сообщает о том, что царь Василий «собра воинство и повеле итти под Колугу» [1].

В «Рукописи Филарета» этот текст подвергся существенным изменениям, приобретя следующий вид: «Воеводы ж царевы с воинством возвращаются во град радостны зело, яко побе[дницы суть, а Сиверские ж людие и Смольняня гнаша по них] и множество их побиша, а иных поимаша, [и] ины[х] мразом и студению по лесом изомроша: воздоде бо им бог несть, понеж нелепая государю своему начаша содевати. Останцы ж людие доидоша до града Колуги, и ту утверждаютца с таможительствующими народы. Царь де Василей собра воинство и повеле им итти под Колугу» [2]. Такой текст, однако, не удовлетворил редакторов «Рукописи Филарета», подвергнувших его своей редакции. Эта редакция, помимо чисто стилистических исправлений (вместо «и иных» «а иные») и исправления орфографических ошибок («месть» вместо «несть»), выразилась в удалении того места, где говорилось о погоне за Болотниковым. Редактор рукописи зачеркнул ту часть фразы, которая заключена у нас в квадратные скобки, и заменил ее новой редакцией: *«победиша суть безумное воинство»*. Такое изменение текста никак нельзя объяснить соображениями стиля. Напротив, изъятие места о погоне за Болотниковым привело к тому, что в «исправленном» тексте получились повторения: то место, где говорилось о потерях «Северских людей» во время их преследования воеводами, приобрело характер

[1] РИБ, т. XIII, стб. 585.
[2] Сборник Муханова, стр. 273.

Библиотека "Руниверс"

повторного перечисления потерь Болотникова в ходе сражения в Котлах, о чем уже было сказано выше («овех убивают, и уязвляют, овех связанных во град отсылают»). Очевидно, таким образом, что изъятие интересующего нас места было произведено вполне сознательно, обнаруживая у редактора «Рукописи Филарета» тенденцию скрыть факт преследования воеводами Шуйского отступавшего Болотникова.

Рассмотрение истории текста известия «Рукописи Филарета» позволяет сделать вывод, что своей переработкой текста «Повести» Катырева-Ростовского и внесением в первоначальный текст известия о преследовании Болотникова составитель «Рукописи Филарета» вышел за рамки официальной версии о событиях, затронув, очевидно, то, о чем не следовало говорить. С другой стороны, обращаясь к содержанию этого дополнения (как к той его части, которая была вычеркнута редактором, так и вошедшей в окончательную редакцию «Рукописи Филарета»), нельзя не признать, что данное дополнение сообщает весьма важные сведения. Мы узнаем из него не только о самом факте преследования Болотникова, но и о том, какая часть войска Шуйского участвовала в этом преследовании. Следует отметить, однако, что, будучи весьма интересным и важным по своему содержанию, рассматриваемый текст в литературном отношении производит впечатление неотделанного чернового текста. Этим черновым характером «Рукописи Филарета» объясняются и отдельные дефекты текста. В частности, и в том месте, где говорится о преследовании смольнянами бежавших «Северских людей», имеется явный пропуск слова «побегоша» (или подобного ему): вместо «Сиверские ж людие и смольняня гнаша по них» следовало бы: «Сиверские люди *побегоша* и смольняня гнаша по них». Дефектность данного текста явилась причиной того, что первый исследователь «Рукописи Филарета», А. Кондратьев, не заметив отмеченного нами пропуска, понял это место как утверждение автора «Рукописи Филарета» о ...преследовании северянами и смольнянами воевод Шуйского («автор далее сбивается и примешивает смольнян уже к недругам Василия Шуйского, вместе с жителями Северской области»), что дало основание А. Кондратьеву обвинить автора «Рукописи Филарета» в том, что как только он «отступает от хронографа Кубасова (так А. Кондратьев называет «Повесть» Катырева-Ростовского. — *И. С.*), так почти всегда спутывается и противоречит тому, что говорил раньше, придерживаясь хронографа» [1].

В данном случае, однако, в путанице оказался повинен не «составитель рукописи», а сам А. Кондратьев. Напротив, известие

[1] *А. Кондратьев*, О так называемой Рукописи Филарета, ЖМНП, 1878, № 9, стр. 33.

Библиотека "Руниверс"

«Рукописи Филарета» сообщает нам то, что тщательно скрывают официальные источники: разряды и «Новый Летописец».

Свидетельство «Рукописи Филарета» позволяет сделать вывод о том, что после поражения Болотникова в Котлах и Коломенском часть войска Шуйского возвратилась в Москву, а другая часть — «Смольняне» — была направлена преследовать Болотникова. Если вспомнить, что войско Шуйского, участвовавшее в сражении 2 декабря, состояло из двух «полков», одним из которых командовал М. В. Скопин-Шуйский, а другим (ядро которого составляли смольняне) — И. И. Шуйский, то, очевидно, известие «Рукописи Филарета» следует понимать так: полк М. В. Скопина-Шуйского вернулся в Москву, полк же И. И. Шуйского (весь или часть его) был брошен в погоню за Болотниковым. Сопоставляя эти данные с записями В. Диаментовского, естественно поставить вопрос: не был ли именно Д. И. Шуйский во главе «Смольнян», точнее, во главе того войска, о котором сообщает «Рукопись Филарета», говоря о преследовании Болотникова?

Ответ на этот вопрос дает третий источник, сообщающий о преследовании Болотникова воеводами Шуйского. Этим источником является заявление, сделанное по поручению Льва Сапеги князю Волконскому. В этом заявлении последний этап борьбы под Москвой рисуется следующим образом: «Государь ваш посылал на них («Северян» и «Донских казаков», как называется в польском заявлении войско Болотникова. — *И. С.*) с Москвы многую рать з братьеми своими со князем Дмитреем и со князем Иваном Ивановичи, и со князем Михаилом Васильевичем, и бояр и воевод. И тех Северян многих побили, больши 20 000, а иные побежали к Колуге, и за ними де пошли государевы братья и в Колуге... их осадили. А к Дорогобужу де и к Вязьме и к Можайску ходили Смольняне, и те городы опять к государю отворотили» [1].

Сообщение Л. Сапеги, таким образом, полностью совпадает и с записями В. Диаментовского и с известием «Рукописи Филарета». В то же время оно является гораздо более полным и точным. На основании этого заявления можно, уже не в порядке предположения, а гораздо более уверенно, говорить о том, что события, связанные с последним сражением под Москвой, имели две фазы: 1) само сражение, в котором со стороны Василия Шуйского участвовало все войско во главе с Д. И. и И. И. Шуйскими и М. В. Скопиным-Шуйским, и 2) преследование войска Болотникова, «побежавшего» к Калуге; в этой операции участвовали уже только «государевы братья», т. е. Д. И. и И. И. Шуйские: М. В. Скопин-Шуйский же участия не принимал. Наконец, сообщение Л. Сапеги называет также и «Смольнян», связывая с их

[1] Сб. РИО, т. 137, стр. 360.

Библиотека "Руниверс"

действиями «поворачивание к государю» Дорогобужа, Вязьмы и Можайска.

В свете всего сказанного я полагаю, что мы можем считать записи В. Диаментовского о походе Д. И. Шуйского под Калугу и о разгроме его войска Болотниковым вполне надежным источником и констатировать, таким образом, что первый этап борьбы под Калугой ознаменовался крупным поражением Василия Шуйского и блестящей победой Болотникова [1].

Чтобы закончить рассмотрение комплекса вопросов, связанных с походом Д. И. Шуйского под Калугу, следует попытаться определить, хотя бы приблизительно, дату сражения между Болотниковым и Д. И. Шуйским, в котором последний был разбит и бежал. Если в основание хронологических расчетов положить данные В. Диаментовского, то в этом случае искомая дата определяется как 11—12 декабря. (Болотников бежал из Коломенского 5 декабря, прошел, преследуемый Д. И. Шуйским, расстояние до Калуги дня в четыре, т. е. пришел в Калугу около 8—9 декабря, был окружен Д. И. Шуйским и получил трехдневный срок для сдачи — до 12 декабря. В пределах этих трех дней и произошло сражение.) Такая датировка сражения под Калугой не стоит в противоречии с тем, что нам известно о дальнейшем ходе борьбы под Калугой. Ближайшей к 12 декабря по времени точной датой, относящейся к Калуге, является 27 декабря 1606 г. Этим днем датирована царская грамота, предписывавшая С. М. Чирикову ехать в Галич для сбора галицких служилых людей и отправки их «на государеву службу под Калугу» в полки к И. И. Шуйскому [2]. Таким образом, 27 декабря под Калугой находился уже И. И. Шуйский.

Но промежуток времени между поражением под Калугой Д. И. Шуйского и приходом туда И. И. Шуйского заполнен еще рядом событий, связанных с борьбой под Калугой.

Глава «Нового Летописца» «О посылке бояр и воевод под городы на воровских людей», сообщая о том, что царь Василий «посла на воров под городы», на первом месте называет посылку «в Серпухов боярина князя Ивана Ивановича Шуйского» [3]. Трудно точно ответить на вопрос о том, когда и с какими целями был послан И. И. Шуйский в Серпухов: одновременно ли с походом Д. И. Шуйского к Калуге или позднее, в связи с отступлением Д. И. Шуйского от Калуги и новым поражением царских войск под Серпуховом.

Правда, в приходо-расходных книгах московского ключника Иосифо-Волоколамского монастыря имеется запись о том, что

[1] Исаак Масса, не называя по имени Д. И. Шуйского, говорит о походе под Калугу «царских братьев» (*И. Масса*, стр. 166).

[2] Акты Юшкова, № 269.

[3] ПСРЛ, т. XIV, стр. 73.

Библиотека "Руниверс"

13 декабря 1606 г. монастырскому слуге Филиппу Елисееву были куплены «хомут, да дуга, да ужища, да возжи, дан 3 алтына 2 д., поехал в Серпухов з запасом за служивыми людми» [1]. Если эту запись связать с походом И. И. Шуйского — а такое отнесение является вполне правомерным, — то поход И. И. Шуйского к Серпухову, очевидно, имел место еще до получения в Москве известий о поражении Д. И. Шуйского под Калугой. Полагая также, что «запас» для служилых людей повезли в Серпухов уже после того, как туда пошло самое войско, следует признать вероятным именно то предположение, что И. И. Шуйский пошел к Серпухову одновременно с походом Д. И. Шуйского к Калуге или тотчас после него. Как бы то ни было, но затем, по данным «Нового Летописца», И. И. Шуйскому «ис Серпухова» было «велено отойти под Колугу. Боярин же приинде под Колугу и Колугу осади». Однако еще до прихода И. И. Шуйского под Калугу там уже имели место военные действия со стороны других воевод Василия Шуйского. Об этих действиях сохранились записи в разрядах.

В одном из списков разрядных книг запись о поражении Болотникова под Москвой имеет следующую редакцию: «И Болотников ушел ис под Москвы да сел в Колуге не з болшими людьми. А за ним посланы в Олексин воеводы» [2]. Другой список разрядной книги называет и имена воевод, посланных под Алексин: «Боярин князь Иван Васильевич Голицын да князь Данило Иванович Мезецкой» [3]. Вслед за этим в разрядной книге сообщается: «И князь Данило [Мезецкой ис под] Олексина ходил пот Колугу и был ему бой з Болотниковым» [4].

К какому времени следует отнести этот «бой» князя Д. И. Мезецкого с Болотниковым? Я полагаю, что наиболее вероятным является рассматривать этот бой как первый ответ правительства Шуйского на поражение Д. И. Шуйского под Калугой. Неудача, постигшая план правительства Шуйского — разгромить Болотникова в Калуге с ходу, заставила Василия Шуйского стягивать под Калугу войска, посланные первоначально под другие города. Но, очевидно, и Д. И. Мезецкому не удалось выиграть «бой» у Болотникова. Об этом можно заключить не только из молчания в разрядной записи о результатах этого боя, но и по тому, что вслед за посылкой под Калугу Д. И. Мезецкого туда было предписано итти И. И. Шуйскому. При этом войска князя И. В. Голицына и князя Д. И. Мезецкого были включены в состав войска И. И. Шуйского (в виде Передового полка) — факт, позволяющий установить взаимную последовательность во времени похода

[1] «Исторический архив», т. I, стр. 21.
[2] *Белокуров*, стр. 89; варианты.
[3] Там же, стр. 90.
[4] Там же. В квадратные скобки заключены варианты из другого списка той же редакции разрядной книги.

Библиотека "Руниверс"

Д. И. Мезецкого и И. И. Шуйского именно так, как это сделано выше [1].

Поход И. И. Шуйского к Калуге освещен в источниках значительно полнее. Сохранилась полная разрядная роспись воевод, направленных вместе с И. И. Шуйским под Калугу: «Царь Василей послал за ворами под Колугу бояр и воевод на три полки: в Болшом полку бояре князь Иван Иванович Шуйской да Иван Никитич Романов, в Передовом полку боярин князь Иван Васильевич Голицын да князь Данило Иванович Мезетцкой, в Сторожевом полку окольничей Василей Петрович Морозов да боярин Михайло Олександрович Нагой. У наряду Яков Васильев сын Зюзин да Дмитрей Пушечников» [2].

Есть возможность определить и время начала похода И. И. Шуйского. В приходо-расходных книгах Иосифо-Волоколамского монастыря сохранилась следующая запись от 17 декабря 1606 г.: «Того ж дни... куплено посошным, которые пошли с норядом два кофтана бораньи, даны 38 алтын». Другая запись (от 29 марта 1607 г.): о раздаче монастырским старцем денег «тех крестьян женам, которые посланы с государевым с норядом под Колугу», позволяет отнести запись от 17 декабря 1606 г. именно к походу под Калугу [3]. Итак, поход И. И. Шуйского под Калугу начался около 17 декабря 1606 г. Говоря точнее, около этого времени двинулась под Калугу из Москвы артиллерия — наряд; сам же И. И. Шуйский, очевидно, «отошел» к Калуге прямо от Серпухова.

Несмотря на крупные силы, находившиеся в распоряжении И. И. Шуйского (Исаак Масса говорит, что войско И. И. Шуйского было «еще более многочисленное», чем войско Бориса Годунова, осаждавшее Кромы), он был в своих действиях под Калугой не более удачлив, чем его брат.

В записках Исаака Массы содержится уничтожающая характеристика действий войска И. И. Шуйского под Калугой. По свидетельству Массы, в царских войсках «только и делали, что стре-

---

[1] «Новый Летописец» и разряды называют под Калугой еще одного воеводу, князя Н. А. Хованского. В «Новом Летописце» (ПСРЛ, т. XIV, стр. 73) посылка «под Калугу» князя Н. А. Хованского изображается как первый акт в военных действиях против Калуги. В разрядах о князе Н. А. Хованском говорится после записи о бое с Болотниковым князя Д. И. Мезецкого: «А под Колугою велено быть с Украиными городы (вариант: «С Украиных городов») воеводе князю Никите Ондреевичю Хованскому» (*Белокуров*, стр. 90). Я полагаю, однако, что запись в разрядах о князе Хованском, повидимому, отнесена к осаде в Калуге Болотникова ошибочно. «Новый Летописец», заимствовав ее из разрядов, повторил и ошибку, допущенную в разрядах.

[2] *Белокуров*, стр. 10, 11.

[3] «Исторический архив», т. I, стр. 15; ср. комментарии к тексту на стр. 24.

Библиотека "Руниверс"

ляли без нужды, распутничали, пили и гуляли» [1]. Напротив, тактике Болотникова Масса дает очень высокую оценку, указывая, что осажденные «каждодневными вылазками причиняли московитам (имеется в виду войско И. И. Шуйского. — *И. С.*) большой вред; да и почти не проходило дня, чтобы не полегло сорок или пятьдесят московитов, тогда как осажденные теряли одного» [2].

С оценкой Массы совпадает и точка зрения «Нового Летописца», который по сути дела дает не менее резкую отрицательную оценку действий И. И. Шуйского: «Боярин же прииде под Колугу и Калугу осади и приступаше к Калуге приступом и ничево им не учиниша» [3].

Эта безуспешная осада Калуги И. И. Шуйским продолжалась примерно месяц. В январе 1607 г., однако, Василий Шуйский сделал новую попытку решить исход борьбы под Калугой в свою пользу посылкой туда «бояр своих и воевод *последних* с ратными людми», как выразительно говорится в «Новом Летописце» [4].

По свидетельству Массы (не поддающемуся, впрочем, проверке), решение о посылке новых войск под Калугу было принято под влиянием получения от войска, осаждавшего Калугу, писем, «в которых было написано, что неприятель с большим проворством и отвагою день ото дня умножает свои войска и запасы, так что (московиты) со всеми своими силами ничего не могут предпринять, чтобы тому воспрепятствовать» [5].

Новое войско во главе с воеводами: князьями Ф. И. Мстиславским, М. В. Скопиным-Шуйским и Б. П. Татевым [6] — не было подчинено И. И. Шуйскому и представляло собой самостоятельную армию: «стояли в особном полку» [7]. Но и приход войска Мстиславского и Скопина-Шуйского не изменил положения дел под Калугой. По ироническому замечанию Массы, «и они ни в чем не успели больше других» [8].

Новые воеводы попытались применить более эффективные средства борьбы против осажденного города.

Наиболее уязвимым местом в системе укреплений Калуги было отсутствие в ней каменного кремля. Калуга являлась важной крепостью Русского государства. Но ее «острог» был деревян-

---

[1] *И. Масса*, стр. 164.
[2] Там же.
[3] ПСРЛ, т. XIV, стр. 73.
[4] Там же.
[5] *И. Масса*, стр. 166.
[6] Время посылки под Калугу войска князя Ф. И. Мстиславского и других устанавливается на основании разрядной записи: «Того ж году в генваре под Колугою бояре и воеводы князь Федор Иванович Мстилавской да князь Михайло Васильевич Шуйский да князь Борис Михайлович Лыков да дьяк Ондрей Вореев» (*Белокуров*, стр. 143; ср. стр. 214).
[7] *Белокуров*, стр. 11.
[8] *И. Масса*, стр. 166.

Библиотека "Руниверс"

ным [1]. По характеристике Петрея, «Калуга — деревянный город, богато населенный простым народом и ремесленниками» [2]. Этим объясняется и характер тех оборонительных сооружений, которые были возведены в Калуге Болотниковым после его отступления от Москвы. И Буссов и Петрей сходно характеризуют укрепления, построенные Болотниковым, указывая, что Болотников обвел Калугу палисадом, с двойным рвом впереди и позади палисада, палисад же укрепил с обеих сторон землей, чтобы им можно было пользоваться как бруствером [3]. Но и эти укрепления, как бы высоко ни оценивали их достоинства современники, не изменили основной черты калужских укреплений — того, что они были не каменные, а деревянные.

Новая тактика воевод Василия Шуйского состояла в том, чтобы разрушить деревянный калужский «острог» при помощи различного рода стенобитных орудий и артиллерийского обстрела, а также путем поджога деревянных стен Калуги посредством особого сооружения, так называемого «примёта» или «подмёта».

Наиболее обстоятельно эта тактика воевод Шуйского описывается в Сказании, найденном М. Н. Тихомировым: «Поставиша овны, и дела великия стенобитныя над градом поставляя, и огненныя великия пищали, и разбивающе град и дворы зажигающе. Наведоша же на град и гору древяну, и мало избы град от взятия» [4].

Таким образом, тактика воевод Шуйского заключалась в комбинированном использовании разрушительного действия стенобитных орудий, обстрела города из огненных пищалей и, наконец, «наведения» на город «деревянной горы».

Из всех этих средств борьбы наиболее опасным для осажденных являлось последнее. Несомненно этим следует объяснить и то

---

[1] Ф. Ласковский следующим образом оценивает стратегическое значение Калуги и характеризует ее укрепления: «С XIV по XVI столетие Калуга была пограничным городом со стороны Литвы, и хотя приобретения, сделанные в этом крае при Иоанне III, несколько отдалили ее от границы, но до конца XVII столетия она оставалась опорным пунктом на южной границе, против вторжения крымских татар. Оборонительная ограда Калуги состояла из деревянной рубленой стены с башнями; а... по указаниям описной книги 1701 г. имела кроме того еще острог в 840 саж. окружности с 6 проезжими и 10 глухими башнями» (*Ф. Ласковский*, Материалы для истории инженерного искусства в России, ч. I, 1858, стр. 34).

П. Муханов в своем переводе записок Жолкевского ошибочно отнес к Калуге описание Коломенского кремля, в результате чего получается ложное представление о том, что Калуга имела каменную крепость («Записки гетмана Жолкевского о Московской войне», изданные П. А. Мухановым, изд. 2, 1871, стр. 83).

[2] *Петрей*, стр. 32.

[3] *Bussow*, стр. 72, 73. Ср. Петрей: «Иван Болотников так сильно укрепил это место тыном и рвами, что Шуйский ничего не мог сделать» (цит. изд., стр. 33).

[4] *М. Н. Тихомиров*, Сказание.

Библиотека "Руниверс"

внимание, которое источники уделяют истории с «деревянной горой». Так, по свидетельству «Нового Летописца», Мстиславский и Скопин-Шуйский, придя под Калугу, «поведоша гору древяную к острогу и хотяху зажечь» [1]. С устройством этой подвижной «деревянной горы» нас знакомят «Иное Сказание» и Исаак Масса.

В «Ином Сказании» описание «подмёта» дается столь детальное, что заставляет предполагать в авторе или очевидца, или человека, писавшего со слов очевидцев [2]. Автор так описывает маневр воевод: «Ведется подмет под градцкие стены, вал дровяной. Сами идущие ко граду за туры, пред собою же ведоша множество дров, аки стену градную, на сожжение граду, созади убо емлюще дрова и наперед бросающе, и тако впредь ко граду идуще; самих же их со града за дровы ничем вредити не могут. И тако един конец дровяного валу уже и под стену придвигнуша, другаго же конца того дни не успеша придвигнути...; а того не повели нощи ради, отложиша до утра, придвигнув и зажетчи в утре дрова» [3].

Описание Исаака Массы, подтверждая рассказ «Иного Сказания», дополняет его рядом реалистических подробностей. По его словам, «московиты согнали крестьян из окрестностей, и они были принуждены каждый день рубить деревья в окрестных лесах, колоть дрова и возить их в лагерь на санях, которых было несколько сот, так что сложили целые горы дров вокруг Калуги, намереваясь придвигать примёт (houtbergen) с каждым днем все ближе и ближе к Калуге, чтобы при благоприятном случае зажечь его, когда ветер будет дуть на Калугу, и таким образом погубить осажденных» [4].

Приведенных свидетельств современников вполне достаточно для того, чтобы составить представление как об устройстве «подмёта», так и об эффективности этого средства борьбы [5]. Следует признать, что «подмёт» являлся очень грозным оружием. Подвижной дровяной вал, составлявший его основу, не только угрожал стенам Калуги, но и делал неэффективным огонь осажденных, так как использовался осаждающими войсками в качестве укрытия, позволяя им приближаться к стенам Калужского острога. Вряд ли можно поэтому сомневаться в том, что если бы воеводам

---

[1] ПСРЛ, т. XIV, стр. 73.
[2] *Платонов*, Сказания, стр. 65.
[3] РИБ, т. XIII, стб. 113.
[4] *И. Масса*, стр. 165.
[5] «Надо полагать, что деревянная гора состояла из бревен, положенных клетками на высоту не ниже человеческого роста так, чтобы прикрывать людей, приводивших ее с помощью катков в движение, и по возможности облегчить ее тяжесть. По достижении назначенного места эта гора могла быть увеличена в вышину, а внутренность ее наполняли сухим хворостом и другими удобосгораемыми веществами» (*Ф. Ласковский*, цит. соч., стр. 192).

Библиотека "Руниверс"

Шуйского удалось довести до конца свое «хитроумие» (как называет эту операцию «Иное Сказание») и поджечь «подмёт», то гибель осажденных, попавших в кольцо огня, была бы неизбежной.

Болотников, однако, и на этот раз показал себя блестящим стратегом и не только сумел отвести от себя смертельную опасность, но и нанес осаждавшим Калугу войскам новое жестокое поражение.

Сущность и цели операции, готовившейся воеводами Шуйского, конечно, не могли оставаться тайной для Болотникова — и не только потому, что осажденные узнали об «умысле и намерении» царских воевод «от перебежчиков» (как об этом говорит Исаак Масса) или в результате измены (на чем настаивает автор «Иного Сказания»), но прежде всего по самому характеру и устройству «подмёта», скрыть который было невозможно. Таким образом, Болотников заранее знал, что̀ ему угрожает, и это дало ему возможность в свою очередь предпринять контрманевр, оказавшийся в конечном счете гораздо более успешным, чем операция с «подмётом».

Маневр Болотникова состоял в том, чтобы, определив направление движения «подмёта» и рассчитав время предполагаемого поджога «подмёта», уничтожить «подмёт» и наступавшие под его защитой войска путем устройства подкопа за пределами стен Калужского острога и закладки туда пороха, с тем чтобы в нужный момент взорвать мину.

Эта смелая операция, требовавшая обширных инженерных знаний, точного расчета и соблюдения тайны, была блестяще осуществлена Болотниковым, и в последнюю ночь перед предполагаемым поджогом «подмёта» он был взорван. Взрыв был исключительно сильным. По словам «Иного Сказания», «от лютости зелейные подняся земля и з дровы, и с людми, и с туры, и со щиты, и со всякими приступными хитростьми. И бысть беда велика, и много войска погибоша, и смятеся все войско» [1]. Успешность взрыва «подмёта» Болотниковым подтверждают и «Новый Летописец» и Исаак Масса. Таким образом, не может быть сомнения в достоверности рассказа «Иного Сказания».

Эффект от взрыва «подмёта» Болотников еще более усилил тем, что «вышед со всеми людми» из Калуги «и на приступе многих людей побиша и пораниша» [2].

Таким образом, приход под Калугу князей Ф. И. Мстиславского и М. В. Скопина-Шуйского не только не привел к падению Калуги, но, напротив, ознаменовался одной из самых блестящих побед Болотникова над царскими войсками [3].

---

[1] РИБ, т. XIII, стб. 113.

[2] ПСРЛ, т. XIV, стр. 73.

[3] Вопрос о «подмёте» и его взрыве Болотниковым требует специального рассмотрения в плане датировки этого событня. Дело в том, что в отличие

Библиотека "Руниверс"

Столь «фатальные» неудачи войска Василия Шуйского под Калугой не могут быть объяснены одной лишь неспособностью царских воевод. Если некоторые из них, как Д. И. Шуйский, действительно могут служить образцом бездарного воеводы, то наряду с этим в составе воевод Василия Шуйского под Калугой были такие бесспорно талантливые военачальники, как М. В. Скопин-Шуйский.

Более правильно поэтому искать объяснение хода борьбы под Калугой в общей обстановке, сложившейся в это время в стране.

Калуга, как сказано выше, являлась после снятия осады Москвы главным фокусом борьбы между Болотниковым и Василием Шуйским. Но она не была единственным местом борьбы. Напротив, в той или иной степени и формах борьба охватила большую часть территории страны. Оставляя в стороне Новгородско-Псковскую область, Север и Астрахань, характеристика положения в которых уже была дана выше, можно выделить два главных района, где положение было особенно напряженным, а формы борьбы — наиболее острыми.

Одним из этих районов была полоса городов к югу от Москвы — от Рязани до Брянска. Другим районом являлось Среднее Поволжье: «Арзамасские и Алатырские места». Каждый из этих районов имел свои особенности, которыми определялись специфические черты борьбы, имевшей место в этих районах.

Наконец, был еще один фактор, являвшийся существенным элементом общей обстановки. Этим фактором было движение, возглавлявшееся самозванным «царевичем» Петром, именно к

от «Нового Летописца», где об истории с «подмётом» рассказывается в одной из первых «глав», посвященных осаде Калуги (еще до сражения на Вырке), повесть «Иного Сказания» помещает рассказ о «подмёте» в самом конце описания осады Калуги. Такое расхождение в источниках по вопросу о датировке истории с «подмётом» дало основание Костомарову говорить о двух операциях с «подмётом», соответственно распределяя их во времени (*Костомаров*, стр. 287 и 292). Я полагаю, однако, что, рассматривая рассказ «Иного Сказания» как повествующий об ином событии, чем то, о котором говорится в «Новом Летописце», Костомаров не учел той особенности повести «Иного Сказания», которая состоит в том, что автор повести «не описывает военных действий во всех их подробностях, а отмечает только некоторые их эпизоды и притом *без всякой хронологической связи*» (*Платонов*, Сказания, стр. 63. Курсив мой. — *И. С.*). Такой характер повести привел, например, к тому, что сражение на Пчельне оказалось помещенным в ней в самом начале описания осады Калуги. В случае же с «подмётом» автор повести допустил обратное: перенес это событие в конец своего рассказа. Ибо не только «Новый Летописец», но и Исаак Масса также относит историю с «подмётом» к зимнему времени и до сражения под Веневом и на Вырке, что и дает возможность датировать рассматриваемое событие примерно январем — февралем 1607 г.

Сказание, найденное М. Н. Тихомировым, помещает рассказ о сражении на Вырке после истории с «подмётом» («Потом же приидоша на помочь сидящим в Колуге...» — *М. Н. Тихомиров*, Сказание).

*

Библиотека "Руниверс"

началу 1607 г. переросшее рамки чисто казацкого движения и слившееся с восстанием Болотникова.

План правительства Шуйского заключался в том, чтобы подавить все центры и очаги восстания. Осуществление этого плана выразилось в посылке Шуйским воевод «под городы на воровских людей». Глава «Нового Летописца» «О посылке бояр и воевод под городы на воровских людей» называет шесть городов, под которые были посланы воеводы: Серпухов, Арзамас, Михайлов, Калуга, Венев, Козельск [1]. Пять из них относятся к первому из названных районов — Подмосковному, и лишь один город — Арзамас — к Приволжскому. Таким образом, основные силы были брошены Шуйским против Подмосковного района восстания. Это никак нельзя назвать случайным.

Города к югу и юго-западу от Москвы являлись главными центрами восстания Болотникова на первом его этапе, во время похода Болотникова на Москву. Это свое значение они сохранили и после поражения Болотникова под Москвой и отступления его в Калугу.

В отличие от смоленских пригородов, Дорогобужа и Вязьмы, а также Можайска, которые были приведены в покорность и признали власть Василия Шуйского, весь район к юго-западу и югу от Москвы оставался в руках восставших. Сюда отступили разбитые под Москвой войска Болотникова. Наконец, эти города были непосредственно связаны и с Путивлем, где были сосредоточены силы «царевича» Петра.

Кроме Калуги, борьба под которой уже была рассмотрена выше, источники сообщают о результатах борьбы также и у городов Михайлова, Венева и Козельска. Результат этот был во всех случаях одинаково отрицательным для воевод Шуйского. Наиболее интересны те данные, которые относятся к городу Михайлову. Здесь повторилось то же самое, что было и под Калугой. «На помощь» осажденному воеводой Шуйского, князем И. А. Хованским, городу Михайлову [2] пришли «с Украиных городов». Тогда «михайловцы» «вышед из града и от града отбиша» осаждавшее город войско, которому пришлось отойти в Переяславль-Рязанский [3]. Столь же безуспешна была осада Венева (в котором, по данным «Иного Сказания», также «затворилась» часть отступившего от Москвы войска Болотникова) [4] князем А. В. Хилко-

[1] ПСРЛ, т. XIV, стр. 73.

[2] Из царской грамоты от 29 июня 1607 г. мы узнаём, что в Михайлове «от вора от Петрушки в воеводах» были «князь Федор Засекин да Лева Фустов» (ААЭ, т. II, № 76). Можно предполагать, что они были среди тех людей «с Украиных городов», которые пришли на помощь Михайлову, когда его осаждал князь Хованский.

[3] ПСРЛ, т. XIV, стр. 73.

[4] РИБ, т. XIII, стб. 110.

Библиотека "Руниверс"

вым [1]. Воевода Шуйского «под Веневою не сдела ничево; с Веневы ж вышедше, воры от города отбили», заставив А. В. Хилкова отойти «на Каширу» [2].

Осада Козельска продолжалась дольше, но не с бо́льшим успехом, вплоть до снятия осады Калуги весной 1607 г., когда воевода А. В. Измайлов «слыша то, что бояре от Калуги отидоша, взя наряд со всеми ратными людьми, отойде в Мещоск» [3].

Не вполне ясно положение с пятым из городов Подмосковного района, под который были посланы воеводы, — с Серпуховом. В «Ином Сказании» о Серпухове говорится, что когда «Болотников с прочими со злоначальники своими прибегоша к Серпухову», то в Серпухове «видяще их беду и изнеможение, град запроша и не пустиша их» [4]. Это известие находит свое подтверждение в рассказе Буссова. По словам последнего, Болотников, отступив к Серпухову, «спросил у жителей города, достаточно ли у них припасов, чтобы содержать его и его войско? — тогда он хотел бы остаться у них и ожидать здесь прихода Димитрия. Если же нет, то он вынужден будет их оставить и двинуться дальше. Серпуховляне ответили, что у них нечем содержать самих себя, не только его войско. Лишенный возможности оставаться в Серпухове, Болотников двинулся дальше, в ближайший город Калугу, где он вместе с оставшимися еще у него людьми был принят с радостью» [5]. Судя по этим данным, на первых порах после поражения Болотникова под Москвой ему не удалось удержать Серпухов в своих руках. Однако на чью сторону стал Серпухов после поражения под Серпуховом Д. И. Шуйского и после отхода от Серпухова к Калуге князя И. И. Шуйского, сказать трудно.

---

[1] Весьма интересное известие о Веневе содержится в «Ином Сказании»: «Царь же Василей посылает под Венев град воеводу своего князя Стефана Борисовича Колтовского, силы же с ним пять тысяч» (РИБ, т. XIII, стб. 111). Приведенный текст, из которого мы узнаем о размерах войска, посланного под Венев, несомненно дефектный. С. Б. Колтовской, как это видно из разрядов, был вторым воеводой вместе с князем Хилковым (*Белокуров*, стр. 142 и 206) и не являлся князем (см. у Белокурова, по указателю). Таким образом, очевидно, первоначальный текст говорил, что царь послал под Венев «воеводу своего князя Андрея Васильевича Хилкова да Стефана Борисовича Колтовского...» Но автор повести «Иного Сказания» имел в своем распоряжении уже дефектный текст, результатом чего и было превращение С. Б. Колтовского в «князя».

[2] ПСРЛ, т. XIV, стр. 73. В повести «Иного Сказания» вопрос о сражении под Веневом излагается несколько иначе и главная роль в поражении войск Василия Шуйского, осаждавших Венев, отводится воеводе «царевича» Петра князю Телятевскому, который из Путивля «прииде... с силою под Венев град, и силу Московского царя Василья разбиша и розгониша» (РИБ, т. XIII, стб. 111. В одном из списков князь Телятевский ошибочно назван Дмитрием).

[3] ПСРЛ, т. XIV, стр. 74.

[4] РИБ, т. XIII, стб. 110.

[5] *Bussow*, стр. 72.

Библиотека "Руниверс"

Впрочем, к весне 1607 г. он, повидимому, находился уже в руках Василия Шуйского. Об этом можно заключить из двух записей приходо-расходных книг Иосифо-Волоколамского монастыря. Одна из этих записей (от 29 марта 1607 г.) сообщает о том, что «приехал из Серпухова проводник Болашковской крестьянин Левка Михайлов ограблен, отпустив монастырские подводы под стрелцы под Тулу со князем Иваном Михайловичем Воротынским» [1]. Вторая запись (от 31 марта 1607 г.) в книгах московского ключника дополняет первую, отмечая выдачу «стрельцу Ивану Михайлову за лошадь прокорму 10 алтын, а та лошадь пришла из Серпухова» [2]. Таким образом, в Серпухове формировался один из отрядов войск Василия Шуйского, принявший участие в походе князя И. М. Воротынского из Алексина к Туле (об этом походе см. ниже). «Ограблен» же был монастырский проводник, очевидно, уже по дороге из Серпухова в Москву.

Наконец, следует рассмотреть вопрос об Алексине. Алексин не назван «Новым Летописцем» в числе городов, под которые посылались воеводы. Но, как мы видели выше, в разрядах сохранились сведения о посылке в Алексин воевод в погоню за Болотниковым и о том, как князь Д. И. Мезецкий ходил «из-под Алексина» под Калугу. Что касается «Нового Летописца», то в нем об Алексине упоминается трижды. Два из этих упоминаний связаны с именем князя И. М. Воротынского. Царь «повелеша отойти в Олексин» князю И. М. Воротынскому после взятия Арзамаса. «Из Олексина» в марте 1607 г. И. М. Воротынский ходил под Тулу, но был там разбит и «едва ушел в Олексин» [3].

Выражения, употребляемые «Новым Летописцем» («в Олексин», «из Олексина») могли бы дать повод к выводу о том, что И. М. Воротынский находился в самом городе Алексине, иными словами, что Алексин был под властью Василия Шуйского. Такая трактовка текста «Нового Летописца», однако, была бы ошибочной. «Карамзинский Хронограф» сохранил одну деталь, из которой видно, что И. М. Воротынский был не в самом Алексине, а под ним: в сражении у села Пчельны участвовал князь Ю. П. Ушатый, который был «прислан ис-под Олексина от боярина и воеводы князя Ивана Михайловича Воротынскова, а князь Юрьи Ушатов Воротынскому был товарыщ» [4]. Если учесть, что и Д. И. Мезецкий также ходил к Калуге «из-под Алексина», то можно полагать, что Алексин в течение всего этого времени находился в руках восставших [5]. Отмеченные мелкие известия об

[1] «Исторический архив», т. I, стр. 16.
[2] Там же, стр. 22.
[3] ПСРЛ, т. XIV, стр. 73.
[4] *А. Попов*, Изборник, стр. 334. (Текст исправлен по рукописи. —*И. С.*)
[5] Исаак Масса также отмечает, что Алексин был занят восставшими и относит ко времени осады Калуги неудачную попытку Василия Шуйского «взять этот город» (*И. Масса*, стр. 170).

Библиотека "Руниверс"

Алексине важны в том отношении, что позволяют определить хронологические рамки еще одного известия об Алексине, содержащегося в «Карамзинском Хронографе» и разрядах почти в тождественной редакции. Известие это говорит о том, что во время похода Василия Шуйского к Туле «Олексин был в воровстве, в измене, а сидел в Олексине воевода (в разрядах добавлено: «с ворами») Лаврентей Александров сын Кологривов олексинец со олексинскими со всякими служилыми и с посадскими и с уездными людми» [1]. Из этого известия следует, что Болотникову удалось сохранить в своих руках Алексин и после поражения под Москвой. «Сидевший» в Алексине воевода Болотникова Л. А. Кологривов успешно выдерживал осаду города царскими воеводами вплоть до 29 июня 1607 г., когда Алексин был взят войсками Василия Шуйского [2].

Таким образом, за исключением Серпухова все опорные пункты к югу и юго-западу от Москвы оставались в руках Болотникова, и попытка Василия Шуйского захватить эти пункты не удалась.

Борьба в Подмосковном районе, однако, не ограничивалась одними лишь городами, хотя именно в городах концентрировались отряды восставших и против городов действовали войска Василия Шуйского. Для характеристики обстановки в Подмосковном районе чрезвычайно важно получить материал, характеризующий положение вне городов — в деревне. К сожалению, данные источников носят в большинстве случаев характер внешний, отмечая обычно главным образом чисто военную сторону борьбы. Лишь иногда, как в разрядной записи об Алексине, мы получаем возможность познакомиться с социальным составом участников борьбы против Василия Шуйского. В названной записи об Алексине особенно ценным является упоминание в качестве участников борьбы против воевод Шуйского наряду с «посадскими людьми» «уездных людей», т. е. крестьян. Что же касается наличия в перечне участников борьбы также и алексинцев — «служилых людей», то это известие разрядной записи приходится воспринимать очень ограничительно. Ибо наряду с алексинцами — служилыми людьми в отряде Л. Кологривова другая часть алексинских служилых людей — помещиков к этому времени уже была на стороне Василия Шуйского, как об этом можно заключить из «памяти», присланной 12 августа 1607 г. из Москвы в Иосифо-Волоколамский монастырь монастырским «стряпчим». В этой «памяти» — отчете о расходовании монастырским стряпчим денег в Москве с 1 мая по июль 1607 г. — содержится любопытное упоминание о взятке, данной поверенным монастыря

[1] *А. Попов*, Изборник, стр. 337; *Белокуров*, стр. 185.
[2] ААЭ, т. II, № 76.

Библиотека "Руниверс"

«подьячему Лариону Омосову» с целью избавить монастырь от повинности «детей боярских алексинцов кормить», которых в это время «прибавливали по монастырем» [1].

Лишь для рязанских городов источники несколько более подробны в отношении данных, характеризующих борьбу крестьянства и других общественных групп. Выше мы уже частично использовали эти данные, анализируя мотивы «измены» Болотникову П. Ляпунова и рязанцев. Теперь нам предстоит рассмотреть их в несколько ином плане и более полно.

Основным источником, знакомящим нас с борьбой в Рязанском районе, являются грамоты Василия Шуйского от 29 июня и 15 октября 1607 г. Грамоты эти различны по типу и назначению. Первая из грамот представляет собой торжественное послание царя боярам в Москву по случаю взятия Алексина, с приказанием сообщить об этой победе и других успехах царя «всяким людям». Вторая грамота — чисто деловой документ — предписание рязанскому воеводе. Это различие характера названных царских грамот отразилось на их содержании. В грамоте от 29 июня царь изображает дело так, как будто взятие им Алексина совпало с «обращением» на путь истинный мятежников в целом ряде других городов: «Писал к нам из Рязского воевода Неудача Плещеев да голова Федор Чюбаров, что они... на Песошне воров побили и Песошно, острог и посад и городок, взяли; а из Сапожка и из сел и из деревень всякие люди нам добили челом и с повинными челобитными игуменов и попов и лутчих людей к нам прислали. Да с Резани писал к нам воевода Юрьи Кобяков, что из Рязского князь Иван княж Львов сын Масалской, и дворяня, и дети боярские, и атаманы, и казаки, и стрелцы, и пушкари и всякие посадские люди нам добили челом и челобитные повинные к нему прислали: и он в Рязской послал приводити всяких людей к нашему крестному целованью, а челобитную повинную всех ряшан за руками к нам прислал. Да с Михайлова приехали к нам князь Федор Засекин да Лева Фустов, которые были на Михайлове от вора от Петрушки в воеводах, а с ними сотники стрелецкие; да с ними же приехал думного дворянина Ортемья Измайлова села Курбакина поп Петр, а был он на Михайлове с воры и в сиделцех, и в распросе бояром нашим тот поп сказал, что михайловские посадские всякие люди хотят нам добити челом» [2].

Не трудно убедиться в том, что картина всеобщего «обращения», нарисованная в июньской грамоте Шуйского, весьма мало соответствовала действительному положению вещей в Рязанском районе и преследовала чисто агитационные цели. Грамота от 15 октября 1607 г. совершенно иначе оценивает обстановку в дан-

[1] «Исторический архив», т. I, стр. 19.
[2] ААЭ, т. II, № 76.

Библиотека "Руниверс"

ном районе (причем эта оценка дается в донесении царю от рязанского воеводы, т. е. в документе деловом и секретном, чем и следует объяснить вполне откровенный характер оценки положения дел в Рязанском уезде): «Писал еси к нам, что в Рязанском уезде во многих местех наши изменники воры, пронские и михайловские мужики, воюют от Переславля в двадцати верстах, а тебе за теми воры посылати неково — дворян и детей боярских с тобой мало... И мы по тем вестем указали к тебе на Резань послати ис-под Рясково воеводе Захарью Ляпунову голову Самсона Чевкина с сотнею, тех мест от воров оберегати и за воры ходити, и над ними нашим делом промышляти»[1]. Таким образом, еще и осенью 1607 г. Рязанский уезд представлял собой картину почти всеобщего («во многих местех») восстания рязанских мужиков, а рязанский воевода вынужден был признаться в своем бессилии справиться с «воевавшими «мужиками»».

Грамота от 15 октября, однако, не только раскрывает тенденциозный характер грамоты от 29 июня. Она дает вместе с тем возможность извлечь из июньской грамоты Шуйского те черты реального, которые в ней имеются (хотя и в тенденциозном освещении). Этими реальными и вместе с тем весьма ценными чертами являются: 1) перечень мест, охваченных восстанием; этот перечень устанавливается из перечня городов, о которых сказано в грамоте, что они принесли повинную царю; 2) состав участников восстания в рязанских городах.

Перечень городов, находившихся в руках восставших, включает в себя почти все рязанские города: Ряжск, Пронск, Михайлов, Сапожок, Песочня. Лишь Переяславль-Рязанский оставался под властью Шуйского с момента перехода на его сторону рязанских помещиков во главе с П. Ляпуновым и Г. Сумбуловым. Но и ему непосредственно угрожали пронские и михайловские «мужики», воевавшие «в двадцати верстах» от рязанской столицы.

Территориальному размаху восстания в рязанских городах соответствовала широта охвата им отдельных социальных групп населения. Грамоты Шуйского отмечают участие в восстании трех основных групп населения. Первая группа — служилые люди всех разрядов, начиная от дворян и детей боярских и кончая казаками, стрельцами и пушкарями. При этом можно думать, что представителей помещиков — служилых людей — вряд ли было много после измены П. Ляпунова, и большинство служилых людей — участников восстания — несомненно составляли служилые люди «по прибору», как пушкари да близкие к ним в социальном отношении стрельцы. Вторую группу участников восстания составляли «всякие посадские люди», т. е. черное население посадов рязанских городов. Упоминание в июньской грамоте Шуйского

[1] Акты Юшкова, № 272.

Библиотека "Руниверс"

повинной челобитной «за руками» «всех ряшан» дает хороший материал для суждения о широте охвата восстанием населения посадов. Наконец, третью и наиболее крупную группу участников восстания составляли крестьяне — «из сел и из деревень всякие люди» или просто «мужики», как их называют грамоты. Именно «мужики» своей войной привели в смятение рязанского воеводу, заставив его обратиться за срочной помощью к царю.

Яркой деталью, сохраненной нам источниками, является участие в восстании крестьян села Курбакина (об их участии можно заключить из того, что поп села Курбакина, Петр, был «на Михайлове с воры и в сиделцех», присоединившись к михайловцам, очевидно, вместе со своими сельчанами), владелец которого думный дворянин Артемий Измайлов являлся, как мы видели, одним из воевод, посланных Шуйским для подавления восстания.

Раскрывая внутреннюю историю восстания, рязанские материалы по своему значению выходят за пределы одного лишь данного района, ибо есть все основания признать картину борьбы, развернувшейся в рязанских городах, типичной и для всего Подмосковного района в целом (запись об Алексине может служить подтверждением законности такого использования рязанских документов).

Иной характер носила борьба в другом из отмеченных нами районов — в Приволжском районе.

Приволжский район восстания охватывал (считая лишь уезды, о которых имеются прямые данные источников): Муромский, Арзамасский, Курмышский, Ядринский, Чебоксарский, Алатырский, Свияжский и частично Нижегородский уезды [1]. Таким образом, он включал в себя значительную часть территории Среднего Поволжья. Характерной особенностью Приволжского района восстания являлось то, что это был район многонациональный по составу населения. Наряду с русским населением большой удельный вес в нем имели черемисы-марийцы, мордва, чуваши, татары. Второй существенной чертой означенного района являлось то, что это был район интенсивной русской помещичьей и крестьянской колонизации [2].

---

[1] ААЭ, т. II, № 60 и 61; СГГиД, т. II, № 151; «Костромская старина». Сборник, издаваемый Костромской ученой архивной комиссией, вып. III, отд. I, № 2, стр. 4—11; «Памятники истории Нижегородского движения в эпоху смуты и земского ополчения 1611—1612 гг.». «Действия Нижегородской ученой архивной комиссии». Сборник, т. XI, стр. 3, 4; *А. Попов*, Изборник, стр. 333, 334; ПСРЛ, т. XIV, стр. 72; *Белокуров*, стр. 44; «Новый Летописец по списку Оболенского», стр. 83.

[2] Вне этой характеристики следует оставить лишь Муромский уезд, который по социально-экономическому облику следовало бы отнести к Подмосковному району, но который по ходу событий был связан именно с Приволжским районом.

Библиотека "Руниверс"

Эти черты Приволжского района придавали особый характер и борьбе, развернувшейся в этих местах. Существенным моментом в этом движении было сочетание и переплетение борьбы социальной — против феодального гнета, с борьбой национально-освободительной — против гнета национального.

Последнее обстоятельство следует особенно подчеркнуть, так как национально-освободительная борьба народов Поволжья имела свои особые корни, хотя и крывшиеся в общем крепостническом характере Русского государства. Проявления этой борьбы имели место задолго до восстания Болотникова — на протяжении всей второй половины XVI в., после завоевания Казанского ханства; она продолжается и временами приобретает еще больший размах и после поражения восстания Болотникова. Поэтому детальное рассмотрение этой борьбы должно явиться предметом специального исследования. Но подобно тому как в более поздних крестьянских движениях — в восстаниях Разина и Пугачева — борьба угнетенных народностей составляла существенный момент, подобно этому борьба народов Поволжья являлась существенным моментом для восстания Болотникова [1].

Социально-экономический облик Приволжского района лучше всего можно представить себе по материалам, относящимся к Арзамасскому уезду.

По подсчетам А. В. Эммаусского, развитие служилого землевладения в Арзамасском уезде в конце XVI — начале XVII в. характеризуется следующими цифрами: общее количество земли (поместной и вотчинной), принадлежавшей служилым людям Арзамасского уезда в 1585 г., составляло 54 540 четей в поле, сена — 90 073 копны. В 1621—1623 гг. количество земли, которой владели служилые люди Арзамасского уезда, возросло до 75 587½ четей в поле, сена — до 139 533 копен.

Еще более показательна динамика роста жилых дворов в поместьях и вотчинах Арзамасского уезда. В 1585 г. насчитывалось 2 270 крестьянских дворов и 223 бобыльских. В 1621—1623 гг. было уже 4 847 крестьянских дворов и 2 630 бобыльских. Таким образом, за период 1585—1623 гг. количество служилой земли в Арзамасском уезде увеличилось на 40%, количество же крестьянских и бобыльских дворов — на 200% [2].

Приведенные данные с исключительной наглядностью рисуют процесс развития помещичьего землевладения в Арзамасском уезде. Вместе с тем они не менее ярко характеризуют и процесс крестьянской колонизации земель Арзамасского уезда.

---

[1] О восстании западносибирских племен Березовского уезда 1607 г. см. приложение V.

[2] *А. В. Эммаусский*, Из истории борьбы за землю и крестьян в Арзамасском уезде в XVI—XVII вв. «Труды Кировского научно-исследовательского института краеведения», т. VII, вып. 3, Киров 1934, стр. 9, 10.

Библиотека "Руниверс"

В этом процессе колонизации Арзамасского уезда наше внимание должны привлечь два момента: 1) за счет каких земель росло помещичье землевладение в Арзамасском уезде, 2) откуда черпали арзамасские помещики крестьян и бобылей для своих земель.

Что касается первого из поставленных вопросов, то главным источником помещичьего землевладения были, по справедливому замечанию А. В. Эммаусского, «мордовские земли, леса и прочие угодья» [1]. Если взять такой документ, как отдельные и межевые книги, определяющие границы поместных владений, то почти в каждой выписи из этих книг можно встретить в той или иной форме указание на мордовские земли [2].

По подсчетам А. В. Эммаусского, по данным «Арзамасских поместных актов», охватывающих период 1578—1618 гг., селения Арзамасского уезда распределялись по видам владения следующим образом:

Поместные	195 (70,9%)
Дворцовые	20 (7,2%)
Вотчинные	5 (1,9%)
Монастырские	6 (2,2%)
Нерусские	49 (17,8%)
Всего	275 (100%) [3]

Таким образом, к концу XVI — началу XVII в. нерусские (т. е. в подавляющем большинстве мордовские плюс незначительное количество татарских) селения еще составляли около одной пятой общего количества населенных пунктов. В то же время рост поместного землевладения имел своим результатом основание на бывших мордовских землях, розданных в поместье, русских поселений. Одной из отличительных черт поместного землевладения Арзамасского уезда являлось то, что массовое испомещение в Арзамасском уезде падает именно на конец XVI — начало XVII в. Все это особенно обостряло и осложняло обстановку внутри уезда.

Какой остроты достиг земельный вопрос в Арзамасском уезде к началу XVII в., можно проиллюстрировать на одном примере по материалам тех же «Арзамасских поместных актов». В сентябре 1601 г., по царской грамоте, в ответ на челобитье игумена Арзамасского Преображенского Спасского монастыря, арзамасский губной староста «дозривал и сыскивал Долгие поляны, што на Собакинском лесу, и про нее сыскивал што на ней пашенные земли и сенных покосов по смете, и хто ею владеет, и по чему хто владеет, по даче ли или самовольством, и изстари та поляна бывала поместная ли, или вотчинная, или мордовская».

[1] *А. В. Эммаусский*, цит. соч., стр. 8.

[2] «Арзамасские поместные акты», стр. 3, 11, 19, 34, 42, 56, 66, 77, 88, 91, 102, 106, 107, 108, 109, 125, 127, 138, 175, 179, 180 и т. д.

[3] *А. В. Эммаусский*, цит. соч., стр. 8.

Библиотека "Руниверс"

Обыск установил, что пашнями, дубровами и сенными покосами Долгой поляны владели «мордва да бортники деревни Пастьяновы». Владельцы Долгой поляны заявили, что «дали деи им ту поляну писцы Игнатей Зубов с товарыщи; и выпись деи у них на ту поляну есть». Однако «выписи перед губново старосту... не положили, а сказали, что выпись у них на ту поляну в Арзамасе в судной избе».

Цель и смысл всего этого обыска были совершенно очевидны. Отсутствие у мордвы деревни Пастьяновой письменных документов, оформлявших их права на владение Долгой поляной, являлось достаточным формальным предлогом для отобрания у мордвы их земель и передачи Долгой поляны монастырю. Это великолепно понимали и сами владельцы Долгой поляны, как об этом можно заключить из одного инцидента, имевшего место во время «дозора» и занесенного поэтому в дозорные книги. Инцидент этот заключался в следующем: «мордвин же деревни Пастьяновы Васька Кичамасов сказал, што у них х той г Долгой поляне приписаны 3 поляны, да хотел имена полянам высказати, и товарищи его, деревни Пастьяновы мордва и бортники Арзюш Кирдюшов да Замора с товарыщи, высказати про иные поляны мордвину Ваське не дали, а его Ваську хотели убити» [1].

Таким образом, отчаявшись удержать в своих руках Долгую поляну, мордовские крестьяне и бортники пытались спасти хотя бы те земли, которые еще не были обнаружены царской администрацией. Заявление же Васьки Кичамасова означало крушение этого плана мордовских крестьян.

То, что Васька Кичамасов едва не поплатился головой за свое предательство, показывает, насколько была накалена атмосфера в мордовской деревне накануне восстания Болотникова, равно как показывает и то, что корни борьбы, развертывавшейся в Арзамасском уезде, лежали в области земельных отношений, в сфере борьбы за землю.

Вопрос о происхождении арзамасского крестьянства освещен в источниках гораздо слабее, чем вопрос о землевладении. Приведенные выше данные о росте количества крестьянских и бобыльских дворов в Арзамасском уезде с бесспорностью показывают, что такие темпы роста предполагали обязательный приток крестьянства в Арзамасский уезд извне, из других районов Русского государства.

Этот приток крестьянства в Арзамасский уезд осуществлялся, как можно думать, прежде всего за счет беглого крестьянства. В этом отношении исключительный интерес представляют материалы о беглых крестьянах из вотчин Троице-Сергиева монастыря. По подсчетам А. Г. Манькова, из 164 крестьян, бежавших

[1] «Арзамасские поместные акты», № 154.

Библиотека "Руниверс"

в 1605—1612 гг. из нижегородских владений Троице-Сергиева монастыря, 89 человек (или 54%) бежали «за черту Оки», в Арзамасский, Курмышский, Алатырский, Ядринский уезды [1]. А. Г. Маньков отмечает и другой момент, характеризующий бегство крестьян: значительная часть беглых крестьян оседала на землях помещиков и других землевладельцев, создавая таким образом новые группы крепостных крестьян в тех районах, куда крестьяне бежали от старых владельцев [2]. Материалы «Арзамасских поместных актов» дают возможность очень рельефно выделить в составе крестьянства уезда эти новые элементы. По наблюдению А. В. Эммаусского, «в Арзамасском уезде почти в каждой деревне можно встретить (при перечислении в акте крестьянских дворов) «новоприходцев» или просто «приходцев», которые живут здесь наравне со старожильцами» [3].

Такой состав арзамасского крестьянства делал его особенно восприимчивым ко всяким проявлениям борьбы против феодальных землевладельцев. В «Арзамасских поместных актах» зарегистрирован целый ряд случаев бегства крестьян от своих помещиков в «межусобное время» [4].

Но в составе крестьянского населения Арзамасского уезда имелась и группа крестьян, свободных от власти помещиков. Наличие такой группы объясняется тем, что известной части крестьянства, бежавшего в Арзамасский уезд, удавалось, хотя бы на время, сохранить добытую бегством свободу. Однако эта свобода могла продолжаться очень недолго: подобного рода крестьянские поселения также поступали в поместную раздачу, превращавшую и этих крестьян в крепостных.

В «Арзамасских поместных актах» сохранился один документ, раскрывающий именно эту сторону социально-экономических отношений данного района. В 1612 г. помещикам Ф. Левашову и Я. Миленину была дана в поместье «новая деревня Полдомасова», расположенная на крайней юго-восточной окраине Арзамасского уезда [5], «за Пузскою засекою». Новым помещикам была дана «отказная грамота», удостоверявшая их права на деревню Полдомасово. Однако «крестьяне тое грамоты не послушали, отказыватца за них своим воровством не дали», в результате чего, как указывают в своем челобитье Ф. Левашов и Я. Миленин, они «на земской службе без запасов помирают голодом». Грамота князя Д. Трубецкого и князя Д. Пожарского предписывала арзамас-

[1] *А. Г. Маньков*, Побеги крестьян в вотчинах Троице-Сергиева монастыря в первой четверти XVII в. «Ученые записки ЛГУ», № 80, 1941 (серия исторических наук, вып. 10), стр. 54.
[2] Там же, стр. 57, 58.
[3] *А. В. Эммаусский*, цит. соч., стр. 26.
[4] «Арзамасские поместные акты», № 404.
[5] См. карту Арзамасского уезда в цит. соч. А. В. Эммаусского.

Библиотека "Руниверс"

скому воеводе привести крестьян деревни Полдомасово в покорность и добиться подчинения их власти помещиков: «А будет тое деревни Полдомасова крестьяне наших грамот не послушают, а отказатися за Федора да за Якова в поместье не дадут, и ты б, господине, тое деревни Полдомасова, велел привести, выбрав лутчих, крестьян человек дву или трех, да за то их непослушанье велел бити батоги, а, бив батоги, велел вкинути в тюрьму на... дни, а ис тюрьмы выняв, велел их отдати Федору да Якову и по прежней и по сей нашей грамоте велел тем крестьяном деревни [Полдомасо]вой Федора да Якова слушати во всем» [1].

Борьба крестьян деревни Полдомасово против превращения их из свободных в крепостных развернулась шестью годами позже восстания Болотникова. Но данный эпизод вполне правомерно может быть использован и для выяснения обстановки в Арзамасском уезде накануне восстания Болотникова. Ибо раздача земель и крестьян помещикам в Арзамасском уезде шла на протяжении всего конца XVI — начала XVII в., а история деревни Полдомасово показывает, как реагировало крестьянство на крепостническую политику правительства.

Еще более яркий факт, характеризующий борьбу крестьян Арзамасского уезда против их закрепощения, сохранил «Карамзинский Хронограф». В 1611 г., после захвата Смоленска поляками, руководители земского ополчения направили в Арзамас «Смольян дворян и детей боярских», изгнанных поляками из Смоленских городов, «испоместити их из дворцовых сел». Вместе с смоленскими помещиками, «для розделу», был послан представитель властей Н. В. Траханиотов. Однако крестьяне дворцовых сел оказали решительное сопротивление попытке превратить их в крепостных новоявленных помещиков: «...и дворцовые мужики не послушали, делить себя не дали, чтоб им не быть за ними в поместьях, и стояли многое время, и бои с мужиками были, только мужиков не осилили, помогали мужикам Арзамаские стрелцы триста человек» [2].

Эти факты борьбы арзамасских крестьян бросают яркий свет на борьбу в Приволжском районе и во время восстания Болотникова.

Особое место в составе населения Арзамасского и других уездов Приволжья занимали бортники. Участие бортников в восстании, как об этом свидетельствует «Новый Летописец», делает необходимым выяснение социального лица этой группы. В литературе существуют весьма большие расхождения в трактовке бортников. С. Ф. Платонов, основываясь на том, что в разрядах

---

[1] «Арзамасские поместные акты», № 348.

[2] *А. Попов*, Изборник, стр. 352, 353 (с поправками, опубликованными С. Белокуровым, стр. 277).

Библиотека "Руниверс"

XVI в. бортникам вместе с «инородцами» велся «особый счет», относил бортников к «инородцам» [1]. Напротив, А. А. Гераклитов рассматривает бортников как русских, считая бортников наиболее древним элементом среди русского населения на мордовских землях [2]. Из этих двух точек зрения верной является точка зрения А. А. Гераклитова. Отнесение С. Ф. Платоновым бортников к нерусскому населению Приволжья можно объяснить лишь неисследованностью истории Поволжья, когда писались его «Очерки по истории Смуты». В источниках национальная принадлежность бортников указывается с полной определенностью. Не говоря о чисто русских именах бортников (см. ниже), они прямо называются в актах «русскими людьми». Не вдаваясь в подробности, можно по вопросу о национальности бортников ограничиться выдержками из писцовых наказов 1619 и 1629 гг. писцам Арзамасского и Нижегородского уездов. В первом из наказов предписывается «писати в книги имянно, в котором селе и в деревне хто имяны мордвы и *бортников русских людей...*» [3] Второй из названных наказов не менее отчетливо выделяет бортников из нерусского населения Нижегородского уезда. Писцам предписывалось, «ставя перед собою бортников, и мордву, и черемису, и их разпрашивати, бортников по государеву (п. т.) крестному целованью, а мордву и черемису по их вере» [4].

Исследования А. А. Гераклитова не только выясняют этническую принадлежность бортников, но и позволяют определить их социальное лицо. По мнению А. А. Гераклитова, появление бортников на мордовских и других национальных землях Поволжья было результатом русской колонизации Поволжья, причем колонизации вольной, а не насильственной: «Вольная колонизация предшествовала подневольной: русский бортник появился среди Арзамасской мордвы раньше служилого человека и раньше крестьянина русского помещика или вотчинника» [5].

Характерной чертой колонизации бортников являлось оседание бортников в мордовских поселениях и ведение бортниками своего бортного промысла в мордовских бортных ухожаях [6]. Такой характер жизни и производственной деятельности бортников способствовал их сближению с мордовским населением. В то же время, будучи по своей социальной природе свободными от феодальной зависимости крестьянами, бортники оказывались в точно такой же

[1] *Платонов*, Очерки, стр. 608, примеч. 104.

[2] *А. А. Гераклитов*, Арзамасская мордва. «Ученые записки Саратовского государственного университета», т. VIII, вып. II, Педагогический факультет, Саратов 1930, стр. 19, 24, 28, 42 и др.

[3] Акты писцового дела, изданные С. Б. Веселовским, т. I, № 96. М. 1913, стр. 151.

[4] Акты писцового дела, т. II, вып. 1, № 64, стр. 138.

[5] *А. А. Гераклитов*, Арзамасская мордва, стр. 19.

[6] Там же, стр. 25 и сл.

Библиотека "Руниверс"

степени объектом крепостнической колонизации Поволжья русскими помещиками, как и мордва. Захват мордовских земель и бортных ухожаев равно ударял и по русским бортникам. Но русские бортники испытывали на себе результаты развития крепостнических отношений в Поволжье и еще более непосредственно. Подобно крестьянам черных и дворцовых земель, бортники также являлись объектом земельных раздач, превращаясь таким образом в крепостных крестьян [1]. Итоги этого процесса зафиксированы применительно к Нижегородскому уезду в писцовом наказе 1629 г.: «А которые бортники в нижегородских в бортных ухожаех ходят, а с тех бортных ухожаев знамян оброк платили в Нижнем Новгороде, а ныне те бортники по государеву жалованью в роздаче за бояры, и за стольники, и за приказными людьми, и за дворяны, и за иноземцы в вотчине и в поместье, а с тех бортных ухожаев знамян в государеву казну не платят, а платят ныне своим вотчинником и помещиком, и те бортные ухожаи и знамена и всякие угодьи... написати за теми вотчинниками и за помещики особно, своею статьею, опричь государевых оброчных бортных ухожаев и всяких угодей» [2]. Таких бортников, превращенных в крепостных крестьян, можно в большом количестве наблюдать в земельных актах первой половины XVII в. В качестве примера можно привести поместье Станислава Граевского, в Курмышском уезде, получившего его в 1624 г. В числе других угодий С. Граевский получил и бортные угодья: «Из Осташевского бортного ухожья знамя жилое, да знамя пустое, да знамя вопче с Михайлом Стрижевским, а ходят в них крестьяне боярина князь Ивана Михайловича Воротынского разных деревень: знамя жилое, вилы з двумя рубежи, ходит бортник деревни Вадской Авдейко Михайлов, да знамя пустое, конь з четырмя рубежи с праводом, ходили бортники деревни Медведевы Степанко Филипьев сын Шерстин да Микифорко Иванов» [3]. Приведенный пример позволяет установить три момента в судьбах Осташевского бортного ухожая и «ходивших» в нем бортников. В 1624 г. данный ухожай попал к помещику Граевскому; до этого он был пожалован князю И. М. Воротынскому, а еще раньше, очевидно, был «государевым бортным

[1] Социальное лицо бортников и их положение в начале XVII в. очень хорошо характеризуется одной из отписок курмышскому воеводе С. В. Елагину некоего Алешки Уварова: «Послал (послан? — *И. С.*) есми, господине... в Курмышской уезд в деревню Шершову... отказати ту деревню Шуршову (sic!) дьяку Афонасью Овдокимову в поместье со всеми угодьи... и яз... приехал в ту деревню Шершову: ибо[р]тники, господине, Шершовские отказали: «мы де живем ни в Курмышском уезде, в Нижегородском уезде, и за помещики де мы не бывали ни за кем; сами де мы земскую служим службу» (Курмышские акты, № 4, 25 декабря 1611 г.; «Летопись занятий Археографической комиссии», вып. 1, 1862, отд. II, стр. 10).

[2] Акты писцового дела, т. II, вып. 1, № 64, стр. 139.

[3] «Действия Нижегородской учебной архивной комиссии». Сборник, т. XV, вып. 11, 1913. Выписка из писцовых книг Курмышского уезда, стр. 10.

Библиотека "Руниверс"

ухожаем». В данном случае благодаря имени князя Воротынского мы можем приблизительно определить и время перехода Осташевского ухожая в частные руки. Это имело место, вероятнее всего, в годы, близкие к восстанию Болотникова, к которым относится деятельность И. М. Воротынского.

Захват землевладельцами-феодалами бортных ухожаев и превращение в результате этого бортников в крепостных крестьян означали коренной переворот в положении бортников, терявших вместе с землей и свободу. В этом и следует искать причину участия бортников в борьбе в Приволжье. В приведенном выше эпизоде, связанном с Долгой поляной, вместе с мордвой деревни Пастьяновой в борьбе против дозорщиков, угрожавших отобрать Долгую поляну, действуют и русские бортники, жившие в той же деревне. Этот характерный случай может служить как бы предвестником той совместной борьбы бортников и мордвы, которая развернулась в несравненно более крупных масштабах во время восстания Болотникова.

Период активного участия Приволжского района в восстании Болотникова падает на конец 1606 — начало 1607 г. Такая датировка времени активной борьбы в приволжских уездах может быть получена на основании материала «Арзамасских поместных актов». В «Отказной книге по Арзамасу», содержащей различного рода документы по вопросам землевладения (опубликованной в «Арзамасских поместных актах»), легко обнаруживается период прекращения деятельности арзамасской администрации, в лице арзамасского городового приказчика Ю. Лобанова, с 30 сентября 1606 г. по 21 января 1607 г. (документы идут в такой хронологической последовательности: 21 июня, 26 июня, 30 июля, 2 августа, 7 августа, 8 сентября, 13 сентября, 17 сентября, 17 сентября, 23 сентября, 30 сентября 1606 г., 21 января, 28 января 1607 г. и т. д. — «Арзамасские поместные акты», по оглавлению). Отмеченный хронологический перерыв в документах, занесенных в «Отказную книгу», не может быть объяснен утерей документов или какими-либо иными случайными причинами, так как текст «Отказной книги» сохранился полностью. Таким образом, отсутствие в книге документов за октябрь 1606 г. — январь 1607 г. свидетельствует именно о том, что в этот период прекратились самые действия арзамасской администрации по земельным делам.

Определение хронологии борьбы в Арзамасском уезде, сделанное нами на основании материала «Арзамасских поместных актов», подтверждается данными и других источников о борьбе в Приволжье (как это будет видно из дальнейшего изложения).

О самой борьбе в Приволжском районе в источниках сохранились лишь очень отрывочные и общие сведения, и только взятые во всей их совокупности эти данные позволяют составить хотя бы некоторое представление о характере и масштабах борьбы.

Библиотека "Руниверс"

В «Новом Летописце» событиям борьбы в Приволжье посвящена краткая глава «О крепостоянии Нижнего Новаграда от воров». В этой главе, помещенной после рассказа о приходе Болотникова к Москве, но до главы о победе над Болотниковым в Коломенском, сообщается в общей форме о том, что «в та же времена собрався мордва и бортники и боярские холопи и крестьяне, приидоша под Нижней Новгород, осадиша. В них же старейшин два мордвина: Москов до Воркадин, и стояху под Нижним и многие пакости граду делаху» [1].

Другой источник летописного типа, «Карамзинский Хронограф», сообщает несколько более подробные данные о движении в Приволжье. Рассказ «Карамзинского Хронографа» по форме представляет собой запись о походе воевод Василия Шуйского против восставших городов, но в отличие от обычных разрядных записей содержит и некоторые сведения о восставших и их действиях.

Рассказ «Карамзинского Хронографа» помещен после рассказа об осаде воеводами Шуйского Калуги и о их поражении Болотниковым. Закончив рассказ о событиях под Калугой сообщением о снятии воеводами Шуйского осады Калуги и отходе их в Серпухов, автор переходит затем к описанию событий в Приволжье: «Того ж 115 году от царя Василья посланы воеводы Григорей Григорьевичь Пушкин Сулемша да Сергей Григорьев сын Ододуров, а с ними ратные люди володимерцы, суздольцы, муромцы, а велено им итти на Орзамас и на Олатарь, что те городы и с уездами были в-ызмене — от царя Василья отложилися; и Орзамас и Олатарь с уезды привели к царю Василью. А на Олатаре воеводу Ждана Степановича Сабурова алаторские воры в воду посадили, а товарыща ево казанца Офонасья Степанова сына Нарманскова били и в тюрму сажали, а животы их пограбили. А Нижней Новгород стоял за царя Василья, от воров от руских людей был в осаде, а стояли под Нижним руские люди и бортники и мордва, а с ними был за воеводы место Иван Борисов сын Доможиров, нижегородец, да с ним выбраны два мордвина, Варгадин да Москов. И как они уведали, что царя Василья московские люди идут на Орзамаские и на Олатырские места, ис-под Нижнева воры разбежались» [2].

В этом рассказе «Карамзинского Хронографа» бросается в глаза сходство в описании осады Нижнего Новгорода с рассказом «Нового Летописца». Очевидно, в основе данного рассказа «Карамзинского Хронографа» лежит тот же источник (вероятнее всего, какая-либо разрядная запись), что и использованный «Новым Летописцем».

---

[1] ПСРЛ, т. XIV, стр. 72.

[2] *А. Попов*, Изборник, стр. 333, 334. (Текст исправлен по рукописи. — *И. С.*)

*

Библиотека "Руниверс"

Можно обнаружить и еще один источник рассказа «Хронографа». В одной из разрядных книг, опубликованных С. Белокуровым, имеется следующая запись о посылке Г. Г. Пушкина и С. Г. Ододурова: «Того ж году послал царь Василей воевод Григорья Григорьева сына Пушкина да Сергея Ододурова с ратными людми под Муром, под Орзамас, под Олаторь, и городы многие поворотили царю Василью и ко кресту привели» [1].

Сопоставляя эту разрядную запись с рассказом «Карамзинского Хронографа», не трудно убедиться в том, что, очевидно, автор «Хронографа» использовал именно такого рода запись. Однако и в этом случае автор «Карамзинского Хронографа» переработал свой источник на основании того запаса сведений (или источников), которыми он располагал.

Взятый в целом, рассказ «Карамзинского Хронографа» весьма интересен, так как позволяет гораздо более конкретно представить характер движения в Приволжье, чем это можно сделать на основании известия «Нового Летописца». Но вместе с тем он требует и критической оценки. Так, он явно неверен в части хронологии, относя поход Г. Пушкина и С. Ододурова к 1607 г. Эта ошибочная хронология объясняется самой манерой изложения в «Хронографе»; автор сначала закончил рассказ о Калуге, а затем перешел к новому эпизоду. Другая ошибка, допущенная «Хронографом», касается Мурома. В то время как разрядная запись помещает Муром в число городов, против которых были посланы Г. Пушкин и С. Ододуров, «Карамзинский Хронограф» исключает Муром из городов, бывших «в измене», и, напротив, называет «муромцев» среди ратных людей в отряде Г. Пушкина и С. Ододурова. Из этих двух версий о Муроме верной является версия разрядной записи, так как факт участия Мурома в движении приволжских уездов с бесспорностью устанавливается грамотой Василия Шуйского в Муром от 15 декабря 1606 г. [2]

Центральное место в характеристике борьбы в Приволжском районе, однако, должно принадлежать актовому материалу и прежде всего грамоте Василия Шуйского в Свияжск от 25 ноября 1606 г. В этой грамоте особенно ценными являются данные, характеризующие борьбу нерусских народностей Приволжья. Одним из центров этой борьбы являлся город Курмыш. Грамота приводит показания одного московского стрельца, приехавшего в Москву из Казани и, таким образом, пересекшего весь район борьбы в Приволжье. Из этих показаний мы узнаем о том, что в Курмыше действовал «вор новокрещен арземаской помещик Ондрюшко Борисов сын Казаков, назвався князем, а приводит

---

[1] *Белокуров*, стр. 44.

[2] «Действия Нижегородской ученой архивной комиссии». Сборник, т. XI, стр. 3, 4.

Библиотека "Руниверс"

на Курмыше всяких людей ко кресту тем же воровством, будто царю Дмитрею, и в татарове и в черемису в горную к Ядрину городу послал к шерти приводить татарина, а к Москве де никаких людей проезжих и гонцов не пропущает, грабит с воры, которые к нему прибрались, а иных побивает» [1].

Таким образом, Курмыш являлся центром движения крупного района, охватывавшего татар, горных черемисов (мари) и мордву. Возглавлявший движение в Курмыше «новокрещен» Казаков, повидимому, происходил из татарских мурз Арзамасского уезда, известная часть которых крестилась и вошла в состав русских служилых людей. Можно даже сблизить его с одним из таких мурз. В XVI в. некий «князь Шейсупов (повидимому, выкрест из татар) получил в вотчину для крещения мордву села Казакова», в Арзамасском уезде [2]. Если прозвище «Казаков» связать с селом Казаковым, то можно высказать предположение, что Андрей Казаков являлся одним из потомков князя Шейсупова, что и дало ему возможность «назваться князем». Провозглашение А. Казаковым себя «князем», приведение «к кресту» на имя «царя Димитрия» русского населения и рассылка людей для приведения к присяге («шерти») татар и горных черемис (мари); задержание царских гонцов и непропуск к Москве «никаких людей проезжих», равно как и расправы с ними — все это указывает на то, что борьба в районе Курмыша приобрела большой размах.

Важное дополнение к данным грамоты Василия Шуйского в Свияжск по вопросу о движении нерусских народностей Приволжья содержится в одной из редакций «Нового Летописца», в так называемом «Новом Летописце по списку князя Оболенского», где в числе городов, восставших против Василия Шуйского, названы также и Чебоксары. Известие это находится в главе, где говорится о приходе «царевича» Петра («вора Илюшки») в Путивль и об убиении воевод по городам, и представляет собой простую запись о том, что «в Чебоксарех тогда ж убиша воеводу Тимофея Исаева сына Есипова, и которые грады от Москвы отступиша, тех градов воевод всех побиша»[3]. Но, несмотря на свою краткость, оно ценно тем, что расширяет район восстания в Приволжье, включая в территорию, охваченную восстанием, также и район, населенный чувашами, в центре которого находились Чебоксары. Мы, таким образом, получаем возможность говорить и об участии чувашей в борьбе в Поволжье уже в 1606—1607 гг., тогда как другие источники, называющие чувашей среди участников борьбы народов Поволжья, относятся к 1609 и еще более поздним годам [4].

---

[1] «Костромская старина», вып. III, 1894, отд. I, стр. 6.
[2] *И. Н. Смирнов*, Мордва, 1895, стр. 93.
[3] «Новый Летописец по списку князя Оболенского», 1853, стр. 83.
[4] ААЭ, т. II, № 114/II, № 116.

Библиотека "Руниверс"

Наряду с Курмышом и Ядрином грамота в Свияжск отмечает и другой центр движения, указывая, что «в иных местах воруют арземаские и нижегородцкие помещики, приводят ко кресту воровством, Ивашка да Матюшка Борисовы дети Доможирова, да Сенка Родионов и иные воры» [1].

Что касается самого Свияжска, то грамота Шуйского призывает жителей Свияжска быть верными царю и вести борьбу против восставших. В этих целях грамота предписывает свияжским воеводам, чтобы они «свияжским дворяном, и детем боярским, и свияжским служилым князем, и мурзам и татарам наше жаловалное слово сказали, чтоб они жили бесстрашно, и в Свияжском уезде по волостям велели беречи накрепко, где какие воры в Свияжском по слободам или в Свияжском уезде появятся и учнут в русских людех, и в татарех, и в черемисе смуту делать для грабежу, приводить ко кресту, а татар и черемису к шерти, или которые воры от воров же прибежат в Свияжской или в Свияжской уезд, и вы б им тех воров велели, имая, приводить к себе в Свияжской» [2]. Однако удержать Свияжск на своей стороне (и даже использовать его в качестве центра для борьбы с восстанием в Поволжье, как увидим ниже) правительству Шуйского не удалось. Из грамоты патриарха Гермогена казанскому митрополиту от 22 декабря 1606 г. видно, что и Свияжск также примкнул на определенном этапе к движению: когда в Свияжск «пришли... воры и богоотступники», то жители Свияжска («дворяне и дети боярские, и голова стрелецкая, и сотники, и пятидесятники, и десятники, и рядовые стрельцы, и земские торговые и чорные люди») также целовали «крест по записи царевичу Дмитрею Углецкому», за что митрополит даже наложил на Свияжск церковный запрет [3].

Чтобы закончить рассмотрение материалов о движении в Приволжье, следует остановиться на вопросе о положении в Муромском уезде. Мы уже отмечали, что основным источником здесь является грамота Василия Шуйского от 15 декабря 1606 г. Из этой грамоты видно, что в Муроме тоже «воровали» и «изменяли» Шуйскому, причем грамота перечисляет и имена «воров и изменников», стоявших во главе движения в Муроме: Г. Елизарова, С. Чаадаева и других. Грамота не указывает социальной принадлежности этих людей, называя их просто «муромцы». Но, судя по фамилиям (Чаадаев, Власьев, Новосильцев, Чертков), они принадлежали к служилым людям Мурома. Однако в движении принимали участие и посадские люди, так как с челобитной о покорности Шуйскому были посланы «муромские посадские люди

[1] «Костромская старина», вып. III, стр. 6.
[2] Там же, стр. 5.
[3] ААЭ, т. II, № 61.

Библиотека "Руниверс"

Семейка Черкасов с товарищи». Наконец, грамота отмечает и связи Мурома с другими центрами восстания в Приволжье, указывая, что «к вам же в Муром прислали из Нижегородского уезду наши изменники князь Иван Болховской да Ивашка Доможиров сына боярского Баженка Есина для ратных людей, чтоб вы прислали с ним на помогу ратных людей» [1].

Таковы те сведения, которые сохранились в источниках о движении в Приволжском районе.

Это движение представляется очень сложным по составу участников, характеру и формам борьбы. С одной стороны, мы видим в числе его участников русских крестьян, холопов, бортников, что свидетельствует об антифеодальном характере движения. С другой стороны, крупную роль в движении играла борьба поволжских народов: мордвы, черемисов (мари), чувашей, татар — борьба, носившая национально-освободительный характер. При этом обе отмеченные струи в движении приволжских уездов не являлись обособленными, а были тесно связаны как в плане идеологическом — ибо движение шло под лозунгом «царя Димитрия», — так и в процессе самой борьбы, что особенно ярко выявилось в осаде Нижнего Новгорода объединенным войском из русских холопов, крестьян, бортников и отрядов мордвы. Наконец, и в Приволжье, как и в других местах, к движению угнетенных низов примкнули известные элементы из числа русских помещиков, а также отдельные представители и феодальных верхов поволжских народов. Из русских помещиков наиболее видную роль источники отводят Ивану Борисовичу Доможирову (бывшему, по словам «Карамзинского Хронографа», «за воеводы место» в войске восставших, осаждавшем Нижний Новгород), его брату Матвею, а также князю Ивану Болховскому и Семену Родионову. Братья Доможировы являлись сыновьями арзамасского воеводы Б. И. Доможирова. Б. И. Доможиров стал арзамасским воеводой при Лжедмитрии I [2] и пробыл в этой должности до августа 1606 г. [3], когда он, как можно думать, был смещен Василием Шуйским. Эти данные из биографии Б. И. Доможирова могут в известной мере объяснить активное участие Доможировых в движении, шедшем под лозунгом «царя Димитрия». Об И. Б. Доможирове сохранилось упоминание в разрядах, что он в 1604—1606 гг. был стрелецким головой в Цареворокшайске [4]. Основываясь на этом, П. Г. Любомиров

[1] «Действия Нижегородской ученой архивной комиссии». Сборник, т. XI, стр. 3, 4.

[2] См. «Арзамасские поместные акты», стр. 263, документ от 3 февраля 1606 г. Предшественник Б. И. Доможирова в Арзамасе И. Б. Голочелов упоминается последний раз в документе от 20 апреля 1604 г. (там же, стр. 246).

[3] Последний документ с его именем — от 3 августа 1606 г. (там же, стр. 291).

[4] *Белокуров*, стр. 205.

Библиотека "Руниверс"

высказал весьма вероятное предположение: «Не Ив. ли Доможиров был «голова стрелецкой из Кокшайского», встретивший «выше Свиязского города десять верст» отряд самозванца Илейки-Петра и сообщивший ему о гибели «на Москве Гришки Ростриги», о котором говорит в своих показаниях Петр-Илейка» [1]. Если это так, то в таком случае И. Б. Доможиров был лицом, непосредственно знавшим о движении Петра-Илейки.

К этой же дворянско-помещичьей группе участников движения следует, очевидно, отнести и «муромцев». Трудно сказать что-либо более конкретное о мотивах участия этих нижегородских, арзамасских и муромских помещиков в борьбе, развернувшейся в Приволжье (за исключением отмеченных выше связей некоторых из них с Лжедмитрием I). Можно лишь констатировать самый факт этого участия, и притом участия активного.

Несколько иной характер носило участие в движении представителей социальной верхушки народов Поволжья. Вряд ли можно, например, сомневаться в том, что провозглашение А. Казаковым себя «князем» представляло собой попытку использования благоприятной обстановки для восстановления своих социальных привилегий. Однако реакционная тенденция такого рода актов представителей местной знати оттеснялась на задний план и парализовалась активным участием в борьбе широких масс мордовского, марийского и татарского населения Приволжья, которых объединял вокруг таких людей, как А. Казаков, самый факт их борьбы против царской администрации и которые своим участием в этой борьбе придавали ей антифеодальный, освободительный характер. Такой характер взаимоотношений между рядовыми участниками движения народов Приволжья и их руководителями можно видеть более отчетливо в случае с мордовскими «старейшинами» Воркодином и Московым, которые были «выбраны» на свои посты участниками похода на Нижний Новгород.

О формах борьбы в Приволжском районе источники сообщают еще более скудные данные, чем о составе ее участников.

Наиболее крупным событием в этой борьбе следует, повидимому, считать поход восставших на Нижний Новгород. Этот поход и осада восставшими Нижнего Новгорода — главного административно-политического центра Поволжья — как бы повторяет в местном масштабе поход и осаду Болотниковым Москвы. В связи с походом на Нижний Новгород источники сообщают некоторые данные и о внутренней организации сил восставших и о руководителях их войска. Существенный момент, характеризующий действия руководителей восстания в Приволжье, отмечает грамота Василия Шуйского в Муром. Как мы видели, И. Домо-

[1] *П. Г. Любомиров*, Очерки истории Нижегородского ополчения, изд. 2, 1939, стр. 323.

Библиотека "Руниверс"

жиров и князь И. Болховской пытались установить связь с восставшим Муромом и привлечь его силы в свое войско, требуя от муромцев прислать «на помогу ратных людей».

Помимо сведений о военной борьбе восставших против воевод Шуйского, деятельность восставших освещается в источниках и еще с одной стороны. Население района восстания приводилось к присяге на имя «царя Димитрия». Этот момент равно характеризует и русские и нерусские центры восстания. Ценную деталь по этому поводу сообщает грамота патриарха Гермогена в Свияжск. Жители Свияжска целовали крест на имя «царя Димитрия» «по записи». Это свидетельствует о том, что переход данного города на сторону восстания оформлялся соответствующим образом — путем составления особой крестоцеловальной «записи» с присягой «царю Димитрию».

Насколько можно судить по данным источников, движение в приволжских уездах распространялось чисто стихийно. Отличительной чертой восстания в Приволжье следует считать значительно более низкий уровень борьбы, чем в основных, центральных районах восстания Болотникова, и отдельные центры восстания оставались по сути дела совершенно изолированными друг от друга. Можно наметить два основных района восстания: Арзамасско-Алатырский и Курмышско-Ядринский.

Что касается данных, которые характеризовали бы борьбу в Приволжье в плане социальном, то единственное, что сохранили источники, — это известие о расправе восставших с алатырскими воеводами (особенно интересно сообщение о заключении одного из воевод в тюрьму — факт, свидетельствующий о наличии какой-то формы управления в восставшем городе), сообщение грамоты Василия Шуйского в Свияжск об аналогичных действиях А. Казакова в Курмыше да глухое указание «Нового Летописца» о «пакостях», учиненных восставшими во время осады Нижнего Новгорода. Вряд ли, однако, можно сомневаться в том, что таких актов стихийной расправы восставших как с представителями царской администрации, так и с помещиками было гораздо больше, чем их отмечено в источниках.

Наконец, следует поставить вопрос о том, были ли связаны участники борьбы в Приволжье с основными центрами восстания Болотникова? В общей форме на этот вопрос можно ответить утвердительно. Движение в Приволжском районе было связано с восстанием Болотникова не только идеологически — лозунгом «царя Димитрия», — но и организационно-политически. Известие о такого рода связях сохранила грамота Василия Шуйского в Пермь от 9 декабря 1606 г. В показаниях П. Благово, приводимых в этой грамоте, находится весьма важное известие о действиях войска восставших под Нижним Новгородом. По словам П. Благово, когда он «пошел в Кузьмадемьянский, и встретил де его на

Библиотека "Руниверс"

дороге сын боярской Василий Вакулов, а сказал ему, что стоят под Нижним воры и гонцов имают и водят в Путивль, а иных побивают» [1]. Таким образом, руководители войска, осаждавшего Нижний Новгород, поддерживали непосредственную связь с Путивлем, считавшимся местом нахождения «царя Димитрия». Однако насколько прочными или регулярными были эти связи, об этом никаких данных нет. Можно лишь, исходя из общего характера борьбы в Приволжье, полагать, что характер этих связей был эпизодический или, вернее, символический, и ни о каком руководстве из Путивля движением в Приволжье, конечно, не могло быть и речи.

Движение в Приволжье развертывается в момент наибольшего подъема восстания Болотникова. Такое хронологическое совпадение не является случайным: борьба в приволжских уездах сама была одним из выражений этого подъема. Правительство Шуйского первоначально, повидимому, не представляло себе масштабов движения в Приволжье и намеревалось подавить его силами местных гарнизонов, не прибегая к посылке специальных карательных экспедиций.

Эта стадия мероприятий Шуйского по подавлению восстания в Приволжье отражена в грамоте в Свияжск. В этой грамоте восстановление «порядка» в Приволжье, в частности в Курмышско-Ядринском районе, возлагалось на свияжских воевод, которым предписывалось послать в Курмыш войска для поимки Казакова и восстановления в Курмыше власти Шуйского. Грамота содержала подробную инструкцию о размерах, составе и порядке комплектования того отряда, который предназначался для усмирения Курмыша: «И вы б тотчас из свияжских жильцов выбрали сына боярского добра, а с ним детей боярских пятдесят человек, да литовских людей двадцать человек, да с ним же сотника, да сто человек стрелцов, дав стрелцам по фунту зелья да по фунту свинцу... А к тому в прибавку велели есмя послати из Чебоксар с Тимофеем Есиповым десять человек детей боярских, да сотника, да сто человек стрелцов, да с ним же из Кузьмодемьянского сотник Семен Болтин, да сто человек стрелцов, да из Цывилского ж велели есмя послати новокрещена Ивана, а прозвище Крым-Сару Кара-Чюрина с новокрещенными с татары и с черемисою с охочими людми, сколько их приберутся...; да и татар бы есте на воров послали, будет они нам служат прямо и шатости будет в них нет» [2]. Таким образом, отряд, направлявшийся в Курмыш, должен был состоять из 60 детей боярских и четырех сотен стрельцов, не считая «литовских людей» и «охочих людей» из «новокрещен» — татар и черемисов.

---

[1] ААЭ, т. II, № 60.

[2] «Костромская старина», вып. III, 1894, отд. I, стр. 8.

Библиотека "Руниверс"

Однако из этого плана ничего не получилось. Как мы видели, Свияжск не только не возглавил борьбу против восстания, но и сам «изменил» Василию Шуйскому, примкнув к движению.

Поражение Болотникова под Москвой коренным образом изменяло положение в стране. Теперь правительство Шуйского видело свою задачу в том, чтобы довершить разгром восстания и восстановить «порядок» во всей стране. Как мы видели, план Шуйского включал в себя и подавление движения в Приволжье.

В изложении этого плана в источниках, однако, нет единства и ясности. В «Новом Летописце», в главе «О посылке бояр и воевод под городы на воровских людей», отмечена посылка «под Арзамас князя Ивана Михайловича Воротынсково». В этой же главе отмечены и результаты похода князя Воротынского: «Боярин князь Иван Михайлович Воротынской град Арзамас взял, и повелеша отойти в Олексин» [1]. Однако к этому известию «Нового Летописца» еще со времен Карамзина существует недоверие. Карамзин, основываясь на данных «Хронографа Столяра» (т. е. «Карамзинского Хронографа»), поставил под сомнение достоверность известия «Нового Летописца» о походе И. М. Воротынского под Арзамас: «Известие об отправлении князя Воротынского под Арзамас не согласно с другими. Туда велено было итти воеводам Г. Г. Пушкину и С. Г. Ададурову с ратными людьми, владимирскими, суздальскими и муромскими. Воротынский же послан был к Алексину и к Туле» [2].

Противоречие между данными «Нового Летописца» и «Карамзинского Хронографа», отмеченное Карамзиным, действительно имеет место. Однако способ разрешения этого противоречия, предложенный Карамзиным, т. е. простое устранение известия «Нового Летописца», создает в свою очередь ряд трудностей, ибо в этом случае встает вопрос: откуда же пришел тогда в Алексин И. М. Воротынский, факт нахождения которого под Алексином не вызывает сомнений. Отбрасывая версию «Нового Летописца» о том, что князь Воротынский пришел под Алексин после взятия им Арзамаса, мы должны допустить, что он шел к Алексину прямо из Москвы. Но чем объяснить тогда отсутствие известия об этом походе и в «Новом Летописце» и в разрядах?

С другой стороны, еще Арцыбашев предлагал найти выход из затруднения путем признания того, что «Пушкин и Ададуров... могли быть только передовыми Воротынского» [3]. Эта гипотеза Арцыбашева представляется мне заслуживающей внимания, во всяком случае более приемлемой, чем простое отрицание известия «Нового Летописца», тем менее обоснованное, что, как мы видели

[1] ПСРЛ, т. XIV, стр. 73.

[2] *Карамзин*, т. XII, примеч. 105.

[3] *Н. С. Арцыбашев*, Повествование о России, т. III, кн. V, 1843, стр. 156, примеч. 865.

Библиотека "Руниверс"

при рассмотрении известий «Нового Летописца» о других городах, глава «О посылке бояр и воевод» построена на данных разрядных записей и очень точно передает развитие событий.

Поход воевод Шуйского против восставших приволжских городов имел место, очевидно, непосредственно после битвы в Коломенском 2—5 декабря 1606 г. Опорным пунктом для определения времени этого похода может служить грамота Шуйского в Муром. Как это видно из разрядной записи о Г. Пушкине и С. Ододурове, Муром являлся одним из городов, которые воеводы должны были «поворотить» царю Василию. Этот момент подчинения Мурома власти Василия Шуйского датируется в грамоте 11 декабря 1606 г.: «Писали есте к нам, что вы декабря в 11 день в Муром приехали и наши грамоты дворяном и детем боярским чли, и дворяне и дети боярские и посацкие люди нам крест целовали и с подлинною челобитною к нам муромских посадских людей Семейку Черкасова с товарищи прислали, и изменников наших... переимали миром и в тюрму посажали» [1]. Хотя ни Воротынский, ни Пушкин с Ододуровым в грамоте не упомянуты (это можно объяснить тем, что грамота адресована тем ратным людям, которые были оставлены в Муроме для утверждения там власти Василия Шуйского), вряд ли можно сомневаться в том, что 11 декабря в Муром прибыл один из отрядов (или все войско) Пушкина и Ододурова.

С другой стороны, грамота (датированная 15 декабря) изображает положение в Нижегородском уезде как продолжающееся еще господство там «изменников» и призывает в связи с этим муромцев не поддаваться «воровским смутам».

Таким образом, дальнейшие этапы похода воевод Шуйского падают на вторую половину декабря 1606 г. или январь 1607 г. Именно к этому времени и следует отнести освобождение воеводами Шуйского Нижнего Новгорода от осады его войском восставших и «приведение» «к царю Василью» Арзамаса и Алатыря.

Еще до этого жители Свияжска сами «били челом» Василию Шуйскому [2].

Таким образом, поход воевод Шуйского в Приволжье увенчался несомненным успехом. Существенно отметить, однако, что источники, говоря об итогах борьбы в Приволжье, по-разному характеризуют ее исход в различных городах. Так, про Муром и Свияжск источники говорят, что эти города принесли повинную Василию Шуйскому. Для характеристики же района Нижнего Новгорода в источниках употреблена иная формула. Здесь момент повинной уже отсутствует и отмечается лишь, что восставшие

[1] «Действия Нижегородской ученой архивной комиссии». Сборник, т. XI, стр. 3.
[2] ААЭ, т. II, № 61.

Библиотека "Руниверс"

«разбежалися», не будучи в силах противостоять воеводам Шуйского. Можно полагать, что это различие оценок в источниках отражает и различие в самом ходе событий. Исаак Масса, характеризуя позицию ряда городов во время восстания Болотникова, отмечает, что «многие города колебались и склонялись то к одной, то к другой стороне» [1]. Повидимому, именно такого рода колебание и имело место в Муроме и Свияжске, которые под влиянием разгрома Болотникова под Москвой колебнулись в сторону Василия Шуйского. Напротив, район Арзамаса, Алатыря и других уездов Среднего Поволжья продолжал оставаться враждебным Шуйскому и вынужден был лишь временно подчиниться силе его войск, с тем чтобы в благоприятной обстановке вновь подняться на открытую борьбу (что и имело место в 1608 и последующих годах).

Таким образом, успехи Шуйского в Приволжье были очень непрочны и весьма относительны. Однако они все же имели определенный эффект, устранив непосредственную опасность восстания в Среднем Поволжье и укрепив этим позицию Шуйского в борьбе против Болотникова.

Нам предстоит теперь обратиться к рассмотрению третьего момента, определявшего наряду с борьбой в Подмосковном районе и Приволжье обстановку в стране в послемосковский период восстания Болотникова. Этим моментом было, как мы отмечали, движение «царевича» Петра.

Начало движения «царевича» Петра относится к зиме 1605/06 г., когда у зимовавших на Тереке казаков возникло «воровское умышление, как им того Илейку Муромца назвати царевичем Петром» [2]. На этом этапе движение «царевича» Петра можно рассматривать как одно из проявлений той казачьей «смуты великой», которая характеризует положение на Нижней Волге и на Тереке в это время и является предметом переписки между астраханскими и терскими воеводами [3].

Характерной чертой начального периода движения «царевича» Петра было то, что в нем еще можно наблюдать проявления «разбойных» тенденций казачьих походов за добычей. Из показаний «царевича» Петра видно, что самое возникновение движения казаков было связано с тем, что во время зимовки «стали де казаки думать всем войском, чтобы итти на Кур реку, на море, громить Турских людей на судах, а будет де и там добычи не будет, и им де было козаком х Кизыльбашскому шах Аббасу служить». Однако движение все же не пошло по этому, разбойному, пути. Показания того же «царевича» Петра свидетельствуют о том, что

[1] *И. Масса*, стр. 168.
[2] ААЭ, т. II, № 81; Архив Строева, т. II, № 69.
[3] См. *Белокуров*, Сношения с Кавказом, стр. 447, 513 и др.

Библиотека "Руниверс"

победила другая, социальная, тенденция. В противовес предложению итти громить суда на Каспии, с тем чтобы в случае неудачи похода отправиться служить персидскому шаху, «меж казаков» были произнесены «такие слова: Государь де нас хотел пожаловати, да лихи де бояре, переводят де жалованье бояря да не дадут жалованья». Смысл этого заявления состоял в том, чтобы вместо похода «на море» и в Персию итти против «лихих бояр» как главных врагов казаков, стоявших между казаками и «государем». Повидимому, это предложение вызвало нечто вроде раскола среди казаков. Если первоначальное обсуждение велось «всем войском», то план похода на Москву уже стали «думать казаков человек с триста». Материал, содержащийся в источниках, не дает возможности с определенностью установить, по какому принципу произошло это разделение среди казаков. В показаниях «царевича» Петра именно в этом месте часть текста утрачена. Сохранился лишь следующий отрывок: «...а у тех трехсот человек атаман Федор Бодырин, а он был Илейка в товарищах у казака у князь Васильевского человека Черкасково у Булатка Семенова, а тот Булатко в той же мысли; да тут же были козаки: Тимоха да Осипко Суровские послужильцы, бывали Суровских же козаков, да Василей князь Микитинский человек Трубецкова...» Судя по этому тексту, сторонниками плана громить бояр были казацкие низы, выходцы из холопов и гулящих людей (к числу последних принадлежал и сам Илейка). Конечно, было бы неосторожно заключать только лишь на основании приведенного отрывка из показаний «царевича» Петра о социальном облике отряда атамана Федора Бодырина. Но в пользу предположения о том, что сторонниками плана громить бояр была именно казачья голытьба, говорит и другое обстоятельство — самый факт провозглашения Илейки «царевичем» Петром. По показаниям «царевича» Петра, он и другой кандидат в царевичи, казак Митька, были выбраны казаками «из них козаков, из молодых товарыщев». Таким образом, «молодых», т. е. недавних, новых казаков в отряде Ф. Бодырина было, очевидно, немало. О том, что собой представляли эти «молодые» казаки, лучше всего можно узнать из биографии самого «царевича» Петра — Илейки.

До того как волею своих «товарыщев» он превратился в «царевича» Петра, Илейка прошел уже довольно сложный жизненный путь.

Биография Илейки с замечательной наглядностью показывает путь превращения в казака выходца из низов посадского населения. Принадлежа по происхождению к посадским слоям Мурома, Илейка, однако, как «прижитый» его матерью «без венца», оказался вне тех правовых норм, которые определяли положение посадского человека. Это обстоятельство способствовало опусканию Илейки вниз по социальной лестнице. Он становится сначала

Библиотека "Руниверс"

«сидельщиком» в лавках нижегородского торгового человека Тараса Гроздильникова и затем спускается еще ниже и нанимается в «кормовые казаки для стряпни» на судно, шедшее из Нижнего Новгорода в Астрахань, превращаясь, таким образом, в настоящего гулящего человека на Волге. Хождения по Волге, Каме, Вятке в работных людях — «казаках» — на судах различных торговых людей перемежались у Илейки пребыванием — от одного найма до другого — в Казани, Нижнем Новгороде, Астрахани, где он «кормился» тем, что «имал де товары у всяких у торговых людей холсты и кожи, продавал на тотарском бозаре (в Астрахани. — *И. С.*) и от тово де давали ему денег по пяти и по шти».

В Астрахани же происходит и следующее важное событие в жизни Илейки: из «казака» — работного человека — он превращается в казака в собственном смысле слова, в казака-военного. Можно думать, что такому превращению способствовали связи Илейки с астраханскими стрельцами (по его словам, он «жил деи в Васторахони у Астороханскова стрелца у Харитонки»). Казаком Илейка стал около 1603—1604 гг. и на протяжении этих двух-трех лет до своего превращения в «царевича» участвовал с казаками в походах на Терек и в Тарки; затем, по возвращении с Терека в Астрахань, его «взяли казаки Донские и Волские», с которыми он плавал по Волге, и, наконец, вновь оказался на Тереке, где и был провозглашен «царевичем».

Если Илейка был сыном посадского торгового человека («матери ево муж был, Тихонком звали, Юрьев, торговый человек») [1], то другой «молодой» казак, Митька, был «Астороханскова стрельца сын».

Так биографии отдельных участников отряда Ф. Бодырина позволяют составить представление о социальном облике «молодых» казаков, как выходцев из холопов и городских низов.

Вряд ли поэтому можно сомневаться в том, что именно такого рода элементы из терских казаков начали движение против «лихих бояр». В этом отношении Илейка был плоть от плоти и кость от кости своих товарищей, «выбравших» его царевичем [2].

[1] «Карамзинский Хронограф» называет его сыном «посадскова человека сапожника» (*А. Попов*, Изборник, стр. 331).

[2] В наказе, данном гонцу Василия Шуйского в Крым С. Ушакову, последнему предписывалось следующим образом говорить об Илейке: «А тот вор казак Илейка, что назвали его царевичем Петром, сына боярского Григорьевской холоп Елагина, и мать его и жена и сестры в черных пашенных людех и ныне живы» (*Гневушев*, Акты, стр. 244). Основанием называть Илейку-Петра «холопом» Григория Елагина (как это имеет место в официальных документах, исходивших от правительства Шуйского) послужил действительный факт из биографии Илейки, заключавшийся в том, что во время зимовки Илейки с казаками на Тереке «он де Илейка приказался во двор Григорью Елагину» (ААЭ, т. II, № 81), т. е. бил челом в холопы, превратился в кабального холопа. Однако «холопство» Илейки продолжалось всего лишь одну зиму, «а на лето» Илейка уже «пошел в Астрахань».

Библиотека "Руниверс"

Поход казаков начался с плаванья вниз по Тереку, «в городок, близко Терки, к Гаврилу Пану, к атаману казачью». В этот именно момент терский воевода Петр Головин, услышав «про такое дело», сделал попытку ликвидировать движение в самом зародыше, послав к казакам «голову казачью» Ивана Хомяка с требованием «звати себе в город» Илейку. Несмотря на то, что воевода объявил поход казаков с самозванным царевичем государственным преступлением («великим делом»), казаки «Илейку не дали» и вышли «стругами на море», устроив стоянку на острове против устья Терека.

Решительные действия казаков отряда Ф. Бодырина оказали влияние на позицию остальных казаков, бывших на Тереке. Во время стоянки Илейки с его отрядом на острове туда «съехалися все казаки из юртов».

Новая попытка П. Головина сорвать поход казаков путем требования, «чтобы осталось на Терке козаков половина для приходу воинских людей», осталась безрезультатной, и казаки пошли «всем войском под Асторохань».

На этом этапе движение «царевича» Петра продолжало оставаться еще чисто казацким движением. «Карамзинский Хронограф» метко определяет состав участников движения словами: «Терские атаманы и казаки приехали в Асторахань... и на Волге к ним пристали такие же воровские атаманы и казаки» [1]. Весьма ограниченными были и первоначальные планы руководителей движения: поход к Москве для встречи с Лжедмитрием I.

Факт сношений казаков «царевича» Петра с Лжедмитрием I можно считать несомненным. Об этих сношениях говорят как русские, так и иностранные источники. По свидетельству «Нового Летописца», казаки «писаху к Гришке к Ростриге» о «царевиче» Петре. «Он же повелел ему иттить к Москве» [2].

Маржерет, хорошо осведомленный о событиях времени правления Лжедмитрия I, сообщает более подробные данные о сношениях между «царевичем» Петром и Лжедмитрием I. По рассказу Маржерета, «в конце апреля (1606 г. — *И. С.*) Дмитрий получил известие о волнении казаков, собравшихся до 4000 между Казанью и Астраханью... Свирепствуя по Волге, они распустили молву, что с ними находится юный принц, именем царь Петр, истинный сын (по их словам) царя Федора Иоанновича... Если бы казаки говорили правду, то царю Петру было 16 или 17 лет; но им хотелось только под тем предлогом вольнее грабить царские области, по неудовольствию на Димитрия, не давшего им такой награды, какой они желали. Впрочем, государь послал к самозванцу письмо, уведомляя, что если он истинный сын Федора Иоанновича,

[1] *А. Попов*, Изборник, стр. 330.
[2] ПСРЛ, т. XIV, стр. 71.

Библиотека "Руниверс"

то пожаловал бы в Москву, и что для продовольствия его в дороге дано будет приказание; если же он обманщик, то удалился бы от Русских пределов» [1].

В этом свидетельстве Маржерета особенно ценно указание на мотивы, вызвавшие волнение казаков, совпадающее по существу с теми объяснениями, которые мы находим в показаниях самого «царевича» Петра, с тем отличием, что «неудовольствие» казаков неполучением «награды» (ср. «жалованья» — в показаниях «царевича» Петра) Маржерет относит прямо к Лжедмитрию, тогда как в представлении самих казаков ответственность за это несли «лихие бояре».

Известие Маржерета о «гонце» Лжедмитрия I, посланном с письмом «царевичу» Петру, подтверждается как показаниями самого «царевича» Петра, так и «Карамзинским Хронографом». По словам Петра, когда казаки «пошли вверх Волгою к Гришке к Ростриге к вору и дошли до Самары, и тут де их встретили от Ростриги под Самарою с грамотою, и Третьяк Юрлов велел им итти к Москве наспех» [2]. Третьяка Юрлова называет в связи с движением «царевича» Петра и «Карамзинский Хронограф», из текста которого видно, между прочим, что после убийства Лжедмитрия I Третьяк Юрлов примкнул к казакам [3].

Совершенно иначе излагает вопрос о переписке между «царевичем» Петром и Лжедмитрием I «Новый Летописец по списку князя Оболенского». В освещении этого источника содержанием письма «царевича» Петра являлось требование к Лжедмитрию уступить Петру московский престол: «Наперед же себя оный Илюшка писа к Ростриге, претя ему нашествием своим ратию, да немедля снидет с царского престола и вдаст ему яко сущему отчичу и наследнику» [4].

Таким образом, по этой версии, волжский поход «царевича» Петра являлся походом, имевшим целью свержение Лжедмитрия и воцарение Петра на московском престоле. Было бы очень соблазнительно принять версию списка Оболенского, но она находится в противоречии как с показаниями самого «царевича» Петра о целях похода (против «лихих бояр»), так и с последующей деятельностью Петра, движение которого идет под лозунгом «царя Димитрия» [5]. Правильнее будет поэтому считать рассматриваемую версию продуктом редакционной обработки первоначального

[1] *Устрялов*, т. I, стр. 301.
[2] ААЭ, т. II, № 81; Архив Строева, т. II, № 69.
[3] *А. Попов*, Изборник, стр. 331.
[4] «Новый Летописец по списку князя Оболенского», 1853, стр. 78.
[5] См., например, грамоту «Рославльского наместника» князя Д. Масальского, где содержится формула о том, что «государь царь и великий князь Дмитрей Иванович всеа Руси и государь царевич и великий князь Петр Федорович всеа Руси будут на прародителей своих престоле на Москве» (АИ, т. II, № 75).

Библиотека "Руниверс"

текста «Нового Летописца» (где содержание писем «царевича» Петра Лжедмитрию не указывается) в духе «вотчинной» теории престолонаследия, с точки зрения которой сын царя Федора, а не младший сын Ивана Грозного, был действительно «сущий отчич и наследник» московского престола.

Восстание 17 мая в Москве и убийство Лжедмитрия I оказали влияние и на движение казаков. События эти застали отряд «царевича» Петра в районе Свияжска, у Вязовых гор, где ехавший из Москвы казак «сказал казаку брату своему Гребенкину, что на Москве Гришку Розстригу убили миром всем» [1]. Эта «весть» заставила казаков повернуть назад, вниз по Волге, причем, по свидетельству «Карамзинского Хронографа», казаки, «едучи Волгою, на встрече всяких служивых людей, и торговых, и на ватагах промышленных людей побивали до смерти и грабили» [2]. На речке Камышенке казаки сделали остановку: «стояли с казаками со всем войском на Камышенке» [3]. Именно здесь, очевидно, возник план отправиться на Дон, который и был осуществлен переходом в судах по речке Камышенке, а затем переволокой судов на речку Иловлю, которой казаки и «перегребли на Дон». Но и на Дону казаки не остались, а пошли сначала Доном, а затем Донцом по направлению к Украинным городам [4].

Весь этот путь казаков с большой подробностью изложен в показаниях «царевича» Петра. «Новый Летописец» и «Карамзинский Хронограф» гораздо менее точны в своих версиях о маршруте казаков Петра. «Новый Летописец» лишь кратко сообщает, что, дойдя по Волге до Царицына, «тот вор Петрушка и с казаками поиде на Дон и ту на Дону зимова» [5]. «Карамзинский Хронограф», сохранив приведенные выше сведения о действиях казаков во время их похода по Волге, дальнейший маршрут их изображает очень неточно, указывая, что казаки, «не доехав Царицына, рекою Камышенкою проехали в Украиные городы на Воронеж с товарыщи» [6]. Упоминание в «Карамзинском Хронографе» Воронежа представляет интерес в плане определения участия этого города в движении «царевича» Петра. Очевидно, именно основываясь на такого рода сведениях, автор «Карамзинского Хронографа» и назвал Воронеж тем местом, куда приехали казаки с «царевичем» Петром. Но самый маршрут Петра изображен в «Хронографе» неправильно. То же следует сказать и о сообщении «Нового Летописца» о том, что казаки и «царевич» Петр

---

[1] ААЭ, т. II, № 81.
[2] *А. Попов*, Изборник, стр. 331.
[3] ААЭ, т. II, № 81.
[4] Там же.
[5] ПСРЛ, т. XIV, стр. 71.
[6] *А. Попов*, Изборник, стр. 331.

Библиотека "Руниверс"

«зимовали» на Дону. В действительности, к зиме их не было уже ни на Дону, ни в Воронеже.

Еще до наступления зимы, когда казаки «Донцом вверх погребли верст со сто», к ним приехал с грамотой из Путивля некий Горяйно. Грамота эта была «писана от князя Григорья Шоховсково да от Путимцов ото всех» и предлагала казакам и «царевичу» Петру итти «наспех» в Путивль, сообщая, что «царь Дмитрей жив, идет из Литвы со многими людми в Путимль». «По той грамоте», казаки и «царевич» Петр «пришли з Донца на Украйну во Царев город, а из Царева города пришли в Путимль» [1].

Уход казаков с Волги явился переломным моментом в развитии движения «царевича» Петра. Сущность этого перелома заключалась в том, что с этого момента устанавливается прямая связь движения «царевича» Петра с восстанием Болотникова. Из чисто казачьего, локального движения движение «царевича» Петра превращается в составную часть восстания Болотникова.

Первые сведения о нахождении «царевича» Петра «на Севѐре» относятся к декабрю 1606 г. 26 декабря 1606 г. во время переговоров в Кракове между Польшей и Россией польские представители заявили посланнику Василия Шуйского князю Г. Волконскому и дьяку А. Иванову, что, по словам «многих людей», приехавших «из Северы», там «ныне государем Петром зовут, сказываетца сын бывшего государя вашего в. к. Федора» [2]. Спустя несколько дней, 31 декабря, польские дипломаты сообщили Г. Волконскому дополнительные и более точные данные о Петре: «Пришло к нам писмо подлинное вчерась с Украйны изо Мстисловля, а пишет державец, что подлинная ведомость, что Петр, которой сказываетца сыном великого князя Федора, достовает государьства Московского на Дмитрея... И осел деи тот Петр Северскую землю по Брянской лес и городы поимал» [3].

Слухи о «Петрушке» отмечает в своем дневнике и В. Диаментовский. В недатированной записи, относящейся к ноябрю 1606 г., он указывает, что о противнике Василия Шуйского ходят различные толки: «Говорили в один голос, что Дмитрий, но нам не хотелось верить; другие сообщали о Петрушке» [4].

Таким образом, «царевич» Петр появился в Путивле, повидимому, еще во время осады Москвы Болотниковым [5].

---

[1] ААЭ, т. II, № 81.
[2] Сб. РИО, т. 137, стр. 330.
[3] Там же, стр. 356, 357.
[4] *W. Dyamentowski*, стр. 84.
[5] В «Записках» С. Немоевского содержится подробный рассказ о появлении «Петрашки Федоровича», помещенный перед записью от 5 августа 1606 г. Это могло бы служить основанием для отнесения появления «царевича» Петра в Путивле к еще более раннему времени. Но характер данного места «Записок» С. Немоевского заставляет притти к выводу, что это позд-

*

Библиотека "Руниверс"

Отступление Болотникова к Калуге и Туле явилось моментом, ускорившим объединение движения «царевича» Петра с основными силами восстания Болотникова. С этого времени отряды «царевича» Петра начинают принимать непосредственное участие в борьбе против войск Василия Шуйского, и мы уже имели возможность при рассмотрении борьбы между Болотниковым и Д. И. Шуйским под Калугой ознакомиться с первым актом этой борьбы, когда войска «царевича» Петра своим участием в ней способствовали одержанию Болотниковым победы над Д. И. Шуйским.

Наш обзор обстановки в стране, таким образом, привел нас вновь к центральному пункту борьбы между Болотниковым и Василием Шуйским.

Безуспешность попыток Василия Шуйского одним ударом завершить разгром Болотникова после его поражения в битве в Коломенском показала, что, несмотря на это поражение, силы Болотникова были далеко не сломлены.

В то же время общая обстановка в стране продолжала оставаться исключительно напряженной и сложной. Поэтому правительство Василия Шуйского, продолжая борьбу против основных сил Болотникова, должно было одновременно принимать решительные меры и для подавления восстания в других районах. Мы видели, что исход борьбы в этих районах — и в Подмосковном и в Приволжье — был далеко не везде в пользу Василия Шуйского.

Все это не могло не сказаться на ходе борьбы под Калугой, несмотря на то, что со стороны Василия Шуйского, по выражению «Иного Сказания», «силы же ту под Колугою велицей суще» [1].

Осада Калуги войсками Василия Шуйского продолжалась свыше трех месяцев. По интенсивности борьбы, по масштабам военных действий, наконец, по количеству участников борьбы этот период может быть отнесен к числу моментов наибольшего подъема восстания Болотникова.

Характерной чертой военных действий в рассматриваемый период является то, что пассивной тактике воевод Шуйского, осаждавших Калугу, противостоит наступательная, активная тактика восставших. Сущность этой тактики заключалась в том, чтобы путем активных, наступательных действий добиться снятия осады Калуги и освобождения блокированных там войск Болотникова. В осуществлении этой тактики главную роль, роль активной силы, чаще всего играли войска «царевича» Петра.

Пребывание «царевича» Петра в Путивле освещено в источниках очень слабо. Сам «царевич» Петр в своих показаниях отме-

нейшая авторская вставка (Немоевский упоминает о том, как его вместе с другими поляками «выслали из Москвы», что было 4 августа 1606 г. — *S. Niemojewski*, стр. 120, 121; русский перевод — стр. 119, 120; ср. стр. 122).

[1] РИБ, т. XIII, стб. 111.

Библиотека "Руниверс"

чает лишь просто факт своего прихода в Путивль, откуда он затем перешел в Тулу. Несомненно, однако, что Путивль не являлся для «царевича» Петра простым местом остановки во время его похода. В источниках сохранились отдельные сведения, позволяющие составить некоторое представление о деятельности «царевича» Петра в Путивле. Так, «Новый Летописец», хотя и в тенденциозной форме, сообщает о расправе «царевича» Петра с боярами и воеводами. Тот же источник, а также и «Карамзинский Хронограф» отмечают, что из восставших городов приводили «в Путимль... к вору Петрушке» воевод — сторонников Василия Шуйского [1]. Польские источники отмечают другую сторону деятельности «царевича» Петра в Путивле, сообщая о том, что он намеревался посылать «послов своих» к польскому королю на розыски «царя Димитрия» [2]. Эти отдельные штрихи из деятельности «царевича» Петра в Путивле позволяют, несмотря на всю разрозненность их, говорить о политическом характере деятельности «царевича» Петра во время его пребывания в Путивле. Вывод этот может быть подтвержден известием Исаака Массы, называющим Путивль «главой и зачинщиком всех мятежных городов» и сообщающим о том, что именно в Путивле восставшие «держали совет» [3].

Что касается размеров сил, бывших в распоряжении «царевича» Петра в Путивле, то Буссов сообщает, что Петр привел в Путивль «10 000 человек» [4]. Маржерет (правда, для более раннего момента) называет несколько меньшую цифру, говоря о волнении 4 000 казаков, собравшихся весной 1606 г. «между Казанью и Астраханью» [5].

Приведенные цифры вряд ли могут претендовать на точность, и я не вижу оснований отдавать предпочтение свидетельству Маржерета (как это делает Платонов, указывающий, что «названный царевич Петр пришел со своим четырехтысячным войском в Путивль») [6]. Несомненно лишь одно, что силы «царевича» Петра были довольно значительны и что они увеличивались по мере развития его движения на Северской Украине [7].

Источники не дают возможности установить, кому принадлежала инициатива в принятии решения о движении «царевича» Петра из Путивля на соединение с Болотниковым. Можно думать, что оно явилось результатом оценки руководителями восстания положения в стране, равно как и требований Болотникова о

---

[1] ПСРЛ, т. XIV, стр. 74; *А. Попов*, Изборник, стр. 331.
[2] Сб. РИО, т. 137, стр. 230, 346.
[3] *И. Масса*, стр. 168.
[4] *Bussow*, стр. 73.
[5] *Устрялов*, т. I, стр. 301.
[6] *Платонов*, Очерки, стр. 331.
[7] Исаак Масса говорит уже о 30-тысячном войске, шедшем на помощь Димитрию с Северской Украины (*И. Масса*, стр. 167).

Библиотека "Руниверс"

присылке ему помощи. Во всяком случае, целесообразность этого решения с точки зрения интересов восстания Болотникова в целом не вызывает сомнений.

Отряды «царевича» Петра, двигавшиеся на соединение с Болотниковым, направлялись, однако, не непосредственно к Калуге, а на Тулу. Объяснение такого маршрута следует искать в особенностях положения Тулы. Как мы отмечали выше, «Карамзинский Хронограф» сообщает, что Тула наряду с Калугой явилась местом, куда отступили из-под Москвы войска Болотникова. Но в отличие от Калуги Тула, повидимому, не была осаждена. Прикрывавшие пути к Туле со стороны Москвы города Алексин и Венев оставались в руках восставших, и попытка воевод Шуйского осадить Венев, как мы видели, потерпела неудачу. Позиция самой Тулы определилась еще во время московского похода Болотникова как позиция решительной и активной поддержки восстания. Все это делало Тулу исключительно удобным пунктом, который мог бы явиться местом сосредоточения сил участников восстания и одним из центров движения. Именно такими мотивами можно объяснить движение отрядов «царевича» Петра из Путивля на Тулу.

В источниках нет единства в характеристике отдельных этапов участия отрядов «царевича» Петра в борьбе в Калужско-Тульском районе. Одним из наиболее ранних по времени фактов такого рода действий войск «царевича» Петра являлось отмечаемое «Иным Сказанием» действие воеводы «царевича» Петра князя Телятевского в сражении под Веневом, когда Телятевский «прииде ис Путимля... с силою под Венев град, и силу Московскую царя Василия разбиша и разгониша» [1].

Это известие «Иного Сказания» о Веневском сражении подтверждается В. Диаментовским, в дневнике которого, под 21 февраля 1607 г., имеется запись: «Пришла весть, что под Веневом войско Шуйского потерпело поражение» [2].

К походу князя Телятевского, вероятнее всего, относится и известие, содержащееся в письме Ю. Стадницкого к А. Стадницкому: «Вчера мне сказали, что наших казаков 7000 идет деи с полками от Путимля Калужаном на помоч» [3].

Гораздо более крупной и по масштабу и по значению операцией была битва на реке Вырке. В «Ином Сказании» это сражение изображается как непосредственное продолжение похода князя Телятевского: «И паки оттуду (от Венева.— *И. С.*) поиде под Колугу на помощь к Болотникову, хотяше бо такожде внезапным своим пришествием, яко же под Веневым, такожде и под Колугою

[1] РИБ, т. XIII, стб. 111.

[2] *W. Dyamentowski*, стр. 90.

[3] Сб. РИО, т. 137, стр. 380. Письмо Ю. Стадницкого можно датировать концом января — началом февраля 1607 г. (см. выше, стр. 273).

Библиотека "Руниверс"

Московскую силу розбити... И слух прииде воеводам, яко под Веневым сила разбита Телятевским и идет на них под Колугу. Боярин же воевода князь Михайло Васильевичь Шуйской и с ним иные воеводы с силою встречю им поидоша, они же встречи против себе не ведавше. Боярин же воевода князь Михайло Васильевичь Шуйской силу разби и многое множество поби их. И зело мало их спасошася, убегоша; боярин же воевода князь Михайло Васильевичь Шуйской паки со всеми силами своими под Колугу здрав возвратися» [1].

Версия «Иного Сказания», однако, не может быть принята в том виде, как мы находим ее в этом источнике. Дело в том, что в разрядах и «Новом Летописце» обстоятельства и участники сражения на Вырке изображаются иначе, чем в «Ином Сказании». В отличие от «Иного Сказания», «Новый Летописец» называет воеводой войск, пришедших «из Путимля и из иных Сиверских городов... на помочь к Калуге», не Телятевского, а князя Василия Масальского [2]. Точно так же и в вопросе о воеводах, участвовавших в этом сражении, «Новый Летописец» расходится с «Иным Сказанием», называя не М. В. Скопина-Шуйского, а И. Н. Романова и князя Д. И. Мезецкого.

Рассказ «Нового Летописца» подтверждается разрядами. В одной из разрядных книг мы читаем следующую запись: «Шел с казаки на проход в Колугу князь Василей княж Федоров сын Мосалской. И ходили воеводы против казаков на выручку (sic! Явное искажение текста: вместо «на Вырку». — *И. С.*) к Николе Иван Никитич Романов, да князь Данило Иванович Мезетцкой, да Михайло Нагой; и казаков побили и поимали, и князя Василья Мосалсково взяли ранена, от раны его не стало. И на том бою князь Данила Мезетцкого ранили, пробили ногу выше колена; и государь велел ему ехать к Москве, а на его место велел быти в Передовом полку князь Михайлу Борятинскому княж Петрову сыну» [3].

Приведенный текст, несмотря на отмеченный дефект (результат осмысления переписчиком непонятного ему места), носит следы современной записи, сохранив такие детали, как точное обозначение ранения князя Д. Мезецкого, а также то, что князь В. Масальский был не убит на поле сражения (как это, в частности, изображается в «Новом Летописце»), а был лишь ранен и умер от ран. Эта последняя деталь подтверждается рассказом Исаака Массы, сообщающего о том, что князь Масальский «был захвачен в плен и привезен в Москву, где и умер от ран» [4].

---

[1] РИБ, т. XIII, стб. 111, 112.
[2] ПСРЛ, т. XIV, стр. 73, 74.
[3] *Белокуров*, стр. 157.
[4] *И. Масса*, стр. 167.

Библиотека "Руниверс"

Надо сказать, однако, что рассмотренная нами версия разрядной книги не является единственной, содержащейся в разрядах. Напротив, мы находим там и другую версию. В этой второй версии обстоятельства, приведшие к сражению на Вырке, изображаются следующим образом: «А вор Петрушка из Путимля со многими людми пришол на Тулу, а с ним князь Ондрей Телятевский да воры князь Григорей Шаховской с товарыщи, и послал на проход в Колугу многих людей. И бояре противу их послали на три полки» — И. Н. Романова, князя Д. И. Мезецкого и М. А. Нагого. «И божиею милостию воеводы воров за семь верст от Колуги на Вырке побили на головы и наряд весь взяли. И тоды князь Данила Мезетцкого ранили» [1].

Таким образом, во второй версии разрядных книг о князе В. Масальском не упоминается вовсе, тогда как князь А. Телятевский назван в связи с сражением на Вырке, хотя из контекста и неясно, находился ли князь Телятевский с теми людьми, которые были посланы «царевичем» Петром «на проход» в Калугу, или же оставался в Туле. Эти черты сближают названную версию разрядных книг с рассказом «Иного Сказания», хотя в отличие от «Иного Сказания» М. В. Скопин-Шуйский не фигурирует в качестве участника «боя» на Вырке.

Разобраться во всех этих противоречивых показаниях источников помогает Исаак Масса. В его изложении события приобретают следующий вид: «Меж тем в Москву привезли часть пленных из города Венева, где московиты (т. е. Василий Шуйский. — *И. С.*) также потерпели поражение; и вместе с ними пришло известие, что двое знатных московских бояр, Мосальский и Телятевский, перешли на сторону мятежников и идут на помощь Димитрию с 30 тысячами воинов, среди коих были поляки, казаки и русские, и это известие произвело такой страх в Москве, что они вызвали из Старицы низложенного Димитрием старого патриарха Иова... Но его совет вместе со всеми другими советами ничему не мог помочь. И Мосальский отправился с отрядом войска на Тулу, выручить Петра Федоровича, которого в Москве называли Петрушкою, но был разбит московитами, захвачен в плен и привезен в Москву, где и умер от ран» [2].

Как видно из приведенного текста, рассказ Массы также не свободен от ошибок и противоречий. Это в первую очередь относится к его объяснению целей похода князя Масальского, направлявшегося, по мнению Массы, выручать «царевича» Петра из Тулы (а не Болотникова из Калуги, как было в действительности).

---

[1] *Белокуров*, стр. 11.
[2] *И. Масса*, стр. 167.

Библиотека "Руниверс"

Однако, несмотря на эти неточности и ошибки, рассказ Массы очень важен. Не трудно заметить, что он содержит в себе элементы обеих рассмотренных выше версий о сражении на Вырке, имеющихся в русских источниках. Так, Масса, подобно «Иному Сказанию», отмечает сражение под Веневом. С другой стороны, участником сражения на Вырке Масса называет князя Масальского, т. е. в этой части примыкает к «Новому Летописцу».

Но, совпадая в отдельных частях с версиями «Иного Сказания» и «Нового Летописца», Масса в целом дает свою особую схему развития событий. Наиболее существенным моментом в этой схеме является решение вопроса о князе Телятевском. Если «Новый Летописец» вовсе не упоминает о князе Телятевском в связи со сражением на Вырке, а «Иное Сказание», напротив, называет князя Телятевского руководителем войск «царевича» Петра в этом сражении, то, по свидетельству Массы, князь Телятевский является одним из двух воевод войска, шедшего на помощь восставшим, но в сражении на Вырке участвует не он, а другой воевода — князь Масальский. Из этого мы можем заключить, что, очевидно, после сражения под Веневом, в котором участвовали как Телятевский, так и Масальский, произошло разделение войска, возглавлявшегося этими воеводами: часть его, во главе с князем Масальским, была послана к Калуге, другая же часть, с князем Телятевским, двинулась на Тулу.

Предлагаемая нами интерпретация рассказа Массы опирается прежде всего на факт нахождения князя Телятевского в Туле после сражения на Вырке, признаваемый всеми источниками (см. ниже). С другой стороны, нам известно, что князь Телятевский участвовал в сражении под Веневом (что не может подлежать сомнению ввиду совпадения свидетельств «Иного Сказания» и Исаака Массы).

Но в таком случае очевидно, что князь Телятевский попал в Тулу именно после Веневского сражения. Так и решается вопрос о времени прихода князя Телятевского в Тулу во второй из рассмотренных нами разрядных записей, где приход князя Телятевского в Тулу относится ко времени, предшествующему сражению на Вырке [1].

Восстанавливая таким образом ход событий, связанных со сражением на Вырке, мы получаем возможность понять происхождение обеих версий о сражении на Вырке, имеющихся в источниках. Рассказ в «Ином Сказании» явился результатом тенденциозной литературной обработки источников, лежащих в его основе. Сущность этой обработки состояла в том, что автор

[1] В «Новом Летописце» князь Телятевский упоминается в связи со сражением на Пчельне. Но о времени прихода князя Телятевского в Тулу говорится очень неясно (см. ПСРЛ, т. XIV, стр. 74).

Библиотека "Руниверс"

рассказа оставил в своем изложении лишь самых знаменитых участников событий. В лагере восставших таким лицом был князь Телятевский; среди же воевод Василия Шуйского, осаждавших Калугу, — князь М. В. Скопин-Шуйский. Ему-то автор и приписал честь победы над восставшими (хотя М. В. Скопин-Шуйский, как это видно из разрядных росписей воевод, и не участвовал в сражении на Вырке), назвав в качестве воеводы войска восставших князя Телятевского (вместо менее значительного князя Масальского) [1].

Рассказ «Нового Летописца» носит иной характер. Здесь внимание сосредоточено на детальном описании самого сражения на Вырке; напротив, предшествующие этому сражению события изложены очень суммарно и в общей форме. Повидимому, автор не располагал данными об участии князя Телятевского в сражении под Веневом и, как мы видели, поражение войск Василия Шуйского под этим городом приписывает действиям самих веневцев. Поэтому в «Новом Летописце» сражение под Веневом и сражение на Вырке никак не связаны, что и объясняет отсутствие упоминания князя Телятевского при описании сражения на Вырке.

Самый ход и исход сражения на Вырке освещен в источниках достаточно полно. Местом сражения явилась река Вырка, приток Оки. По данным разрядов, сражение произошло «за семь верст от Калуги» [2]. Время сражения на Вырке определяется указанием Исаака Массы о «страхе в Москве» после поражения войск Василия Шуйского под Веневом и о том, что в связи с этим в Москву был вызван бывший патриарх Иов, который, однако, оказался бессильным помешать походу князя Телятевского и князя Масальского [3]. Так как решение Василия Шуйского о посылке за бывшим патриархом состоялось 2 февраля 1607 г., а сам Иов прибыл в Москву 14 февраля [4], то, очевидно, и сражение на Вырке имело место в феврале, вероятнее всего, в конце февраля.

Такая датировка сражения на Вырке подтверждается и записью В. Диаментовского о Веневском сражении, известие о котором достигло Ярославля, где находился В. Диаментовский, 11 февраля 1607 г. (см. выше), что заставляет относить самое сражение под Веневом к концу января или первым числам февраля, соответственно с чем определяется и время сражения на Вырке.

---

[1] Стиль рассказа «Иного Сказания» характеризует такая деталь, как отсутствие упоминания самого названия реки Вырки при изложении сражения между войсками восставших и воеводами Василия Шуйского. Но отнесение рассказа «Иного Сказания» именно к сражению на Вырке не может вызывать сомнений.

[2] *Белокуров*, стр. 11 и 44.

[3] *И. Масса*, стр. 167.

[4] ДАЭ, т. II, № 67.

Библиотека "Руниверс"

Сражение закончилось полной победой воевод Шуйского. В разрядных записях отмечено, что воеводы «воров побили на голову и наряд и обоз взяли» [1]. Битва продолжалась целые сутки, «день да ночь», по выражению «Нового Летописца» [2], и носила ожесточенный характер. «Многое множество» из войска князя Масальского было «побито» [3]; «Новый Летописец» отмечает, что воеводы захватили много пленных: «Языки многие приведоша» [4]. О «поимании» в плен казаков в сражении на Вырке говорят и разряды [5], причем в плен попал и сам князь Масальский. Наконец, в качестве трофеев воеводам достался «наряд» (артиллерия) и «обоз» войска князя Масальского. Масштабы сражения на Вырке определяются тем, что против войска князя Масальского действовали три «полка» войск Василия Шуйского. Со стороны восставших также, несомненно, были крупные силы. Об этом говорит и свидетельство Исаака Массы о 30-тысячном войске князя Телятевского и князя Масальского (пусть преувеличенное) и тот факт, что войско князя Масальского обладало «нарядом», т. е. имело в своем распоряжении артиллерию.

Наконец, «Новый Летописец» сохранил материал, характеризующий стойкость и непреклонность войска восставших. Когда поражение войска князя Масальского стало очевидным, а сам он, раненый, попал в плен, то, по словам «Нового Летописца», «достальные ж воры многие на зелейных бочках сами сидяху и под собою бочки з зельем зажгоша и злою смертию помроша» [6], предпочтя, таким образом, смерть плену [7].

Приблизительно в одно время с битвой на Вырке Василий Шуйский нанес Болотникову и другое поражение — в Веневском уезде, в Серебряных Прудах. В отличие от сражения на Вырке, в котором инициатива принадлежала войску князя Масальского, шедшего «на проход» в Калугу, в сражении под Серебряными

---

[1] *Белокуров*, стр. 11, 44 и 157.
[2] ПСРЛ, т. XIV, стр. 74.
[3] РИБ, т. XIII, стб. 111.
[4] ПСРЛ, т. XIV, стр. 74.
[5] *Белокуров*, стр. 157.
[6] ПСРЛ, т. XIV, стр. 74.
[7] Ценный материал о сражении на Вырке содержит Сказание, найденное М. Н. Тихомировым, сообщающее имя воеводы войск Шуйского («боярин Иван Никитич Романов»), место сражения («за пять поприщ от града на речке завомои на Вырке»), размеры войска, шедшего «на помочь» Болотникову («числом 26.000») и, наконец, дающее подробное описание самого сражения: «Они же окаянныи узреша московские полки и возъяришася и оградишася санми, бе бо зима настоящи, и связаша кони и сани друг за друга, дабы нихто от них не избег, мняше себя проити во град, и тако сплетошася вси. Московские же полки наскочиша на них, яко крилати, и бысть сеча в и (так в рукописи. — *И. С.*), избиша всех, последнии же видевше свою конечьную погибель зажгоша многия полки зелья и сами ту изгореша, яко 3.000» (*М. Н. Тихомиров*, Сказание).

Библиотека "Руниверс"

Прудами наступающей стороной являлись воеводы Василия Шуйского.

Выше было отмечено, что успех (хотя бы и временный), достигнутый Шуйским в Приволжье, укреплял его позиции в борьбе против Болотникова. Сражение под Серебряными Прудами является прямым доказательством этого.

Серебряные Пруды представляли собой укрепленный пункт, «острог», входивший в оборонительную систему, защищавшую южные районы Русского государства от татар. Во время восстания Болотникова Серебряные Пруды вместе со всем Тульским районом оказались на стороне восставших [1] и оставались в их руках и после отступления Болотникова из-под Москвы. В этих условиях стратегическое значение Серебряных Прудов заключалось в том, что они, подобно Алексину, Веневу и Дедилову, прикрывали подступы к Туле. Естественно, что правительство Василия Шуйского в своей борьбе против Болотникова не могло не учитывать и Серебряные Пруды как один из опорных пунктов восстания.

Поэтому под Серебряные Пруды также были посланы войска. Осаду Серебряных Прудов начали войска князя А. В. Хилкова. Разбитые князем Телятевским под Веневом и отступившие «на Каширу» [2], они затем были направлены к Серебряным Прудам. «Карамзинский Хронограф», являющийся главным источником наших сведений о борьбе под Серебряными Прудами, отмечает, что «под Серебряными Прудами стояли воеводы князь Ондрей Васильевичь Хилков да Богдан Матьвеев сын Глебов, а с ними ратные люди коширяне, и тулены, и ярославцы, и углеченя, и Низовских городов» [3]. Однако, несмотря на такую многочисленность войска, осада князем Хилковым Серебряных Прудов была не более успешна, чем его действия под Веневом. Этим надо объяснить, что, когда в распоряжении Василия Шуйского оказались силы, освободившиеся после похода в Приволжье, они были направлены к Серебряным Прудам.

По словам того же «Карамзинского Хронографа» «с Алатыря Григорью Пушкину да Сергею Ададурову со всеми ратными людми велено итти под Серебреные Пруды, а в Серебреных Прудех сидели воровские люди» [4].

Приход Г. Пушкина и С. Ододурова к Серебряным Прудам следует отнести к концу февраля или, что более вероятно, началу марта. Такая датировка их прихода вытекает из того, что к моменту прихода этих воевод под Серебряные Пруды там уже

[1] Исаак Масса называет Серебряные Пруды в числе городов, принадлежавших восставшим (*И. Масса*, стр. 168).

[2] ПСРЛ, т. XIV, стр. 73.

[3] *А. Попов*, Изборник, стр. 334. (Текст исправлен по рукописи. — *И. С.*)

[4] Там же.

Библиотека "Руниверс"

«стояли» полки князя Хилкова. Считая, что приход князя Телятевского к Веневу (где он нанес поражение князю Хилкову) имел место в конце января или начале февраля, мы должны допустить, что для отступления к Кашире, перегруппировки там и нового похода от Каширы к Серебряным Прудам князю Хилкову потребовалось некоторое количество времени. Поэтому он не мог оказаться под Серебряными Прудами раньше второй половины февраля, чем и определяется возможное время прихода к Серебряным Прудам Г. Пушкина и С. Ододурова.

Усиленные отрядами Г. Пушкина и С. Ододурова, войска В. Шуйского получили возможность активизировать борьбу и от осады Серебряных Прудов перейти к приступу: «К острогу ратные люди приступали с щитами день да полуночи». Несмотря на упорную оборону («ис Прудов воровские люди многих ратных людей переранили, а иных побили»), осажденные вынуждены были сдаться, «видя свою погибель, что им не отсидетца», «и в острог пустили царя Васильевых людей и крест целовали царю Василью» [1]. Столь быстрая капитуляция Серебряных Прудов была большим успехом воевод Шуйского, ибо уже «назавтрее здачи пришли многие воровские люди с Украйны на выручку Серебряным Прудам», во главе с воеводами — князем И. Масальским и «иноземцем литвином Иваном Сторовским» [2]. Таким образом, помощь осажденным опоздала, и вместо «выручки» Серебряных Прудов И. Масальский и И. Сторовский сами попали под удар царских войск. Произошел новый бой «от Серебряных Прудов версты за четыре», закончившийся также победой воевод Шуйского: «воровских многих людей побили и языки многие поимали и воровских воевод князя Ивана Масалскова и Ивана Сторовскова взяли» [3].

Сражение под Серебряными Прудами совпало с битвой на Вырке. Этим, может быть, можно объяснить ошибку Исаака Массы, у которого сражение на Вырке названо «битвой под Тулой». Возможность допущения такой ошибки облегчалась тем, что и в битве на Вырке и в сражениях под Серебряными Прудами участвовали в качестве воевод восставших однофамильцы — князья Масальские (в первой — Василий, во второй — Иван).

---

[1] *А. Попов*, Изборник, стр. 334. (Текст исправлен по рукописи. — *И. С.*)

[2] Там же.

[3] Там же. (Текст исправлен по рукописи. — *И. С.*)

Кроме «Карамзинского Хронографа», сражение у Серебряных Прудов отмечено в разрядах в виде следующей краткой записи: «И собравшися с ратными людми пошли (Г. Пушкин и С. Ододуров. — *И. С.*) к Москве, и пришли под Серебряные Пруды, а на Прудах сидели воры, а под Прудами стояли воеводы князь Ондрей Васильевич Хилков да Богдан Глебов; и Григорей Пушкин пришед с ратными людми Пруды взяли взятьем, и воров побили и многих живых поимали» (*Белокуров*, стр. 44; ср. стр. 185, 206).

Библиотека "Руниверс"

По существу же оба эти сражения, действительно, столь тесно связаны и по времени и по их значению, что эффект от одного из них лишь усиливал результаты другого.

Сражения на Вырке и под Серебряными Прудами резко ухудшили положение Болотникова, которому теперь предстояло выдержать всю тяжесть осады. По характеристике «Карамзинского Хронографа», осадившие Калугу войска подвергали ее непрерывной бомбардировке: «Из наряду из болшева и из вогненных пушек в город и в острог стреляли безпрестанно и многих людей побивали». В свою очередь осажденные «воры казаки на вылоски выходили безпрестанно, и бои были безпрестанные, и царя Васильевых ратных людей на вылосках побивали и ранили». Однако и эта активная оборона не могла уничтожить действия осады. Результатом осады явился голод: «в осаде в Колуге был голод великой, ели лошеди»[1]. Все это внушало воеводам Шуйского уверенность в неизбежности падения Калуги[2].

Исаак Масса описывает яркую сценку, как «Московские войска, стоявшие под Калугою, кричали с горы, находящейся у реки Оки (осажденным), что коль скоро Мосальский со всем своим войском разбит, что лучше во-время одуматься и просить

---

[1] *А. Попов*, Изборник, стр. 333 (текст исправлен по рукописи. — *И. С.*); ср. характеристику положения в Калуге, даваемую повестью «Иного Сказания»: «И бысть у них во граде глад велик и нужда, многого ради времени осадного: не токмо хлеб, но и скот весь рогатой, и конской весь изъядоша, и вси начаша изнемогати» (РИБ, т. XIII, стб. 112—113).

[2] К этому этапу осады Калуги относится рассказ Буссова о том, как «один легкомысленный человек по имени Фридрих Фидлер, уроженец Кенигсберга, явился к Шуйскому и заявил ему, что для блага его и всей России он готов проникнуть к Болотникову и умертвить его с помощью яда, если Шуйский вознаградит его землями и деньгами»; как Василий Шуйский принял предложение Фидлера и как, наконец, Фидлер явился к Болотникову и вместо того, чтобы отравить его, вручил ему яд, раскрыв замысел Шуйского отравить Болотникова, за что «он был щедро награжден Болотниковым» (*Bussow*, стр. 74).

Трудно сказать, что́ в этом рассказе соответствует действительности, а что надо отнести за счет фантазии Буссова. Но сам по себе факт попытки избавиться от вождя восстания при помощи яда не может считаться невероятным. Такой метод борьбы с политическими врагами применялся московскими государями еще со времен Ивана III (отравление Дмитрия Шемяки), а упорные слухи об отравлении М. В. Скопина-Шуйского показывают, что в кругах Шуйских знали цену этому оружию.

Что касается личности Фидлера, то известна подорожная, выданная «доктору Кашпиру Фидляру от Москвы до Дмитрова, Устюжны, Ладоги, Орешка и до Ивангорода на восем подвод по государеву указу», 5 сентября 1606 г. (*Гневушев*, Акты, стр. 62). Не ясно, в каком отношении находился «доктор Каспар Фидлер», о котором идет речь в подорожной, к Фридриху Фидлеру, герою рассказа Буссова. Но во всяком случае подорожная свидетельствует о том, что фамилия Фидлеров действительно имела отношение к московским делам, что делает возможным и использование Василием Шуйским одного из представителей этой фамилии для попытки отравить Болотникова.

Библиотека "Руниверс"

пощады» [1]. Однако Болотников оставался непреклонным и только «смеялся над этим», приказав вместе с тем «повесить на виду московского войска» несколько изменников [2]. Столь же сильно ухудшилось и положение в районе Тулы, оказавшейся под ударом войск князя Хилкова и Г. Пушкина и с падением Серебряных Прудов лишившейся важного опорного пункта вместе с значительным количеством войска, «сидевшего» в Серебряных Прудах.

В лагере Василия Шуйского победы на Вырке и у Серебряных Прудов произвели прямо противоположный эффект. Обстановка паники, «страха» перед восставшими, царившая среди правящих классов в Москве и нашедшая свое яркое выражение в истории с привозом в Москву патриарха Иова в качестве крайнего средства для оказания воздействия на население Москвы, исчезла без следа. По словам Исаака Массы, «[Известие] о битве под Тулою [3] и поражение Мосальского произвело в Москве великие перемены и [вызвало] радость» [4].

Изменение в соотношении сил борющихся сторон после сражения на Вырке создало для правительства Василия Шуйского исключительно благоприятную обстановку для активизации борьбы против восставших. Эта возможность была использована правительством Шуйского путем организации похода князя Воротынского на Тулу.

Такое направление удара не было случайным. Тула являлась местом сосредоточения наиболее активных сил в лагере восставших, и правительство Шуйского совершенно правильно оценило значение Тулы, решив именно здесь нанести новый решительный удар по восстанию, тем более что сражения под Серебряными Прудами ослабили позиции Тулы и создали благоприятную обстановку для наступления именно в этом районе.

Поход князя Воротынского имел огромное значение с точки зрения дальнейших перспектив борьбы между Болотниковым и Шуйским. Успех этого похода мог означать полное поражение восстания. Напротив, неудача похода князя Воротынского резко улучшала положение Болотникова.

В литературе о Болотникове значение похода князя Воротынского, однако, явно недооценивалось. Наглядным доказательством этого является то, что большинство из писавших о Болотникове, за исключением Карамзина, даже вовсе не упоминает о походе князя Воротынского. Лишь Г. Н. Бибиков во введении к своей публикации материалов о восстании Болотникова подчеркнул значение похода князя Воротынского, назвав поход «мало известным,

[1] *И. Масса*, стр. 167.
[2] Там же.
[3] Так Исаак Масса называет сражение на Вырке.
[4] *И. Масса*, стр. 167.

Библиотека "Руниверс"

но важным» [1]. Но и Г. Н. Бибиков не отметил связи похода князя Воротынского с сражениями на Вырке и под Серебряными Прудами, указав лишь, что «Воротынский из-под Алексина первый из царских воевод ходил под Тулу вскоре после захвата ее болотниковцами и потерпел поражение» [2].

То, что связь между тульским походом князя Воротынского и сражениями на Вырке и у Серебряных Прудов ускользнула от внимания исследователей, может быть объяснено тем, что в основном русском источнике, упоминающем об этом походе — в «Новом Летописце», — известие о походе князя Воротынского на Тулу помещено раньше известия о сражении на Вырке. На этом основании Карамзин и отнес поход Воротынского к военным действиям, предшествующим сражению на Вырке [3].

Новая датировка похода князя Воротынского второй половиной марта 1607 г., произведенная Г. Н. Бибиковым на основании записи в приходо-расходных книгах Иосифо-Волоколамского монастыря [4], дает возможность восстановить правильную последовательность событий, т. е. отнести поход князя Воротынского на Тулу ко времени после сражения на Вырке [5].

Именно так определяет время и характер похода князя Воротынского и Исаак Масса, свидетельство которого незаслуженно игнорировалось исследователями. Исаак Масса ставит поход князя Воротынского в прямую связь с победой Василия Шуйского на Вырке. Указав на «великие перемены» и «радость» в Москве по случаю победы над князем Масальским, Масса продолжает: «...и на Тулу послали Воротынского с некоторым войском, чтобы еще больше стеснить (неприятеля) и захватить в плен Петра» [6].

Таким образом, организацией похода на Тулу правительство Шуйского преследовало очень ответственную цель: разбить второй важнейший центр восстания и «захватить в плен» «царевича» Петра.

Воротынский, однако, потерпел полную неудачу. И русские и иностранные источники единодушны в такой оценке результатов его похода. Так характеризует поход князя Воротынского «Новый Летописец»: «Боярин же князь Иван Михайлович Воротынской из Олексина поиде под Тулу, на Туле же в те поры воров было много. Воевода ж у тех воров князь Андрей Телятевской, и выде

---

[1] «Исторический архив», т. I, стр. 9.
[2] Там же.
[3] *Карамзин*, т. XII, стр. 31.
[4] «Исторический архив», т. I, стр. 9 и 16.
[5] Добавочным доказательством в пользу того, что поход князя Воротынского имел место после битвы на Вырке, служит участие в сражении под Тулой князя Телятевского, приход которого в Тулу следует отнести ко времени сражения на Вырке (см. в тексте).
[6] *И. Масса*, стр. 168.

Библиотека "Руниверс"

со всеми людми, князя Ивана Михайловича розгоня, едва ушел в Олексин» [1].

Еще более наглядно характер и размеры поражения князя Воротынского под Тулой выступают в рассказе Исаака Массы, по свидетельству которого «Петр Федорович со всеми своими силами выступил из Тулы и обратил в бегство всё московское войско, стоявшее под Тулой, так что предводители его, Воротынский, Симеон Романович и Истома Пашков, бежали вместе с прочими, и Петр меж тем занял еще некоторые укрепленные места неподалеку и поспешил возвратиться в Тулу, где снова утвердился» [2].

С походом князя Воротынского на Тулу следует связать поход князя Хилкова, Г. Пушкина и С. Ододурова под Дедилов. Известие об этом походе сохранилось лишь в «Карамзинском Хронографе», датирующем этот поход «великим постом», т. е. промежутком времени между 16 февраля и 4 апреля [3].

У нас нет данных, позволяющих решить вопрос о том, были ли походы на Тулу и под Дедилов частями единой операции, задуманной и осуществленной по приказу из Москвы. Но независимо от того, составлял ли поход князя Хилкова к Дедилову часть генерального плана наступления или же он являлся результатом самостоятельных действий участвовавших в нем воевод, совершенно очевидно, что поход под Дедилов был столь же закономерной попыткой использовать и развить местный успех, достигнутый в районе Серебряных Прудов, как поход князя Воротынского представлял собой попытку использования благоприятной стратегической обстановки в общегосударственном масштабе.

Условность и приблизительность датировки событий рассматриваемого этапа восстания Болотникова не дает возможности точно установить взаимную последовательность во времени походов князя Воротынского и князя Хилкова. Поход под Дедилов имел место в конце «великого поста», как можно заключить из того, что после поражения под Дедиловом много ратных людей «потонули в реке в Шату», очевидно уже вскрывшейся или бывшей накануне вскрытия. Это сближает время дедиловского похода с тульским походом князя Воротынского, имевшим место во второй половине марта. Но такое сближение вытекает и из самого характера данных походов: поход под Дедилов трудно представить себе после поражения князя Воротынского под Тулой, равно как и неудача дедиловского похода делала бы маловероятной возможность наступления на Тулу после этого похода.

Поход под Дедилов, как мы только что сказали, был неудачным. Поражение воевод было настолько полным, что «Карамзин-

[1] ПСРЛ, т. XIV, стр. 73.
[2] *И. Масса*, стр. 169.
[3] Пасха в 1607 г. приходилась на 5 апреля (*Арцыбашев*, т. III, стр. 161; ср. *Устрялов*, т. II, стр. 185, где даты даны по новому стилю).

Библиотека "Руниверс"

ский Хронограф» называет его прямо «разгромом»: «воровские люди царя Васильевых людей розогнали и на побеге убили воеводу Сергея Ододурова, а ратные многие люди потонули в реке в Шату, и с того розгрому воеводы и ратные люди прибежали на Коширу, а все стояли беззапасны» [1]. Таким образом, поражение под Дедиловом воевод Шуйского превратилось в их беспорядочное бегство, причем войско князя Хилкова потеряло все свое вооружение («запас») и значительную часть ратных людей, в том числе и одного из воевод. Результатом разгрома под Дедиловом была потеря и Серебряных Прудов, так как остатки войска князя Хилкова «прибежали на Коширу», откуда они в свое время начали поход под Серебряные Пруды. Правительству Шуйского оставалось лишь в порядке репрессии за неудачное воеводство заменить князя Хилкова другим воеводой: «И на Коширу с Москвы прислан боярин князь Ондрей Васильевичь Голицын, а князю Ондрею Васильевичу Хилкову велено быти к Москве» [2].

Поражение князей Воротынского и Хилкова свело на нет результаты победы на Вырке. Правительство Шуйского оказалось неспособным использовать те преимущества, какие ему дала победа над войском князя Масальского. Теперь положение изменилось вновь, но уже в пользу Болотникова, чем и воспользовались руководители восстания, предприняв новые активные операции против войск Шуйского. Это наступление войск восставших завершилось битвой на Пчельне.

К моменту битвы на Пчельне сам «царевич» Петр находился уже в Туле.

Время его прихода в Тулу определяется в источниках по-разному. Так, Исаак Масса относит появление «царевича» Петра в Туле еще ко времени похода Болотникова на Москву [3]. Напротив, в «Новом Летописце» о приходе «царевича» Петра в Тулу говорится лишь в главе о походе Василия Шуйского на Тулу [4]. Ни одна из этих крайних точек зрения, однако, не может быть принята. Вероятнее всего будет связать приход «царевича» Петра в Тулу с сражениями под Веневом и на Вырке. Именно к этому моменту приурочивают появление «царевича» Петра в Туле разряды, указывая (в записи о битве на Вырке), что «вор Петрушка из Путимля со многими людми пришол на Тулу, а с ним князь Ондрей Телятевской да воры князь Григорей Шеховской с товарыщи» [5]. Связь между переходом Петра из Путивля в Тулу и походом князя Телятевского признает и «Новый Летописец», указы-

[1] *А. Попов*, Изборник, стр. 334.
[2] Там же.
[3] *И. Масса*, стр. 156.
[4] «...а вор Петрушка в те поры пришел на Тулу» (ПСРЛ, т. XIV, стр. 75).
[5] *Белокуров*, стр. 11.

Библиотека "Руниверс"

вая, что «царевич» Петр «вышед из Путивля, посла наперед себя на Тулу многих ратных людей» во главе с князем Телятевским, но относя этот поход князя Телятевского уже к битве на Пчельне (и приход самого Петра, как мы видели — к еще более позднему времени).

Но, как мы уже выяснили, приход князя Телятевского в Тулу следует относить к более раннему времени — ко времени Веневского сражения, что соответственно передвигает и время прихода в Тулу самого «царевича» Петра. Во всяком случае к моменту похода князя Воротынского на Тулу, т. е. ко второй половине марта, «царевич» Петр уже несомненно был в Туле, как это явствует из рассказа Исаака Массы о том, что «Петр Федорович со всеми своими силами выступил из Тулы и обратил в бегство всё московское войско, стоявшее под Тулой, так что предводители его, Воротынский, Симеон Романович и Истома Пашков, бежали вместе с прочими». К этому Масса добавляет, что, разбив Воротынского, Петр «занял еще некоторые укрепленные места неподалеку и поспешил возвратиться в Тулу, где снова утвердился» [1]. Обстоятельность и конкретность известия Массы заставляют расценить его как заслуживающее доверия (в частности упоминание Массой Истомы Пашкова свидетельствует о его осведомленности, так как Истома Пашков называется в связи с борьбой под Калугой и в «Ином Сказании» [2], а в разрядах Истома Пашков фигурирует в качестве одного из голов в полках князя Воротынского в Алексине, перед битвой на Пчельне) [3].

Таким образом, к моменту битвы на Пчельне «царевич» Петр уже находился в самом центре борьбы, и мы имеем право рассматривать операции войск восставших, приведшие к сражению на Пчельне, как выражение непосредственной деятельности «царевича» Петра (или, что вернее, его «советников», вроде князей Телятевского и Шаховского).

Сражение на Пчельне явилось результатом второго похода войск восставших на Калугу, предпринятого с целью оказать помощь осажденному Болотникову. Сложившаяся после победы над войсками Василия Шуйского под Тулой и Дедиловом обстановка давала возможность «царевичу» Петру бросить свои силы на Калугу. Во главе войска был поставлен князь Телятевский, только что одержавший победу над князем Воротынским.

И русские и иностранные источники одинаково определяют цели похода князя Телятевского, говоря о том, что «с Тулы Петрушка вор послал к Калуге на помощь боярина князя Ондрея Ондреевича Телятевского, а с ним казаков» [4], или что «от вора

[1] *И. Масса*, стр. 169.
[2] РИБ, т. XIII, стб. 114.
[3] *Белокуров*, стр. 157.
[4] Там же.

Библиотека "Руниверс"

от Петрушки пришел князь Ондрей Телятевской со многими ратными людьми выручать Калуги» [1]. Буссов (также говоря о посылке «князем Петром Федоровичем своего войска из Тулы, чтобы освободить людей своего дяди Димитрия, осажденных длительное время в Калуге войсками Шуйского») делает важное дополнение к известиям русских источников, сообщая дату начала похода: «13 мая 1607 г.» [2], тогда как в русских источниках битва на Пчельне датируется весьма неопределенно: «тово ж году весною», «тое ж весны» [3].

Размеры и состав войска князя Телятевского определяются в источниках очень суммарно. И «Новый Летописец», и «Карамзинский Хронограф», и разряды говорят лишь о «многих ратных людех», бывших с князем Телятевским, или о «казаках», посланных «царевичем» Петром. Но тем не менее можно с уверенностью говорить о том, что силы князя Телятевского были весьма значительны. На это указывает количество войск Шуйского, брошенных против князя Телятевского. Войска эти состояли из трех полков, выделенных из состава войск, стоявших под Калугой, во главе с воеводами — князьями Б. П. Татевым, М. Барятинским и А. Черкасским. «Да велел государь боярину князю Ивану Михайловичю Воротынскому послать из Олексина от себя столника князь Юрья Петровича Ушатого да голову Истому Иванова сына Пашкова, а с ними всех людей; а велел итти против казаков с Колускими воеводы вместе» [4].

Такая подготовка правительства Шуйского к борьбе с войском, посланным на выручку Калуги, показывает, что правительство Шуйского очень серьезно расценивало этот акт руководителей восстания и, учтя уроки недавних поражений под Тулой и Дедиловом, мобилизовало для отпора князю Телятевскому все имевшиеся у него под руками силы, в том числе и «всех людей» из полков князя Воротынского, стоявших под Алексином.

Но, несмотря на все эти мероприятия, войска Шуйского вновь потерпели поражение, еще бо́льших размеров, чем бывшие до того. Вышедшие «на встречю» [5] князю Телятевскому воеводы были наголову разбиты «в селе на Пчельне», недалеко от Калуги. По описанию в разрядах, «сошлися воеводы с казаки в селе Пчелне (в а р и а н т: «на Пчелне»), и государевых воевод воровские люди побили многих, а иных живых поимали, а князь Бориса

---

[1] *А. Попов*, Изборник, стр. 333. (Текст исправлен по рукописи. — *И. С.*)

[2] *Bussow*, стр. 75. Но в издании Устрялова другая дата: «1 мая 1607 г.» (*Устрялов*, т. I, стр. 87).

[3] *А. Попов*, Изборник, стр. 333; *Белокуров*, стр. 11.

[4] *Белокуров*, стр. 157.

[5] *А. Попов*, Изборник, стр. 333.

Библиотека "Руниверс"

убили» [1]. Убит был и второй воевода, князь А. Черкасский [2]. В. Диаментовский определяет потери войск Шуйского в сражении на Пчельне в 14 000 человек [3]. Разбитое войско было совершенно дезорганизовано. По словам Буссова, потерпевшие поражение войска «с великим ужасом прибежали в свой лагерь под Калугу»[4]. «Карамзинский Хронограф» не менее выразительно рассказывает о том, как «ратные люди прибежали под Колугою к боярам в полки и не помешкав под Колугою пошли к Москве, для того, что стали беззапасны» [5].

Существенную роль в столь роковом для воевод Шуйского исходе сражения на Пчельне сыграл переход на сторону восставших части войска из армии князя Татева и князя Черкасского.

Отмеченная черта сражения на Пчельне, естественно, представляет особенный интерес. Однако выяснение этой стороны сражения на Пчельне затрудняется неясностью и противоречивым характером источников, что дало основание С. Ф. Платонову назвать вопрос «об измене Шуйскому целого войска с двумя воеводами» стоящим «на первом месте» среди «не разъясненных» вопросов войны Шуйского с Болотниковым [6].

Наиболее подробное известие по рассматриваемому вопросу содержится в «Ином Сказании». По словам этого источника, воеводы, осаждавшие Калугу, получив известие о том, что «царевич» Петр «с силою многою» идет к Калуге, «послаша противу его двух воевод, под ними же силы семнатцать тысящ, да встретят его, не допустив до града, и разбиют силу его». Однако воеводы, вместо того чтобы разбить Петра, «с пути истинного совратишася и впадоша в ров погибелный, и приложишася ко врагу православныя веры и к богоотступнику, к вору, к Петруше Горчакову, и с ним совокупишася на православных християн». Вместе с изменниками-воеводами «в ров погибелный» впало и «седьмнадесят тысящ войских людей» [7]. В этом известии особенно существенно указание на количество изменивших «войских людей», что заставляет предполагать у автора повести наличие каких-то конкретных

---

[1] *Белокуров*, стр. 157.

[2] ПСРЛ, т. XIV, стр. 74.

[3] *W. Dyamentowski*, стр. 101. Запись от 4 июня н. ст. В. Диаментовский не называет места битвы, указывая лишь, что, «как говорят, дело было в конце мая» (die ultima Maii). Но дата записи и предполагаемая дата сражения позволяют отнести запись дневника В. Диаментовского именно к битве на Пчельне. Этой записи предшествует более краткая запись под 17 мая: «В этот день услышали, что сторона Шуйского стала слабеть, проиграв битву» (цит. изд., стр. 101). Можно думать, что запись от 4 июня дополняет первые сведения.

[4] *Bussow*, стр. 75.

[5] *А. Попов*, Изборник, стр. 333. (Текст исправлен по рукописи. — *И. С.*)

[6] *Платонов*, Очерки, стр. 609.

[7] РИБ, т. XIII, стб. 112.

Библиотека "Руниверс"

данных о сражении на Пчельне, сохраненных им несмотря на риторический характер его рассказа.

Другой источник, говорящий об «измене» — Латухинская степенная книга, — сообщает об этом как об одной из версий, существовавших по вопросу о военных действиях под Калугой: «вор же Петрушка в то время под Колугу прииде со всею своею силою. Глаголют же нецыи, яко от государева полка к нему вору войска 15 000 предашася» [1]. Известие Латухинской степенной книги, однако, не может иметь самостоятельного значения, восходя к тому же «Иному Сказанию» (обильно использованному автором Латухинской степенной книги), хотя и к другому списку, чем те, в которых «Иное Сказание» дошло до нас (на что указывает расхождение в цифрах величины изменившего войска).

Из иностранцев об измене Василию Шуйскому воевод его войска сообщают Николай де Мело и Исаак Масса.

Свидетельство первого из названных лиц носит несколько специфический характер. Оно представляет собой письмо, написанное этим католическим миссионером из Борисоглебского монастыря около Ростова, где Н. де Мело находился в ссылке, ссыльным же полякам в Ярославль.

Письмо Н. де Мело было получено в Ярославле 25 (15) октября 1607 г. и представляет собой обзор событий, охватывающий промежуток времени с мая по начало октября 1607 г. Текст письма Н. де Мело дошел до нас в изложении В. Диаментовского, сохранившего в своем дневнике основные «пункты» письма. Сообщив о поражении, понесенном войском Шуйского под Калугой от «людей царя Димитрия», в главе которых стоял Iwan Bolotnik, Hetman Dymitrow, Н. де Мело продолжает: «После этого сражения множество людей из войска Шуйского перешло на сторону противника — как простых солдат, так и думных бояр, из которых называет (так В. Диаментовский излагает текст письма Н. де Мело. — *И. С.*) князя Бориса Долгорукого, князя Андрея Телятевского и других, которых не называет по имени» [2].

Анализируя это и два других сохранившихся письма Н. де Мело, П. Пирлинг дает в общем довольно верную их характеристику, указывая, что «Мело добросовестно отмечал все, что слышал, и без дальнейшего расчета слышанное передавал Юрию Мнишку. В этой откровенности и состоит главное достоинство его посланий. По всей вероятности, он сам ничего не сочинял, а приводимые им слухи были действительно в ходу» [3].

---

[1] Рукописное отделение Государственной Публичной библиотеки, F. IV, 597, л. 477; ср. у *Карамзина*, т. XII, примеч. 125.

[2] *W. Dyamentowski*, стр. 113; ср. *Устрялов*, т. II, стр. 193.

[3] *П. Пирлинг*, Николай Мело, «Гишпанския земли» чернец (в сборнике: *П. Пирлинг*, Исторические статьи и заметки, 1913, стр. 79).

Библиотека "Руниверс"

Такой характер письма Николая де Мело должен определять и наше отношение к нему. Оно несомненно усиливает правдоподобность версии об измене Василию Шуйскому части его войска. Но конкретные данные, сообщаемые испанским монахом, в частности фамилии изменивших воевод, конечно, не могут быть приняты: князь Телятевский задолго до сражения на Пчельне уже находился на стороне Болотникова, а «князя Бориса Долгорукого» нет ни среди думных чинов, ни вообще в разрядах за 1606—1607 гг. (можно думать, что в «Бориса Долгорукого» у Н. де Мело превратился князь Борис Петрович Татев, стоявший во главе войск Шуйского, участвовавших в сражении на Пчельне).

В отличие от Н. де Мело Исаак Масса находился гораздо ближе к источникам сведений о событиях, развивавшихся под Калугой. Это давало ему возможность в ряде случаев получать очень точную и достоверную информацию (хотя в его записках мы найдем немало и «слухов»). Обе эти черты проявляются и в его рассказе о переходе на сторону Болотникова части войска Шуйского.

Анализируя причины поражения войска Шуйского под Калугой, Масса подчеркивает, что поражение «произошло от измены и несогласия среди (московских) воевод». Поясняя свою мысль, Масса следующим образом описывает эту измену: «И стало известно, откуда произошла эта измена, именно от московского боярина, князя Бориса Татева, и Заборских (Soborse) казаков, которые, проведав о том, что московиты два раза потерпели поражение, подумали, что истинный Димитрий должно быть жив, и заколебались, дав знать о своей измене Болотникову, чтобы им обещали милость, что им и было обещано, и они были причиной бегства своего войска и сами перешли на сторону неприятеля» [1].

В этом известии Массы следует расчленить вопрос об измене князя Татева и вопрос о переходе на сторону Болотникова заборских казаков. Что касается первого вопроса, то, хотя известие Массы и совпадает в этой части с рассказом «Иного Сказания» (ибо князь Татев как раз стоял во главе войска, участвовавшего в сражении на Пчельне), обвинение Массой князя Татева в измене вряд ли поддается проверке, ибо князь Татев был убит во время сражения. Следует лишь указать, что официальные источники — разряды — не упоминают ничего об измене князя Татева (хотя, вообще говоря, это может объясняться именно смертью князя Татева в битве на Пчельне). Вероятнее, однако, объяснить известие и Массы и «Иного Сказания» об измене воевод как преломление в сознании современников того, что на воевод, стоявших

[1] *И. Масса*, стр. 170. Переводчик ошибочно принял «заборских» казаков за «запорожских». В подлиннике: «Soborse Casacken» (Rerum Rossicarum Scriptores Ext., т. II, 1868, стр. 117).

Библиотека "Руниверс"

во главе войска, участвовавшего в сражении под Пчельней, падала ответственность за исход сражения, что в сочетании с фактом действительного перехода на сторону восставших части войска и могло дать основание для обвинения в измене руководителей войска Шуйского (смерть которых лишь облегчала возможность возникновения такого рода слухов).

Совершенно иначе обстоит дело с вопросом о переходе на сторону Болотникова заборских казаков.

Выше мы уже касались вопроса о заборских казаках (в связи с осадой Заборья 2—5 декабря 1606 г.). Под этим именем в источниках фигурируют казаки, сдавшиеся Шуйскому в плен в Заборье. Дальнейшая судьба заборских казаков свидетельствует о том, что они были использованы Шуйским в качестве военной силы в борьбе против Болотникова. Латухинская степенная книга прямо говорит о том, что тем из казаков, взятых в плен в Заборье, которые «сами сдавалися», Василий Шуйский «учини корм давати и на службу их посылати под городы с воеводами» [1]. Это известие Латухинской степенной книги подтверждается разрядной записью о том, как «розбирали и переписывали Заборских козаков дворяне: Богдан Сабуров, Иван Микифоров сын Чепчюгов, Володимер Игнатьев сын Вешняков, Ондрей да Григорей Микитины дети Ржевские» [2].

О «Заборских атаманах», приезжавших «к Москве» весной 1607 г., говорится в одной из записей приходо-расходных книг Иосифо-Волоколамского монастыря [3]. Другая запись (от 31 августа 1607 г.) упоминает о нахождении «Заборских атаманов» под Тулой [4].

Все эти данные русских источников делают очень правдоподобным известие Массы о переходе заборских казаков на сторону Болотникова, тем более, что и мотивы, которыми Масса объясняет этот поступок казаков, вполне вытекают из той обстановки, которая сложилась к моменту сражения на Пчельне. К этому надо добавить, что в источниках сохранился материал и еще об одном случае такой «измены» заборских казаков. Случай этот описывает Буссов в своих мемуарах. Уже после падения Тулы, осенью 1607 г., Василий Шуйский, стремясь овладеть Калугой, попрежнему остававшейся на стороне восставших, сделал попытку использовать для этой цели именно заборских казаков: «послал во все тюрьмы, где находились казаки, взятые в плен в сражении с Болотниковым под Москвой 2 декабря 1606 г., объявить им, что если они присягнут ему и будут служить ему в борьбе против его

[1] Рукописное отделение Государственной Публичной библиотеки, F, IV, 597, л. 475.
[2] *Белокуров*, стр. 117.
[3] «Исторический архив», т. I, стр. 16.
[4] Там же, стр. 19.

Библиотека "Руниверс"

врагов, то он освободит их, даст им денег и снабдит оружием». По словам Буссова, «4000 казаков присягнули Шуйскому» и, снабженные большим количеством бочек пороха, были посланы под Калугу, чтобы штурмовать город. Однако в лагере под Калугой начались несогласия «между боярами и этими казаками», «казаки начали бунтовать», и бояре, «бывшие слишком слабыми по сравнению с казаками», бросили лагерь и все бывшее там и тайно бежали в Москву [1].

Это свидетельство Буссова может служить еще одним аргументом в пользу Исаака Массы.

Таким образом, наиболее вероятное решение вопроса, сформулированного С. Ф. Платоновым, об «измене Шуйскому целого войска с двумя воеводами», представляется мне в плане принятия версии Массы. Очевидно, реальная основа известий источников об измене части войска Василия Шуйского под Пчельней заключалась в том, что на сторону Болотникова перешли казацкие отряды, состоявшие из казаков, попавших в плен в Заборье и включенных затем правительством Шуйского в состав войск, бывших под Калугой. Именно этот факт и явился основой рассказа «Иного Сказания», хотя трудно, конечно, сказать, насколько близки (или далеки) к действительности конкретные цифры, которыми автор «Иного Сказания» определяет размеры перешедшего на сторону Болотникова войска.

Битва на Пчельне решила судьбу и Калуги. По выражению разрядной записи о сражении на Пчельне, «после того вскоре бояре и воеводы от Калуги пошли прочь» [2]. Этот отход бояр от Калуги, однако, правильнее было бы назвать бегством.

Ярче всего картина отступления войск Василия Шуйского от Калуги изображена в «Карамзинском Хронографе». Появление в полках под Калугой остатков разбитого на Пчельне войска князя Татева и их бегство затем, «не помешкав», к Москве привело к распространению паники и на ту часть войска, которая не участвовала в битве на Пчельне, оставаясь под Калугой. По словам «Карамзинского Хронографа», «которые ратные люди стояли под Калугою, а в походе не были, и оне смотря на тех же людей, ис-под Колуги пошли, а бояр покинули» [3].

Такое состояние разложения в полках под Калугой само по себе уже делало невозможным продолжение осады Калуги. Но этот распад войск, осаждавших Калугу, был еще ускорен и превращен в бегство воевод Шуйского из-под Калуги активными действиями Болотникова, воспользовавшегося исключительно благоприятной обстановкой для нанесения нового удара по войскам Шуйского.

---

[1] *Bussow*, стр. 81.

[2] *Белокуров*, стр. 157.

[3] *А. Попов*, Изборник, стр. 333. (Текст исправлен по рукописи. — *И. С.*)

Библиотека "Руниверс"

Продолжая привлекать «Карамзинский Хронограф» для характеристики последнего этапа борьбы под Калугой, мы находим в этом источнике такое описание наступательных действий Болотникова: «А из Колуги вор Ивашка Болотников со всеми ворами вышел на боярские станы вылоскою, и бояре и воеводы з дасталными людми отошли отходом в Серпухов и наряд с собою отвезли в Серпухов же, а иной наряд остался под Колугою» [1].

Таким образом, «вылазка» Болотникова «на боярские станы» завершила разгром войск Шуйского, начатый на Пчельне. Отступившие к Серпухову воеводы не смогли увезти с собой целиком даже артиллерию, часть которой была брошена ими под Калугой [2].

Совершенно так же рисуют конец осады Калуги и иностранцы, свидетельства которых в данном случае интересны не столько как источник каких-либо дополнительных сведений о рассматриваемом моменте, сколько именно своим сходством с известиями русских источников.

Особенно наглядно это сходство выступает в рассказе Буссова, по словам которого, «на другое утро», после того как под Калугу прибежали разбитые на Пчельне войска, «Болотников напал из Калуги на их лагерь и задал им такого, что они бросили свой лагерь, вместе с рвами, орудиями, припасами, прови-

---

[1] *А. Попов*, Изборник, стр. 333. (Текст исправлен по рукописи. — *И. С.*)

[2] Повесть «Иного Сказания», изображая, как под ударом вышедших из Калуги отрядов Болотникова войско Василия Шуйского обратилось в бегство («вси воеводы устрашишася и бегству вдашася, и все воинство такожде вослед их побегоша, кто елико можаше»), пытается противопоставить этой всеобщей панике поведение М. В. Скопина-Шуйского и Истомы Пашкова (утверждая, что «аще не бы боярин и воевода князь Михайло Васильевичь Шуйской да казачей атаман Истома Павлов защищали их, то бы ни един спаслся, но вси бы и до единаго побиты были». РИБ, т. XIII, стб. 114), которые якобы «беж свою (т. е. бегущее войско. — *И. С.*) спасоша идуще медленным ходом, отлучающе от них женущих и бьющих и с ними сами борющеся и бьющеся, удержевая их, а своих упущая к царствующему граду Москве» (там же). Такая трактовка поведения М. В. Скопина-Шуйского, несомненно, стоит в связи с общей тенденцией «Иного Сказания» к идеализации этого деятеля. Но даже если признать наличие некоторых реальных черт в этой картине (в пользу этого говорит упоминание наряду с М. В. Скопиным-Шуйским также и Истомы Пашкова), то она лишь еще сильнее подчеркивает катастрофический характер бегства войска Шуйского от Калуги.

Впрочем, и сам автор повести «Иного Сказания» дает достаточно материала для признания того, что «медленный ход» М. В. Скопина-Шуйского лишь в очень слабой степени изменил положение дел. Он не предотвратил распада войска, ибо автор повести вынужден сообщить, что, несмотря на попытки М. В. Скопина-Шуйского придать бегущему войску характер организованного отступления «к царствующему граду Москве», «иные по иным градом разбегошася врозь, кому куда ближе, а иныи и дале забегоша»; не удалось спасти и вооружения бежавшего войска: «наряд же под градом весь остася, и не токмо наряд, но и оружие и платие свое пометаша» (РИБ, т. XIII, стб. 114).

Библиотека "Руниверс"

антом и всем прочим, и с великими ужасом и страхом бежали к Москве» [1].

Те же моменты в событиях последних дней осады Калуги отмечает и Исаак Масса, иронически сравнивающий бегство войск Шуйского из-под Калуги с бегством годуновских войск «за два года до того под Кромами, ибо воеводы едва успели выбежать из своих палаток, как уже калужане овладели всеми пушками» [2].

Такое единодушие русских и иностранных источников по вопросу о поражении войск Шуйского под Калугой само по себе может служить показателем серьезности этого поражения. Очевидно, размеры катастрофы, постигшей воевод Шуйского под Калугой, были таковы, что правительство Шуйского оказалось бессильным скрыть свое поражение или смягчить впечатление от него в глазах населения.

Что касается войска князя Телятевского, то после победы на Пчельне оно, повидимому, не пошло под Калугу, а вернулось обратно в Тулу. Именно так изображает дело Сказание, найденное М. Н. Тихомировым, указывая, что «тульские же воры приведоша со Пчелныи плененых живых в Тулу множество много московских вои», где последовала расправа над попавшими в руки восставших их классовыми врагами: «Петрушка повеле их на всяк день числом человек по десяти и больши посекати, а иных повеле зверем живых на снедение давати» [3].

Болотников, в свою очередь, также перешел с своими силами из Калуги в Тулу, где и произошло соединение его с «царевичем» Петром.

---

[1] *Bussow*, стр. 75.
[2] *И. Масса*, стр. 170.
[3] *М. Н. Тихомиров*, Сказание.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ПРАВИТЕЛЬСТВО ВАСИЛИЯ ШУЙСКОГО И ВОССТАНИЕ

Положение в лагере Василия Шуйского. Стремление усилить и ускорить процесс консолидации господствующего класса как стержень внутренней политики Шуйского. Политика Шуйского в вопросе об армии. Политика Шуйского в вопросе о финансах. Политика Шуйского по крестьянскому вопросу. Критическое положение Шуйского после поражения его войск под Калугой. Известие В. Диаментовского о созыве Василием Шуйским «съезда» для обсуждения вопроса «об успокоении земли». Преодоление Шуйским кризиса путем выдвижения программы активной борьбы против Болотникова.

*

Отступлением воевод Шуйского от Калуги к Москве завершается тот этап в истории восстания Болотникова, который начался отступлением Болотникова от Москвы к Калуге.

С. Ф. Платонов, признавая, что этот «акт борьбы» между Болотниковым и Шуйским «окончился далеко не в пользу Шуйского», объясняет поражение воевод Шуйского трудностями ведения военных действий зимой: «Зимние кампании в то время чрезвычайно истощали войска, не имевшие правильного хозяйства; по этой причине, всего вероятнее, московские воеводы не могли достигнуть никакого успеха над «ворами»»[1]. С таким объяснением, однако, согласиться никак нельзя. Отрицательное действие зимних условий сказывалось в лагере Болотникова гораздо сильнее, чем в полках воевод Шуйского. Достаточно указать на голод в осажденной Калуге. Напротив, осаждавшие Калугу войска обладали большим количеством оружия и припасов (брошенных ими при отступлении от Калуги). К этому надо добавить, что как раз зимой именно Болотников терпел поражения (на Вырке и под Серебряными Прудами). Победы же Болотникова над воеводами Шуйского были одер-

[1] *Платонов*, Очерки, стр. 341.

Библиотека "Руниверс"

жаны уже весной (сражение под Дедиловом — «великим постом», сражение на Пчельне — в мае).

Таким образом, корни неудач Шуйского надо, очевидно, искать не в зиме, а в факторах и обстоятельствах иного порядка.

Достаточно сопоставить начало «калужского» периода борьбы с его концом, чтобы убедиться в том, что огромное превосходство в силах у Шуйского над восставшими, создавшееся после декабрьского сражения в селе Коломенском, уступило место превосходству сил Болотникова над военными силами Шуйского. Таким образом, в то время как Болотников оказался в состоянии восстановить свои силы, ослабленные поражением, понесенным им в Коломенском, Шуйский, напротив, потерял то преимущество в силах, которое дала ему победа над Болотниковым под Москвой.

Обзор положения в основных районах Русского государства, сделанный нами в предыдущих главах, показывает с достаточной степенью очевидности, в чем состоял источник силы Болотникова. Этим источником был подъем борьбы угнетенных масс против феодального гнета, борьбы, охватившей большую часть территории страны. Именно в дальнейшем развитии восстания, как территориально, так и вглубь, в смысле охвата более широких масс населения, крылся источник успехов Болотникова в период осады Калуги воеводами Шуйского. Борьба и михайловских и рязанских мужиков, и алексинцев, и русских крестьян, и бортников вместе с нерусскими народностями Поволжья, и донских и волжских казаков, и псковских и астраханских городских низов — все это входило составными частями в общую равнодействующую, которой определялась мощь сил лагеря Болотникова.

Состояние противоположного лагеря — лагеря Василия Шуйского — было существенно иным.

Главным фактором, определявшим положение в лагере Шуйского, являлись взаимные отношения основных группировок господствующего класса: боярства и дворян. Восстание Болотникова не уничтожило противоречий внутри господствующего класса и не прекратило борьбы между основными его группировками, изменив лишь формы борьбы. Наглядной иллюстрацией этого является активная борьба против Шуйского (как выразителя и представителя княжеско-боярских интересов) дворян-помещиков во главе с Ляпуновыми. Развитие восстания Болотникова и выявление его антикрепостнической сущности привело к некоторому изменению позиции дворянства, показателем чего явился разрыв П. Ляпунова и И. Пашкова с Болотниковым и переход их на сторону Шуйского. Процесс известной консолидации господствующего класса перед лицом возраставшей угрозы со стороны восстания отмечает и английское донесение о восстании Болотникова, подчеркивая, что «бояре и лучшие горожане,

Библиотека "Руниверс"

видя, в каком крайнем положении они находились, употребили все свое влияние и средства, чтобы поддержать и помочь государю» [1]. В источниках можно найти еще ряд фактов, подтверждающих отмеченный процесс объединения сил господствующего класса для борьбы против восстания. Ярким выражением этого процесса может служить поведение мценского помещика С. Рагозина, из челобитья которого мы узнаем, как он, подвергшись наказанию от восставших жителей Мценска и просидев в тюрьме год, «из тюрьмы ушел и прибежал к Москве к царю Василью» [2]. Другой помещик, тульский сын боярский Степан Ушаков, заявляя в апреле 1607 г. в своей челобитной Шуйскому, что он «на твою царскую службу готов головою своею», сообщает, что он «ушодша от воров с Тулы душею да телом» [3] и «разорен без остатку: твое царское жалованье поместейце у меня было на Туле, и то пусто, а животишка, государь, мое разграбили твое государевы изменники Самолка Хохоновской с товарыщи без остатку, а что, государь, дано было мне нынеча поместейце в Коширском уезде под Михайловым городом, и тем я, холоп твой, не владел, а владел им вор старой помещик Левонтей Фустов, а я, холоп твой, и з женишком и з детишками нынеча скитаюся на Москве меж двор» [4]. Челобитная С. Ушакова со всей наглядностью показывает материальные, экономические корни той позиции, которую дворяне-помещики заняли во время восстания Болотникова, угрожавшего самой основе их социального бытия. Не менее отчетливо классовые интересы крепостников-помещиков нашли свое выражение в поведении дворян Д. и Е. Ладыженских. После того как «отца их вор Петрушка убил на Ливнах», Д. Ладыженский принимал активное участие в борьбе с Болотниковым: «как стоял под Колугою князь Иван Шуйской, а он Дементий пришел под Колугу с Б[ах]теяром Клешниным, и за ту ему службу придано поместья к 500 четям 50 чети» [5]. Выше мы подробно рассмотрели поведение астраханских служилых людей, ставших после начала восстания в Астрахани на сторону Шуйского.

Все эти факты достаточно определенны. Правительство Шуйского стремилось усилить и ускорить процесс консолидации господствующего класса. Это стремление любыми средствами и способами добиваться перехода на свою сторону как можно более широких слоев населения, и в первую очередь служилых людей — помещиков, составляет стержень всей внутренней политики Шуйского в рассматриваемый период.

---

[1] См. прилож. IV, стр. 554.
[2] *Л. Сухотин*, Четвертчики Смутного времени, стр. 266.
[3] *Гневушев*, Акты, стр. 257.
[4] Там же.
[5] *Л. Сухотин*, цит. изд., стр. 209.

Библиотека "Руниверс"

В цитированных выше показаниях (см. стр. 270) И. Садовский видит основную причину слабости Шуйского в том, что у него «казны нет и людей служивых» [1]. Эти два вопроса: о казне и служилых людях — и были наиболее острыми вопросами политики Шуйского.

В вопросе об армии политика Шуйского представляла собой сочетание щедрых земельных и денежных раздач служилым людям, с репрессиями в отношении тех, кто уклонялся от службы в армии. Опубликованные Л. Сухотиным материалы о «четвертчиках Смутного времени» (вместе с ранее изданными документами) позволяют составить наглядное представление об этой политике, усиленно проводившейся Шуйским.

Выдача земельного и денежного «жалованья» сопровождала каждое крупное сражение с Болотниковым, каждый новый этап борьбы.

Так, например, князь В. Р. Борятинский во время похода Болотникова на Москву дважды получал прибавки к своему денежному окладу: «как был бой боярину князю Ивану Шуйскому с воры с казаки под Колугою на реке на Угре, и князю Василью за ту службу придано из чети к 12 рублем 5 рублев; да как послан с Москвы под Серпухов боярин князь Михайла Васильевич Шуйской, и был бой на реке на Похре с воры с казаки, и ему за ту службу придано к 17 рублем 5 рублев» [2].

Раздачей денежного и земельного жалованья сопровождалась и победа над Болотниковым под Москвой. Так, по словам К. Поливанова, «как приходил под Москву при царе Василье Ивашко Болотников, и он за ту службу и за убитые мужики пущон в четверть 10 рублев да поместья придано к 350 четям 50 чети» [3]. Точно так же князь М. Вадбольский «при царе Василье, как приходил под Москву вор Ивашко Болотников», был «пущон в четверть, а велено довать из Чети по 6 рублев, да поместья к старому ево окладу к 300 четям 50 чети» [4]. По показаниям Б. Ловчикова, «как приходил под Москву Ивашко Болотников, и он в те поры царю Василью служил, да в те же поры на бою убили брата ево родново Тимофея; и он де бил челом царю Василью за брата ево смерть и за свою службу о братне поместном и денежном окладе... и царь Василей за брата его смерть велел ему учинити брата... денежной оклад» [5]. Такое же вознаграждение получил и А. Борзецов: «Придано ему при царе Василье (з)а службы: как приходил под Москву вор Ивашко Болотников, и он в те поры царю Василью служил, и на бою ево

[1] Сб. РИО, т. 137, стр. 375.
[2] *Л. Сухотин*, цит. изд., стр. 197.
[3] Там же, стр. 210.
[4] Там же, стр. 231.
[5] Там же, стр. 213.

Библиотека "Руниверс"

ранили, и за ту ему службу и за рану придано поместья к 350 четям 50 чети, денег из Чети к 7 рублем 8 рублев» [1]. «Придано» было жалованья «при царе Василье, как побили под Москвою Ивашка Болотникова» и жильцу С. П. Полибину [2]. О придачах «за прежние службы, что он служил при царе Василье на Москве, и в Заборье против воров на приступех, и под Свияжским, и под Чебоксаром и под Козмодемьянским с воры бился» [3], — говорит уфимский жилец И. Онучин. Более подробные данные о «верстании» за борьбу под Москвой мы находим в челобитье царю Михаилу Федоровичу жильца И. И. Голенищева-Кутузова в 1614 г. По словам челобитчика, «как, государь, при царе Василье приходил под Москву Ивашка Болотников, и я, холоп твой, в те поры сидел на Москве, и за то, государь, наше осадное сиденье царь Василей меня, холопа твоего, велел поверстать поместным окладом и денежным жалованьем, и поместного мне, государь, оклада учинили 400 четей, а денег из Четверти 6 рублев» [4].

Такого же рода раздачи земель и денег имели место и в ходе дальнейшей борьбы с Болотниковым. Так, тот же И. И. Голенищев-Кутузов, продолжая перечислять придачи к жалованью, полученные им при Василии Шуйском, указывает: «И как, государь, под Колугою стояли твои государевы бояре и воеводы и ходил на Пчелну князь Борис Петрович Татев, и на Пчелне, государь, убили отца моего, и я, холоп твой, бил челом царю Василью об отца своего крови и смерти, и царь Василей велел мне, холопу твоему, прибавить к старому моему окладу 50 четьи, а денег 3 рубля. И после, государь, отца своего, я, холоп твой, у царя Василья напросился на службу... и посланы были под Каширу, и я, холоп твой, на том бою служил, и за ту, государь, службу мне прибавлено 2 рубли денег да 50 четьи поместного окладу. Да как, государь, пришли под Тулу твои государевы бояре и воеводы, и я, холоп твой, в те поры служил, и за ту, государь, службу мне прибавлено 2 рубля денег да 50 чети поместья; да как, государь, Тулу взяли и на Москве об наших послугах сидели бояре, и мне, холопу твоему прибавлено 3 рубля денег и 50 четей» [5].

Можно привести и еще ряд данных, характеризующих процесс раздач Шуйским земель и денег служилым людям за их участие в борьбе с восстанием Болотникова. Так, упомянутый уже князь М. Вадбольский, помимо придачи за борьбу под Москвой, получил еще «за Калужскую службу и за Вырковский бой»; кроме

[1] *Л. Сухотин*, цит. изд., стр. 238.
[2] Там же, стр. 202, 203.
[3] Там же, стр. 71, 72.
[4] Акты Московского государства, т. I, № 60.
[5] Там же.

Библиотека "Руниверс"

того, «как царь Василей стоял под Тулою и его под Тулою на бою ранили, и за ту службу придано ему поместье» и денег [1]. О пожаловании за службу под Калугой сообщает И. Пазухин: «Как стояли под Колугою бояре князь Федор Иванович Мстиславской с товарыщи, и отца ево убили под Колугою на вылоске, а он Иван был с ним ж под Колугою, и ево под Колугою ранили в дву местех; и приехав де ис-под Колуги, бил челом царю Василью за отца своево смерть и за свою службу и за раны, отца своево о поместном и о денежном окладе...; и царь де Васил[ей] за отца ево смерть и за его службу и за раны велел ему учинити отца ево поместной оклад... а денег велел давати из чети, что отец ево имел» [2]. «За Тульскую службу и за рану» получил придачу деньгами и поместьем С. Ступишин [3]. Пожалования за службу под Калугой и «за Тульскую службу и за рану» получил упомянутый выше Д. Ладыженский [4]. Новую придачу за службу под Тулой получил и А. Борзецов [5].

Все эти данные достаточно полно характеризуют те методы и средства, которыми правительство Шуйского стремилось привлечь в армию и удержать в ней служилых людей. В этой политике необходимо специально отметить два момента. Особо щедро Василием Шуйским давалась придача «за раны» и «кровь» служилого человека или «за смерть» в бою его родственников. Второе, что квалифицировалось Шуйским как особая заслуга и соответственно вознаграждалось, — были «убитые мужики». Смысл формулы «за убитые мужики» достаточно ясно раскрывается из следующих текстов: 1) «князь Михайло Козловской государю служил, бился явственно, в напуске и в отводе был, застрелил мужика» [6]; 2) «князю Миките княж Самойлову сыну Белскому за ноугородскую службу, за бои явственные, да за стреленой мужик, да за убитой мужик да за его князь Микитину рану... придано ко 600 четям 100 чети, денег из чети к 15 рублем 12 рублев» [7]. Итак, «убитые мужики» — это те «мужики» из войска Болотникова, которых лично убил данный служилый человек. В придаче «за убитые мужики», таким образом, особенно ярко выступают классовые мотивы политики укрепления армии, проводившиеся Шуйским [8].

---

[1] *Л. Сухотин*, цит. изд., стр. 231.
[2] Там же, стр. 236.
[3] Там же, стр. 224.
[4] Там же, стр. 209.
[5] Там же, стр. 238.
[6] Там же, стр. 214.
[7] Там же, стр. 215.
[8] Материалы об отделе поместий, опубликованные в «Арзамасских поместных актах» С. Б. Веселовского, не содержат (за исключением дела о поместье Плакиды Панова) прямых данных о связи раздачи поместий в Арзамасском уезде с политикой укрепления армии.

Библиотека "Руниверс"

Вопрос о раздаче служилым людям поместий и денег следует подвергнуть рассмотрению еще с одной стороны.

В челобитной И. И. Голенищева-Кутузова особый интерес представляет то место, где он говорит, что после взятия Тулы «на Москве о наших послугах сидели бояре», в результате чего он получил еще одну «придачу». Это заявление И. И. Голенищева-Кутузова подтвердилось при сыске, произведенном дьяками разряда в связи с его челобитной, причем опрошенные дворяне указали, что «как царь Василей из-под Тулы пришел к Москве и велел бояром сидеть о службах», то Кутузов действительно получил придачу [1].

Из этих заявлений следует, что раздача земли и денег служилым людям после взятия Шуйским Тулы производилась не в порядке ответа на индивидуальные челобитные отдельных служилых людей, а как общегосударственное мероприятие, во исполнение специального царского указа и боярского приговора «о службах». Можно думать, однако, что такого рода приговоры имели место и при предшествующих «Тульской службе» раздачах (хотя они и не сохранились и не отмечены источниками). Намек на это содержится в той же челобитной И. И. Голенищева-Кутузова, когда он указывает, как он за «осадное сидение» в Москве был «поверстан» поместным и денежным окладом; сообщая об этом, И. И. Голенищев-Кутузов не упоминает о своем челобитье, а просто говорит, что Шуйский «велел поверстать» его «за наше осадное сиденье».

О том, что царь и бояре специально занимались вопросами, связанными с экономическим положением служилых людей, свидетельствуют материалы, относящиеся к выдаче денежного и хлебного «жалованья» служилым людям — помещикам, «разоренным» в результате восстания Болотникова.

Среди документов, опубликованных А. М. Гневушевым, имеется «память» думному дьяку В. Телепневу от 26 апреля 1607 г., представляющая собой ответ на запрос о размерах выдачи «государева жалованья и корму» семьям двух тульских помещиков — Степана Ушакова и Воина Пургасова. В «памяти» сообщается о том, что «в Розряде апреля по 24 число даван корм тулян Степана Ушакова да Воина Пургосова женам по 4 деньги человеку на день, детем Степановым трем человеком, а Воиновым четырем человеком да сестре девке по 3 деньги человеку на день, людем Степановым трем человеком, а Воиновым трем же человеком по 2 деньги человеку на день». Одновременно «память» сообщает, что «апреля в 24 день *по боярскому приговору* довелось кормить Степана Ушакова да Воина Пургосова жон и детей и людей в Чюдове монастыре, и в Чюдов монастырь в рос-

[1] Акты Московского государства, т. I, № 60.

Библиотека "Руниверс"

писи они отосланы, а велено их кормить до государева указу диаку Васи[лию] Витофтову» [1].

Данные «памяти» по вопросу о «жаловании» «разоренным» помещикам подтверждаются и дополняются записями приходо-расходных книг Иосифо-Волоколамского монастыря. Одна из этих записей говорит о том, что «115-го году апреля в 24 день (т. е. 24 апреля 1607 г. — *И. С.*) дано по государеву цареву и великого князя Василья Ивановича всеа Русии указу туленом детем боярским разореным и женам их и детем их — по 4 деньги человеку, а детем их по 3 деньги, а людем их по 2 деньги на день». Вторая запись гласит, что «месяца июля в 6 день по государеву цареву и великого князя Василья Ивановича всеа Русии указу и по боярскому приговору велено давати хлебнай корм детем боярским и женам их на пять недель по осьмине ржи человеку, а людем их по полуосьмине ржи да по полуосьмине овса» [2].

Таким образом, правительство Шуйского в качестве чрезвычайной меры по оказанию экономической помощи служилым людям-помещикам, бежавшим из районов, охваченных восстанием, применило раздачу им и их семьям и челяди специального денежного и хлебного жалованья, частью из средств казны («в Розряде»), а также привлекая для этого в принудительном порядке монастыри, предписывая монастырям выдавать деньги и «хлебный корм» определенному количеству помещичьих семей.

Приведенные данные о денежном и хлебном «жалованье» «разоренным» дворянам, важные сами по себе как одно из проявлений все той же политики Василия Шуйского по борьбе за консолидацию господствующего класса землевладельцев, могут быть привлечены и для рассмотрения поставленного выше вопроса о порядке осуществления земельных и денежных раздач: наличие ряда (по меньшей мере — двух) царских указов и боярских приговоров по таким сравнительно второстепенным вопросам, как выдача денежных и хлебных «пособий» помещикам, «разоренным» в результате восстания, усиливает вероятность подобного рода решений высших органов власти и по вопросу о раздаче земель и денег служилым людям, подобно тому, как это имело место после взятия Тулы Василием Шуйским.

Во всяком случае, не может быть сомнения в том, что, например, раздача денежного жалованья нижегородским служилым людям весной 1607 г., засвидетельствованная Нижегородской десятней, происходила на основании именно такого акта.

П. Г. Любомиров, исследовавший Нижегородскую десятню 1607 г., полагает, что раздача жалованья нижегородским помещикам явилась наградой им за «участие в битвах с ворами при

[1] *Гневушев*, Акты, стр. 256.
[2] «Исторический архив», т. I, стр. 17 и 18.

Библиотека "Руниверс"

Серебряных Прудах и на реке Восме». Тот же исследователь, отмечая, что в числе получивших жалованье в десятне значатся руководители движения в Приволжье — князь И. Д. Болховской и И. Б. Доможиров, — приходит к выводу, что «царь Василий, видимо, не мстил своим нижегородским изменникам». По мнению П. Г. Любомирова, «может быть, таким «беззлобием» и милостивой наградой за первый подвиг (имеются в виду сражения с Болотниковым. — *И. С.*) Шуйский стремился окончательно «поворотить» к себе своих недоброжелателей и создать из нижегородского дворянства в целом опору для себя в будущем на случай повторения смутных дней» [1].

С такой оценкой политического смысла раздачи жалованья нижегородским помещикам можно вполне согласиться. Следует только отметить, что о «беззлобии» Василия Шуйского в данном случае можно говорить лишь весьма условно. Ибо, раздавая денежное жалованье одной части нижегородских помещиков, Шуйский одновременно лишал этого жалованья другую часть нижегородских дворян, именно тех, кто оказался «нетчиками»: «многим за неты» жалованье дано не было [2].

Необходимо признать при этом, что указанные данные Нижегородской десятни о «нетчиках» интересны не менее, чем данные о раздаче жалованья. Ибо тем самым Нижегородская десятня не только дает новый материал, характеризующий методы, использовавшиеся правительством Шуйского для привлечения служилых людей в армию, но и знакомит нас с другой стороной процесса борьбы, шедшей вокруг вопроса об армии Шуйского, заставляя признать, что, несмотря на несомненное наличие известной консолидации класса феодалов-землевладельцев и на активную политику Шуйского, стремившегося усилить эту консолидацию, размеры процесса сплочения сил господствующего класса все же нельзя преувеличивать.

Обращение к другим источникам подтверждает это заключение.

Прежде всего следует подчеркнуть, что далеко не все служилые люди и в «калужский» период восстания Болотникова перешли на сторону Шуйского. Известная часть помещиков, особенно в Приволжье, продолжала принимать прямое участие в борьбе против Шуйского.

Во-вторых, сам переход тех или иных групп дворян на сторону Шуйского вовсе не означал установления полного единства интересов этих дворянских групп с лагерем Шуйского. Напротив, можно проследить, как, участвуя вместе с Шуйским в борьбе против Болотникова, дворянские представители продолжали за-

[1] *П. Г. Любомиров*, цит. соч., стр. 33, 34.
[2] Там же, стр. 28.

Библиотека "Руниверс"

нимать враждебную Шуйскому позицию в таких вопросах, где сталкивались интересы боярства и дворянства. Примером подобного столкновения может служить рассмотренный нами выше (в главе IV) спор между Андреем Ржевским и князем М. Ф. Кашиным, где позиция дворянства нашла свое выражение в обвинении А. Ржевским князя Кашина: «его-де, государь, во Брянске лише имя было, а служба де была и промысел мой...; вели, государь, про то сыскать всей ратью», — обвинении, отвергнутом Шуйским, открыто ставшим на сторону князя Кашина и заявившим А. Ржевскому: «Потому князю Михаилу дана шуба и кубок лутче твоего, что он *боярин да перед тобою в отечестве честной* ч[еловек]» [1].

Есть основания полагать, что и сам П. Ляпунов, перейдя на сторону Шуйского, сохранил свое положение вождя дворян-помещиков.

С этой стороной деятельности П. Ляпунова нас знакомит группа актов, относящихся к Арзамасскому уезду.

2 июня 1607 г. арзамасский воевода Т. М. Лазарев «по государеве грамоте» отписал «на государя» у арзамасского помещика Плакиды Панова, «за ево воровство, поместье в Арзамасском уезде и животы за то, что он на государеву службу не поехал и, зделав воровской наказ, посадцких людей продавал и иных многих людей грабил» [2]. Конфискованное у Плакиды Панова поместье было пожаловано в поместье же дьяку А. Иванову, с именем которого нам уже приходилось сталкиваться в связи с его дипломатической деятельностью.

Конфискация у П. Панова его поместья явилась формой репрессии за его участие в движении в Приволжье в конце 1606 — начале 1607 г., равно как передача конфискованного поместья А. Иванову представляла собой способ вознаграждения за активную деятельность этого дипломата.

Однако А. Иванову не пришлось воспользоваться своим новым поместьем. О дальнейшей судьбе поместья Плакиды Панова мы узнаем из челобитья А. Иванова князю Д. М. Пожарскому в 1612 г.: «Бил челом боярам диак Андрей Иванов, а сказал: в прошлом деи в 115-м году при царе Василье дано было ему в Арзамаском уезде Плакидино поместье Левонтьева сына Панова, а у него деи то поместье взято за ево Плакидино воровство. И как деи царь Василей был под Тулою, и *по печалованью деи Прокофья Ляпунова* то поместье... (дефект текста. — *И. С.*)... Ондрея велено у него взять и отдать назад Плакиде Панову» [3].

Таким образом, П. Ляпунов открыто стал на сторону Плакиды Панова, искавшего у него защиты против действий

[1] *Белокуров*, стр. 47.
[2] «Арзамасские поместные акты», № 223.
[3] «Арзамасские поместные акты», № 337.

Библиотека "Руниверс"

Василия Шуйского, продемонстрировав этим свою солидарность с арзамасским помещиком, «воровавшим» против Шуйского (кстати сказать, примерно в одно время с самим П. Ляпуновым!). При этом влияние П. Ляпунова оказалось настолько большим, что Шуйскому пришлось не посчитаться даже с тем, чтобы задеть интересы столь видного лица, как дьяк А. Иванов. Существенно отметить и еще один момент. Эпизод с поместьем Плакиды Панова показывает, что влиятельность П. Ляпунова не ограничивалась рамками одной Рязани. В нем равно видели своего вождя и арзамасские помещики.

Таким образом, борьба дворян-помещиков против боярства и Шуйского, как выразителя интересов «княжат» и бояр, продолжала иметь место, хотя и в иной форме, и после поражения Болотникова под Москвой, причем особую остроту и силу эта борьба приобретала именно вокруг вопроса об армии.

Одной из основных форм борьбы дворян-помещиков против политики Шуйского в вопросе об армии являлось «нетство» служилых людей.

Служилые люди — помещики — составляли основной костяк армии Шуйского.

Поэтому реальная сила того войска, которое Шуйский мог бросить на борьбу против Болотникова, определялась отношением служилых людей-дворян к мобилизационным мероприятиям Шуйского, к службе в войсках и их поведением во время службы, в процессе военных действий.

Мы проследили выше, как в период Московского похода Болотникова армия Шуйского, в результате того, что «ратные люди дальних городов, ноугородцы, и псковичи, и лучаня, и торопчане, и Замосковных городов, под осен[ь] в полкех быт[ь] не похотели, видячи, что во всех Украиных городех учинилас[ь] измена, и учали ис полков разъезжатца по домом», фактически распалась, и царь Василий оказался в Москве «не с великими людми» [1].

Победа Василия Шуйского в Коломенском изменила положение дел, дав ему возможность провести мобилизацию в армию новых слоев служилых людей. Если в битве в Коломенском главная роль принадлежала смольнянам, а также отрядам стрельцов с Двины, то в составе войска Шуйского под Серебряными Прудами перечислены уже «ратные люди коширяне, и тулены, и ярославцы, и углеченя, и Низовских городов» [2]. Однако этот процесс привлечения новых служилых людей в армию проходил с большим трудом. Значительная часть служилых людей уклонялась от явки на службу, оказывалась «в нетях». Как велико было количество «нетчиков», можно судить по материалам Ни-

[1] *Белокуров*, стр. 9; ПСРЛ, т. XIV, стр. 71.
[2] *А. Попов*, Изборник, стр. 334.

Библиотека "Руниверс"

жегородской десятни 1607 г. В этой десятне, зафиксировавшей раздачу жалованья нижегородским служилым людям весной 1607 г., из 316 человек нижегородских дворян и детей боярских 96, т. е. около 30%, оказались «нетчиками» [1]. Надо заметить при этом, что Нижегородский уезд всегда считался «верным» Василию Шуйскому и никогда не назывался в числе отложившихся. Тем показательнее поэтому данные Нижегородской десятни.

Не менее важные материалы, характеризующие позицию служилых людей — помещиков — в вопросе о службе в войске Шуйского, содержит наказ Шуйского от 27 декабря 1606 г. о сыске галицких служилых людей — «нетчиков». Наказ этот, отмечая, что «многие дворяня и дети боярские галечене на государеву службу не бывали и неты», дает возможность представить во всей конкретности пути и способы, использовавшиеся галицкими помещиками для уклонения от службы. Наряду с обычными «нетчиками», ограничивавшимися просто лишь неявкой на службу, наказ предусматривает, что могут оказаться и такие дети боярские, которые «учнут бегать или хорониться и на государеву службу не поедут», а также и возможность того, что «которые дети боярские на государеву службу тотчас не поедут или, поехав, з дороги к себе поворотятца или вперед, забежав [с] службы, учнут у себя в поместьях жити» [2].

Примером именно такого «нетчика» (на этот раз уже не из Галича, а из Новгорода) может служить «Софийский сын боярский», т. е. помещик, живший на землях новгородского митрополита, Суббота Саблин, лишившийся своего поместья за то, что, как сказано в грамоте новгородского митрополита от 3 декабря 1607 г.: «в прошлом в 115 году посылан он на государеву [титул]... службу с Софейскими детьми боярскими *на Сиверы* (т. е. против жителей Северской Украины; так в официальных документах именовались участники восстания Болотникова. — *И. С.*), и он, не дослужив государевы службы, и сбежал наперед иных Софейских детей Боярских» [3].

По точному смыслу текста грамоты Суббота Саблин обвинялся не столько в самом факте бегства, сколько в том, что он сбежал «наперед иных Софейских детей Боярских», т. е. в том, что он явился зачинщиком бегства софийских помещиков, из чего мы можем заключить, что Суббота Саблин был далеко не единственный беглец в составе названной группы служилых людей.

---

[1] *П. Г. Любомиров*, Очерки по истории Нижегородского ополчения, 1939, стр. 29 и 33.

[2] Акты Юшкова, № 269.

[3] АИ, т. II, № 83. О «Софийских детях Боярских» см. *Б. Д. Греков*, Новгородские помещики XVI—XVII вв. «Ученые записки Института истории РАНИОН», т. VII.

Библиотека "Руниверс"

«Нетчиков» называет и грамота Василия Шуйского белозерскому воеводе от 11 июля 1607 г., упоминающая о «детях боярских служилых, которые, с нашие службы сбежав, живут по домом» [1].

Это массовое «нетство» служилых людей отражает нежелание «дворян и детей боярских» нести «государеву службу» в войске Шуйского.

Правительство Шуйского вело решительную борьбу против «нетства» служилых людей, применяя по отношению к «нетчикам» различные репрессии.

Наиболее полное представление о системе мер, применявшихся Шуйским против «нетчиков», дает уже цитированный наказ С. Чирикову. Этим наказом С. Чирикову предписывалось, «приехав в Галич и взяв с собою губного старосту, которого пригож, и розсыльщиков и целовальников, сколько пригож, да с ними вместе ехати в Галицкой уезд в поместье детей боярских, да тех дворян и детей боярских нетчиков по списку всех собрати, дав их на крепкие поруки з записьми, и выслати перед собою на государеву службу в полки к бояром и воеводам со всею службою и з запасы, и велети им ехати на государеву службу под Калугу тотчас, не мешкав, а достальных детей боярских, собрав всех за поруками ж, отвести на государеву службу в полки в Калугу с собою вместе; да на нетчикех же на всех и на их людех и на крестьянех доправить прогоны по подорожной вдвое. А которых нетчиков не изъедет в поместьях, и прогоны их велеть доправить на людех их и на крестьянех. А будет которые дети боярские учнут бегать или хоронитца и на государеву службу не поедут, и ему тех нетчиков людей и крестьян сажати в Галиче в тюрьму, покаместа сами дети боярские появятца. А как дети боярские нетчики появятца. . ., и ему по тому ж их на государеву службу высылати, а людей и крестьян в ту пору ис тюрмы выпущати. А будет которые дети боярские на государеву службу тотчас не поедут или, поехав, з дороги к себе поворотятца или, вперед збежав [с] службы, учнут у себя в поместьях жити, и Степану приказати губным старостам у тех детей боярских поместья отписывать на государя». Кроме того, С. Чириков должен был еще объявить «нетчикам», что у тех, кто «на государеву службу тотчас не поедут, и у тех детей боярских поместья и вотчины велено отписывать на государя» [2].

Однако эффективность этих мероприятий вряд ли была большой. Во всяком случае, Исаак Масса сообщает о том, что, готовясь сам выступить против Болотникова, Шуйский «повелел отписать во все города, чтобы все дети боярские или дворяне, *жив-*

[1] ААЭ, т. II, № 77; Архив Строева, т. II, № 67.
[2] Акты Юшкова, № 269.

Библиотека "Руниверс"

шие спокойно в своих поместьях и не приехавшие нести службу, были высланы, а нетчиков велено было переписать и лишить поместий» [1]. Это сообщение Массы говорит о широком распространении «нетства», и такой вывод не может быть поколеблен тем, что, по словам того же Массы, после этих угроз «многие отовсюду стали приезжать на службу» [2].

Но стремление уклониться от службы в армии Шуйского характеризует не только помещиков. Те же тенденции можно наблюдать и в недворянской части его войска, среди «даточных» людей.

Правительство Шуйского прибегло к сбору «даточных» людей уже в самом начале восстания Болотникова. Так, из грамоты Шуйского пермскому воеводе от мая 1607 г. видно, что с пермичей «ратные люди» были взяты «на нашу службу в плавную» еще «во 114 году», т. е. до сентября 1606 г. [3] К осени 1606 г. относятся данные и о «даточных» людях из вотчины Иосифо-Волоколамского монастыря [4]. О «даточных ратных людех» с Двины, пришедших к Москве, говорит «Иное Сказание» при описании осады Болотниковым Москвы [5]. В дальнейшем правительство Шуйского пытается еще шире применить этот метод пополнения своей армии. Однако проведение этой политики в жизнь наталкивалось на упорное сопротивление черного посадского и сельского населения, равно как и крестьян церковных и монастырских вотчин, на которых также распространялась повинность поставки «даточных» людей. Очень хорошо можно проследить это на примере Перми, в отношении которой мы располагаем целым циклом грамот Шуйского по вопросу о «даточных» людях.

Если, как это следует из цитированного места майской грамоты 1607 г., Шуйскому удалось осуществить первый сбор «даточных» ратных людей с Перми, то все дальнейшие попытки его повторить сбор ратных людей с Перми потерпели неудачу. Мы уже знакомы с полным провалом осуществить сбор ратных людей — пермичей в сентябре 1606 г., когда посланному с этой целью П. Благово пришлось бежать в Москву, спасаясь от расправы со стороны завербованных им ратных людей [6]. В декабре 1606 г. правительство Шуйского вынуждено было поэтому официально отказаться от проведения сбора ратных людей в Перми, освободив грамотой от 9 декабря 1606 г. взбунтовавшихся ратных людей из отряда П. Благово от наказания за их проступок [7].

---

[1] *И. Масса*, стр. 168. Курсив мой. — *И. С.*
[2] Там же.
[3] ААЭ, т. II, № 70.
[4] «Исторический архив», т. I, стр. 7 и 14.
[5] РИБ, т. XIII, стб. 107.
[6] ААЭ, т. II, № 60.
[7] Там же.

Библиотека "Руниверс"

Есть основания думать, что и в дальнейшем сбор «даточных» людей с Перми не был осуществлен. Цитированная выше майская грамота 1607 г., предписывая пермскому воеводе осуществить новый сбор «даточных» людей с Пермской земли, подчеркивает, что до объявленного сбора имел место лишь один сбор — «в 114 году». Но и в мае 1607 г. правительство Шуйского явно не было уверено в том, что ему удастся получить ратных людей с Перми. Так, грамота предвидит возможность сопротивления пермичей новому сбору ратных людей на том основании, что сбор их уже имел место «в 114 году». Вместе с тем, очевидно, мало веря в то, что пермский воевода сумеет собрать «даточных» людей, грамота предоставляет пермичам возможность замены поставки «даточных» людей уплатой определенной суммы денег «за ратных людей» [1].

Более эффективные результаты, повидимому, давал сбор «даточных» людей с монастырских вотчин. Мы уже упоминали о сборе «даточных» людей в вотчине Иосифо-Волоколамского монастыря. О нескольких «платежах» ратных людей с своей вотчины в «115-м» году (1606—1607) говорят власти Архангельского монастыря в Великом Устюге [2]. В приходо-расходных книгах Кирилло-Белозерского монастыря отмечена посылка «даточных» людей «для Сиверские службы», «под Колугу», под Козельск и Орел [3]. Но и «даточные» люди с монастырских вотчин вряд ли могли рассматриваться как надежная сила в войске Шуйского. Во всяком случае, в приходо-расходных книгах Иосифо-Волоколамского монастыря сохранилась характерная запись от 1 декабря 1606 г. о том, что представители монастыря «ездили от воевод з грамотами к головам в да[то]чных людех монастырских крестьян *с правежу снимали*» в городах Можайске, Ржеве, Зубцове и Старице [4].

Позиция дворян-помещиков в вопросе о службе в армии Шуйского, равно как и отношение населения посадов и черных волостей к сбору «даточных» людей, являлась одним из главных факторов, которыми определялась боеспособность войск Шуйского, участвовавших в борьбе против Болотникова.

В ходе военных действий между Болотниковым и Шуйским бросается в глаза разительное отличие в поведении войск Болотникова и Шуйского. В то время как отряды войск восставших проявляли исключительную стойкость и упорство в борьбе даже

---

[1] ААЭ, т. II, № 70.

[2] ААЭ, т. II, № 158; Архив Строева, т. II, № 98.

[3] *Н. К. Никольский*, Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство, т. I, вып. II, 1910, прилож., стр. CCXXXII, CCXLV.

[4] «Исторический архив», т. I, стр. 14. Там же мы находим выразительную запись, что 28 января 1607 г. «приезжал из-под Козельска посошнай Сафка с беглыми пушкарями и опять послан на службу» (стр. 22).

Библиотека "Руниверс"

в самых отчаянных обстоятельствах, ратные люди войск Шуйского, напротив, легко обращались в бегство во всех случаях, когда терпели неудачу, причем порой это бегство приобретало панический характер.

Причины такой нестойкости войск Шуйского очень хорошо раскрывает Ю. Стадницкий в письме своему брату А. Стадницкому; он сообщает ему полученную им новость о том, что «смольняне, *не прямячи царю*, разъехалися по домам своим с под Калуги» [1]. Именно в этой «непрямоте» ратных людей Василию Шуйскому следует искать объяснение того, почему воеводы Шуйского оказывались бессильными справиться с Болотниковым.

Неуспех Шуйского в вопросе об армии объясняется не только сопротивлением дворянства и черного населения, уклонявшегося от службы. Существенное место здесь надо отвести также и моментам финансового порядка. Правительство Шуйского испытывало огромные трудности в добывании средств на армию. Раздача жалованья как служилым людям — помещикам, так и «даточным» людям требовала огромных средств. Между тем в казне этих средств было очень мало. Такое состояние государственных финансов объяснялось прежде всего хозяйничаньем Лжедмитрия I, опустошившего казну за время своего нахождения у власти. В расхищении русской казны Лжедмитрия I равно уличают и русские и иностранные источники. Так, по словам Исаака Массы, в результате действий Лжедмитрия I «казна была совсем опустошена» [2]. Совершенно так же расценивает итоги правления Лжедмитрия I и автор так называемых «статей о смуте» в «Хронографе», указывая, что «при сего царствии мерзостного Росстриги от многих лет собранная многочисленная царская сокровища Московского государства истощися, понеже он нескудным богатьством Польских людей ратных и Литовских наполни» [3].

Финансовый кризис еще более обострялся тем, что в условиях почти всеобщего восстания нарушилось поступление в казну налогов с населения; тем самым правительство Шуйского лишалось и доходов, которые шли на жалованье служилым людям в обычное время. С этой стороной вопроса о состоянии финансов Василия Шуйского мы можем познакомиться опять-таки прежде всего по материалам пермских грамот Шуйского, одна из которых специально посвящена вопросу о «Пермских доходах». В этой грамоте, датированной мартом 1607 г., Шуйский обвиняет пермского воеводу в том, что тот «посяместа

[1] Сб. РИО, т. 137, стр. 380.
[2] *И. Масса*, стр. 151.
[3] РИБ, т. XIII, стб. 1292, 1293.

Библиотека "Руниверс"

тех *наших Пермьских доходов*, марта по 10 число, к нам, к Москве, *нисколько не присылывал* и теми нашими денежными доходы своею оплошкою замотчал», несмотря на то, «в нынешнем во 115 году» воеводе были посланы *«многие наши грамоты* о наших о Пермьских о денежных доходех нынешнего 115 году», в которых предписывалось «с Перми всякие наши денежные доходы собрав *прислати к нам, к Москве, тотчас»*.

Результатом неудовлетворительного положения дел с «Пермскими доходами» явилось принятие Шуйским такой чрезвычайной меры, как посылка в Пермь специального «недельщика», которому предписывалось «тотчас» отослать к Москве то из денежных доходов, шедших с Перми в казну, «что есть в сборе по то число, как он в Пермь приедет». Воеводе же предлагалось прислать к Москве и остальную часть доходов — «вскоре же, часа того, не замотчав никоторыми делы» [1].

Однако и эти чрезвычайные меры не разрешили вопроса о «Пермских доходах», и через два месяца в майской грамоте Шуйского пермскому воеводе мы вновь находим формулу: «да что у тебя в Перми таможных и кабацких и всяких *денег в сборе будет*, и ты б те все деньги прислал к нам, к Москве» [2].

Аналогичные мероприятия, имевшие целью добиться поступления денег в казну, проводились правительством Шуйского и в других местах. Об этом свидетельствует, например, «память» Шуйского игумену Вологодского Прилуцкого монастыря от 15 января 1607 г., предписывавшая властям монастыря «собрати государевы ц. и в. к. В. И. в. Р. данные Большого Приходу и четвертные деньги и всякие денежные доходы на 115 год...» «сполна» и срочно прислать в государеву казну, «не дожидаяся по себя и по крестьян пристава ис прогонов» [3]. Сохранились также данные о правеже ямских денег с вотчины Звенигородского Саввина-Сторожевского монастыря в феврале 1607 г. Понадобилось специальное челобитье монастыря царю с указанием на то, что «монастырь и их деревнишка, приехав с Веземы, Северских городов воры розорили, монастырьские казенные деньги и лошади и всякое монастырьское строенье и хлеб поимали, и его, игумена Исаия с братьею, ограбили и огнем

---

[1] АИ, т. II, № 78.

[2] ААЭ, т. II, № 70. Позднее Шуйскому, повидимому, все же удалось получить «Пермские доходы» за «115-й год», так как в грамоте пермскому воеводе от 10 декабря 7116 (1607) года Шуйский требует срочной присылки в Москву уже доходов «116-го года» (АИ, т. II, № 84). Однако еще в конце 1608 г. продолжалось расследование о том, как пермские таможенные и кабацкие головы и целовальники «в прошлых во 114 и во 115 году крали нашу казну, а украли де нашей казны болши трех сот рублей» (грамота Василия Шуйского пермскому воеводе от 4 октября 1608 г. АИ, т. II, № 97).

[3] АЮ, № 336; Архив Строева, т. II, № 59.

Библиотека "Руниверс"

жгли», — чтобы «для воровского розоренья» монастырь был освобожден от уплаты ямских денег в 1607 г. [1]

Весьма показательным для финансовой политики Василия Шуйского мероприятием является посылка на Вагу, 11 марта 1607 г., «государева посланника» Ф. Савина для установления размеров платежей налогов, взимавшихся с Ваги, причем из другой грамоты видно, что Ф. Савин продолжал находиться на Ваге еще 3 мая 1607 г., добиваясь от земских властей сведений о размерах налогов, плативших важанами [2].

Приведенные материалы позволяют сделать следующие выводы: 1) об острой нужде Василия Шуйского в деньгах; 2) о нарушении поступления в казну налогов с населения; 3) о том, что чрезвычайные меры, принимавшиеся Шуйским с целью добиться поступления доходов в казну, или вовсе не давали эффекта, или были малоэффективными.

Такое положение дел с финансами заставляло Шуйского итти на самые крайние меры для того, чтобы получить деньги на уплату жалованья служилым людям. По словам Исаака Массы, Шуйский в марте 1607 г. «повелел распродать из казны *старое имущество, как-то платья и другие вещи, чтобы* получить деньги, а также занял много денег у монастырей и московских купцов, чтобы уплатить жалованье несшим службу» [3]. Русские источники подтверждают и дополняют это свидетельство. Так, в приходо-расходных книгах Иосифо-Волоколамского монастыря отмечено, что в марте 1607 г. «по цареве... грамоте отвезли из монастыря к Москве в его государеву казну в Большую Четверть келарь старец Леонид да казначей старец Гаврило государевым охочим людем на жалованья монастырских денег три тысячи рублев денег, и в тех деньгах в отписи ме[с]то государеву грамоту привезли, что деньги в государеву казну дашли. *А по деньги присыльники приезжали:* перво приезжал государев дворянин Родион Всеволоцкой, а вдругоряд приезжал государев подьячей Иван Алексеев. По тех высылке и по грамоте деньги отвезены» [4]. Авраамий Палицын сообщает, что Шуйский трижды брал деньги из казны Троице-Сергиева монастыря: «первее 18 355 рублев, второе же взят у келаря старца Авраамия Палицына во осад на Москве 1000 рублев, паки же третие взят на Москве же во осад 900 рублев» [5]. При этом А. Палицын выразительно озаглавливает главу, в которой говорится об этих поборах Шуйского: «О оскудении денежныя казны в дому

[1] ААЭ, т. II, № 68; Архив Строева, т. II, № 62.
[2] АИ, т. II, № 348; то же Архив Строева, т. II, № 63; АЮ, № 337; то же Архив Строева, т. II, № 64.
[3] *И. Масса*, стр. 169. Курсив мой. — *И. С.*
[4] «Исторический архив», т. I, стр. 15.
[5] РИБ, т. XIII, стб. 1176.

Библиотека "Руниверс"

чюдотворца Сергия и *о последнем грабежу в монастыре от царя Василия*» [1].

Еще более интересен рассказ Ивана Тимофеева, обвиняющего Шуйского в том, что этот нечестивый царь «и освященным сосудом в соборех и по святым лаврьским местом всех градов своего владычества, иже преже бывших царей с роды вданные по душах их в вечную память, сия он к потребе своего студожительства в сребреницах разлияти не устыдеся, извет творящу, яко бутто воином раздаяния летняго их урока ради, истовый их весь урок, на то отлученый предваршими царьми, вся сребреницы преже блуднически изжившу» [2]. Таким образом, Шуйский вынужден был пойти даже на такую меру, как повсеместная конфискация у церквей и монастырей драгоценной церковной утвари и переплавка ее в металл для чеканки серебряной монеты на уплату жалованья служилым людям. Это свидетельство приобретает особую ценность, если учесть, что И. Тимофеев, как дьяк, к тому же бывший в 1604 г. дьяком Большого прихода [3], конечно, был прекрасно осведомлен о наличных средствах, имевшихся в казне. Поэтому его утверждение, что Шуйский «изжил» все деньги, предназначенные на уплату жалованья («урока») служилым людям, заслуживает доверия, как показатель того, что в казне Шуйского денег действительно не было. Точно так же И. Тимофеев, несомненно, точно передает официальное объяснение целей, которые преследовались правительством Шуйского при конфискации и переплавке церковной утвари, хотя сам И. Тимофеев и не признает правильности официальной версии, называя ее «изветом». В данном случае, однако, скептицизм И. Тимофеева вряд ли имел под собой основание, и можно думать, что правительство Шуйского решилось на такую рискованную меру, как «грабеж» монастырской казны, лишь потому, что у него действительно не было иной возможности получить деньги на уплату жалованья ратным людям.

Политический смысл всех финансовых мероприятий Шуйского состоял в том, чтобы сосредоточить в своих руках достаточное количество денег, наличие которых давало бы ему возможность двояким образом воздействовать на состояние своей армии: во-первых, щедрой раздачей денежного жалованья привлекать на свою сторону служилых людей — помещиков; во-вторых, нейтрализовать действие на состояние армии такого явле-

---

[1] РИБ, т. XIII, стб. 964, 965.

[2] Там же, стб. 391, 392.

[3] В 1606—1607 гг. И. Тимофеев был вместе с Василием Шуйским в Москве во время осады ее Болотниковым, позднее же участвовал в походах под Калугу и Тулу. См. *Л. Сухотин*, Четвертчики Смутного времени. По указателю: *Белокуров*. По указателю: *Платонов*, Сказания, стр. 448.

Библиотека "Руниверс"

ния, как «нетство» служилых людей и «даточных», путем найма «охочих людей».

Таким образом, финансовая политика Шуйского находилась в самой прямой и непосредственной связи с его политикой в вопросе об армии. Однако результаты ее были не более удовлетворительными, чем результаты политики строительства армии. Именно это обстоятельство дало возможность автору «статей о смуте» создать свой знаменитый образ — сравнение Василия Шуйского с бесперым орлом, не имеющим клюва и когтей, указав, что «царь бо, не имый сокровища многа и другов храбрых, подобен есть орлу бесперу и не имущу клюва и ногтей: вся бо богомерзкий Росстрига ходящему сребру царская сокровища истощи и теснотою скудости ради ратные люди стесняющеся вси» [1].

В нашем обзоре политики Шуйского в ее отношении к восстанию Болотникова нам осталось рассмотреть политику Шуйского по вопросу о крестьянах и холопах.

Главным источником для изучения политики Шуйского по вопросу о холопах в период восстания Болотникова является приговор от 25 февраля 1608 г. Относясь по времени его издания уже к периоду после подавления восстания Болотникова, этот приговор знакомит нас с политикой правительства Шуйского по вопросу о холопах именно периода восстания Болотникова. Такая особенность приговора от 25 февраля 1608 г. объясняется самым характером этого закона, представляющего собой итог рассмотрения Боярской думой, по челобитью «дворян и детей боярских розных многих городов», ряда актов правительства Шуйского, имевших место во время восстания Болотникова, по вопросу о холопах — участниках восстания.

Текст приговора 25 февраля 1603 г. не дает возможности сколько-нибудь точно датировать те акты правительства Шуйского, о которых в нем идет речь.

Однако упоминание о том, что дворяне брали себе из тюрем «изменничьих людей на Москве, и в Серпухове, и *под Тулою*», позволяет сделать вывод о том, что по крайней мере некоторые мероприятия по вопросу о холопах имели место до взятия Тулы Шуйским, т. е. в самый разгар восстания Болотникова.

Характерной чертой политики Шуйского по вопросу о крестьянах и холопах было стремление использовать законодательство по этому вопросу как средство для привлечения на свою сторону тех или иных слоев землевладельцев-феодалов, равно как и для внесения разложения в ряды участников восстания Болотникова.

---

[1] РИБ, т. XIII, стб. 1303.

Библиотека "Руниверс"

Особенно ярко отмеченная черта политики Шуйского проявляется в вопросе о холопах. В результате этого в политике Шуйского по вопросу о холопах можно обнаружить самые противоречивые тенденции — в зависимости от целей, которые ставила себе эта политика на том или ином этапе борьбы.

Приговор 25 февраля 1608 г. позволяет проследить некоторые черты этой политики. Из текста приговора следует, во-первых, что одной из форм, применявшихся правительством Шуйского для вознаграждения дворян-помещиков за активное участие в борьбе с Болотниковым, являлось предоставление им права брать из тюрем «на поруки» холопов — участников восстания Болотникова, которых затем их поручители превращали в своих холопов: «взяв из тюрьмы на поруку, да имали на них на свое имя служилые кабалы» [1]. Вместе с тем в качестве одного из средств для разложения лагеря восставших правительство Шуйского применяло такую меру, как выдача отпускных тем холопам — участникам восстания, которые являлись с повинной: «которые холопи были в воровстве и государю добили челом, и даны им были отпускные». Но одновременно правительство Шуйского применяло и такую меру, как амнистия землевладельцев — участников восстания Болотникова («бояре, которые были в измене, а государева опала ныне им отдана»). В связи с этим, считая себя реабилитированными и восстановленными в прежних правах (в частности, и в праве на владение холопами, которого лишались опальные бояре), амнистированные землевладельцы предъявляли притязания на своих бывших холопов — участников восстания Болотникова («а старые бояре... тех холопей имают и ищут на них, по старым крепостям, холопства»). Наконец, еще более усложняющим картину моментом являлось то, что среди холопов, «добивших челом» и получивших в связи с этим отпускные, были и такие, которые «после того опять сбежали в воровство».

Таким образом, политика Шуйского по вопросу о холопах — участниках восстания Болотникова превратила этот вопрос в запутаннейший узел противоречий. С одной стороны, оказались две группы претендентов на холопов: а) дворяне — участники борьбы против Болотникова, получившие холопов во владение, как своего рода трофей, и юридически оформившие свои права на них путем взятия у холопов, доставшихся им, новой служилой кабалы; б) старые владельцы холопов, трактовавшие холопов — участников восстания Болотникова, как беглых холопов, и требовавшие возврата их им «по старым крепостям». С другой стороны, изменился и юридический статус самих холопов, участвовавших в восстании: часть из них получила «отпускные» и, таким образом, юридически перестала быть холопами; другие — взятые «на пору-

[1] АИ, т. II, № 85/II.

Библиотека "Руниверс"

ки» — дали на себя новые «служилые кабалы», что могло рассматриваться как акт, юридически правомерный в тех случаях, когда их «старые бояре» были подвергнуты опале, влекшей за собой отпуск на свободу холопов опальных бояр и тем самым аннулирование «старых крепостей».

Второй памятник законодательства Василия Шуйского о холопах, указ 7 марта 1607 г. о «добровольных холопах», также должен быть поставлен в связь с общим характером политики Шуйского по вопросу о холопах и отнесен к той линии в этой политике, целью которой являлось воздействие на холопские элементы населения, чтобы удержать их от присоединения к лагерю Болотникова.

Б. Д. Греков справедливо указывает, что законодательство Шуйского по вопросу о кабальных холопах представляло собой одну из форм борьбы, ведшейся между лагерем Шуйского и его противниками: «Сражались не только оружием. Пускали в ход прокламации и обещания, сманивали людей чинами, деньгами и землями, прибегали и к другим средствам, рассчитанным на ослабление противника и усиление своих собственных позиций. Одной из таких мер, диктуемых чувством самосохранения и регулируемых положением войск Шуйского на фронте, была и политика Шуйского по отношению к кабальным холопам» [1]. Эта характеристика полностью применима, в частности, и к закону 7 марта 1607 г.

Закон 7 марта 1607 г. явно носит характер вынужденной меры, продиктованной именно «чувством самосохранения» крепостников-феодалов, оказавшихся перед необходимостью пойти в обстановке острой борьбы с Болотниковым на такой жест, как отмена статей закона 1597 г., установивших принцип принудительного превращения в кабальных холопов тех «добровольных холопов», которые прослужили у данного лица свыше полугода. В прямую противоположность закону 1597 г. закон 7 марта 1607 г. предписывал «в кабалах отказывати» холоповладельцам, требовавшим от Приказа Холопьего суда принудительной выдачи кабал на тех добровольных холопов, которые «не похотели» дать на себя кабал. При этом закон в качестве основного доказательства незаконности попыток похолопления добровольных людей признавал показание самого добровольного человека: «которые добровольные холопи в роспросе скажут, что служит полгода, или год, или больши, а кабал дати не хотят, и тех добровольных холопей в неволю давати не велел» [2].

Издание закона 7 марта 1607 г., несомненно, было вызвано тем, что в разгар восстания Болотникова правительство Шуйского

[1] *Б. Д. Греков*, Главнейшие этапы в истории крепостного права в России, Л. 1940, стр. 80.

[2] АИ, т. II, № 85/I.

Библиотека "Руниверс"

не могло итти на такие меры, как санкционирование насильственного закабаления «добровольных холопов», т. е. тех элементов (в составе городского населения прежде всего), которые юридически сохраняли еще свое свободное состояние, ибо такие действия холоповладельцев могли привести лишь к еще большему обострению обстановки в стране, толкая «добровольных холопов» к переходу на сторону Болотникова. Поэтому, отказывая холоповладельцам в их требованиях, правительство Шуйского возлагало на них самих последствия их неосмотрительности (состоявшей в том, что они своевременно не оформили юридически свои отношения с «добровольными холопами» путем взятия с них служилых кабал), указывая в законе 7 марта: «не держи холопа без кабалы ни одного дни, а держал безкабально и кормил, и то у себя сам потерял».

Эта последняя формула показывает, что правительство Шуйского отнюдь не стояло на позициях «принципиальной» недопустимости закабаления свободного населения, еще больше подчеркивая вместе с тем характер закона 7 марта 1607 г. как чрезвычайной меры, имевшей целью лишь устранить такие методы закабаления, которые в момент издания закона ставили под угрозу социальные устои крепостнического общества. Именно таким, чрезвычайным, характером закона 7 марта объясняется и его дальнейшая судьба: отмена этого закона приговором «всех бояр» 12 сентября 1609 г., когда были вновь восстановлены статьи о добровольных холопах закона 1597 г. [1]

Чтобы закончить обзор политики Шуйского по вопросу о холопах, необходимо рассмотреть статьи о холопах в Соборном уложении 9 марта 1607 г.

Одной из статей этого закона норма о пятнадцатилетнем сроке сыска беглых крестьян распространяется и на беглых холопов: «А которые после сего уложениа крестьяне, или холоп, или раба побежит от своего государя и придет к иному, государю искати своего холопа и рабу и крестьянина в пятнатцати летех [от побега], а за пятнатцать лет не искати и суда не давати» [2].

Другая статья регулирует семейные отношения холопов: «А которые люди держат рабу до осмнатцати лет девку, а вдову молоду после мужа более дву лет, а парня холостаго за 20 лет, а не женят и воли им не дают, и той вдове, или девке, или парню идти к казначею, а казначею, опытав о том, и доведут, что им те лета минули, а государь их не женит, ино тем дати отпускные — в Москве казначею, а в иных городех наместником и судиам; а будет государь их бить челом о краже или сносе, и ему в том отказати и суда не давати: не держи не жанатых над закон божий и правила святых отец, да не умножится блуд и скверно деяние в людех» [3].

[1] АИ, т. II, № 85/I.
[2] См. прилож. II, стр. 537; ср. *Татищев*, Судебник, стр. 136—137.
[3] См. прилож. II, стр. 536; ср. *Татищев*, Судебник, стр. 136.

Библиотека "Руниверс"

Эта статья особенно интересна, поскольку здесь государственная власть опять вторгается в сферу отношений между холопом и его господином с целью недопущения со стороны холоповладельцев действий, могущих вызвать протест со стороны холопов. Не трудно видеть, что в данном случае правительство Шуйского, предписывая казначею и наместникам давать холопам отпускные, идет по совершенно тому же пути, что и в законе 7 марта, заставляя холоповладельцев нести последствия их незаконных действий [1].

При этом, само собой разумеется, мотивы издания этой статьи надо искать не в заботах об общественной нравственности, как это изображается в самом тексте данной статьи, а в той общей обстановке, которая охарактеризована во введении к Уложению 9 марта 1607 г.

В совершенно ином плане выступает в законодательстве Шуйского крестьянский вопрос, которому посвящен основной текст Уложения 9 марта 1607 г. В то время как политический смысл законов Шуйского о холопах (будь ли то закон, относящийся к холопам — участникам восстания, или законы о «добровольных холопах» и холопах старинных) заключался в том, чтобы или не допустить присоединения данной группы холопов к восстанию Болотникова, или оторвать от восстания холопские элементы, — законодательство Шуйского о крестьянах преследовало в первую очередь цель консолидации господствующего класса путем устранения борьбы из-за крестьян между отдельными группами землевладельцев. Поэтому, в то время как холоп рассматривается в законодательстве Шуйского прежде всего в плане отношения холопов к восстанию Болотникова, крестьянин выступает в Уложении 9 марта 1607 г. как объект борьбы между землевладельцами — борьбы, особенно недопустимой в обстановке восстания Болотникова.

Основной предмет рассмотрения Уложения 9 марта 1607 г. составляет незаконный переход крестьян от одного землевладельца к другому. В «докладе Поместной избы», на основании которого и было издано Уложение 9 марта, подчеркивалось, что «*переходом крестьян* причинилися великия кромолы, ябеды и насилия немощным от сильных». Такая характеристика вопроса о крестьянских «переходах» совершенно верно отражала положение дел. В обстановке острого социально-политического кризиса, который переживало Русское государство, несомненно, создалась исключительно благоприятная обстановка для незаконных «переходов» крестьян, т. е. для их бегства.

[1] Любопытно, что сама конструкция рассматриваемой статьи точно совпадает с конструкцией текста закона 7 марта, заканчиваясь, как и в законе 7 марта, формулой: «не держи» и т. д. Лишнее доказательство в пользу достоверности текста Уложения 9 марта 1607 г.

Библиотека "Руниверс"

Для изучения вопроса о бегстве крестьян в годы крестьянской войны и польско-шведской интервенции в начале XVII в. мы располагаем исключительным по ценности, единственным в своем роде источником в виде «свозных» книг Троице-Сергиева монастыря, опубликованных А. И. Яковлевым в издании Центрархива «Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв.» (М. 1929) и явившихся предметом специальных исследований Л. В. Черепнина [1] и А. Г. Манькова [2].

Составление «свозных» книг было предпринято в связи с полученной Троице-Сергиевым монастырем в 1614 г. привилегией «свозить» обратно в свою вотчину «их троецких старинных крестьян», бежавших из вотчин монастыря, начиная с 113 (1605) года [3]. Сыскные книги содержат «именные росписи» беглых крестьян по годам, что и дает возможность составить конкретное представление о динамике побегов крестьян из вотчины монастыря за 1605—1614 гг.

Подсчеты А. Г. Манькова дают следующую картину бегства крестьян:

ТАБЛИЦА

БЕГСТВА КРЕСТЬЯН ИЗ ВОТЧИН ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА МОНАСТЫРЯ за 1605—1614 гг.

1605 г.	217	человек	492 человека
1606 »	118	»	
1607 »	157	»	
1608 »	91	»	
1609 »	102	»	
1610 »	31	»	
1611 »	14	»	
1612 »	26	»	
1613 »	7	»	
1614 »	6	»	
Всего . . .	769	человек [4]	

[1] *Л. В. Черепнин*, Из истории борьбы за крестьян в Московском государстве в начале XVII в., «Ученые записки Института истории РАНИОН», т. VII, 1928.

[2] *А. Г. Маньков*, Побеги крестьян в вотчинах Троице-Сергиева монастыря в первой четверти XVII в., «Ученые записки Ленинградского университета», 1941, № 80.

[3] «Памятники социально-экономической истории», т. I, стр. 185.

Пользуюсь случаем отметить, что в 1619 г. такую же привилегию — «крестьян вывозить за 9 лет», — повидимому, получил другой крупнейший монастырь — Иосифо-Волоколамский. В приходо-расходной книге монастыря, в расходной «памяти» вернувшегося из Москвы в июле 1619 г. монастырского старца Пафнутья, имеется следующая запись: «Дано от Веинской грамоты (Веино — село в вотчине монастыря. — *И. С.*), что крестьян вывозить за девять лет, 25 алтын, да подъячему дано за письмо 11 алтын 4 деньги». В той же «памяти» имеется и вторая не вполне ясная, но чрезвычайно интересная запись: «Да по другую грамоту, что крестьянам прити к своим двором, пошлин дано 25 алтын» (ЦГАДА, Приходо-расходная книга Волоколамского монастыря за 1619 г., л. 50 об. и 51 об.).

[4] *А. Г. Маньков*, цит. соч., табл. 11.

Библиотека "Руниверс"

Эти данные позволяют сделать вывод о том, что годы восстания Болотникова и непосредственно предшествующий ему 1605 год характеризуются огромными размерами бегства крестьян.

По вычислениям А. Г. Манькова (правда, предположительным), из вотчин Троице-Сергиева монастыря, расположенных во Владимирском уезде, за 1605—1607 гг. бежало свыше 20% общего количества монастырских крестьян [1]. Не менее высок был процент беглых крестьян и по другим уездам.

Вместе с тем борьба землевладельцев против бегства крестьян осложнялась (помимо общей обстановки) еще и тем, что вопрос о сыске беглых крестьян, равно как и о законности или незаконности крестьянских переходов, находился в результате противоречивого законодательства Бориса Годунова и Лжедмитрия I в исключительно запутанном состоянии. Все это вызывало острую борьбу между землевладельцами из-за беглых крестьян, и эта внутриклассовая борьба, конечно, ослабляла общие позиции феодалов-землевладельцев в борьбе против Болотникова.

Стремлением устранить эту борьбу между землевладельцами и надо объяснить издание Уложения 9 марта 1607 г., причем политическое введение к тексту этого закона имело целью подчеркнуть недопустимость борьбы землевладельцев из-за крестьян.

Преследовавшаяся Уложением 9 марта 1607 г. цель достигалась путем установления 15-летнего срока для сыска беглых крестьян и признания права на владение крестьянами за теми землевладельцами, за кем они были записаны в писцовых книгах «101» (1592—1593) года: «...которые крестьяне от сего числа перед сим за 15 лет в книгах 101 году положены, и тем быть за теми, за кем писаны». При этом все землевладельцы получали право не позднее 1 сентября 1607 г. возбудить иск о крестьянах, бежавших от них за время начиная с 1592 г., равно как признавались действительными все иски о беглых крестьянах, возбужденные до издания Уложения 9 марта 1607 г.

Пятнадцатилетний срок сыска беглых крестьян устанавливался и на будущее время.

Уложение 9 марта 1607 г. вводило санкции за прием беглых крестьян в форме штрафа «на царя государя за то, что принял противно уложениа... не принимай чужаго».

Наконец, закон предписывал местным органам власти, независимо от исков землевладельцев, самим вести розыск беглых крестьян и, в случае их обнаружения, возвращать беглых крестьян их владельцам [2].

Уложение 9 марта 1607 г. создавало широкую правовую базу для урегулирования крестьянского вопроса на основе укрепления

---

[1] *А. Г. Маньков*, цит. соч., стр. 54.

[2] См. прилож. II, стр. 535—537; ср. *Татищев*, Судебник, стр. 134—137.

Библиотека "Руниверс"

крепостничества. Несомненно, что изданием этого закона Василий Шуйский удовлетворял требования самых широких слоев землевладельцев и в первую очередь, конечно, помещиков, особенно заинтересованных в охране государственной властью их прав на владение крестьянами. Это позволяет рассматривать Уложение 9 марта 1607 г. как своего рода социальную программу, провозглашением которой правительство Шуйского формулировало те принципы, на основе которых должен был быть восстановлен «порядок», что в условиях разгара восстания Болотникова означало призыв к сплочению всех землевладельцев-феодалов вокруг правительства Шуйского для подавления восстания Болотникова, угрожавшего основам крепостнического строя.

Таким образом, политика Шуйского по вопросу о крестьянах и холопах была вся подчинена целям подавления восстания Болотникова, причем в зависимости от того, на какую социальную силу или слой рассчитывал Шуйский оказать воздействие изданием того или иного закона, этот закон либо носил характер более или менее откровенной социальной демагогии (большинство законов о холопах), либо, напротив, представлял собой открытое провозглашение самых явных крепостнических порядков.

Поражение войск Шуйского на Пчельне и снятие ими осады Калуги означало огромный успех восстания Болотникова. Оценивая обстановку, создавшуюся после отступления войска Шуйского от Калуги, Исаак Масса замечает: «Поистине, когда бы у мятежников было под рукой войско и они двинули бы его на Москву, то овладели бы ею без сопротивления» [1]. Болотников, однако, как мы видели, не пошел на Москву, ограничившись тем, что оставил Калугу и перешел в Тулу, где соединился с «царевичем» Петром. Как и чем можно объяснить этот шаг Болотникова? В источниках нет прямых данных относительно мотивов, которыми руководствовался Болотников в своем отказе от немедленного движения к Москве. Можно высказать предположение, что, поступая так, Болотников руководствовался стремлением объединить силы восставших (как находившиеся в Калуге, так и бывшие в Туле) в одно целое. Возвращение князя Телятевского в Тулу (после битвы на Пчельне) вынуждало и Болотникова следовать туда же. Следует иметь в виду и то, что Тула с ее каменным кремлем имела, как крепость, все преимущества по сравнению с Калугой.

Наконец, известное влияние на Болотникова в его решении итти к Туле могло оказать то формальное положение, какое придавал Петру-Илейке в лагере восставших его сан «царевича». С этой точки зрения Болотников — «боярин» «царевича» Петра, — естественно, должен был, освободившись из осады, итти на соединение с Петром. Таковы возможные мотивы, которые опреде-

[1] *И. Масса*, стр. 170.

Библиотека "Руниверс"

лили собой поведение Болотникова после сражения на Пчельне. К сожалению, мы ничего не знаем о действительном характере взаимоотношений между самим Болотниковым и «царевичем» Петром.

Источники позволяют говорить лишь о том, что между «царевичем» Петром и Болотниковым не было разногласий или борьбы (типа той борьбы, которую вел против Болотникова, например, Истома Пашков). Вместе с тем активная поддержка Болотникова отрядами из войска «царевича» Петра во время осады Калуги воеводами Василия Шуйского может служить доказательством единства целей Болотникова и «царевича» Петра. Но этим и исчерпывается то, что можно извлечь из источников по данному вопросу.

Формально положение, которое занимал в лагере восставших «царевич» Петр, было, конечно, более высоким, чем положение Болотникова — «боярина» царевича Петра, по данным разрядов [1]. Но, с другой стороны, Болотников как «гетман» или «Большой воевода» представлял в своем лице (в глазах участников восстания) «царя Димитрия», являлся носителем его власти, — и с этой точки зрения «царевич» Петр как «племянник» царя Димитрия также должен был подчиняться власти «царя Димитрия», а следовательно, и Болотникова.

Эта двойственность взаимных отношений между Болотниковым и «царевичем» Петром могла быть использована советниками «царевича» Петра, в первую очередь Шаховским и Телятевским, не склонными, конечно, отказываться от власти в пользу Болотникова. С такой точки зрения Шаховскому и Телятевскому, несомненно, было выгоднее, чтобы соединение между Болотниковым и «царевичем» Петром произошло не в Калуге, а в Туле.

Но как бы то ни было — независимо от того, на кого падала ответственность за переход Болотникова из Калуги в Тулу (вместо того, чтобы объединенными силами итти от Калуги к Москве), — отказ Болотникова от немедленного похода на Москву являлся, с точки зрения хода и перспектив борьбы, несомненной ошибкой руководителей восстания.

По мнению Исаака Массы, этот шаг Болотникова спас Шуйского: «Так как они (восставшие. — *И. С.*) действовали медленно, то в Москве снова собрались с духом и укрепились, отлично зная, как с ними поступят, и что они все с женами и детьми будут умерщвлены, или им это наговорили, так что они все поклялись защищать Москву и своего царя до последней капли крови; и снова снарядили в поход большое войско, и царь отправился вместе с ним» [2].

---

[1] *Белокуров*, стр. 12.
[2] *И. Масса*, стр. 170, 171.

Библиотека "Руниверс"

Таким образом, Шуйскому в конце концов удалось преодолеть состояние кризиса, в котором он оказался после поражения его войск под Калугой. Исаак Масса в общем верно уловил два момента, которые помогли Шуйскому устранить нависшую над ним угрозу. Одним из этих моментов была, как уже отмечено, тактика самого Болотникова, давшая Шуйскому время для того, чтобы оправиться и собрать силы [1].

Другой момент относится уже к области взаимоотношений между Шуйским и теми социальными силами, на которые он опирался в борьбе против Болотникова.

Мы можем только догадываться о том потрясении, какое поражение Шуйского под Калугой вызвало в Москве и других городах.

В русских источниках промежуток времени между осадой Калуги и новым походом Шуйского никак не освещен, и непосредственно вслед за описанием бегства воевод Шуйского от Калуги излагается уже история похода Шуйского на Тулу. Лишь в «Новом Летописце» содержится исключительно важное известие о том, что походу Шуйского на Тулу предшествовало обсуждение этого вопроса царем с патриархом и боярами: «Царь же Василей, слыша такие настоящие беды, *приговоря с патриярхом Ермогеном и з бояры*, поиде сам с ратными людми со всеми под Тулу» [2]. Это сообщение «Нового Летописца» не может рассматриваться как указание на чисто формальную процедуру, ибо из всех многочисленных посылок Шуйским воевод в годы его царствования, о которых говорится в «Новом Летописце», указание на приговор бояр о походе имеется лишь в рассматриваемом известии о походе на Тулу (во всех же остальных случаях употребляется просто формула: «царь посла» воевод) [3].

Привлечение иностранных источников, а также актового материала дает возможность получить дополнительные данные о том, в какой обстановке происходила подготовка похода Шуйского на Тулу.

Наиболее важное известие по интересующему нас вопросу содержится в дневнике В. Диаментовского. Сообщив о поражении войска Шуйского под Калугой, В. Диаментовский продолжает: «И как в этой, так и в другой битве много крови пролилось с обеих сторон, так что по окончании зимы, как говорили, пало с обеих сторон до 40 000 человек, вследствие чего великое смятение было в Москве, так что сам царь Шуйский намеревался лично двинуться против неприятеля. Около праздника Троицы (circa festum s. Trinitatis), отовсюду, как бояре, так и простой служилый

[1] Как мы увидим ниже, попытка Болотникова повторить поход на Москву привела к битве на Восме.

[2] ПСРЛ, т. XIV, стр. 75.

[3] См. ПСРЛ, т. XIV, стр. 73 и след.

Библиотека "Руниверс"

люд (tak bojarowie, jako też lud pospolity służebny), спешили в Москву держать совет об успокоении земли (radziż o uspokojeniu zemie). Сказано им это было через гонцов, которые там так быстро ездят, что за час пробегают до 5 миль. Ходили также слухи об этом их съезде (za tym zjazdem ich), что или намеревались другого царя избрать (inszego Cara obrac), или двинуться всей силой на неприятеля и на него ударить» [1].

Приведенный текст требует очень внимательного рассмотрения. Если «Новый Летописец» говорит об обсуждении вопроса о походе на Тулу боярами и патриархом, то В. Диаментовский сообщает о созыве Шуйским специального съезда из «бояр» и «простого служилого люда», на котором должен был рассматриваться вопрос об «успокоении земли» и который вместе с тем явился ареной борьбы против Шуйского, так что дело даже доходило до планов об избрании нового царя.

Но прежде чем подвергнуть рассмотрению это известие В. Диаментовского, следует привести еще одно свидетельство о положении в Москве после калужского поражения воевод Шуйского.

Свидетельство это находится в уже цитированном письме Н. де Мело. Версия Н. де Мело отличается от рассказа «Нового Летописца» и от записи В. Диаментовского.

По словам Н. де Мело, «раздраженные неудачею царя во всех предприятиях, пришли к нему 10 знатнейших бояр, изобразили бедствия его правления, невероятное кровопролитие, опустошение государства, ропот всего народа, и в заключение сказали, что одни явно ведут с ним войну, другие передаются неприятелю, третьи скрытно действуют за одно со врагами, верные же престолу остаются при нем не по любви или преданности, а в надежде спасти свои имущества и семейства, и избежать тех бедствий, которые угрожают ему самому и братьям его. Вследствие сего, бояре уговаривали царя постричься в монахи и передать престол тому, кого справедливость возведет на него. Раздраженный такими словами, Шуйский приказал заключить их в оковы, а имения отобрать в казну. Другие, видя, что советами и правдою ничего нельзя выиграть, начали тайно подкидывать письма, с угрозами тирану и приверженцам его. Чтобы устранить очевидную опасность, Шуйский, устроив совет со своими (uczyniwszy radę z swymi), издал от имени патриарха, своего приверженца, определение (dekret i edykt), в котором, осыпая ругательствами царя Димитрия и опровергая право его на престол, с гордостью называл

[1] *W. Dyamentowski*, стр. 101, 102. В издании Устрялова (т. II, стр. 187) перевод совершенно неудовлетворителен и искажает смысл подлинника: «Бояре и другие служилые люди отовсюду писали (!) в Москву, чтоб правительство (!) спешило успокоить государство. Они присылали письма (!) с гонцами» и т. д.

Библиотека "Руниверс"

его Гришкою Отрепьевым Расстригою, несправедливо присвоившим себе имя Димитрия» [1].

Таким образом, в изображении Н. де Мело поражение Шуйского привело к острому конфликту между царем и боярами, вплоть до требований бояр об отречении Шуйского.

Сопоставляя между собой все эти известия, имеющиеся в нашем распоряжении, можно притти к выводу, что, несмотря на отличия в частностях и конкретных данных, сообщаемых тем или иным источником, во всех приведенных характеристиках положения в Москве после калужских событий есть нечто общее. Очевидно, последствием поражения воевод Шуйского под Калугой явилось, во-первых, новое выступление определенных общественных кругов против Шуйского и, во-вторых, обсуждение создавшейся обстановки на каком-то специальном «съезде» или в иной форме [2].

Следует, однако, продолжить рассмотрение вопроса о положении в Москве. Как мы должны относиться к тем конкретным данным, которые мы находим в сообщениях Исаака Массы, «Нового Летописца» и других источников?

П. Пирлинг квалифицирует рассказ Н. де Мело о попытке «10 бояр» добиться отречения Шуйского, как «загадочное сообщение», но тут же замечает: «Конечно, все подробности (в рассказе Н. де Мело. — *И. С.*) не выдерживают проверки; но не странно ли, что события 1610 года излагаются с удивительной точностью ровно три года раньше? И не следует ли из этого заключить, что враждебное настроение против Шуйского созревало долго в боярском кругу, что его насильственное пострижение и заточение в Чудов монастырь было намечено давно и имелось в виду с самого начала его правления?» [3] Отмеченное П. Пирлингом сходство той ситуации, о которой рассказывает Н. де Мело, с обстоятельствами, при которых произошло отречение Василия Шуйского в 1610 г., действительно бросается в глаза. Я полагаю, однако, что гораздо более существенным доказательством в пользу этого сообщения Н. де Мело является сделанная В. Диаментовским за пять месяцев до получения им письма Н. де Мело запись о слухах, будто на «съезде» в Москве шла речь об избрании нового царя. Если к этому добавить, что, судя по рассказу Маржерета, вопрос о возможности потерять царский венец вставал перед Шуйским еще в самом начале его царствования [4], то вряд ли может быть сомне-

---

[1] *W. Dyamentowski*, стр. 113.

[2] И. Масса также отмечает этот момент участия Боярской думы в решении вопроса о походе Василия Шуйского против Болотникова, указывая, что, «царь *по усердной просьбе московских бояр* решил самолично выступить в поход с началом лета» (*И. Масса*, стр. 168. Курсив мой. — *И. С.*).

[3] *П. Пирлинг*, Мелкие статьи и заметки, стр. 77.

[4] См. *Устрялов*, т. I, стр. 308.

Библиотека "Руниверс"

ние в том, что требования о лишении Шуйского власти после краха под Калугой имели место в Москве (хотя и не обязательно в той форме, в какой они дошли до Н. де Мело).

Второй из отмеченных выше моментов, характеризовавших обстановку в Москве, освещается в источниках гораздо более противоречиво. Если самый факт обсуждения вопросов, связанных с положением, создавшимся после Калуги, не вызывает сомнения, то выяснение того, что́ за орган обсуждал эти вопросы, является делом весьма сложным.

Основное, что в данном случае подлежит рассмотрению, — это сообщение В. Диаментовского о специальном съезде, созванном Шуйским для рассмотрения вопроса «об успокоении земли».

Состав этого съезда В. Диаментовский определяет указанием на две социальные группы, участвовавшие в нем: «бояр» и «простой служилый люд».

Однако было бы ошибкой видеть в «боярах» В. Диаментовского действительных русских бояр. Как отметил еще Устрялов, в дневнике В. Диаментовского (у Устрялова «Дневник Марины Мнишек») термином «бояре» обозначаются «дети боярские» [1]. Этот вывод Устрялова можно было бы подтвердить многочисленными примерами из текста дневника [2].

С другой стороны, для обозначения бояр в собственном смысле слова В. Диаментовский употребляет такие термины, как «сенаторы», «думные паны», «думные бояре» [3].

Таким образом, в рассматриваемом известии о «съезде» в «боярах», спешивших со всех сторон в Москву, правильнее всего видеть городовых детей боярских, т. е. провинциальных служилых людей.

Что касается «простого служилого люда», то, повидимому, здесь В. Диаментовский имеет в виду недворянские элементы в составе служилых людей, т. е., вероятнее всего, «даточных» людей [4].

Итак, если принять это известие В. Диаментовского, то мы должны притти к выводу, что Василий Шуйский после поражения под Калугой оказался вынужденным созвать в Москве нечто вроде *земского собора*, предложив на обсуждение этого «съезда» вопрос об «успокоении земли».

У нас, однако, нет достаточных данных для сколько-нибудь определенного решения вопроса о достоверности этого известия. С одной стороны, ряд признаков как будто говорит в пользу В. Диаментовского. Характерной особенностью его дневника

[1] *Устрялов*, т. II, стр. 330, примеч. 144.
[2] См. *W. Dyamentowski*, стр. 29, 30, 31, 53, 87, 97, 101 и др.
[3] Там же, стр. 32, 33, 36, 53, 95 и др.
[4] Ср. еще случаи такого противопоставления «бояр» и «посполитых людей» (*W. Dyamentowski*, стр. 101, 158).

Библиотека "Руниверс"

является то, что В. Диаментовский обычно выделяет в нем достоверные и недостоверные известия, отмечая в отношении последней категории известий или что данное известие есть слух, или что поляки в Ярославле не знали, верить или нет данному сообщению. С этой точки зрения известие о «съезде», очевидно, рассматривалось самим В. Диаментовским как вполне достоверное. В. Диаментовский относит к категории слухов лишь известие о том, что на «съезде» в Москве шли разговоры об избрании нового царя. Самый же факт «съезда» В. Диаментовский сомнению не подвергает, сообщая даже такую подробность, как то, что на «съезд» в Москву народ собран был через специальных «гонцов».

Но, с другой стороны, все остальные источники ничего не говорят о каком-либо «съезде»: «Новый Летописец» сообщает лишь о боярском приговоре; сообщение Н. де Мело о «совете» Василия Шуйского «с своими» также ведет скорее к Боярской думе, чем к «съезду» типа земского собора.

Все это вынуждает нас оставить пока открытым вопрос, имел ли в действительности место тот «съезд», о котором сообщает В. Диаментовский [1].

Каковы бы ни были форма и место, где обсуждалось положение дел после калужского поражения, смысл и цели этого обсуждения заключались для Василия Шуйского в том, чтобы добиться поддержки мероприятий по дальнейшей борьбе против Болотникова со стороны возможно более широких слоев населения.

Для Шуйского политические последствия поражения его воевод под Калугой были двоякого рода. В записи В. Диаментовского, как мы видели, отмечается, что наряду с разговорами об избрании вместо Василия Шуйского другого царя обсуждался вопрос и о том, чтобы «двинуться всей силой на неприятеля и на него ударить». Таким образом, если в известных политических кругах пытались сделать Шуйского ответственным за крах под Калугой и требовали отказа его от власти, то наряду с такого рода настроениями поражение под Калугой усилило и противоположную тенденцию: стремление к объединению всех сил господствующих классов для разгрома восстания Болотникова.

Почву, питавшую подобного рода настроения, великолепно определил Исаак Масса в уже цитированном месте его записок, указав, что «в Москве снова собрались с духом и укрепились, отлично *зная, как с ними поступят*, и что *они все с женами и*

[1] Можно было бы высказать еще одно предположение: не принял ли В. Диаментовский за описанный им «съезд» сбор служилых людей в войско для похода на Тулу? Мне, однако, не представляется убедительной и такая интерпретация известия В. Диаментовского. Дело в том, что В. Диаментовский неоднократно касается в своем дневнике вопроса о сборе Василием Шуйским людей в армию (см. в частности запись от 19 июня — *W. Dyamentowski*, стр. 102), что устраняет возможность предположения, будто В. Диаментовский спутал сбор ратных людей со «съездом» в Москве.

Библиотека "Руниверс"

детьми будут умерщвлены, или им это наговорили» [1]. Итак, чем сильнее и реальнее становилась угроза расправы с господствующими классами со стороны восставших, тем все больше отходили на задний план противоречия между отдельными группировками внутри господствующего класса и усиливалось стремление к консолидации сил для борьбы с Болотниковым.

В приведенном тексте записок Исаака Массы особенно интересна фраза о том, что москвичам «наговорили» об участи, ожидавшей их в случае победы Болотникова. Эта фраза прямо ведет нас к тому кругу явлений политической жизни Москвы, которые связаны с проблемой «съезда» или иных форм обсуждения создавшейся обстановки.

Исаак Масса заканчивает свою характеристику указанием на то, что «они все поклялись защищать Москву и *своего царя* до последней капли крови» [2]. Вряд ли это упоминание о клятве можно рассматривать как простой литературный оборот или стилистический прием. Скорее и вернее предположить, что «клятва» явилась итогом обсуждения в Москве вопроса об «успокоении страны».

Таким образом, объяснение того, что Василию Шуйскому удалось преодолеть кризис, возникший после Калуги, надо искать прежде всего в позиции правящих классов, вновь сплотившихся на некоторое время вокруг *«своего царя»*.

---

[1] *И. Масса*, стр. 170—171. Курсив мой. — *И. С.*
[2] Там же, стр. 171. Курсив мой. — *И. С.*

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ОБОРОНА ТУЛЫ И КОНЕЦ ВОССТАНИЯ

Тульский поход Василия Шуйского. Состав войска Шуйского. Выжидательный характер тактики Шуйского. Тактика Болотникова. Битва на реке Восме. Поражение Болотникова и продвижение воевод Шуйского к Туле. Битва на реке Вороньей. Поражение Болотникова и отступление его в Тулу. Осада Тулы войсками Шуйского. Безуспешность попыток Шуйского взять Тулу приступом. Проект «водного потопления» Тулы. Внутренняя история осажденной Тулы. Обстоятельства падения Тулы. Версии источников о падении Тулы. Вероломство Шуйского после падения Тулы. Судьба Болотникова и «царевича» Петра.

*

Тульский поход Василия Шуйского начался 21 мая 1607 г.

В специальных грамотах, разосланных по этому поводу патриархом Гермогеном по городам, сообщалось, что «пошел государь царь и великий князь Василей Иванович всеа Русии на свое государево и земское дело, на воров и губителей хрестьянских, маия в 21 день» [1], предписывалось устройство специальных церковных церемоний — «молити господа бога» о ниспослании победы царю.

Патриаршии грамоты были лишь одной из деталей, которыми подчеркивался чрезвычайный характер Тульского похода. Такой характер походу на Тулу придавался прежде всего фактом личного участия в нем самого царя. Больше того, в цитированном уже выше письме Н. де Мело содержится очень интересное сообщение о том, что, выступив в поход, Шуйский «присягнул под Серпуховом не возвращаться в Москву иначе как победителем, или же сложить голову в этом походе» [2]. То, что именно Серпухов назван в этом известии местом торжественной клятвы Шуйского, не является случайным. Серпухов был пунктом сбора

[1] ААЭ, т. II, № 73.
[2] *W. Dyamentowski*, стр. 114.

Библиотека "Руниверс"

войск Шуйского, участвовавших в походе на Тулу, и местом ставки царя. В такой обстановке «присягание» Шуйского в Серпухове приобретало характер политического обязательства царя перед собравшимся там войском.

Первым этапом Тульского похода было формирование в Серпухове войска, предназначенного для осады Тулы.

Наиболее подробно этот процесс описывается у Паэрле. Рассказ Паэрле, несмотря на ряд неточностей и прямых ошибок, представляет тем не менее большой интерес. По словам Паэрле, «11 мая Шуйский выступил из Москвы со всем дворянством и многими гражданами. Он отправился под Тулу, чтобы, взяв ее, покорить потом другие города мятежные. Предприятие казалось не трудным: в войске его было по крайней мере 150 000 человек. Вышло напротив: засевшие в Туле мятежники оборонялись упорно и мужественно. Посему великий князь велел ополчиться всем москвитянам, которые только могли держать оружие, сам возвратился в Москву, а за ним пришло и все войско, которое собирали в окрестностях столицы, на пространстве 100 или 200 миль, целые шесть недель; потом в Кремле переписали и вооружили... Кто не видал своими глазами этого войска, тот не поверит, что за народ собрал Шуйский: оно состояло большею частью из татар казанских, которые не только не умели стрелять, но и ружья никогда в руки не брали. Видя такую армию, мы уверились, что великий князь имел дело не с простыми поселянами» [1].

Главная ценность рассказа Паэрле — это то, что перед нами рассказ очевидца, наблюдавшего процесс формирования войска Шуйского «своими глазами». Но вместе с тем Паэрле — не непосредственный участник этого процесса, а сторонний наблюдатель, к тому же иностранец. Этим объясняются и ошибки в дате начала похода Шуйского, и несомненное преувеличение размеров его войска, и, наконец, некоторая путаница в изложении, благодаря которой получается, что Шуйский дважды осаждал Тулу (сомнительное сообщение о том, что Шуйский «возвратился в Москву»).

Все эти моменты необходимо учитывать при решении вопроса о степени достоверности рассматриваемого рассказа Паэрле. Но, относясь с необходимой осторожностью к конкретным цифрам и датам, мы все же можем извлечь из рассказа Паэрле весьма важные данные. Прежде всего, эти данные касаются состава войска Шуйского. Паэрле ясно различает три составные части этого войска: «дворян», «граждан» и, наконец, «казанских татар».

Второе существенное сообщение Паэрле — это то, что собравшихся в Москве ратных людей «потом в Кремле переписали и

[1] *Устрялов*, т. I, стр. 219.

Библиотека "Руниверс"

вооружили». Это известие, несомненно, следует отнести к служилым людям — дворянам (ибо, как увидим ниже, местом сбора «даточных» людей был Серпухов). Таким образом, в связи с походом на Тулу, очевидно, имел место смотр служилых людей и занесение приехавших к Москве служилых людей в особые списки, вероятнее всего в десятни.

Сообщение Паэрле о съезде служилых людей к Москве в связи с походом Шуйского на Тулу подтверждается и Исааком Массой, который отмечает, что «как только царь выступил из Москвы, к нему стали стекаться со всех сторон ратники, ибо они, слыша, что царь одерживает победы, страшилися попасть под великую опалу, когда не явятся (к войску)» [1]. Что под «ратниками» [2] в данном случае Масса имеет в виду именно служилых людей — дворян, а не «даточных» людей, видно из его объяснения мотивов, которыми руководствовались «ратники», «стекаясь» к Шуйскому: боязнь опалы, т. е. лишения своих земельных владений. Кроме того, Масса специально останавливается и на вопросе о сборе «даточных» людей с монастырских вотчин, указывая, что «также и монастыри были обложены повинностями, каждый сообразно своим силам, и каждый должен был выставить ратников сообразно своему достоянию» [3]. Сбор «даточных» людей наряду с формированием «боярских полков» [4] (т. е. полков служилых людей) являлся одной из основных задач правительства Шуйского в процессе подготовки похода на Тулу.

Сохранившаяся грамота Шуйского белозерскому воеводе от 11 июля 1607 г. по поводу сбора «даточных» людей дает возможность составить общее представление о том, как осуществлялась эта операция. В грамоте отмечается, что «в нынешном 115-м году по нашему указу збирали вы (белозерские власти. — *И. С.*) на нашу службу з Белаозера, с посаду и з Белазерского уезду, с наших с дворцовых сел и с черных волостей, и с патреярших и с митрополичих, и со владычных, и с манастырских, и со вдов, и с недорослей, и с неслужилых детей боярских, и с приказных людей, с сохи по шти человек, по три человеки конных да по три человеки пеших, а запас тем ратным людем велено имати на два месяца, опричь проходу, *как на нашу службу придут в Серпухов*» [5]. Таким образом, сбором «даточных» людей были обложены все категории неслужилых земель, начиная от посада и кончая монастырскими землями. Нет сомнения, что этот сбор «даточ-

---

[1] *И. Масса*, стр. 171.
[2] В оригинале — «volc» (Rer. Ross. Script. Ext., т. II, стр. 118).
[3] *И. Масса*, стр. 172.
[4] *А. Попов*, Изборник, стр. 335.
[5] ААЭ, т. II, № 77; Архив Строева, т. II, № 67.

Библиотека "Руниверс"

ных» людей охватывал всю территорию Русского государства (точнее, те его районы, на которые распространялась власть Шуйского). Правда, прямых данных об этом, в виде текста царского указа, у нас нет [1]. Но к такому выводу можно притти на основании ряда косвенных сведений, имеющихся в источниках.

Так, например, сохранились данные о сборе «даточных» людей для Тульского похода Шуйского с черных земель Сольвычегодского уезда. Среди коллекции отписок об уплате податей деревни Выдрина, Сольвычегодского уезда, опубликованных С. Б. Веселовским, имеется отписка о том, что «лета 7115 году, июня в 18 день заплатил Меньшик Кознецов с четверти Выдрина, с белкы с четью, целовальнику Тимоше Петрову *в ратново человека, что наняли по государеву наказу Василья Ивановича всея Русии, что ити ратным по(д) Тулу,* а з белки платил по 11 алтын» [2]. Таким образом, «государев наказ» о сборе «даточных» ратных людей распространялся и на Сольвычегодск.

Аналогичные данные для Ярославля сообщает В. Диаментовский. Так, он отмечает в своем дневнике под 19 июня н. ст.: «Пришли грамоты от Шуйского в Ярославль, чтобы снова выставили определенное количество посошных людей на войну (sochowników, a po naszemu z lanników), что вызвало сильный ропот против царя, из-за которого и так много крови пролилось» [3]. Тот же В. Диаментовский сообщает (под 24 июня) о тревоге среди поляков, вызванной появлением под Ярославлем отряда в несколько сот человек во главе с князем Голицыным, который после нескольких дней стоянки ушел «к Москве» [4].

Едва ли может быть сомнение в том, что грамоты Шуйского в Ярославль явились результатом того самого указа о сборе «даточных» людей, о котором говорится в грамоте на Белоозеро. Что касается второго из приведенных известий В. Диаментовского, то трудно решить, из кого состоял отряд князя Голицына, но бесспорно то, что он также направлялся «к Москве», т. е. к Шуйскому.

О «даточных» людях в связи с походом Шуйского на Тулу упоминают и приходо-расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря [5]. Довольно полно отразили процесс сбора «даточных» людей и участие их в Тульском походе Шуйского также

---

[1] Можно думать, что формула грамоты на Белоозеро воспроизводит текст царского указа о сборе «даточных» людей.

[2] *С. Б. Веселовский,* Акты подмосковных ополчений и земского собора 1611—1613 гг., М. 1911, стр. 194.

[3] *W. Dyamentowski,* стр. 102.

[4] Там же, стр. 102.

[5] Запись от 6 августа 1607 г.: «Дано по приказу старца Моисея в прибавку Петруше ложечнику 2 гривны за то — ходил он под Тулу в даточных людех» («Исторический архив», т. I, стр. 17).

Библиотека "Руниверс"

приходо-расходные книги Кирилло-Белозерского монастыря [1]. Наконец, в одной из разрядных записей об осаде Тулы Шуйским прямо говорится о том, что «збирали со всех людей да-[то]шных людей» [2].

Третьей составной частью войска Шуйского являлись татарские отряды. «Карамзинский Хронограф» дает подробный перечень этих отрядов, отмечая, что вместе с Шуйским под Тулой были «Казанскова царства ис Казанских городов и пригородков мурзы, и тотаровя, и чуваша, и черемиса многие люди, и Рамановские и Арзамаские князи и мурзы и служивые татаровя» [3].

Первоначальное ядро войск Шуйского в Серпухове составили войска, отступившие к Серпухову от Калуги. По данным «Карамзинского Хронографа», «в Серпухове ево государя дожидались бояре, которые были под Колугою, князь Федор Иванович Мстиславской да князь Иван Иванович Шуйской с товарыщи, а наряд ис-под Колуги в Серпухове ж стоял» [4].

«Новый Летописец» расходится в этом вопросе с «Карамзинским Хронографом», называя местом отступления войск, бежавших от Калуги, не Серпухов, а Боровск: «...от Колуги поидоша к Москве и наряд пометаша и, отшед, сташа в Боровске» [5]. Мне представляется, однако, что известие «Карамзинского Хронографа» заслуживает больше доверия, чем свидетельство «Нового Летописца». Сообщение Исаака Массы позволяет удовлетворительно разъяснить возникновение версий «Карамзинского Хронографа» и «Нового Летописца». По словам Массы, «воеводы стояли *со всем войском* под Серпуховом, в восемнадцати милях

---

[1] Так, в них отмечено, как в июне 1607 г. «посошные люди волостные поехали на государеву службу» (*Н. К. Никольский*, Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство, т. I, вып. II, 1910, прилож., стр. CCXXXVI); занесены расходы монастыря «на государеве службе... под Тулою» (там же, стр. CCLX); наконец, дважды даны сведения о количестве «даточных» людей из монастырской вотчины, бывших под Тулой: 1) в «памяти» монастырского слуги Т. Бабкина, представленной в монастырь в декабре 1607 г., отмечена выдача денег «для государевой службы» под Веневою и под Тулою» 54 человекам: «слугам», «дворовым людям» и «мастерам»; 2) в январе 1608 г. помещен список монастырских слуг и дворовых людей в количестве 36 человек, которым были выданы из монастырской казны деньги «для государевы службы» (там же, стр. CCLX, CCLXVI). Последняя запись, связанная с Тульским походом Шуйского, относится к апрелю 1608 г., когда «по приказу игумена Матфея и по приговору старцев соборных» было «дано Волока Словинского старые сохи старосте Карпуне Малахиеву в датошных казаков, что стояли под Тулой во 115 году, на 5 месяцев подмоги за пусто за старое Великое Село 6 рублев 15 алтын» (там же, стр. CCLXXVIII).

[2] *Белокуров*, стр. 12.

[3] *А. Попов*, Изборник, стр. 336, 337. (Текст исправлен по рукописи. — *И. С.*)

[4] Там же, стр. 335. (Текст исправлен по рукописи. — *И. С.*)

[5] ПСРЛ, т. XIV, стр. 74.

Библиотека "Руниверс"

от Москвы; также *один* отряд находился в Боровске, неподалеку от Москвы» [1]. Очевидно, какая-то часть из отступавших от Калуги войск продвинулась в своем бегстве еще ближе к Москве, чем Серпухов, и остановилась лишь в Боровске. Основная же масса войск, в том числе и «наряд», стояли в Серпухове.

Другим местом сосредоточения войск Шуйского являлась Кашира, где находился «Каширский полк» князя А. В. Голицына, на «сход» с которым были присланы с Рязани воеводы Ф. И. Булгаков, Г. Ф. Сумбулов и Прокофий Ляпунов [2].

С приходом в Серпухов самого Шуйского войска, находившиеся в Серпухове, образовали три группы полков. Первую из этих групп составили три полка: Большой полк с воеводами князем М. В. Скопиным-Шуйским и И. Н. Романовым; Передовой полк с воеводами князем И. В. Голицыным и князем Г. П. Ромодановским; Сторожевой полк с воеводами В. П. Морозовым и Я. В. Зюзиным. Кроме этих трех основных полков, особую группу войск составляли татарские отряды во главе с князем П. А. Урусовым [3]. Третью группу войск в Серпухове представляли собственно царские, или «дворовые», полки во главе с «дворовыми» воеводами князем И. И. Шуйским и князем М. С. Турениным и воеводой «у стрельцов» — князем В. Т. Долгоруким [4].

Что касается «наряда» (артиллерии), то источники не дают возможности определенно отнести «наряд» к полкам князя М. В. Скопина-Шуйского, ибо, в то время как одна редакция разрядных записей объединяет «воевод у наряда» с остальными воеводами в полках [5], в других редакциях о наряде говорится как о входящем в «дворовые» полки [6]. Впрочем, можно все же скорее думать, что «наряд» входил в группу царских, «дворовых», полков. К такому заключению приводит рассмотрение разрядных данных о князе В. Т. Долгоруком. В тех редакциях разрядных записей, где «наряд» объединяется с остальными полками, В. Т. Долгорукий назван первым воеводой у «наряда» [7]. В других же разрядных записях В. Т. Долгорукий назван воеводой «у стрельцов» в «дворовых» полках. Воеводой же у «наряда» в этой группе разрядных записей называется И. Ф. Крюк-Колычев [8]. Лишь после того как Василий Шуйский «пришел под Тулу», он, согласно этим редакциям разрядных записей, велел

[1] *И. Масса*, стр. 171. Курсив мой. — *И. С.*
[2] *Белокуров*, стр. 157; ср. *А. Попов*, Изборник, стр. 335, 336.
[3] *Белокуров*, стр. 87, 117, 118, 144, 145, 157, 158, 173.
[4] Там же, стр. 118, 157.
[5] Там же, стр. 87, 88, 144, 145.
[6] Там же, стр. 118, 158.
[7] Там же, стр. 87, 145.
[8] Там же, стр. 117, 157.

Библиотека "Руниверс"

«у наряда у большого» быть первым воеводой уже В. Т. Долгорукому.

Эти данные формулярного списка В. Т. Долгорукого заставляют думать, что первая из названных групп разрядных записей дает сводный разряд воевод, участвовавших в Тульском походе, чем и объясняется отнесение «наряда» к остальным «полкам». В действительности же, во время самого похода, т. е. до начала осады Тулы, «наряд» оставался с «дворовыми» полками, входя в группу войск, с которой находился сам Шуйский. С таким решением вопроса о «наряде» хорошо согласуются и данные «Карамзинского Хронографа», где при описании похода Шуйского из Серпухова в Алексин указывается, что «с ним государем (был. — *И. С.*) наряд: пушки болшие и огненые» [1].

Участие Шуйского в походе на Тулу имело помимо создания «дворовых» полков царской группы войск еще одно существенное последствие. Вместе с царем в Серпухове (а затем и в дальнейшем походе) оказалась сосредоточенной значительная часть чинов и учреждений центрального государственного аппарата.

В «Карамзинском Хронографе» эта сторона похода на Тулу характеризуется следующим образом: «С ним государем были бояре, и околничие, и стольники, и стряпчие, и дворяне московские, и жилцы, и головы стрелецкие с приказы...; а на Москве государь оставил брата своего, князя Димитрея Ивановича Шуйскова, и Москва приказана была ему, да с ним на Москве по приказам приказные люди и дьяки, и в Поместном приказе и в иных во всех приказех дела делалися; а Розряд весь был с царем Васильем» [2]. Записи в разрядах подтверждают эту характеристику и позволяют вместе с тем ее конкретизировать. С Василием Шуйским было 11 бояр во главе с князем Ф. И. Мстиславским, 5 окольничих, 9 дьяков, в числе которых были думные дьяки Т. Витовтов и Т. Луговской, а также дворцовый конюшенный и казенный дьяки; наконец, два думных дворянина. В Москве же оставалось 8 бояр и 2 окольничих, в том числе казначей В. П. Головин [3]. Таким образом, походный стан Шуйского представлял собой в значительной степени и политический центр, способный решать все важнейшие вопросы, вставшие перед правительством Шуйского во время похода.

Готовя поход на Тулу и концентрируя силы в Серпухове и Кашире, Шуйский, однако, не проявлял большой активности в военном отношении. По словам Исаака Массы, «царь, будучи в походе, все время, страшась измены, не решался выступить со

---

[1] *А. Попов*, Изборник, стр. 337. (Текст исправлен по рукописи. — *И. С.*)

[2] Там же, стр. 335. (Текст исправлен по рукописи. — *И. С.*)

[3] *Белокуров*, стр. 87, 88.

Библиотека "Руниверс"

всем войском и не удалялся от Москвы»[1]. Эта пассивность Шуйского (объяснение мотивов которой у Исаака Массы представляется весьма правдоподобным) была использована Болотниковым, сделавшим попытку снова взять инициативу в свои руки. Результатом этих действий Болотникова и явилась битва на Восме 5—7 июня 1607 г.[2]

С наибольшей выразительностью битва на Восме охарактеризована в одной из разрядных записей: «Того ж году боярин князь Ондрей Ондреевич Телятевской да Ивашка Болотников со многими с воровскими людми з Донскими козаки шли к Кошире против государевых воевод на прямой бой. И государевы воеводы боярин князь Ондрей Васильевич Голицын с товарыщи встретили их на реке на Восме... И бояром и воеводам князю Ондрею Васильевичю Голицыну с товарыщи бой был с воровскими людми с казаки на реке Восме, и на том бою воров побили на голову, и наряд, и знамена, и коши все поимали, а языков взяли на том бою 1700 человек; а князь Ондрей Телятевской да Ивашка Болотников ушли с невеликими людми к вору Петрушке»[3].

Царская грамота патриарху Гермогену добавляет к этой общей характеристике важные подробности. Согласно этому источнику, первоначальной целью похода Болотникова и князя Телятевского были Серпухов, а затем и Москва: «Писали к нему государю с Коширы его государев боярин и воеводы князь Ондрей Васильевичь Голицын с товарыщи, что идут с Тулы собрався многие воры с нарядом, *а хотят итти к Серпухову и к Москве*»[4]. Таким образом, Болотников, очевидно, намеревался повторить свой поход на Москву. Однако получение воеводами восставших сведений о приходе к Серпухову самого Василия Шуйского со всеми силами заставило Болотникова и князя Телятевского отказаться от прямого движения на Москву и предпринять некоторый маневр: «как... послышали его государев поход, что пришел он государь в Серпухов, и они де и поворотились к Кошире на осад»[5].

---

[1] *И. Масса*, стр. 172.

[2] Дата битвы на Восме устанавливается на основании указания «Карамзинского Хронографа» о том, что сражение началось «в девятую пятницу по Велице дни» («Велик день» — пасха) (*А. Попов*, Изборник, стр. 33), и свидетельства царской грамоты патриарху Гермогену, где говорится о том, что битва произошла «на речке на Восме, от Каширы верст за двенадцать, июня в 5 день» (ААЭ, т. II, № 74).

[3] *Белокуров*, стр. 45.

[4] ААЭ, т. II, № 74.

[5] Там же. И. Афремов, автор «Исторического обозрения Тульской губернии», называет место поворота Болотникова и Телятевского к Кашире: «Телятевской шел сначала Московскою дорогою и при Ведьменской волости (нынешнем селе Заводах) поворотил на Коширу, Алексинскою

Библиотека "Руниверс"

Заявление царской грамоты о планах Болотникова совершить второй поход на Москву подтверждается свидетельством другого источника — Сказания, найденного М. Н. Тихомировым. Согласно этому источнику, во время стояния Василия Шуйского в Серпухове, «приидоша к нему вестники с Тулы и глаголют: Услыша убо окаянный, иже на Туле, яко царь, оставя Москву, пришол в Серпухов, и совещаша, и послаша князя Андрея Телятевского и с ними (так в рукописи. — *И. С.*) множество злонравных вои, бе числом их 38.000, и повелевают им инем путем итти, ошед убо царев полк, да возмут царьствующий град Москву, и разделиша себе и домы вельмож, коиждо себе» [1].

Приведенное известие исключительно ценно прежде всего тем, что гораздо подробнее и точнее, чем царская грамота, характеризует цели нового похода Болотникова, прямо указывая на то, что этой целью было взятие «царьствующего града Москвы». В то же время версия Сказания иначе объясняет мотивы, по которым руководителями восстания было принято решение о походе на Москву. Если царская грамота никак не связывает новый поход Болотникова с приходом Шуйского в Серпухов и изображает дело так, что Болотникову и князю Телятевскому стало известно о нахождении Шуйского в Серпухове уже после начала их похода, чем и было вызвано изменение их маршрута — с Серпуховской дороги на Каширскую, то версия Сказания, напротив, самое решение руководителей восстания — начать новый поход на Москву — связывает с уходом царя (а следовательно, и значительной части войска) из Москвы, что создавало благоприятную обстановку для нанесения удара по Москве войсками Болотникова.

Какая из этих двух версий является более достоверной? Мне представляется, что предпочтение должно быть отдано версии Сказания. В пользу этой версии говорит не только ее логическая убедительность (учет факта вывода из Москвы войск Шуйского), но также и то, что к моменту начала похода Болотникова и Телятевского из Тулы им не мог быть неизвестен факт нахождения Шуйского в Серпухове: выступив из Москвы 21 мая, Шуйский очень скоро должен был дойти до Серпухова, а известие о его приходе туда — достичь Тулы; Болотников же начал свой поход не раньше первых дней июня (так как битва на Восме произошла 5 июня). Кроме того, у нас есть документальные свидетельства о наличии перебежчиков — осведомителей из Тулы в лагерь Василия Шуйского (см. ниже эпизод с Ишеем Бараше-вым, стр. 461—462).

дорогою» (*И. Афремов*, Историческое обозрение Тульской губернии, ч. I, М. 1850, стр. 159).

[1] *М. Н. Тихомиров*, Сказание.

Библиотека "Руниверс"

В соответствии с этим, очевидно, и поворот Болотникова с Серпуховской дороги на Каширу следует объяснить не тем, что он «услышал» о приходе Шуйского в Серпухов (как изображает дело царская грамота), а соображениями чисто военного, тактического порядка: стремлением «обойти» основные силы Шуйского, его «царев полк», стоявший в Серпухове. Таким образом, можно думать, что целью поворота войска Болотникова от Серпухова на Каширу являлось нанести удар по более слабой группировке войск Шуйского, находившейся в Кашире, с тем чтобы в случае успеха двинуться дальше на Коломну и затем по Коломенской дороге на Москву.

Таким далеко идущим целям похода Болотникова и князя Телятевского соответствовали и размеры их войска. По данным «Карамзинского Хронографа» [1], в войске Болотникова, участвовавшем в битве на Восме, насчитывалось «казаков донских, и терских, и волских, и ецких, и украинных людей путимцов и елчан с товарыщы с тритцеть тысечь» [2].

К этому надо добавить наличие у Болотникова и Телятевского «наряда», т. е. артиллерии, и вообще ратных людей, вооруженных «огненным боем». Все это превращало войско Болотникова в грозную силу не только в количественном, но и в качественном отношении.

Тактика Болотникова и Телятевского соответствовала целям, преследовавшимся походом на Каширу. Это была тактика решительных действий, тактика «прямого боя», по определению разрядной записи.

Меры, предпринятые Шуйским и его воеводами в связи с походом Болотникова и князя Телятевского, были двоякими. Каширскому полку князя А. В. Голицына были посланы подкрепления. По словам царской грамоты, Василий Шуйский «послал тотчас» к А. В. Голицыну «ис Серпухова голов с сотнями» [3]; кроме того, к А. В. Голицыну «из Переславля Рязанскова пришол на помочь с ратными людми» князь Б. М. Лыков [4]. Второе мероприятие состояло в том, что, получив известие о движении Болотникова и князя Телятевского, воеводы Шуйского «с

---

[1] Подтверждаемым цифрой размеров войска Болотникова и Телятевского, сообщаемой Сказанием, найденным М. Н. Тихомировым (38 000 человек).

[2] *А. Попов*, Изборник, стр. 335. (Текст исправлен по рукописи. — *И. С.*)

[3] ААЭ, т. II, № 74.

[4] *А. Попов*, Изборник, стр. 335. (Текст исправлен по рукописи. — *И. С.*) Сказание, найденное М. Н. Тихомировым, добавляет к этим мероприятиям Шуйского еще одно: «В то же время идущи с Резани и царю Василью на помочь Прокопеи Лепунов с резанскими бои (так в рукописи. — *И. С.*), еще же ему не дошедшу царева полку, царь же повелевает ему с вельможами итти во стретение вором» (*М. Н. Тихомиров*, Сказание). Это известие делает понятным факт участия П. Ляпунова в битве на Восме (о чем сообщает «Карамзинский Хронограф»).

Библиотека "Руниверс"

Каширы против них вышли» и стали «ждать» противника на речке Беспуте в том же Каширском уезде.

Сама битва произошла «на речке на Восме, что впала в Беспуту» [1].

Битва на Восме состояла из двух моментов: 1) генерального сражения и 2) осады воеводами Шуйского казацкого «городка».

По описанию «Карамзинского Хронографа» (источником этого описания С. Ф. Платонов считает рассказ автору «Хронографа» одного из непосредственных участников битвы на Восме) [2], первый этап сражения на Восме протекал следующим образом: «С воры был бой с утра с первова часу до пятова, и воров казаков пеших с вогненым боем перешли за речку в боярак тысеча семсот человек, а подле боярака стояли с резанцы Федор Булгаков да Прокофей Ляпун; и воровские казаки из боярака из ружья стреляли по резанцом и людей ранили, и самих и лошедей побивали; и прося у бога милости рязанцы, покиня тех воров назад, скочили всем полком к речке к Восме, и сотнями, которые с воры билися, напустили единомышленно за речку за Восму на воров, и воры не устояли, побежали, а боярские полки, видя, что воры побежали, полками напустили ж и воров в погоне безчислено побили и живых поймали; а гоняли за ними тритцеть верст»[3].

Существенный корректив в эту картину битвы на Восме вносит «Новый Летописец», указывая на то, что в начале битвы войска Шуйского бились неудачно, в результате чего «начаша воры Московских людей осиливати» [4]. То, что Болотникову, не удалось все же одержать победу над «московскими людьми» (т. е. войском Шуйского), в «Новом Летописце» объясняется исключительным мужеством «московских людей»: «Московские же люди, видя такую над собою победу от врагов, воззопиша единогласно, что померети всем до единого» [5], и, бросившись на противника, разбили его. Гораздо более реалистически и правдоподобно по сравнению с риторикой «Нового Летописца» объясняет перелом в ходе битвы на Восме Буссов.

Подчеркивая, подобно «Новому Летописцу», что исход битвы на Восме первоначально склонялся в пользу Болотникова, Буссов утверждает, что «москвичи (т. е. войска Шуйского. — *И. С.*) и на этот раз проиграли бы сражение, если бы один из

---

[1] *Белокуров*, стр. 143. «Речка Восьма берет начало на границе Алексинской и, протекая около 25 верст Коширским уездом, впадает близ селения Восьмы в речку Беспуту, верстах в 15-ти от нынешней Коширы по Алексинской дороге» (*И. Афремов*, Историческое обозрение Тульской губернии, ч. I, М. 1850, стр. 159).

[2] *Платонов*, Статьи по русской истории, изд. 2, стр. 424, 425.

[3] *А. Попов*, Изборник, стр. 335. (Текст исправлен по рукописи. — *И. С.*)

[4] ПСРЛ, т. XIV, стр. 75.

[5] Там же.

Библиотека "Руниверс"

тульских воевод, по фамилии Телетин (Телятевский? — ein Woywoda Telletin genant), не изменил со своим четырехтысячным отрядом и не выручил врага, ударив по своим братьям. Это привело в такой ужас тульское войско, что оно обратилось в бегство и вернулось в Тулу» [1].

Историографическая традиция (Соловьев, Костомаров) истолковывает свидетельство Буссова об измене Болотникову воеводы Telletin'a как относящееся к князю Телятевскому. Поэтому и Соловьев и особенно Костомаров рассматривают данное известие весьма скептически [2]. Я полагаю, однако, что, допуская, что факт измены Болотникову четырехтысячного (или иного) отряда на Восме действительно имел место, вовсе не обязательно связывать этот акт именно с личностью князя Телятевского (по созвучию фамилии Telletin). Ибо в тридцатитысячном войске Болотникова, участвовавшем в битве на Восме, конечно, имелось несколько отдельных отрядов (об одном из таких отрядов численностью в 1 700 человек, засевшем в «буераке», специально говорят источники). Сам же по себе факт «измены» представляется вполне возможным. Достаточно напомнить хотя бы об измене И. Пашкова в битве под Москвой. Помимо этих соображений общего порядка, в пользу достоверности известия Буссова можно привести свидетельство (правда, косвенное) грамоты Василия Шуйского по поводу битвы на Восме. В этой грамоте рассказ о первом дне сражения завершается сообщением о том, что царские воеводы «на голову побили» войско Болотникова, причем помимо трофеев («наряд, и набаты, и знамена, и коши все») еще «и живых языков болши пяти тысячь взяли» [3]. Это сообщение нельзя рассматривать как преувеличенное в агитационных целях изображение факта взятия в плен 1 700 казаков (о чем говорят цитированные выше разрядные описания битвы на Восме), ибо царская грамота посвящает специальное место описанию этого второго этапа битвы на Восме (см. ниже). Естественно поэтому сопоставить рассказ Буссова об измене четырехтысячного отряда и данное известие царской грамоты о взятии в плен 5 000 человек из войска Болотникова. Возможность такого сопоставления и сближения усиливается тем, что, как мы видели выше, царские грамоты по случаю поражения Болотникова в Коломенском 2 декабря 1606 г., изображали Истому Пашкова (факт измены которого и добровольного перехода на сторону Шуйского не вызывает сомнений) как... захваченного в плен в ходе боя («...воров всех побили на голову, а Истому Пашкова да Митьку Беззубцова

[1] *Bussow*, стр. 75.
[2] *Соловьев*, кн. II, стб. 826; *Костомаров*, стр. 294, 295. Впрочем, Соловьев оговаривается, что «нельзя не принять во внимание и показания Буссова».
[3] ААЭ, т. II, № 74.

Библиотека "Руниверс"

и многих атаманов и казаков живых поимали и к нам привели») [1].

Возвращаясь к рассмотрению первого этапа битвы на Восме, можно следующим образом представить себе ее ход и исход.

Насколько можно судить по сохранившимся описаниям в источниках, битва на Восме произошла где-то недалеко от впадения Восмы в Беспуту. Воеводы Шуйского, двинувшиеся от реки Беспуты навстречу Болотникову и князю Телятевскому, расположили основные силы своего войска по правому, южному берегу Восмы, оставив за Восмой лишь часть рязанцев (в качестве резерва?). В ходе боя (и в этом можно видеть подтверждение известия «Нового Летописца» о первоначальном успехе Болотникова в битве) одному из отрядов войска Болотникова, в количестве 1 700 человек «казаков пеших с вогненным боем», удалось пробиться через «боярские полки» и перейти Восму, заняв на противоположном берегу примыкавший к ней «буерак», т. е. овраг, у которого стояли рязанцы. С этой новой позиции казаки начали обстреливать рязанцев и своим «огненным боем» наносили им потери: «людей ранили и самих и лошадей побивали». Рязанским воеводам, однако, удалось ответить на прорыв казацкого отряда за Восму маневром, оказавшимся весьма успешным для войска Шуйского. Маневр этот заключался в том, что рязанцы, невзирая на огонь казаков, засевших в буераке, обошли буерак и, оставив казаков, находившихся в нем, у себя в тылу (в «Карамзинском Хронографе» этот маневр обозначен формулой: «покиня тех воров назад»), бросились к Восме и затем, перейдя ее, вступили в бой на противоположном берегу Восмы, где находились основные «боярские полки».

Атака рязанцев, повидимому, способствовала перелому в ходе боя в пользу воевод Шуйского. К этому же моменту относится, очевидно, и переход на сторону Шуйского отряда из войска Болотникова (если принять сообщение Буссова). Во всяком случае, удар рязанцев (в сочетании с изменой?) вызвал замешательство в рядах войска Болотникова, что было использовано воеводами Шуйского, бросившими в наступление на дрогнувшее войско Болотникова и Телятевского «боярские полки». Это завершило наметившийся успех и принесло победу войскам Шуйского, закончившим первый день сражения организацией «погони» за «побежавшим» войском Болотникова и Телятевского. Этим заканчивается первый этап битвы на Восме.

Второй этап битвы на Восме — осада казаков в буераке — изображен в источниках с красочными и полными драматизма подробностями.

---

[1] ААЭ, т. II, № 60.

Библиотека "Руниверс"

Окруженные со всех сторон, казаки в течение двух дней выдерживали осаду в своем «городке», сделанном ими в «буераке», категорически отвергая многочисленные предложения о капитуляции, хотя воеводы и давали им обещания, что в случае, если бы они «здалися, из бояpака вышли», им была бы «отдана их вина». По образному выражению «Карамзинского Хронографа» осажденные казаки «упрямилися», заявляя, «что им *помереть, а не здатца*» [1]. Когда же, на третий день осады, воеводы решили взять казачий городок штурмом и «велели всем полком и всеми ратными людьми к тем вором приступать конным и пешим», то казаки остались стойкими до конца: «билися на смерть, стреляли из ружья до тех мест, что у них зелья не стала». Лишь после этого войскам Шуйского удалось сломить сопротивление ставших беззащитными казаков, после чего началась расправа с захваченными в плен участниками борьбы: «тех на завтрее всех казнили» [2].

Битва на Восме дает возможность составить себе представление о масштабах и характере борьбы на последнем этапе восстания Болотникова. И число участников битвы на Восме со стороны Болотникова, и состав войска восставших (в частности, наличие у них «наряда» — артиллерии — и вообще «огненного боя») свидетельствуют о том, что и на этом этапе Болотников обладал очень крупными силами и притом, как это наглядно демонстрирует ход битвы на Восме, — силами исключительно стойкими и активными. Вместе с тем версия Буссова об «измене» части войска Болотникова показывает, что и в послемосковский период восстания в составе войска Болотникова еще оставались неустойчивые и колеблющиеся элементы, способные в острый момент перейти на сторону врагов восставших.

Победа войск Шуйского при Восме не только устраняла для господствующих классов угрозу нового похода Болотникова на Москву, но и резко увеличивала шансы на успех Тульского похода Шуйского. Дальнейшее развертывание событий после битвы на Восме обусловливалось, с одной стороны, стремлением Шуйского использовать результаты своей победы для нанесения новых ударов по Болотникову, а с другой — не менее закономерными попытками Болотникова задержать движение царских

---

[1] *А. Попов*, Изборник, стр. 335. (Текст исправлен по рукописи. — *И. С.*)

[2] Обнаруживая свою осведомленность, автор «Карамзинского Хронографа» сообщает о том, что из всех захваченных в плен казаков «только оставили семь человек живых, по челобитью дворян и детей боярских нижегородцов да арзамасцов, что оне тем дворяном учинили добро, как они шли казаки с Терка с вором с Петрушкою Волгою к вору к Розтриге, и воротилися с вором Волгою назад и тех дворян встретили на Волге, и вор их хотел побить, и оне их не дали побить» (*А. Попов*, Изборник, стр. 336. — Текст исправлен по рукописи. — *И. С.*).

Библиотека "Руниверс"

войск к Туле и не допустить осады ими города, являвшегося главной военной базой восстания.

Несмотря на огромные потери, понесенные Болотниковым в битве на Восме [1], Василий Шуйский, однако, и после битвы на Восме не решался еще двинуть на Тулу все свои силы, а ограничился лишь посылкой туда Каширского и Рязанского полков, участвовавших в сражении на Восме, направив вместе с тем к Туле также и часть войск, стоявших в Серпухове, в количестве трех полков во главе с князем М. В. Скопиным-Шуйским.

Воеводам обеих групп войск было предписано итти на соединение друг с другом («на всход»). Местом схода явилось село Павшино: «сошлись бояре и воеводы из Серпухова и с Коширы всход на Павшино, 20 верст от Тулы» [2].

Объединившиеся воеводы «пошли под Тулу и пришли на речку на Воронью в десятую пятницу по Велице дни», т. е. 12 июня 1607 г. [3]

Речка Воронья (Ворона, Воронка) явилась местом нового генерального сражения между воеводами Шуйского и Болотникова.

Решение Болотникова избрать именно реку Воронью как оборонительный рубеж объясняется вполне тем, что расположение Болотниковым своих войск по реке Вороньей давало ему возможность использовать в борьбе систему укреплений Тульской засеки. Это обстоятельство специально отмечается в одной из разрядных записей, где подчеркивается, что «бой был на реке Воронье, *близко засеки*» [4].

По описанию И. Афремова, «речка Воронка (или Воронья. — *И. С.*) берет начало в Малиновой засеке, близ селения Воронки, в 2 верстах от Ясной Поляны, и, протекая около 15 верст, впадает в реку Упу при селе Клин-Мяснове, близ самой Тулы у Калужской заставы» [5]. По данным того же автора, устье Вороньей (Воронки) находится в $2^1/_2$ верстах ниже тульского кремля [6]. В то же время, как указывает «Карамзинский Хронограф», сражение на реке Вороньей произошло «за семь верст от Тулы» [7].

---

[1] Сказание, найденное М. Н. Тихомировым, определяет эти потери следующим образом: «побиша конников 16.000, пеших же 3.000 и 600» (*М. Н. Тихомиров*, Сказание). С этими цифрами следует сопоставить заявление грамоты Шуйского о взятии в плен 5 000 человек (ААЭ, т. II, № 74) и рассказ «Карамзинского Хронографа» о казни 1 700 казаков (*А. Попов*, Изборник, стр. 336).

[2] *Белокуров*, стр. 173.

[3] *А. Попов*, Изборник, стр. 336. (Текст исправлен по рукописи. — *И. С.*)

[4] *Белокуров*, стр. 158. Курсив мой. — *И. С.*

[5] *И. Афремов*, цит. соч., стр. 162.

[6] Там же, стр. 16.

[7] *А. Попов*, Изборник, стр. 336.

Библиотека "Руниверс"

Эти данные топографического порядка очень важны как для характеристики обстановки, в которой происходила битва, так и для уяснения места расположения войск Болотникова. То обстоятельство, что наступавшие на Тулу воеводы Шуйского оказались вынужденными, дойдя до Вороньей, свернуть с Калужской дороги, по которой они шли (село Павшино находится на Калужской дороге), и двинуться от устья Вороньей вверх по ее течению, свидетельствует о том, что Калужская дорога (иначе говоря, устье Вороньей) была защищена такими силами войска Болотникова, что воеводы Шуйского не решились атаковать их прямым ударом, а предпочли совершить обходный маневр.

Разрядная запись о том, что битва на Вороньей произошла «блиско засеки», а также сообщение «Карамзинского Хронографа», что войска Болотникова встретили воевод Шуйского «за семь верст от Тулы на речке Воронее», дают возможность заключить, что войска Болотникова были расположены вдоль всего нижнего течения Вороньей — от самого устья вплоть до Малиновой засеки. Очевидно, план Болотникова и состоял в том, чтобы использовать реку Воронью как рубеж, запирающий подходы к Туле между рекой Упой и Малиновой засекой, расположенной к юго-западу от Тулы. В свою очередь воеводы Шуйского стремились обойти войска Болотникова с фланга и прорваться к Туле между засекой и левым флангом войск Болотникова, стоявших на Вороньей.

Предлагаемая нами характеристика тактических планов Болотникова и воевод Шуйского находит свою опору в общей картине битвы на Вороньей, содержащейся в «Карамзинском Хронографе». Картина эта имеет следующий вид: «...сошлися бояре и воеводы (из Серпухова. — *И. С.*) с Коширским полком за тритцеть верст до Тулы. И пошли под Тулу, и пришли на речку на Воронью в десятую пятницу по Велице дни. И тульские многие воры, конные и пешие, московских людей встретили за семь верст от Тулы на речке Вороней и был с ними бой, пешие воровские люди стояли подле речки в крепостях, а речка топка и грязна, и по речке крепости, леса. И об речке воровские люди многое время билися, и милостию божиею московские люди воровских людей от речки отбили и за речку Воронью во многих местех сотни передовые [лю]ди перешли, и бояре и воеводы со всеми полки перешли жь и воровских людей учали топтать до города до Тулы и многих побили и живых поимали, а пехоту многую жь побили и поимали. И воровские люди прибежали в город, а московские люди гнали их до городовых ворот, а человек з десять московских людей и в город въехали, и в городе их побили. А бояре и воеводы со всеми полки стали под Тулою и Тулу осадили» [1].

[1] *А. Попов*, Изборник, стр. 336. (Текст исправлен по рукописи. — *И. С.*)

Библиотека "Руниверс"

Таким образом, бой начался на левом берегу Вороньей, где пешее и конное войско Болотникова встретило наступавших на Тулу воевод Шуйского. Позицию войск Болотникова усиливали укрепления («крепости») по берегам Вороньей; в этих «крепостях» были расположены пешие части войска Болотникова. Сама река Воронья также представляла серьезное препятствие, будучи «топка и грязна», укрепленная «крепостями» и поросшая по берегам лесом. Все это дало возможность войскам Болотникова биться «многое время» [1]. Однако в конце концов воеводам Шуйского удалось отбить «от речки» отряды Болотникова, «передовые сотни» войска Шуйского перешли «за речку Воронью во многих местех», а затем через реку Воронью переправились и воеводы «со всеми полки». Форсирование реки Вороньей войсками Шуйского означало для Болотникова проигрыш сражения, и войскам Болотникова не оставалось ничего иного, как отступить под защиту стен Тульского города [2]. Но тем самым Тула попадала в осаду.

Описывая первый — предшествующий осаде Тулы — этап Тульского похода Василия Шуйского, русские источники отмечают лишь победоносные для царских воевод битвы на Восме и Вороньей. Едва ли, однако, поход на Тулу развивался столь эффектно, как это изображается в названной группе источников. Следует во всяком случае обратить внимание на то, что иностранцы-наблюдатели подчеркивают целый ряд неудач, которые терпели войска Шуйского по пути к Туле.

Мы уже приводили слова Исаака Массы о том, что Шуйский, начав поход на Тулу, не решался удалиться от Москвы со всем войском и посылал против Болотникова лишь отдельные отряды, «чтобы нападать на неприятеля врасплох». Это свое сообщение Масса заканчивает указанием на то, что в действительности эти отряды сами подвергались нападениям войск восставших, «которые во всех схватках оставались победителями» [3].

О поражении, нанесенном Василию Шуйскому Болотниковым во время похода царя на Тулу, говорится и в письме Н. де Мело. По словам Н. де Мело, Болотников, перейдя из Калуги в Тулу и узнав о начавшемся походе Шуйского, «сам выступил против него со своими людьми, дал бой войскам Шуйского и выиграл

[1] Сказание, найденное М. Н. Тихомировым, указывает, что битва на реке Вороньей продолжалась в течение трех дней: «и бысть брань велика за пять поприщь от града, в первый день и во вторый, в третий же день преодолеша врагов своих, наведе на них бог дождь и не возмогоша стати, знамение на них бысть» (*М. Н. Тихомиров*, Сказание).

[2] Татищев называет размеры разбитого на реке Вороньей войска Болотникова (у Татищева — «вора Петра»), указывая, что «по многом кровопролитии вора збили, по котором он с великим потерянием ушел в Тулу тысячах в десяти» («История царя В. И. Шуйского», л. 10 об.).

[3] *И. Масса*, стр. 172.

Библиотека "Руниверс"

его, захватив 16 больших орудий, очень много малых и другого ручного оружия» [1].

Если верить Н. де Мело [2], то поражение, нанесенное Шуйскому, было настолько сильным, что «люди Шуйского, отступив, требовали от Шуйского, чтобы он возвратился в Москву, но он отказался, не желая подвергать себя позору и боясь нарушить клятву и вызвать волнения (dla wstydu, przysiegi i niebezpieczenstwa) [3].

Ряд слухов о поражениях, нанесенных Шуйскому Болотниковым, отмечает в своем дневнике и В. Диаментовский, подчеркивая, впрочем, что среди этих слухов было мало достоверных [4]. У нас нет возможности проверить, насколько достоверны (или недостоверны) сообщения иностранцев по данному вопросу. Но вряд ли из 23 дней, которыми измеряется время от начала Тульского похода до битвы на реке Вороньей (21 мая — 12 июня), военные действия между войсками Шуйского и Болотниковым имели место лишь в течение четырех дней (битва на реке Восме 5—7 июня и битва на реке Вороньей 12 июня).

Почти четырехмесячная оборона Тулы Болотниковым от осаждавших ее войск Шуйского составляет заключительную и притом наиболее трагическую главу в истории восстания Болотникова.

Как крепость Тула имела несомненные преимущества по сравнению с Калугой.

Тула имела два пояса укреплений: внешний, состоявший из дубового острога, и внутренний — в виде каменного кремля [5].

---

[1] *W. Dyamentowski*, стр. 114, 115. Перевод Устрялова очень неточен (*Устрялов*, т. II, стр. 194, 195).

[2] Не исключено, что в таком виде до Н. де Мело дошли слухи о битве на Восме. В этом случае весьма интересны данные о потерях артиллерии Шуйского в этом сражении.

[3] *W. Dyamentowski*, стр. 114, 115.

[4] Там же, стр. 102, 103.

[5] Приводим характеристику тульских укреплений, даваемую Ф. Ласковским: «В 1509 г. приступлено было к построению деревянной из дубового леса ограды с 5 проезжими и 14 глухими башнями; она имела протяжения 1071 саж. и обеими конечностями упиралась в реку Упу. Между стеной и городскими строениями внутри проведена была улица, от которой дома отделялись глубоким рвом. В 1514 г. началась постройка каменного кремля, на левом берегу Упы, во внутренности деревянного города, и продолжалась 7 лет. Кремль имеет вид правильного четырехугольника с башнями — по углам круглыми, а посредине сторон, обращенных к городу, четырехугольными, на стороне к реке Упе находятся две башни, из которых одна проезжая. Окружность ограды простирается до 490 саж., стены имеют 5 саж. 2 арш. вышины, 1 саж. 11 верш. толщины; круглые башни до 6 саж. вышины, проезжие до 9 саж. вышины. Все стены снабжены зубцами и бойницами» (*Ф. Ласковский*, цит. соч., стр. 35, 36; ср. описание тульских укреплений у *И. Афремова*, цит. соч., стр. 128—131).

Библиотека "Руниверс"

Такая система тульских укреплений давала возможность обороняющему Тулу войску выдерживать осаду даже против очень крупных сил. Как мы видели выше, попытка воевод Шуйского ворваться в Тулу на плечах отступавших после сражения на Вороньей войск Болотникова потерпела неудачу, и «въехавшие» в город ратные люди из войска Шуйского были побиты восставшими [1].

Осаду Тулы начали войска, участвовавшие в битве на Вороньей. Этот начальный период осады Тулы [2] продолжался до 30 июня, когда под Тулу пришел сам Василий Шуйский с сопровождавшим его двором и войском [3].

Шуйский двинулся из Серпухова лишь спустя некоторое время после получения им известия о поражении Болотникова. В разрядах сохранилась запись о том, что после боя на Вороньей, «с сеунчем послали к государю *в Серпухов* бояре и воеводы князь Василья княж Федорова сына Мосалсково» [4].

Но и получив донесение о победе своих войск, Шуйский еще около двух недель оставался в Серпухове, продолжая сохранять тактику выжидания и накопления сил. Нам неизвестна дата выступления Шуйского из Серпухова. Но, судя по тому, что под Алексин царь пришел 28 июня [5], можно думать, что он покинул Серпухов не ранее 25—26 июня [6].

Алексин, находившийся «в воровстве, в измене» и стойко выдержавший осаду его войсками князя И. М. Воротынского, был взят Василием Шуйским «взятьем» 29 июня [7]. Употребление разрядами именно этого выражения, которым, как отмечает

---

[1] *А. Попов*, Изборник, стр. 336.

[2] Источники не дают возможности выделить какие-либо события, связанные с первыми неделями осады Тулы. Сказанное относится и к «Карамзинскому Хронографу». Несмотря на то, что описание расположения войск, осаждавших Тулу, помещено в нем до сообщения о приходе Шуйского под Тулу, тем не менее сами эти данные (несомненно, взятые из разрядов) относятся уже ко времени после прихода Шуйского к Туле. Установить это позволяет упоминание «Карамзинским Хронографом» в качестве «головы у наряда» Григория Кологривова (*А. Попов*, Изборник, стр. 336). Но по данным разрядов известно, что Г. Кологривов получил это назначение на место И. Ододурова, после того как последний был послан Шуйским из-под Тулы к Дедилову: «А из под Тулы государь послал под Дедилов князя Олексея Черта Григорьевича Долгорукова да Ивариса Омамышева сына Ододурова, и город Дедилов взяли. А на Иваписово место Омамышева Ододурова велел государь быти у наряду у меншева в болших Григорью Кологривову» (*Белокуров*, стр. 91; ср. стр. 118, 158, 185).

[3] «Рукопись Филарета». Сборник Муханова, изд. 2, стр. 275.

[4] *Белокуров*, стр. 91; ср. стр. 118, 158.

[5] ААЭ, т. II, № 76.

[6] Во всяком случае, 19 июня Василий Шуйский еще находился в Серпухове, ибо датированная этим числом царская грамота в Москву Д. И. Шуйскому имеет помету: «Писана в Серпухове» (*Гневушев*, Акты, стр. 108).

[7] *Белокуров*, стр. 118, 158; ПСРЛ, т. XIV, стр. 75; ААЭ, т. II, № 76.

Библиотека "Руниверс"

Ф. Ласковский, в официальных актах и летописях XVII в. обозначались осады городов — «приступы и другие действия постепенной атаки, взятые отдельно или в совокупности» [1], — говорит за то, что Алексин был взят с боем. Следует поэтому отнестись скептически как к сообщению «Карамзинского Хронографа», что «Олексинцы царю Василию добили челом, и вину свою принесли и крест ему целовали, и в город царя Васильевых людей пустили» [2], так и к рассказу «Рукописи Филарета» о том, что с приходом Шуйского под Алексин «людие ж града того убояшася страхом велиим и биша челом царю Василью Ивановичю и вины своя принесоша. Он же благочестивый царь, не паметуя злобы их, вины им скоро отдает, еще ж и пищею и питием удовляше их» [3].

Версия о мирном подчинении Алексина власти Шуйского представляется тем более сомнительной, что в официальной грамоте Шуйского в Москву боярам о взятии Алексина ничего не говорится о «добитии челом» алексинцами, а употреблена иная формула: «пришли есмя под Олексин, и божиею помощию... июня в 29 день город Алексин взяли» [4]. «Новый Летописец» еще усиливает впечатление о насильственном взятии Алексина, указывая, что Василий Шуйский «взя взятьем» Алексин «и посади в Олексине ратных людей» [5].

Что же касается рассказа «Рукописи Филарета» о наделении царем жителей Алексина «пищею и питием», то эта деталь представляет интерес не столько как демагогический жест Шуйского, сколько как указание на то, что в Алексине, уже ряд месяцев блокированном воеводами Шуйского, очевидно, был голод (что, быть может, и дало возможность Шуйскому «взять взятьем» Алексин уже на другой день после прихода туда его войска).

С приходом Василия Шуйского под Тулу осадившие город войска получили следующее расположение.

Основные силы: Большой, Передовой и Сторожевой полки находились на левом берегу Упы и стояли под стенами внешней линии тульских укреплений — «Острога»: «по Кропивенской дороге и по иным местом» [6]. На левом же берегу Упы стоял и Рязанский «прибылой» полк князя Б. М. Лыкова, Ф. Булгакова и П. Ляпунова [7]. На противоположном берегу Упы, «по Коширской дороге на Червленой горе», около речки Тулицы стоял

---

[1] *Ф. Ласковский*, цит. соч., стр. 193.
[2] *А. Попов*, Изборник, стр. 337.
[3] Сборник Муханова, стр. 275.
[4] ААЭ, т. II, № 76.
[5] ПСРЛ, т. XIV, стр. 75.
[6] *А. Попов*, Изборник, стр. 336.
[7] *Белокуров*, стр. 11.

Библиотека "Руниверс"

«Каширский полк» князя А. В. Голицына, рядом с которым расположились татарские, чувашские, черемисские (марийские) отряды, «а воевода с татары был князь Петр Арасланович Урусов» [1].

По обе стороны реки Упы была расставлена и артиллерия: «наряд большой поставили за турами от Кропивенских ворот да наряд же поставили с Коширские дороги близко Упы реки» [2].

Такое расположение артиллерии давало возможность Шуйскому простреливать город с двух сторон. «Карамзинский Хронограф» специально отмечает эффект от обстрела Тулы артиллерийским огнем, указывая, что «из наряду болшова с обеих сторон в Тулу стреляли и побивали многих людей» [3].

Местонахождение самого Василия Шуйского определяется разрядной записью весьма точно: «Ис-под Олексина пришол под Тулу и стоял государь на реке на Воронье в селе Ивана Матюханова сына Вельяминова» [4]. Таким образом, Шуйский находился также на левом берегу Упы, вместе с основными силами своего войска. Можно думать (хотя в источниках прямых данных и нет), что тут же стояли и «дворовые» полки, пришедшие под Тулу вместе с царем [5].

Размеры войска Шуйского под Тулой нам известны лишь из иностранных источников. Буссов определяет его численность в 100 000 человек [6]; по Паэрле, в войске Шуйского было «по крайней мере 150 000 человек» [7]. Вряд ли этим цифрам можно придавать значение точных данных о размерах войска Шуйского, но вместе с тем они безусловно могут рассматриваться как свидетельства о многочисленности войска, участвовавшего в Тульском походе. Именно так характеризует войско Шуйского и архиепископ Елассонский Арсений, отмечающий в своих мемуарах, что

---

[1] Столь видное положение князя П. А. Урусова в войске Василия Шуйского следует связать с тем, что он был женат на вдове брата Василия Шуйского — князя А. И. Шуйского (РИБ, т. XIII, стб. 509; *А. Попов*, Изборник, стр. 337).

[2] *А. Попов*, Изборник, стр. 336.

[3] Там же, стр. 337.

[4] *Белокуров*, стр. 158; ср. стр. 118.

[5] В «Карамзинском Хронографе» о месте стоянки Василия Шуйского говорится глухо, что царь «стал от Тулы три версты» (*А. Попов*, Изборник, стр. 337). И. Афремов, исходя из «Плана Тулы 1741 г.», относит нахождение стана Шуйского к правому берегу Упы (на плане Тулы 1741 г. отмечено «место, где был стан царя В. И. Шуйского в 1607 г.»), указывая, что царь «остановился в 2 верстах от города за казенною-кузнечною слободою, где по нагорной местности поставлен был стан и шатры царские» (*И. Афремов*, цит. соч., стр. 163). Однако разрядная запись с бесспорностью решает вопрос в пользу левого берега Упы.

[6] *Bussow*, стр. 75.

[7] *Устрялов*, т. I, стр. 219.

Библиотека "Руниверс"

Шуйский пришел к Туле «с многочисленным войском» [1]. «Большим войском» называет войско Шуйского и Исаак Масса [2].

Силы Болотникова в Туле были, несомненно, меньше, чем силы Шуйского. Однако, несмотря на два имевших место друг за другом поражения на Восме и Вороньей, войско Болотникова еще представляло собой крупную силу. В «Карамзинском Хронографе» состав и количество осажденных в Туле войск Болотникова определяется следующим образом: «А в Туле в те поры был вор Петрушка, назывался царя Федора Ивановича сын, да с ним князь Ондрей Телятевской, да Ивашка Болотников, холоп Телятевскова, да Самоила Хахановской и иные многие дети боярские и Украиных городов иноземцы и многие казаки, и всяких воров сидела с вогненым боем з дватцеть тысечь» [3].

Эту же цифру — 20 000 — называет и Авраамий Палицын, указывающий, что «боле двадесят тысящь сицевых воров (холопов. — *И. С.*) обретшеся... во осаде в сидении в Колуге и в Туле, кроме тамошних собравшихся старых воров» [4].

Такое совпадение данных если и не может считаться достаточным доказательством полной достоверности цифры в 20 000 человек, то во всяком случае показывает, что современники (каковыми являются и автор «Карамзинского Хронографа» и Авраамий Палицын) именно так определяли размеры осажденного в Туле войска Болотникова.

Меньшая численность войска Болотникова по сравнению с осаждавшими Тулу войсками Шуйского компенсировалась наличием мощных тульских укреплений, а также в еще большей степени — высокими боевыми качествами войск восставших.

Войска Болотникова вели борьбу с характерными для них энергией и настойчивостью: «Ис Тулы вылоски были на все стороны на всякой день по трожды и по четырежде, а все выходили пешие люди с вогненым боем и многих московских людей ранили и побивали» [5].

Именно такой характер борьбы позволил осажденной Туле противостоять Шуйскому целых четыре месяца, отразив все попытки царских воевод взять город штурмом.

Русские источники обходят молчанием весь период осады Тулы Шуйским, освещая лишь заключительный момент осады, связанный с проектом Кровкова. Это молчание можно объяснить, конечно, только нежеланием подчеркивать неудачи царя в

---

[1] *А. Дмитриевский*, Архиепископ Елассонский Арсений и его мемуары, стр. 138.
[2] *И. Масса*, стр. 171.
[3] *А. Попов*, Изборник, стр. 337.
[4] РИБ, т. XIII, стб. 484.
[5] *А. Попов*, Изборник, стр. 337. (Текст исправлен по рукописи. — *И. С.*)

*

Библиотека "Руниверс"

его стремлениях захватить Тулу [1], ибо рассказывать о безрезультатном стоянии Шуйского под стенами Тулы значило бы обвинять его в неспособности руководить военными действиями. Впрочем, автор (и редактор) «Рукописи Филарета» именно так и поступает, указывая, что Шуйский, придя под Тулу, «стоя немалое время недомыслюща [недомысляся], что сотворити граду Туле и в нем вору ложному и названному царевичу Петрушке и соединомышленнику [его] Ивашку Болотникову» [2].

Иностранные источники дают возможность представить себе более конкретно «недомыслие» царя и его воевод, равно как и результаты этого «недомыслия». Иностранцы-современники подчеркивают, что Шуйский оказался неспособным осуществить свой первоначальный план — быстро захватить Тулу. По словам Паэрле, это «предприятие» Шуйского «казалось нетрудным», учитывая те силы, которыми он располагал. Но в действительности «вышло напротив: засевшие в Туле мятежники оборонялись упорно и мужественно» [3]. Столь же критически расценивает деятельность Шуйского под Тулой и С. Немоевский, обвиняющий Шуйского в том, что он «не мог взять этого ничтожного укрепления (blahej zamczyny) в течение целого лета» [4].

Особенно важен для характеристики военных действий Шуйского под Тулой дневник В. Диаментовского. В отличие от других иностранцев-мемуаристов, ограничивающихся лишь общей характеристикой действий Шуйского, В. Диаментовский на протяжении всей осады Шуйским Тулы, заносит в свой дневник целый ряд записей, относящихся к Туле. Такой интерес В. Диаментовского к Тульскому походу Шуйского объясняется тем, что поляки в Ярославле связывали с тем или иным исходом борьбы под Тулой возможность изменения своей судьбы. Поэтому, занося в свой дневник «различные слухи и вести», доходившие до него [5], В. Диаментовский все время рассматривает их под углом зрения того, что́ эти «слухи» и «вести» несут ему и его «товарищам».

Поляки, находившиеся в ссылке в Ярославле, рассчитывали на то, что успехи войска «царя Димитрия» (так они рассматривали войско Болотникова) могут привести к их освобождению. Но вместе с тем они опасались, что Шуйский в случае неудачи его в борьбе с Болотниковым может пойти на такой шаг, как расправа

[1] Неспособность взять Тулу Шуйский возмещал расправами с захваченными в плен людьми Болотникова. В разрядах сохранилась запись: «А коих изменников (вариант: «языков») на боех под Тулою имали, и государь велел их пытать (вариант: «распрашивать и пытать») князю Михаилу Туренину да Ивану Петрову сыну Головину» (*Белокуров*, стр. 158; варианты — там же, стр. 118; ср. еще стр. 91).

[2] Сборник Муханова, стр. 275.

[3] *Устрялов*, т. I, стр. 219.

[4] *S. Niemojewski*, стр. 235 (русский перевод — стр. 218).

[5] *W. Dyamentowski*, стр. 103.

Библиотека "Руниверс"

с поляками. Такая двойственность в отношении к развертывавшимся событиям очень хорошо прослеживается в записях дневника В. Диаментовского.

Так, 13 июля (н. ст.) он записывает: «Подброшены в городе письма, принесенные из войска, в которых говорилось, чтобы не волновались и ожидали в скором времени в Москве другого царя, *а с ним и мира*» [1].

Но запись от 2 августа носит уже совершенно иной характер: «Стращали нас опасностью: Если — говорили — Шуйский не добьется своего и не сможет держаться, то, договорившись со своими приятелями, не будет вас кормить» [2].

Занося в свой дневник все, что доходило до Ярославля о военных действиях, В. Диаментовский пытается критически разобраться в этих «слухах» и «вестях». Так, отмечая несколько раз слухи о том, что «царь Шуйский уже воротился в Москву» [3], или даже, что «Шуйского уже не стало» [4], В. Диаментовский вместе с тем подчеркивает: «это неправда, что царь возвратился в Москву», равно как отмечает и ложность слуха о смерти Василия Шуйского. То же критическое отношение к слухам отражает запись от 13 августа: «Множество различных вестей. Первая, будто Шуйский отступил к Москве для обороны, не будучи в состоянии сдерживать силы противной стороны. Но это неправда» [5].

Но наряду с записями слухов в дневнике В. Диаментовского имеются и другого рода записи, носящие более достоверный характер (по крайней мере, с точки зрения самого В. Диаментовского). Из этой категории записей особый интерес представляют записи от 28 июля и 1 октября.

В первой из записей В. Диаментовский отмечает: «Пришла весть, что царь Шуйский, осаждая Тулу, потерял до 2000 людей во время штурмов, число которых доходило до 22; поэтому он решил, дождавшись новгородцев, которые шли ему на помощь, снова добывать Тулу всеми своими силами» [6]. Вторая запись гласит: «Сообщили о великой битве, в которой захватили двух думных бояр Шуйского (якобы для Димитрия) и побили очень много его войска. Это весьма правдоподобно, так как в этот же день наши слышали в городе, что объявляли набор в войско и обещали большую награду; но охотников не было» [7].

---

[1] *W. Dyamentowski*, стр. 105. Курсив мой. — *И. С.*
[2] Там же, стр. 107.
[3] Там же, стр. 103.
[4] Там же, стр. 106.
[5] Там же, стр. 108.
[6] Там же, стр. 106.
[7] Там же, стр. 112.

Библиотека "Руниверс"

Наконец, среди записей В. Диаментовского о Тульском походе Шуйского есть и такие, где он выступает в качестве очевидца, как, например, запись от 14 октября: «Очень много раненых и здоровых возвращалось из войска сюда по своим дворам» [1].

Взятые в целом, записи В. Диаментовского о Тульском походе Шуйского раскрывают перед нами ту сторону военных действий между Шуйским и Болотниковым, которая тщательно замалчивается русскими официальными источниками: многочисленные безрезультатные «штурмы» Тулы, неудачные для Шуйского «сражения», бегство из войска Шуйского ратных людей и попытки Шуйского возместить убыль в своем войске новыми экстренными наборами ратных людей. Вместе с тем записи В. Диаментовского характеризуют и напряженность социальной атмосферы во время Тульского похода Шуйского, что находило свое выражение во всевозможных слухах и разговорах по поводу хода военных действий, причем характерной чертой этих слухов и разговоров являлась пессимистическая оценка положения Шуйского.

Итак, результаты первых месяцев борьбы под Тулой были весьма неблагоприятны для Шуйского. Надо сказать, однако, что ограничиться только такой характеристикой итогов борьбы между Шуйским и Болотниковым было бы ошибочным. Дело в том, что если в главном пункте борьбы — в осаде Тулы — действия Шуйского были весьма неудачны, то на других участках борьбы положение было несколько иным.

Существенными чертами тактики Шуйского во время Тульского похода были два момента: 1) посылка отдельных отрядов против ряда городов прилегавшего к Туле района, находившихся в руках восставших; 2) предоставление своим войскам права «грабить» население восставших уездов.

Первый из отмеченных моментов имел целью добиться изоляции Тулы от других районов восстания [2]. Действуя так, Шуйский, несомненно, учел опыт неудачной осады Калуги, когда именно поддержка осажденного в Калуге Болотникова другими центрами восстания дала возможность восставшим поставить войска осаждавших Калугу воевод Шуйского под двойной удар: с «фронта» и «тыла».

Местами посылки воевод «из-под Тулы» были города: Козельск, Белев, Болхов, Лихвин, Дедилов, Крапивна, Гремячий, Одоев и, наконец, Брянск [3]. В результате этих экспедиций воеводами Шуйского были взяты и «очищены» от «воров» города: Бе-

[1] *W. Dyamentowski*, стр. 112.

[2] «Дабы и в других местех воров смирять и выручки ему («царевичу» Петру. — *И. С.*) не допустить» (*Татищев*, История царя В. И. Шуйского, л. 10 об.).

[3] *Белокуров*, стр. 12, 46, 91, 118, 158, 159; ПСРЛ, т. XIV, стр. 75, 76.

Библиотека "Руниверс"

лев, Болхов, Лихвин, Дедилов, Крапивна, Одоев (судьба же Гремячего неясна). Несколько иначе обстояло дело с Брянском, который был «сожжен» отрядом Елизарья Безобразова, посланным воеводами Шуйского из Мещовска с целью «проведати про Вора (Лжедмитрия II. — *И. С.*) и город Брянск зжечь» [1], а затем опять оставлен. Из сохранившейся грамоты Василия Шуйского от 18 сентября 1607 г. Г. Сумбулову, стоявшему в Мещовске, видно, что Шуйский предполагал двинуть под Брянск более крупные силы. Грамота предписывает Г. Сумбулову «з дворяны, и з детьми боярскими и со всеми людьми» идти к Брянску «тотчас, не мешкая», сообщая одновременно о том, что «мы воевод с людми во Брянеск посылаем из-под Тулы, и будут они во Брянеск вскоре» и что, кроме того, «ис Смоленска велели послати во Брянеск всех детей боярских и стрельцов всех» [2]. Однако этот план не осуществился, и Брянск был занят не воеводами Шуйского, а Лжедмитрием II [3]. Еще более неудачно для воевод Шуйского закончилась осада Козельска. Стоявший под Козельском князь В. Масальский был разбит 8(18) октября воеводами Лжедмитрия II — поляками Меховецким и Будилом, причем и русские и польские источники подчеркивают большие размеры потерь В. Масальского [4]. Наконец, и значительная часть тех городов, которые были «очищены» воеводами Шуйского (Дедилов, Крапивна, а также Епифань), были ими потеряны и взяты «взятьем» воеводами Лжедмитрия II.

Таким образом, успех экспедиций воевод Шуйского был неполным, а главное — весьма непрочным. Тем не менее посылка воевод «из-под Тулы» все же имела определенный эффект. Буссов, изображающий занятие воеводами Шуйского городов Болхова, Белева и Лихвина как результат ловкости Шуйского, сумевшего склонить эти города на свою сторону, подчеркивает, что «измена этих трех городов помешала освобождению осажденных в Туле» [5].

С такой оценкой факта взятия Шуйским этих городов следует согласиться. Ибо хотя Шуйский и не смог удержать названные города, тем не менее они находились в его руках вплоть до октября 1607 г., т. е. в течение всего самого критического периода осады Тулы, и давали ему возможность изолировать Тулу от Северских и Украинных городов, откуда Болотников мог рассчитывать на помощь.

Ту же цель — воздействие на население районов, охваченных восстанием, — преследовало и другое, отмеченное выше

[1] ПСРЛ, т. XIV, стр. 76.
[2] Акты Юшкова; № 271.
[3] См. РИБ, т. I, стб. 125.
[4] ПСРЛ, т. XIV, стр. 76; *Белокуров*, стр. 118, 158; РИБ, т. I, стб. 126.
[5] *Bussow*, стр. 78.

Библиотека "Руниверс"

мероприятие Шуйского: предоставление своим войскам права «грабить» население восставших уездов.

«Карамзинский Хронограф» прямо заявляет, что «по повеленью царя Василья, тотаром и черемисе велено Украинные и Северских городов уездов всяких людей воевать, и в полон имать и живот их грабить *за их измену, и за воровство, что они воровали, против Московскова государства стояли и царя Васильевых людей побивали*» [1]. Избежать действия этих карательных экспедиций могли лишь сторонники Шуйского, как об этом можно судить на основании «жалованной грамоты» Шуйского тульскому помещику Д. Сухотину от 6 июля 1607 г., которая предписывала «дворяном, и детем боярским, и тотаром, и стрельцом, и козаком, и всяким нашим ратным людем», чтобы они «Дмитрея Сухотина поместья не воевали, и людей его и крестьян не били и не грабили, и животины не имали, и хлеба не травили, и не толочили, и никаково насильства не чинили» [2].

Помимо устрашения населения, такого рода «карательные экспедиции» способствовали консолидации армии Шуйского, ибо они усиливали непосредственную «заинтересованность» ратных людей в успехах Шуйского; вместе с тем угроза лишиться своего имущества от грабежа ратных людей способствовала удержанию в армии Шуйского неустойчивых элементов из среды служилых людей.

Итак, в отличие от положения непосредственно под Тулой военные действия воевод Шуйского в других районах носили более успешный характер.

Однако ни захват войсками Шуйского отдельных городов, ни грабеж ратными людьми Шуйского населения в районе военных действий не могли решить исхода борьбы. Этот исход могла решить лишь борьба основных сил Шуйского и Болотникова.

Между тем осада Тулы затянулась, и многочисленные попытки взять штурмом город, стойко оборонявшийся Болотниковым, неизменно терпели неудачу.

По меткой характеристике Татищева, очень верно оценившего положение, в какое попал застрявший под стенами Тулы Василий Шуйский: «Царь Василей, стоя при Туле и видя великую нужду, что уже время осеннее было, *не знал что делать:* оставить его (т. е. город Тулу. — *И. С.*) был великий страх, стоять долго боялся, чтоб войско не привести в досаду и смятение; силою брать — большей был страх: людей потерять» [3].

---

[1] *А. Попов*, Изборник, стр. 337. (Текст исправлен по рукописи. Курсив мой. — *И. С.*)

[2] Акты Юшкова, № 270.

[3] *Татищев*, История царя В. И. Шуйского, л. 11 об. (Курсив мой. — *И. С.*)

Библиотека "Руниверс"

К концу лета 1607 г., действительно, положение дел опять стало складываться не в пользу Шуйского. Прежде всего длительное стояние под Тулой не только ослабляло войско Шуйского в результате потерь от военных действий, но и действовало разлагающим образом на ратных людей, составлявших его полки. В. Диаментовский дважды отмечает в своем дневнике факт массового ухода ратных людей из войска Шуйского.

Первая из этих записей, под 2 августа (23 июля), гласит: «Сообщили о нескольких тысячах людей, которые переправлялись в нескольких местах через Волгу, возвращаясь из войска» [1]. Вторая запись, под 14 (4) октября, еще более выразительна: «Очень много раненых и здоровых возвращалось из войска сюда по своим дворам» [2]. Таким образом, массовое бегство ратных людей из-под Тулы не может подлежать сомнению. Выражением этого же процесса разложения войска Шуйского явилась «измена» князя П. Урусова, «отъехавшего» от Тулы и ушедшего «в Крым», причем вместе с ним ушли и «иные многие мурзы» [3]. Нет возможности установить, какая часть из нерусских («татарских») отрядов, стоявших под Тулой, ушла вместе с начальствовавшим над ними П. Урусовым. Но, несомненно, отъезд П. Урусова не мог не дезорганизовать этой части войска Шуйского. «Измена» П. Урусова наносила удар Шуйскому и еще в одном отношении. Как подчеркивает А. Палицын, П. Урусов «великую честь в России всю отверже, и жену свою, прежде бывшую за князем Александром Ивановичем Шуйским, покинул» [4]. Иными словами, отъезд П. Урусова означал демонстративный разрыв с царем одного из близких ему лиц, связанного с царским домом даже брачными узами, что не могло не отразиться на престиже Василия Шуйского.

Вторым моментом, определявшим обстановку в стране и оказывавшим воздействие и на положение Шуйского под Тулой, была непрекращавшаяся борьба крестьян и холопов. Если Шуйскому удалось запереть в Туле основное ядро восставших, то отдельные отряды крестьян и холопов продолжали борьбу против феодалов, причем эта борьба велась и в непосредственной близости от Тулы. Мы уже цитировали переписку между Василием Шуйским и рязанским воеводой Ю. Пильемовым, из которой видно, что еще в октябре 1607 г. «пронские и михайловские мужики» «воевали» «во многих местах», находясь в 20 верстах от Переяславля-Рязанского, и что воеводе было «за теми воры посылати неково», так как «дворян и детей боярских» с ним было,

---

[1] *W. Dyamentowski*, стр. 107.
[2] Там же, стр. 112.
[3] ПСРЛ, т. XIV, стр. 76.
[4] РИБ, т. XIII, стб. 509; ср. стб. 1009.

Библиотека "Руниверс"

по его собственному признанию, «мало» [1]. Такое положение дел вынуждало Шуйского выделять часть своих сил для борьбы против «воюющих» мужиков, что еще более ослабляло его тульский лагерь.

К названным факторам внутреннего порядка к осени 1607 г. прибавился еще фактор внешний в лице нового Самозванца, провозгласившего себя в июле 1607 г., в г. Стародубе-Северском, «царем Димитрием» [2].

Авантюрист, выдвинутый враждебными Русскому государству панскими кругами Польши, Лжедмитрий II широко использовал в качестве оружия для достижения своих целей социальную демагогию [3], а имя «царя Димитрия» привлекало к Самозванцу широкие народные массы. Это делало особенно опасным для Василия Шуйского начатый Лжедмитрием II в сентябре 1607 г. поход из Стародуба на Брянск, с очевидной целью итти дальше, «к главному центру военных действий — к Туле» [4].

Такова была обстановка, в которой протекал последний этап борьбы под Тулой, — этап, связанный с «потоплением водным» Тулы [5].

Опубликованные Г. Н. Бибиковым записи приходо-расходных книг Иосифо-Волоколамского монастыря, относящиеся к возведению плотины на реке Упе, дали в руки исследователям точные документальные данные, опираясь на которые можно с гораздо большей степенью уверенности использовать материал литературных источников.

---

[1] Акты Юшкова, № 272.

[2] Сказание, найденное М. Н. Тихомировым, приписывает план провозглашения нового Самозванца князю Григорию Шаховскому: «Он же окаянный («царевич» Петр. — *И. С.*) и вводяшии его в погибель князь Григорей Шаховской, зле умысля, испустиша из града (Тулы. — *И. С.*) ночью Засекиных князей и наполниша их смертоноснаго яда, повелевает в Северским Стародубе сказати. И посла с ними некоего на устав вора, избрав ис казаков, яко жив и тои прежереченный Гришка Отрепьев, иже именова себя царевичем Дмитреем, сеи убо и ни мало не причичен (так в рукописи; почему-то исправлено первоначально бывшее «приличен». — *И. С.*) прежнему, токмо молод» (*М. Н. Тихомиров*, Сказание). Эта версия, любопытная тем, что Г. Шаховской выступает здесь в роли своеобразного «деятеля Самозванцев», однако, не соответствует действительности (см. об обстоятельствах появления Лжедмитрия II в Стародубе у Платонова, «Очерки», стр. 353).

[3] В «Истории царя В. И. Шуйского» Татищева имеется чрезвычайно интересное известие о том, что зимой 1607/08 г. Лжедмитрий II, «стоя в Орле, посылал от себя по всем городам грамоты с великими обещании милостей, междо протчим *всем крестьянем и холопам прежнюю вольность, которую у них царь Борис отнял*, и тем почитай весь простой народ к себе привлек, и через то во всех городех паки казаков из холопей и крестьян намножилось и в каждом городе поделали своих атаманов» (ЦГАДА, Портфели Миллера, № 150 (№ 4), л. 14 об. Курсив мой. — *И. С.*).

[4] *Платонов*, Очерки, стр. 358.

[5] РИБ, т. XIII, стб. 501 и 1000.

Библиотека "Руниверс"

Наиболее обстоятельно история «потопления» Тулы изложена в «Карамзинском Хронографе». Проект взятия Тулы путем затопления ее водой реки Упы выдвинул некий «муромец сын боярской Иван Сумин сын Кровков» [1].

Кровков подал «в Государеве Розряде дьяком» челобитную, в которой предлагал потопить Тулу путем устройства запруды на реке Упе: «И вода де будет в остроге и в городе, и дворы потопит, и людем будет нужа великая, и сидеть им в осаде не уметь» [2]. По словам «Нового Летописца», предложение Кровкова было первоначально встречено с недоверием: «Царь же Василей и бояре посмеяхусь ему, како ему град Тулу потопить. Он же с прилежанием к нему: вели меня казнити, будет не потоплю Тулы» [3]. Если приведенный рассказ имеет под собой некоторую фактическую основу, то можно думать, что план, предложенный Кровковым, подвергся специальному рассмотрению царя с боярами, получив в конце концов их одобрение.

«Карамзинский Хронограф» детально описывает, как «сын боярской Иван Кровков плотину делал»: «секли лес и клали солому и землю в мешках рогозинных и вели плоти[ну] по обе стороны реки Упы, а делали плотину всеми ратными с окладов, и плотину зделали, и реку Упу загатили, и вода стала болшая и в острог и в город вошла, и многие места во дворех потопила»[4]. «Новый Летописец» сообщает важную подробность, что Шуйский велел дать И. Кровкову «на пособ мельников» [5].

Место для строительства плотины, или «заплота», было выбрано при впадении в Упу реки Вороньей (несколько ниже ее устья). На плане города Тулы 1741 г., воспроизведенном в «Историческом обозрении Тульской губернии» И. Афремова, отмечены «остатки плотины наводнения 1607 г.». Сам И. Афремов приводит некоторые данные и о размерах и устройстве плотины, указывая, что «по правому, болотистому, пологому берегу Упы, на

[1] *А. Попов*, Изборник, стр. 337. «Новый Летописец» называет его Фома Сумин сын Кравков (ПСРЛ, т. XIV, стр. 77); в «Рукописи Филарета» автор проекта обозначен как «воин града Мурома, зовомый Мешок Кровков» (Сборник Муханова, стр. 275). «Повесть» Катырева-Ростовского превращает Кровкова в «древоделя» (РИБ, т. XIII, стб. 664). В Муромской десятне 1597 г. «Ивашко Сумин сын Кровков» назван в числе неслужилых новиков, поверстанных поместным окладом в 200 четей. Он же значится в числе городовых дворян и в десятне 1605 г. (*В. Н. Сторожев*, Десятни XVI в., в «Описании документов и бумаг Московского архива Министерства юстиции», кн. VIII, 1891, отд. III, стр. 77 и 86; ср. *Платонов*, Очерки, стр. 610, примеч. 112). В 1611 г. «муромец Мешок Кровков» был послан для сбора шуб на одежду ратным людям в Мещеру, Елатьму, Кадом и Шацк (*С. Б. Веселовский*, Акты подмосковных ополчений и земского собора 1611—1613 гг., М. 1911, стр. 23—25, 30, 41).

[2] *А. Попов*, Изборник, стр. 337.

[3] ПСРЛ, т. XIV, стр. 77.

[4] *А. Попов*, Изборник, стр. 337.

[5] ПСРЛ, т. XIV, стр. 77.

Библиотека "Руниверс"

полверсты протянули высокую плотину; потом запрудили реку иструбами, набитыми землею» [1]. Эти данные представляют собой интерес, как основанные не только на литературных источниках, но и на непосредственном изучении автором остатков плотины 1607 г. (как указывает И. Афремов, «признаки плотины этой доселе видны против села Мяснова и при конце Хопра на Оружейной стороне») [2].

Изложенная нами история строительства плотины на Упе подтверждается данными записей приходо-расходных книг Иосифо-Волоколамского монастыря. В «расходной памяти» приехавшего в монастырь 4 августа 1607 г. «из-под Тулы з государевы службы» монастырского слуги Матвея Дирина содержится перечень расходов, произведенных М. Дириным под Тулой в связи с постройкой плотины: «куплен мешок на зоплот на запруду реке Упе под Тулою, дан 10 денег; у Степана у Курбатова взят мешок, дано ему 8 д.; Никифору Оладьину дано за мешок 3 д.; у Меркура Окоемова взят мешок, дано ему 9 д., насыпали туры на заплот, дано найму 5 алтын 3 д., дано Кляпу 1 д.; а сказал, что он дал от записки (засыпки? — *И. С.*) — туры насыпали; дано Игнатию Максимову 10 д., насыпали тур опчей ото всее сотни; дано от дела от топора 3 д.; точен топор, дано 1 д.; Нехорошему Иванову 10 д. за то, что он стоял у туров, как тур насыпали под городам» [3].

«Эта сухая, чисто деловая запись», по верному замечанию Г. Н. Бибикова, документально подтверждает «красочные и всегда казавшиеся чуть-чуть легендарными показания литературных источников» [4]. «Расходная память» Матвея Дирина подтверждает свидетельства источников как о технике строительства «заплота» на Упе (использование для запруды мешков с землей), так и об организации работ по постройке плотины. Как мы видели, «Карамзинский Хронограф» указывает, что «делали плотину всеми ратными с окладов». То же отмечается и в разрядах, сохранивших запись о том, что «збирали со всех людей да[то]шных людей и делали заплоту и Тулу потопили» [5].

Запись книг Иосифо-Волоколамского монастыря демонстрирует перед нами непосредственных участников строительства «заплота» в лице монастырских «даточных» людей. Упоминание в записи о насыпании «опчего тура» «ото всее сотни» указывает на то, что строительство отдельных сооружений плотины [6] или

[1] *И. Афремов*, цит. соч., стр. 167.
[2] Там же, стр. 167, примеч.
[3] «Исторический архив», т. I, стр. 16.
[4] Там же, стр. 9.
[5] *Белокуров*, стр. 12.
[6] Трудно сказать, что представляли собой «туры», которые «насыпали на заплот»: названа ли так самая земляная насыпь плотины, или же «туры» имели целью оборонять сооружаемую плотину от возможных вылазок со стороны осажденных.

Библиотека "Руниверс"

возведение ее участков было закреплено за войсковыми подразделениями («сотнями»), в составе которых находились «даточные» люди [1].

Значение записей приходо-расходных книг Иосифо-Волоколамского монастыря не исчерпывается, однако, лишь подтверждением и конкретизацией данных, известных из других источников. «Память» Матвея Дирина дает возможность установить время начала постройки плотины на Упе, датируя это событие временем до 4 августа 1607 г. Таким образом, на строительство и ввод в действие плотины на Упе ушло свыше двух месяцев.

В источниках имеется очень немного данных относительно того, что можно было бы назвать внутренней историей осажденной Тулы.

Между тем Тула, несомненно, жила очень интенсивной жизнью. Достаточно напомнить сообщение «Карамзинского Хронографа» о том, что «из Тулы вылоски были на все стороны *на всякой день по трожды и по четырежде*», чтобы признать, что такая активная оборона предполагала наличие очень решительного и твердого руководства действиями «тульских сидельцев» со стороны их руководителей. Можно привести еще одно свидетельство источников, относящееся к внутренней жизни Тулы. В тексте одной из жалованных грамот Василия Шуйского воспроизводится челобитная темниковского мурзы Ишея Барашева. Челобитная эта, поданная царю 13 октября 1607 г., знакомит нас с другой стороной деятельности руководителей восстания.

Ишей Барашев принимал участие в походе на Тулу князя И. М. Воротынского, был взят в плен и отведен в Тулу, откуда ему в конце концов удалось бежать. В своей челобитной Ишей

---

[1] Весьма своеобразную версию истории строительства плотины на Упе содержит «История царя В. И. Шуйского» Татищева.

По словам Татищева, после того как проект Кровкова был принят царем и боярами, «немедля нарядя людей, колико потребно было, октября 20 дня, велели тот час леса возить, землю копать и протчее со всякою прилежностью строить на месте, которое было всех уже и берега выше. Дня 26 совершилась сия работа, и ночью, ответчи все полки, которые на ниских местах стояли, 27 в ночь заперли ту плотину, через что к утру так наполнилось, что люди принуждены были бежать на кровли и, видя, что вода прибывает, думали, что и на кровлях все... (здесь, повидимому, пропущено слово «потонут». — *И. С.*). Потому тот час прислали просить милосердия» (ЦГАДА, Портфели Миллера, № 150 (№ 4), л. 11 об. — 12). В основе этого рассказа, повидимому (судя по тому, что даты строительства плотины обозначены по новому стилю), лежит источник иностранного происхождения, нам не известный. Особенностью приведенного рассказа является то, что весь процесс строительства плотины в нем ограничен недельным сроком. Но если оставить в стороне ошибочный календарь, то в рассказе, использованном Татищевым, содержатся очень интересные данные о том, как был пущен в ход механизм затопления Тулы. При этом детали, сообщаемые в рассказе, заставляют предполагать, что первоисточником данного известия послужили рассказы какого-то очевидца потопления Тулы.

Библиотека "Руниверс"

Барашев и рассказывает о своем пребывании в Туле. Вот этот рассказ в переложении царской грамоты: «...как было дело боярину нашему князю Ивану Михайловичу... (в рукописи пропуск. — *примеч. издателей*) с воры под Тулою, и он на том деле нам служил и болся явственно, и его взяли в полон, и приведчи на Тулу, били кнутом, и медведем травили, и на башню взводили, и в тюрьму сажали, и голод и нужду терпел, и с Тулы к нам пришел с вестьми» [1]. Итак, темниковский мурза был подвергнут целому ряду репрессий со стороны восставших и затем заключен в тюрьму. Из перечня репрессивных мер, которые называет Ишей Барашев, наиболее интересным является указание на то, что его «на башню взводили». Это сообщение естественнее всего сопоставить с известной уже нам процедурой суда в восставшей Астрахани. Процедура эта заключалась, как мы видели, в том, что обвиняемых после предварительного допроса вводили на «раскат» и затем или оправдывали, или, в случае осуждения, сбрасывали с «раската». Ключаревская летопись подчеркивает, что «на раскат вводили уже избитых, колесованных, без жил и без пяток» [2]. Если сопоставить с этим текстом слова челобитной Ишея Барашева, что его «били кнутом, и медведем травили, и на башню взводили, и в тюрьму сажали», то можно предположить, что и в Туле процедура суда включала в себя те же стадии, что и в Астрахани. Очевидно, «битье кнутом» и «травля медведем» были применены к Ишею Барашеву при допросе, а затем последовало уже «возведение на башню», т. е. суд, причем темниковскому мурзе удалось избежать смертного приговора, и он отделался лишь тюрьмой (откуда, очевидно, через некоторое время был освобожден, что и дало ему возможность бежать из Тулы) [3]. История с Ишеем Барашевым дает возможность на конкретном примере познакомиться с тем, что́ собой представляла власть в осажденной Туле.

[1] «Известия Тамбовской ученой архивной комиссии», вып. XXIII, стр. 102. Перепечатано в издании: «Документы и материалы по истории Мордовской АССР», т. I, Саранск 1940, стр. 217.

[2] Ключаревская летопись, Астрахань 1887, стр. 26, 27.

[3] Те же моменты в расправе восставших с их врагами отмечает в своей челобитной царю Михаилу Федоровичу мценский помещик Степан Рагозин. По словам С. Рагозина, «как, государь, заворовали Украинские города, и меня, холопа твоего, мценские воры метали з башни за то, что я, холоп твой, стоял за православную за крестьянскую веру и за ваше царьское имя; и после, государь, бою сидел я, холоп твой, во Мценске в тюрме год» (*Л. Сухотин*, Четвертчики Смутного времени, М. 1912, стр. 266. Восстание в Мценске относится к осени 1606 г.). Наконец, «бросание с башен» как способ расправы, применявшийся участниками восстания Болотникова, называет «Карамзинский Хронограф», рассказывая о том, как «в Украиных, в Полских и в Северских городах тамошние люди, по вражию наваженню, бояр и воевод и всяких людей побивали разными смертми, бросали с башен, а иных за ноги вешали, и к городовым стенам распинали, и многими разноличными смертми казнили» (*А. Попов*, Изборник, стр. 331).

Библиотека "Руниверс"

Другим источником, содержащим материал — и притом исключительно красочный — о жизни Тулы при Болотникове, является «Послание дворянина к дворянину»[1]. Автор «Послания», тульский помещик Иван Фуников, подобно Ишею Барашеву, попал в руки восставших, был доставлен в Тулу и «вкинут» в тюрьму, где и просидел 19 недель, т. е., как можно догадываться, до падения Тулы в октябре 1607 г. В своем «Послании» Иван Фуников, рассказывая о расправе с ним восставших «мужиков», рисует яркую картину жизни в осажденной Туле: «А мне, государь, тульские воры выломали на пытках руки и нарядили, что крюки, да вкинули в тюрьму; и лавка, государь, была уска и взяла меня великая тоска. А послана рогожа и спать не погоже. Седел 19 недель, а вон ис тюрьмы глядел. А мужики, что ляхи, дважды приводили к плахе, за старые шашни хотели скинуть з башни. А на пытках пытают, а правды не знают: правду де скажи, ничего не солжи. А яз им божился и с ног свалился и на бок ложился: не много у меня ржи, нет во мне лжи, истинно глаголю, воистинно не лжу. И они того не знают, больши того пытают. И учинили надо мною путем (!), мазали кожу дважды кожу кнутом».

Рассказ Ивана Фуникова о пытках, которым его подвергли тульские «мужики», раскрывает нам лицо крепостника-феодала, непримиримого врага восставших крестьян, для которого «мужики, что ляхи». С циничной откровенностью автор «Послания» говорит о своих «старых шашнях», за которые он чуть было не поплатился жизнью (характерно, что и по отношению к Фуникову восставшие намеревались применить такую казнь, как сбрасывание с башни!).

Судя по воспроизводимым в «Послании» ответам И. Фуникова во время его пытки: «не много у меня ржи, нет во мне лжи», тульские власти подозревали попавшего им в руки помещика в том, что у него где-то спрятан хлеб. Это делает понятной в условиях осажденной и голодающей Тулы ту настойчивость, с которой восставшие «мужики» пытались добиться от И. Фуникова сведений о ржи. Но автор «Послания» предпочел, чтобы ему «выломали руки», чем выдать сведения о спрятанном хлебе своим классовым врагам, заявляя с торжеством, что все попытки допрашивавших его «мужиков» добиться от него правды не привели ни к чему.

Субъективная цель рассказа И. Фуникова состояла в том, чтобы описать все постигшие его «беды и разорения».

Но помимо воли автора «Послания» он с исключительной силой раскрыл непримиримую противоположность классовых интересов крепостников-помещиков и восставших «мужиков» и

[1] См. прилож. III, стр. 540—543.

Библиотека "Руниверс"

столь же ярко показал, в чьих руках находилась власть в осажденной Туле, нарисовав картину того, с какой настойчивостью «мужики», державшие власть в Туле, осажденной Василием Шуйским, боролись за то, чтобы добыть хлеб для голодающего народа, хлеб, укрытый от них их бывшим господином.

Из иностранцев лишь Буссов и Геркман касаются внутренней жизни Тулы во время осады ее Шуйским. Как указывает Ф. Аделунг, Буссов во время осады «находился в Туле и на опыте узнал все ужасы осады, голод и бедствия» [1]. К сожалению, нам недоступна та редакция записок Буссова, которой пользовался Аделунг [2]. В тех же редакциях сочинения Буссова, которые опубликованы в издании «Rerum Rossicarum Scriptores Exteri» (т. I) и в «Сказаниях современников о Дмитрии Самозванце», текст значительно переработан и большинство мест, где упоминалось об авторе этого сочинения, исключено. Но если даже оставить открытым вопрос о том, был ли сам Буссов в Туле при Болотникове, то бесспорным фактом является то, что там находился его старший сын, тоже Конрад [3].

Итак, в описании осажденной Тулы Буссов выступает или в качестве очевидца, или как человек, имеющий сведения из первых рук. Это придает особое значение его рассказу.

Наиболее существенным в рассказе Буссова является то, что он сообщает о деятельности Болотникова. Деятельность эта (помимо руководства военными действиями) развертывалась по двум основным направлениям: поддержание стойкости в осажденных и принятие мер к получению помощи Туле извне.

Длительная осада, голод, особенно в сочетании с наводнением после постройки плотины на Упе, не могли не вызвать внутренней борьбы среди осажденных. По словам Буссова, «казаки и все жители Тулы (ganze Thulische Gemeinde) были очень недовольны Болотниковым и Шаховским, намереваясь схватить их и выдать врагу — Шуйскому» [4].

[1] *Ф. Аделунг*, Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 г. и их сочинений, ч. II, М. 1864, стр. 2.

[2] Аделунг пользовался для своей работы списком с Дрезденской рукописи сочинения Буссова, сделанным для Аделунга (*Аделунг*, цит. соч., ч. II, стр. 29). Но среди бумаг Ф. Аделунга, хранящихся в Архиве Академии наук СССР в Ленинграде, этого списка не имеется.

[3] Э. Герман приводит в приложении к своему сочинению «Geschihte des Russischen Staates» ряд выдержек из Дрезденской рукописи сочинения Буссова, в частности то место, где Буссов говорит о том, что Фридрих Фидлер был захвачен Шуйским в плен при взятии Тулы вместе с другими 52 немцами. Указав затем, что все эти немцы были сосланы в Сибирь, Буссов добавляет: «darunter ich dann leider auch einen Sohn mit habe». В другом месте, возвращаясь к судьбе сосланных в Сибирь немцев, Буссов вновь и еще более определенно говорит о своем сыне: «unter denen ich auch noch meinen ältesten Sohn Conrad Busso habe» (*E. Herrmann*, Geschichte des Russischen Staates, Bd. III, Hamburg 1846, S. 781).

[4] *Bussow*, стр. 76.

Библиотека "Руниверс"

Для Шаховского это «недовольство» кончилось тем, что «казаки и горожане Тулы (Kosacken und Bürger in Thula)» посадили его в тюрьму, «заявив ему, что раз он говорил, что Димитрий вместе с ним ушел из Москвы, то он не будет выпущен до тех пор, пока не придет Димитрий и они не освободятся от осады; если же Димитрий не придет, то они выдадут его, как виновника и зачинщика этой войны и кровопролития, его врагу Шуйскому» [1].

Напротив, Болотников не только не разделил участи Шаховского, но оказался в состоянии преодолеть колебания в рядах осажденных и укрепить в них решимость продолжать борьбу до конца.

Подчеркивая, что Болотников убеждал население осажденной Тулы в том, что «Димитрий жив», Буссов в присущей ему литературной манере изображает Болотникова говорящим речь, в которой Болотников заявляет жителям Тулы о своей верности «царю Димитрию»: «Он взял с меня клятву, что я буду ему верно служить. Я делал это до сих пор и буду делать и впредь, пока я жив» [2].

Само собою разумеется, что эта «речь Болотникова» может быть использована при характеристике деятельности Болотникова в осажденной Туле лишь как показатель того, какой позиция Болотникова представлялась Буссову. Но, взятая в этом плане, она ярко характеризует стойкость и убежденность Болотникова, его верность борьбе.

Именно таким рисует Болотникова и Геркман [3]. По его словам, когда в Туле начался голод, «народ начал роптать и

[1] *Bussow*, стр. 80 и 76.

[2] Там же, стр. 76.

[3] Сочинение Элиаса Геркмана «Историческое повествование о важнейших смутах в государстве Русском» появилось в свет в Амстердаме в 1625 г. К сожалению, мне не удалось установить историю появления этого произведения Геркмана. Ни Ф. Аделунг, ни В. Кордт в своих обзорах сочинений иностранных путешественников по России вовсе не упоминают о Геркмане. Ничего не говорит о нем Кордт и в своем «Очерке сношений Московского государства с Республикою Соединенных Нидерландов по 1631 г.» (Сб. РИО, т. 116, 1902). Р. Минцлов в предисловии к изданию сочинения Э. Геркмана ограничивается указанием на то, что Геркман «был замечательным поэтом» (Rer. Ross. Script. Ext., т. II, 1868, стр. IX). Редактор русского перевода сочинения Геркмана Е. Е. Замысловский высказывает мысль, что рассказ Геркмана «составлен по сведениям, собранным автором, как можно предполагать, во время его пребывания в Москве в царствование Михаила Федоровича» («Сказания Массы и Геркмана», стр. V). Из текста сочинения Геркмана, однако, нельзя установить, был ли сам Геркман в России вообще, тем более «в царствование Михаила Федоровича». Ибо ряд ссылок на очевидцев, с чьих слов Геркман описывает те или иные события (см. перечень этих мест у Е. Е. Замысловского, цит. место), не дает основания говорить, что рассказы этих очевидцев Геркман слышал именно в Москве: это могли быть рассказы вернувшихся из России голландцев.

Гораздо убедительнее в пользу пребывания Геркмана в России говорит знание им ряда фактов и деталей русской жизни того времени. Так, он,

Библиотека "Руниверс"

намеревался передаться царю. Однако Болотников, как храбрый начальник, убеждал жителей не сдавать города (так как он имел известие, что Димитрий со всем своим войском уже выступил в поход и что он достигнет [Тулы] через 8 или 9 дней), говорил, что им можно и должно защищаться 3 или 4 дня, что он надеется на помощь, что они могут убить его и съесть, если не сбудется сказанное им, если они не получат помощи. «Если, — говорил он, — вам нечем будет питаться, то я лучше всего сделаю, если предоставлю вам свой труп». *Таким образом день за днем он удерживал их,* пока они, измученные голодом, не стали есть вонючую падаль и лошадей, источенных червями» [1].

Эта характеристика, относящаяся к 20-м годам XVII в., показывает, что образ Болотникова как «храброго начальника» стойко держался в памяти современников. Совпадение же ее с характеристикой Буссова может служить одним из свидетельств в пользу достоверности последней.

Вторая черта в деятельности Болотникова, отмеченная Буссовым, показывает, с какой настойчивостью стремился Болотников добиться помощи осажденной Туле со стороны «царя Димитрия». Буссов трижды касается вопроса о посылке Болотниковым многочисленных гонцов «к своему господину, пославшему его в Россию», с требованием итти на выручку осажденной Туле, упоминая, между прочим, что одним из таких гонцов был Iwan Martinowitz Sarutzki [2].

Все эти попытки Болотникова установить связь с «царем Димитрием» и добиться от него помощи остались безрезультатными [3]. Но ни эти неудачи, ни падение Лихвина, Болхова и Белева, «очищенных» воеводами Шуйского [4], не сломили стойкости

подобно Буссову, но независимо от него знает прозвище Василия Шуйского «Шубник» (Sioebnik, «Сказания», стр. 292); упоминает, что у брата Василия Шуйского, Ивана Ивановича Шуйского, было прозвище «Пуговка» (Pugofki) (там же, стр. 278). В сочинении Геркмана можно найти целый набор русских слов и даже отдельных выражений: «московка» — монета (een moscoffken), «сын боярский» (sin Boiarske), «заутреня» (sautre), «кафтанишко» (cafftaentgien), «стрельцы» (strelsen), «холоп» (cholop), «царевич» (tsareewyts), «приставы» (prustaven), «дворня» (dwoornynen), «сотник» (stotnick), «вор и изменник» (voor ende ismenick), «колпак с сухарями» (kolpack vol suchari), «пан, дай денег» (paini day dengil), «москаль, дай денег» (Mosckal day pinonge) — польская фраза особенно любопытна! См. «Сказания Массы и Геркмана», стр. 289, 294, 295, 297, 298, 300, 304, 307, 287, 293, 307, 308.

Не считая возможным давать исчерпывающую оценку сочинения Геркмана как источника, я должен тем не менее признать, что нет оснований относиться к нему с особым скептицизмом лишь потому, что оно появилось десятью годами спустя после описываемых в нем событий.

[1] «Сказания Массы и Геркмана», стр. 299, 300. Курсив мой. — *И. С.*

[2] *Bussow*, стр. 76—78.

[3] Трудно сказать, куда в действительности направлялись эти посланцы Болотникова. Источники не дают возможности ответить на этот вопрос.

[4] ПСРЛ, т. XIV, стр. 76.

Библиотека "Руниверс"

осажденной Тулы. По словам Буссова, «измена этих трех городов (Болхова, Белева и Лихвина. — *И. С.*) помешала освобождению осажденных в Туле.

Но хотя они терпели страшные лишения от голода и наводнения, они все еще не сдавались, надеясь, *что вода спадет, и тогда они смогут вновь попытать счастья — пробиться сквозь вражеские войска и вырваться из осады*» [1]. Это последнее известие Буссова особенно интересно, так как оно показывает, что тактика Болотникова не исчерпывалась одними лишь оборонительными действиями в ожидании выручки осажденной Тулы войсками «царя Димитрия», и свидетельствует о наличии у него до самого последнего момента плана активных действий и разрыва кольца осадивших Тулу войск Василия Шуйского путем удара изнутри силами самих осажденных.

Тула пала 10 октября 1607 г. [2]

---

[1] *Bussow*, стр. 78. Курсив мой. — *И. С.*

[2] Вопрос о дате падения Тулы осложняется тем, что, помимо даты «10 октября», устанавливаемой на основании заявления в грамотах Шуйского, что «октября в 10 день... тульские сидельцы... нам великому государю добили челом и крест целовали» (СГГиД, т. II, № 154; ААЭ, т. II, № 81; Архив Строева, т. II, № 69), имеется другая версия, относящая падение Тулы к 18 октября 1607 г.

Так, Буссов указывает, что «Тула пала в день Симона-Иуды (am Tage Simonis Judae) 1607 г.» (*Bussow*, стр. 79), т. е. 28 октября по н. ст. или 18 октября по московскому календарю (*Арцыбашев*, т. III, стр. 106, примеч. 922). Само по себе это свидетельство Буссова не могло бы поколебать датировку падения Тулы днем 10 октября, ибо у Буссова наряду с верными датами встречаются и ошибочные. Но в данном случае датировка Буссова поддерживается таким источником, как «Рукопись Филарета», причем особенно интересно, что первоначально имевшаяся в тексте дата «10-е октября» была вычеркнута редактором и заменена датой «октября в 18 день» (Сборник Муханова, стр. 276). К 18 октября относит падение Тулы и «История царя Василия Ивановича Шуйского» Татищева. Из приведенного выше описания сооружения плотины на Упе следует, что Тула пала на другой день после того как «27 (октября. — *И. С.*) в ночь заперли ту плотину», т. е. 28 октября (очевидно, по новому стилю). Следует, наконец, отметить, что в «Подробной летописи от начала России до Полтавской баталии» также говорится, что «в Туле от гладу и от худой затхнувшейся воды принуждены сдаться октября 28 дня 1607 г.» («Подробная летопись», т. III, 1799, стр. 226).

Остается загадкой, что послужило поводом для возникновения версии о падении Тулы 18 (28) октября 1607 г., версии, столь устойчивой и ограженной в разнородных и независимых друг от друга источниках. Но принятой она быть тем не менее не может. Решающим доказательством в пользу достоверности даты «10 октября» является даже не то, что именно эту дату сообщают царские грамоты (если бы дело ограничивалось этим, то можно было бы заподозрить Василия Шуйского еще в одном случае политической лжи). Гораздо существеннее то, что к этой дате приводит изучение помет на грамотах, рассылавшихся Шуйским во время Тульского похода. Принадлежностью этих грамот, рассылавшихся Шуйским или боярам в Москву, или воеводам по разным, чисто деловым вопросам, является помета: «Писан[а] на

*

Библиотека "Руниверс"

Все источники единодушны в том, что «тульские сидельцы» прекратили свое сопротивление и сдались Шуйскому в силу своего «изнеможения» [1]. Четырехмесячная осада Тулы имела своим результатом страшный голод в блокированном городе. Правда, Н. де Мело в своем письме указывает, что Болотников, переходя из Калуги в Тулу, снабдил город «оружием и съестными припасами на 6 лет» [2]. Но, вероятно, ближе к истине Геркман, отмечающий, что Болотников, прибыв в Тулу, «не успел запастись провиантом, вследствие чего съестные припасы стали истощаться» [3].

Описания голода в осажденной Туле, даваемые современниками, напоминают, по употребленным в них выражениям, картины голода 1601—1603 гг. [4]

нашем стану под Тулою». Помету эту содержат грамоты от 6 июля 1607 г. (Акты Юшкова, № 270), 27 июля (Сб. РИО, т. 137, стр. 395), 8 и 11 сентября (там же, стр. 404), 18 сентября (Акты Юшкова, № 271).

Между тем грамота в Пермь, сообщающая о падении Тулы, имеет уже другую помету: «Писана на Туле лета 7116 октября в 13 день» (СГГиД, т. II, № 154). То, что такое изменение пометы не является случайным, подтверждает грамота Шуйского рязанскому воеводе Ю. Пильемову от 15 октября 1607 г., где мы тоже находим помету уже в новой редакции: «Писана на нашем стану на Туле лета 7116-го октября в 15 день» (Акты Юшкова, № 272). Содержание этой последней грамоты — инструкция Ю. Пильемову о порядке ведения военных действий — устраняет возможность заподозрить правильность рассматриваемой пометы. Таким образом, начиная с 13 октября Шуйский пишет свои грамоты не «под Тулой», а «на Туле», чем и решается вопрос о времени занятия им Тулы. Можно привести еще одно свидетельство в пользу датировки взятия Тулы днем 10 октября 1607 г. В жалованной грамоте Шуйского темниковскому мурзе Ишею Барашеву говорится между прочим: «В нынешнем во 116 году октября в 13 день были у нас крымские послы Сейказы Аталык с товарищи» («Материалы по истории Мордовской АССР», т. I, стр. 217). Вряд ли этот прием мог иметь место до падения Тулы.

Следует отметить, что помимо версии, относящей падение Тулы к 18 октября 1607 г., имеются и другие ошибочные даты дня падения Тулы. Так, «Карамзинский Хронограф» относит падение Тулы «на самой праздник Покров пречистыя» (*А. Попов*, Изборник, стр. 338), т. е. на 1 октября. В разрядах время взятия Тулы Шуйским определяется по-разному, но во всех случаях ошибочно: «в сентябре», «лета 116 году с осени», «во 116-м году перед Покровом» (*Белокуров*, стр. 12, 46, 173). Костомаров принимает 18 октября днем возвращения Шуйского в Москву (*Костомаров*, стр. 298).

[1] ПСРЛ, т. XIV, стр. 77.

[2] *W. Dyamentowski*, стр. 115.

[3] «Сказания Массы и Геркмана», стр. 299.

[4] «Рукопись Филарета»: «бысть на них глад велик зело, даж и до того дойде, якоже и всяко скверно и нечисто ядяху: кошки и мыши и иная подобная им» (Сборник Муханова, стр. 276; ср. РИБ, т. XIII, стб. 665); Буссов: «...всякий подвоз продуктов прекратился и началась неслыханная дороговизна и голод: ели собак, кошек, падаль, воловьи и коровьи шкуры. Бочка ржи (eine Tonne Rocken) стоила 100 польских флоринов, ложка соли — полталлера; пива также больше не существовало, и многие совершенно изнемогали и умирали от голода» (*Bussow*, стр. 75, 76).

Библиотека "Руниверс"

Бедствия осажденных возросли в неизмеримо большей степени в результате наводнения, вызванного устройством запруды на Упе: «...и людем от воды учала быть нужа болшая, а хлеб и соль у них в осаде был дорог, да и не стало» [1].

Единодушие источников в характеристике условий жизни в осажденной Туле исчезает, однако, при переходе к описанию обстоятельств падения Тулы.

Этот последний момент в истории борьбы под Тулой, по понятным причинам, привлекал особое внимание современников, и поэтому в отличие от более ранних моментов осады Тулы здесь не только нельзя жаловаться на недостаток источников, а, напротив, приходится говорить об их изобилии.

Официальная версия падения Тулы, известная нам по грамотам Василия Шуйского в Пермь и Сольвычегодск, имеет следующий вид: «Октября в 10 день... Тульские сидельцы, князь Андрей Телятевской и князь Григорей Шаховской, Ивашко Болотников и все тульские сидельцы, узнав свои вины, нам великому государю добили челом и крест нам целовали, и Григорьевского человека Елагина, Илейку, что назвался воровством Петрушкою, к нам прислали». В грамоте в Пермь к этому еще добавлено: «А вора Илейку послали есмя к Москве, чтоб всем людем наших государств такое воровское умышление было ведомо» [2].

Эту же официальную версию излагал в декабре 1607 г. П. Вразский ногайскому князю Иштереку, сообщая ему, что «ноября в 13 день присланы от государя ц. и в. к. Василья Ивановича в. Р. грамоты на Царицын к боярину и воеводам, к Федору Ивановичю Шереметеву с товарыщи, с астраханцом с-Ываном Растиславским, что божьим милосердием, государевы изменники тульские сидельцы князь Ондрей Телятевской, да князь Григорей Шаховской, да Ивашко Болотников и все тульские сидельцы великому государю ц. и в. к. Василью Ивановичу в. Р. добили челом, и вину свою принесли, и крест ему государю целовали, и Григорьевского холопа Елагина, Илюшку, которой воровством Петрушкою назывался, к государю привели» [3].

В «Новом Летописце» обстоятельства падения Тулы изображены несколько иначе: «Воры же, видя свое изнеможение, царю Василию здалися, и вора Петрушку взяша и угодника ево, всей крови заводчика, князя Григорья Шаховского: тут же взяша Ивана Болотникова и иных воров и отослаша их к Москве» [4].

---

[1] *А. Попов*, Изборник, стр. 337.

[2] СГГиД, т. II, № 154 — грамота в Пермь от 13 октября 1607 г.; ААЭ, т. II, № 81 и Архив Строева, т. II, № 69 — грамота в Сольвычегодск от 19 октября 1607 г.

[3] *Гневушев*, Акты, стр. 171, 172.

[4] ПСРЛ, т. XIV, стр. 77. Пунктуация моя. — *И. С.*

Библиотека "Руниверс"

Третья версия русских источников о падении Тулы представлена «Карамзинским Хронографом». Рассказ «Карамзинского Хронографа», очень подробный и обстоятельный, расчленяет описание падения Тулы на два этапа.

Предвестником падения Тулы, согласно этому источнику, явилось то, что, когда в Туле особенно усилился голод, «с Тулы к царю Василью в полки учели выходить всякие люди человек по сту, и по двести, и по триста на день, а поддостоль многие люди от голоду и воды стали выходить». Вслед за тем последовала и развязка: «И во 116-м году перед Покровом святыя богородицы дни за три и за два учали к царю Василью Ивановичю всеа Русии тульские осадные люди присылать бити челом и вину свою приносить, чтоб их пожаловал и вину им отдал, и оне вора Петрушку, Ивашка Болотникова и их («иных»? — *И. С.*) воров и изменников отдадут, и в город бы Тулу прислал своих государевых воевод и ратных людей. И на самой праздник Покров пречистыя, тульские сидельцы царю Василью Ивановичю всеа Русии добили челом и в город государевых ратных людей пустили; а в Тулу послан от царя Василья боярин Иван Федоровичь Крюк-Колычев, и с Тулы в полки прислали к царю Василью вора Петрушку, что назывался царевичем, да князь Ондрея Телятевскова, да вора Ивашка Болотникова, а тульских сидельцов привели ко крестному целованию за царя Василья» [1].

Литературные произведения русских писателей XVII в. — повести и сказания — не прибавляют чего-либо нового к тому, что содержат царские грамоты и «Новый Летописец». Так, А. Палицын кратко сообщает о том, что, взяв «потоплением водным» Тулу, Василий Шуйский, «ту начальствующих злодеем, ложноумышленного царевича Петрушу, холопа Свияжского головы стрелецкого Григория Елагина, нарицающася сына царя Федора Ивановича, и Ивана Болотникова, холопа же князя Ондрея Ондреевича, заводчика всей беде, поима» [2].

В Сказании, найденном М. Н. Тихомировым, обстоятельства падения Тулы изложены в одной фразе: «седящим же во граде, видя свою конечную погибель от воды, и отдаша царю Василию град Тулу и воров Петрушку и князя Телятевского и Шеховсково, Ивашка Болотникова и многих воров» [3].

«Иное Сказание» (воспроизводя в основе текст из «Хронографа» редакции 1617 г.) ограничивается указанием, что Шуйский, взяв Тулу, «прежереченнаго оного разбойника Петрушку, которой назывался сыном царевича Ивана Ивановича, того жива ухватил, и связана к Москве приведе, и по многим истязании по-

[1] *А. Попов*, Изборник, стр. 337, 338. (Текст исправлен по рукописи. — *И. С.*)

[2] РИБ, т. XIII, стб. 501 и 1000.

[3] *М. Н. Тихомиров*, Сказание.

Библиотека "Руниверс"

весити его повеле, и Ивашка Болотникова и протчих мятежников и клятвопреступников взя бесчисленное множество» [1].

В «Повести» Катырева-Ростовского падение Тулы изображается как сдача осажденных под влиянием голода: «И видя собя людие в толицей беде положенных, предаша град царю Василию и оного лживаго царевича предаша в руце его» [2]. Наконец, «Рукопись Филарета», принимая версию «Повести» Катырева-Ростовского, вводит в свой рассказ момент битья челом тулян Василию Шуйскому: «Туляня ж и сущии во граде, не стерпеша толикова глада и потопления, приидоша ко царю Василию и биша челом о своих винах царю Василью; и онаго лживаго царевича Петрушку и Ивашка Болотникова даша в руце его» [3].

Таков тот материал, который дают русские источники по вопросу о падении Тулы [4]. Сопоставление сведений русских источников с данными источников иностранных заставляет, однако, притти к выводу, что ни одна из версий русских источников о падении Тулы не может быть признана верной.

Наиболее важный момент, характеризующий обстоятельства падения Тулы, отсутствующий в русских источниках и подчеркиваемый источниками иностранными, — это переговоры между Болотниковым и Шуйским об условиях капитуляции Тулы.

Каково должно быть наше отношение к этим сообщениям иностранных источников? Для ответа на этот вопрос необходимо рассмотреть всю совокупность сведений источников о падении Тулы — как русских, так и иностранных.

Из иностранных источников, естественно, внимание привлекает прежде всего рассказ Буссова.

В изображении Буссова капитуляция Тулы явилась сознательным актом «царевича» Петра и Болотникова, рассчитывавших

---

[1] РИБ, т. XIII, стб. 115; ср. там же текст «Хронографа» (стб. 1300), отличающийся от текста «Иного Сказания» лишь отсутствием упоминания «Ивашки Болотникова».

[2] РИБ, т. XIII, стб. 587 и 665.

[3] Сборник Муханова, стр. 276.

[4] Некоторой неожиданностью является то, что разрядные записи не дают ничего существенного по вопросу о падении Тулы, ограничиваясь голой формулой о том, что «государь Тулу взял», — формулой, которая повторяется во всех редакциях разрядов (*Белокуров*, стр. 12, 46, 88, 91, 118, 145, 158, 173, 226). Даже простое упоминание имен руководителей восстания, взятых в Туле, содержится лишь в двух записях, причем первая из записей кратко сообщает, что «Тулу город и вора Петрушку и бояр ево князь Григорья Шаховского да Ивашка Болотников[а] с товарищи взяли» (*Белокуров*, стр. 12). Вторая же запись содержит очень красочные, но неверные сведения о казни «царевича» Петра и Болотникова, указывая, что Василий Шуйский «на Москве их велел казнить позорною смертию, посажать на колье на Болоте, за Москвою рекою» (там же, стр. 226). Что касается датировки взятия Тулы, то, как мы видели, она во всех без исключения разрядных записях ошибочна.

Библиотека "Руниверс"

таким путем спасти жизнь осажденных. События развертывались следующим образом:

«Димитрий все не приходил, и у осажденных в Туле исчезла всякая надежда на спасение. Люди едва держались на ногах от слабости. Князь Петр и Болотников начали переговоры с Шуйским (begonten Knees Peter und Polutnick mit dem Suski zu handeln), заявив ему, что если он сохранит им их жизни, то они готовы сдаться вместе с крепостью. Если же он на это не согласен, то они будут держаться до последнего человека, даже если бы им пришлось поедать друг друга.

Пораженный Шуйский заявил: хотя я поклялся не пощадить ни единого человека из осажденных в Туле, я согласен тем не менее сложить свой гнев на милость и готов даровать им всем жизнь за их мужество и верность присяге, данной ими Вору (einen Worn); пусть они служат мне и будут верны так же, как были верны ему. На этом он целовал свой крест и велел объявить им, что они все будут помилованы. Когда все совершилось, они передали Шуйскому крепость Тулу в день Симона-Иуды 1607 г. (Alss solches geschehen, übergaben sie dem Suski die Festung Thula am Tage Simonis Judae des 1607 Jahres)» [1].

Нарисовав затем красочную сцену выезда Болотникова из Тулы и диалога между ним и Шуйским, Буссов в заключение сообщает о судьбе Болотникова и Петра. Заняв Тулу, Шуйский «приказал Болотникова и князя Петра вместе с 52 немцами, находившимися с ними в Туле, отправить за приставами (mit Pristauen) в Москву. Немцам была предоставлена свобода идти к своим, князь же Петр и Болотников некоторое время охранялись так, что ни к ним никто не мог приходить, ни они не могли никуда выходить. Шуйский сдержал клятву, данную им обоим так, как и подобало такому человеку, как он. Князя Петра, который, возможно (об этом имеются важные сведения), был царского рода, он приказал повесить в Москве. Болотникова же он послал в Каргополь (nach Kerckenpol), велел держать его некоторое время в тюрьме и, в конце концов, выколол ему глаза и утопил» [2].

Итак, по Буссову, капитуляция Тулы явилась результатом соглашения между Болотниковым и Шуйским, по условиям которого царь обязался помиловать осажденное войско и его руководителей; расправа же с Петром и Болотниковым квалифицируется Буссовым как акт вероломства со стороны Шуйского.

Буссов не является единственным представителем такого взгляда на обстоятельства взятия Шуйским Тулы. Совершенно так же описывает в своих мемуарах историю падения Тулы архиепископ Елассонский Арсений. Свидетельство Арсения Елас-

---

[1] *Bussow*, стр. 79; ср. *Устрялов*, т. I, стр. 90, 91.
[2] Там же, стр. 80.

Библиотека "Руниверс"

сонского представляет не меньший интерес, чем рассказ Буссова. Если Буссов выступает как очевидец (или со слов очевидцев), то Арсений Елассонский, не будучи в Туле, «безотступно» жил в Москве в течение всего времени восстания Болотникова и обладал по самому своему положению доступом к высшим политическим и церковным кругам, что делало его исключительно осведомленным человеком [1].

Эта осведомленность бросается в глаза и при чтении его рассказа о падении Тулы.

Рассказ Арсения Елассонского имеет следующий вид: «Царь Василий, явившись в Тулу с многочисленным войском, осаждал ее в течение семи месяцев. С трудом она была предана ему после того как царь Василий дал клятву, что он не предаст смерти Петра и воевод, бывших с ним, и что он не причинит вреда ни гражданам, ни городу. И после того как город сдался, царь не сдержал своей клятвы и первого его воеводу Ивана Болотникова отправил в Москву на показ всем. И назначивши в Туле своего воеводу и судей, быстро отправился и сам в Москву, оставив город Калугу и другие города не взятыми... Упомянутого Петра, именуемого сыном царя Феодора, преступивши клятву (царь) повесил, а Ивана Болотникова, как достойнейшего мужа и сведущего в военном деле, и прочих с ним, удаливши в далекое изгнание, умертвил там. Итак, когда все это произошло, весь народ был весьма возмущен и пришел в негодование против царя» [2].

Таким образом, Арсений Елассонский, подобно Буссову, утверждает, что Шуйский добился сдачи Тулы лишь путем заверений осажденных в Туле, что никто из них, в том числе и их руководители, не будет подвергнут наказанию, а затем нарушил клятву и расправился как с «царевичем» Петром, так и с Болотниковым.

Третьим современником-иностранцем, примыкающим к рассматриваемой версии падения Тулы, является В. Диаментовский. Говоря точнее, в данном случае дневник В. Диаментовского сохранил в своем составе письмо одного из поляков, не названного

[1] Приехав в Москву в 1589 г., в связи с учреждением Московского патриаршества, Арсений затем остался в Москве, получив титул «архиепископа архангельского» от кремлевского Архангельского собора, к которому он был определен для своеобразных целей, которые в современном документе определены так: «На Москве же безотступно живет у царских гробов, у Архангела, архиепископ Еласунский, из грек, и служит завсегда по родителех государских» (АИ, т. II, № 355). Находясь в Кремле, Арсений принимал участие во всех важнейших политических событиях как при Лжедмитрии, так и при Василии Шуйском. В частности, он был в числе трех представителей высших церковных властей, с которыми Шуйский 3 февраля 1607 г. решал вопрос о посылке за бывшим патриархом Иовом в Старицу в связи с восстанием Болотникова (ААЭ, т. II, № 67, стр. 148. Подробнее см. у *Дмитриевского*, цит. соч., стр. 30—34).

[2] *А. Дмитриевский*, Архиепископ Елассонский Арсений и мемуары его из русской истории, 1889, стр. 138, 139.

Библиотека "Руниверс"

В. Диаментовским по имени ввиду особо секретного характера его письма. В этом письме и находится известие об обстоятельствах падения Тулы.

Письмо поляка-анонима приводится В. Диаментовским не целиком, а в выдержках («пунктах»), причем пунктам этим предшествует общая характеристика письма: «Некоторые пункты из письма около 25 (ноября 1607 г. — *И. С.*), одного из наших товарищей, находящегося тут же в Ярославле, но в другом, особом помещении, по некоторой причине. Это письмо он тайно прислал нам, ибо до него доходили вернейшие известия (если это правда)» [1].

Описанию падения Тулы посвящен 2-й пункт письма, который надлежит привести полностью: «2-е. Петрушка и Болотников несомненно в Москве. Болотников хотел устроить некую штуку, но она у него не вышла. Люди ушли из Тулы по заключенному им договору (za kontraktem jego), а сам он остался в оковах» [2].

Таково это интереснейшее известие. Несмотря на всю лаконичность его, оно представляет не меньшую, а, быть может, даже большую ценность, чем свидетельство Буссова и Арсения Елассонского. В то время как у названных лиц мы находим известия о Туле уже в обработанной форме, в составе литературных произведений, письмо польского анонима преследует совершенно иную, чисто практическую цель: снабдить находившихся в Ярославле ссыльных поляков достовернейшей и вместе с тем строго секретной информацией. Поэтому, если при анализе известий Буссова и Арсения Елассонского можно и должно поставить вопрос, не преследуют ли их сообщения о данной и нарушенной Василием Шуйским клятве Петру и Болотникову чисто публицистическую цель — тенденциозно изобразить ход событий, связанных с именем Шуйского, — то в данном случае о подобного рода тенденции не может быть и речи, ибо автор письма упоминает о «контракте», заключенном Болотниковым с Шуйским, лишь для того, чтобы излить свою досаду по поводу неискусной (с точки зрения автора письма) дипломатической деятельности Болотникова, обманутого Шуйским, и в то же время выразить удовлетворение тем, что расплачиваться за свои дипломатические неудачи пришлось самому Болотникову.

Рядом с дневником В. Диаментовского следует поставить данные других польских дневников: К. Савицкого (известного в выдержках и пересказе Велевицкого) [3], Будилы («История Ложного Димитрия») и С. Немоевского.

---

[1] *W. Dyamentowski*, стр. 117.

[2] Там же.

[3] Иезуиту Каспару Савицкому, тесно связанному с Лжедмитрием I, удалось уцелеть в событиях 17 мая 1606 г., и он пробыл в Москве, в доме польских послов Олесницкого и Гонсевского вплоть до их отъезда в Польшу

Библиотека "Руниверс"

Савицкий (Велевицкий), излагая историю падения Тулы, также обвиняет Шуйского в нарушении данного им при взятии Тулы обещания: «Он взял укрепленный и важный город Тулу после шестимесячной осады, и овладел там особою Петрушки, около 24 ноября (!). Он и какой-то Болотников были перевезены в Москву 30 октября, и вскоре потом Петрушка, вопреки данному ему обещанию, по приказанию Шуйского был повешен» [1].

Та же версия содержится и в «Истории Ложного Димитрия»: «Когда осажденные стеснены были водой и голодом, то (Болотников. — *И. С.*), получив удостоверение от Шуйского, что им всем дарована будет жизнь, сдался ему; но Шуйский, вопреки обещанию и клятве сохранить им жизнь, приведши их в Москву, Петра повесил, Болотникова с 4000 людей утопил» [2].

Особняком от рассмотренной группы польских источников стоит дневник С. Немоевского.

В изображении С. Немоевского ответственным за гибель «царевича» Петра оказывается не Шуйский, а... Болотников, «выдавший» Петра царю: «Болотников, сговорившись с другими, связали Петрушку и выдали великому князю, а крепость сдали. Государь с благодарностью принял от них это предательство. Петрушку он приказал связанного, на кляче, без шапки везти в Москву; продержав в заключении несколько недель, его вывели на площадь и убили ударом дубины в лоб. Болотникова же, выдавшего его, Шуйский сослал в тюрьму в Каргополь, в 30 милях за Белоозером — по правилу: «господа охотно видят предательство, предателями же брезгуют» [3].

Приведенный текст находится в дневнике С. Немоевского в записи под 9 февраля (н. ст.) 1608 г. Запись начинается с сообщения о том, что на Белоозеро, где находился С. Немоевский,

---

в 1608 г., когда с ними уехал и К. Савицкий. К. Савицкий оставил дневник, охватывавший время его пребывания в России. Оригинал дневника К. Савицкого не сохранился, но его дневник был использован Я. Велевицким в сочинении последнего «Historicum diarium domus professiae Societatis Jesu Cracoviensis». По мнению П. Пирлинга, Велевицкий «то передавал своими словами содержание дневника, то просто вставлял целые выдержки из него, вероятно даже дословно» (*П. Пирлинг*, Из Смутного времени, стр. 237). Биографические данные о К. Савицком см. *П. Пирлинг*, Димитрий Самозванец, 1912, стр. 377 и 409; также *В. Кордт*, Чужоземні подорожні, стр. 78, 79. Отрывки из сочинения Велевицкого издал в русском переводе П. А. Муханов в приложении к «Запискам гетмана Жолкевского». Полностью сочинение Велевицкого опубликовано в издании Краковской Академии наук «Scriptores Rerum Polonicarum». Годам 1600—1608 посвящен т. X (Краков 1886).

[1] «Записки гетмана Жолкевского о Московской войне», изданные П. А. Мухановым, изд. 2, 1871, прилож., стб. 195, 196.

[2] РИБ, т. I, стб. 122, 123. В русском тексте переводчик передает соответствующий безличный оборот подлинника словами: «Самозванец, получив удостоверение», и т. д. Но из контекста видно, что здесь подразумевается не Петр, а Болотников.

[3] *S. Niemojewski*, стр. 235 (русский перевод — стр. 218).

Библиотека "Руниверс"

«приехал посадский человек из Москвы», от которого, «через стрельца», поляки («наши») «узнали, что на этих днях казнен Петрушка». Вслед за тем С. Немоевский помещает краткое описание Тульского похода Шуйского, заканчивая это описание обвинениями Болотникова в предательстве. Такая конструкция записи может создать впечатление, что все содержание записи от 9 февраля представляет собой рассказ московского посадского человека. В этом случае запись приобрела бы значение важного источника. Но такая интерпретация записи от 9 февраля является невозможной. В действительности рассказ о Тульском походе присоединен С. Немоевским к первоначальной краткой записи о казни Петрушки позднее, очевидно при обработке дневника. Этот вывод с бесспорностью вытекает из факта нахождения в этой записи известия о ссылке Болотникова в Каргополь. Получение сведений о ссылке Болотникова в Каргополь от посадского человека из Москвы полностью исключается, ибо в феврале 1608 г. Болотников находился еще в Москве и был отправлен в Каргополь лишь в марте 1608 г., как об этом свидетельствует В. Диаментовский, отметивший в своем дневнике, под 10 марта (н. ст.) 1608 г., что Болотникова «привезли» в Ярославль проездом в Каргополь [1].

Таким образом, откуда получил сведения С. Немоевский, — остается неизвестным. По существу же С. Немоевский повторяет официальную версию царских грамот о взятии Тулы, лишь окрашивая ее эмоционально выражением ненависти к Болотникову.

Чтобы закончить обзор свидетельств иностранцев — современников восстания Болотникова, необходимо рассмотреть рассказы Исаака Массы и Паэрле. К сожалению, Масса, очевидно, был плохо осведомлен о событиях под Тулой, и это отразилось на его рассказе о взятии Шуйским Тулы. Масса ограничивается лишь кратким замечанием, что «московиты с (помощью) измены» «взяли Тулу». Что же касается судьбы «царевича» Петра и Болотникова, то Масса сам признает противоречивость тех сведений, которыми он обладал по этому вопросу, указывая на наличие двух версий об обстоятельствах захвата Болотникова Шуйским: «Одни говорили, что он сам себя выдал, другие говорят, что его предали». Неосведомленность Массы в вопросе о судьбе «царевича» Петра и Болотникова видна и из того, что он разделяет во времени пленение Петра и Болотникова, рассказывая о том, как восставшие уже после захвата Шуйским «царевича» Петра, «чтобы воспрепятствовать дальнейшим успехам московитов, отправили против них отважного витязя Болотникова с войском». В представлении Массы Болотников был захвачен Шуйским именно во время этого (явно не существовавшего. — *И. С.*) похода [2]. Надо

[1] *W. Dyamentowski*, стр. 128.
[2] *И. Масса*, стр. 173.

Библиотека "Руниверс"

отметить также, что самый текст этого места записок Массы недостаточно ясен. Масса относит захват Болотникова к тому моменту, когда шли переговоры «с поляками и казаками» [1]. Переводчики этого места интерпретируют его так, как будто эти переговоры вели «мятежники» (т. е. Болотников). Но не имеет ли здесь в виду Масса под «поляками и казаками» самих «мятежников» (т. е. Болотникова), переговоры с которым вели воеводы Шуйского? При такой интерпретации рассказа Массы пленение Болотникова падает на время его переговоров с Шуйским [2].

Еще меньше материала дает Паэрле, отмечающий лишь, что Тула была принуждена к сдаче «недостатком съестных припасов», а также, что «простым ратникам великий князь даровал жизнь, а двух главных мятежников отправил в Москву пленниками» [3].

Вслед за свидетельствами иностранцев — современников восстания Болотникова — необходимо обратиться к сочинению Геркмана. Как мы уже отмечали выше, при рассмотрении вопроса о деятельности Болотникова во время осады Тулы, сочинение Геркмана не может иметь значения решающего источника для истории восстания Болотникова. Но данные, содержащиеся в нем, представляют тем не менее большой интерес, так как знакомят нас с традицией, существовавшей в 20-х годах XVII в. по вопросам о событиях, связанных с восстанием Болотникова.

Геркман уделяет много места описанию последнего момента в истории борьбы под Тулой.

---

[1] *И. Масса*, стр. 173.

[2] См. оригинал сочинения Исаака Массы в издании Rerum Rossicarum Scriptores Exteri, т. II, 1868, стр. 119.

[3] *Устрялов*, т. I, стр. 221. Следует отметить, что рассказ Паэрле явился источником одной хронологической ошибки, допущенной С. Ф. Платоновым. Паэрле сообщает, что «царевича» Петра и Болотникова «привезли (в Москву. — *И. С.*) торжественно 20 октября» (там же, стр. 221). Платонов, принимая это известие Паэрле, пишет: «Через 10 дней (после взятия Тулы. — *И. С.*), 20-го октября, в Москву торжественно, при множестве зрителей, привезли царских пленников царевича Петра Феодоровича и воеводу Ивана Болотникова» (*Платонов*, Очерки, стр. 343). Эта дата, сообщаемая Паэрле, однако, никак не может быть принята. С. Ф. Платонов почему-то упустил из виду, что Паэрле пользуется в своем сочинении календарем нового стиля: так, въезд в Москву Лжедмитрия I он датирует «30 июня 1605 г.» (там же, стр. 174), приезд Марины Мнишек в Москву — «11 мая 1606 г.» (там же, стр. 180); свадьбу Лжедмитрия I — «18 мая 1606 г.» (там же, стр. 185); убийство Лжедмитрия I — «27 мая 1606 г.» (там же, стр. 190), приезд польских послов (не точно) — «25 октября 1607 г.» (там же, стр. 220). По старому стилю перечисленные события имели место соответственно: 20 июня 1605 г.; 1 мая, 8 мая, 17 мая 1606 г.; 12 октября 1607 г. Таким образом, «20 октября» в переводе на русский календарь дает 10 октября, т. е. самый день падения Тулы, что исключает возможность появления в этот день в Москве Петра и Болотникова.

Из русских источников об отсылке в Москву «царевича» Петра сообщает грамота Шуйского в Пермь от 13 октября (но не упоминая о Болотникове).

Библиотека "Руниверс"

Причиной, побудившей Болотникова решиться на прекращение борьбы, было, по мнению Геркмана, то, что доведенные до крайности и отчаяния жители Тулы «постановили единогласно предаться царю заблаговременно, в надежде, что они милостиво будут им приняты». Такая позиция осажденных исключала возможность дальнейшего сопротивления. В такой обстановке Болотников заявил, что он решил «попытаться заключить выгодный договор» с Шуйским. При этом Болотников решительно отверг мысль о том, чтобы сдаться на милость победителя («выйти из города, броситься к ногам царя и просить о пощаде»), заявив, что «он охотнее будет сражаться до последней возможности», если переговоры окончатся безрезультатно.

Однако переговоры закончились заключением соглашения между Болотниковым и Шуйским. Говоря о переговорах между Болотниковым и Шуйским, Геркман описывает и самую процедуру ведения переговоров — такие детали, как обмен заложниками между сторонами во время переговоров, а также поездки представителей Болотникова, ведших переговоры, к Болотникову за инструкциями. В заключение Геркман приводит и самый текст договора, заключенного Болотниковым с царем:

«Заключен был следующий договор:

1. Желающим предоставить право в полном вооружении свободно выступить и отправиться туда, куда они пожелают итти.

2. Желающих поступить на службу к его царскому величеству принять и назначить им жалованье подобно другим солдатам.

3. Петра Феодоровича, выдающего себя за царевича, отпустить, не причиняя ему вреда, туда, куда он пожелает итти.

4. Ивана Исаева беспрепятственно отпустить и предоставить ему полную свободу.

Шуйский поклялся своей короной в соблюдении и исполнении этих условий.

На этих условиях город был сдан. . .» [1]

Затем Геркман подробно описывает расправу Шуйского с «царевичем» Петром и Болотниковым, рассказывает, ссылаясь на очевидцев, о казни «царевича» Петра и, наконец, сообщает о судьбе Болотникова: «Продержав известное время в Москве Ивана Исаева Болотникова, отправили его в Каргополь (город на севере России, на границе Карелии, обитаемой диким (barbarisch) народом), где его и убили» [2].

Заканчивает Геркман обвинением Шуйского в нарушении своей клятвы: «Отсюда видно, как точно сдержал присягу царь Василий Иванович, хотя он и клялся своею короною» [3].

---

[1] «Сказания Массы и Геркмана», стр. 300—302.
[2] Там же, стр. 304.
[3] Там же.

Библиотека "Руниверс"

Обзор свидетельств русских и иностранных источников по вопросу о падении Тулы показывает наличие по крайней мере трех версий:

1. Падение Тулы произошло в результате принесения повинной царю осажденными, во главе с Болотниковым, выдавшими Шуйскому «царевича» Петра.

2. Тула капитулировала на основе соглашения между Болотниковым и Шуйским, по условиям которого царь обещал помилование участникам борьбы в Туле и гарантировал сохранение жизни и свободы «царевичу» Петру и Болотникову; но это соглашение и клятва Шуйского были им нарушены, и Петр и Болотников казнены.

3. Петр и Болотников были выданы Шуйскому самими «тульскими сидельцами», впустившими в Тулу воевод Шуйского и целовавшими крест царю.

Из этих трех версий наибольший скептицизм вызывает, естественно, первая версия — версия царских грамот. Мы уже неоднократно отмечали, что сознательное извращение событий и прямая ложь являлись одним из излюбленных методов, применявшихся правительством Шуйского в политической борьбе.

Образцом применения такого приема могут служить грамоты, рассылавшиеся по городам после сражения 2 декабря 1606 г., где Шуйский изображает перешедшего на его сторону И. Пашкова как взятого в плен, а Тулу и Калугу называет в числе городов, «добивших» царю челом [1].

Еще более ярким примером сознательной лжи Шуйского является грамота пермскому воеводе от 26 мая 1607 г., в которой Шуйский, со ссылкой на то, что «мая в 19 день писали к нам из Астороxани боярин наш и воевода Федор Иванович Шереметев с товарыщи», заявляет, что «астороxанские и терские изменники, воры и богоотступники, узнав свои воровския затейныя вины, нам добили челом и крест нам все целовали» [2]. Царь предписывал воеводе объявить о принесении повинной астраханцами во всеобщее сведение и устроить торжественную церковную службу по случаю победы царя. В действительности, однако, никакой победы не было, и астраханцы не только не «добили челом» Шуйскому, но, напротив, своей борьбой против Шереметева вынудили Шуйского приказать осенью 1607 г. Шереметеву отступить с своим войском от Астрахани к Царицыну [3].

Особый интерес майской грамоты Шуйского по случаю мнимого «обращения» Астрахани состоит в том, что сопоставление ее с октябрьскими грамотами в связи со взятием Тулы обнаружи-

[1] ААЭ, т. II, № 60.
[2] СГГиД, т. II, № 153.
[3] *Гневушев*, Акты, стр. 171.

Библиотека "Руниверс"

вает полное тождество выражений, в которых сообщается о «победах» царя:

ГРАМОТА ОТ 26 МАЯ 1607 г.	ГРАМОТА ОТ 13 ОКТЯБРЯ 1607 г.
«...божиею милостью и пречистыя богородицы молитвами и великих чудотворцев Астороханские и Терские изменники, воры и богоотступники, узнав свои воровские затейные вины, нам добили челом и крест нам все целовали».	«...божиею милостию и пречистыя богородицы и великих чудотворцев молитвами, и нового страстотерпца благоверного царевича князя Дмитрея Ивановича помощию и заступлением..., все Тульские сидельцы, узнав свои вины, нам великому государю добили челом и крест нам целовали».
(предписание сообщить о победе царя) «пермичам посадским и торговым и всяким людем».	(предписание идти с грамотой в соборную церковь) «а с вами... всякие торговые и посадские люди, пермичи и приезжих городов».
«...и они, то слыша хвалу богу воздали, и молили всемилостиваго бога и пречистую его матерь и всех святых о великих чудесех божиих, и о нашем многолетним здравье, и о всем православном христианстве». (СГГиД, т. II, № 153.)	«...и о том бы есте неизреченном милосердии божии воздали хвалу всесильному, в троице славимому богу, и пречистой его матери, и великим чудотворцом... а молили бы есте бога о нашем царском многолетном здравии и о всем православном христианстве». (СГГиД, т. II, № 154.)

Таким образом, в обоих случаях в грамотах использован один и тот же формуляр, представляющий собой официальную формулу, употреблявшуюся правительством Шуйского для извещения населения о победах царя над восставшими. Отсюда следует, что формула октябрьских грамот о том, что «тульские сидельцы, узнав свои вины... добили челом», столь же мало заслуживает доверия, как грамота от 26 мая 1607 г., где мы встречаем эту же формулу в применении к «астраханским изменникам».

Гораздо более вероятной и правдоподобной представляется версия «Карамзинского Хронографа», что «царевич» Петр и Болотников были выданы Шуйскому самими «тульскими сидельцами», чтобы этой ценой спасти себе жизнь.

Общий характер «Карамзинского Хронографа» как источника; подробность и обстоятельность его рассказа об осаде Тулы и вообще о Тульском походе Шуйского; насыщенность известия о падении Тулы рядом конкретных деталей (вроде указания на количество перебежчиков из Тулы: «человек по сту и по двести и по триста на день») — все это говорит в пользу достоверности его известия. К этому надо добавить, что и рассказ «Нового Летописца» скорее ведет нас к версии «Карамзинского Хронографа», чем к версии царских грамот, умалчивая о «битье челом» царю и употребляя выражение «взяша» при рассказе о судьбе руководителей

Библиотека "Руниверс"

восстания («вора Петрушку *взяша*, и угодника его, всей крови заводчика, князя Григорья Шаховского; ту же *взяша* Ивана Болотникова и иных воров»).

Можно полагать, что именно по такого рода соображениям Платонов принял в качестве истинной версии версию «Карамзинского Хронографа», не считая нужным даже подвергнуть критическому рассмотрению остальные версии источников по этому вопросу, ограничившись лишь глухой ссылкой (в примечании) на Арцыбашева, у которого также за основу изложения принят рассказ «Карамзинского Хронографа», а известия Буссова («Бера») и Паэрле даны под иронической рубрикой: «Вот прикрасы» [1].

Однако прямое и безоговорочное принятие версии «Карамзинского Хронографа» влечет за собой ряд трудностей в истолковании некоторых фактов (не говоря уже о том, что при таком решении вопроса игнорируется и признается заведомо недостоверной целая большая группа источников — свидетельства современников-иностранцев).

Наибольшую трудность с точки зрения версии «Карамзинского Хронографа» представляет объяснение того факта, что Болотников не был казнен, а лишь сослан в Каргополь и уже там тайно умерщвлен. Если бы Болотников и Петр были просто «взяты», как это изображено в «Карамзинском Хронографе», то непонятно и необъяснимо, почему Болотников не разделил немедленно участи «царевича» Петра. Гораздо логичнее в этом отношении излагает дело, исходя из версии, что Петр и Болотников были «взяты» Шуйским, одна из разрядных записей, указывающая, что «во 116 году царь Василей Иванович ходил под Тулу и вора Петрушку, что было назвался царевичем, и Ивашка Болотникова взял и на Москве их велел казнить позорною смертью, посажать на колье на Болоте за Москвою рекою» [2]. В действительности, однако, в Москве, как мы знаем, был казнен (повешен) лишь «царевич» Петр.

Продолжая рассмотрение версии «Карамзинского Хронографа», следует сказать, что если признать ее соответствующей действительному ходу событий, то в этом случае становится логически непонятным появление официальной версии царских грамот. В самом деле, если Болотников — бесспорно, и в глазах правительства Шуйского наиболее видный руководитель восстания — был «выдан» вместе с «царевичем» Петром, то зачем в таком случае правительству Шуйского нужно было изображать Болотникова как «бившего челом» и принесшего повинную? Не выгоднее ли было бы с точки зрения интересов правительства Шуйского

[1] *Платонов*, Очерки, стр. 343 и примеч. 112; *Арцыбашев*, т. III, стр. 166, примеч. 922.

[2] *Белокуров*, стр. 226.

Библиотека "Руниверс"

повторить ту версию, что и «Карамзинский Хронограф», т. е. что обратившиеся на путь истины «тульские сидельцы» передали в руки правосудия своих совратителей с истинного пути?

Таким образом, если версия царских грамот должна рассматриваться как весьма сомнительная в плане соответствия ее действительности, то самый факт наличия этой версии свидетельствует о том, что правительство Шуйского вынуждено было по каким-то мотивам выдвинуть версию о раскаянии Болотникова (что должно было повлечь за собой его помилование), явно лишнюю и невыгодную Шуйскому, если бы Болотников и Петр попали в его руки, будучи выданы своими же сторонниками.

Необходимо обратить внимание и еще на одно обстоятельство, не отмеченное исследователями. Дело в том, что само известие «Карамзинского Хронографа», повидимому, является сложным по своему составу, ибо заключительная часть рассказа о взятии Тулы, слова: «Вора Петрушку велел повесить под Даниловым монастырем, по Серпуховской дороге, а Ивашка велел сослать в Каргополь и посадить в воду», — напечатанные в издании А. Попова в скобках, — в рукописи представляют собой вставку в основной текст, сделанную другим почерком и другими чернилами [1]. (Впрочем, очевидность того, что фраза об участи «царевича» Петра и Болотникова является вставкой, разрывающей основной текст, выступает уже при чтении печатного текста.) Но из этого следует важный вывод: автору основного текста рассказа «Карамзинского Хронографа» судьба Болотникова и «царевича» Петра осталась неизвестной [2]. В этом, вообще говоря, нет ничего невероятного. Если признать вместе с Платоновым, что автором «Карамзинского Хронографа» был арзамасец Баим Болтин, описывавший события восстания Болотникова со слов арзамасских помещиков — участников похода на Тулу [3], если учесть также, что после взятия Тулы Шуйский тут же, под Тулой, «городы Замосковные ближные и дальные и Заречные и резанцов велел всех отпустить по домом» [4], то это объясняет и большую осведомленность «Карамзинского Хронографа» в живых деталях обстановки под Тулой

[1] Во втором из сохранившихся списков «Карамзинского Хронографа» (Рукописное отделение Библиотеки имени Ленина, рукопись «Общества истории и древностей Российских», № 183, л. 244 об.) фраза о казни Петра и Болотникова отсутствует вовсе. Это важное обстоятельство не отмечено С. Белокуровым в его издании «Разрядные записи за Смутное время».

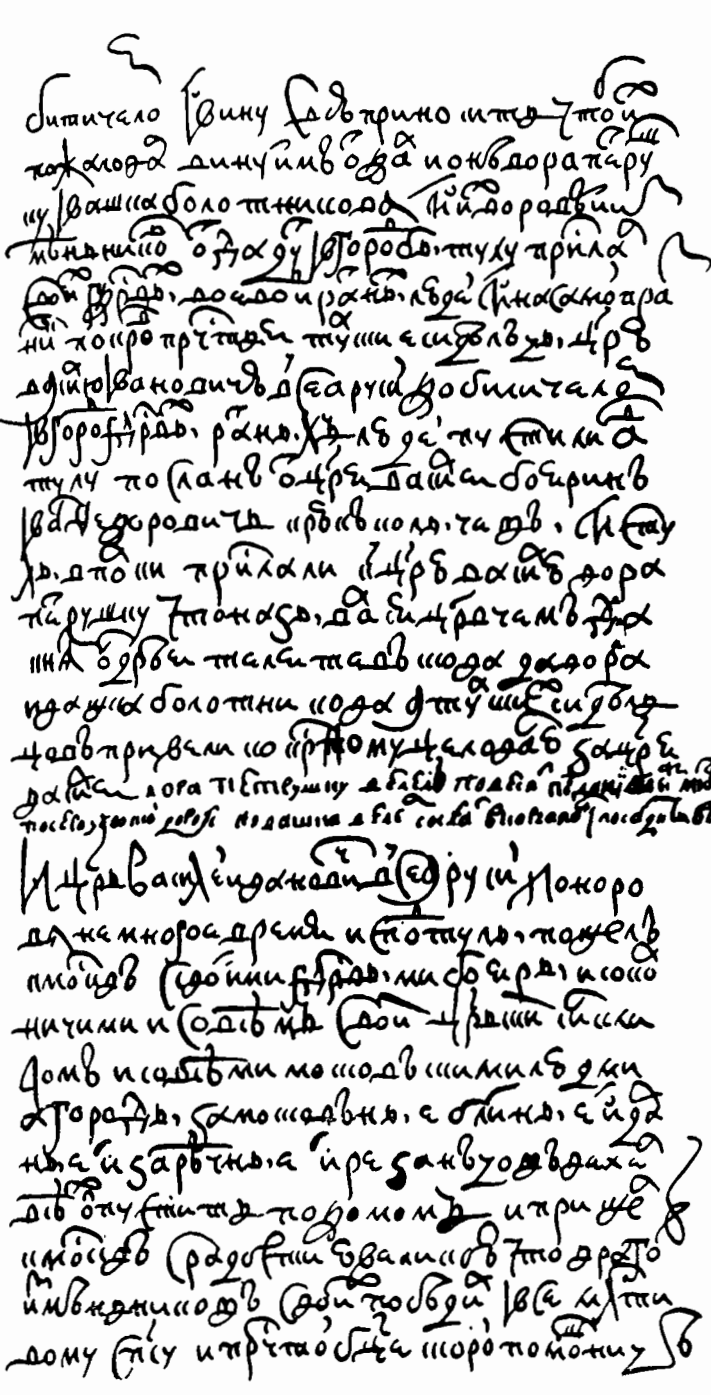
За просмотр московской рукописи «Карамзинского Хронографа» приношу благодарность Е. Н. Кушевой.

[2] Можно думать, что вставка в текст «Карамзинского Хронографа» о судьбе Болотникова и «царевича» Петра представляет собой разрядную запись, аналогичную приведенной нами выше — о казни Петра и Болотникова «на Болоте, за Москвою рекою».

[3] *Платонов*, Статьи по русской истории, изд. 2, стр. 425—427.

[4] *А. Попов*, Изборник, стр. 338. (Текст исправлен по рукописи. — *И. С.*)

Библиотека "Руниверс"



ЛИСТ «КАРАМЗИНСКОГО ХРОНОГРАФА» СО ВСТАВКОЙ О СУДЬБЕ БОЛОТНИКОВА И «ЦАРЕВИЧА» ПЕТРА

(Рукописное отделение Государственной Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина).

Библиотека "Руниверс"

(упомянутые уже нами данные о перебежчиках), и незнание того, что случилось с Петром и Болотниковым после того, как арзамасцы — информаторы Баима Болтина — разъехались из полков по домам. Предлагаемая постановка вопроса о происхождении и источниках рассказа «Карамзинского Хронографа» о взятии Тулы объясняет и такую его особенность, как ошибочная хронология — отнесение падения Тулы «на самой праздник Покров», т. е. на 1 октября, тогда как в действительности падение Тулы произошло 10 октября.

Подводя некоторые итоги рассмотрению известия «Карамзинского Хронографа», следует признать, что степень достоверности этого источника определяется характером его происхождения. В основе его, несомненно, лежит живой рассказ очевидца, участника осады Тулы. Но этот рассказ принадлежит лицу, изображающему события так, как они представляются ему на основании непосредственных впечатлений и собственных воспоминаний. Так как лицом этим являлся мелкий служилый человек — арзамасец, то он и рассказывает о событиях так, как они представлялись в кругу рядовых участников полков Шуйского, стоявших под Тулой [1]. Все это заставляет сделать следующий вывод. Рассказ «Карамзинского Хронографа» — источник очень ценный и важный. Но он также требует критического разбора и проверки и не может быть просто принят за достоверное изображение фактов.

Итак, вопрос об обстоятельствах падения Тулы не может быть решен простым принятием версии «Карамзинского Хронографа». Это обязывает нас продолжить рассмотрение источников по данному вопросу и обратиться к рассмотрению той версии, которая представлена свидетельствами иностранных источников.

Соловьев, кладя в основу изложения обстоятельств падения Тулы рассказ Буссова, обосновывает свое решение вопроса двоякого рода соображениями. Отмечая, что «известия об этих событиях (взятие Тулы. — *И. С.*) не вполне ясны», Соловьев формулирует подлежащий решению вопрос так: «Летописец русский не говорит об обещании помилования, данном Болотникову, Илейке, Шаховскому и Телятевскому. Буссов говорит об обещании, данном Болотникову и Илейке». Решает Соловьев поставленный вопрос в пользу Буссова, хотя и в осторожной форме: «Тайная казнь Болотникова как будто указывает на обещание и подтверждает показание Буссова. Но если принять верность показания Буссова относительно Болотникова, то надо принять верность его и

[1] Не лишне напомнить, что полк князя А. В. Голицына, в составе которого находились арзамасцы, входил в ту группу полков, которая стояла на правом берегу Упы, а не на левом, где была царская ставка. Это обстоятельство оказывало, конечно, влияние на степень осведомленности арзамасцев о событиях в царском лагере.

Библиотека "Руниверс"

относительно Илейки, а именно, что и последнему дано обещание помилования» [1].

Но помимо этих соображений логического порядка, говорящих в пользу свидетельства Буссова, Соловьев ищет ответа на вопрос о достоверности версии Буссова в самом характере общей политической обстановки, в которой происходила заключительная стадия борьбы под Тулой. И здесь Соловьев выдвигает чрезвычайно важное соображение, говорящее в пользу версии Буссова о том, что сдаче Тулы предшествовали переговоры между Болотниковым и Шуйским и что Шуйский обещал осажденным помилование в случае их капитуляции. По мнению Соловьева, *«Шуйский, имея уже на плечах второго Лжедимитрия, естественно должен был хотеть как можно скорее избавиться от Лжепетра и Болотникова и потому обещал помилование»* [2]. Ища объяснение позиции Шуйского в особенностях политической обстановки в момент падения Тулы, Соловьев позицию Болотникова — решение начать переговоры с царем — объясняет, однако, чисто психологически: «В страшное время смуты, всеобщего колебания, человек, подобный Болотникову, не имевший средств узнать истину касательно событий, мог в самом деле думать, что исполнил свой долг, если до последней крайности верно служил тому, кому начал служить с первого раза» [3].

Это последнее звено в аргументации Соловьева является наиболее слабым. Но вместе с тем необходимо признать, что своим источниковедческим анализом известия Буссова и привлечением в качестве критерия для проверки достоверности свидетельства Буссова данных, характеризующих политическую обстановку момента, Соловьев сделал очень много не только для выяснения достоверности известия Буссова, но и для решения в целом вопроса об обстоятельствах падения Тулы.

Главной заслугой Соловьева в анализе вопроса об обстоятельствах падения Тулы является его мысль о том, что возможность переговоров между Болотниковым и Шуйским крылась в самой политической обстановке момента, толкавшей царя к тому, чтобы любым путем добиться прекращения военных действий под Тулой, хотя бы даже ценой обещания помилования вождей восстания. Однако в анализе Соловьева переговоры между Болотниковым и Шуйским рассматриваются как вероятная, но чисто абстрактная возможность. Между тем можно отметить по крайней мере три момента, говорящих в пользу того, что такие переговоры между Болотниковым и Шуйским действительно имели место.

---

[1] *Соловьев*, кн. II, стб. 826.
[2] Там же, стб. 825. Курсив мой. — *И. С.*
[3] Там же.

Библиотека "Руниверс"

1. Практика того времени знала случаи капитуляции осажденных на условиях предоставления им права свободного ухода из осажденной крепости. Именно на таких условиях капитулировал осажденный турками и кумыками в 1605 г. в Дагестане, в крепости Тарках, воевода И. М. Бутурлин: «С погаными укрепися и взя у них шерть по их вере, чтоб его выпустить совсем» [1]. Правда, условия капитуляции были нарушены кумыками, и Бутурлин погиб: «Они же черкасы шерстоваху с лестию, и выпустя их (русское войско. — *И. С.*) на степь, и напустиша на них» [2]. Но роковые последствия капитуляции Бутурлина не лишают ее значения как показателя того, что самая возможность капитуляции вполне допускалась военной практикой начала XVII в. (более поздним примером капитуляции может служить капитуляция Шеина под Смоленском в 1634 г.).

2. Имеются документальные данные, что тактика Шуйского во время восстания Болотникова включала в себя в качестве одного из приемов борьбы обращения к восставшим с предложениями о добровольной капитуляции на условиях помилования тех, кто капитулирует. Данные эти относятся к Астраханскому восстанию. В одной из своих отписок Шуйскому Ф. И. Шереметев «с товарыщи» подтверждают получение ими царских инструкций, доставленных воеводам 17 февраля 1608 г. Содержание этих инструкций воспроизводится в отписке воевод: «А над астроханскими людьми милосердуючи ты, государь, велел нам, холопем своим, к ним отписати, *чтоб оне от своего воровства отстали, тебе, государю, добили челом и вину свою принесли, а ты, государь, по своему царьскому милосердому обычею их пожалуешь, покроешь вины их своею царьскою милостью.* А будет они по прежнему своему воровству и измене тебе, государю, вины своей не принесут, и ты, государь, велел на них послати с Москвы многих бояр и воевод с большим нарядом, а с ними многих людей» [3].

3. Имеются документальные данные и о том, что сами участники восстания Болотникова допускали возможность капитуляции на условиях сохранения жизни и свободы для капитулировавших. Материалы эти относятся также к Астраханскому восстанию. В «Разговорных речах» Прокофия Вразского, содержавших его отчет Ф. И. Шереметеву о поездке к ногайскому князю Иштереку в феврале 1608 г., П. Вразский передает следующее секретное сообщение, сделанное ему князем Иштереком: «[астро]ханские люди крепятца, копают около Астрохани ров, а говорят, де токмо будет к ним под Асторохань боярин и воеводы Федор Иванович Шереметев да Иван Никитич Салтыков, и им де *сидеть на смерть*,

[1] ПСРЛ, т. XIV, стр. 57.
[2] Там же.
[3] *Гневушев*, Акты, стр. 159. Курсив мой. — *И. С.*

Библиотека "Руниверс"

потому что преже того меж их бои были, два года кровь лилась, а будет де токо будет иной хто, а их сиденью мера не возьмет, и *они хотят здатца с крестным целованьем, что их не побить и не розослать*» [1].

Приведенные материалы заставляют с гораздо большей степенью доверия относиться к сообщению Буссова о переговорах между Болотниковым и Шуйским. То, что Шуйский предлагал восставшей Астрахани и на что соглашались сами астраханцы — капитуляция на условиях помилования и свободы для капитулировавших — очевидно, могло иметь место и в отношении осажденной Тулы.

При этом бросается в глаза поразительное сходство между тем, как сформулированы условия капитуляции астраханцев в сообщении Иштерека П. Вразскому, и рассказом Буссова об условиях капитуляции Тулы, предъявленных Болотниковым Шуйскому:

РАССКАЗ БУССОВА О ТУЛЕ	ОТПИСКА П. ВРАЗСКОГО ОБ АСТРАХАНИ
«Петр и Болотников начали переговоры с Шуйским, заявив ему, что если он сохранит им их жизнь, то они готовы сдаться вместе с крепостью. Если же он на это не согласен, то они будут держаться до последнего человека».	Если под Астрахань придет Ф. И. Шереметев, то астраханские люди заявляют, что им «сидеть на смерть»..., а если же будет кто-либо иной, то «они хотят здатца с крестным целованьем, что их не побить и не розослать».

Таким образом, позиция Болотникова в вопросе о капитуляции Тулы (в изображении Буссова) полностью совпадает с позицией восставших астраханцев в вопросе о капитуляции Астрахани (в изображении П. Вразского).

В составе астраханских материалов имеется еще одно очень интересное свидетельство, на этот раз непосредственно относящееся к падению Тулы. Мы уже рассматривали (в главе об Астрахани) эпизод с попыткой Шуйского добиться после падения Тулы капитуляции и Астрахани путем посылки в Астрахань перебежчиков из числа «тульских сидельцев», которые должны были, по замыслу Шуйского, уговорить астраханцев прекратить сопротивление и покориться царю. С перебежчиками были посланы и грамоты, в которых астраханцам сообщалось о падении Тулы. «И астраханские и терские, слышев тое грамоту, многие хотели великому государю... добити челом и вину свою принести». Однако как раз в этот момент в Астрахань приехали «воры казаки» и в свою очередь сообщили о падении Тулы, в результате чего астраханцы «пристали» к этим казакам «и тем боярским грамотам не поверили».

[1] *Гневушев*, Акты, стр. 197, 198. Курсив мой. — *И. С.*

Библиотека "Руниверс"

Вся эта история нас сейчас интересует не с точки зрения характеристики положения в восставшей Астрахани, а в совершенно ином плане. Дело в том, что П. Вразский, в изложении которого дошел до нас рассматриваемый эпизод, передает и содержание речей «воровских казаков» к астраханцам. Речи эти имеют следующий вид: «...приехали в Астрахань воры казаки... а сказали астраханским вором, что государевы изменники князь Ондрей Телятевский, да князь Григорей Шаховской, да Ивашко Болотников великому государю... добили челом и вину свою принесли, и Григорьевского холопа Елагина, Илюшку, которой назвался Петрушкою, ко государю привели, а про Растригу затеев воровством сказали ложно, будто он жив на Орле» [1].

Ознакомление с этими речами приводит к неожиданному выводу, что «воры казаки» точно повторили в своих речах... официальную версию царских грамот о падении Тулы.

Не трудно понять, однако, что причиной такого совпадения между речами «воровских казаков» и царскими грамотами является самый характер того источника, в составе которого дошли до нас эти речи: совершенно так же, как «царь Димитрий Иванович», о появлении которого в Орле говорили казаки астраханцам, превратился у П. Вразского в «Растригу», так и рассказ казаков об обстоятельствах падения Тулы превратился у П. Вразского в официальную версию об этом событии.

Мы не в состоянии, конечно, восстановить то, что в действительности говорили приехавшие в Астрахань казаки. Но некоторое представление о содержании их речей составить все же можно. Дело в том, что если вначале, после прочтения грамот, привезенных в Астрахань перебежчиками, астраханцы собирались «добити челом и вину свою принести», то после речей «воровских казаков» астраханцы уже *«тем боярским грамотам не поверили*, а хотят де послать... проведывать про мертвого Растригу». Ясно, таким образом, что в результате рассказа казаков астраханцам официальная версия падения Тулы потеряла всякий кредит в глазах астраханцев. Трудно, конечно, сказать, какова была та версия падения Тулы, которую содержали действительные речи казаков. Но отказ прослушавших эти речи астраханцев от своего намерения капитулировать перед Шуйским в надежде на его «царскую милость» делает очень вероятным, что из речей казаков астраханцы могли на примере судьбы капитулировавших «тульских сидельцев» извлечь урок, что́ в действительности несла капитуляция перед царем.

В рассказе Буссова о падении Тулы необходимо подвергнуть рассмотрению еще один момент, именно: мотивы, побудившие Болотникова пойти на капитуляцию. Сам Буссов изображает дело

[1] *Гневушев*, Акты, стр. 181.

Библиотека "Руниверс"

так, как будто к такому решению Болотникова привел душевный кризис, разочарование в «царе Димитрии», бросившем его на произвол судьбы. В речи, вкладываемой Буссовым в уста Болотникова, последний говорит Шуйскому: «...я был верен своей клятве, которую я дал в Польше тому, кто называл себя Димитрием... Я верно служил ему, он же меня бросил... Я буду тебе верно служить, как я до сих пор служил тому, кем я был покинут» [1]. Как мы видели, Соловьев принимает это объяснение и находит, что Буссов верно оценил психологические мотивы действий Болотникова. С такой оценкой данного свидетельства Буссова, однако, согласиться никак нельзя. Дело не только в том, что приписываемые Буссовым Болотникову мотивы находятся в резком противоречии со всем обликом Болотникова как вождя восставших крестьян и холопов. История, вообще говоря, знает случаи «измены» отдельных руководителей народных движений своему делу и перехода их на сторону врагов народа, но свидетельство Буссова опровергается прежде всего судьбой самого Болотникова.

Пример Истомы Пашкова показывает, что правительство Шуйского охотно использовало перешедшего на его сторону виднейшего участника начального этапа восстания Болотникова. Еще более разительным примером может служить судьба Егора Беззубцева, который оставался до конца верным Болотникову и был в числе «тульских сидельцев». Тем не менее, по сведениям того же Буссова, Шуйский решился использовать Беззубцева в качестве своего представителя в переговорах с жителями Калуги о капитуляции их перед царем [2].

Ничего подобного не произошло с Болотниковым. Он не только не оказался в числе деятелей лагеря Шуйского, но сразу же после падения Тулы был схвачен, заключен в тюрьму, а затем и казнен.

Все это заставляет искать новых объяснений мотивам, которыми руководствовался Болотников при капитуляции Тулы.

Выше, давая обзор иностранных свидетельств о падении Тулы, мы отметили особую важность сведений, содержащихся в польском письме, приводимом В. Диаментовским. Значение данного свидетельства, однако, не исчерпывается тем, что характер источника, содержащего рассматриваемое свидетельство, говорит в пользу достоверности этого свидетельства.

Особая ценность свидетельства польского письма состоит в том, что, сообщая о переговорах между Болотниковым и Шуйским и о «контракте», заключенном вождем восставших с царем, письмо поляка-анонима указывает и мотивы, которыми руководствовался Болотников в своих переговорах с Шуйским. В отличие от Буссова

[1] *Bussow*, стр. 80.
[2] Там же.

Библиотека "Руниверс"

и в прямую противоположность его объяснению мотивов капитуляции Болотникова, польское письмо рассматривает переговоры Болотникова с Шуйским как определенный тактический прием Болотникова, как его попытку «устроить некоторую штуку», т. е. обмануть царя и ценой потери Тулы спасти свое войско и самого себя. Болотникову, однако, не удалось осуществить свой маневр, его «штука» «не вышла», царь разгадал намерения Болотникова, и, в то время как люди Болотникова «ушли из Тулы по заключенному им договору», «сам он остался в оковах».

Такая интерпретация действий Болотникова, приведших его к переговорам с Шуйским, представляется нам несравненно ближе к истине, чем та, которую дает Буссов. Следует тем не менее признать, что большая правдоподобность версии польского источника сама по себе еще не может служить достаточным доказательством ее достоверности. В данном случае, однако, в пользу именно данной версии можно привести свидетельство источников, и притом свидетельство исключительной важности.

В литературе о Болотникове, насколько я знаю, осталась неиспользованной одна из записей дневника В. Диаментовского о Болотникове. Запись эта датируется 10 марта н. ст. 1608 г. и сообщает наиболее поздний по времени факт из биографии Болотникова. Запись имеет следующий вид:

«Привезли сюда (т. е. в Ярославль. — *И. С.*) Болотникова с несколькими боярами — везли его в Каргополь в ссылку. Когда бояре увидали его несвязанного, стали допытываться, почему он содержится так свободно, на что он, услыхав об этом, заявил, что «я скоро вас самих буду заковывать и в медвежьи шкуры зашивать» (ja was samych będę kował i v niedzwiedzie scóry niezadługo obsziwał) [1]. Невозможно переоценить значение этого свидетельства. Оно раскрывает нам подлинный образ Болотникова в последний момент его жизни. Перед нами не разочаровавшийся в своем господине рыцарь, как рисует Болотникова Буссов, а плененный, но не сломленный вождь восстания, до конца оставшийся верным своим целям и бросающий издевающимся над ним дворянам («бояре» Диаментовского) грозные слова о том, что он еще будет их в оковы сажать «и в медвежьи шкуры зашивать». Эти слова Болотникова (аутентичность их определяется всем характером записи 10 марта) возвращают нас к тем методам расправы с своими врагами, которые применял Болотников во время восстания, и прямо перекликаются со словами челобитной мурзы Ишея Барашева о том, как его в Туле «били кнутом, и медведем травили».

Запись дневника В. Диаментовского от 10 марта 1608 г. представляется мне важнейшим доказательством, говорящим в пользу достоверности версии письма неизвестного поляка, и позволяет с

[1] *W. Dyamentowski*, стр. 128.

Библиотека "Руниверс"

полным основанием отвергнуть то объяснение мотивов поведения Болотникова, которое дает Буссов. Вместе с тем она опровергает и утверждение С. Немоевского о «предательстве» Болотникова.

Наш анализ обстоятельств падения Тулы, однако, не может считаться законченным. Выше мы указали ряд моментов, не позволяющих принять версию падения Тулы в том виде, как она дается «Карамзинским Хронографом». Вместе с тем мы привели ряд данных, говорящих в пользу той версии, что Тула была сдана восставшими на основе договора, заключенного между Болотниковым и Шуйским. К сказанному надо добавить, что наличие свидетельств о переговорах между Болотниковым и Шуйским, о клятве царя и затем нарушении им этой клятвы в независимых друг от друга источниках, из которых по крайней мере часть должна быть отнесена к источникам, заслуживающим доверия, само по себе является обстоятельством, которым невозможно пренебрегать [1].

Нам, однако, предстоит еще попытаться выяснить, что́ дало возможность Шуйскому столь легко нарушить условия заключенного им соглашения и затем расправиться с вождями восстания.

Для ответа на этот вопрос необходимо вернуться к рассказу «Карамзинского Хронографа». Если, по указанным уже соображениям, нам представляется невозможным принять версию «Карамзинского Хронографа» в целом, то вместе с тем у нас нет никаких оснований подвергать сомнению достоверность тех конкретных данных, которые содержит рассказ «Карамзинского Хронографа». К числу таких данных следует отнести и сообщение «Карамзинского Хронографа» о том, что «перед Покровом святыя богородицы дни за три и за два учали к царю Василью Ивановичю всеа Русии тулские осадные люди присылать бити челом и вину свою приносить, чтоб он их пожаловал и вину им отдал, и оне вора Петрушку, Ивашка Болотникова и и[ны]х воров и изменников отдадут». Это сообщение показывает, что наряду с переговорами, ведшимися Шуйским с Болотниковым об условиях капитуляции Тулы, Шуйский имел тайные сношения с определенными кругами в Туле, причем целью этих тайных сношений был захват и выдача царю Болотникова и других руководителей восстания.

Осуществить этот план Шуйскому, однако, не удалось, и он оказался вынужденным (под угрозой все более обострявшейся политической обстановки) заключить соглашение с Болотниковым и публично объявить о своем обещании помиловать «тульских сидельцев».

Тем не менее наличие у Шуйского тайных связей и агентов в Туле облегчило ему впоследствии захват Болотникова и «царе-

[1] В свете всего сказанного особый интерес приобретает текст договора между Болотниковым и Шуйским, приводимый Геркманом. Но у нас нет возможности проверить это свидетельство.

Библиотека "Руниверс"

вича» Петра. Можно предполагать, что когда, после заключения соглашения о капитуляции, Тула открыла свои ворота воеводам Шуйского, то именно в этот момент Болотников и Петр были «взяты» агентами Шуйского из числа «тульских сидельцев» и привезены «в полки» к царю.

Однако расправа с попавшими в руки Шуйского вождями восстания была затруднена наличием соглашения и «целования креста» Шуйским с обещанием помилования Петра и Болотникова. Прямое и открытое нарушение обещания было для Шуйского слишком опасно, особенно если учесть то, что «тульских сидельцев привели ко крестному целованию за царя Василья», т. е. что вся основная масса капитулировавшего войска Болотникова находилась на свободе и, очевидно, сохраняла и свое вооружение. Именно в этой сложной обстановке становится понятным появление официальных царских грамот, в которых капитуляция Тулы на основе соглашения между Болотниковым и Шуйским тенденциозно изображалась как «битье челом» «тульскими сидельцами» царю с признанием своей вины. Эта версия (появившаяся уже 13 октября — дата грамоты в Пермь), естественно, должна была включить в себя в качестве обязательного элемента «выдачу» принесшими повинную «тульскими сидельцами» самозванного царевича истинному царю, причем Болотников столь же естественно оказывался также в числе «бивших челом» Шуйскому.

Итак, обстановка под Тулой не давала возможности Шуйскому немедленно расправиться с оказавшимися в его руках руководителями восстания. Все, что оставалось делать Шуйскому, это постараться как можно скорее избавиться от «тульских сидельцев», остававшихся и после «крестного целования» достаточно опасными. Выход был найден в том, что Шуйский «всех сих во своя си отпусти», а сам вернулся в Москву. Этот жест Шуйского изображается в «Хронографе» редакции 1617 г. как акт, которым царь «беззлобивое пастырство благочестия своего показа» [1]. С другой стороны, действия Шуйского после падения Тулы подверглись резкому осуждению со стороны патриарха Гермогена, в глазах которого возвращение Шуйского в Москву, когда еще не перестала литься кровь («не у еще крови уемшися пролитию»), означало, что «советницы лукавые царя уласкаху во царьствующий град Москву во успокоение возвратитися» [2].

Однако в действительности Шуйский в своих поступках не руководствовался ни соображениями гуманности — «беззлобия», ни чрезмерной доверчивостью к «ласканиям» своих «лукавых советников». Напротив, в действиях царя после падения Тулы виден

[1] РИБ, т. XIII, стб. 1300.

[2] Там же, стб. 1314; также *П. Г. Васенко*, Новые данные для характеристики патриарха Гермогена, ЖМНП, 1901, № 7, стр. 141 и 144.

Библиотека "Руниверс"

строгий политический расчет. Роспуск полков Болотникова «восвояси» был единственно возможным для Шуйского способом уничтожить войско Болотникова как некую организованную силу и тем самым завершить ликвидацию восстания.

Возвращение же Шуйского в качестве победителя в Москву (где его, между прочим, ждали прибывшие 12 октября послы польского короля) [1] являлось лучшим средством для укрепления политических позиций царя.

Падение Тулы означало конец восстания Болотникова.

Вслед за возвращением Шуйского в Москву последовала казнь «царевича» Петра, повешенного, по сведениям, сообщаемым «Карамзинским Хронографом», «под Даниловым монастырем, по Серпуховской дороге».

Но лишь полгода спустя после взятия Тулы Шуйский решился на расправу с подлинным вождем восстания — Иваном Исаевичем Болотниковым.

---

[1] Сб. РИО, т. 137, стр. 418; «Записки гетмана Жолкевского», прилож., стб. 200.

Библиотека "Руниверс"

Крепостные крестьяне и холопы составляли основную движущую силу восстания Болотникова, определяя как программу восстания, так и характер и формы борьбы.

Центральным пунктом программы восстания Болотникова, главным лозунгом, под которым проходило восстание, являлось уничтожение крепостнических отношений, ликвидация феодального гнета. Именно в этом состоял объективный смысл тех призывов, с которыми Болотников обращался в своих «листах» к «боярским холопам» и городским низам Москвы и других городов.

Призывы, содержащиеся в «листах» Болотникова: «побивать своих бояр... гостей и всех торговых людей» «и животы их грабити» (известные нам в такой редакции по грамотам патриарха Гермогена); призывы Болотникова к московским холопам, «чтобы те взялись за оружие против своих господ и завладели их имениями и добром» (о чем сообщает английская записка) [1], означали призыв к расправе с феодалами и к ликвидации феодальной земельной собственности и крепостнической зависимости крестьян и холопов.

По характеру источников невозможно выяснить для всей территории, охваченной восстанием, как осуществлялась эта программа. Поэтому о социальном содержании восстания Болотникова, о том, что приносило с собой это восстание для тех районов, которые оказывались во власти восставших, приходится судить по отдельным, редким случаям, когда в тех или иных источниках можно найти данные именно о социальной стороне борьбы.

Так, челобитная П. Вразского, сообщающая о том, как в восставшей Астрахани «людишек кобальных роспускали и крепости им повыдали» [2], раскрывает нам одну из основных целей восстания Болотникова: уничтожение крепостнической зависимости, превращение холопов в свободных людей. Несомненно, что именно таким образом обстояло дело и во всех других местах, где власть переходила в руки восставших.

В этой связи следует вновь вернуться к законодательству Василия Шуйского о холопах и в частности к приговору 25 февраля 1608 г. [3] Этот важнейший акт законодательства Шуйского, рассматривая вопрос о судьбе различных групп холопов — участников восстания Болотникова, наглядно демонстрирует, как далеко зашел во время восстания Болотникова процесс разрыва холопами их зависимости от феодалов. И лишь победа над Болотниковым дала возможность феодалам-крепостникам начать борьбу за ликвидацию тех социальных перемен, которые

[1] См. прилож. IV, стр. 554.
[2] *Гневушев*, Акты, стр. 206.
[3] См. стр. 415—416.

Библиотека "Руниверс"

произвело восстание Болотникова: борьбу за реставрацию крепостнической зависимости для тех, кто освободился от нее во время восстания, превратившись из холопа в свободного человека.

Если освобождение холопов являлось наиболее существенным выражением социальных перемен, произведенных восстанием Болотникова в городах, где сосредоточивалась основная масса холопов, то и в деревню восстание Болотникова несло с собой не менее глубокие перемены в отношениях между феодальными землевладельцами и крестьянами.

И при рассмотрении этого вопроса приходится применять тот же прием, что и для вопроса о холопах: изучать действие восстания Болотникова на материале тех мест и районов, для которых сохранились данные в источниках. Таким районом в данном случае является Рязань. То, что источники, рисующие положение в деревне во время восстания Болотникова, сохранились именно для Рязани, следует признать особенной удачей для исследователя. Ибо Рязанский район являлся одним из тех мест, где борьба крестьян во время восстания отличалась наибольшей силой и упорством; царские грамоты свидетельствуют об этом, признавая, что «в Рязанском уезде во многих местех наши изменники воры, пронские и михайловские мужики воюют» [1].

Характеристику того, что́ произвело в рязанской деревне восстание Болотникова, дает челобитная тяглецов черной слободы города Переяславля-Рязанского боярам — руководителям первого земского ополчения — в 1611 г. Челобитная рязанских чернослободцев раскрывает исключительную по яркости картину деревни, ставшей в годы восстания Болотникова свободной от крепостнических отношений. По словам челобитчиков, с тех пор как «[зача]лась межюусобная брань, *со 114 году* да по нынешней по 119 год»: «*дворянские и детей боярских крестьяне во все те во смутные годы* с нами з городцкими людьми городовых и острожных поделак не делывали, и рвов не копали, и башень не де[лали], и *в государеву казну никаких податей не давали*... и повозак никаких не возили, и запасов не довали и не делывали. Да по нашим же, государи, дворишкам стояли *резанцы, дворяне и дети боярские, з женами, и з детьми, и с людьми* 5 лет, и обида нам и насильство великоя, нас, и жон наших и детишек бьют, и животи[ни]шка наше всякое бьют, и посудьем всяким владеют насильством, и дворишка наши обжигают. Да нынеча резанцы дети боярские з женами, и з детьми и с людьми стоят по нашим же дворишкам *мимо своих поместей*» [2]. Итак, начиная со «114», т. е. 1606 г., рязанские помещики оказались «мимо своих поместей», будучи вынужденными укрыться от воевавших мужиков за стенами Пере-

[1] Акты Юшкова, № 272.

[2] *С. Б. Веселовский*, Акты подмосковных ополчений, стр. 16, 17. Курсив мой. — *И. С.*

Библиотека "Руниверс"

яславля-Рязанского. Рязанские же мужики, «дворянские и детей боярских крестьяне» сделались свободными от крепостнических повинностей как в пользу своих господ, так и «в государеву казну».

Мы не имеем возможности проследить дальнейшие последствия этих социальных перемен в рязанской деревне: что стало, например, с помещичьей землей, была ли она захвачена крестьянами и превращена в крестьянскую пашню и т. д.

Для этого рязанские материалы данных не дают. Но, обращаясь к документам, относящимся к другому району, к Темниковскому уезду, мы получаем возможность ознакомиться с борьбой крестьян именно в данном плане как с борьбой за землю.

В августе 1611 г. «по указу великие Российские державы Московского государства бояр и воевод» (т. е. Трубецкого и Заруцкого) темниковскому посадскому целовальнику и площадному подьячему было предписано «отделити и отмежевати старую вотчину, Темниковского уезда, Рождества пречистыя богородицы Пурдышского монастыря игумену Арсенью з братьею, попрежнему в вотчину, *что были отняли у монастыря тое вотчинную землю Темниковского уезду, села Девичья Рукава крестьяне* деревни Полянской, староста Федосейко да Иванко Максимов да Васька Мошейцов с товарищи, *хле[б] насильством поимали, и межу старую перепахали, и грани столбы повыметали, а которые были грани набиты на стоячем деревье, и те грани деревье повыжгли... и владели самовольством воровским*»[1]. Из приведенного текста не видно, к какому именно году относится захват крестьянами монастырской земли. Но для нас в данном случае существенным является не определение точной даты, когда имел место тот или иной конкретный случай захвата крестьянами земель феодалов, а самый факт этих захватов, в которых находило свое выражение «воровское самовольство» восставших крестьян.

Замечательно стремление захвативших монастырскую землю крестьян уничтожить всякие следы знаков феодальной собственности на эту землю: крестьяне перепахивают межи, «выметывают» межевые столбы, выжигают «грани» на деревьях. Те же черты в действиях восставших крестьян отмечает челобитная игумена Андриановой пустыни Елатемского уезда, указывающая на то, что «как городы были в смуте, и Темниковские, и Кадомские татаровя, и мордва, и всяки ратные люди приходили в Ондреянову пустыню и монастырь разорили... и *прежние де государей жаловалные грамоты тут же поимали*»[2].

Сводя воедино все то, что сохранилось в источниках относительно антикрепостнической сущности борьбы крестьян в восста-

[1] АЮ, № 163; Архив Строева, т. II, № 118. Курсив мой. — *И. С.*

[2] «Известия Тамбовской ученой архивной комиссии», вып. XI, 1886, стр. 38. Курсив мой. — *И. С.* Текст челобитной воспроизводится в царской грамоте монастырю от 28 сентября 1624 г.

Библиотека "Руниверс"

нии Болотникова, следует привести и свидетельство челобитной игумена Антониево-Сийского монастыря, относящейся по времени до 5 декабря 1607 г., о том, что «монастырские крестьяне ему, игумену, учинились сильны, наших (т. е. царских. — *И. С.*) грамот не слушают, дани и оброку и третного хлеба им в монастырь не платят, как иные монастырские крестьяне платят, и монастырсково изделья не делают, и ни в чем его, игумена з братьею, не слушают» [1].

В разных документах, относящихся к разным районам и этапам восстания Болотникова, отражены различные фазы и стадии рассматриваемой борьбы крестьян за землю. Так, в отличие от приведенных только что данных, характеризующих уже далеко зашедшие и острые формы борьбы крестьян против феодалов, интерес и ценность конфликта между черными крестьянами Вотцкой волости, Галицкого уезда, и Троице-Сергиевым монастырем заключается в том, что на материале, относящемся к этому конфликту, мы получаем возможность познакомиться с одной из самых начальных фаз борьбы крестьян за землю и притом в первые месяцы восстания Болотникова.

Суть названного дела заключалась в следующем. Осенью 1606 г., между 23 августа и 13 сентября, игумен Троице-Сергиева монастыря бил челом Василию Шуйскому в том, что крестьяне черной Вотцкой волости, Галицкого уезда, «вступаютца насильством» в угодья и пожни монастырской «вотчинки» и хотят теми угодьями и сенными покосами «завладеть насильством». В свою очередь крестьяне Вотцкой волости 23 августа того же года били челом царю, обвиняя Троице-Сергиев монастырь в том, что он «отнял у них... черные земли лесу и покосных болот... насильством». Разбор дела в Галицкой четверти 13 сентября 1606 г. закончился победой монастыря, получившего соответствующую грамоту [2]. Крестьяне, однако, не прекратили борьбы, и в результате обыска, произведенного в «115 году» (1606—1607 гг.), Шуйский был вынужден вернуть крестьянам захваченную у них монастырем землю, выдав «правую» грамоту (от 19 апреля 1608 г.), которой аннулировалась предшествующая грамота, утверждавшая землю за монастырем [3].

---

[1] «Исторический архив», т. I, стр. 35. Текст челобитной воспроизводится в царской грамоте от 5 декабря 1607 г. Следовательно, отмечаемые в челобитной факты относятся непосредственно ко времени восстания Болотникова.

[2] В этом акте правительства Шуйского можно видеть его стремление привлечь на свою сторону такую силу, как Троицкий монастырь, что было особенно важно для Шуйского в момент приближения Болотникова к Москве.

[3] Грамота от октября 1606 г. напечатана у *Гневушева*, Акты, стр. 15. Правая грамота от 19 октября 1608 г. опубликована в «Актах, относящихся до гражданской расправы в древней Руси» Федотова-Чеховского, т. I. № 90.

Библиотека "Руниверс"

Развернувшаяся во время восстания Болотникова борьба между крестьянами Вотцкой волости и Троице-Сергиевым монастырем явилась попыткой крестьян вернуть себе землю, захваченную у них монастырем в 90-х годах XVI в. (по словам крестьянской челобитной, землю «во 107 году отнял у них Троице-Сергиева монастыря села Гнезделова прикащик»). Вотцкие крестьяне дважды пытались и раньше сделать это, но оба раза неудачно, причем в 1601 г., по предписанию Бориса Годунова, «Вотцкие волости крестьян Якушка Еремеева с товарыщи» было даже велено «за ослушание и насильство бити кнутьем, а бив кнутьем велено вкинуть в тюрьму» [1].

Так борьба крестьян Вотцкой волости за землю отражает в своем развитии общий ход борьбы между крестьянами и феодалами в конце XVI — начале XVII в. — борьбы, завершившейся восстанием Болотникова.

Важнейший материал, характеризующий социальную природу восстания Болотникова, содержится в «Послании дворянина к дворянину». Этот, литературный по форме, памятник по существу является источником, излагающим с точностью документа акт расправы восставших крестьян с крепостником-помещиком.

Языком раешника автор «Послания» Иван Фуников сообщает своему корреспонденту, что ему «и не переписать своих бед»: «розван (!) что баран, разорен до конца, а сед, что овца. Не оставили ни волосца животца, и деревню сожгли до кола, рожь ратные пожали, а сами збежали. А ныне воистину живем в погребище и кладем огнище, а на ногах воистину остались одне голенища и отбились голенища. Зритель, государь, сердцам бог: не оставили шерстинки, ни лошадки, ни коровки, а в земли не сеяно ни горстки; всего у меня было живота корова и та не здорова: видит бог, сломило рог. Да, бог сердца весть, нечего есть» [2].

Этот перечень «бед» Ивана Фуникова наполняет живым содержанием формулу об антикрепостническом характере восстания Болотникова. Вся ненависть восставших обрушивается на помещичий двор, на имущество помещика и, наконец, как мы видели выше (см. стр. 463), и на него самого. Замечательны такие детали, как то, что восставшие крестьяне «деревню сожгли до кола», что у помещика «не осталось ни лошадки, ни коровки» и что он, возвратившись к себе в деревню после поражения восстания, нашел вместо сожженного помещичьего дома лишь «погребище», где ему и пришлось поселиться. Наконец, особый интерес представляет то, что содержится в «Послании» по вопросу об основе основ феодальной экономики — о земле. В «Послании» отложились как бы два главных момента в развитии восстания:

---

[1] *Гневушев*, Акты, стр. 15.
[2] См. прилож. III, стр. 542.

*

Библиотека "Руниверс"

начальный, когда «рожь ратные пожали, а сами збежали», т. е. момент захвата отрядами восставших помещичьей пашни вместе с посеянной на ней рожью, и последующий за этим момент, когда в обстановке восстания, ликвидировавшего барщину и прочие повинности крестьян, помещичья пашня перестает обрабатываться: «в земли не сеяно ни горстки». Иван Фуников заканчивает свое «Послание» характерными строками: «Не прогневайся, что не все беды и разорения пишу: не бо ум мой постигнути или писанию передати возможет, да и тебе скорбь на скорбь не наложу. Твоя ж и моя вся взята быша без останка» [1]. В этом откровенном признании отражена вся сила удара, который был нанесен крепостникам-помещикам восстанием Болотникова.

Свидетельством удара, нанесенного восстанием Болотникова крепостническому строю отношений в деревне, являются также челобитные помещиков Василию Шуйскому, относящиеся ко времени восстания, с жалобами на свое разорение от действий восставших.

Образцом такого рода челобитных является челобитная служилых татар Б. Собанина и И. Девлеткозина от апреля 1607 г., в которой челобитчики заявляют царю, что их «поместейца в Московском уезде, и в Коломенском, и в Боровском, и то, государь, от твоих государевых изменников розорены без остатка» [2]. Другой помещик, тулянин С. Ушаков, указывает на то, что он «разорен без остатку: твое царское жалованье поместейце у меня было на Туле и то пусто, а животишка, государь, мое розграбили твое государевы изменники Самолко Хохоновской с товарыщи без остатку» [3]. Этот процесс «разорения» помещиков во время восстания Болотникова принял столь крупные размеры, что вынудил правительство Шуйского предпринять для поддержки таких помещиков ряд чрезвычайных мер в виде издания указов о выдаче денежного и хлебного «корма» «детям боярским разореным» [4].

Если ко всему сказанному добавить еще такое явление, как рост побегов крестьян в 1606—1607 гг., имевший место в тех уездах, которые оставались под властью Шуйского, то получится достаточно определенная картина социальной природы восстания Болотникова, его антикрепостнической сущности.

---

[1] См. прилож. III, стр. 543.

[2] *Гневушев*, Акты, стр. 255, 256.

[3] Там же, стр. 257.

[4] В равной мере это относится и к монастырям. В феврале 1607 г. игумен Саввина-Сторожевского монастыря в Звенигородском уезде бил челом Василию Шуйскому о том, что «монастырь и монастырские их деревнишка, приехав с Вязьмы (Вязема — село Звенигородского уезда. — *И. С.*), Северских городов воры розорили, монастырские казенныя денги, и лошади, и всякое монастырское строенье, и хлеб поимали, и его игумена Исайя с братьею ограбили и огнем жгли» (ААЭ, т. II, № 68).

Библиотека "Руниверс"

Если по своей объективной сущности восстание Болотникова было восстанием крепостных крестьян против феодального гнета, то идеологической оболочкой восстания Болотникова был лозунг «царя Димитрия».

Источники неоднократно отмечают эти «царистские» моменты в движении Болотникова. Так, в «Карамзинском Хронографе» политическая позиция участников восстания Болотникова выражена формулой: «...стояли за царя Дмитрея и за племянника его Петрушку» [1]. По свидетельству грамоты патриарха Гермогена, в «листах», которые рассылались восставшими по городам, население городов призывалось «целовати крест мертвому злодею и прелестнику Ростриге, а сказывают, его проклятого жива» [2]. Церемония целования креста на имя «царя Димитрия» являлась актом, оформлявшим присоединение данной местности или города к восстанию Болотникова. По характеристике «Карамзинского Хронографа», «прелесть и смута» в Украинных, Польских и Северских городах начались с того, что «по городам от царя Василья отложились и целовали крест царю Дмитрею Ивановичу всеа Русии» [3]. Совершенно так же изображает начало восстания Болотникова и английская записка, по словам которой восставшие города «отказались от своей присяги нынешнему государю и принесли новую присягу предполагаемому в живых Димитрию» [4]. Наконец, из грамоты патриарха Гермогена в Казань от 22 декабря 1606 г. мы узнаем и о самой процедуре целования креста «царю Димитрию», состоявшей в том, что все жители данного города «целовали... крест по записи царевичу Дмитрею Углецкому» (т. е. «царю Димитрию». — *И. С.*) [5].

Если целование креста «царю Димитрию» играло роль акта присоединения к восстанию Болотникова, то отказ целовать крест «царю Димитрию» означал разрыв данного лица с восставшими и переход его на сторону врагов восстания. Так, князь Бахтеяров-Ростовский и его сторонники были «побиты» в Путивле именно «за то, что Вору крест не целовали» [6]. Та же участь едва не постигла сборщика «даточных» людей для Василия Шуйского — Петра Благово: завербованные им «даточные» люди, перешедшие на сторону противников Шуйского, обвинили П. Благово в том, что он «царю Дмитрею креста не целовал и их к кресту не приводил» [7].

---

[1] *А. Попов*, Изборник, стр. 331.
[2] ААЭ, т. II, № 58.
[3] *А. Попов*, Изборник, стр. 331.
[4] См. прилож. IV, стр. 552.
[5] ААЭ, т. II, № 61.
[6] *Белокуров*, стр. 84.
[7] ААЭ, т. II, № 60.

Библиотека "Руниверс"

Вера в «царя Димитрия» была в равной мере присуща и самому Болотникову, считавшему себя «большим воеводой» «царя Димитрия» (Буссов). Недаром в польских источниках Болотников фигурирует под именем «гетмана царя Димитрия» (Hetman Dymitrów) [1], а одна из разрядных записей называет его «боярином» «царевича» Петра [2].

Приведенные данные ярко демонстрируют «царистские» черты в движении Болотникова [3].

«Царистская» идеология — важнейшая черта крестьянских движений в России XVII—XVIII вв. «...Говоря о Разине и Пугачеве, никогда не надо забывать, что они были царистами: они выступали против помещиков, но за «хорошего царя». Ведь таков был их лозунг» [4]. Эта сталинская формула, вскрывающая сущность идеологической оболочки восстаний крестьян в России против феодального гнета, целиком приложима и к восстанию Болотникова.

В отличие от средневековых крестьянских движений в Западной Европе, где классовая борьба носила «религиозный отпечаток», а «интересы, потребности и требования отдельных классов скрывались под религиозной оболочкой» [5], в России религиозный момент в крестьянских восстаниях играл весьма незначительную роль, и идеологической оболочкой этих восстаний являлся лозунг о «хорошем царе».

В «Новом Летописце» политическая программа восстания Болотникова определяется формулой: «хотят те воры царя и бояр побити» [6]. В этой формуле нашло свое выражение отношение восставших крестьян к крепостническому государству.

В глазах восставших царь Василий Шуйский олицетворял собой это государство и являлся выразителем интересов бояр. Это

---

[1] *W. Dyamentowski*, стр. 113.

[2] *Белокуров*, стр. 12.

[3] Выражением тех же «царистских» моментов идеологии восстания Болотникова было и такое явление, как употребление в лагере Болотникова официальной иерархии государственных чинов и званий того времени. По свидетельству грамоты патриарха Гермогена, Болотников обещал своим сторонникам «давати боярство, и воеводство, и околничество, и дьячество» (ААЭ, т. II, № 57). Достоверность этого известия вполне подтверждается «чинами» самого Болотникова — «большого воеводы» и «боярина» «царя Димитрия» и «царевича» Петра. Здесь перед нами совершенно то же явление, что и идея «хорошего царя» — стремление вложить новое социальное содержание в старые политические институты крепостнического государства. В этом отношении восстание Болотникова является параллелью восстания Пугачева с его двойниками екатерининских учреждений и сановников («военная коллегия», «граф Чернышев» и пр.).

[4] *И. В. Сталин*, Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, М. 1938, стр. 9.

[5] *Ф. Энгельс*, Крестьянская война в Германии (*Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. VIII, стр. 128).

[6] ПСРЛ, т. XIV, стр. 72.

Библиотека "Руниверс"

делало его ненавистным для восставших крестьян и холопов. Ярким выражением отношения к Шуйскому народных масс является сохранившаяся в составе первоначальной редакции «Сказания» А. Палицына народная поговорка о Василии Шуйском: «Хотя бы нам чорт, толко бы нам не тот» [1].

Значение этой поговорки, однако, не исчерпывается тем, что она знакомит нас с мнением народа [2] о Василии Шуйском. Замечателен в ней самый характер постановки и решения вопроса о власти. Суть этой постановки вопроса может быть выражена формулой: любой царь будет лучше, чем Василий Шуйский; иными словами: плохой царь должен быть заменен хорошим царем.

Такая позиция в вопросе о власти раскрывает самое основное в политических воззрениях угнетенных классов феодальной России. Выступая против феодального гнета и крепостнического государства как носителя этого гнета, угнетенные классы — крестьяне и холопы — были, однако, неспособны сформулировать программу нового политического устройства, выходящую за рамки традиционного политического строя. Именно в этом надо искать объяснение «царистской» идеологии крестьянских движений XVII—XVIII вв., в том числе и восстания Болотникова.

---

[1] *Е. Н. Кушева,* Из истории публицистики Смутного времени, стр. 94; РИБ, т. XIII, стб. 508.

Любопытно, что в окончательной редакции «Сказания» А. Палицын выбросил слова о Василии Шуйском, ограничившись глухим упоминанием, что «многи бо тогда окаанни о царе Василии деюще и глаголюще злаа, их же несть возможно ни писати, ни глаголати» (РИБ, т. XIII, стб. 1007). Следует отметить, что низложение Шуйского с престола в 1610 г. имело своим последствием изменение отношения народа к личности Шуйского. По одной из народных песен, посвященных этому событию, можно установить, что падение Шуйского было воспринято народными массами, как... бунт «злых бояр», погубивших царя:

«Сходился весь московский народ на площадь Красную
. . . . . .
Ох и, братцы, что-то у нас делается,
Уж не чудо ли какое совершается?
. . . . . .
Уж не бояре ли взбунтовалися,
Уж не злыя ли собаки повзбесилися,
Уж и жив ли наш православный царь,
Православный царь Василий Иванович?
. . . . . .
Как и взговорит в народе удалой молодец:
Ох вы, братцы, вы не знаете беды-горести,
Что царя нашего Василья злы бояре погубили,
Злы собаки погубили, во Сибирь его послали...»

(Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. VII, стр. 17. Цит. у *Костомарова,* стр. 450).

[2] «Народными толками», по выражению Е. Н. Кушевой (*Е. Н. Кушева,* цит. соч., стр. 94).

Библиотека "Руниверс"

Для изучения «царистской» идеологии крестьянства XVII в. исключительное значение имеют материалы политического сыска первой половины XVII в., опубликованные Н. Новомбергским в его издании «Слово и дело государевы» [1].

Материалы эти, относящиеся к первым десятилетиям царствования династии Романовых, полны воспоминаниями о бурных днях начала XVII в. и мечтами крестьян и холопов о возврате этих дней, причем мечты эти неизменно выливаются в форму мечтаний о «хорошем царе» и о «царе Димитрии».

Так, 6 апреля 1614 г. крестьянин князя Куракина Милютка Кузнец заявил в кабаке: «Что де нынешние цари? Нам де те цари ноне не надобны». Те же мотивы звучат «на беседе» у крестьянина Федулки Васильева в деревне Ромоданове, Пронского уезда, в 1625 г., на которой собравшиеся крестьяне и холопы вели разговор о царствовавшем тогда Михаиле Федоровиче Романове. Когда один из участников «беседы» — «боярский человек» — попытался хвалить царя, заявив: «Да споди де государь здоров был на многия лета, дал де бог смирна», то другой участник беседы, крестьянин «Гараська, прозвище Ворок» выразительно ответил: «Да споди де нам десять царей, еще де бы того лучше было».Тот же эффект произвела попытка, имевшая место в 1614 г. на беседе у богоявленского попа Ивана, в Белгородском уезде, провозгласить здравицу в честь Михаила Романова. В ответ на слова: «Да споди де здоров был государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии на многия лета!» — белгородец Сенька Телятников заявил: «Здоров б де был царь Дмитрий!».

За возглас: «Чтоб де здоров был государь князь Дмитрий Иванович всеа Русии!» — попал в тюрьму в 1624 г. новосильский пушкарь Андрей Дубенец.

Мечты крестьян и холопов о «хорошем царе» не ограничивались одними воспоминаниями о «царе Димитрии». В 1630 г. в Калуге «тюремный сиделец» холоп князя Б. М. Лыкова Савинко Васильев заявил: «Сижу я топерва в темнице в бедности, а как выйду из тюрьмы, и я де буду над вами, мужики, царь». О том же мечтал в 1625 г. крестьянин Гриша Будырин: «Как де бы я был в Серпейском уезде в деревне Мишневой, и я де был царь в те поры».

Если для крестьян начало XVII в. рисовалось как предмет мечтаний, то представители противоположного лагеря резко осуждали минувшие времена, по мотивам, которые откровенно изложил в 1625 г. поп Иван Григорьев из села Рыченок, заявив козельскому беломестному казаку: «Ноне де не старая пора вам, коли

[1] *Н. Новомбергский*, Слово и дело государевы, т. I, 1911. Материалы Н. Новомбергского широко использовал в своей статье «Смута и историография XVII в.» Л. В. Черепнин (см. названную статью в т. 14 «Исторических записок», стр. 103—107).

Библиотека "Руниверс"

вы царей заводили да воровали, нашу братью до смерти побивали» [1].

Приведенные материалы могут служить лучшим комментарием к лозунгу Болотникова о «царе Димитрии», раскрывая социальный смысл этого лозунга и наполняя его конкретным содержанием.

Свержение Василия Шуйского и провозглашение царем «царя Димитрия» было основным политическим лозунгом восстания Болотникова. Именно «царь Димитрий» в представлениях участников восстания Болотникова являлся идеалом «хорошего царя». Этот идеальный «царь Димитрий» не имел ничего общего с историческим «царем Димитрием», т. е. с Лжедмитрием I [2]. В глазах народных масс «царь Димитрий» являлся жертвой бояр, помешавших ему использовать свою власть на благо народных масс.

С исключительной яркостью народное воззрение на «царя Димитрия» выступает в показаниях Илейки («царевича» Петра). Рассказывая о том, что́ побудило казаков провозгласить его, Илейку, «царевичем» Петром, Илейка объясняет это следующим образом. По его словам, во время зимовки казаков на Тереке «стало де на Тереке меж козаков такие слова: «Государь де нас хотел пожаловати, да лихи де бояре, переводят де жалованье бояря де не дадут жалованья» [3]. Именно в результате такой оценки положения дел и возникла мысль о провозглашении Илейки «царевичем» Петром, для того чтобы итти на помощь «царю Димитрию» против «лихих бояр».

Подобный взгляд на «царя Димитрия» создавал легкую возможность для возникновения легенды о чудесном спасении «царя Димитрия», которого легенда изображает вторично избежавшим в мае 1606 г. смерти от бояр. И в этом отношении показания Илейки очень важны. Если вначале казаки, шедшие вместе с Илейкой «вверх Волгою к Гришке к Ростриге», получив известие о том, что «на Москве Гришку Розстригу убили миром всем», поверили было в смерть «царя Димитрия», то достаточно оказалось одной грамоты от князя Шаховского и путивльцев о том, что «царь Димитрей жив и идет из Литвы со многими людми в Путивль», чтобы казаки прочно и до конца присоединились к движению под лозунгом «царя Димитрия» [4].

---

[1] *Н. Новомбергский*, цит. соч., стр. 5, 43, 1, 10, 63, 27, 17.

[2] Ср. мою статью «К характеристике внутренней политики Лжедмитрия I» («Ученые записки ЛГУ», № 19, 1938).

[3] ААЭ, т. II, № 81; Архив Строева, т. II, № 69.

[4] В повести «Иного Сказания» имеется интереснейшее место о том, что участники движения «царевича» Петра, разделяя веру народных масс в «царя Димитрия», отказывались вместе с тем признавать Лжедмитрия I за истинного «царя Димитрия»: «Именоваше у себе царевича Дмитрея, сына великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руссии, — дядя тому Петру царевичу; *а что прежде того назывался Дмитрием царевичем и на*

Библиотека "Руниверс"

Лозунг «хорошего царя», представляя собой своеобразную крестьянскую утопию, является наиболее ярким выражением стихийности крестьянских восстаний в России эпохи феодализма. Подымаясь против феодального гнета, крестьяне были не в состоянии выдвинуть сколько-нибудь определенную программу борьбы, сформулировать задачи борьбы за установление такого политического строя, который соответствовал бы интересам крестьянства.

Стихийный характер борьбы крестьянства обусловливался самым положением крепостных крестьян в общественном строе Русского государства XVII в. «Крестьяне не могли объединиться, крестьяне были тогда совсем задавлены темнотой», — такими чертами определяет Ленин положение крестьян в России при крепостном праве, подчеркивая, что крестьяне «боролись, как умели и как могли» [1].

Стихийный характер восстания Болотникова определил и формы борьбы в процессе восстания, и самый его исход. Именно в стихийном характере борьбы крепостных крестьян следует искать главные причины поражения восстания Болотникова.

История восстания Болотникова полна примерами блестящих действий восставших и их руководителей. Достаточно назвать поход Болотникова на Москву осенью 1606 г., когда рядом последующих ударов Болотников подавил все попытки Василия Шуйского не допустить войско восставших крестьян и холопов к Москве. Не менее выдающимся примером может служить оборона Болотникова от осадивших Калугу воевод Шуйского, превратившаяся в подлинный триумф военного искусства Болотникова и закончившаяся разгромом и бегством воевод Шуйского от Калуги. Самый факт более чем годичной продолжительности восстания свидетельствует о том, с каким упорством и мужеством вели борьбу Болотников и его сторонники.

Современники высоко оценивали военные качества армии Болотникова, и это вполне подтверждается анализом объективных данных.

Наконец, выдающейся личностью являлся и руководитель восстания Иван Исаевич Болотников, обладавший качествами подлинного народного вождя.

Однако ни мужество участников восстания Болотникова, ни таланты его руководителей не могли устранить его слабых сторон, обусловленных самой природой восстания.

Москве убиен быть, и то де прямой расстрига Гришка» (РИБ, т. XIII, стб. 98. Курсив мой. — *И. С.*). Вряд ли, однако, можно предполагать, что такого рода представления относительно личности первого Самозванца были присущи всем участникам восстания Болотникова. Ибо источники (в частности иностранцы) свидетельствуют о широком распространении и другой версии: о чудесном спасении «царя Димитрия», вместо которого (согласно этой версии) 17 мая 1606 г. было убито другое лицо.

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 6, изд. 4, стр. 384.

Библиотека "Руниверс"

Среди этих слабых и уязвимых сторон восстания Болотникова на первое место следует поставить отсутствие сколько-нибудь прочной и постоянной связи отдельных мест и районов восстания с центром восстания и его руководителями.

Если не считать таких форм связи, как рассылка Болотниковым «листов» по городам и, с другой стороны, поездки делегаций от отдельных восставших городов в Путивль (подобно рязанцам. — ПСРЛ, т. XIV, стр. 72) и отправка восставшими городами в Путивль воевод и других представителей администрации Василия Шуйского для расправы, то основным средством приобщения отдельных мест и городов к восстанию и установления связи этих мест с руководителями восстания было продвижение войска Болотникова, приход которого в ту или иную местность обычно имел своим последствием присоединение данного места к восстанию.

В то же время уход из данного района или дальнейшее продвижение войска Болотникова вперед сразу же обрывали связи данного места с центром восстания и превращали такое место в чисто локальный очаг борьбы. В еще более сильной степени локальный характер борьбы выступает в тех районах, которые находились в стороне от маршрута войска Болотникова, как Псков, Астрахань, Поволжье.

Разобщенность отдельных районов восстания, отсутствие руководства их действиями со стороны руководителей восстания в огромной степени ослабляли эффект борьбы восставших крестьян, холопов, городских низов, создавая вместе с тем возможность для Василия Шуйского посылать свои войска против отдельных городов и районов и таким образом подавлять восстание по частям (именно в этом состоял план подавления восстания Болотникова, провозглашенный Шуйским после поражения Болотникова под Москвой в декабре 1606 г.).

Стихийность, характеризующая борьбу восставших крестьян и холопов, наложила свой отпечаток и на самое ядро восстания Болотникова, на его войско. При всем мужестве и стойкости, проявлявшихся крестьянами и холопами в боях с воеводами Шуйского, войско Болотникова не было единой и целостной военной организацией. Холопы, черные и владельческие крестьяне, мелкие посадские люди, казаки, стрельцы, наконец, определенные группы служилых людей — дворян и даже отдельные бояре и князья — таков неполный перечень социальных элементов и групп, представленных в войске Болотникова. Этой множественности социальной соответствовала и организационная раздробленность, превращавшая войско Болотникова в совокупность отдельных отрядов и групп, со своими «начальниками» и «воеводами», далеко не всегда склонными подчиняться «большому воеводе» — Болотникову.

Библиотека "Руниверс"

Такой характер войска Болотникова являлся источником его слабости. Если в моменты успехов и побед все эти мелкие и крупные военные единицы еще удерживались в рамках войска Болотникова, то осложнение обстановки сразу же вызывало к жизни центробежные тенденции, приводившие к разрыву с Болотниковым отдельных частей его войска и переходу их на сторону Василия Шуйского («измены»). Вместе с тем такая структура войска Болотникова создавала возможность для проникновения в лагерь восстания политических авантюристов. Если среди сохраненных источниками имен активных участников восстания Болотникова мы находим немало стойких и верных до конца участников борьбы, как Ю. Беззубцев, Нагиба, Федор Берсень («смутивший» Вязьму и Можайск), Лаврентий Кологривов (бывший воеводой в восставшем Алексине), «атаман Аничкин» (о котором сообщает Исаак Масса) и др., то наряду с этим в лагере Болотникова подвизались такие лица, как князья Шаховской и Телятевский, авантюристический характер деятельности которых очевиден. С восстанием Болотникова связал свои первые политические шаги и Иван Заруцкий [1]. Типичным авантюристом является и польский шляхтич Кохановский (которого русские источники называют «Самойла Хахановский»). Попав в Москву в 1600 г. вместе с посольством Льва Сапеги, Кохановский остался в России, был, по свидетельству А. Стадницкого, «воеводой в Ельце», «потом от нынешнего великого князя (т. е. Василия Шуйского. — *И. С.*) был поставлен воеводой в Коломне», а затем, говоря словами того же А. Стадницкого, «увидя силу противной стороны (т. е. Болотникова. — *И. С.*), передался ей» [2]. «Карамзинский Хронограф» называет Самойла Хахановского среди лиц, захваченных в Туле вместе с Болотниковым[3]. А из одной челобитной (тульского помещика С. Ушакова) мы узнаем, что поместье челобитчика «разграбили твое государевы изменники Самолко Хохановской с товарыщи» [4], что проливает свет на мотивы, побудившие Кохановского-Хахановского связать свою судьбу с Болотниковым. Всем этим политическим авантюристам, пытавшимся использовать восстание Болотникова для достижения своих целей, интересы восставших крестьян и холопов были глубоко чужды, и поэтому они, примыкая на определенном этапе к восстанию и выдвигаясь в «воеводы» и «начальники» в войске Болотникова, затем с легкостью изменяли Болотникову и порывали с восстанием в тот момент, когда считали

[1] О нахождении Заруцкого в войске Болотникова говорят «История Ложного Димитрия» (РИБ, т. I, стб. 121) и Буссов (*Bussow*, стр. 76).
[2] *S. Niemojewski*, стр. 189 (русский перевод — стр. 178, 179).
[3] *А. Попов*, Изборник, стр. 337.
[4] *Гневушев*, Акты, стр. 258.

Библиотека "Руниверс"

это выгодным, превращаясь из участников восстания в его врагов [1].

Природа восстания Болотникова, как стихийного восстания крестьян и холопов, определила собой и тактику его руководителей в борьбе против Василия Шуйского.

Тактика Болотникова не может быть понята и правильно оценена вне лозунга о «хорошем царе» — «царе Димитрии».

Подобно тому как с идеей «хорошего царя» восставшие крестьяне и холопы связывали свои мечты и надежды на будущую свободную жизнь, подобно этому и успех в борьбе против Василия Шуйского Болотников и другие руководители восстания связывали с «царем Димитрием», прихода которого «из Литвы со многими людми», убежденно, но тщетно Болотников ждал и осаждая Москву и в осажденной Туле, отражая приступы воевод Василия Шуйского.

Эти черты тактики Болотникова особенно ярко демонстрируют, какое значение для хода и исхода восстания Болотникова имела идея «хорошего царя». Расчеты Болотникова на приход «царя Димитрия» являлись выражением и проявлением именно этой идеи. Но как раз поэтому они были столь же утопичны, как и сама идея «хорошего царя».

По выразительному замечанию «Карамзинского Хронографа», «тово вор[а], ково называли царевичем Димитрием, нигде в те поры и не объявился» [2]. Восстание Болотникова (совпавшее по времени с мятежом польской шляхты против Сигизмунда III — так называемый «Рокош Зебжидовского») [3] проходило и вне какого бы то ни было вмешательства польско-литовских сил в эту борьбу. Эту черту восстания Болотникова ярко характеризует Сказание, найденное М. Н. Тихомировым, где, в рассказе о битве на Пчельне, автор Сказания специально отмечает, что «не бысть бо тогда на тои брани ни единаго иноверного, но все едина Русь межь собою побишася» [4]. Это свидетельство русского источника подтверждается данными польских источников, где мы имеем по данному вопросу столь авторитетное свидетельство, как заявление князя Р. Рожинского — фактического руководителя войска Лжедмитрия II. Заявление это находится в письме Рожинского князьям

[1] Примером такого рода перебежчиков могут служить князь Федор Засекин и помещик Лева Фустов, бывшие в восставшем городе Михайлове воеводами от «вора Петрушки» и в июне 1607 г. перешедшие на сторону Василия Шуйского (ААЭ, т. II, № 76. О Л. Фустове см. также *Гневушев*, Акты, стр. 258).

[2] *А. Попов*, Изборник, стр. 331.

[3] См. *Платонов*, Очерки, стр. 353, 354.

[4] *М. Н. Тихомиров*, Сказание. В другом месте Сказания, при описании битвы на реке Восме, также подчеркивается, что среди убитых в этом сражении участников восстания Болотникова «все убо народ крестьянские погибоша всуе, не весту иныя земля никоеи же, но токмо руские люди крестьянския веры» (там же).

Библиотека "Руниверс"

В. В. Голицыну и И. С. Куракину от 14 апреля 1608 г. Призывая князей примкнуть к Лжедмитрию II, Рожинский подчеркивает коренную разницу между движением Лжедмитрия II и восстанием Болотникова, указывая вместе с тем и на отрицательное отношение поляков к восстанию Болотникова.

«Да и о том вам великим бояром и воеводам рассудить себе: *которые воры были преж сего назывались в Путивле и на Туле царевичами, бывал ли к ним кто наш полской или литовской хоти один человек служить?* А ныне, проведав подлинно про государя вашего прироженного Московского великого государя ц. и в. к. Дмитрея Ивановича в. Р., не токма что мы, а вся Полская и Литовская земля идет служить государю вашему ц. и в. к. Дмитрею Ивановичю в. Р.» [1]

Итак, ни один «польский или литовский человек» (за единичными исключениями вроде С. Кохановского) не служил с теми «ворами», которые «назывались в Путивле и на Туле царевичами», т. е. с Болотниковым и «царевичем» Петром. Иными словами, объективно и фактически борьба велась и решалась теми силами, которые были в руках Болотникова, именно ими и только ими. Между тем «царистская» психология руководителей восстания Болотникова сковывала их активность, заставляя их мечтать о приходе «царя Димитрия», вместо того чтобы использовать с максимальной активностью те силы, которыми обладали они сами [2].

Отрицательное действие идеи «хорошего царя» сказывалось особенно сильно в последнем этапе восстания Болотникова. Если на первых порах лозунг «царя Димитрия» являлся одним из средств вовлечения в восстание новых слоев и групп населения, то по мере дальнейшего развития восстания это мобилизующее значение лозунга «царя Димитрия» все больше отступало на задний план и на передний план выступали те моменты, которые превращали лозунг «хорошего царя» в реакционную утопию, создавая и укрепляя иллюзии о том, что освобождение от «лихих бояр» и Василия Шуйского крестьянам и холопам принесет «царь Димитрий», а не их собственная борьба против своих господ.

Вместе с тем отсутствие в лагере Болотникова реального носителя имени «царя Димитрия» давало возможность и было использовано Шуйским для разложения сил восставших крестьян и холопов при помощи различных пропагандистских мероприятий, как

---

[1] РИБ, т. II, № 93.

[2] С наибольшей выпуклостью влияние идеи «царя Димитрия» на непосредственные практические действия Болотникова выступает в момент окончания борьбы под Калугой весной 1607 г. Разбив наголову воевод Шуйского, Болотников пошел не на Москву, а «отправился в Тулу к князю Петру Федоровичу» (*Bussow*, стр. 75). Между тем, по верной оценке положения дел, данной Исааком Массой, если бы восставшие двинулись на Москву, то они «овладели бы ею без сопротивления» (*И. Масса*, стр. 170).

Библиотека "Руниверс"

путем распространения версии о «новом чудотворце царевиче Димитрии», так и разоблачениями о том, что правивший на Москве под именем «царя Димитрия» в действительности являлся самозванцем, Гришкой Отрепьевым и был убит в мае 1606 г. Воздействие этой пропаганды было тем сильнее, что тот факт, что «на Москве Гришку Розстригу убили миром всем», был широко известен. Болотников же, несмотря на все его усилия, не мог показать ни делегатам от москвичей осенью 1606 г., ни жителям осажденной Тулы осенью 1607 г. живого и осязаемого «царя Димитрия».

В борьбе между Болотниковым и Шуйским решающее преимущество феодалов по сравнению с восставшими крестьянами и холопами состояло в том, что феодалы опирались в этой борьбе на крепостническое государство и могли использовать против восставших всю мощь государственной машины с ее армией и тюрьмами, финансами и чиновниками, церковью и прочими средствами идеологического воздействия на массы.

В своей статье «Лев Толстой, как зеркало русской революции» Ленин, рассматривая Толстого как выразителя «тех идей и тех настроений, которые сложились у миллионов русского крестьянства ко времени наступления буржуазной революции в России», дает следующую характеристику основных черт, характеризующих классовую борьбу крестьянства:

«Противоречия во взглядах Толстого, с этой точки зрения, — действительное зеркало тех противоречивых условий, в которые поставлена была историческая деятельность крестьянства в нашей революции. С одной стороны, века крепостного гнета и десятилетия форсированного пореформенного разорения накопили горы ненависти, злобы и отчаянной решимости. Стремление смести до основания и казенную церковь, и помещиков, и помещичье правительство, уничтожить все старые формы и распорядки землевладения, расчистить землю, создать на место полицейски-классового государства общежитие свободных и равноправных мелких крестьян,— это стремление красной нитью проходит через каждый исторический шаг крестьян в нашей революции...

С другой стороны, крестьянство, стремясь к новым формам общежития, относилось очень бессознательно, патриархально, по-юродивому, к тому, каково должно быть это общежитие, какой борьбой надо завоевать себе свободу, какие руководители могут быть у него в этой борьбе, как относится к интересам крестьянской революции буржуазия и буржуазная интеллигенция, почему необходимо насильственное свержение царской власти для уничтожения помещичьего землевладения. Вся прошлая жизнь крестьянства научила его ненавидеть барина и чиновника, но не научила и не могла научить, где искать ответа на все эти вопросы» [1].

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 15, изд. 4, стр. 183—184.

Библиотека "Руниверс"

Эта ленинская характеристика, сделанная в широком плане, охватывает всю «историческую деятельность крестьянства» — не только за годы первой русской революции и десятилетия пореформенного XIX в., но и за «века крепостного гнета». Именно поэтому она может и должна быть использована при анализе восстания Болотникова.

Все те черты бессознательности, патриархальности, стихийности, которыми характеризовалась борьба крестьянства в революции 1905 г., — все эти черты в неизмеримо большей степени были присущи борьбе крестьян и холопов в восстании Болотникова — этом первом крупном «историческом шаге крестьян в нашей революции».

Коренной недостаток классовой борьбы крестьянства, отмечаемый Лениным, — непонимание того, «почему необходимо насильственное свержение царской власти для уничтожения помещичьего землевладения», — ярко выступает в восстании Болотникова (как и в позднейших крестьянских восстаниях) в виде идеи «хорошего царя» — защитника крестьян от «лихих бояр». Для восстания Болотникова, с одной стороны, характерна стихийная расправа восставших крестьян и холопов с представителями крепостнического государства, осуществлявшаяся путем казней воевод, дьяков и других представителей царской власти, а с другой стороны — наивная вера восставших масс в «царя Димитрия», как «хорошего царя», который должен принести угнетенным классам свободу от помещиков и бояр.

Политической организованности феодалов, выражавшейся в мобилизации ими всей мощи крепостнического государства для подавления восстания Болотникова, противостояла одна лишь стихийная сила восставших крестьян и холопов.

И. В. Сталин охарактеризовал восстания Болотникова, Разина и Пугачева как первые попытки стихийных восстаний крестьянства против феодального гнета. Эта сталинская формула, раскрывая социальную природу восстания Болотникова, определяет вместе с тем и историческое значение этого движения.

Для правильной оценки исторического значения восстания Болотникова необходимо рассматривать его в плане большой исторической перспективы. Будучи первой попыткой стихийного восстания крестьянства против феодального гнета, первым «историческим шагом крестьян в нашей революции», восстание Болотникова открывает собой цепь восстаний и возмущений народных масс, потрясавших Россию на протяжении 300 лет и завершившихся разгромом царизма и буржуазии в 1917 г.

И. В. Сталин, характеризуя 300-летнее царствование династии Романовых, намечает следующую цепь «восстаний и возмущений на протяжении этих 300 лет: восстание Стеньки Разина, восстание Емельяна Пугачева, восстание декабристов, революция 1905 г.,

Библиотека "Руниверс"

революция в феврале 1917 г., Октябрьская революция»[1]. Восстание Болотникова является непосредственным предшественником этих крупнейших классовых битв в истории России XVII—XX вв.

Будучи первой попыткой стихийного восстания крестьянства против феодального гнета, восстание Болотникова потерпело поражение и было подавлено феодалами. Но если Болотникову не удалось разрешить задачу уничтожения феодального гнета, то великой исторической заслугой восстания Болотникова является то, что эта гигантская задача была поставлена восставшими в 1606 г. крестьянами и холопами. Именно восстание Болотникова положило начало той борьбе за уничтожение феодального гнета, которая, по выражению Ленина, «красной нитью проходит через каждый исторический шаг крестьян в нашей революции».

Этим определяется место восстания Болотникова в истории.

---

[1] *И. В. Сталин*, Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, М. 1938, стр. 7.

Библиотека "Руниверс"

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Второе издание настоящей книги отличается от первого главным образом дополнениями как в основном тексте, так и в приложениях [1].

Дополнения в основном тексте двоякого рода. Первая группа дополнений ставит целью развить более подробно отдельные моменты, а также восполнить пробелы, имевшиеся в первом издании. К числу этих дополнений относятся: анализ характеристики восстаний Болотникова, Разина и Пугачева, данной И. В. Сталиным в его беседе с Э. Людвигом (см. «Введение», стр. 27), раздел о кабальном холопстве в XVI в. (см. главу «Предпосылки восстания», стр. 52), характеристика населения южных и юго-западных городов Русского государства и роли казаков, стрельцов и городских низов в восстании Болотникова (см. главу «Начало восстания», стр. 122), замечание о возрасте Болотникова во время восстания (см. главу «Поход на Москву», стр. 138), замечание об участии «юртовских татар» в Астраханском восстании (см. главу «Борьба в городах. Астрахань», стр. 238), характеристика социальной программы восстания (см. главу «Осада Москвы», стр. 283, и главу «Природа восстания Болотникова и его историческое значение», стр. 499), характеристика положения внутри Тулы во время осады ее войсками Василия Шуйского (см. главу «Оборона Тулы и конец восстания», стр. 463). Вторая группа дополнений связана с открытием М. Н. Тихомировым нового источника по истории восстания Болотникова (см. об этом источнике во «Введении», стр. 31). Получив возможность благодаря любезному разрешению М. Н. Ти-

[1] Первое издание книги «Восстание Болотникова» вышло в Ленинграде в 1949 г.

Библиотека "Руниверс"

хомирова использовать еще в рукописи найденное им Сказание при подготовке настоящего издания, я постарался учесть и ввести в изложение все то новое, что содержит по истории восстания Болотникова это Сказание.

Из этой группы дополнений (на стр. 106, 137, 264, 322, 336, 339, 379, 395, 438, 439, 444, 446, 458, 470, 509) наиболее существенными являются дополнения, связанные с данными, сообщаемыми Сказанием по вопросу о целях похода Болотникова на Москву (см. стр. 137), о размерах войска Болотникова (см. стр. 264), об обстоятельствах и мотивах перехода Болотникова из Калуги в Тулу весной 1607 г. (см. стр. 395 и 422), о попытке нового похода Болотникова из Тулы в Москву (см. стр. 438), о национальном составе участников восстания Болотникова (см. стр. 509).

Материалы о восстании Болотникова, содержащиеся в Сказании, найденном М. Н. Тихомировым, не только дополняют и уточняют наши сведения по ряду конкретных вопросов истории восстания, но и позволяют более отчетливо представить один из центральных моментов в истории восстания Болотникова — переход Болотникова из Калуги в Тулу в мае 1607 г. и попытку его повторить поход на Москву в июне 1607 г.

Что касается дополнений в «Приложениях» к книге, то они состоят во включении в состав настоящего издания трех документальных приложений: 1) «Новый список Уложения 9 марта 1607 г.», 2) «Послание дворянина к дворянину» и 3) «Английское донесение о восстании Болотникова», а также приложения текстового: «Восстание сибирских племен в Березовском уезде 1607 года». Заново вычерчена для настоящего издания карта [1].

Наконец, добавлены указатели: географический и личных имен (составлены З. Н. Савельевой). Таковы основные отличия настоящего издания от первого.

---

[1] За просмотр карты и ценные указания приношу благодарность И. А. Голубцову.

Библиотека "Руниверс"

Приложения

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ПРИЛОЖЕНИЕ I

О ПЛАНЕ МОСКВЫ ИСААКА МАССЫ

Публикуемый в настоящей работе план Москвы Исаака Массы представляет двоякий интерес для истории восстания Болотникова.

Прежде всего, конечно, план Исаака Массы интересен тем, что он современен восстанию Болотникова и, таким образом, дает наглядное представление о том, какой была Москва в годы восстания Болотникова.

Но план Исаака Массы приобретает еще больший интерес благодаря тому изображению, которое имеется в нижней части плана.

Изображение это представляет собой не что иное, как картину битвы между Болотниковым и Шуйским 2 декабря 1606 г.

* * *

С именем Исаака Массы связаны два плана Москвы. Первый из этих планов, приложенный самим Исааком Массой к его Запискам, давно уж получил известность и был издан Археографической комиссией в 1874 г. в качестве приложения к изданию «Сказания Массы и Геркмана о Смутном времени в России».

Историю этого плана подробно рассказывает сам Исаак Масса, сообщающий о том, что он получил этот план от «некоего дворянина» — москвича, начертившего план Москвы и подарившего его Исааку Массе.

По свидетельству Исаака Массы, план Москвы, приложенный к его Запискам, отличался большой точностью: «Поистине, когда бы Вам самим довелось увидеть Москву, Вы бы нашли ее именно такою, какою она изображена и представлена здесь» [1].

Что касается второго из планов Москвы (публикуемого в данной книге), то он по каким-то причинам не был включен Исааком

[1] *И. Масса*, Краткое известие о Московии в начале XVII в., М. 1937, стр. 132.

Библиотека "Руниверс"

Массой в состав его книги и сохранился лишь в оригинале, в альбоме под названием «Album Amicorum», принадлежавшем Исааку Массе и находящемся в настоящее время в Королевской библиотеке в Гааге. План этот был издан в 80-х годах XIX в. в издании «Archif voor Nederlandische Kunsgeschieden», dl. IV (1881—1882), Rotterdam.

В русской же литературе он был впервые исследован и опубликован лишь в 1929 г. в статье известного специалиста по истории Москвы П. Н. Миллера «Новый план Исаака Массы» [1].

В своей статье П. Н. Миллер в итоге сравнения нового плана с планом, приложенным к Запискам Исаака Массы, приходит к выводу, что «один из них дополняет другой, подробно воспроизводя все так называемые крепостные сооружения, указывая их места и рисуя их приблизительную форму» [2].

С этим выводом вполне можно согласиться. Действительно, сравнение обоих планов Москвы Исаака Массы с бесспорностью убеждает в том, что оба они имеют одно и то же происхождение и составлены если не одним и тем же лицом (хотя вероятнее всего именно тем «дворянином», о котором говорит Исаак Масса), то во всяком случае современником-москвичом, представляя, таким образом, *русские планы Москвы начала XVII в.*, сохраненные нам голландским мемуаристом. При этом оценка, данная Исааком Массой первому плану, в смысле его достоверности и точности может быть с полным основанием распространена и на второй.

Все эти соображения о характере и происхождении планов Исаака Массы важны для нас не столько в плане оценки их как источников для истории города Москвы (что не является непосредственной темой настоящей работы), сколько в том отношении, что они создают предпосылки для определения значения того изображения, которое имеется на втором из планов Исаака Массы.

Как сказано уже выше, мы рассматриваем это изображение как картину битвы между Болотниковым и Шуйским 2 декабря 1606 г. Давая такую интерпретацию изображения на плане Москвы Исаака Массы, мы коренным образом расходимся с П. Н. Миллером, который видел в событии, изображенном на плане Исаака Массы, маневры, устроенные 12—13 мая 1606 г. Лжедмитрием I.

В своем истолковании изображения на плане Исаака Массы П. Н. Миллер опирался на сообщение одной анонимной брошюры, вышедшей в 1608 г. в Кельне под заглавием «Tragoedia Moscovitica sive de vita et morte Demetrii... narratio».

[1] «Труды Общества изучения Московской области», вып. 5. «Старая Москва», сборник 1, М. 1929.

[2] *П. Н. Миллер*, цит. соч., стр. 150.

Библиотека "Руниверс"

Сообщение это, привлекшее внимание П. Н. Миллера, касается проекта Лжедмитрия I устроить под Москвой своего рода военный праздник с маневрами и имеет следующий вид: «В следующие два дня (12 и 13 мая. — *И. С.)* двор оглашался громкими звуками труб и шумом железных литавр; пушки были вывезены за город, где была выстроена деревянная крепостца для изображения примерного приступа и маневров, но всему этому помешал готовившийся уже тайно заговор» [1].

П. Н. Миллер в доказательство своего утверждения, что в изображении на плане Исаака Массы «следует видеть маневры, устраивавшиеся Дмитрием», цитирует только что приведенный нами текст [2]. Но, как мы видели, известие о маневрах заканчивается указанием на то, что предполагавшиеся маневры не состоялись вследствие убийства Лжедмитрия.

П. Н. Миллер, однако, используя первую часть известия кельнской брошюры, отвергает вторую часть свидетельства о маневрах, указывая, что «повидимому, заговор, о котором здесь говорится, ничему не помешал, и военная игра состоялась» [3].

Этот столь ответственный свой тезис П. Н. Миллер, однако, не подкрепляет никакой аргументацией, ограничиваясь лишь замечанием, что «изображение на новом плане следует отнести именно к маневрам 12—13 мая, так как оно слишком реально, чтобы предположить его лишь плодом фантазии Исаака Массы» [4]. Очевидно, однако, что альтернативная постановка вопроса П. Н. Миллера в данном случае не может быть признана правомерной. Реалистический характер изображения на плане Москвы вовсе не обязывает нас к признанию изображенного на плане события маневрами Лжедмитрия. Сюжетом для этого изображения могло послужить совершенно иное событие.

Прежде чем привести аргументы в защиту предлагаемой нами интерпретации изображения на плане Исаака Массы, следует указать на полную невозможность принятия гипотезы П. Н. Миллера.

Известие о маневрах Лжедмитрия I, приведенное П. Н. Миллером, имеется и в ряде других источников. И все эти источники неизменно подчеркивают, что намеченные Лжедмитрием маневры не состоялись.

По понятным причинам, особый интерес для нас должно представлять то, что сообщает по вопросу о маневрах Лжедмитрия I Исаак Масса.

---

[1] «Московская трагедия или рассказ о жизни и смерти Дмитрия». Перевод с латинского А. Браудо и И. Росциуса, СПб. 1901, стр. 49—50.

[2] *П. Н. Миллер*, цит. соч., стр. 151.

[3] Там же.

[4] Там же.

Библиотека "Руниверс"

Свидетельство Исаака Массы носит вполне категорический характер: «В понедельник и во вторник (т. е. 12 и 13 мая. — *И. С.*) громко играли на различных инструментах, также трубили в трубы и били в барабаны, также была назначена травля зверей в Кремле, а также приготовлена крепостца, которую для потехи намеревались брать приступом. *Но все это было оставлено по причине дурных предзнаменований*» [1].

Итак, Исаак Масса, сообщая о предполагавшемся устройстве Лжедмитрием I маневров, в том числе и военной игры с взятием «крепостцы», прямо говорит, что игра была отменена.

Этот рассказ Исаака Массы, собственно говоря, полностью исключает возможность истолковывать изображение на принадлежавшем ему же плане Москвы как изображение... маневров Лжедмитрия I.

Добавочный материал по вопросу о маневрах Лжедмитрия I содержится в так называемом «Дневнике польских послов». Ценность сообщения «Дневника польских послов» состоит в том, что в нем содержится точная дата дня предполагавшихся маневров: воскресенье 28 мая по новому стилю (т. е. 18 мая по московскому календарю). «К сему дню польские рыцари готовились ломать копья, по случаю царской свадьбы: несколько пушек было отправлено в поле для пальбы» [2].

Таким образом, военная игра под Москвой была назначена на воскресенье 18 мая 1606 г. Ясно, что она не могла состояться, так как 17 мая 1606 г. Лжедмитрий был свергнут и убит [3].

Итак, рассмотрение известий источников по вопросу о маневрах Лжедмитрия I полностью опровергает гипотезу П. Н. Милера.

---

[1] *И. Масса*, цит. изд., стр. 136. Курсив мой. — *И. С.*

[2] *Устрялов*, Сказания современников о Дмитрии Самозванце, т. II, изд. 3, СПб. 1859, стр. 236.

[3] Дату 18 мая как день предполагавшихся маневров Лжедмитрия I называют и русские источники: «Иное Сказание» и показания Бучинских (РИБ, т. XIII, стб. 56 и 77).

Исключительно важные данные по вопросу о маневрах Лжедмитрия I сообщает также А. Палицын, указывая, что Лжедмитрий намеревался «игру зделати *за враты Стретенскими* к Напрудному на поли, и тешитися из наряду пушечнаго». В планы Лжедмитрия входило, по Палицыну, использовать задуманную «игру» для того, чтобы «погубити московских бояр». Однако, подчеркивает А. Палицын, «лютый сей совет его прежде двою день сроку уведен бысть» и Лжедмитрий был убит (РИБ, т. XIII, стб. 497 и 996).

Итак, подтверждая свидетельства других источников относительно даты предполагавшейся «игры» Лжедмитрия и то, что эта «игра» не состоялась, А. Палицын вместе с тем называет *точное место*, где должна была быть устроена «игра». Этим местом должно было явиться поле за Сретенскими воротами, т. е. район, находящийся в противоположном конце Москвы по сравнению с районом Калужских и Серпуховских ворот, являющимся полем битвы, изображенной на плане Москвы Исаака Массы.

(Указаниями на сведения, содержащиеся в настоящем примечании, я обязан Е. Н. Кушевой.)

Библиотека "Руниверс"

К этому следует добавить, что и самый характер события, изображенного на плане Исаака Массы, исключает возможность истолковать его как маневры или военную игру.

В действительности на плане изображена картина не потешного боя, а настоящей битвы, и притом битвы исключительно ожесточенной и кровавой. Стреляют пушки. Бьются всадники. Другая группа всадников стреляет из луков. Поле битвы усеяно трупами убитых. Валяются отрубленные руки и ноги. На поле битвы масса брошенного оружия. Трупы лошадей. Картина изображает последний этап битвы, когда побеждающая сторона преследует противника, обращая его в бегство.

В центре композиции — конное изображение царя в короне, бармах и со скипетром в руке.

Что же за событие изобразил художник на плане Москвы Исаака Массы?

Я думаю, что единственно возможный ответ на поставленный вопрос — это интерпретация сражения, изображенного на плане Исаака Массы, как битвы 2 декабря 1606 г. между Болотниковым и Шуйским.

Отождествить сражение, изображенное на плане Москвы, с битвой 2 декабря 1606 г. позволяет прежде всего топография этого сражения. Район сражения, изображенного на плане, точно совпадает с местом сражения 2 декабря 1606 г.

Вторым доказательством в пользу такого отождествления являются масштабы сражения. Единственное сражение, которое по своим масштабам может быть сопоставлено с изображенным на рисунке, — это именно сражение 2 декабря 1606 г., в котором участвовали основные силы как Болотникова, так и Шуйского.

Здесь, впрочем, необходимо сделать одно уточнение. Я полагаю, что было бы ошибкой подходить к рисунку на плане Москвы, как к фотографически точному воспроизведению картины сражения 2 декабря 1606 г. Перед нами — миниатюра начала XVII в., сделанная по законам русской живописи того времени. Это давало право автору рисунка вводить в свой рисунок отдельные элементы, которых могло и не быть в сражении 2 декабря 1606 г., но которые являлись необходимыми с точки зрения цельности художественной композиции рисунка.

Таким элементом является изображение царя Василия Шуйского участником сражения. В действительности, как показывает анализ источников (см. в тексте стр. 307—308), Шуйский в сражении 2 декабря личного участия не принимал, и источники отмечают личное участие царя в другом сражении — сражении 26—27 ноября. Однако художник, давая обобщенную картину сражения под стенами Москвы, перенес деталь сражения 26—27 ноября в изображение сражения 2 декабря.

Библиотека "Руниверс"

Что касается самого изображения царя Василия Шуйского на рисунке, то было бы напрасно искать здесь черт какого-либо портретного сходства с Василием Шуйским.

Для изображения Шуйского использован традиционный для древнерусской миниатюры образ царя на коне, причем определяющим моментом для этого образа являются знаки царской власти: царский венец и скипетр [1]. Впрочем, изображение Василия Шуйского на плане Москвы вполне соответствует тому описанию, которое имеется в рассказе «Иного Сказания» об участии царя в сражении 26—27 ноября 1606 г. (см. в тексте стр. 307—308).

Говоря об изображении Шуйского, следует коснуться и того сооружения, в центре которого помещена фигура царя. П. Н. Миллер давал следующую интерпретацию этой части рисунка: «К югу от города и между обоими замоскворецкими воротами изображена крепостца, ее окружает прикрытие, за которым с запада, юга и востока расположены стреляющие пушки, за пушками находятся густые отряды латников с щитами, а за ними колонны кавалерии с лесом пик» [2]. Эта интерпретация, однако, целиком покоится на ложной предпосылке о маневрах Лжедмитрия. Я думаю, что для объяснения рассматриваемой детали рисунка на плане Москвы следует привлечь не рассказы о потешной «крепостце», сооруженной при Лжедмитрии I, а сообщение Исаака Массы об «обозе» (wagenborch), устроенном воеводами Шуйского «перед самыми городскими воротами» во время осады Москвы Болотниковым; в связи с описанием этого «обоза» Исаак Масса упоминает и о «множестве пушек» [3].

В центре этого «обоза» художник и поместил Василия Шуйского [4].

Чтобы закончить рассмотрение содержания рисунка сражения, следует отметить еще одну его деталь, имеющую большое значение для разъяснения смысла этого рисунка. Деталью этой является изображение в медальоне в правом нижнем углу плана Москвы церкви в селе Коломенском. При всей схематичности этого изображения в нем сохранены основные черты знаменитого Коломенского «столпа», и отождествление данного изображения с церковью села Коломенского не может вызывать сомнений.

---

[1] Наиболее близко к изображению Шуйского на плане Москвы изображение царя Ивана Грозного на рисунке в одном из списков «Казанского летописца» (см. ПСРЛ, т. XIX, рис. 1). Об изображении царя в древнерусской миниатюре см. *А. В. Арциховский*, Древнерусские миниатюры как исторический источник, М. 1944, стр. 115 и сл.

[2] *П. Н. Миллер*, цит. соч., стр. 151.

[3] *И. Масса*, стр. 162.

[4] Следует отметить еще одну ошибку, допущенную П. Н. Миллером: то, что он принял за «щиты» латников, в действительности является колесами пушечных лафетов.

Библиотека "Руниверс"

Столь же несомненна и цель изображения церкви села Коломенского на рассматриваемом рисунке.

Коломенское являлось местом главного лагеря Болотникова под Москвой. Из Коломенского Болотников двинулся навстречу воеводам Шуйского 2 декабря 1606 г. Наконец, в Коломенское отступил Болотников после проигрыша сражения 2 декабря.

Помещая на своем рисунке изображение церкви села Коломенского, автор рисунка этим самым символически изображал лагерь Болотникова и вместе с тем указывал, кого он разумел под противником царского войска. Не случайно, конечно, что из двух групп обращенных в бегство всадников одна отступает именно по направлению к Коломенскому.

Приведенных соображений, мне представляется, достаточно для доказательства основного положения — того, что рисунок на плане Москвы есть картина сражения 2 декабря 1606 г. между Болотниковым и Шуйским.

Но если это так, то план Москвы Исаака Массы приобретает значение ценнейшего источника для истории восстания Болотникова.

Перед нами уникальное, в полном смысле слова, изображение одного из крупнейших событий восстания Болотникова и притом сделанное рукою современника и очевидца.

Так как никаких других графических или живописных материалов, связанных с Болотниковым, нет, то рисунок на плане Москвы является единственным, дающим возможность не только изучать восстание Болотникова, но и *видеть* одну из крупнейших битв этого восстания.

Библиотека "Руниверс"

ПРИЛОЖЕНИЕ II

НОВЫЙ СПИСОК УЛОЖЕНИЯ 9 МАРТА 1607 г.

Публикуемый ниже новый Татищевский список Соборного уложения царя Василия Шуйского 9 марта 1607 г. о крестьянах и холопах дает некоторый дополнительный материал к вызывавшему когда-то ожесточенные споры и еще и до настоящего времени не получившему единодушного решения вопросу о подлинности или достоверности Уложения 9 марта 1607 г.

Первое, что следует сказать по поводу публикуемого списка, это то, что он дает текст Уложения значительно лучший, чем тот, который известен по Татищевскому изданию Судебника 1768 г. Если о тексте Уложения 9 марта 1607 г. в том виде, как оно напечатано в издании 1768 г., С. Б. Веселовский справедливо говорил, что это «не подлинный текст, а изложение его языком более позднего времени, приблизительно конца XVII в. или начала XVIII в.»[1], то в новом списке черты подновления языка текста если не полностью, то в значительной степени отсутствуют.

Преимущества публикуемого списка по сравнению с текстом в издании 1768 г. не ограничиваются тем, что новый список старше по языку. Не менее существенно и то, что текст Уложения 9 марта 1607 г. в публикуемом списке и со стороны смысловой исправнее текста печатного издания. Так, известное место введения к Уложению о том, что царь Борис Годунов «те книги оставил» и т. д., вынуждавшее исследователей (С. Б. Веселовского, Б. Д. Грекова) к конъектурам, в публикуемом списке читается: «те книги отставил», т. е. дает исправный текст. Другим примером существенного улучшения текста Уложения в новом

[1] *С. Б. Веселовский*, Из истории закрепощения крестьян. «Ученые записки Института истории РАНИОН», т. V, 1928, стр. 205.

Библиотека "Руниверс"

списке может служить то место Уложения, где говорится о возврате беглых крестьян. Вместо редакции печатного издания: «тех крестьян отдавати по тем книгам со всеми их животы тем, за кем они писаны», публикуемый список дает более полную редакцию: «тех крестьян отдавати по тем книгам *с женами и детми* и со всеми их животы» и т. д. (курсив мой. — *И. С.*).

Весьма важно и содержащееся в новом списке дополнение к постановлению Уложения 9 марта о том, чтобы впредь беглого крестьянина «за пятнатцать лет не искати». Новый список дает более полную редакцию: «за пятнатцать лет не искати *и суда не давати*» (курсив мой. — *И. С.*).

Отмечая эти особенности текста нового списка, следует вместе с тем подчеркнуть и другое: в целом текст Уложения 9 марта 1607 г. по новому списку совпадает с текстом в издании 1768 г.

Второй момент, характеризующий публикуемый список, пожалуй, еще более важен, чем текстологические особенности нового списка. Момент этот касается происхождения данного списка.

Как известно, до сих пор считалось, что текст Уложения 9 марта 1607 г. был напечатан в Татищевском издании Судебника по списку, полученному Татищевым от князя С. Д. Голицына. Такое решение вопроса о происхождении списка Уложения 9 марта 1607 г. основывалось на тех данных, которые по этому вопросу содержались в Судебнике издания 1768 г.

В этом издании вслед за основным текстом Судебника 1550 г. и дополнительных статей к нему и, предваряя текст Уложения 9 марта 1607 г. (а также двух других документов), помещено своего рода введение, в котором Татищев сообщает о том, что за рукописи («манускрипты») положены им в основу его издания Судебника.

Введение это гласит следующее: «Сии все царей Иоанна Васильевича и сына его Феодора и Бориса Годунова законы списаны точно с манускрипта Бартеневского, кроме двух статей из Голицына и Волынского, с которыми сверено и поправливано, но сверх сего я еще сих государей неколико из архив Казанской, Астраханской и Сибирской имею, токмо слабость моя мне из тех не малых книг выбрать не допустила, а приобщил токмо полученныя в бытность мою в Казани от любомудраго и хвалы достойнаго губернатора князя Сергия Голицына писмо царя Иоанна Васильевича, да соборное уложение царя Бориса, которые более за историю, нежели за законы почесть, да царя Василия Шуйского о беглых, как следует» [1].

[1] Судебник, изд. 1768 г., стр. 127.

Библиотека "Руниверс"

Из приведенного текста действительно следует, что указ «царя Василия Шуйского о беглых», т. е. Уложение 9 марта 1607 г., был получен Татищевым от князя Голицына, т. е. из того же самого источника, что и письмо Ивана Грозного казанскому архиепископу Гурию и «Соборное уложение царя Бориса».

Такое решение вопроса о происхождении списка Уложения 9 марта 1607 г., напечатанного Татищевым, послужило С. Ф. Платонову основанием для гипотезы о том, что весь комплекс документов, полученных Татищевым от Голицына, является сомнительным с точки зрения их исторической достоверности: «Все три документа, резко отличаясь от предшествующих статей татищевского издания, оказываются или подложными, или испорченными». Высказываясь против обвинения Татищева в сознательной «порче» названных документов, Платонов вместе с тем подчеркивает, что Татищев «не уразумел, что ему сообщили сомнительные документы» [1].

Постановка вопроса, данная Платоновым, при всей внешней благожелательности по отношению к Татищеву, однако, наносила очень сильный удар по Уложению 9 марта 1607 г., ибо и «письмо» Ивана Грозного Гурию казанскому и «Соборное уложение» Бориса Годунова, как показал тот же Платонов, действительно, если и не обязательно подложные, то во всяком случае памятники «в высшей степени сомнительные», — вывод, который с логической неизбежностью распространялся и на третий «голицынский» документ, т. е. на Уложение 9 марта 1607 г.

Публикуемый нами список полностью разрушает легенду о «голицынском» происхождении списка Уложения 9 марта 1607 г. Рукопись, из которой мы берем текст Уложения 9 марта 1607 г., сохранила и текст Татищевского введения к нему, но сохранила в существенно иной редакции.

Редакция эта имеет следующий вид: «Сии все царей Иоанна Васильевича, сына его Феодора и Бориса Федоровича законы списаны точно с манускрыпта Бартеневскаго, кроме дву, взятых из манускрыптов Голицынского и Волынского, с которыми оной свожен и поправливан, но все то точно в изъяснениах показано. Сверх сего я есче сих государей и последовавших до царя Алексия Михайловича имею неколико указов и наказов, выписанных из архиф Казанской, Астраханской и Сибирской из разных городов, токмо выписать и в порядок привести слабость моего тела препятствует; однако ж, колико возможность допустит, впредь не оставлю. А междо тем приобсчаю полученные в бытность мою в Казани от любомудраго и хвалы достойнаго бывшего губернатора князя Сергиа Голицына писмо царя Ивана Василиевича к

[1] *С. Ф. Платонов*, Очерки, стр. 611, примеч. 115.

Библиотека "Руниверс"

Гурию архиепископу казанскому да соборное уложение царя Бориса, из Чердынской архивы — закон царя Василиа Шуйского»[1].

Итак, история трех документов, приложенных Татищевым к его изданию Судебника, оказывается иной, чем она рисуется в издании Судебника 1768 г. Оказывается, что от Голицына Татищев получил списки лишь *двух* документов: письма Ивана Грозного Гурию казанскому и Уложения Бориса Годунова. Список же Уложения 9 марта 1607 г. не имеет никакого отношения к «голицынским» документам и был найден Татищевым в «Чердынской архиве», т. е., иначе говоря, в архиве Пермского воеводы, резиденцией которого в начале XVII в. являлась Чердынь.

Новое освещение вопроса о происхождении Татищевского списка Уложения 9 марта 1607 г. устраняет один из серьезных аргументов сторонников взгляда на Уложение 9 марта 1607 г., как на документ «сомнительный» или вовсе «подложный». Богатство сибирских архивов документами XVII в. и в особенности начала XVII в. — вещь, достаточно хорошо известная. Что касается в частности «Чердынской архивы», то о богатстве этого архива можно судить и по сохранившейся до настоящего времени части Чердынского архива, хранящейся в архиве Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР (оставшаяся в Чердыни часть архива сгорела во время пожара 1792 г.), и по Сборнику копий Чердынских актов, сделанному для Г. Ф. Миллера, хранящемуся в Архиве Академии наук СССР[2]. Вместе с тем пребывание Татищева на посту главного начальника горных заводов в Сибири и Перми в 1734—1737 гг. вполне объясняет путь, каким список Уложения 9 марта 1607 г. из «Чердынской архивы» мог попасть в руки Татищева, использовавшего свое пребывание в Сибири и на Урале, между прочим, и для собирания исторических материалов[3].

Последнее замечание, которое представляется необходимым предпослать тексту публикуемого списка Уложения 9 марта 1607 г., касается примечаний Татищева к тексту Уложения 9 марта.

Примечания эти в той редакции, в какой они имеются в Судебнике издания 1768 г., послужили основой еще для одной легенды, имевшей целью доказать недостоверность текста Уложения 9 марта 1607 г. Автором этой легенды является П. Н. Милюков. Касаясь вопроса о достоверности Уложения 9 марта 1607 г. и присоединяясь к мнению Карамзина о недостоверности татищевского текста, П. Н. Милюков выдвинул новое доказательство

---

[1] *Далее зачеркнуто:* как следуе (л. 13).

[2] Ф. 21, оп. 4, № 1. Подробнее см. примечания А. И. Андреева к т. I «Истории Сибири» Миллера (*Г. Ф. Миллер*, История Сибири, т. I, М. — Л. 1937, стр. 496).

[3] См. *Н. Попов*, Татищев и его время, М. 1861, стр. 139, 161, 445.

Библиотека "Руниверс"

в пользу своего взгляда на Уложение 9 марта, заявив, что в тексте этого документа есть бесспорная вставка, сделанная Татищевым. Вставкой этой, по Милюкову, являются слова: «Царь Борис Федоровичь те книги оставил да не совсем, [так] что судии не знали, как по тому суды вершити». Расценивая сделанное им открытие как «обстоятельство, ускользнувшее от исследователей», П. Н. Милюков подчеркивает, что «уже сам Татищев заметил в примечании..., что *слова эти прибавлены им самим*, чтобы напомнить об указе 1601 г.» [1]

В доказательство правильности своего утверждения П. Н. Милюков приводит примечание Татищева к тому месту Уложения 9 марта, которое он объявил вставкой Татищева. Примечание это (в редакции издания 1768 г.) гласит: «Сие я на тот закон § 166 п. С напомнил, и подлинно разумети было нельзя» [2].

Как мы видели, Милюков истолковывает это примечание как признание самого Татищева, что слова «Царь Борис и т. д.» являются сознательно сделанной им, Татищевым, вставкой — ссылкой на годуновский закон 1601 г. Однако толкование Милюкова, рассматривавшееся им как пример его исследовательской проницательности, является примером совсем иного рода и может служить образцом грубой ошибки в толковании текста.

В действительности смысл примечания Татищева не имеет ничего общего с тем, какой вкладывает в него Милюков. В соответствии с широко применявшейся Татищевым системой взаимных ссылок в примечаниях к тексту Судебника, Татищев и данным примечанием напоминает о своем примечании к тексту закона 1601 г., где он, Татищев, между прочим, ссылается на ту оценку закона 1601 г., которая давалась этому закону во введении к тексту Уложения 9 марта 1607 г., соглашаясь с правильностью этой оценки.

Верно понять смысл примечания Татищева к словам «Царь Борис и т. д.» можно уже и по изданию 1768 г. (если, конечно, не подходить к тексту с предвзятой точки зрения). Однако издание 1768 г. облегчало возможность неправильного истолкования текста Татищевского примечания. Ибо примечание С к § 166 [3], на которое ссылается Татищев в примечании к Уложению 9 марта 1607 г., в издании 1768 г. дано в неисправной редакции, в частности в тексте примечания отсутствует ссылка на Уложение 9 марта 1607 г.

---

[1] *П. Н. Милюков*, Крестьяне. «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона», т. 16, стр. 677. Курсив мой. — *И. С.*

[2] Судебник, изд. 1768 г., стр. 135.

[3] То-есть к закону 1601 г., точнее, к § 167, ибо то примечание, которое здесь имеет в виду Татищев, относится ко второй половине текста закона 1601 г., составляющей в издании 1768 г. § 167.

Библиотека "Руниверс"

Обращение к той рукописи, по которой печатается публикуемый ниже список, дает возможность полностью установить действительный смысл примечания Татищева к тексту Уложения 9 марта 1607 г.

Прежде всего само это примечание имеет иную редакцию: «Сие я на оной закон § 170, п. С напомнил, что весма смятно сочинен». Обращаясь теперь к примечанию С к § 170, т. е. к закону 1601 г. [1], мы читаем там следующее: «Сие [2] хитрое сего государя затемнение закона, как после царь Василий сказал, что не могли точно разуметь; ему были причины ко утверждению себя на престоле такие коварства употреблять: 1) выше п. а § 169 показано, что сей закон противо его разумения для приласкания токмо велмож; 2) чтоб тою темнотою велмож в нерешимые вражды ввести и отнять способы противо его соглашатся; 3) чтоб состояло в его воли оной толковать, как он хочет кого оправдать или обвинить. Французский историк Туанус поставляет его в коварствах Кромвелю другим таким превосходисшим (?) и что правила Махиавелевы никто боле как в действе изъявил [3]; монах Иосиф сказует, что он тому, которого погубить намерялся, наиболее ласкал и за великого приятеля почитал, а погубя, со слезами лицемерно сожалел и тяжкою клятвою ево невинность утверждал, колико тайно людей погубил украдучи, что и до днесь никто не знает, где делись и как украдены [4].

Таковых и в наши времена мне неколико случилось знать, яко Иван Милославской, Петр Толстой и Остерман, весма хитро свое коварство закрывать и погубление на других отводить умеюсчих. Да где их все ухисчрение? Не все ли с их жизнью, славою и честию погибло, а поношение во век пребудет» [5].

Итак, обвиняя Бориса Годунова в сознательном «затемнении закона», Татищев ссылается в подтверждение правильности своей оценки закона 1601 г. на то, что такую же оценку этого закона дал и «царь Василий» (т. е. Василий Шуйский) в Уложении 9 марта 1607 г., и цитирует — точнее, приводит в своей передаче — соответствующее место из введения к Уложению 9 марта. В свою очередь в примечании к Уложению 9 марта Татищев

---

[1] В отличие от издания 1768 г. в нашей рукописи закон 1601 г. помещен не в § 166—167, а в § 169—170.

[2] *Далее зачеркнуто:* есть.

[3] *Зачеркнуто:* мы таковых и после неколико имели.

[4] *Фраза:* колико... украдены, *вставлена на полях.*

[5] Листы 12—13; ср. в издании 1768 г.: «Политическое закона затемнение сего хитраго государя, дабы тол[ко]вать по своей воле и оправить того, кого хочет; но как он хитр ни был и какия мудрости к неправому укреплению себя на престоле ни употреблял, однакож божеская мудрость и правосудие перехитрила; Туанус французский историк почитает его паче всех таких хищников престола в хитростях превосходным» (стр. 127).

Библиотека "Руниверс"

напоминает о том, что на данное место этого закона он уже ссылался в примечании к закону 1601 г.

Таким образом, примечания Татищева не только не доказывают наличие «вставки» в тексте введения к Уложению 9 марта 1607 г., но, напротив, указывают на то, что Татищев рассматривал текст введения, как то, что «царь Василий сказал».

Версия Милюкова о вставке, сделанной Татищевым в текст введения к Уложению 9 марта 1607 г., историографически является продолжением и развитием взглядов Ключевского.

Ключевский, как известно, предложил свое решение вопроса о достоверности Уложения 9 марта. Объявив «недоразумением» обвинение Татищева в «подделке» текста указа, Ключевский объяснил «необычные обороты речи» и «другие странности» Уложения 9 марта тем, что вводная часть закона — «доклад» — дошла до нас не в подлиннике, а «в сокращенном изложении». Суть этого «сокращения», по Ключевскому, состояла в том, что, вместо того чтобы воспроизводить имевшиеся в «подлинном докладе» выдержки из указов 1597, 1601 и 1602 гг. о беглых, Татищев, которому «не хотелось переписывать этих длинных выдержек», «изложил доклад *своими словами* и с собственными пояснениями, основанными на предрассудке, будто за пять лет до указа 1597 г. по внушению Бориса Годунова издан был закон, прикрепивший крестьян к земле» [1]. Предлагая такое решение вопроса об Уложении 9 марта 1607 г., Ключевский, несомненно, исходил из действительно имевших место в подготовленном Татищевым издании Судебника случаев сокращения подлинного текста. Как на пример такого рода сокращения можно указать на статью 6 Судебника 1550 г.

В издании 1768 г. эта статья имеет следующий вид: «Кто виноватой солжет на судью, и обыщется про то до пряма, что он солгал, и того жалобника [челобитчика] осверх его вины казнити [наказати]» [2]. Сопоставление приведенного текста с подлинным текстом Судебника 1550 г. показывает наличие в Татищевском издании двух сокращений: 1) Татищев заменил обобщающим термином «судья» перечень подлинника: «а кто виноватой солжет на боярина, или на околничего, или на дворецкого, или на казначея, или на диака, или на подьячего», и 2) опустил конец статьи, где говорится о торговой казни, которой должен быть подвергнут виновный: «и того жалобника, сверх его вины, казнити торговою казнию, бити кнутьем да вкинути в тюрму» [3].

---

[1] *В. О. Ключевский*, Происхождение крепостного права. Цит. по изданию: *В. О. Ключевский*, Опыты и исследования. Первый сборник статей, Пг. 1918, стр. 234. Курсив автора.

[2] Судебник, изд. 1768 г., стр. 6.

[3] АИ, т. I, № 153, стр. 220.

Библиотека "Руниверс"

Произведенные Татищевым сокращения в тексте статьи 6 [1], однако, вовсе не результат того, что ему «не хотелось переписывать» подлинный текст, а, если так можно выразиться, сознательный археографический прием Татищева, специально оговоренный им в примечаниях. Так, по поводу первого из сокращений Татищев замечает: «Здесь також писано боярин, окольничей, дворецкой, казначей, дьяк и подъячей, что излишне, как я везде едино судьа вместо всех положил, чтоб плодовитостью непотребною не распространять» [2]. Точно так же мотивировано Татищевым и второе сокращение текста. В примечании к статье 33 Судебника, оканчивающейся также формулой о торговой казни, Татищев объясняет мотивы, по которым он в других статьях опускал это окончание: «Сие окончание, есть-ли судящие возьмут лишнее, или на судей кто в лишнем взятье лживо покажет, во многих статьях во избыток писано, а довольно одного положить, чтоб ошибкою смятения не нанести, для того я в следующих онаго более не писал» [3].

Таким образом, в обоих случаях перед нами сознательное редактирование текста, мотивированное и точно оговоренное Татищевым. Совершенно иной характер имеет отношение Татищева к тексту Уложения 9 марта 1607 г. Ни в подстрочных примечаниях, представляющих по сути дела детальный комментарий к закону, ни в итоговом «Нотабене», где Татищев дает общую оценку Уложения 9 марта 1607 г., Татищев не делает ни одного намека на какие-либо изменения, сделанные им в тексте закона (хотя и отмечает свое несогласие с отдельными положениями Уложения 9 марта 1607 г.). Общая же чрезвычайно высокая оценка Татищевым Уложения 9 марта 1607 г., которое, по Татищеву, «конечно более в себе разума и справедливости заключает, нежели в сочиненном Печатном» [4], исключает возможность проведения Татищевым в тексте этого закона редакционной правки, подобной той, какая им была произведена над текстом статьи 6 Судебника 1550 г.

Таким образом, ни «открытие» Милюкова, ни предположение Ключевского не имеют под собой объективной основы ни в тексте Уложения 9 марта 1607 г., ни в Татищевских примечаниях к нему.

Историография вопроса об Уложении 9 марта 1607 г. на протяжении всего XIX в. — от Карамзина до Платонова — идет (за отдельными исключениями, вроде Костомарова) под знаком более

---

[1] Как и в ряде других статей Судебника 1550 г.; см. по вариантам в АИ.

[2] Судебник, изд. 1768 г., стр. 6.

[3] Там же, стр. 20.

[4] То-есть в Уложении 1649 г.

Библиотека "Руниверс"

или менее скептического отношения к этому памятнику как историческому источнику. Лишь в советской историографии, в работах С. Б. Веселовского [1], Б. Д. Грекова [2], Н. С. Чаева [3], вопрос о достоверности Уложения 9 марта 1607 г. подвергся коренному пересмотру и получил обоснованное решение в положительном смысле.

Еще более определенно решает вопрос об исторической достоверности Уложения 9 марта 1607 г. Б. Д. Греков в книге «Крестьяне на Руси», подчеркивая, что «уложение Шуйского для нас имеет огромное познавательное значение» [4].

Публикуемый список Уложения 9 марта 1607 г. подкрепляет и усиливает позиции советских исследователей по утверждению значения Уложения 9 марта 1607 г. как одного из важнейших источников для истории русского крестьянства.

* * *

Рукопись, из которой извлечен публикуемый нами список Уложения 9 марта 1607 г., впервые была указана Н. Поповым в его сочинении «В. Н. Татищев и его время». Попов же в приложении к своей книге опубликовал часть примечаний Татищева к тексту дополнительных статей к Судебнику [5].

В настоящее время рукопись хранится в Центральном Государственном архиве Древних актов, под шифром: Гос. Древлехранилище. 5-й от., рубр. I, № 5. Рукопись имеет 62 листа. Заглавие на обложке — «Списки с указов с 1605 по 1622» — совершенно не соответствует содержанию. На листах 1—18 идет текст подготовленных Татищевым дополнительных указов к Судебнику 1550 г. с примечаниями; текст начинается на листе 1 с полуфразы примечания к § 104; листы 1—8 писаны рукою переписчика и кончаются § 137; листы 9—18 написаны рукою Татищева с поправками и помарками и дают текст с половины примечания к § 160, кончая Уложением 1607 г. и общим заключением Татищева. Текст статей Судебника и указов писан более крупно, текст примечаний — мелким почерком. Редакция примечаний отличается от печатной редакции. На листах 19 и 19 об. рукою Татищева черновой набросок статьи: «О беглых крестьянех ко изъяснению». На листах 20—62 рукою переписчика: «Реестр ука-

---

[1] *С. Б. Веселовский*, указ. соч.

[2] *Б. Д. Греков*, Происхождение крепостного права. Сборник «Крепостная Россия», 1930.

[3] *Н. С. Чаев*, К вопросу о сыске и прикреплении крестьян в Московском государстве в конце XVI в. «Исторические записки», т. VI.

[4] *Б. Д. Греков*. Крестьяне на Руси, М. — Л. 1946, стр. 902.

[5] См. *Н. Попов*, указ. соч., стр. 778—798.

Библиотека "Руниверс"

зом, касающимся до сенатской должности», и далее идет текст самых указов [1].

Уложение 9 марта 1607 г. занимает в рукописи листы 16—18 и разбито на четыре параграфа: 176—179, причем введение к Уложению составляет § 176; § 177 включает в себя текст Уложения, кончая словами: «...государь его сведом, где он живет»; § 178 начинается со слов: «А побежит женка»; § 179 составляет заключительную часть текста Уложения, со слов: «А которые после сего уложения крестьяне». Уложение печатается нами без разделения на параграфы, а примечания Татищева, которые в рукописи даны к каждому параграфу, сгруппированы позади текста.

1607 Г. МАРТА 9. — СОБОРНОЕ УЛОЖЕНИЕ ЦАРЯ ВАСИЛИЯ ШУЙСКОГО О КРЕСТЬЯНАХ И ХОЛОПАХ.

Лета 7115-го * марта в 9 день государь царь и великий князь Василий Ивановичь всеа Руси с отцом своим Иермогеном патриархом со всем освясченным собором и с своим царским сиглитом, слушав доклада Поместной избы бояр и диаков, что де переходом крестьян ** причинились великиа кромолы, ябеды и насилия немосчным от сильных, чего де при царе Иване *** Василиевиче не было, потому что крестьяне выход имели волный; а царь Федор Ивановичь, по наговору Бориса Годунова, не слушая советов старейших бояр, выход крестьяном заказал и у кого колико тогда крестьян где было книги учинил, [a] и после от того началися многие вражды, кромолы и тяжи [суды]. **** Царь Борис Федоровичь, видя в народе волнение велие, те книги отставил и переход крестьяном дал, да не совсем, что судии не знали, како по тому суды вершити. [b] И ныне чинятся в том великие разпри и насилиа, многим разорения, и убивства смертные, и многие разбои, и по путем граблениа содеяшася и содеваются.

Сего ради приговорили есми ***** и уложили по святым вселенским соборам и по правилом святых отец: [c]

Которые крестьяне от сего числа пред сим за 15 лет в книгах 101-го году положены, и тем быть за теми, за кем писаны; а буде

---

[1] Археографическое описание рукописи Татищева принадлежит Е. Н. Кушевой, которой приношу благодарность за помощь, оказанную при подготовке к изданию текста Уложения 9 марта 1607 г.

* *В рукоп.:* ЗРЕ[1607-го.

** *В рукоп.:* престьян

*** *В рукоп.:* Иване Иване

**** Здесь и далее квадратные скобки в рукописи.

***** *В рукоп.:* еми

Библиотека "Руниверс"

те крестьяне вышли за кого иного, и в том есть на крестьян тех или на тех, кто их держит, челобитье, и те дела не вершены, или кто сентября по 1-е число сего года будет бить челом, и тех крестьян отдавати по тем книгам, * с женами и детми и со всеми их животы, тем, за кем они писаны, до сроку рождества христова 116 году без пожилаго, [a1] а не отдаст кто на тот срок, ино на нем брати за прием и пожилое по сему уложению; а не было о которых крестьянех челобитья по сесь день и сентября по 1-е не будет, и тех после того не отдавати, а написати их в книги за тем, за кем они ныне живут, и впредь за пятнатцать лет о крестьянех суда не давати [b1] и крестьян не вывозити [не возвращать].

А буде которые отныне, из-за кого вышед, переидут к иному кому бы то ни было, и тот, к кому придет, примет противо сего нашего соборнаго уложениа, и у того, крестьянина взяв, перевести ему со всеми того крестьянина пожитки [туда], откуду он перебежал; а двор если тот крестьянин строил, заплатити чего судит, а двора не возити; да с него же на царя государя за то, что принял противно уложениа, доправити десять рублев: [c1] не принимай чужаго; да с него же за пожилое тому, чей крестьянин, за двор за всякой год по три рубли, и за холостаго тоже на год по три рубли. [d]

А придет к кому крестьянин нанятся в работу на лето или на зиму, или на весь год, а не семьею, и кто наимет не боле года, в том не винити, за прием и пожилаго не правити, потому что государь его сведом, где он живет. [e]

А побежит женка или вдова или девка в чужую отчину и выдет замуж, и того крестьянина, которой женится на чюжей женке, отдати тому, чья женка, со всеми его животы и з детми, кои от тоя беглыя родились; а буде у того крестьянина дети есть от первой жены, и до тех дела нет: с мачихою не отдавать, а буде они малы, то пустити с отцом, доколе коему минет от рода ** 15 лет. [a2]

А которые люди держат рабу до осмнатцати лет девку, а вдову молоду после мужа более дву лет, а парня холостаго за 20 лет, а не женят и воли им не дают, и той вдове, или девке, или парню идти к казначею, а казначею, опытав о том, и доведут, что им те лета минули, а государь их не женит, ино тем дати отпускные *** — в Москве казначею, а в иных городех наместником и судиам; [b2] а будет **** государь их бити челом о краже или сносе, и ему в том отказати и суда не давати: не держи не жанатых над закон божий и правила святых отец, да не умножится блуд и скверно деяние в людех. [c2]

---

* *В рукоп. далее зачеркнуто:* со всеми и
** *В рукоп.:* рада
*** *В рукоп.:* отпукные
**** *В рукоп.:* будь

Библиотека "Руниверс"

А которые после сего уложениа крестьяне, или холоп, или раба побежит от своего государя и придет к иному, государю искати своего холопа и рабу и крестьянина в пятнатцати * летех [от побега], а за пятнатцать лет не искати и суда не давати.

А в городех наместником, и воеводам и судиам, и диаком, и всяким приказным людем наведыватися во всем их в езде [уезде или ведомстве] чрез старост и сотников и свясченников, нет ли где пришлых вновь, [a3] и где ему скажут, и ему оных брати и спрашивати накрепко: чей он, и откуда ** и когда бежал, и где сколко жил, и не подговорил *** ли его кто, и буде скажет кто его подговорил и доведет на него [уличит], и того подговоршика казнити торговою казнию и взять с него порука, что ему отвести того беглаго к его государю; да с него же в казну **** взяти пени десять рублев, а с приимшиков, со всякого, кто его принимал и более седми дней держал, доправити в казну по десять рублев [в3] за двор и за одинакого мужика, а за бабу и за девку по три рубли за прием.

А примут чьего холопа, или крестьянина *****, или женку в царевы и великаго князя села или волости, или в черные волости, или в патриарши и святителские и монастырские села, ино за прием имати на волостелех [на прикасчиках] и на старосте, кто ****** ту волость тогда ведал [управлял] и пришлаго принял; а пожилые ******* и за дворы имати на тех селех и волостях, [с3] а в городех на всех посадских, по сему уложению.

А которой наместник, или судиа или диак и иной ******** приказной человек о пришлых в его в езде проведывать, и сыскивать, и допрашивать не будет и за прием в денгах полготит [не взысчет], а доведут на него в том, и с него те денги доправити вдвое и от дела отбросити, и впредь ему ни у какова государева ********* дела не быти. **********

N. B.: Если я по истории жития и дела царя Василиа Ивановича Шуйского и царя Алексея Михайловича вспомяну, то нахожу междо ими такую великую разницу, как междо пшеницею и куколем. Царь Алексий Михайловичь как военными, так гражданскими делами, а наипаче правосудием, милостию и добрым экономическим учреждением прославился, а оной не токмо сам от безпорядочных и непостоянных поступков престола и живота лишился, но всего государства разорению тяжкому дал причину. Противно же тому, что о беглых сей писал, то конечно более в себе разума и справедливости

---

* *В рукоп.:* патнатца —
** *В рукоп.:* отку
*** *В рукоп.:* поговорил
**** *В рукоп. слова:* в казну, *помещены над строкой.*
***** *В рукоп.:* крестьянниина
****** *В рукоп.:* то
******* *В рукоп. далее зачеркнуто:* имати
******** *В рукоп.:* инной
********* *В рукоп. слово:* государева, *помещено над строкой.*
********** *В рукоп. вслед за этим идет рассуждение Татищева под N. B.*

Библиотека "Руниверс"

заключает, нежели в сочиненном Печатном. Для того, трудно бы было верить, чтобы царь Василий столко в сем многотрудном деле участие имел, токмо при нем министры преостраго ума были, яко Мстилавской, другой — Скопин, котораго разум не токмо наши, но иностранные историки прославляют. Но царь Василий, забыв его великие заслуги и презря ожидаемую от него ползу, безумно умертвил и за то наиболее в несчастие впал. Третий * Михаил Салтыков, хотя ум свой на зло употребил, однако ж за весма остроумнаго почитался. Других не упоминаю.

ПРИМЕЧАНИЯ В. Н. ТАТИЩЕВА

[a] Книги поголовные для платежа дани, видится, по нашествии татар учинены были, а сии, яко крепость, о которых § 168 не ясно положено.

[в] Сие я на оной закон § 170 п. С напомнил, что весьма смятно сочинен.

[c] Выше уже показано, что они на соборы и правила св. отец ссылались на обум, как то и в Печатном на правила св. апостол и св. отец ссылано, ** которых не видали и нет, да и до днесь не токмо оные, но многих великих церкви учителей не переведено; мнил бы быть законам царей греческих, как Никон в Кормчей книге многие царские и неизвестных писателей за уставы или каноны соборные предал; но в Греции никаких и царских законов о беглых быть не потребно, зане все были волные; однако ж сие для утверждения своего вымысла в простом и не ведусчем писание народе не худо, потому что от суеверия более сему, нежели благоразумному разсуждению верить обыкли.

[a1] Без пожилаго мню по тому разсуждению, что крестьяне тогда есче к неволе не привыкли; 2-е, что законы о том были смятны, и сие есть мудрое разсуждение.

[в1] Срок беглым есть весма благоразсудно и для пресечения коварных ябед и наглых обид весма нуждное, как я сие особно изъяснил. Печатным уложением, гл. 11, ст. 1 и 3, не доволно разсудя, сие отставили; однако ж 15 лет видится мало, но мню: которые обе деревни из рук в руки не перешли — срок 30 лет, а если одна в другие руки перешла — 25, а когда обе за иными владетели, то за 20 лет есть умеренно.

[c1] Штраф за прием Петр Великий правильно 100 руб. положил, токмо оное упусчено и ни с кого не правлено; а сие есть тясчае и страшняе великих и протиозаконных пожилых лет.

[d] Пожилые денги тогда близко правости положены, ибо по нынешним денгам около 8-ми рубл., что редкой двор может отчинку заплатить. Но понеже я о сем из писма святаго и закона естественного инде пространо изъяснил, для того здесь непотребно разпространять.

[e] Сим может разумеет работы в ближних местах, как и в плакате поголовной дани положено в 30 верстах без паспортов наниматся, иначе же мог бы беглой, переходя в разных местах по году и менше, долгое время укрываться, но он о беглых ниже точно определил, что, если 7 дней неведомаго продержит, повинен за прием полной штраф или пеню платить.

[a2] В Печатном уложении видно, что из сего закона сие и другие обстоятельства точно взяты, и детей первой жены отдавать с отцом *** не велено; но дивно, для чего в оном пожитки свои **** мужику брать не велено, что справедливости противно.

---

* *В рукоп.:* (3)

** *Н. Попов прочел:* ссылались *(указ. соч., стр. 793).*

*** *В рукоп. слова:* с отцом, *вписаны над строкой.*

**** *В рукоп. слово:* свои, *написано над строкой.*

Библиотека "Руниверс"

в[2] Сие есть опасное, ибо к продолжению безбрачности бывают правильные причины, для того, не разсмотря оных, правилно решить не можно, но при том и то нуждно, чтоб судии, оных уволня, себе не брали.

с[2] О сем не могу помнить, чтоб где о летах брака, как здесь показано, в Библии упоминалося, а кроме Библии * ветхаго и новаго заветов мы законов божиих не имеем. И апостол Павел говорит: о девах повеления не имам, но советует лучше молодым в брак вступать, и апосле и о вдовах молодых говорит.** Однако ж сие можно за благоразсудное почесть. Сколько бо видим неразсудных и не разумеюсчих не токмо государственной ***, но и собственной своей ползы.

Служителей безбрачных держат, яко бы для лучшей их услуги, да сколко же оттого блуда, сквернодеяния, болезней, а блудно прижитым младенцам **** убивств бывает, того тяжкого греха не памятуют. Я бы мог напомнить некоторую госпожу, что девак для шитья лет по 30 держит, и каждогодно в той отчине по 2 и по три рабят мертвых находят. По сему я не иначе и сей закон, как полезной, благоразсудной, следственно с законом божиим и естественным за согласной почитаю, кроме что некоторый в нем недостаток и неясность.

а[3] О сем Петр Великий в плакате поголовном преизрядно учредил, что земские комисары и квартерные офицеры должны были надзирать. Но тем, которые от ненасытного любоимения были побеждены, беглых всяких принимали, было весьма противно. Для того сей всему государству полезной закон изтребили.

п[3] О времяни беглаго держания нуждна разсмотреть: 1) с женою и детми и одну ночь удержать без паспорта, а не объявить, 2) одинакого 3 дни держать без паспорта есть вина, а например 3) идет крестьянин и заболит, и кто из благоговенна его припяв, хотя и месяц продержит кроме от него работы, винным противо закона божиа почестся не может.

с[8] За прием и с дворцовых брать, а пожилые с дворцовых и государственных, так за оных с отчиников Петр Великий весма благоразсудно отставил, ведая, что из правежа онаго боле вреда и разореней, нежели ползы и прибытка.

И тако сим окончав, подсчуся, елико возможность допустит, и вышеписанных архив указы законные выбрав изъяснить и для любопытных, паче же для ползы отечества, к ведению и разсуждению о законех всем сообсчить, если бог силы мне и возможности к тому подать соизволит.

ЦГАДА, Гос. Древлехранилище, отд. 5-й, рубр. 1, д. 5, л. 16—18.

---

* *В рукоп. далее зачеркнуто:* мы

** *В рукоп. слова:* и апосле и о вдовах молодых говорит, *являются вставкой на полях.*

*** *В рукоп.:* государственной

**** *В рукоп.:* маденцам

Библиотека "Руниверс"

ПРИЛОЖЕНИЕ III

«ПОСЛАНИЕ ДВОРЯНИНА К ДВОРЯНИНУ»

«Послание дворянина к дворянину» было найдено Н. К. Никольским в одном из рукописных сборников XVII в., в списке, и опубликовано им же в № 4 журнала «Библиографические записки» за 1892 г.

Однако в издании Н. К. Никольского текст «Послания» воспроизведен очень небрежно, с опечатками, пропусками и неверным прочтением ряда слов (например, вместо «фортону» (т. е. фортуну) — «ростоку», вместо «ратные» — «раньше», вместо «погребище» — «потребище» и т. д.).

Эти недостатки публикации Н. К. Никольского, а также малодоступный характер того издания, где было напечатано «Послание», оправдывают вторичное издание настоящего памятника, представляющего исключительную ценность как источник для истории восстания Болотникова.

Почти с уверенностью можно документально установить личность автора «Послания дворянина к дворянину». В Писцовой книге города Тулы и Тульского уезда 1587—1589 гг. сохранилось описание поместья Ивана Фуникова: «За Иваном за Васильевым сыном Фуникова старое его поместье полсельца Рожественого на речке на Серебренке; пашни паханые доброй земли 30 четьи да перелогу 57 четьи с осминой, и обоего 87 четьи с осминой в поле, а в дву по тому ж, сена 60 копен» (Писцовые книги XVI в., под ред. Н. В. Калачова, отд. II, СПб. 1887, стр. 1150). Вторая половина сельца Роженственого составляла поместье брата Ивана Фуникова, Кузьмы. Кроме поместий, братьям Фуниковым принадлежали в Туле «осадные дворы»: один общий двор внутри «города» и по двору «за городом», на посаде (там же, стр. 1082 и 1090).

Библиотека "Руниверс"

Можно думать, что в момент составления Писцовой книги Иван Фуников был еще молодым человеком. На это указывает то, что при описании осадных дворов братьев Фуниковых Писцовая книга упоминает об их отце (там же, стр. 1090). Очевидно, братья Фуниковы стали самостоятельными дворовладельцами лишь незадолго до составления Писцовой книги, после смерти их отца. Таким образом, Иван Васильев сын Фуников вполне мог быть современником восстания Болотникова, что и позволяет отождествить его с Иванцом Фуниковым — автором «Послания дворянина к дворянину» (тем более, что автор «Послания» сам говорит о том, что ему «не мало лет» и что он «сед»).

«Послание» написано вскоре после подавления восстания Болотникова, вероятнее всего — весной 1608 г. (автор говорит о себе: «Апреля по 23 день повидимому в живых, а бедно убо и скорбно дни пребываю»).

Оценку «Послания» как памятника литературы см. у С. К. Шамбинаго (академическая «История русской литературы», т. II, ч. 2, 1948, стр. 41—42), которому принадлежит заслуга извлечения «Послания» из забвения.

«Послание» печатается нами по рукописи, точно воспроизводя текст списка. Места дефектные или сомнительные отмечены в примечаниях.

ПОСЛАНИЕ ДВОРЯНИНА К ДВОРЯНИНУ

Благих подателю и премудрому наказателю, нашего убожества милосерде взыскателю и скуднаго моего жительства присносущу питателю, государю моему имярек и отцу имярек, жаданный видети очес твоих светло на собя, якож преж бе не сытый зримаго и многоприятнаго милосердия твоего Фуников Иванец, якож прежней рабец, греха же моего ради яко странный старец, вожделен до сладости малаго сего писанейца до твоего величества и благородия не простирает бо ся сицево // писанейцо за оскудение разума моего и за злу фортону серца моего, точию рех ти: буди, государь, храним десницею вышнаго параклита, а по милости, государь, своей аще изволишь о нашем убожестве слышати, и я милостию творца и зижителя всяческих[1] апреля по 23 день повидимому в живых а бедно убо и скорбно дни пребываю, а милосердия твоего, государя своего, всегда не забываю. А мне, государь, тульские воры выломали на пытках руки и нарядили, что крюки, да вкинули в тюрму; и лавка, государь, была уска и взяла меня великая тоска, а послана рогожа и спать не

[1] Здесь, повидимому, пропуск слова «благ» или подобного ему.

Библиотека "Руниверс"

погоже //; седел 19 недель, а вон из тюрмы глядел. А мужики, что ляхи, дважды приводили к плахе, за старые шашни хотели скинуть з башни, а на пытках пытают, а правды не знают: правду де скажи, а ничего не солжи. А яз им божился и с ног свалился и на бок ложился: не много у меня ржи, нет во мне лжи, истинно глаголю, воистинну не лжу. И они того не знают болши того пытают, и учинили надо мною путем, мазали кожу двожды кожу кнутом [1]. Да моим, государь, грехом недуг не прилюбил, баня дурна да и мовник глуп, высоко взмахнул // тяжело хлыснул, ослез [2] добре велик и по ся места болит: прикажи государь, чем лечить, а мне, государь, наипаче за тебя бога молить, что бог тебя крепит: дай господи и впредь так творить. Да видех, государь, твоего, государя моего имярек, рукописание, прослезихся и крепости разума твоего удивихся, а милосердия твоего у князя Ивана рыбою насладихся и богу моему за тобя, государя моего, помолихся; да от сна вставая и спать ложась, ей, ей, всегда тож сотворяю. А тем, государь, твое жалованье платить, что за тебя бога молить, да и всяк то говорит: добро де он так творит // Да писал бы, государь, не мало да за великой смутой разума не стало, приклоних бо главу свою до земля рех ти: здравствуй, государь мой, о христе. Аминь. Да, не мало, государь, лет, а разума нет, и не переписать своих бед; розван [3] что баран, разорен до конца, а сед, что овца. Не оставили ни волосца животца, и деревню сожгли до кола, рожь ратные пожали, а сами збежали. А ныне воистинну живем в погребище и кладем огнище, а на ногах воистинну остались одне голенища и отбились голенища [4]. Зритель, государь, сердцам бог: не оставили шерстинки, ни лошадки, ни коровки, а в земли не сеяно // ни горстки; всего у меня было живота корова и та не здорова: видит бог, сломило рог. Да, бог сердца весть, нечего есть. Велел бог пожить и не о чем тужить. А я тебе, государю моему, преступя страх, из глубины возвах, имя господне призвах, много челом бью.

А о скорбех постигших нас не вем, что изрещи. Зрение нас устрашает, но, мню, и стихия нам зболезнует. Не единех бо нас постигоша злая, но и всю страну нашу. Земля, юже видел еси благу и населенну, узриша ея опустену и напоену кровми святых: пролияша бо ся крови подобно дождеви, и вместо // пшеница возрастоша нам терния. Узриши церковь божию сетующу и дряхлующу и яко вдову совлечену: красота бо ея отъята бысть иноплеменными, паче ж нашими воставшими на нас, богу тако изволшу. И узриши грады разорены и пожжены, вдовы и старии

[1] Так в рукописи.
[2] Так в рукописи. Повидимому, так автор «Послания» называет следы от битья кнутом (слезшую кожу!).
[3] Так в рукописи.
[4] Так в рукописи.

Библиотека "Руниверс"

сетующа и гладом таеми, середняя ж и невесты возхищени и обоимани руками чюжих, и младенцы раздробляемы, и самый той царствующий град, яко шипок красен зимою, противными нашими померзаем. Превосходит бо плач наш паче Вифлеомскаго плача: тамо бо токмо едини младенцы // убиваеми бываху и се число прииде, зде же старии и совершении умом и боголепныи образом и юннии леты и образом и всяк возраст не пощаден бысть. Превосходит воистину и Херсонскаго Устиниянова убиения: тамо бо токмо един град страдаше, зде ж не мала часть вселенныя в запустение положись.

Не прогневайся, что не все беды и разорения пишу: не бо ум мой постигнути или писанию предати возможет, да и тебе скорбь на скорбь не наложу. Твоя ж и моя вся взята быша без останка.

Рукописное отделение Государственной Публичной Библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, Собрание бывш. Софийской библиотеки, № 1480, л. 152—155 об.

Библиотека "Руниверс"

ПРИЛОЖЕНИЕ IV

АНГЛИЙСКОЕ ДОНЕСЕНИЕ О ВОССТАНИИ БОЛОТНИКОВА

Публикуемый ниже источник был найден профессором международного права Варшавского университета В. Н. Александренко и издан в подлиннике и в русском переводе в 1911 г. в XIV книге сборника «Старина и новизна», в составе (посмертной) публикации В. Н. Александренко «Материалы по Смутному времени на Руси XVII в.»

В 1941 г. русский перевод (исправленный) английского донесения был вновь издан в 13-м томе «Исторических записок», в приложении к моей статье «Английское известие 1607 г. о восстании Болотникова».

Важность английского донесения как источника для истории восстания Болотникова делает целесообразным издание его в качестве приложения в настоящей книге, предпослав тексту документа краткое введение, посвященное вопросу датировки и выяснения личности автора английского донесения.

* * *

Документ анонимный и не имеет даты. Однако время написания его устанавливается легко и достаточно точно на основании следующего места, которым заканчивается текст источника: «Болотников бежал с теми из своих людей, которые спаслись, в город по имени Калуга, в 100 милях или более от Москвы, где он укрепился и в течение трех месяцев выдерживал осаду, будучи поддерживаем плодороднейшей частью страны, лежащей между рек Доном и Днепром. Исход борьбы неопределенен». Итак, время написания документа относится к Калужскому периоду в истории восстания Болотникова. Указание на трехмесяч-

Библиотека "Руниверс"

ную осаду Калуги в сочетании с заявлением автора о том, что «исход борьбы неопределенен», позволяет датировать документ мартом или апрелем 1607 г. (Болотников отступил в Калугу в декабре 1606 г.). Что документ написан не позднее марта — апреля 1607 г., видно и из того, что в нем нет ни малейшего упоминания о «царевиче» Петре (Илейке Муромце), равно как и о Туле [1].

Автор документа — не только современник, но и очевидец описываемых событий. Это с достаточной определенностью видно из следующего места. Говоря об осаде Москвы войсками Болотникова, автор, сообщив о том, что «большая половина» Москвы была осаждена, замечает: «...другая же часть города, — я не знаю, в силу какого ослепления, — была оставлена открытой, так что могла получать подкрепления войском и припасами, пока слишком поздно они не спохватились, чтобы замкнуть блокаду, но были дважды отброшены с большими потерями».

Менее ясным представляется вопрос о личности автора документа. Чтобы попытаться разрешить этот вопрос, необходимо сказать несколько слов о русско-английских отношениях того времени. Отношения эти характеризуются исключительной активностью со стороны Англии, стремившейся использовать благоприятный момент прежде всего для восстановления торговых привилегий англичан, полученных «Московской компанией» от Ивана IV и утраченных в царствование Федора Ивановича и Бориса Годунова. Несмотря, однако, на интенсивную дипломатическую деятельность, англичанам не удалось вплоть до смерти Бориса Годунова добиться полного успеха, и переговоры последнего английского посла к Годунову, Томаса Смита, хотя и закончились подтверждением права англичан «торговати повольною торговлею всякими товары беспошлинно», как при Елизавете [2], но вместе с тем содержали и отказ правительства Бориса Годунова от удовлетворения требования англичан на право транзитной торговли с Персией [3].

Приход к власти Лжедимитрия I был использован английскими дипломатами в Москве, и в декабре 1605 г. Лжедимитрий I дает английским купцам новую «жалованную грамоту», полностью восстанавливающую все прежние привилегии англичан, данные

---

[1] В сентябре 1607 г. о «царевиче» Петре знали уже английские агенты не только в России, но и в Польше [см. донесение В. Брюсса от 5 сентября 1607 г.: «Сообщают за достоверное, что после Шуйского последним узурпатором Московским является какой-то Дмитрий Петрушка (Demetrius Petrillus), родственник последнему убитому Димитрию» («Старина и новизна», т. XIV, стр. 259)].

[2] Грамота от марта 1605 г., сокращенный русский текст («Старина и новизна», т. XIV, стр. 227).

[3] Та же грамота, английский текст (указ. изд., стр. 223—224).

Библиотека "Руниверс"

Иваном IV [1], и разрешает англичанам торговлю с Персией [2]. Главную роль в этих переговорах играл постоянный дипломатический агент Англии в Москве Джон Мерик. Принимая активное участие в дипломатических делах и до этого времени, Джон Мерик с 1605 г. и во все последующие годы иностранной интервенции становится главным дипломатическим агентом в России и руководит действиями английской дипломатии в Русском государстве. Однако если деятельность Джона Мерика достаточно хорошо известна за период до 1605 г. и еще лучше — начиная с 1613 г., то гораздо менее изучена деятельность Мерика за 1606—1612 гг., и исследователь истории русско-английских отношений XVI—XVII вв. И. И. Любименко признает, что, «к сожалению, многие пункты биографии Мерика остаются до сих пор невыясненными» [3].

Между тем для выяснения автора исследуемого источника (или круга лиц, из которого вышел источник) очень важно знать, где находился и что делал Джон Мерик в тот момент, описание которого содержится в английском документе. К сожалению, с полной определенностью разобраться в деятельности Мерика за этот период нам не удалось. И. И. Любименко не дает точных хронологических вех в деятельности Мерика за эти годы, ограничиваясь лишь общим замечанием о том, что «главной заслугой Мерика перед компанией были его неусыпные заботы о сохранении привилегии ее, подтвержденной, по его ходатайству, сначала Дмитрием, а потом царем Василием» [4]. Правда, в примечании к цитированному месту И. И. Любименко приводит весьма важный текст из челобитной торговых людей Московского государства 1649 г., который содержит существенные данные о Мерике. Текст этот следующий: «А во прошлом во 115 году писал ко государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русии аглинской Якуб король с посланником своим с Иваном Ульяновым (Мериком. — *И. С.*) о поволной торговле подданных его, аглинских гостей и торговых людей. И по указу царя Василья Ивановича всеа Русии писано к Якубу королю, что он, государь, гостей его пожаловал поволною торговлею безпошлинно и свою государеву жалованную грамоту велел им дати» [5].

Таким образом, в 115 г. Мерик приезжал из Англии с грамотой от Иакова I, вел с правительством Василия Шуйского переговоры о торговле и добился получения новой привилегии для

---

[1] Грамота от марта 1605 г., указ. изд., стр. 235—236.

[2] Там же, стр. 233.

[3] *И. Любименко*, Торговые сношения России с Англией при первых Романовых, ЖМНП, 1916 г., № 11, стр. 11.

[4] Там же.

[5] Сборник Хилкова, изд. Археографической комиссии, 1879, № 82, стр. 244—245.

Библиотека "Руниверс"

«Московской компании». Но «115-й год» включает в себя промежуток времени с сентября 1606 г. по август 1607 г. и не может поэтому быть признан за точную дату. Не многим больше материала содержит и английская биография Джона Мерика. Отметив успешную деятельность Мерика при Лжедимитрии I, биограф Мерика указывает, что, когда в 1606 г. Василий Шуйский стал царем, «Мерик снова имел успех, добившись возобновления привилегии, дарованной ранее его соотечественникам. Политические волнения, — продолжает автор, — вынудили Мерика уехать на время из Москвы в Архангельск и Холмогоры, и затем, в 1606 г. (late in 1606), он возвратился в Англию с докладом о ходе дел. Скоро, однако, он снова действует в России в качестве «агента», но вновь посещает Лондон в 1611 г.» [1] Таким образом, и здесь мы не находим точной хронологической канвы. Однако английская биография Мерика позволяет установить, что 1) Мерик был в Москве в момент перехода власти к Василию Шуйскому, 2) ездил в 1606 г. в Англию и 3) «скоро» вернулся обратно в Россию, оставаясь там до 1611 г. Менее ясно излагается в английской биографии Мерика вопрос о получении им новой привилегии для компаний. Автор, кажется, полагает, что привилегия была получена Мериком до его поездки в Англию. Между тем, приведенная выше челобитная 1649 г. (повидимому, не известная английскому биографу Мерика) вполне определенно говорит о том, что «жалованная грамота» была получена Мериком после его приезда в Москву, уже в 115 г.

Весьма интересные данные о Мерике мы находим у Бантыш-Каменского, который (без указания источников) помещает в своем «Обзоре» следующую запись: «1607. Прислан из Англии в посланниках Иван Ульянов Мерик с поздравлением царя Василия Иоанновича Шуйского о избрании его на Российский престол и с прошением новой подтвердительной грамоты о свободной в России аглинским купцам торговле. Прошение сие исполнено и грамота дана новая» [2]. Данные Бантыш-Каменского важны тем, что они, во-первых, с бесспорностью устанавливают, что переговоры о подтвердительной грамоте на торговлю англичанам велись уже после приезда Мерика с грамотой Иакова I Василию Шуйскому, т. е. после поездки Мерика в Англию; во-вторых, — датировкой этих переговоров 1607 годом.

Когда же выехал Мерик из России в Англию? Дополнительный материал по этому вопросу дает В. Н. Александренко в примечании к одному из опубликованных им документов [3]. По

[1] «The Dictionary of National Biography», XIII, p. 320.

[2] *Н. Бантыш-Каменский*, Обзор внешних сношений России, 1, М. 1894, стр. 100.

[3] В. Н. Александренко использовал для своих примечаний материал, содержащийся в рукописи И. Г. Стриттера: «Verhandlungen zwischen Russland

*

Библиотека "Руниверс"

данным В. Н. Александренко, Мерик был «в 1606 г. отправлен В. И. Шуйским (с грам. 4 июня) в Англию, откуда прислан посланником с поздравлением Шуйского по поводу избрания его царем на росс. престол» [1]. В. Н. Александренко сообщает, таким образом, очень важный факт — дату грамоты Василия Шуйского, данной Мерику: 4 июня 1606 г.

Приведенными выше материалами исчерпывается то, что нам удалось собрать в литературе и источниках о деятельности Д. Мерика в 1606—1607 гг. [2] Взятые в их совокупности, они позволяют выдвинуть следующую схему: вскоре же после воцарения Василия Шуйского Мерик, получив 4 июня 1606 г. грамоту от царя, уезжает в Англию, после непродолжительного пребывания там к осени того же года возвращается в Москву с поздравительной грамотой Иакова I и ведет в течение зимы 1606/07 г. переговоры о торговле, закончившиеся получением новой подтвердительной грамоты Английской компании. Мы, таким образом, полагаем, что Джон Мерик осень 1606 г. и зиму 1607 г. провел в Москве и поэтому был очевидцем осады Москвы Болотниковым [3]. А это значит, что Мерик мог быть и автором нашего документа.

Однако из того факта, что Мерик весной 1607 г. (как мы полагаем) находился в Москве, отнюдь еще не вытекает сама по себе причастность его к составленному в это время донесению

---

und England von den ältesten bis auf die Unruhen unter den falschen Demetrien d. i. vom Jahre 1557—1607», aus Archiv Schriften gesammelt von Johan Gottlieb Stritter, I-er Band, Moscau 1784 (см. «Старина и новизна», т. XVII, стр. 63). Мне не удалось познакомиться с этой рукописью (повидимому, она находится в фонде «Портфели Миллера» в ЦГАДА).

[1] См. «Старина и новизна», т. XIV, стр. 295, примеч.

[2] Более ранние авторы (*Ф. Аделунг*, Критико-литературное обозрение путешественников по России, М. 1864; *И. Гамель*, Англичане в России в XVI и XVII столетиях, Спб. 1865; *В. Александренко*, Участие Английского Тайного совета в дипломатических сношениях Англии с Россией. 1556—1649, ЖМНП, 1889 г., № 12; *Ф. Мартенс*, Россия и Англия в продолжение XVI и XVII вв., «Русская мысль», 1891 г., № 1—2) не дают никакого материала об этих годах. Отсутствуют данные о Мерике за названные годы и у С. Ф. Платонова в его книге «Москва и Запад в XVI—XVII вв.», Л. 1925. В. Кордт в своем обзоре иностранных путешествий по Восточной Европе излагает биографию Джона Мерика по статье в «Dictionary of National Biography» (*В. Кордт*, Чужоземни подорожни по східній Європі до 1700 р., Киев, 1926, стр. 52—53).

[3] Возникает вопрос: мог ли Мерик в течение одной навигации съездить в Англию и вернуться обратно? По данным И. И. Любименко, «английские купцы приезжали в Россию обыкновенно в мае или июне, причем к концу последнего месяца некоторые корабли уже погружались и отправлялись обратно, другие же оставались до осени в ожидании последних товаров» (указ. соч., ЖМНП, 1916 г., № 11, стр. 20). Таким образом, получив грамоту 4 июня 1606 г., Мерик в конце этого месяца мог уже выехать в Англию, имея тем самым достаточно времени для возвращения в Москву до осени 1606 г.

Библиотека "Руниверс"

в Англию о положении в Русском государстве. Конечно, наиболее верным способом проверки гипотезы об авторстве Мерика был бы палеографический анализ документа, сопоставление его с известными автографами Мерика. Но этот путь для нас закрыт. Остается поэтому попытаться извлечь некоторые данные путем текстологического анализа документа. Он написан лицом, несомненно, хорошо знавшим русский язык. Так, например, сообщая о том, что Василий Шуйский начал смещать и назначать в города новых воевод и начальников, автор употребляет слово «воевода» без перевода (Vaivodes and Comanders). Знание автором русского языка явствует и из правильной транскрипции русских имен и географических названий. Шуйский в документе так и называется Vassilie Evanowich, Болотников — Bolotincke, Пашков — Pasca, Молчанов — Mutcham. Особенно интересно то, что из восьми упоминаний имени Димитрия он в трех случаях назван Demetrius, а в пяти Demetrie. Столь же точен автор и в передаче русских географических названий: Путивль — Poteeme, Poteemoe, Волга — Volga, Калуга — Kolloog. Особенно интересна передача названия Путивль: автор транскрибирует не книжную форму Путивль, а разговорную — Путимль.

Эта языковая особенность нашего документа важна не только для установления знакомства его автора с русским языком. Язык нашего документа сближает его с документами, принадлежащими перу Мерика. В публикации В. Н. Александренко помещены два документа, писанные собственноручно Джоном Мериком. Это перевод грамоты Лжедимитрия I от 22 июня 1605 г., данной Т. Смиту, и письмо самого Мерика графу Солисбюри [1]. Языковые особенности названных документов обратили на себя внимание В. Н. Александренко, который подчеркнул важность их «для ближайшего изучения языка Мериковых бумаг» [2]. Характерную особенность языка Мерика В. Н. Александренко видит в том, что «он передает русские имена, приспособляясь к тому, как их произносили по-русски» [3]. «Так, «Димитрий» он переводит не Demetrius (как Россель и др.), а Dmeetree, приноравливаясь к произношению имени русскими» [4]. Действительно, извлекая из писем Мерика термины, допускающие сравнение с терминами анонимного документа, мы находим следующие формы: Demetree Evanowch, Dmetree Evanowch, Demeetre Euanowch, Evan Bassiliwch, Ewan Vassiliwch, т. е. весьма близкие к формам нашего документа. В отношении географических названий материал для

[1] См. «Старина и новизна», т. XIV, стр. 227—229 и стр. 230—232; в дату последнего документа — 11 января 1605 г. — несомненно вкралась опечатка: надо 11 января 1606 г.

[2] Там же, стр. 227, примеч.

[3] Там же, стр. 230, примеч.

[4] Там же, стр. 227, примеч.

Библиотека "Руниверс"

сравнения отсутствует. Правда, и в документах Мерика и в анонимной записке «Москва» и «Россия» передаются одинаково — Mosko (Musko), Russia, но это обычная транскрипция этих названий у иностранцев. Показательнее точная передача Мериком названий русских городов и местностей: Vologda, Vladeemer, Seebeery, что отмечено нами выше и при анализе языка анонимной записки. Таким образом, наблюдения над языком нашего документа не ослабляют, а подкрепляют гипотезу о возможном авторстве Мерика.

Разбор записки со стороны содержания позволяет собрать дополнительный материал в пользу сделанного предположения. Автор документа рисуется человеком, не только хорошо разбирающимся в обстановке и событиях, но и имеющим весьма точную информацию о всем происходящем и даже знакомым с официальными документами того времени. Так, говоря, что «нынешний государь Василий Иванович» достиг «государства» (Empire) «по праву наследования» и «по избранию его боярством, дворянством и общинами Москвы» (by the Election of the Nobillitie, Gentrie and Comons of Mosco), он довольно точно передает официальную версию о воцарении Василия Шуйского, изложенную в его крестоцеловальной записи: «...за молением всего освященного Собора и по челобитью и прошению всего православного христианства учинилися есмя на отчине прародителей наших, на Российском государстве» [1]. Об осведомленности автора записки свидетельствует богатство содержащихся в ней сведений и их в общем большая точность.

Мы, таким образом, считаем наиболее вероятным автором записки о состоянии Русского государства после смерти Лжедмитрия I Джона Мерика как лицо, наиболее знакомое с положением дел в России и находившееся ближе всего к правительственным кругам Москвы [2]. Но независимо от решения вопроса о том, кто является автором анонимной записки, значение ее заключается прежде всего в том, что перед нами источник, во-первых, современный восстанию Болотникова, во-вторых, написанный очевидцем этого движения, в-третьих, составленный с вполне определенной целью — информировать английское правительство о событиях в России. Последнее обстоятельство выделяет его из числа других иностранных источников о Болотникове,

[1] СГГиД, II, № 141.

[2] В пользу авторства Мерика можно, кажется, привести еще один аргумент. В тексте документа Лжедмитрий I все время называется «Димитрий» и «бывший государь», без какого бы то ни было намека на его самозванство. Но именно Мерик в письме к лорду Солисбюри от 11 января 1606 г. называет Лжедмитрия I «благородным князем Димитрием Ивановичем, несомненным сыном (the indubitable sonne) престарелого государя Ивана Васильевича» («Старина и новизна», т. XIV, стр. 230—232).

Библиотека "Руниверс"

представляющих собой мемуары, написанные — даже в тех случаях, когда авторы их были в России в момент восстания Болотникова, — уже после разгрома восстания, будучи, таким образом, отделенными от изображаемых в них событий более или менее значительным промежутком времени («Записки» Исаака Массы написаны после его возвращения в Нидерланды, в 1609 г., «Хроника» К. Буссова — в 1612—1613 гг.). Практическая цель составления английской записки, естественно, заставляла автора стремиться к точности и главное внимание уделить изложению фактического хода событий, а не их оценке (как это имеет место в большинстве других сочинений современников о восстании). Автор лишь однажды оставляет позиции информатора, чтобы выразить свое отношение к ошибке, допущенной Болотниковым при осаде Москвы, делая приведенное выше замечание о непонятной слепоте осаждавших, допустивших возможность связи осажденной Москвы с внешним миром.

Отмеченными особенностями документа (современность событиям, непосредственное наблюдение их и информационный характер записки) обусловливается то, что при небольшом объеме он содержит большое количество очень ценных сведений о восстании.

Библиотека "Руниверс"

СОСТОЯНИЕ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА ПО СМЕРТИ ПОСЛЕДНЕГО ПРЕТЕНДЕНТА ДИМИТРИЯ

Нынешний государь Василий Иванович, достигнув власти по праву наследования и соответственно утвержденный по избранию его боярством, дворянством и общинами Москвы, вскоре после смерти Димитрия и торжества своей коронации начал смещать и назначать воевод и начальников во всех областях и городах своих владений и в числе других послал воеводу в важный город, называемый Путивль, и отправил немедленно вслед за ним дворянина привести к присяге население этого города на верность ему. Этот дворянин, встретившись с одним особенным фаворитом прежнего государя по имени Молчанов (который, бежав туда, отклонил многих дворян и солдат тех мест от признания нынешнего государя), был соблазнен им таким образом и перешел на их сторону в знак протеста против того великого угнетения, которое терпели от Москвы окраины и отдаленные места России, что выразилось прежде всего в убийстве их царевича, а затем в избрании нового царя без уведомления их о причинах низложения первого и без запроса о их согласии на избрание последнего. Вследствие этого они воспользовались случаем, чтобы отказаться от верноподданнической присяги, и решили потребовать у Московских (властей) отчета о прежних деяниях. И они поступили так еще более потому, что Димитрий за особые услуги освободил эту область от всех налогов и податей в течение 10 лет, что было целиком потеряно с его смертью. Новый воевода, противодействовавший этому заговору, был убит, а для получения лучшей поддержки своих начинаний они пустили слух, что Димитрий еще жив и просил их восстановить его на царство. Этот слух среди недовольного и мятежного люда имел такой поразительный успех, что большинство городов в этой части страны отказались от своей присяги нынешнему государю и принесли новую присягу предполагаемому в живых Димитрию, что заставило (нынешнего) государя собрать силы и выставить войско. Узнав об этом, мятежники привлекли на свою сторону всех недовольных в этой части страны, и в скором времени их силы возросли настолько, что они выступили в поход в количестве 60.000 человек и явились под Москвой на расстоянии трех английских миль. Наличность такой армии, вместе со слухами, что Димитрий жив, привели население страны в такое смятение, что оно недоумевало, что ему делать, ожидая разграбления и разрушения Москвы, большая половина которой была осаждена, другая же часть города, — я не знаю, в силу какого ослепления, — была оставлена открытой, так что могла получать подкрепление войском и припасами, пока

Библиотека "Руниверс"

THE STATE OF THE EMPIRE OF RUSSIA SINCE THE DEATH OF THE LATE PRETENDED DEMETRIE

The present Emperour Vassilie Evanowch haveing attayned the Empire by right succession and accordingly confirmed by the Election of the Nobillitie Gentrie and Comons of Mosco soone after the death of Demetrie and the solemnitie of his Coronation began to displace and appointe Vaivodes, and Comanders, in all the Provinces and Townes of his Domynions and amongst others sent a Vaivode to a Towne of importance called Poteeme and despatehed a Gentleman presently after him to sweare the people of that place to his Alleageance. This gentleman meeting w^th^ a speciall favorite of the slayne Emperour called Mutcham (whoe escapeinge thether had drawne many Gentlemen and Soldiers of those partes from acknowledginge the present Emperour) was seduced in like manner to affect taht partie uppon remonstrance of greate disparagement to the Borderers and remote partes of Russia to suffer those of the Mosco, ffirst to murther their prince and then to chose a newe Kinge wthout makeinge them acquainted wth the causes of deposeinge the first not asking their consents in the choice of the latter, for wth respect they tooke occasion to refuse the oath of Alleageance, and resolved to call them of the Mosco to an Accompte of their former proceedinges, w^ch^ they did the rather undertake for as much as Demetrius had for speciall service freed that Province of all Taxes and impositions for 10 yeares w^ch^ by his death was absolutely lost. The newe made Vaivode opposeinge himselfe against this ffaction was slayne. And the better to countenance their proceedinges they gave out that Demetrie was yett liveinge and had solicited them to reestablishe him in the Kingdome. W^ch^ Rumore meetinge w^ch^ discontented and factious persons tooke soe succesfull effectes, that most the Townes in those partes revoulted from their Alleageance to the present Emperour, and tooke an newe oathe to the supposed liveinge Demetrie, this made the Empereur to gather forces and raise an Army w^th^ the Rebells understandinge drewe all the Malecontents in those Quarters into their Partie and in shorte tyme grewe to such a heade they marched 60000 men and made their approache wthin three Englishe myles of the Mosco: the presence of such an Army togeather w^th^ the report that Demetrius was alive did soe distracte the people of the Countrie that they stoode doubtefull what to doe expecting the sacke and spoyle of the Mosco beinge more then halfe beseiged the other parte of the Towne, I Knowe not througt what blindenes left open to take in fforces and Victualls untill it was to late that thev went aboute to blocke it upp but were twice beaten off w^th^ greate losse. Notwth standinge they continued the Seige and Writt ltres to the Slaves wth in the Towne, to take Armes against

Библиотека "Руниверс"

слишком поздно они не спохватились, чтобы замкнуть блокаду, но были дважды отброшены с большими потерями. Несмотря на это, они продолжали осаду и писали письма к рабам в город, чтобы те взялись за оружие против своих господ и завладели их имениями и добром. Страх перед этими людьми был почти так же велик, как перед врагом извне, и даже больше, ввиду того, что простой народ, недавно развращенный разбоями и грабежом поляков, был очень непостоянен и готов к мятежу при всяком слухе, надеясь вместе с мятежниками участвовать в разграблении города. Бояре же и лучшие горожане были в не меньшем беспокойстве, чем остальные, под влиянием рассказов, слышанных от захваченных в плен мятежников. Ввиду этого одного из них посадили на кол, а он, умирая, постоянно твердил, что прежний государь Димитрий жив и находится в Путивле. Наконец, мятежники написали в город письма, требуя по имени разных бояр и лучших горожан, чтобы их выдали, как главных виновников в убийстве прежнего государя. Эти бояре и лучшие горожане, видя, в каком крайнем положении они находились, употребили все свое влияние и средства, чтобы поддержать и помочь государю, и убедили его, что не было другого средства освободить себя от этой опасности, как дать сражение, о чем и было принято решение. К этому времени разгорелись разногласия между двумя главными начальниками лагеря мятежников, одним из которых был старый разбойник с Волги по имени Болотников, а другого звали Пашков; разногласия эти так разрослись, что этот Пашков оставил свою партию и перешел и подчинился государю с 500 своих сторонников. От него государь узнал о положении в лагере мятежников и что слух о том, что Димитрий жив, — был ложной выдумкой. Враг находился в смятении от ухода одного из своих главных вождей и от внутренних раздоров; государь выступил против них и в конце концов обратил их в бегство. Болотников бежал с теми из своих людей, которые спаслись, а город по имени Калуга в 100 милях или более от Москвы, где он укрепился и в течение трех месяцев выдерживал осаду, будучи поддерживаем плодороднейшей частью страны, лежащей между рек — Доном и Днепром.

Исход борьбы неопределенен.

Библиотека "Руниверс"

their Masters and to possesse themselves of their Goodes and substance, the feare of whome was almost as greate, as it was of the Enimie abroad and the rather in regard of the Comon sorte of people whoe lately infected wth robbinge and spoyleinge of the Poales were very unconstent and readie to Mutine uppon every reporte, as hopeinge to share wth Rebells in the spoyle of the Cittie — the Nobles and better sorte stoode as doubtefull as they (sic) rest, uppon the reporte made by the Rebells w^{ch} were taken. Whereof one of them was sett uppon a Stake and at his death did constantly affirm that the late Emperour Demetrie did live and was at Poteemoe. In the ende the Rebells writte letres into the Towne requireinge by name divers Noble men and some principall Cittizens to be delivered unto them as cheefe Actors in murtheringe the late Emperour. Theis Nobles and better sorte ot Cittizens perceaveinge in what extremitie they were, imployed all their Creditt and means to supporte and assist the Emperour, perswaded him that there was noe meanes to free himselfe of this danger but to hazard a Battell w^{ch} beinge resolved uppon it happened that there fell a dissention betweene two principall Comander of the Rebells Campe, the one of them beinge an olde Robber or Borderer of the Volga called Bolotincke the other called Pasca in soe much that this Pasca forsooke the partie and cam and submitted himselfe to the Emperour wth 500 followers: By him the Emperour understoode of the State of the Enimys Campe and that the Rumor of Demetrius liveinge was but a forged conceipte. The Enymie beinge abashed at the departure of one of their cheefe Leaders, and wth all devided emongst themselves, the Emperour sett uppon them and in the ende putt them to flight. Bolotincke fled wth such of his men as escaped to a Towne called Calloog some 100 Myles or more from the Mosco where he fortified himselfe and hath indured three Monethes Seige beinge favored by the frutefullest parte of that Countrie lyinge betweene the Rivers Tanais and Baristenes.

The event whereof is uncertaine.

Библиотека "Руниверс"

ПРИЛОЖЕНИЕ V

ВОССТАНИЕ СИБИРСКИХ ПЛЕМЕН В БЕРЕЗОВСКОМ УЕЗДЕ 1607 года.

Наряду с движением в Поволжье время восстания Болотникова характеризуется резким обострением борьбы в другом районе — в только что включенной в состав Русского государства Западной Сибири, где в самый разгар восстания Болотникова, в 1607 г., вспыхивает крупное восстание остяков, вогулов и самоедов Березовского уезда против царской администрации.

Восстание остяков, вогулов и самоедов носило ярко выраженный антифеодальный характер. По заявлению самих участников восстания, «изменили де они нам (т. е. царю. — *И. С.*) для того, что положен на них ясак не в меру, платят де они ясак покупая, продав котлишко и топоры, и в долг емлючи у русских людей и у прожиточных остяков дорогою ценою, и оттого де обнищали и одолжали великими долги, и жены свои и дети на ясак продают, а иные многие голодною смертью померли» [1].

Таким образом, основной причиной, вызвавшей восстание березовских остяков, вогулов и самоедов, являлся «ясак», т. е. дань мехами, взимаемая с них крепостническим государством. Взимание ясака представляло собой ту форму, в которой выражались отношения феодальной эксплуатации, феодального гнета для народностей и племен Сибири XVI—XVII вв., и именно ясак, взимаемый «не в меру» и доводивший остяков и вогульское население Березовского уезда до полного разорения, и поднял их на восстание против царской администрации, олицетворявшей в себе крепостническое государство.

[1] *Г. Ф. Миллер,* История Сибири, т. II, М.—Л. 1941. Приложения, № 70. Грамота царя Василия Шуйского в Березов о восстании березовских остяков, вогулов и самоедов от 28 октября 1607 г. Эта грамота (наряду с грамотой от 10 января 1608 г., см ниже) является основным источником, содержащим сведения о восстании 1607 г.

Библиотека "Руниверс"

Непосредственные намерения участников восстания заключались в том, чтобы захватить административный центр Березовского уезда город Березов: «город зжечь, и казну и хлебные запасы громить и служилых людей побить» [1]. Никаких других данных по вопросу о целях восстания в Березовском уезде источники не содержат, ограничиваясь глухими указаниями на то, что остяки, вогулы и самоеды «отложились» и что от них была «большая измена и смута».

Картина событий, связанных с восстанием 1607 г., рисуется следующим образом.

По первоначальным планам участников восстания оно должно было начаться еще в начале «115 года», т. е. осенью 1606 г. или зимой 1607 г. По показаниям некоей «служащей жонки нарымского полону Осдони» (повидимому, находившейся в холопстве у одного из инициаторов восстания, остяка Васюка), донесшей березовскому воеводе о готовящемся восстании, «в прошлом в 115-м году приходили к Васюку в юрты новокрещен Петрушка Куланов с сыном своим Антонком и говорили они с Васюком и с Аткатком и с иными со многими остяками, что хотели нашу казну и хлебные запасы громить, и служивых и торговых людей побить, и за тем де у них измена не учинилася, что Онжа и Мамрук Обдорской были на Москве; а в 115-м году тот же Петрушка Куланов с сыном своим с Антонком и с Васюком и с Аткатком и с иными со многими остяки говорили, что они нынеча знают, как им город зжечь, и казну и хлебные запасы громить и служивых людей побить» [2]. Схваченные Петрушка Куланов и его сын «у пытки» дали показания, рисующие дальнейший ход событий в Березовском уезде. Прежде всего показания Петрушки Куланова более полно и подробно раскрывают состав участников восстания. Оказывается, «в измене де были всее земли лучшие люди», в том числе «князь Василий Обдорской да сын его Мамрук» и князь Онжа Кодский [3]. Этим «лучшим людям», т. е. местной знати, и принадлежала руководящая роль в подготовке восстания: «вся большая измена чинится от тех людей: остяков и самоед приводят на измену они, лучшие люди, и все де березовские остяки и вагуличи им во всем верят» [4]. Столь же важные данные содержатся в показаниях П. Куланова и непосредственно о планах и намерениях участников восстания: «...и изменная у них мысль и ссылка меж себя была одна, а всех де было у них людей в сборе остяков и самоеди 2000 человек, а съезду быть было у них всем людям за неделю до Петрова дня в обской протоке, в Изяпали

[1] *Г. Ф. Миллер*, История Сибири, т. II. Приложения, № 70.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же. Пунктуация моя. — *И. С.*

Библиотека "Руниверс"

выше Березова города 15 верст, и казна было громить и к городу приступить» [1].

Таким образом, по окончательным планам руководителей восстания оно должно было начаться «за неделю до Петрова дня», т. е. 22 июня, «съездом» участников восстания в условленном месте, в 15 верстах от Березова, откуда затем участники восстания намеревались двинуться для захвата города Березова.

Березовскому воеводе, однако, удалось опередить восставших, и в начале июня у него в руках оказались все главные руководители и активные участники восстания, частью захваченные насильственным путем (вроде «подгородного остяка Васюка»), частью приехавшие сами, чтобы «повиниться» и сказать на себя «измену». Первым порвал с восстанием и перешел на сторону березовского воеводы князь Онжа Кодский, приехавший в Березов в самом конце мая или начале июня (причем в доказательство своей лойяльности князь Онжа «поимав привел изменников») [2]. Вслед за Онжей, 2 июня, «приехал на Березов князь Мамрук Обдорской, а с ним 8 человек остяков, а в распросе князь Мамрук с товарищи в измене повинились на себя и на отца своего на князя Василия и на всех остяков Березовского уезда, и измену сказал, и изменили они всею землею, и в том де он перед нами виноват, что на отца своего и на всех остяков измены посяместа не сказал, для того, что блюлся отца своего и от остяков убивства; а отец де его князь Василий на Березов для своей измены по вашей (т. е. березовского воеводы. — *И. С.*) посылке не поехал» [3]. Наконец, 9 июня был «поиман» и приведен в Березов и сам князь Василий Обдорский [4].

Вслед за тем началась расправа с восставшими. Менее знатных зачинщиков восстания березовский воевода казнил собственной властью. Вопрос о судьбе князя Василия Обдорского был передан на усмотрение царя Василия Шуйского [5]. Что же касается князей Онжи и Мамрука, то они, как перешедшие на сторону воеводы, были лишь «даны на поруку» [6].

Так изображает ход событий отписка березовского воеводы (воспроизведенная в тексте ответной царской грамоты в Березов от 28 октября 1607 г.).

Следует отметить, однако, что воеводский отчет царю о движении остяков, вогулов и самоедов в 1607 г., при всей детальности и подробности тем не менее содержит в себе весьма существенный пробел в изменении хода восстания. В самом деле, из

[1] *Г. Ф. Миллер*, История Сибири, т. II. Приложения, № 70.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Василий Шуйский предписал его повесить (см. там же).
[6] *Г. Ф. Миллер*, История Сибири, т. II. Приложения, № 70.

Библиотека "Руниверс"

воеводской отписки может создаться впечатление, что восстания березовских остяков вовсе даже и не было, что оно было ликвидировано воеводой в самом зародыше и что, несмотря на широкие планы участников восстания, в действительности дело не пошло дальше «ссылок» и «съездов» для обсуждения планов похода на Березов.

Однако такое изображение событий 1607 г. в Березовском уезде носит чрезвычайно тенденциозный характер, объясняемый желанием березовского воеводы скрыть от московских властей наиболее неприятный для него факт, а именно то, что город Березов в течение двух месяцев находился в осаде от восставших остяков. Об этом последнем и, конечно, самом важном этапе движения остяков, вогулов и самоедов мы узнаем из челобитья служилых людей города Березова царю Василию Шуйскому с просьбой пожаловать их «великим жалованьем, сверх годового». Это свое требование челобитчики мотивировали именно своей усиленной борьбой против восстания «ясашных людей»: «В прошлом во 115-м году, как де изменили Березовского уезда все ясашные люди, и они де в те поры на Березове сидели в осаде два месяца и около города ров копали и во рву острог ставили, и город крепили, и божьею милостью многих изменников поимали» [1]. Итак, борьба в Березовском уезде носила совсем иной характер, чем это изображал в своей отписке березовский воевода. Двухмесячная осада, в которой восставшие «ясачные люди» держали город Березов вместе с находившимися там служилыми людьми, говорит о том, что в Березовском уезде имело место именно восстание, а не просто рост недовольства или подобные пассивные формы борьбы. Челобитная березовских служилых людей свидетельствует и о том, что во время восстания 1607 г. во власти восставших фактически находилась вся территория Березовского уезда, воевода же и прочие власти удержали в своих руках лишь укрепленный город. Именно это и давало возможность «ясачным людям» Березовского уезда беспрепятственно производить между собой «ссылки», устраивать «сборы» и «изменные думы» для обсуждения планов восстания.

Наконец, челобитная березовских служилых людей сообщает и еще одно очень важное обстоятельство — размеры березовского гарнизона. То, что этот гарнизон, численностью в 314 человек [2], в течение двух месяцев находился в положении осажденного,

[1] *Г. Ф. Миллер*, История Сибири, т. II. Приложения, № 72. Грамота царя Василия Шуйского в Березов воеводе Петру Черкасскому о выдаче березовским служилым людям жалованья за городовую службу во время восстания березовских остяков, вогулов и самоедов от 10 января 1608 г.

[2] Так определяется численность служилых людей города Березова в распоряжении Василия Шуйского о выдаче дополнительного жалованья (там же).

Библиотека "Руниверс"

лучше всего свидетельствует о широком размахе восстания «ясачных людей» Березовского уезда.

Итак, суммируя те данные, которые можно извлечь о восстании березовских «ясачных людей» из источников, можно следующим образом представить себе историю этого восстания.

Считая за исходный момент открытого восстания начало осады «ясачными людьми» города Березова и принимая за дату подавления восстания день привода в Березов князя Василия Обдорского, т. е. 9 июня 1607 г., следует датировать восстание в Березовском уезде апрелем — маем 1607 г.

К этому времени, очевидно, уже вернулись из Москвы находившиеся там князья Онжа и Мамрук. В соответствии с этим первоначальная попытка восстания, не удавшегося из-за того, что «Онжа и Мамрук Обдорский были на Москве», должна быть датирована временем не позднее начала февраля 1607 г., [считая, что на путь от Москвы до Березова должно было уйти не менее того срока, который потребовался на доставку воеводской отписки из Березова в Москву; этот последний срок определяется из разности дат воеводской отписки (5 сентября 1607 г.) и ответной царской грамоты (28 октября 1607 г.), т. е. в 53 дня].

Эти хронологические расчеты важны в том отношении, что позволяют синхронизировать события в Березовском уезде с событиями восстания Болотникова. При этом из факта поездки князей Онжи и Мамрука в Москву (к сожалению, в источниках нет никаких сведений о целях этой поездки) с бесспорностью следует, что участникам восстания в Березовском уезде должно было быть известно о восстании Болотникова, со слов очевидцев, какими являлись Онжа и Мамрук. Это, конечно, не могло не способствовать активизации борьбы «ясачных людей», что и имело место в действительности. Таким образом, у нас есть все основания для того, чтобы видеть в движении «ясачных людей» отдаленного Березовского уезда отзвук восстания Болотникова (хотя, конечно, ни о какой непосредственной связи между событиями в Березове и борьбой Болотникова в центральных уездах Русского государства не может быть и речи).

В установлении этого обстоятельства заключается главный интерес событий в Березовском уезде в 1607 г., могущих, таким образом, служить еще одним показателем того, насколько мощным было влияние восстания Болотникова на всю территорию Русского государства.

По своему характеру восстание березовских остяков, вогулов и самоедов сходно с теми многочисленными восстаниями сибирских племен и народностей против ясака и царской администрации, которыми (восстаниями) так богата история Сибири XVII в. Типичной чертой этих восстаний является и то, что руководящую роль в них обычно играют представители местной знати, «князья»

Библиотека "Руниверс"

и «князцы», которые, для того чтобы осуществлять свои планы в борьбе за власть, пользовались недовольством народных масс, несших на себе всю тяжесть феодального гнета. Эта черта, которая столь ярко выступает в ходе Березовского восстания 1607 г., была великолепно использована воеводой для разложения восставших изнутри. В частности, именно путем использования борьбы за власть над Обдорским княжеством [1] между Василием Обдорским и его сыном Мамруком воеводе Березова удалось обеспечить и переход на свою сторону князя Мамрука, и поимку его отца [2]. Несомненно, что и измену восстанию и переход на сторону царской администрации князя Онжи Кодского и прочих представителей остяцкой знати следует поставить в связь с стремлением с их стороны сохранить свое привилегированное положение, которое, конечно, было несовместимо с «изменой» и «воровством» против царской администрации.

Наконец, и основная цель восстания «ясачных людей» — борьба против феодального ясака — была чужда стоявшим во главе восстания остяцким князьям, которые сами взимали ясак со своих соплеменников [3]. Поэтому борьба «ясачных людей» против ясака в равной мере затрагивала интересы и местной остяцкой и вогульской знати.

Все это и явилось исходным моментом, использованным березовским воеводой сначала для разложения восстания изнутри, а затем и для окончательного его подавления.

Однако, несмотря на то, что восстание березовских «ясачных людей» было подавлено, оно все же имело некоторый эффект, выразившийся в том, что в условиях той обстановки, которая была в это время в Русском государстве, правительство Василия Шуйского предпочло не обострять еще больше положение и предложило березовскому воеводе не препятствовать поездке в Москву представителей от ясачных людей — «бити челом, что на них ясак положен не в меру», предписав одновременно воеводе и его людям, чтобы они «до нашего указу с них ясаку не имали» [4].

---

[1] Об Обдорском остяцком княжестве см. *С. В. Бахрушин*, Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII веках, Л. 1935, стр. 62 и сл.

[2] В награду за это Василий Шуйский предписал передать власть над Обдорским княжеством Мамруку. Отец же его был смещен и казнен (см. *Г. Ф. Миллер*, История Сибири, т. II. Приложения, № 70).

[3] См. об этом у *С. В. Бахрушина*, цит. соч., стр. 45 и др.

[4] *Г. Ф. Миллер*, История Сибири, т. II, Приложения, № 70.

Библиотека "Руниверс"

ПРИМЕЧАНИЯ К КАРТЕ

1. В качестве основы для карты использована карта «Крестьянская война и борьба с интервенцией в начале XVII в.», составленная И. А. Голубцовым, приложенная к I тому «Истории СССР», под редакцией В. И. Лебедева, Б. Д. Грекова и С. В. Бахрушина. Госполитиздат, 1947.

2. Города, участвовавшие в восстании Болотникова, отмечены в соответствии со «Списком городов, участвовавших в восстании Болотникова» (см. в тексте, стр. 194—200).

3. Маршрут похода Болотникова на Москву нанесен на основании следующих данных:

а) Показаний Буссова, что Болотников начал свой поход из Путивля, через Комарицкую волость (см. в тексте, стр. 143).

б) Свидетельства разрядов о приходе Болотникова из Путивля в Кромы (см. в тексте, стр. 151).

в) Данных, содержащихся в разрядах, о пути отступления Ю. Н. Тубецкого от Кром: на Орел, Лихвин, Калугу. По этому же маршруту, очевидно, шел и Болотников.

г) Местоположение битвы 23 сентября 1606 г. — при впадении Угры в Оку — указывает, что Болотников шел к Калуге по левому берегу Оки, т. е. через Лихвин, Перемышль и Воротынск.

д) Дальнейшие этапы маршрута Болотникова — города Алексин, Серпухов, реки Лопасна, Пахра — устанавливаются прямыми показаниями источников.

е) Последний этап маршрута Болотникова от реки Пахры и далее — указан предположительно, так как в источниках нет прямых данных о том, по какому пути двигался Болотников после сражения на Пахре. Участие городов Боровска и Можайска в восстании Болотникова делает вероятным предположение, что маршрут Болотникова проходил через эти города. Путь Болотникова от Волока Ламского через село Вязему к селу Коломенскому устанавливается на основании данных о нахождении войска восставших в Волоке Ламском и в Вяземе (см. в тексте, стр. 191—192).

4. Маршрут похода Истомы Пашкова от Ельца к Москве определяется данными источников о восстании в Новосили, Крапивне, Туле, а также показаниями источников о сражении у села Троицкого (см. в тексте, стр. 169 и 175—176).

5. Местоположение села Троицкого нанесено на основании карты Московской губернии в «Российском атласе», изд. Географического департамента, СПб. 1800.

Библиотека "Руниверс"

6. В качестве основы для врезки «Москва и ее окрестности» использована карта «Москва. Окрестности» из «Нового энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона. На карте отмечены пункты, связанные с военными действиями в период осады Москвы Болотниковым.

7. За основу для врезки «Калуга и ее окрестности» взята карта Калужского наместничества, приложенная к книге «Топографическое описание Калужского наместничества», СПб. 1785.

8. Местоположение реки Вырки — места сражения между восставшими и воеводами Шуйского — определяется на основании «Атласа Калужского наместничества» (СПб. 1782) и описания к нему (см. описание Перемышльского уезда, стр. 31, и генеральный план Перемышльского у., 2-я часть плана). См. также «Топографическое описание Калужского наместничества», СПб. 1785, стр. 33.

В «Атласе Калужского наместничества» отмечены еще речки Большая и Малая Вырка (см. генеральный план Лихвинского уезда, 1-я часть плана и описание Лихвинского уезда, стр. 15). Но эти речки слишком удалены от Калуги и поэтому не могли быть местом сражения (о котором в разрядных книгах говорится, что оно было «в 7 верстах» от Калуги).

9. Местоположение «села Пчелны», у которого произошло сражение между восставшими и воеводами Василия Шуйского, удалось установить лишь на основании «Атласа Калужского наместничества», где, на территории Лихвинского уезда, отмечены «выморочные пустоши Пчелна и Муратова» (см. описание Лихвинского уезда, стр. 69; по генеральному плану Лихвинского уезда — № 442, во 2-й части плана). Местоположение «пустоши Пчелны», расположенной близ «большой дороги из Калуги в Тулу», соответствует тем данным, которые содержатся в разрядных записях о битве на Пчелне [«...с Тулы Петрушка вор послал к Колуге на помощь боярина князя Ондрея Ондреевича Телятевского, а с ним казаков, и бояре и воеводы послали (из-под Калуги. — *И. С.*) противу казаков воевод... и сошлися воеводы с казаки в селе Пчелне»].

Села Пчелны нет ни в описании, приложенном к «Атласу Калужского наместничества», изд. 1782 г., ни в «Списках населенных мест Калужской губ.». Это обстоятельство может служить лишним подтверждением в пользу того, что отмеченная на плане 1782 г. «пустошь Пчелна» являлась в начале XVII в. селом Пчелной. Следует отметить, что в описании Тарусского уезда Калужского наместничества отмечены две деревни: Большая и Малая Пчеленки («Атлас Калужского наместничества», 1782 г., описание Тарусского уезда, стр. 7—8; по генеральному плану — № 16, в 1-й части плана). На карте Тарусского уезда, приложенной к «Топографическому описанию Калужского наместничества» (СПб. 1785), деревни Большая и Малая Пчеленки обозначены как «Б. Пчелна» и «М. Пчелна» (см. карту). Но местоположение этих деревень, находящихся к северо-востоку от Калуги и удаленных от Тульской дороги почти на 50 *км*, исключает возможность отождествления этих деревень с тем «селом Пчелной», у которого произошло сражение в 1607 г.

10. Маршрут похода казаков во главе с «царевичем» Петром устанавливается на основании показаний самого «царевича» Петра — Илейки (см. в тексте, стр. 370—371). Для последнего отрезка маршрута похода «царевича» Петра — от Путивля до Тулы — в источниках нет прямых указаний на промежуточные пункты. Составитель карты «Крестьянская война и борьба с интервенцией в начале XVII в.» обозначает этот участок маршрута «царевича» Петра как повторение похода Лжедмитрия I (Путивль, Кромы, Орел, Мценск, Крапивна, Тула). Мне, однако, представляется более соответствующим данным источников иное направление похода «царевича» Петра, а именно: на Ливны, Елец и Епифань.

Основанием для такого решения о маршруте «царевича» Петра служит указание источников, что участвовавшие в сражении под Веневом войска князя

*

Библиотека "Руниверс"

Телятевского и князя Мосальского пришли туда «из Путивля»; после же сражения под Веневом одна из частей войска «царевича» Петра (под начальством князя Мосальского) направилась к Калуге (что привело к битве на Вырке), а вторая (под начальством князя Телятевского) пошла к Туле (см. в тексте, стр. 376—377).

Подтверждением такого решения вопроса о маршруте похода «царевича» Петра могут служить слова челобитной дворян Ладыженских о том, что «отца их вор Петрушка убил на Ливнах» (*Л. Сухотин*, Четвертчики Смутного времени, стр. 209). Отсюда следует, что из Путивля «царевич» Петр пришел в Ливны, иными словами, что он двигался не на Кромы, а на Елец.

11. Для врезки «Тула и ее окрестности» использована карта, приложенная к книге *И. Афремов*. Историческое обозрение Тульской губернии, ч. I, М. 1850. На карте И. Афремова отмечена и Тульская засека, а также дорога, по которой шел Болотников в мае 1607 г. из Тулы до реки Восмы.

12. Местоположение плотины на реке Упе нанесено по данным И. Афремова (см. план города Тулы, приложенный к его книге, где показаны остатки плотины 1607 г.).

Библиотека "Руниверс"

ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ

Карамзин — Н. М. Карамзин, История государства Российского, изд. Эйнерлинга.

Костомаров — Н. И. Костомаров, Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. Исторические монографии и исследования, кн. II, 1904.

Платонов, Очерки — С. Ф. Платонов, Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв., изд. 1, СПб. 1899.

Платонов, Сказания — С. Ф. Платонов, Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII в., как исторический источник, изд. 2, СПб. 1913.

Соловьев — С. М. Соловьев, История России, кн. II, изд. «Общественная польза».

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.

«Чтения ОИиДР» — «Чтения в Обществе Истории и Древностей Российских» при Московском университете.

ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Археографической экспедицией, т. II, СПб. 1836.

АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией, т. II, СПб. 1841.

АЮ — Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства, СПб. 1838.

ДАИ — Дополнения к Актам историческим, т. I, СПб. 1846.

НКК — Новгородские кабальные книги, под ред. А. И. Яковлева, изд. Академии наук СССР, М. — Л. 1938.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.

РИБ — Русская историческая библиотека, изд. Археографической комиссии, тт. I, II, XIII; т. XIII цитируется по изд. 2, СПб. 1909.

СГГиД — Собрание государственных грамот и договоров, т. II, М. 1819.

Сб. РИО — Сборник Русского исторического общества.

Акты Юшкова — Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ после отмены местничества, изд. А. Юшкова, М. 1898.

«Арзамасские поместные акты» — «Арзамасские поместные акты 1570—1618 гг.», под ред. С. Б. Веселовского, М. 1915.

Архив Строева — Архив П. М. Строева, т. II, «Русская историческая библиотека», т. XXXV, СПб. 1917.

Белокуров — С. Белокуров, Разрядные записи за Смутное время. М. 1907.

Библиотека "Руниверс"

Белокуров, Сношения с Кавказом — С. Белокуров, Сношения России с Кавказом, вып. I, 1568—1613 гг., М. 1889.

Н. И. Веселовский, Памятники — *Н. И. Веселовский*, Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией, т. II, СПб. 1892.

Гневушев, Акты — Акты времени правления царя Василия Шуйского, под ред. А. М. Гневушева, М. 1915.

«Костромская старина» — «Костромская старина». Сборник, издаваемый Костромской Ученой архивной комиссией, вып. III, Кострома 1894.

И. Масса — Исаак Масса, Краткое известие о Московии в начале XVII в., М. 1937.

А. Попов, Изборник — А. Попов, Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции, М. 1869. Текст в издании А. Попова содержит ряд ошибок и опечаток, что сделало необходимым проверку текста по рукописи. Соответствующие исправления текста оговорены в подстрочных примечаниях.

Рукопись «Карамзинского Хронографа» хранится в рукописном отделении Государственной Публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина, в Ленинграде, под шифром: F, IV, 595.

Татищев, Судебник — Судебник государя царя и великого князя Иоанна Васильевича и некоторые сего государя и ближних его преемников, указы, собранные и примечаниями изъясненные покойным тайным советником и астраханским губернатором Васильем Никитичем Татищевым, М. 1768.

Устрялов — Н. Устрялов, Сказания современников о Димитрии Самозванце, изд. 3, СПб. 1859.

Bussow — Rerum Rossicarum Scriptores Exteri, v. I, Conradi Bussovii et Petrei chronica Mosscovitica (Сказание иностранных писателей о России, т. I, Московские летописи Конрада Буссова и Петра Петрея, СПб. 1851).

W. Dyamentowski — Dyaryusz Waclawa Dyamentowskiego (в издании: *A. Hirschberg*, Polska a Moskwa w pierwszej polowie wieku XVII, we Lwowie. 1901).

S. Niemojewski — A. Hirschberg, Pamietnik Stanislawa Niemojewskiego, we Lwowie, 1899 (русский перевод в издании: *А. А. Титов*, Рукописи славянские и русские, принадлежащие И. А. Вахромееву, вып. 6, М. 1907).

ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов.

Библиотека "Руниверс"

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ:

г. — город, дер. — деревня, с. — село, вол. — волость, у. — уезд, обл. — область, мон. — монастырь, р. — река.

Азов, г. — 124.
Алатырский у. — 346, 350.
Алатырь, г. — 200, 355, 356, 364, 365, 380.
Алексин, г. — 148, 172, 173, 187, 188, 197, 333, 342—346, 363, 374, 380, 384, 385, 387, 388, 436, 448—450, 508, 562.
Алексинская дорога — 437, 440.
Амстердам, г. — 465.
Англия — 545—549.
Андреевская, дер. Комарицкой вол. — 113.
Андрианова пустынь, Елатомского у. — 40, 497.
Антониев-Сийский мон. — 55, 59—61, 498.
Арзамас, г. — 200, 340, 342, 349, 351, 354—356, 359, 363—365.
Арзамасский у. — 235, 236, 346—352, 354, 357, 401, 405.
Архангельск, г. — 61, 547.
Архангельский Устюжский мон. — 88, 144, 410.
Астраханское царство — 217, 274.
Астрахань, г. — 92—94, 201, 213—254, 339, 367, 368, 373, 398, 462, 479, 485—487, 495, 507, 514.

Балчик, остров на р. Волге — 224, 230, 236, 240, 242, 244, 245, 249.
Батыево, с. Суздальского у. — 45.
Бежецкая пятина — 48, 68, 70, 152.
Белгород, г. — 89, 90, 98, 99, 129, 130, 132, 133, 200.
Белгородский у. — 131, 504.
Белев, г. — 197, 454, 455, 466, 467.
Белевский у. — 119.
Белковская вол., Рузского у. — 67.
Белозерский у. — 432.
Белоозеро, г. — 432, 433, 475.
Белоомут, с. Рязанского у. — 296.
Березов, г. — 556—561.
Березовский у. — 515, 556—560.
Беспута, р., приток р. Оки — 440, 442.
Богородицкий-Вепрейский мон. — 39.
Богоявленский мон. — 39.
Болхов, г. — 197, 454, 455, 466, 467.
Большая Ногайская орда — 238.
Бордаковка, с. Комарицкой вол. — 110.
Борисов («Борисов город на Боранове»), г. Можайского у. — 192, 275.
Борисовский стан, Комарицкой вол. — 113.
Борисовское, с. Владимирского у. — 44.
Борисоглебский-Ростовский мон. — 39, 390.
Боровск, г. — 189, 190, 197, 434, 435, 562.
Боровский у. — 40, 500.
Борщово, местность в Комарицкой вол. — 113.

Библиотека "Руниверс"

Брянск, г. — 163, 164, 194, 339, 405, 454, 455, 458.
Брянский лес — 163, 371.
Бужарово, с. Дмитровского у. — 158.

Вага, Важская земля — 116—118, 205, 413.
Вадская, дер. Курмышского у.—353.
Важский у. — 117.
Валуйки, г. — 129.
Ведьменская вол., Тульского у. — 437.
Веино, с. Козельского у. — 420.
Великое Село, Белозерского у. — 434.
Великолуцкий у. — 47.
Венев, г. — 165, 166, 199, 325, 339—341, 374—378, 380, 381, 386, 563, 564.
Веневский у. — 165, 379.
Венеция, г. — 138.
Верейский у. — 40.
Верея, г. — 189, 197.
Владимир, г. — 78, 175, 550.
Владимирский у. — 40, 44, 421.
Водоцкое, с. Комарицкой вол. — 111.
Волга, р. — 94, 124—126, 138, 216, 221, 228, 237, 244, 246, 248, 249, 325, 367—371, 443, 457, 505, 549.
Вологда, г. — 305, 550.
Волок Словенский, вол. Белозерского у. — 434.
Волоколамск, г. — 49, 78, 79, 189, 190—192, 196, 275, 278, 562.
Волоколамский у. — 39.
Волхов, р. — 323.
Ворона, р. См. Воронья р.
Воронеж. г. — 129, 130, 132, 133, 200, 218, 370, 371.
Воронка, р. См. Воронья р.
Воронки, с. Тульского у. — 444.
Воронья, р., приток р. Упы — 430, 444—448, 450, 451, 459.
Воротынск, г. — 562.
Восма, р., приток р. Беспуты — 404, 424, 430, 437—444, 446, 447, 451, 509, 564.
Вотская пятина — 46, 48.
Вотцкая вол., Галицкого у. — 498, 499.
Выборг, г. — 93.
Выдрино, дер. Сольвычегодского у. — 433.
Вырка, р., приток р. Оки — 325, 339, 374—379, 381—384, 386, 396, 563, 564.
Вырка Большая, р. — 563.
Вырка Малая, р. — 563.
Высокое, с. Скопинского у. — 175.
Вязема, с. Звенигородского у. — 191, 275, 500.
Вязовые горы, на Волге у Свияжска — 370.
Вязьма, г. — 78, 79, 164, 189—192, 195, 275, 276, 278, 331, 332, 340, 412, 508.
Вятка, обл. — 118, 201, 205.
Вятка, р. — 367.
Вятский у. — 202.

Галич, г. — 203, 273, 274, 332, 407, 408.
Галицкий у. — 408, 498.
Германия — 138, 494.
Глинское, с. Комарицкой вол. — 111, 113.
Гнездело, с. Галицкого у. — 499.
Гобен, р. в Комарицкой вол. — 113.
Горки, дер. Рузского у. — 67.
Гороховский у. — 40.
Грамовня, дер. Комарицкой вол. — 113.
Гремячее, с. Комарицкой вол. — 111.
Гремячий, г. — 199, 454, 455.
Греция — 538.
Грузия — 216, 217, 221, 230.

Дагестан — 485.
Данилов мон., в Переяславском у. — 482, 492.
Даниловка, р. под Москвой — 180, 298, 319.
Даниловский мон., в Москве — 300, 301, 316, 317.
Даниловское, слобода под Москвой — 299.
Двина, Двинский край — 59, 201, 205, 273, 292, 305, 406, 409.
Девичий Рукав, с. Темниковского у. — 497.
Дедилов, г. — 197, 325, 380, 385—388, 397, 448, 454, 455.
Деревская пятина — 48, 68, 70.
Дикое Поле, Поле — 122—125, 128, 129, 131, 134, 138, 168, 199.

Библиотека "Руниверс"

Дмитриев, г. — 111.
Дмитров, г. — 382.
Дмитровский у. — 39, 40.
Днепр, р. — 544, 554, 555.
Домодедовская вол., Московского у. — 175, 176.
Дон, р. — 124—127, 132, 228, 242, 325, 370, 371, 544, 554, 555.
Донец, р. — 130, 259, 371.
Донецкая вол., Белгородского у. — 131.
Дорогобуж, г. — 192, 195, 275, 276, 278, 331, 332, 340.

Елатомский у. — 497.
Елатьма, г. — 459.
Елец, г. — 91, 129, 132, 133, 136, 137, 144—150, 153—159, 163, 168—170, 193, 199, 257, 508, 562—564.
Елецкий у. — 91.
Емецкий стан, Двинского у. — 60.
Епифань, г. — 165, 199, 455, 563.

Заборье, с. под Москвой — 177, 180, 185, 264, 298, 299, 318—323, 328, 392, 393, 400.
Заводы, с. Тульского у. — 437.
Загорье. См. Заборье.
Зарайск, г. — 171, 198.
Звенигород, г. — 191, 196.
Звенигородский у. — 40, 191, 500.
Зубцов, г. — 189, 190, 196, 277, 410.
Зубцовский у. — 40.

Ивангород, г. — 382.
Ивангородская дорога — 125.
Изяпаль, местность Березовского у. — 557.
Иловля, р., приток р. Дона — 370.
Иосифов-Волоколамский мон. — 39, 51, 55, 58, 59, 61, 67, 84, 122, 158, 196, 343, 403, 409, 410, 413, 420, 433, 460.
Ипатьевский мон. — 39, 40.
Италия — 269.

Кавказ — 94, 216, 230.
Кадом, г. — 459.
Казаково, с. Арзамасского у. — 357.
Казанское царство — 434.
Казань, г. — 93—96, 223, 225, 231, 235, 237, 245, 249, 356, 367, 368, 373, 527, 528.
Кайгородок, г. — 202.
Калиновка, дер. Комарицкой вол. — 111.
Калуга, г. — 94, 136, 142, 148, 159—163, 168, 169, 172, 173, 178, 188, 193, 196, 265, 266, 270, 275, 279, 319—323, 325—329, 331—342, 355, 356, 372, 374—379, 382, 387—401, 408, 410, 411, 414, 422—424, 426—429, 434, 435, 446, 447, 451, 454, 468, 473, 479, 488, 504, 506, 510, 515, 544, 545, 549, 553, 555, 562—564.
Калужская дорога — 445.
Кама, р. — 367.
Камышенка, р., приток р. Волги — 200, 370.
Карачарово, дер. под Москвой — 304, 305.
Карачев, г. — 145, 160, 163, 193, 197.
Каргополь, г. — 472, 475, 476, 478, 481, 482, 489.
Карелия — 478.
Касимовский у. — 235.
Каспийское море — 237, 246, 366.
Кашинский у. — 40.
Кашира, г. — 148, 163, 164, 196, 261, 341, 380, 381, 386, 400, 435—437, 439, 440, 444.
Каширская дорога — 438, 449, 450.
Каширский у. — 398, 440.
Кирилло-Белозерский мон. — 63, 410, 434.
Клин-Мясново, с. Тульского у. — 444, 460.
Княгинина, дер. Комарицкой вол. — 113.
Козарь, сельцо Рязанского у. — 296.
Козельск, г. — 196, 340, 410, 454, 455.
Козельский у. — 119.
Козьмодемьянск, г. — 203, 361, 362, 400.
Кокоревка, с. Комарицкой вол. — 111.
Коломенская дорога — 175, 176, 188, 439.
Коломенский у. — 40, 175, 178, 500.

И. Смирнов

Библиотека "Руниверс"

Коломенское с. — 94, 175, 177, 181—183, 186, 188, 189, 191, 255, 264, 281, 282, 298, 299, 301, 302, 304, 308, 313, 316—323, 331, 332, 355, 364, 372, 397, 401, 441, 524, 525, 562.
Коломна, г. — 78, 168, 169, 174—179, 181, 188, 191, 192, 196, 263, 294, 439, 508.
Колчева, дер. Комарицкой вол. — 113.
Комарицкая вол. — 79, 88, 110—121, 136, 143, 168, 169, 193, 195, 562.
Костромской у. — 39, 40.
Котел, речка под Москвой — 302, 317.
Котельнич, г. — 202—205.
Котлы, дер. под Москвой — 168, 298, 312, 317, 318, 329, 330, 331.
Краков, г. — 163, 237, 265, 269, 371.
Крапивенская дорога — 449.
Крапивна, г. — 198, 218, 454, 455, 562, 563.
Красная слобода. См. Красное Село.
Красное Село, подмосковная слобода — 85, 304—308, 311, 313.
Кривцова, дер. Комарицкой вол. — 113.
Кромский у. — 122.
Кромы, г. — 129, 136, 143—145, 147, 148, 150—161, 169, 172, 198, 257, 259, 334, 393, 562—564.
Крым — 124, 126, 147, 367, 457.
Кумыцкая земля — 230, 242.
Кура, р. — 365.
Курбакино, с. Михайловского у. — 344, 346.
Курмыш, г. — 200, 356—358, 361, 362.
Курмышский у. — 346, 350, 353.
Курск, г. — 99, 129, 133, 199.

Ладога, г. — 382.
Ливны, г. — 89, 98, 129, 145—147, 199, 398, 562.
Ливония — 72, 79.
Литва — 104, 124, 212, 270, 281, 336, 505, 509, 510.
Литвиново, с. Волоцкого у. — 67.
Лихвин, г. — 159, 196, 455, 466, 467, 562.
Лихвинская засека — 152.
Лихвинский у. — 563.
Лобаново, с. Комарицкой вол. — 111.
Ловцы, с. Рязанского у. — 296.
Лопасна, р., приток р. Оки — 136, 173, 174, 187, 188, 562.
Лугань, с. Комарицкой вол. — 115.
Львов, г. — 30.
Льгов, г. — 200.
Любичи, с. Рязанского у. — 296.

Малиновая засека — 444, 445.
Малый Ярославец, г. — 78.
Махрищский мон. — 39.
Медведева, дер. Курмышского у. — 353.
Медынь, г. — 78, 189, 196.
Мещера, обл. — 49, 459.
Мещовск, г. — 189, 196, 341, 455.
Мещовский у. — 119.
Михайлов, г. — 171, 198, 340, 344, 346, 398, 509.
Михайловский погост, Вотской пятины — 46.
Мишнева, дер. Серпейского у. — 504.
Можайск, г. — 49, 78, 79, 164, 189—192, 197, 275, 276, 278, 314, 331, 332, 340, 410, 508, 562.
Можайский у. — 40.
Монастырище. См. Моравск.
Моравск, г. — 79, 195.
Мордаш, с. Суздальского у. — 45.
Москва, г. — 14, 30, 31, 38, 45, 62, 63, 71, 72, 77—81, 84—90, 93—103, 106, 109, 110, 116, 121, 122, 126, 127, 136—138, 141, 143—146, 148, 151—155, 158—170, 172—175, 177—195, 202—205, 208—210, 215—222, 224, 226, 228, 235, 237, 244, 247, 249, 253, 255—266, 268—288, 291—294, 297—309, 311—320, 322—329, 331, 333, 334, 336, 339—344, 355—357, 360, 363, 365, 366, 368—372, 374—376, 378, 380, 381, 383—386, 389, 392—400, 402, 406, 409, 412, 414, 415, 418, 420, 422—439, 441, 443, 446—449, 453, 465, 467, 469—477, 481, 485, 491—493, 495, 498, 505—511, 514, 515, 519—525, 536, 544—548, 550—553, 557, 560—563.
Москва, р. — 271, 304, 308, 471, 481, 482.

Библиотека "Руниверс"

Московская дорога — 203, 437.
Московский у. — 40, 47, 50, 65, 500.
Московское государство. См. Русское государство.
Мстиславль, г. — 82, 163, 195, 371.
Мстиславский повет — 82.
Муратова, пустошь в Лихвинском у. — 563.
Муром, г. — 200, 356, 358—361, 364—366.
Муромск. См. Моравск.
Муромский у. — 39, 40, 346, 358.
Мценск, г. — 146—148, 153, 198, 398, 462, 563.
Мясново. См. Клин-Мясново.

Нарва, г. — 269.
Нерль, р., приток р. Клязьмы — 45.
Нижегородский у. — 39, 40, 346, 352, 353, 359, 364, 407.
Нижегородский-Печерский мон. — 40.
Нижний-Новгород, г. — 38, 49, 203, 353, 355, 359—362, 364, 367.
Новгород, г. — 71, 72, 93, 94, 125, 206—209, 274, 275, 292, 323, 407.
Новгород-Северский, г. — 98, 111, 112, 195.
Новгородская обл. — 39, 40, 45, 47.
Новодевичий мон., в Москве — 316.
Новосиль, г. — 146—150, 158, 169, 193, 198, 562.
Новоспасский мон., в Москве — 39.
Ногайская орда. См. Большая Ногайская орда.

Обдорское княжество, в Западной Сибири — 561.
Обонежская пятина — 48.
Одоев, г. — 198, 454, 455.
Ока, р. — 159, 161, 167, 172, 179, 350, 378, 382, 562.
Околенская вол., Орловского у. — 98, 119, 121.
Орел, г. — 98, 99, 119, 121, 148, 151—153, 158—161, 169, 193, 198, 218, 239, 410, 458, 487, 562, 563.
Орешек, г. — 92, 93, 382.
Орловский у. — 121.
Орша, г. — 275.
Оскол, г. — 129, 132, 133.
Оскол, р. — 130, 259.

Павшино, с. Тульского у. — 444, 445.
Пастьянова, дер. Арзамасского у. — 349, 354.
Пахра, р., приток р. Москвы — 136, 162, 173—176, 179, 181, 187—189, 191, 192, 268, 399, 562.
Перемышль, г. — 196, 562.
Перемышльский у. — 563.
Переяславль-Залесский у. — 39, 40.
Переяславль-Рязанский, г. — 49, 78, 79, 122, 146, 165, 168, 170—172, 192, 198, 252, 293, 294, 339, 340, 344, 345, 406, 435, 439, 457, 496, 497.
Пермский у. — 201, 202, 204.
Пермь, Пермская земля — 167, 201—205, 273, 326, 361, 409, 410, 412, 468, 469, 477, 491, 529.
Перносарь, дер. в Вотской пятине — 46.
Персия — 95, 221, 230, 246, 253, 366, 545, 546.
Песочня, г. — 199, 344, 345.
Петербург, г. — 493.
Плоский, остров на Волге — 221.
Поволжье — 27, 49, 122, 216, 246, 325, 326, 339, 346, 347, 352—365, 372, 380, 397, 404, 405, 493, 507, 556.
Погорелое Городище, г. — 189, 196, 277.
Полдомасова, дер. Арзамасского у. — 350, 356.
Польша — 13, 58, 72, 79, 82, 87, 104, 105, 138, 139, 168, 212, 258, 269, 270, 285, 371, 458, 474, 488, 510, 545.
Полянская, дер. Темниковского у. — 497.
Поморье — 49, 273.
Пороская вол., в Вотской пятине — 46.
Почеп, г. — 195.
Пошехонский у. — 40.
Прикамье — 49.
Приуралье — 493.

Библиотека "Руниверс"

Пронск, г. — 198, 345.
Пронский у. — 504.
Пурдышский Рождества-богородицы мон. — 497.
Псков, г. — 83, 201, 205—212, 216, 274, 292, 323, 507.
Псковский у. — 39, 47.
Пусторжевский у. — 43, 47.
Путивль, г. — 88—91, 96—101, 105, 110, 121, 135, 136, 139, 143, 144, 151, 165, 168—172, 175, 177, 178, 195, 203, 218, 229, 253, 259, 270, 284, 285, 325, 340, 341, 357, 362, 371—376, 386, 387, 501, 505, 507, 510, 549, 552—554, 562—564.
Путивльский у. — 131, 168.
Путивльский-Печерский мон. — 259.
Пчеленка Большая, дер. Тарусского у. — 563.
Пчеленка Малая, дер. Тарусского у. — 563.
Пчельня, с. Лихвинского у. — 325, 339, 342, 377, 386—395, 397, 400, 422, 423, 509, 563.

Ржев, г. — 78, 79, 189, 190, 196, 277, 278, 410.
Рим, г. — 95.
Рогожская слобода, подмосковная слобода — 304, 305, 307, 308, 309.
Рожественое, сельцо Тульского у. — 540.
Ромоданово, Пронского у. — 504.
Рославль, г. — 195, 276.
Ростов, г. — 269, 284, 314, 390.
Ростовский у. — 40.
Руза, г. — 189, 197.
Рузский у. — 39, 40.
Русское государство — 9, 10, 12, 19—21, 24, 26, 27, 29, 31—33, 36—41, 45—54, 56, 59, 61—64, 68, 70, 71, 73—80, 82, 83, 90—92, 94—96, 98, 103, 106, 109, 110, 119, 123, 126—129, 132, 135—141, 155, 163, 185, 194, 203, 205, 206, 211, 212, 217, 230, 232, 233, 238, 243, 244, 254, 255, 273—275, 277, 285, 289, 296, 335, 347, 349, 371, 380, 382, 397, 411, 419, 433, 456—458, 465, 475, 478, 493, 494, 497, 502, 503, 506, 508, 511—513, 516, 545—553, 556, 560, 561.
Рыльск, г. — 136, 195.
Рыченки, с. Козельского у. — 504.
Ряжск, г. — 199, 344, 345.
Рязанский у. — 198, 294, 296, 345, 496.
Рязань, г. См. Переяславль-Рязанский.

Саввин-Сторожевский мон. — 39, 191, 412, 500.
Салтановка, с. Комарицкой вол. — 111.
Самара, г. — 369.
Санчурск, г. — 203, 204.
Сандомир, г. — 103, 104.
Сапожок, г. — 199, 344, 345.
Саратов, г. — 244—247, 253.
Свияжск, г. — 94, 189, 190, 200, 231, 356—358, 360—365, 370, 400.
Свияжский у. — 236, 346, 358.
Севск, г. — 79, 112, 114, 116, 195.
Севский у. — 111, 114.
Севь, р. в Комарицкой вол. — 113.
Серебренка, р. в Тульском у. — 540.
Серебряные Пруды, «острог» — 199, 325, 379—386, 396, 404, 406.
Серпейск, г. — 189, 196, 278.
Серпейский у. — 504.
Серпухов, г. — 126, 143, 146, 148, 149, 162, 172, 173, 177—179, 181, 187, 188, 197, 219, 269, 322, 325, 328, 332—334, 340—343, 355, 394, 399, 562.
Серпуховская дорога — 173—175, 188, 190, 319, 438, 439, 482, 492.
Серпуховский у. — 165.
Сибирь — 93, 286, 464, 503, 529, 550, 556, 560.
Симонов мон. — 39, 40, 272, 301.
Слоним, г. — 265.
Смоленск, г. — 269, 274—278, 292, 351, 455, 485.
Солигалицкий у. — 40.
Соликамск, г. — 202.
Сольвычегодск, г. — 118, 433, 469.
Сольвычегодский у. — 433.
Спасский-на-Чаще мон. — 125.
Спасо-Евфимиев мон. — 39, 40.
Спасо-Преображенский мон., в г. Арзамасе — 348.
Старица, г. — 189, 190, 196, 277, 376, 410, 473.

Библиотека "Руниверс"

Старицкий у. — 40.
Стародуб-Северский, г. — 194, 247, 458.
Столбище, с. Комарицкой вол. — 111.
Суздальский у. — 40, 44, 45.

Тарки, крепость — 367, 485.
Тарусский у. — 563.
Тверской у. — 47, 49, 190, 277.
Тверь, г. — 190, 277, 278.
Темниковский у. — 497.
Терек, р. — 217, 221, 222, 238—240, 365, 367, 368, 443, 505.
Терский город — 217, 222.
Тихвин, г. — 252.
Тихвинский мон. — 125.
Толгский мон. — 39.
Троице-Сергиев мон. — 38—41, 72, 220, 259, 349, 350, 413, 420, 421, 498, 499.
Троицкий-Киржацкий мон. — 39.
Троицкое, с. Коломенского у. — 94, 136, 174, 176—178, 181, 187, 188, 268, 327, 562.
Тула, г. — 7, 94, 96, 106, 122, 136, 150, 158, 164—166, 168—172, 185, 186, 193, 194, 198, 199, 230, 238, 240, 253, 261, 262, 266, 319, 320, 322, 323, 325—327, 342, 343, 363, 372—374, 376, 377, 380, 383—388, 392, 395, 398, 400—403, 405, 414, 415, 423—425, 428, 430—438, 441, 444—484, 486—492, 500, 508—511, 515, 540, 545, 562—564.
Тулица, р., приток р. Упы — 449.
Тульская дорога — 317, 563.
Тульская засека — 444.
Тульский у. — 540.
Турция — 124, 138, 140.
Тушино, с. — 206.

Углич, г. — 287.
Угличский у. — 40.
Угра, р., приток р. Оки — 136, 161, 162, 187, 192, 399, 562.
Унжа, р., приток р. Волги — 203.
Упа, р., приток р. Оки — 12, 444, 445, 447, 449, 450, 458, 459, 460, 461, 464, 467, 469, 483, 564.
Урал — 529.
Устьянские вол. — 118.
Устюг Великий, г. — 144, 410.
Устюжна-Железопольская, г. — 101, 382.
Уфа, г. — 93.

Холмогоры, г. — 273, 547.
Хопер, р., приток р. Дона — 460.

Царев-Борисов, г. — 89, 129, 132, 200, 219, 371.
Царевококшайск, г. — 359, 360.
Царицын, г. — 200, 230, 237, 239, 241, 245—250, 252, 370, 469, 479.
Цивильск, г. — 362.

Чебоксарский у. — 346.
Чебоксары, г. — 200, 231, 357, 362, 400.
Червленая гора, на р. Упе — 449.
Чердынь, г. — 202, 529.
Чернавский городок — 129.
Чернигов, г. — 92, 111, 195.
Чудов мон., в Москве — 39, 40, 402, 426.

Шат, р., приток р. Упы — 385, 386.
Шацк, г. — 199, 459.
Швеция — 82.
Шелонская пятина — 48, 68, 70, 152.
Шершова, д. Курмышского у. — 353.

Юрьев-Польский у. — 40.
Юшино, с. Комарицкой вол. — 113.

Ядрин, г. — 200, 357, 358.
Ядринский у. — 346, 350.
Яжелбицкий рядок, Новгородской обл. — 70.
Яик, р. — 216, 242.
Яранск, г. — 203.
Ярославль, г. — 83, 155, 204, 271, 293, 305, 378, 390, 428, 433, 452, 453, 474, 476, 489.
Ярославская дорога — 305, 306.
Ярославский у. — 39, 40.
Ярославский-Спасский мон. — 39.
Ясная Поляна, с. Тульского у. — 444.
Яуза, р. — 272, 299, 300, 301, 304—306, 323.

Библиотека "Руниверс"

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Аббас I, шах иранский — 235, 245, 365.
Аделунг Ф. П. — 464, 465.
Акинфов А. Ф., сын царицынского воеводы — 247—250.
Акинфов И. Ф., сын царицынского воеводы — 247, 249, 250.
Акинфов Ф. П., царицынский воевода — 78, 247, 252.
Александренко В. Н. — 31, 544, 547—549.
Алексеев И., «государев подьячей» — 413.
Алексей Михайлович, царь — 493, 528, 537.
Андреев Т., кабальный холоп — 70.
Анисимов И., казак — 239, 240.
Аничкин, атаман, участник восстания — 284, 508.
Аничков В. В., саратовский воевода — 244, 245.
Аничков И., помещик — 69.
Арсений, архиепископ Елассонский — 11, 86, 87, 141—143, 450, 472—474.
Арсений, игумен Пурдышского мон. — 497.
Арцыбашев Н. С. — 182, 183, 363, 481.
Аткатко, остяк — 557.
Афремов И. — 437, 444, 450, 459, 460, 564.

Бабкин, монастырский слуга — 434.
Багалей Д. И. — 127.
Бантыш-Каменский Н. Н. — 547.
Барашев Ишей, темниковский мурза — 438, 461—463, 468, 489.
Барсуков А. П. — 225, 226.
Бартенев Е. Д., голова в Новгороде-Северском — 111.
Бартенев Ч., письменный голова в Астрахани — 224.
Барятинский В. Р., кн. — 162, 399.
Барятинский И. М., кн., орловский воевода — 152, 161.
Барятинский М. П., кн., воевода — 161, 375, 388.
Барятинский Я. П., кн. — 111.
Басманов И. Ф., окольничий — 72, 73, 80, 81, 156.
Басманов П. Ф., окольничий — 111.
Бахтеяров-Ростовский А. И., кн., путивльский воевода — 88, 97—101, 501.
Бахтеяров-Ростовский В. И., кн., нижегородский воевода — 228.
Башкин М. — 35, 36.
Беззубцов Д. (Митька), участник восстания — 309, 319, 321, 322, 441.
Беззубцов Ю. (он же Митька?), участник восстания — 151, 177, 255, 259, 260, 262, 263, 267, 320—322, 488, 508.
Безна А., дворянин — 84.
Безнин Мисаил (Безнин М. А.), старец Иосифова-Волоколамского мон. — 51, 57—59, 84.
Безнин М. А., думный дворянин. См. *Безнин Мисаил*, старец Иосифова-Волоколамского мон.

Библиотека "Руниверс"

Безобразов А. И., дворянин — 78.
Безобразов Е., голова — 455.
Белавин Т., помещик — 69.
Белокуров С. А. — 31, 78, 157, 232, 356, 482.
Бельский Б. Я., боярин, казанский воевода — 85, 92—96, 130.
Бельский Н. С., кн. — 401.
Беляев И. Д. — 127.
Бер М. См. *Буссов Конрад.*
Бернадский В. Н. — 231, 233, 234.
Берсень Ф., участник восстания — 164, 275, 508.
Бестужев-Рюмин К. Н. — 182.
Бибиков Г. Н. — 31, 275, 383, 384, 458, 460.
Биркин И. П., голова в Новгороде-Северском — 111.
Благово Б., посланник в Турцию — 124.
Благово П., сборщик «даточных» людей — 201—204, 273, 326, 361, 409, 501.
Блудов И., писец — 45.
Бодырин Ф., атаман — 366—368.
Болдырь Ф., казак — 239.
Болотников И. И. — 5—13, 15—32, 55, 56, 60, 61, 83, 87—89, 91, 94, 96, 99, 102, 104—112, 114, 117, 120—122, 126, 135—156, 158—195, 200—202, 204, 205, 208—211, 213, 216, 219, 220, 230, 238—240, 247, 255—288, 290—336, 338—344, 347, 349, 351, 354, 355, 360—363, 365, 371—374, 376, 379, 380, 382, 383, 385—387, 389—402, 404, 406—411, 414—419, 421—424, 426, 428—430, 437—448, 451, 452, 454—456, 462—496, 498—503, 505—516, 519, 520, 523—525, 540, 541, 544, 545, 548, 550—552, 554, 556, 560, 562, 563.
Болтин Б., помещик — 482, 483.
Болтин И. Н. — 14.
Болтин С., стрелецкий сотник — 362.
Болховской И. Д., кн. — 359, 361, 404.
Борзецов А., помещик — 399, 401.
Борис Годунов, царь — 12—16, 18, 26, 27, 55, 56, 62—66, 71—73, 75—80, 83—85, 93, 98, 99, 102, 103, 114—121, 126, 127, 130, 132—135, 216, 217, 220, 221, 240, 243, 334, 421, 458, 499, 526—532, 535, 545.
Брутков М., помещик — 93.
Будырин Г., крестьянин — 504.
Буйносов-Ростовский П. И., кн., белгородский воевода — 89, 98.
Булгаков Ф. И., воевода — 199, 435, 440, 449.
Бунаков А., голова в Новгороде-Северском — 111.
Буссов Конрад — 11, 87, 100, 101, 104, 105, 110, 136, 138—143, 154, 156—159, 168—170, 175, 186, 188, 258, 260, 261, 264—266, 269, 283, 285, 286, 295, 298, 299, 312, 316, 317, 320—323, 326, 336, 440—443, 450, 455, 464—468, 471—474, 481, 483, 484, 486—490, 502, 551, 562.
Буссов Конрад, сын Конрада Буссова — 464.
Бутурлин В. М., стольник — 161, 174.
Бутурлин Е. В., воевода — 78, 163.
Бутурлин И. М., воевода — 485.
Бычков А. Ф. — 84.

Вадбольский М., кн. — 399, 400.
Вакулов В., сын боярский — 203.
Васенко П. Г. — 289, 290.
Василий Шуйский, царь — 6, 7, 11, 12, 14, 15, 23, 24, 31, 60, 87—89, 91—93, 95—102, 105—110, 117, 118, 121, 122, 124, 135—137, 142—157, 159—165, 168—170, 172—175, 177—181, 184, 186—191, 193, 196, 198, 199, 201, 202, 204—210, 214—216, 222—224, 226—230, 235—243, 245—249, 255, 257, 258, 260—305, 307—336, 338—345, 355—365, 367, 371—374, 376, 378—384, 386—419, 422—459, 461, 464—492, 495, 498, 500—503, 505—511, 514, 519, 520, 523—529, 531, 532, 534, 535, 537, 538, 545—548, 552, 553, 556, 558—561.
Васильев А., кабальный холоп — 125.
Васильев К., ключарь Астраханского собора — 250, 251.
Васильев С., холоп — 504.
Васильев Ф., крестьянин — 504.

Библиотека "Руниверс"

Васюк, остяк, участник восстания в Березовском у. — 557, 558.
Велевицкий Ян — 474, 475.
Великий С., псковский гость — 207, 209.
Вельяминов И. М., помещик — 450.
Вельяминов Я. Я., воевода — 78.
Вениамин — 34.
Веселовский С. Б. — 31, 55, 235, 401, 433, 526, 534.
Вешняков В. И., дворянин — 392.
Витовтов В., дьяк — 403.
Витовтов Т., дьяк Разрядного приказа — 436.
Владимирский-Буданов М. Ф. — 108.
Владислав, королевич польский — 105, 212, 296.
Власьев А., уфимский воевода — 92, 93.
Воейков А. М., голова в Новгороде-Северском — 111.
Волконский Г., кн. — 13, 16, 82, 103—105, 124, 163, 191, 237, 265, 269, 270, 275, 278, 331, 371.
Волович Е., канцлер литовский — 104.
Волосский С. А., казанский воевода — 93—96.
Волынский И. И., воевода — 78.
Волынский Ф. В., стольник — 148.
Вореев А., дьяк — 335.
Воркодин, мордовский «старейшина» — 355, 360.
Ворок Г., крестьянин — 504.
Ворон Нос, казачий атаман — 125.
Воронцов-Вельяминов Н. С., черниговский воевода — 99.
Воротынский И. М., кн., боярин — 145—150, 154—158, 163, 169—171, 176, 192, 307, 325, 342, 353, 354, 363, 364, 383—388, 448, 461, 462.
Вразский И., помещик — 235.
Вразский П., астраханский переводчик — 223, 225, 227—229, 234—236, 240, 242, 243, 250, 469, 485—487, 495.
Всеволожский Р., дворянин — 413.
Вышеславцов И. Н., помещик — 74.
Вяземский С. Ю., кн., пермский воевода — 327.
Гаврило, монастырский казначей — 158, 413.
Гагарин Г. И., кн. — 111.
Гедеон, старец — 144.
Геннадий, архиепископ Новгородский — 34.
Гераклитов А. А. — 247—249, 352.
Геркман Элиас — 464—466, 468, 477, 478, 490.
Гермоген, патриарх — 16, 22, 24, 167, 189—191, 196, 212, 255, 260, 263, 266, 267, 276—279, 282—284, 287, 289, 290, 302, 304, 305, 307, 314, 358, 361, 424, 430, 437, 491, 494, 501, 502, 535.
Гиршберг А. — 30, 31, 156, 310.
Глебов Б. М., воевода — 380, 381.
Гневушев А. М. — 31, 88, 91—93, 96, 223, 248, 402.
Голенищев-Кутузов И. И., жилец — 400, 402.
Голицын А. В., кн., воевода — 176, 272, 316, 386, 433, 435, 437, 439, 450, 483.
Голицын В. В., кн., боярин — 143, 176, 316, 510.
Голицын И. В., кн., боярин, воевода — 176, 278, 279, 333, 334, 435.
Голицын И. И., кн. — 94, 143.
Голицын С. Д., кн. — 527—529.
Головин В. П., окольничий и казначей — 176, 436.
Головин И. П., окольничий — 176, 452.
Головин П. П., терский воевода — 222, 368.
Голочелов И. Б., арзамасский воевода — 359.
Голубцов И. А. — 515, 562.
Гонсевский Александр — 474.
Горяйно, участник восстания — 371.
Граевский С., помещик — 353.
Гребенкин, казак — 370.
Греков Б. Д. — 39, 50, 55, 59, 63, 64, 66, 110, 417, 526, 534.
Григорьев И., поп — 504.
Григорьев П., подьячий — 46.
Гроздильников Т., нижегородский торговый человек — 367.
Губастой А., белгородский голова — 90.
Гурий, архиепископ Казанский — 528, 529.

Библиотека "Руниверс"

Дашков П., стрелецкий голова — 174.
Девлеткозин И., служилый татарин — 500.
Девятка, крестьянин — 67.
Дементьев Е., городовой приказчик — 202.
Денис, бобыль — 69.
Денисов П., кабальный холоп — 69.
Денисов С., кабальный холоп — 69.
Денисова И., кабальная холопка — 69.
Диаментовский Вацлав — 11, 30, 31, 93, 141, 144, 151, 155—159, 173, 261, 268, 269, 271, 280, 281, 284, 286, 293, 301, 315, 327, 328, 331, 332, 371, 374, 378, 389, 390, 396, 424—428, 433, 447, 452—454, 457, 473, 474, 476, 488, 489.
Димитрий Углицкий, царевич — 14, 287, 307.
Дирин М., монастырский слуга — 460, 461.
Дмитриев А., кабальный холоп — 72.
Дмитриев С., холоп — 125.
Дмитрий Шемяка, кн. — 382.
Дмитров Ш., крестьянин — 46.
Добрыня, крестьянин — 67.
Долгорукий А. Г., кн. — 448.
Долгорукий В. Г., кн. — 146.
Долгорукий В. Т., кн., воевода — 435, 436.
Долгорукий Г. Б., кн., окольничий — 176.
Доможиров Б. И., арзамасский воевода — 93, 359.
Доможиров И. Б. — 355, 358—360, 404.
Доможиров М. Б. — 358, 359.
Дубенец А., пушкарь — 504.
Дуров Р., стрелецкий голова — 112.
Дьяконов М. А. — 66.

Екатерина II — 493.
Елагин Г., стрелецкий голова — 221, 238, 239, 367, 469, 470, 487.
Елагин С. В., курмышский воевода — 353.
Елизавета, королева английская — 62, 545.
Елизаров Г., участник восстания — [illegible].
Елисеев Ф., монастырский слуга — 333.
Ерема Сыромятник, пскович — 208, 209.
Еремеев В., стрелец — 223—225, 227—229.
Еремеев Я., крестьянин — 499.
Ермолай-Еразм — 34, 35.
Есин Б., сын боярский — 359.
Есипов Т. И., чебоксарский воевода — 357, 362.

Жеребцов Ф., дворянин — 78.
Жолкевский Станислав, гетман польский — 336.

Загоскин Н., помещик — 69.
Загоскин Т., помещик — 69.
Загрязский И. И., путивльский воевода — 98.
Замора, бортник — 349.
Замысловский Е. Е. — 465.
Заруцкий И. М. — 252, 466, 497, 508.
Засекин Ф., кн., воевода «царевича» Петра — 340, 344, 509.
Зимин А. А. — 31, 57.
Зиновий, крестьянин — 67.
Зиновий Отенский — 35, 36, 46, 49, 109.
Змеев С., сын боярский — 227.
Золотарев Г., дьяк — 102.
Зубов И., писец — 349.
Зюзин В., посланник в Крым — 124.
Зюзин Я. В., воевода — 334, 435.

Иаков I (Якуб), английский король — 546—548.
Иван, поп — 504.
Иван III, вел. кн. — 336, 382.
Иван IV Грозный, царь — 12, 13, 38, 45, 47, 51, 55, 58, 76, 85, 123, 124, 126, 127, 182, 244, 248, 269, 281, 370, 505, 524, 527—529, 535, 545, 546, 550.
Иван Иванович, царевич — 244, 470.

Библиотека "Руниверс"

Иван-Август, «царевич» — 213, 244—248, 252, 253.
Иванов А., вятчанин — 202.
Иванов А., дьяк — 13, 82, 191, 216, 217, 221, 237, 265, 269, 275, 278, 371, 405, 406.
Иванов Н., бортник — 353.
Иванов Н., даточный человек — 460.
Иванов С., бобыль — 68, 69.
Изборов П., астраханский посадский человек — 232, 234.
Измайлов А. В., воевода — 177, 341.
Измайлов А., думный дворянин — 344, 346.
Измайлов А. Я., воевода — 57, 58.
Измайлов Н. В., зарайский воевода — 171.
Измайлов И., гонец — 269.
Илейка Муромец, казак. См. *Петр-Илейка*, «царевич».
Ильин А., псковский дьячок — 206.
Илья Мясник, пскович — 208.
Иов, патриарх — 107, 376, 378 383, 473.
Иона, игумен Антониева-Сийского мон. — 61.
Иосиф, келейник патриарха Иова — 107, 531.
Иосиф, Астраханский митрополит — 251.
Исайя, игумен Саввина-Сторожевского мон. — 191, 412, 500.
Иштерек, кн. ногайский — 227—229, 236, 241—243, 253, 469, 485, 486.

Казаков А. Б., помещик — 356, 357, 360—362.
Казы-Гирей, крымский хан — 116.
Кантемир Д., кн. — 114.
Карамзин Н. М. — 11, 16, 17, 23, 81, 82, 85, 92, 97, 100, 138, 156—158, 162, 169, 182, 213, 214, 254, 309, 318, 363, 383, 384, 529, 533.
Кара-Чюрин Крым-Сара (Иван), помещик — 362.
Карпов А., дьяк в Астрахани — 103, 213—216, 222—224.
Карпов Б., стрелец — 234.
Картавый Н., казак — 126.
Катырев-Ростовский И. М., кн. — 93, 329, 330, 459, 471.
Кашин М. Ф., кн., боярин, брянский воевода — 143, 146—150, 158, 164, 405.
Кашкаров И. А., стрелецкий голова в Астрахани — 224, 235.
Кашкаров Т. А., помещик — 223, 224, 227—229, 236.
Келмагмед, ногайский мурза — 123.
Кирдюшов Арзюш, мордвин — 349.
Киреев И., казачий голова — 259.
Кичамасов В., мордвин — 349.
Клементиев Е., важанин — 205.
Клешнин Б., помещик — 398.
Клобуков Г. И., дьяк в Астрахани — 102, 224.
Ключевский В. О. — 11, 15, 20—23, 219, 292, 532, 533.
Кобяков Ю., рязанский воевода — 344.
Кодский Онжа, кн. — 557, 558, 560, 561.
Коза Андрей — 211.
Козловский М., кн. — 401.
Кознецов М., сольвычегодец — 433.
Кологривов Г., «голова у наряда» — 448.
Кологривов Л. А., алексинский воевода — 172, 343, 508.
Колтовской С. Б., воевода — 341.
Колыгин А., кабальный холоп — 69.
Колычев А. С., помещик — 145.
Колычев-Крюк И. Ф. См. *Крюк-Колычев И. Ф.*
Кольцов-Масальский В. В., кн., боярин — 173, 174, 188.
Кондратьев А. — 330.
Кордт В. — 465, 548.
Коркодинов Г. С., кн. — 171.
Коровин Г., крестьянин — 67.
Косой Феодосий — 35, 36.
Коровяков Н. П. — 78.
Косолап Карпунька — 82.
Костомаров Н. И. — 9, 11, 17, 19—21, 23, 100, 162, 175, 182, 214, 219, 220, 309—311, 317, 319, 321, 339, 441, 533.
Кохановский. См. *Хахановский С.*
Кровков И. С., сын боярский — 451, 459, 461.
Кровков Мешок. См. *Кровков И. С.*
Кровков Ф. С. См. *Кровков И. С.*

Библиотека "Руниверс"

Кропоткин С., кн., воевода — 198.
Крузе Эйлар — 46.
Крушаков Д., земский староста г. Котельнича — 202, 203.
Крюк-Колычев И. Ф., окольничий, воевода — 196, 276—279, 308, 316, 435, 470.
Крюков Н., крестьянин — 61.
Кудекуша Т., пскович — 207.
Кузнец М., крестьянин — 504.
Кузьмин О., крестьянин — 46.
Кузьмин-Караваев В. Я., казанский воевода — 94.
Куланов А., остяк, участник восстания в Березовском у. — 557.
Куланов П., остяк, участник восстания в Березовском у. — 557.
Куракин И. С., кн. — 510.
Курбатов С., даточный человек — 460.
Курлятев И. И., кн., воевода в г. Орешке — 92, 93.
Кустов П., стрелец — 61.
Кушева Е. Н. — 72, 76, 78, 82, 107, 108, 180, 220, 289, 290, 482, 503, 522, 535.

Лавер, «царевич». См. *Лаврентий*, «царевич».
Лаврентий, «царевич» — 244, 248,
Ладыженский Д., помещик — 398, 401.
Ладыженский Е., помещик — 398.
Лазарев Т. М., арзамасский воевода — 78, 405.
Ласкирев И. М., «у обозу» в походе против крымцев — 144.
Ласковский Ф. — 336, 447, 449.
Левашов Ф., помещик — 350, 351.
Ленин В. И. — 493, 506, 511—513.
Леонид, келарь Иосифо-Волоколамского мон. — 413.
Леонтьев Ф. И., воевода — 198.
Лжедмитрий I — 14, 15, 17, 26, 27, 79, 84—86, 88—95, 97—105, 111, 118—121, 134—137, 141, 142, 144—147, 150, 158, 161, 163, 194, 202—204, 214, 217—220, 222—229, 235, 237, 239, 240, 245, 246, 254, 258, 259, 270, 279, 280, 282, 284—286, 302, 341, 360, 368—370, 376, 411, 415, 421, 425, 426, 443, 458, 465, 466, 472—474, 477, 480, 487, 488, 494, 501, 502, 504—506, 511, 520—522, 545—547, 549, 550, 553, 563.
Лжедмитрий II — 26, 96, 105, 153, 164, 168, 170, 172, 244, 246, 247, 253, 254, 267, 455, 458, 484, 509, 510.
Лобанов Ю., арзамасский городовой приказчик — 354.
Лобанов-Ростовский В. М., кн., астраханский воевода — 218, 222.
Ловчиков Б., помещик — 399.
Ловчиков И. Г., путивльский воевода — 97, 101.
Ловчиков Т., помещик — 399.
Лодыженский С., сотник — 98.
Лопатинский А., чернец — 57, 58.
Лошаков П., дьяк — 225.
Луговской Т., дьяк — 436.
Лыков Б. М., кн., боярин — 143, 335, 439, 449, 504.
Любименко И. И. — 546, 548.
Любомиров П. Г. — 232, 359, 403, 404.
Людвиг Эмиль — 514.
Ляпунов З. П., воевода — 345.
Ляпунов П. П. — 136, 164, 166, 168, 171, 172, 184, 192, 199, 252, 255—257, 260, 262, 263, 266, 293—298, 302, 303, 308, 344, 345, 397, 405, 406, 435, 439, 440, 449.

Максим Грек — 43.
Максимов И., даточный человек — 460.
Максимов И., крестьянин — 497.
Максимов С., вятчанин — 202.
Малахиев К., староста Волока Словенского — 434.
Маньков А. Г. — 64, 349, 350, 420, 421.
Маржерет Жак — 12, 13, 16, 88, 101, 227, 281, 368, 369, 373.
Маркевич А. И. — 78.
Марфа, кабальная холопка — 70.
Марфа Нагая, царица — 146, 147.
Масальский В. Ф., кн., воевода Болотникова — 375—379, 448, 455, 564.
Масальский Д. В., кн., рославльский воевода — 195, 369.
Масальский И. Л., кн., воевода Болотникова — 344, 381—384, 386.

*

Библиотека "Руниверс"

Масальский-Кольцо В. В., кн., боярин — 144.
Масальский Шаня В., кн., окольничий — 144.
Масса Исаак — 11, 17, 64, 72, 73, 79—81, 86, 92, 103, 111—113, 119, 120, 136, 138—143, 145, 154, 155, 157—159, 162, 173, 179, 180, 186, 188, 199, 200, 217, 219, 236, 237, 241, 258, 260, 261, 265—267, 284, 287, 295, 298—301, 305, 306, 311—313, 318—323, 332, 334, 335, 337—339, 342, 365, 375, 376—387, 390—393, 395, 408, 409, 411, 413, 422—424, 426, 428, 429, 432, 434, 436, 437, 446, 451, 476, 477, 508, 510, 519—525, 549.
Матвеев К., стрелец — 238, 239.
Матфей, игумен Кирилло-Белозерского мон. — 434.
Мезецкий Д. И., кн., воевода — 90, 98, 152, 160, 163, 198, 276—279, 333, 334, 342, 375, 376.
Мелентьев А., дворянин — 78.
Мело (де-) Николай — 390, 391, 425—428, 430, 446, 447, 468.
Мерик Джон (Иван Ульянов) — посланник Англии в Москве — 31, 546—550.
Миклашевский И. Н. — 91, 127, 131, 132, 134.
Микляков О., важанин — 205.
Микулин Г., голова — 98.
Микулич О., стрелецкий голова — 224.
Миленин Я., помещик — 350, 351.
Миллер П. Н. — 520—522, 524.
Милославский Д. И., стрелецкий голова — 231.
Милославский И. М., боярин — 531.
Милюков П. Н. — 11, 529, 530, 532, 533.
Минцлов Р. — 465.
Митька, казак — 366, 367.
Михаил Федорович, царь — 111, 114, 127, 153, 182, 228, 235, 247, 400, 462, 465, 504.
Михайлов А., бортник — 353.
Михайлов И., стрелец — 342.
Михайлов Л., крестьянин — 342.
Михайлов С., стрелец — 234.
Михнев И. И., путивльский воевода — 97, 98, 101.
Мнишек Марина — 31, 477.
Мнишек Ю., сандомирский воевода — 155, 390.
Моисей, келарь Иосифо-Волоколамского мон. — 158, 433.
Молчанов М. А. — 88, 90, 96, 97, 100, 102—105, 138, 139, 549, 552, 553.
Мольянинов А., письменный голова в Астрахани — 224.
Морозов В. П., боярин — 94, 95, 144, 176, 316, 334, 435.
Москов, мордовский «старейшина» — 355, 360.
Мошейцов В., крестьянин — 497.
Мстиславский Ф. И., кн., боярин — 143, 174, 176, 177, 307, 335, 337, 338, 401, 434, 436, 538.
Мусорский П., стрелецкий голова — 152.
Муханов П. А. — 336, 475.

Нагиба, казак — 221, 508.
Нагой Г. Ф., боярин — 146, 147, 149, 176.
Нагой М. А., боярин, воевода — 143, 145, 334, 375, 376.
Нагой М. Ф., боярин — 176.
Назарьин К., кабальный холоп — 125.
Наметка, казак — 221.
Нарманский А. С., алатырский воевода — 355.
Настасьица, кабальная холопка — 74.
Нащокин Б. И., воевода — 163, 173.
Нащокин О., воевода — 90.
Нелединский Ю., помещик — 45, 46.
Немоевский Станислав — 11, 30, 103, 143, 144, 300, 310, 314, 371, 372, 452, 474—476, 490.
Неустройко, казак — 221.
Никольский Н. К. — 540.
Никон, патриарх — 538.
Новиков Н. И. — 14.
Новомбергский Н. — 504.

Обдорский Василий, кн. — 557, 558, 561, 563.
Обдорский Мамрук, кн. — 557, 558, 560, 561.
Оболенский М. А., кн. — 215, 216.

Библиотека "Руниверс"

Овдокимов А., дьяк — 353.
Ододуров И. О., голова «у наряда» — 448.
Ододуров С. Г., воевода — 355, 356, 363, 364, 380, 381, 385, 386.
Одоевский Большой И. Н., кн., боярин — 271.
Окинфиев Ф. П. См. *Акинфов Ф. П.*
Окоемов М., монастырский слуга — 460.
Оладьин Н., даточный человек — 460.
Олссницкий Н., польский посол — 269, 474.
Омосов Л., подьячий — 344.
Онаний, крестьянин — 67.
Онучин И., жилец — 400.
Осдоня, «служащая жонка нарымского полону» — 557.
Осинин, помещик — 70.
Осиновик, «царевич» — 244, 248.
Осипко, послужилец — 366.
Остерман А. И. — 531.
Отрепьев Гришка. См. *Лжедмитрий I.*

Павлов И. См. *Пашков И. И.*
Пазухин И., помещик — 401.
Палицын Авраамий, келарь Троице-Сергиева мон. — 63, 64, 70, 74—76, 106, 108, 110, 123, 137, 193, 264, 413, 451, 457, 470, 503, 522.
Пальчиков Г. А., стрелецкий голова — 231.
Пан Г., казачий атаман — 368.
Панов П. Л., помещик — 401, 405, 406.
Пантелейко, пермитин — 202—204.
Паули Лука — 62, 63.
Пафнутий, старец — 420.
Пашков И. И. — 136, 141, 165—172, 174—179, 188, 189, 192, 199, 255—258, 260—264, 266—269, 284, 287, 295, 297, 298, 305, 306, 308—313, 317, 321, 385, 387, 388, 394, 397, 423, 441, 479, 488, 549, 554, 555, 562.
Паэрле Георг — 91, 141, 161, 167, 182—187, 280, 281, 287, 313, 431, 432, 450, 452, 476, 477, 481.
Петр, поп — 344, 346.
Петр I — 114, 201, 538, 539.
Петр-Илейка, «царевич» — 94, 126, 141, 163, 179, 186, 195, 200, 203, 221, 234, 237—240, 247, 253, 325, 339—341, 357, 360, 365—374, 376, 377, 384—390, 395, 398, 422, 423, 430, 437, 443, 446, 451, 452, 458, 469—484, 486, 487, 490—492, 502, 505, 509, 510, 545, 563, 564.
Петрей Петр — 12, 13, 137, 310, 336.
Петров Г., холоп — 74.
Петров К., подьячий — 57, 58.
Петров Т., целовальник — 433.
Петруша, ложечник, даточный человек — 433.
Пильемов Ю. Г., рязанский воевода — 294, 457, 468.
Пирлинг П. — 95, 246, 247, 390, 426, 475.
Платонов С. Ф. — 11, 17, 21—24, 30, 81, 85, 100, 127, 128, 143, 157, 164—168, 180, 182, 184, 185, 189, 190, 192, 214, 215, 219, 225, 254, 261, 280, 281, 295, 297, 298, 309—311, 318, 321, 351, 352, 373, 389, 393, 396, 440, 447, 481, 482, 528, 533, 548.
Плещеев А. Р., ливенский воевода — 98.
Плещеев Н. М., дворянин — 85, 144, 218.
Плещеев Н., ряжский воевода — 344.
Плещеев-Заяц И. Д., воевода — 224.
Пожарский Д. М., кн. — 175, 350, 405.
Покровский М. Н. — 11, 23—26.
Полибин С. П., жилец — 400.
Поливанов К., помещик — 399.
Полтев Г. И., воевода — 278, 279, 316.
Попов А. Н. — 9, 482.
Попов Н. А. — 534.
Поссевин Антоний — 269.
Потресов К., помещик — 122.
Протасьев С. Б., стрелецкий голова — 224, 225, 228.
Пугачев Е. И. — 9, 28, 29, 201, 347, 493, 502, 512, 514, 516.
Пузиков Д., стрелецкий голова — 152.
Пуляев О., стрелецкий голова — 224.

Библиотека "Руниверс"

Пургасов В., помещик — 402.
Пушечников Д., «у наряду» в сторожевом полку — 334.
Пушкин Г. Г., дворянин — 85.
Пушкин Григ. Г., воевода — 160, 218, 355, 356, 363, 364, 380, 381, 383, 385.
Пушкин И. М., думный дворянин — 78, 79, 144, 271.
Пясецкий Г. М. — 110, 114—117.

Рагозин С., помещик — 398, 462.
Разин С. Т. — 9, 19, 28, 201, 251, 347, 493, 502, 512, 514, 516.
Ржевский А. Н., брянский воевода — 164, 392, 405.
Ржевский Г. Н., дворянин — 392.
Ржевский И. Н., воевода — 164, 276.
Ржов О., пскович — 208.
Родионов С. — 358, 359.
Рожинский Р., кн. — 259, 509, 510.
Рожков Н. А. — 11, 23—27, 39, 49.
Роман, старец — 61.
Романов И. Н., боярин, воевода — 334, 375, 376, 379, 435.
Ромашка, «литвин» — 221.
Ромодановский Г. П., кн., боярин — 226, 435.
Россель — 549.
Ростиславский И., астраханец — 469.
Рострига. См. *Лжедмитрий I*.
Рубец-Масальский В. М., кн., путивльский воевода — 92, 93, 98.
Рубинштейн Н. Л. — 15.
Рудольф II, император — 62, 63.

Саблин С., помещик — 271, 407.
Сабуров Б. С., дворянин — 320, 392.
Сабуров Ж. С., алатырский воевода — 355.
Сабуров З. И., саратовский воевода — 244, 245.
Сабуров И. Н., дворянин — 218, 219.
Сабуров М. Б., астраханский воевода — 89, 216—220.
Сабуров П. Г., дворянин — 218, 219.
Савин Ф., «посланник» Василия Шуйского на Вагу — 117, 413.
Савицкий Каспар — 474, 475.
Савка, «посошный» — 410.
Садовский И. — 269, 270, 279, 399.
Салтыков И. Н., воевода — 78, 79, 227, 242, 485.
Салтыков М. И., путивльский воевода — 98, 536.
Салтыков М. Г., боярин, воевода — 92, 93, 95, 100.
Салтыков-Кривой М. М., окольничий — 146.
Салцов М., стрелец — 202.
Самоквасов Д. Я. — 45.
Сапега Андрей, оршанский староста — 191, 275, 278, 298.
Сапега Лев, литовский канцлер — 191, 265, 275, 298, 331, 508.
Святский Д. О. — 110, 111.
Седельников А. Д. — 34.
Сейказы Аталык, крымский посол — 468.
Семенов Б., казак — 366.
Сенька, крестьянин — 67.
Середонин С. М. — 116.
Сигизмунд III, польский король — 102, 103, 290, 509.
Сидорка, крестьянин — 67.
Сильвестр, протопоп — 35.
Симанов И., казак — 238, 239.
Симеон Бекбулатович, кн. — 47, 50.
Симеон Романович, воевода — 385, 387.
Скопин-Шуйский М. В., кн., боярин, воевода — 159, 162, 173—178, 188, 191, 272, 273, 301, 306, 316, 319, 331, 335, 337—339, 375, 376, 378, 382, 394, 399, 435, 444, 538.
Смит Томас, английский посол к Борису Годунову — 545, 549.
Собакин А., дворянин — 119.
Собанин Б., служилый татарин — 500.
Соковнин С. С., стрелецкий голова — 231.
Соколов И., сын боярский — 245
Солисбюри, граф — 549, 550.
Соловьев С. М. — 11, 17—21, 23, 92, 100, 156—158, 162, 164, 182, 213, 214, 441, 482, 484, 488.
Сонцев Б., белгородский голова — 90.

Библиотека "Руниверс"

Стадницкий Андрей — 167, 184, 265—267, 269, 270, 272—274, 292, 302—305, 307—312, 314—317, 374, 411, 508.
Стадницкий Юрий — 374, 411.
Сталин И. В. — 9, 27—29, 493, 494, 512, 514.
Степанида, кабальная холопка — 70.
Степанова М., бобылка — 69.
Стефан Батурий, польский король — 269.
Стойков И., псковский гость — 209.
Сторовский И., воевода Болотникова — 381.
Стрижевский М., помещик — 353.
Строев П. М. — 205.
Стрейс Я. Я. — 252.
Ступишин С., помещик — 401.
Сумбулов Г. Ф., рязанский воевода — 136, 146, 147, 149, 164, 165, 170, 171, 192, 256, 257, 260, 262, 263, 266, 293—296, 302, 303, 308, 345, 435, 455.
Сумбулов И., помещик — 296.
Сухотин Д., помещик — 456.
Сухотин Л. М. — 31, 399.

Талызин Л. Ю., дьяк в Астрахани — 224.
Тарабеев М., сын боярский — 240.
Татев Б. П., кн., боярин, воевода — 177, 272, 316, 320, 335, 388, 389, 391, 393, 400.
Татев И. А., кн. — 78, 79.
Татищев В. Н. — 11—13, 18, 23, 50, 55, 107, 108, 292, 446, 456, 458, 461, 467, 527—535, 537, 538.
Татищев М. И., окольничий — 149, 157, 216, 217, 221, 222.
Таубе Иоган — 46.
Телепнев В., дьяк — 120, 121, 227, 402.
Телятевский А. А., кн. — 25, 92, 138, 143, 166, 167, 187, 229, 256, 325, 341, 374—381, 384, 386—388, 390, 391, 395, 563, 564.
Телятников С., белгородец — 504.
Терентий, протопоп — 184, 185, 187, 188, 288—291.
Тереха, «гулящий казак» — 234.
Тимофеев А., помещик — 78.
Тимофеев И., дьяк — 11, 256, 268, 414.
Тимоха, послужилец — 366.
Титов А. А. — 102.
Титов Е., псковский гость — 207.
Тифинец С., пскович — 208.
Тихомиров М. Н. — 31, 32, 64, 106, 137, 264, 322, 336, 339, 379, 395, 438, 439, 444, 446, 458, 470, 509, 514, 515.
Толстой Л. Н. — 511.
Толстой П. А. — 531.
Томолчан И. — 286.
Траханиотов Н. В., воевода — 351.
Троекуров М., кн., путивльский воевода — 123.
Тростенский В., кн., михайловский воевода — 171.
Трубецкой Д. Т., кн., боярин — 350.
Трубецкой Н. Р., кн., боярин — 111, 497.
Трубецкой Ю. Н., кн., воевода — 144, 145, 150—152, 154—156, 158—161, 193, 562.
Ту, де (Туанус) — 531.
Туренин Д. В., кн., окольничий — 78, 79, 144, 176, 271, 272, 301.
Туренин М. С., кн., казанский воевода — 93, 94, 96, 435, 452.
Тушинский вор. См. *Лжедмитрий II.*

Уваров А., служилый человек — 353.
Уваров П. — 240.
Угримов Б., голова — 111.
Ульянов Иван. См. *Мерик Джон.*
Умойся-Грязью Ф., пскович — 208.
Урусов П. А., кн. — 435, 450, 457.
Устрялов Н. Г. — 31, 138, 156, 226, 327, 425, 427, 447.
Ушаков Г., помещик — 69.
Ушаков С., помещик — 367, 398, 402, 500, 508.
Ушатой Ю. П., кн., воевода — 198, 342, 388.

Фалков Ф. В., крестьянин — 46.
Федор Годунов, царевич — 65, 103.
Федор Иванович, царь — 14, 15, 54, 55, 70, 114, 115, 126, 163, 200, 368, 370, 371, 451, 470, 473, 527, 528, 535, 545.

Библиотека "Руниверс"

Федоров Т., крестьянин — 67.
Федосейко, крестьянин — 497.
Феодосий, Астраханский архиепископ — 219, 220, 238, 249, 250.
Феодосий, старец — 61.
Феоктист, Тверской архиепископ — 277, 278.
Фидлер Каспар — 382.
Фидлер Фридрих — 382, 464.
Филарет, митрополит — 247, 276, 282, 314.
Философов И., сын боярский — 278.
Флетчер Джильс — 62, 116, 117.
Фомин А., дворянин — 78.
Фролов С., помещик — 45.
Фуников И. В., помещик — 463, 499, 500, 540, 541.
Фуников К. В., помещик — 540.
Фустов Л., помещик — 340, 344, 398, 509.

Харитонка, стрелец — 367.
Харитон, поп — 202.
Хахановский С. (Кохановский) — 398, 451, 500, 508, 510.
Хвалибог И., поляк — 104, 279, 280, 281.
Хворостинин И. А., кн.—193, 214.
Хворостинин И. Д., кн., астраханский воевода — 93, 213, 214, 220—222, 224, 225, 227, 229, 243, 253.
Хворостинин Ю. Д., кн., стольник — 148—150.
Хилков А. В., кн., воевода — 340, 341, 380, 381, 383, 385, 386.
Хилков Б. А., кн., стольник — 149, 150, 157.
Хлопко — 55, 71—73, 77—84, 110, 119.
Хмелевский Ян — 175.
Хованский И. А., кн., орловский воевода — 152, 161, 340.
Хованский И. Ф., кн., михайловский воевода — 160.
Хованский Н. А., кн., воевода — 334.
Хозин А., псковский гость — 209.
Хомяк И., казачий голова — 368.

Чаадаев С. — 358.
Чаев Н. С. — 55, 59, 534.
Чевкин С., стрелецкий голова — 345.
Чепчюгов И. Н., дворянин — 392.
Чередов С., письменный голова — 224.
Черенцов Ф., помещик — 259.
Черепнин Л. В. — 215, 420, 504.
Черкасов С., посадский человек — 359, 364.
Черкасский А. Ч., кн., воевода — 146, 388, 389.
Черкасский В. К., кн., рязанский воевода — 146, 147, 149, 170.
Черкасский П. И., березовский воевода — 559.
Чертков И. Г., стрелецкий голова — 231.
Чечулин Н. Д. — 49.
Чириков С. М., дворянин — 332, 408.
Чубаров Ф., голова в Ряжске — 344.
Чумаков А. См. *Черкасский А. Ч.*

Шамбинаго С. К. — 541.
Шаховской Г. П., кн. — 17, 88, 90, 97, 99—102, 104, 105, 139, 168, 213, 253, 258, 285, 286, 371, 376, 386, 387, 423, 458, 464, 465, 469—471, 481, 483, 487, 505, 508.
Шаховской М. И., кн., воевода в Устюжне-Железопольской — 101.
Шаховской П. М., кн., черниговский воевода — 99, 100.
Шаховской С. И., кн. — 148, 159, 187.
Шеин М. Б., окольничий, воевода — 78, 79, 89, 122, 145—147, 149, 176, 278, 316, 485.
Шейсупов, кн. — 357.
Шереметев П. Н., псковский воевода — 208—211, 226, 281.
Шереметев Ф. И., боярин, воевода — 93, 95, 223—230, 236—238, 240—245, 248, 249, 469, 479, 485, 486.
Шерстин С. Ф., бортник — 353.
Шиле Михаил, гонец импер. Рудольфа II к Борису Годунову — 62.
Шипов Г., дворянин — 88, 91, 97.
Широконосый И., стрелецкий голова — 152.
Шишкин М. М., помещик — 74.
Штаден Генрих — 45.

Библиотека "Руниверс"

Шуйский А. И., кн. — 450, 457.
Шуйский Д. И., кн. — 159, 173—177, 273, 325, 327, 328, 331—333, 339, 341, 372, 436, 448.
Шуйский И. И., кн. — 159, 160—163, 172, 173, 193, 272, 273, 316, 331—335, 341, 398, 399, 434, 435.
Шушерин А. Н., стрелецкий голова — 231.

Щелкалов А. Я., дьяк — 84, 117.
Щербатов М. М., кн. — 11, 13—18, 23.
Щербатый В. П., кн., стольник — 148.
Щербатый Л. О., кн. — 146, 147.
Щербатый С. Д., кн., карачевский воевода — 160, 163.
Щукин Г., псковский гость — 209.

Эммаусский А. В. — 347, 348, 350.

Юрлов Т., казачий атаман — 369.
Юрьев Т., торговый человек — 367.
Юрьев Я., казак — 239, 240.
Юсуф, кн. ногайский — 124.
Юшков П. Д., голова в Путивле — 97, 101.

Яблочков Д., голова в Новгороде-Северском — 111.
Яковлев А. И. — 67, 68, 70, 71, 75, 127, 420.
Якуб. См. *Иаков I.*
Якушка, стрелец — 234.
Якушкин Я., приказный человек — 205.

Библиотека "Руниверс"

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 5

ВВЕДЕНИЕ . . . . . 11—32

Историография восстания Болотникова: Татищев (стр. 11), Щербатов (стр. 13), Карамзин (стр. 16), Соловьев (стр. 17), Костомаров (стр. 19), Ключевский (стр. 20), Платонов (стр. 21), Покровский (стр. 24), Рожков (стр. 26). Восстание Болотникова в советской историографии (стр. 27). Новые источники о восстании Болотникова (стр. 30).

Глава I. ПРЕДПОСЫЛКИ ВОССТАНИЯ . . . . . 33—54

Крестьянский вопрос в публицистике XVI века (стр. 33). Экономическое развитие Русского государства в XVI в. (стр. 37). Рост феодального землевладения (стр. 37). Захват феодалами крестьянских земель (стр. 38). Рост барской запашки и уменьшение крестьянской запашки во второй половине XVI в. (стр. 39). Усиление степени эксплуатации крестьянства. Отражение этого процесса в формулах послушных грамот (стр. 41). Крестьянские переходы и борьба землевладельцев против переходов крестьян (стр. 42). Изменение положения крестьян в связи с опричниной (стр. 44). Хозяйственный кризис 70—80-х годов XVI в. и бегство крестьян (стр. 47). «Заповедные» годы (стр. 51). Оформление крепостного права в общегосударственном масштабе (стр. 52). Кабальное холопство в XVI в. (стр. 52).

Глава II. ПРЕДВЕСТНИКИ ВОССТАНИЯ . . . . . 55—87

Внутренняя жизнь феодальной деревни в конце XVI — начале XVII в. (стр. 55). Волнения крестьян в вотчине Иосифо-Волоколамского монастыря в 1593—1594 гг. (стр. 57). Положение крестьян в вотчине Антониева-Сийского монастыря (стр. 59). Борис Годунов и крестьянство (стр. 62). Голод 1601—1603 гг. (стр. 63). Законы Бориса Годунова 1601 и 1602 гг. (стр. 65). Рост кабального холопства (стр. 67). Восстание Хлопка 1603 г. (стр. 71). Борьба в городах накануне восстания Болотникова (стр. 83).

Глава III. НАЧАЛО ВОССТАНИЯ . . . . . 83—135

Обстоятельства зарождения восстания (стр. 88). Смена Василием Шуйским воевод по городам (стр. 89). События в Путивле (стр. 96). Роль князей А. И. Бахтеярова-Ростовского и Г. П. Шаховского в событиях, связанных с началом восстания (стр. 97). М. Молчанов (стр. 102). Социальный состав участников восстания (стр. 105). Роль холопов в восстании (стр. 106). Участие крестьян в восстании (стр. 110). Комарицкая волость и ее роль в момент зарождения восстания (стр. 110). Роль казаков, стрельцов и городских низов в восстании (стр. 122).

Глава IV. ПОХОД НА МОСКВУ . . . . . 136—200

Расширение территории восстания (стр. 136). Биографические данные о Болотникове (стр. 138). Личность Болотникова в оценке современников (стр. 141). Иван Исаевич Болотников — вождь восстания (стр. 142). Начало похода на Москву (стр. 143). Военные мероприятия Василия Шуйского (стр. 143). Кромы и Елец как два центра военных операций (стр. 144). Победа восставших под Кромами и Ельцом (стр. 150). Дальнейшее продвижение войск восставших к Калуге и Туле (стр. 159). Битва на реке Угре 23 сентября 1606 г. (стр. 161). Участие тульских и рязанских городов в восстании (стр. 164). П. Ляпунов и Г. Сумбулов — лидеры рязанских помещиков (стр. 165). Истома Пашков и вопрос о его роли в начальный период восстания (стр. 165). Последний этап похода

Библиотека "Руниверс"

на Москву (стр. 172). Два войска восставших и два направления наступления на Москву (стр. 172). Сражения на реке Лопасне (стр. 173), реке Пахре (стр. 174) и у села Троицкого (стр. 175). Вопрос о времени прихода войск восставших под Москву (стр. 182). Соединение войска И. Пашкова и Болотникова (стр. 188). Список городов, участвовавших в восстании (стр. 194).

Глава V. БОРЬБА В ГОРОДАХ. ПЕРМЬ. ВЯТКА. ПСКОВ . . . 201—212

Особый характер борьбы в городах (стр. 201). Положение в пермско-вятских городах (стр. 201). Обстановка на Двине в начальный период восстания (стр. 205). Борьба в Пскове. «Большие» и «меньшие» (стр. 205).

Глава VI. БОРЬБА В ГОРОДАХ. АСТРАХАНЬ . . . . . 213—254

Легенда об «аристократическом» характере астраханского восстания (стр. 212). Борьба классов в Астрахани накануне восстания Болотникова (стр. 216). Начало восстания в Астрахани 17 июня 1606 г. (стр. 223). Социально-экономическая характеристика города Астрахани (стр. 230). Антикрепостнический характер астраханского восстания (стр. 234). Городские низы, стрельцы и холопы — движущая сила астраханского восстания (стр. 238). Внутренняя история восстания Астрахани. Освобождение холопов (стр. 242). Астраханские «царевичи» (стр. 244). «Царевич Иван-Август» (стр. 245). Управление и суд (стр. 250). Царистские элементы в идеологии участников астраханского восстания (стр. 253).

Глава VII. ОСАДА МОСКВЫ . . . . . 255—324

Состав войска, осадившего Москву (стр. 255). Дворянские и казацкие отряды (стр. 257). Общие размеры войска восставших (стр. 263). Холопы и крестьяне — основная масса войска Болотникова (стр. 267). Обстановка внутри Москвы (стр. 268). Военные мероприятия Василия Шуйского (стр. 271). Борьба Болотникова за привлечение на свою сторону населения Москвы и других городов (стр. 282). Рассылка «листов» с изложением целей восстания и призывом к холопам и городским низам восстать против бояр (стр. 282). Сношения москвичей с Болотниковым (стр. 285). Идеологическая борьба Василия Шуйского против Болотникова (стр. 285). Церковь как главная идеологическая сила в борьбе с восстанием (стр. 287). Грамоты патриарха Гермогена (стр. 287). «Повесть о видении некоему мужу духовну» (стр. 288). Другие методы и средства воздействия на массы (стр. 291). Борьба Василия Шуйского за разложение изнутри сил восставших (стр. 293). Сношения с П. Ляпуновым (стр. 294) и И. Пашковым (стр. 295). Ход военных действий во время осады Москвы (стр. 298). Лагерь Болотникова в селе Коломенском (стр. 298). «Измена» рязанцев во главе с П. Ляпуновым (стр. 302). План Болотникова «замкнуть блокаду» Москвы (стр. 333). Сражение 26—27 ноября 1606 г. (стр. 304). Переход И. Пашкова на сторону Василия Шуйского (стр. 309). Сражение 2 декабря 1606 г. (стр. 314). Поражение Болотникова и отступление его от Москвы (стр. 323).

Глава VIII. КАЛУЖСКИЙ ПЕРИОД ВОССТАНИЯ . . . . . 325—395

Положение в стране после прекращения осады Москвы (стр. 325). Планы Василия Шуйского по окончательному подавлению восстания (стр. 326). Поход Д. Шуйского к Калуге (стр. 327). Победа Болотникова над Д. Шуйским под Калугой и Серпуховом (стр. 327). Осада Калуги воеводами Василия Шуйского (стр. 333). Борьба в городах к югу от Москвы (стр. 339). Распространение восстания на район Приволжья (стр. 346). Восстание Болотникова и народы Приволжья (стр. 354). Сложный характер движения в Приволжье (стр. 359). Поход воевод Василия Шуйского в Приволжье и подавление восстания (стр. 363). Движение «царевича» Петра (стр. 365). Личность «царевича» Петра (стр. 366). Волжский поход «царевича» Петра (стр. 368). Уход казаков с Волги на Дон (стр. 370). Установление связи движения «царевича» Петра с восстанием Болотникова и переход «царевича» Петра в Путивль (стр. 371). Ход военных действий под Калугой (стр. 372). Сражение под Реневом (стр. 374). Битва на реке Рырке (стр. 374). Сражение под Серебряными Прудами (стр. 379). Поход под Тулу князя И. М. Воротынского (стр. 383). Победа «царевича» Петра над князем Воротынским (стр. 384). Поражение воевод Василия Шуйского под Дедиловом (стр. 385). Поход князя А. А. Телятевского из Тулы к Калуге на помощь Болотникову и битва на Пчельне (стр. 386). Победа Болотникова над воеводами Василия Шуйского под Калугой (стр. 393).

Глава IX. ПРАВИТЕЛЬСТВО ВАСИЛИЯ ШУЙСКОГО И ВОССТАНИЕ . . . . . 396—429

Положение в лагере Василия Шуйского (стр. 397). Стремление усилить и ускорить процесс консолидации господствующего класса как стержень внутренней политики Шуйского (стр. 398). Политика Шуйского в вопросе об армии (стр. 399). Политика Шуйского в вопросе о финансах (стр. 411). Политика Шуйского по крестьянскому вопросу (стр. 415). Критическое положение Шуйского после поражения его войск под Калугой (стр. 422). Известие В. Диаментовского о созыве Василием Шуйским «съезда» для обсуждения вопроса «об успокоении земли» (стр. 424). Преодоление Шуйским кризиса путем выдвижения программы активной борьбы против Болотникова (стр. 423).

Библиотека "Руниверс"

Глава X. ОБОРОНА ТУЛЫ И КОНЕЦ ВОССТАНИЯ . . . . . 430—492

Тульский поход Василия Шуйского (стр. 430). Состав войска Шуйского (стр. 431). Выжидательный характер тактики Шуйского (стр. 436). Тактика Болотникова (стр. 437). Битва на реке Восме (стр. 440). Поражение Болотникова и продвижение воевод Шуйского к Туле (стр. 443). Битва на реке Вороньей (стр. 444). Поражение Болотникова и отступление его в Тулу (стр. 446). Осада Тулы войсками Шуйского (стр. 447). Безуспешность попыток Шуйского взять Тулу приступом (стр. 451). Проект «водного потопления» Тулы (стр. 458). Внутренняя история осажденной Тулы (стр. 461). Обстоятельства падения Тулы (стр. 467). Версии источников о падении Тулы (стр. 469). Вероломство Шуйского после падения Тулы (стр. 490). Судьба Болотникова и «царевича» Петра (стр. 492).

Глава XI. ПРИРОДА ВОССТАНИЯ БОЛОТНИКОВА И ЕГО ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ . . . . . 493—513

Восстание Болотникова — крупнейшая из крестьянских войн в России (стр. 493). Антикрепостнический характер восстания Болотникова (стр. 494). Лозунги Болотникова и их социальная сущность (стр. 495). Идеологическая оболочка восстания Болотникова (стр. 501). Стихийный характер восстания Болотникова (стр. 506). Причины поражения восстания Болотникова (стр. 507). Ленин о характере классовой борьбы крестьянства (стр. 511). Сталин о восстании Болотникова (стр. 512). Историческое значение восстания Болотникова (стр. 513).

Послесловие 514

ПРИЛОЖЕНИЯ . . . . . 517—561

Приложение I. О плане Москвы Исаака Массы 519

Приложение II. Новый список Уложения 9 марта 1607 г. 526

Приложение III. «Послание дворянина к дворянину» 540

Приложение IV. Английское донесение о восстании Болотникова . . . 544

Приложение V. Восстание сибирских племен в Березовском уезде 1607 г. 556

Примечания к карте . . . . . 562—564

Перечень сокращений . . . . . 565—566

Географический указатель . . . . . 567—573

Именной указатель . . . . . 574—585

ИЛЛЮСТРАЦИИ

План Москвы из альбома Исаака Массы, содержащий изображение битвы 2 декабря 1606 г. . . . . 318—319

Лист «Карамзинского Хронографа» со вставкой о судьбе Болотникова и «царевича» Петра . . . . . 482—483

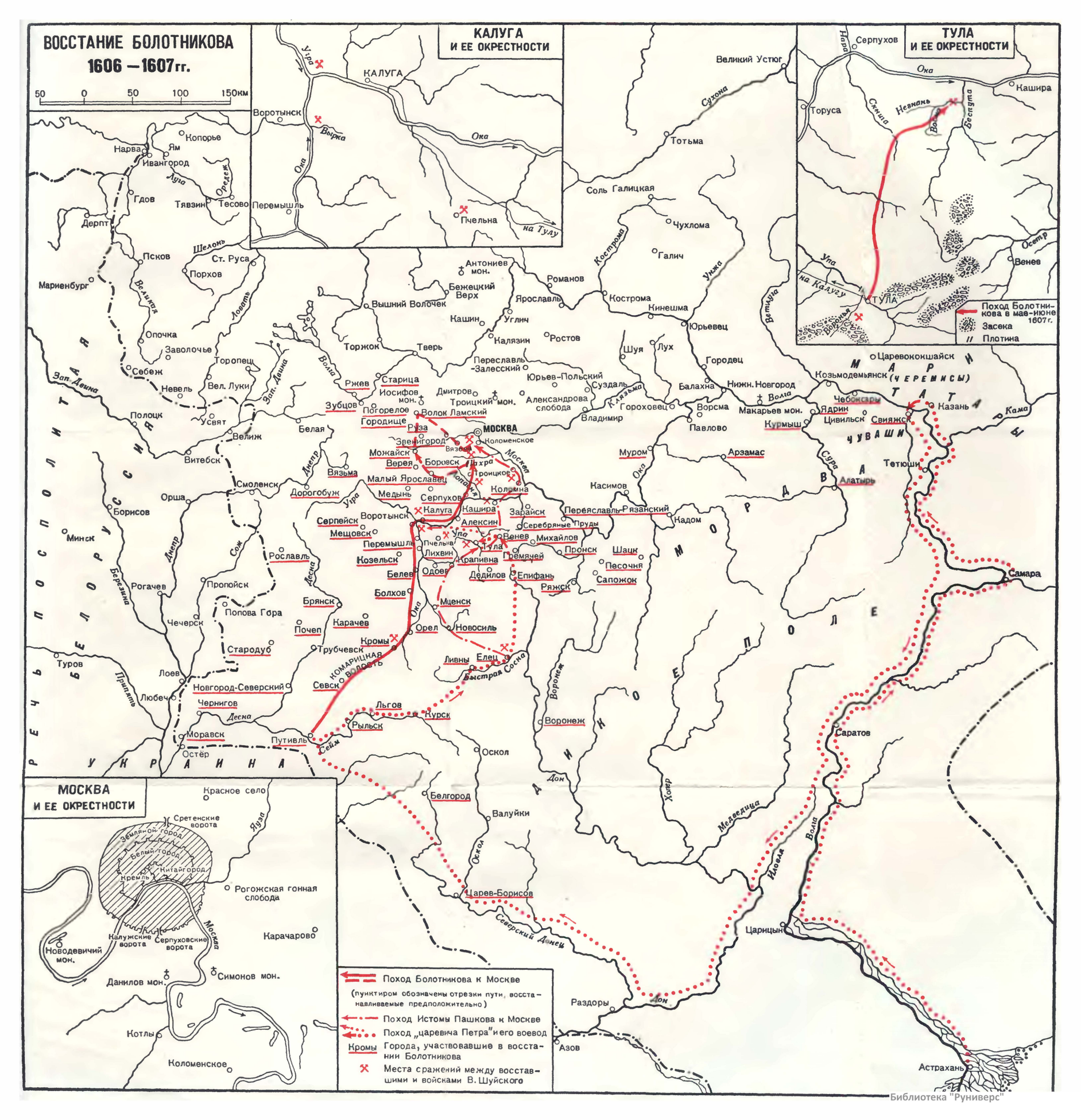
Карта: Восстание Болотникова 1606—1607 гг. . . . . в конце книги

Редактор *А. Мерзон*
Художник книги *Н. Седельников*
Технический редактор *А. Данилина*
Ответственные корректоры *А. Левина* и *З. Патеревская*

Подписано в печать 15/XI 1950 г. Тираж 20.000 экз.
М-35040. Бумага 60×92¹/₁₆. 18²/₃ бумажных листов вместе с вклейками. 37¹/₄ печ. листов вместе с вклейками. 38,9 уч.-изд. листов. Заказ № 792. Цена 12 р. 50 коп.

2-я типография «Печатный Двор» имени А. М. Горького Главполиграфиздата при Совете Министров СССР. Ленинград, Гатчинская, 26.

Библиотека "Руниверс"



Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"